

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

2026, Том 5, № 4

Подписано к публикации: 17.08.2026

Главный редактор журнала

Балута Анастасия Анатольевна, доктор филологических наук, доцент

Члены редакционной коллегии

Бобырева Екатерина Валерьевна (РФ, г. Волгоград) – доктор филологических наук, доцент
Буряковская Валерия Анатольевна (РФ, г. Волгоград) – доктор филологических наук, доцент
Гуревич Любовь Степановна (РФ, г. Москва) – доктор филологических наук, доцент
Дреева Джанетта Мурзабековна (РФ, г. Владикавказ) – доктор филологических наук, профессор
Краснощёков Евгений Владиславович (РФ, г. Таганрог) – доктор филологических наук, доцент
Кусова Маргарита Львовна (РФ, г. Екатеринбург) – доктор филологических наук, профессор
Лутфуллина Гюльнара Фирдавиевна (РФ, г. Казань) – доктор филологических наук, профессор
Никитина Татьяна Геннадьевна (РФ, г. Псков) — доктор филологических наук, профессор
Рамазанова Гюльназ Гилемдаровна (РФ, г. Уфа) — доктор филологических наук, доцент
Рогалева Елена Ивановна (РФ, г. Псков) – доктор филологических наук, доцент
Халидова Рашидат Шахрудиновна (РФ, г. Дагестан) – доктор филологических наук, профессор
Черкасова Инна Петровна (РФ, г. Люберцы) — доктор филологических наук, доцент
Чеэрчиев Мугума Чеэрчиевич (РФ, г. Дагестан) – доктор филологических наук, профессор
Шакирова Резеда Дильшатовна (РФ, г. Набережные Челны) – доктор филологических наук, доцент

«Филологический вестник» включен в перечень ВАК с 23.04.2024г., Единый государственный перечень научных изданий (ЕГПНИ) - «Белый список» с 09.09.2025г., Elibrary.ru.

Регистрационный номер СМИ: ЭЛ № ФС 77-86731 от 22.01.2024 г. Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
ISSN 2949-4656 (online)

Е-mail: fv-journal@yandex.ru

Сайт: <https://fv-journal.ru>

© Филологический вестник, 2026

Содержание

Ивашук Д.Е., Немировская Е.П.

Коммуникативные стратегии и аудиторные практики
маркетплейсов как гибридных медиаплатформ 6-11

Краснощёков Е.В., Шатунова П.В.

Эвфемизмы в современном американском медиадискурсе: на материале
публикаций The New York times 2010-2025 12-18

Лаптев М.М.

Блоггинг как бизнес-процесс в цифровом российском медиапространстве:
модели монетизации и институционализации 19-24

Лобановская Е.В., Зинцова Ю.Н., Матвеева И.В., Саможенов С.Н.

Экспрессивный потенциал пунктуации в современной немецкой прозе: от синтаксической
нормы к эмотивной интенции автора (на материале произведений
Б. Ноак, К. Ланге-Мюллер, Х.-П. Керкелинга) 25-30

Ноева С.Е., Туласынова Н.Ю.

Городские огни как сакральный элемент урбанистического ландшафта
в произведениях якутских писателей 31-35

Остроушко В.В.

Влияние дезинформации в интернет-рекламе на поведение потребителей 36-41

Авакян Л.А.

Эмотивность как способ создания образа киноперсонажа 42-48

Шуныкова О.В., Багрецов Д.Н.

Психолингвистический алгоритм развития красноречия и эмоционального
интеллекта посредством работы с юридическими текстами
полицейской тематики (теоретический аспект) 49-54

Балута А.А.

Особенности употребления винительного падежа в значении
места в санскрите и древнерусском языке 55-63

Бородин А.Д.

Лингвокогнитивные механизмы архетипизации в продвижении цифровых валют 64-70

Габибуллаева П.М., Саадулаева Р.Щ.

К вопросу о способах словообразования в дагестанских языках 71-75

Какорин Е.М.

Моделирование кризисной ситуации: метафорические образы приостановки работы
правительства в 2025 г. в дискурсе республиканской и демократической партий США 76-82

Шулипенко В.В.

Метафора как средство когнитивной нормализации военных действий 83-90

Зарубина А.А.

Итальянский студенческий онлайн-дискурс как объект лингвистического
исследования: современные подходы и проблемы определения 91-98

Руденко Е.С., Кундылева Д.Э., Кувшинова С.С., Мозговая Н.С. Концептуализация термина «AI system» в научно-популярном дискурсе сквозь призму семантических ролей	99-106
Бондарь В.В., Шолохов М.А. Документальный фильм «Гении. Янис Грантс» как форма визуальной репрезентации поэта в культурной журналистике	107-113
Ермолова К.А. Глагольная (предикативная) сочетаемость существительного «театр» как вершины лексико-семантического поля «театр»	114-121
Федотова Н.В. Элементы образа типажного американца в русской литературе XIX – первой половины XX вв.	122-127
Ваккер П.А. Всероссийские и международные медиафорумы как инструмент профессиональной интеграции школьников и студентов (на примере Алтайского края)	128-137
Дырыгина Н.Ю. Глаголы, репрезентирующие источник информации в новостном дискурсе (на материале испаноязычной онлайн-газеты <i>abc</i>)	138-144
Солдатов Б.Г. Аббревиация как средство формирования лексической компетенции студентов в сфере цифровых технологий	145-150
Ступина Е.С. Лингвокультурные коды, отраженные в тексте киносценария Н. Бурляева и В. Орлова «Пушкин»	151-156
Кадачиева Х.М., Гасангусейнова Ф.Р. Стилистические приемы создания эмотивности лингвистического текста в английском и русском языках	157-163
Литвинов А.В. Генезис функциональной модели СМИ на иностранных языках в контексте растущего взаимовлияния политических и коммуникационных процессов	164-168
Луговская М.Ю., Цао Юйчен Комментарии читателей в интернет-СМИ: лингвистический и прагматический аспекты	169-174
Тогола Брахима Интерпретация политического деятеля Альфы Умара Конаре в периодической печати Мали (1990-2002 гг.)	175-182
Борзёнок А.В. Промышленные медиа: становление и перспективы развития	183-189
Иголина С.В. Влияние разговорного стиля на деловой речевой этикет	190-196
Щептева В.Э., Крашенинников А.Е. Образ лотоса в лирике Су Ши	197-202

Семенова М.Ю. Фонетическая вариативность и сдвиг гласных в постстандартном испанглийском идиоме мегаполисов и приграничных кластеров США	203-211
Амирасланова Т.А. Функционально-фонологический потенциал слога как языковой единицы	212-218
Пастернак Е.Л. «Опыт о происхождении и развитии французского языка» К.-Б. Петито как пример формирования новой лингвистической традиции	219-225
Шастина Е.М., Казакова Ю.К. Своеобразие китайского травелога Рихарда Вильгельма	226-232
Алиева С.А., Ибрагимова А.А. Способы перевода русских этнографических реалий на арабский язык на материале произведений Л.Н. Толстого	233-237
Семенова К.Ю. Экранные стратегии конструирования образа героя в современной портретной документалистике	238-243
Холдеева Е.Ю. Когнитивно-ориентированное исследование перцептивных событий (на материале английского языка)	244-249
Чжан Цзясинь, Лю Синь Нарративная медицина в интерпретации романа Л.Е. Улицкой «Казус Кукоцкого»	250-257
Земских Г.А. Использование инструментов искусственного интеллекта в медиакommunikациях	258-263
Ильин-Адаев М.А. Соотношение визуальной и лингвистической составляющих в продвижении медиасообщества (на примере сообщества газеты «Аргументы и факты»)	264-268
Семенова М.Ю. Модели кодового переключения в устной и письменной речи носителей постстандартного испанглийского идиома в США	269-277

Научно-исследовательский журнал «Филологический вестник / Philological Bulletin»

<https://fv-journal.ru>

2026, Том 5, № 4 / 2026, Vol. 5, Iss. 4 <https://fv-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика (филологические науки)

УДК 339.138:316.774

DOI: 10.66621/2949-4656-2026-5-4-6-11

Коммуникативные стратегии и аудиторные практики маркетплейсов как гибридных медиаплатформ

¹Иващук Д.Е., ¹Немировская Е.П.,

¹Московский финансово-промышленный университет Синергия

Аннотация: статья посвящена исследованию трансформации российских маркетплейсов (Ozon, Wildberries, Яндекс Маркет) в гибридные медиаплатформы, совмещающие логику коммерческой транзакции с функциями медиакоммуникационной среды. Рассматриваются вопросы коммуникативной архитектуры маркетплейсов: рекомендательные алгоритмы, пользовательский контент (UGC), инфлюенс-маркетинг, live-commerce и FOMO-механики. Анализ проводится на основе теории социального ускорения Х. Розы, концепции гибридных медиаплатформ Л. Мановича и двухсистемной модели Д. Канемана. Выявлено структурное противоречие между «быстрым» (импульсивным) и «медленным» (осознанным) потреблением. Новизна заключается в концептуализации маркетплейса как медиасреды с уникальными коммуникативными характеристиками.

Ключевые слова: маркетплейс, гибридная медиаплатформа, социальное ускорение, медленное потребление, инфлюенс-маркетинг, UGC, FOMO

Для цитирования: Иващук Д.Е., Немировская Е.П. Коммуникативные стратегии и аудиторные практики маркетплейсов как гибридных медиаплатформ // Филологический вестник. 2026. Том 5. № 4. С. 6 – 11. DOI: 10.66621/2949-4656-2026-5-4-6-11

Поступила в редакцию: 23 мая 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 20 июня 2026 г.; Принята к публикации: 17 августа 2026 г.

Communicative strategies and audience practices of marketplaces as hybrid media platforms

¹Ivashchuk D.E., ¹Nemirovskaya E.P.,

¹Moscow Financial and Industrial University Synergy

Abstract: the article examines the transformation of Russian marketplaces (Ozon, Wildberries, Yandex Market) into hybrid media platforms combining commercial transaction logic with media communication functions. Drawing on H. Rosa's theory of social acceleration and resonance, L. Manovich's concept of hybrid media platforms, and D. Kahneman's dual-process theory, the study analyses the communicative architecture of marketplaces: recommendation algorithms, user-generated content (UGC), influencer marketing, live-commerce, and FOMO-mechanics. A structural tension between "fast" (impulse-driven) and "slow" (reflective) consumption models is identified. The novelty lies in conceptualising the marketplace as a media environment with unique communicative characteristics.

Keywords: marketplace, hybrid media platform, social acceleration, slow consumption, influencer marketing, UGC, FOMO

For citation: Ivashchuk D.E., Nemirovskaya E.P. Communicative strategies and audience practices of marketplaces as hybrid media platforms. Philological Bulletin. 2026. 5 (4). P. 6 – 11. DOI: 10.66621/2949-4656-2026-5-4-6-11

The article was submitted: May 23, 2026; Approved after reviewing: June 20, 2026; Accepted for publication: August 17, 2026.

Введение

Тотальная цифровизация бизнес-процессов радикально изменила логику формирования корпоративного имиджа: определяющим фактором репутации компании становится качество её присутствия в медиакоммуникативной среде. Маркетплейсы перестали быть только торговыми площадками и вышли за рамки экономической парадигмы: с использованием современных медиакоммуникативных стратегий они стали полноценными медиасредами.

По данным digital-агентства «Е-Промо», за первые два квартала 2023 г. более 18 млн пользователей посещали Ozon хотя бы раз в день. Первое место по охвату аудитории делят Wildberries и Ozon; в пятёрку по посещаемости входят Яндекс Маркет (37%), AliExpress (25%) и «Мегамаркет» (21%).

Цель исследования – проанализировать роль и место маркетплейсов в архитектуре современной медиасистемы в условиях цифровизации.

Гипотеза: маркетплейсы в условиях цифровизации стали медиасредами в результате динамики медиасистем и их элементов в глобальном и национальном масштабе.

Для достижения цели решаются задачи: обосновать применимость концепции гибридных медиаплатформ к маркетплейсам; проанализировать теорию социального ускорения Х. Розы как теоретическую рамку; охарактеризовать коммуникативную архитектуру платформ (UGC, алгоритмы, инфлюенс-маркетинг, live-commerce); выявить модели «быстрого» и «медленного» потребления и механизмы их формирования.

Научная новизна состоит в концептуализации маркетплейса как медиасреды с уникальными коммуникативными характеристиками, отличающими её от других цифровых медиа, и в теоретическом обосновании дихотомии «быстрого» и «медленного» потребления как структурно обусловленных моделей аудиторного поведения.

Практическая значимость определяется возможностью применения результатов при разработке коммуникативных стратегий продвижения на маркетплейсах и в учебных курсах по медиакоммуникациям и цифровому маркетингу.

Материалы и методы исследований

Материал исследования составляют открытые данные о коммуникативных практиках трёх крупнейших российских маркетплейсов – Ozon, Wildberries и Яндекс Маркет – за период 2022-2026 гг.: корпоративные отчёты платформ, отраслевые аналитические доклады, материалы профессиональных медиа, а также академические публикации из баз eLIBRARY.ru и CyberLeninka.

Методы исследования: общенаучные методы анализа и синтеза, индукции и дедукции, диалектический и логический методы, интертекстуальный и контент-анализ. Теоретическую базу образуют: концепция гибридных медиаплатформ Л. Мановича [4], теория социального ускорения и резонанса Х. Розы [2] и двухсистемная модель мышления Д. Канемана [1].

В научной литературе маркетплейсы традиционно изучались как площадки для сделок между продавцом и покупателем [10; 11; 9]. Вопросы их медиакоммуникационной природы оставались на периферии. Среди исследователей, фиксирующих изменение функции платформ: З.В. Котельникова анализирует эволюцию подходов к концептуализации потребления в западной социологии [7]; Т.П. Горелова рассматривает стратегии маркетплейсов в условиях изменения поведения потребителей [6]; Д.Г. Горбунов описывает технологические тренды глобальных маркетплейсов [5]. В области инфлюенс-маркетинга на маркетплейсах выделяется работа М.С. Соколюка [8].

Изучение «медленного потребления» в отечественной науке развивается преимущественно в контексте экологического и этичного потребления [20], тогда как его коммуникативные механизмы на маркетплейсах остаются малоизученными. Данная работа направлена на восполнение этого пробела.

Результаты и обсуждения

3.1. Маркетплейс как гибридная медиаплатформа

Начиная с 1990-х годов медиасреда переживает революцию ремикширования: объединённые в общей программной среде кинематография, анимация, спецэффекты, графический дизайн и типография сформировали новый метамедийный формат [4]. Экстраполируя эту логику на торговые платформы, мы приходим к пониманию неизбежности их гибридизации: маркетплейс – не просто торговая площадка, а медиасреда, обеспечивающая производство, распространение и потребление контента одновременно с коммерческими транзакциями.

Помимо основной функции – коммуникативной площадки между продавцом и покупателем – маркетплейсы стали агентами современной цифровой коммуникации. Они участвуют в формировании новых моделей коммуникации между участниками рынка и оказывают воздействие на способы обмена информацией в интернет-среде.

3.2. Теория социального ускорения как аналитическая рамка

Центральным противоречием современности в социологии Хартмута Розы выступает разрыв между темпами социального ускорения и способностью человека выстраивать полноценные отношения с окружающим миром. Ответом служит концепция резонанса – теоретическое основание «социологии хорошей жизни» [2].

Роза выстраивает многоуровневую типологию резонансных отношений. «Горизонтальное измерение» охватывает межличностные связи. «Диагональное» фиксирует отношения человека с предметным миром в сферах труда, образования и потребления. «Вертикальное» представляет экзистенциальные отношения с трансцендентными инстанциями [2; 3]. В этой оптике потребление предстаёт как форма резонансного взаимодействия, а маркетплейс – как инфраструктура, интенсифицирующая его.

Логика Розы позволяет интерпретировать FOMO-механики, таймеры акций и алгоритмическую персонализацию как инструменты ускорения потребительского поведения, которым противостоят практики «медленного потребления» – изучение отзывов, сравнение товаров, отложенная покупка. Маркетплейс становится пространством темпорального конфликта между ускорением и резонансом.

3.3. Коммуникативная архитектура маркетплейсов

Стремительная экспансия крупнейших отечественных маркетплейсов сформировала качественно иную модель маркетинговой коммуникации. Принципиальное отличие рекламы внутри торговой платформы от традиционных форматов – в контекстуальной точности размещения: рекламное сообщение встраивается непосредственно в процесс транзакции, достигая пользователя в момент наибольшей покупательской готовности. Закономерным следствием стал опережающий рост рынка внутриплатформенной рекламы [5; 6].

User-Generated Content (UGC) – контент, созданный пользователями: отзывы, фото, видео, распаковки. Компании используют его как мощный инструмент маркетинга, вызывающий доверие и увеличивающий вовлечённость аудитории. Классификация UGC включает три типа: спонтанный, стимулированный и профессиональный. По данным Ozon, 7 из 10 покупок приходится на первую страницу результатов поиска, что делает отзывы ключевым фактором ранжирования. Прямые трансляции открывают новый формат взаимодействия с товаром в реальном времени: AliExpress Россия, Ozon и YouTube Shopping уже интегрировали этот инструмент в экосистему.

Рекомендательные системы выступают инструментом персонализированного товарного предложения. Выделяется несколько типов: контентная фильтрация (атрибуты товаров), коллаборативная фильтрация (поведение пользователей) и гибридные модели [5]. Алгоритмы гиперсегментации на основе машинного обучения снижают затраты на продвижение и повышают конверсию.

3.4. Инфлюенс-маркетинг и live-commerce на маркетплейсах

Для привлечения и удержания аудитории маркетплейсы привлекают артистов, спортсменов, блогеров и инфлюенсеров. Инфлюенс-маркетинг утвердился как стратегически значимый инструмент продвижения, фундаментом которого служит межличностное доверие. Интеграция инфлюенсеров в инфраструктуру маркетплейсов реализуется через партнёрские комиссионные программы [8].

Creator-led performance (CLP) – новая форма перформанс-маркетинга, точкой входа в которой служит обзор у блогера-инфлюенсера. Wildberries в марте 2025 года запустил встроенную видеоплатформу Wibes, работающую по принципу TikTok Shop: пользователи смотрят короткие вертикальные видео (до 90 секунд) и могут сразу добавить товар в корзину. По статистике, около 25% пользователей TikTok Shop совершают незапланированные заказы во время скролла ленты.

Российский рынок live-commerce находится на зарождающейся стадии. По данным Data Insight 2023, только около 15% продавцов пробовали прямые эфиры для продаж. Wildberries и Ozon запустили live-стримы в 2022 и 2023 годах соответственно – по данным компаний, продажи за месяц выросли на 20% благодаря стримам. Показательным примером нестандартного коммуникативного решения служит кампания «Яндекс Маркета» по продвижению сервиса рассрочки «Сплит»: к созданию джинглов были привлечены исполнители разных жанров, что обеспечило вирусное распространение контента. Российский рынок инфлюенс-маркетинга в 2024 году достиг 44 млрд рублей; на 2025 год прогнозируется рост до 55-57 млрд рублей [13].

3.5. Дихотомия «быстрого» и «медленного» потребления

Оба типа потребления объясняются через концепцию систем мышления Д. Канемана [1]: «Система-1» (быстрое, автоматическое мышление) и «Система-2» (медленное, требующее усилия). Цифровая среда значительно расширяет зону влияния неосознанного потребления за счёт алгоритмов, промо-акций и встроенных маркетинговых триггеров [14].

Импульсивная покупка – приобретение, не планировавшееся заранее и совершаемое под воздействием эмоционального порыва или внешнего стимула [16]. Современные исследователи концептуализируют «дофаминовые траты» в рамках думспендинга – импульсивных расходов на фоне тревоги [15]. Ряд компаний целенаправленно выстраивает стратегию вокруг эмоционального потребления: распродажи в период Чёрной пятницы активируют страх упущенной выгоды [16].

ФОМО-механики апеллируют к страху упущенной выгоды. Ключевым механизмом, через который UGC усиливает ФОМО, выступает социальное сравнение [13]. Алгоритмы рекомендаций усугубляют эту динамику: персонализированные ленты создают иллюзию бесконечного потока. На Wildberries таймер обратного отсчёта показывает время действия акции; на Ozon товары маркируются как участники «Вай-распродажи» с таймером повышения цены.

Осознанное («медленное») потребление предполагает наличие чётких целей, понимания потребностей и критического отношения к предлагаемым продуктам [14]. Оно выражено в изучении отзывов, отложенных в корзине товарах и сравнительном анализе на различных площадках. Электронное «сарафанное радио» (eWOM) играет решающую роль в формировании предпочтений: изучение отзывов снижает познавательный диссонанс [18]. Покупатели, сравнивающие товары, считают себя более грамотными потребителями по сравнению с теми, кто делает импульсивные покупки.

Смысл «медленного потребления» – в снижении скорости и объёма покупок в пользу качественных продуктов с длительным сроком службы [19]. Медленная мода охватывает весь спектр «устойчивых» и «этичных» движений, означая защиту благополучия работников, сообществ и окружающей среды [20].

Современное потребительское поведение на маркетплейсах уже не укладывается в одну концепцию. Один и тот же потребитель может сочетать модели «быстрого» и «медленного» потребления и переключаться между ними. Такая энтропия оставляет пространство для изучения данных механизмов в целях снижения неопределённости при построении маркетинговой стратегии [9; 17].

Выводы

В ходе исследования проанализированы роль и место маркетплейсов в архитектуре современной медиасистемы. Установлено, что маркетплейсы – не просто торговые площадки, а медиасреды, формирующие потребительское поведение. Их основная функция коммуникативной площадки между продавцом и покупателем претерпела преобразование: теперь они стали агентами цифровой медиакоммуникации.

Гипотеза исследования нашла подтверждение: маркетплейсы в условиях цифровизации стали медиасредами в результате динамики медиасистем и их элементов в глобальном и национальном масштабе.

Маркетплейсы дихотомичны по природе с точки зрения концепций потребительского поведения. Феномен быстрого потребления получил внимание исследователей в области маркетинга [10], социологии [12], экономики [11] и психологии [17], чего нельзя сказать о медленном потреблении. Изучение «медленного потребления» на платформах – перспективное направление для коммуникативистики: существующий разрыв в понимании механизмов переключения между режимами требует эмпирических данных.

Список источников

1. Канеман Д. *Думай медленно... решай быстро*. Москва: АСТ, 2016. 653 с.
2. Rosa H. *Resonance: A sociology of our relationship to the world*. Hoboken: John Wiley & Sons, 2019. 496 p.
3. Катаев Д. Новая критическая теория или аналитический эмпиризм? // Социологическое обозрение. 2020. № 3. С. 103 – 139.
4. Manovich L. *Understanding hybrid media* // *Animated Paintings* / ed. by R. Hertz. San Diego: San Diego Museum of Art, 2007. P. 36 – 45.
5. Горбунов Д.Г. Эволюция глобальных маркетплейсов: тренды, технологии и будущее электронной коммерции // Экономика и социум. 2025. № 3-2 (130). С. 204 – 211.
6. Горелова Т.П. Стратегии маркетплейсов в условиях динамики поведения потребителей // Современная конкуренция. 2024. № 5 (101). С. 47 – 59.
7. Котельникова З.В. Эволюция подходов к концептуализации потребления в западной социологии // Социологический журнал. 2024. № 2. С. 8 – 31.

8. Соколюк М.С. Инструменты influence-маркетинга внутри маркетплейсов: зарубежный опыт // Практический маркетинг. 2022. № 8 (305). С. 18 – 26.
9. Радаев В.В. Эмоционально нагруженное потребление в современной России. Часть первая: теоретические основы // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2023. № 5 (177). С. 202 – 220.
10. Золотарева Ю.В. Феномен потребления в теории и методологии маркетинга // Микроэкономика. 2011. № 2. С. 124 – 127.
11. Логунова О.А. Бедность и феномен потребления // Современные подходы к трансформации концепций государственного регулирования и управления в социально-экономических системах: сборник научных трудов. Курск, 2016. С. 142 – 145.
12. Субеев Р.Т., Коротаева Т.В. Феномен потребления в социологии // Скиф. Вопросы студенческой науки. 2023. № 1 (77). С. 168 – 173.
13. Ульянова Е.С., Цымбал В.А. Социально-психологическая основа FOMO-маркетинга // Динамика медиасистем. 2025. Т. 5. № 1. С. 848 – 859.
14. Филиппович К.В. Осознанное и неосознанное потребление // Путь в науку. Экономические науки: сборник студенческих научных работ. Новополюцк: Полоцкий государственный университет, 2025. Вып. 56 (126). С. 157 – 158.
15. Марьясова Е.А., Григорьев В.Р., Калашников А.Е. Думспендинг: эффект удовольствия или разочарования? Влияние импульсивных покупок на современного человека // Инновационная экономика: информация, аналитика, прогнозы. 2025. № 2. С. 84 – 91.
16. Духовнова Д.А. Импульсивные покупки и их влияние на экономику // Актуальные вопросы экономических наук: сборник материалов конференции. 2024. С. 35 – 46.
17. Овруцкий А.В. Импульсивное потребление в психологии и экономике // Психолог. 2018. № 6. С. 62 – 79.
18. Цветкова И.Ю., Копасовская Н.Г., Большакова И.В., Кундина Л.Ю. Исследование поведения потребителей в цифровой среде // Вестник Нижегородского университета имени Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2022. № 3 (67). С. 97 – 104.
19. Cavender R.C., Lee M.Y. Exploring the influence of sustainability knowledge and orientation to slow consumption on fashion leaders' drivers of fast fashion avoidance // American Journal of Theoretical and Applied Business. 2018. Vol. 4. No. 3. P. 90 – 101.
20. Ertekin Z.O., Atik D. Sustainable markets motivating factors, barriers, and remedies for mobilization of slow fashion // Journal of Macromarketing. 2015. Vol. 35. No. 1. P. 53 – 69.

References

1. Kahneman D. Thinking, Fast and Slow. Moscow: AST, 2016. 653 p.
2. Rosa H. Resonance: A Sociology of Our Relationship to the World. Hoboken: John Wiley & Sons, 2019. 496 p.
3. Kataev D. New Critical Theory or Analytical Empiricism? Sociological Review. 2020. No. 3. P. 103 – 139.
4. Manovich L. Understanding Hybrid Media. Animated Paintings. ed. by R. Hertz. San Diego: San Diego Museum of Art, 2007. P. 36 – 45.
5. Gorbunov D.G. Evolution of Global Marketplaces: Trends, Technologies, and the Future of E-Commerce. Economy and Society. 2025. No. 3-2 (130). P. 204 – 211.
6. Gorelova T.P. Marketplace Strategies in the Context of Consumer Behavior Dynamics. Modern Competition. 2024. No. 5 (101). P. 47 – 59.
7. Kotelnikova Z.V. Evolution of Approaches to Conceptualizing Consumption in Western Sociology. Sociological Journal. 2024. No. 2. P. 8 – 31.
8. Sokolyuk M.S. Influence Marketing Tools within Marketplaces: Foreign Experience. Practical Marketing. 2022. No. 8 (305). P. 18 – 26.
9. Radaev V.V. Emotionally Loaded Consumption in Modern Russia. Part One: Theoretical Foundations. Monitoring Public Opinion: Economic and Social Changes. 2023. No. 5 (177). P. 202 – 220.
10. Zolotareva Yu.V. The Phenomenon of Consumption in Marketing Theory and Methodology. Microeconomics. 2011. No. 2. P. 124 – 127.
11. Logunova O.A. Poverty and the Phenomenon of Consumption. Modern Approaches to the Transformation of Concepts of State Regulation and Management in Socio-Economic Systems: Collection of Scientific Papers. Kursk, 2016. P. 142 – 145.

12. Subeev R.T., Korotaeva T.V. The Phenomenon of Consumption in Sociology. Skif. Issues of Student Science. 2023. No. 1 (77). P. 168 – 173.
13. Ulyanova E.S., Tsymbal V.A. Socio-psychological basis of FOMO-marketing. Dynamics of media systems. 2025. Vol. 5. No. 1. P. 848 – 859.
14. Filippovich K.V. Conscious and unconscious consumption. Path to science. Economic sciences: collection of student research papers. Novopolotsk: Polotsk State University, 2025. Issue 56 (126). P. 157 – 158.
15. Maryasova E.A., Grigoriev V.R., Kalashnikov A.E. Doomspending: effect of pleasure or disappointment? The influence of impulsive purchases on modern people. Innovative economics: information, analytics, forecasts. 2025. No. 2. P. 84 – 91.
16. Dukhovnova D.A. Impulsive purchases and their impact on the economy. Current issues in economic sciences: conference proceedings. 2024. P. 35 – 46.
17. Ovrutsky A.V. Impulsive consumption in psychology and economics. Psychologist. 2018. No. 6. P. 62 – 79.
18. Tsvetkova I.Yu., Kopasovskaya N.G., Bolshakova I.V., Kundina L.Yu. A study of consumer behavior in the digital environment. Bulletin of N.I. Lobachevsky University of Nizhny Novgorod. Series: Social Sciences. 2022. No. 3 (67). P. 97 – 104.
19. Cavender R.C., Lee M.Y. Exploring the influence of sustainability knowledge and orientation to slow consumption on fashion leaders' drivers of fast fashion avoidance. American Journal of Theoretical and Applied Business. 2018. Vol. 4. No. 3. P. 90 – 101.
20. Ertekin Z.O., Atik D. Sustainable markets motivating factors, barriers, and remedies for mobilization of slow fashion. Journal of Macromarketing. 2015. Vol. 35. No. 1. P. 53 – 69.

Информация об авторах

Иващук Д.Е., аспирант, Московский финансово-промышленный университет Синергия, dimarhird@gmail.com

Немировская Е.П., кандидат социологических наук, заведующая кафедрой рекламы и медиакommunikаций, Московский финансово-промышленный университет Синергия, enemirovsakia@synergy.ru

© Иващук Д.Е., Немировская Е.П., 2026

Научно-исследовательский журнал «Филологический вестник / Philological Bulletin»

<https://fv-journal.ru>

2026, Том 5, № 4 / 2026, Vol. 5, Iss. 4 <https://fv-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (с указанием конкретного языка или группы языков)

(филологические науки)

УДК 811.11-112

DOI: 10.66621/2949-4656-2026-5-4-12-18

Эвфемизмы в современном американском медиадискурсе: на материале публикаций The New York times 2010-2025

¹ Краснощёков Е.В., ¹ Шатунова П.В.,
¹ Южный федеральный университет

Аннотация: в статье рассматриваются лексико-семантические и прагматические особенности эвфемизмов в современном американском медиадискурсе. Цель работы заключается в выявлении и системном описании структурно-семантических, функциональных и прагматических особенностей эвфемизмов в американской прессе, обозначенного хронологического периода, а также в определении динамики их развития под влиянием экстралингвистических факторов. Объектом настоящего исследования выступает современный американский медиадискурс, представленный текстами публицистического и новостного жанров. Предметом исследования являются эвфемизмы – лексические единицы и перифрастические обороты, используемые в указанных текстах для замещения стилистически маркированных, табуированных или нежелательных для прямого названия явлений, а также их функционально-прагматические характеристики. На материале публикаций газеты The New York Times за период 2010-2025 гг. анализируются тематические группы эвфемизмов, их способы образования и коммуникативные функции. Особое внимание уделяется роли эвфемии в реализации стратегий политической корректности, смягчения негативной информации и воздействия на массовое сознание.

Ключевые слова: эвфемизм, медиадискурс, американская пресса, политическая корректность, речевое воздействие, манипуляция

Для цитирования: Краснощёков Е.В., Шатунова П.В. Эвфемизмы в современном американском медиадискурсе: на материале публикаций The New York times 2010-2025 // Филологический вестник. 2026. Том 5. № 4. С. 12 – 18. DOI: 10.66621/2949-4656-2026-5-4-12-18

Поступила в редакцию: 24 мая 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 21 июня 2026 г.; Принята к публикации: 17 августа 2026 г.

Euphemisms in contemporary American media discourse: based on The New York Times publications 2010-2025

¹ Krasnoschekov E.V., ¹ Shatunova P.V.,
¹ Southern Federal University

Abstract: this article examines the lexical, semantic, and pragmatic features of euphemisms in contemporary American media discourse. The aim of the work is to identify and systematically describe the structural, semantic, functional, and pragmatic features of euphemisms in the American press during the specified chronological period, as well as to determine the dynamics of their development under the influence of extralinguistic factors. The object of this study is contemporary American media discourse, represented by texts of the journalistic and news genres. The subject of the study is euphemisms—lexical units and periphrastic turns of phrase used in these texts to replace stylistically marked, taboo, or undesirable for direct naming phenomena – as well as their functional and pragmatic characteristics. Using the material of publications in The New York Times for the period 2010-2025, thematic groups of euphemisms, their methods of formation, and communicative functions are analyzed. Particular attention is given to the role of euphemism in implementing strategies of political correctness, mitigating negative information, and influencing public consciousness.

Keywords: euphemism, media discourse, American press, political correctness, verbal influence, manipulation

For citation: Krasnoschekov E.V., Shatunova P.V. Euphemisms in contemporary American media discourse: based on The New York Times publications 2010-2025. Philological Bulletin. 2026. 5 (4). P. 12 – 18. DOI: 10.66621/2949-4656-2026-5-4-12-18

The article was submitted: May 24, 2026; Approved after reviewing: June 21, 2026; Accepted for publication: August 17, 2026.

Введение

Современный англоязычный медиадискурс отличается ярко выраженной идеологической нагруженностью и прагматической направленностью. Средства массовой информации сегодня не столько транслируют события, сколько предлагают их интерпретацию, конструируя в сознании аудитории определенную картину происходящего [10]. В подобных условиях эвфемизация превращается в важнейший механизм управления смыслом – с её помощью можно модифицировать эксплицитность высказывания и существенно снизить негативность оценки тех или иных явлений [1]. Одно из ведущих изданий США, газета «*The New York Times*» (NYT), служит ярким примером такого подхода, активно формируя либеральную общественную повестку.

В научной литературе эвфемизм традиционно определяют как способ смягчения речи, связанный с табуированными или социально чувствительными темами [2]. Эвфемизм в современной лингвистике понимается как косвенное, смягчающее или вуалирующее обозначение социально нежелательных или табуированных явлений. В медиадискурсе это явление выступает не только средством языковой вежливости, но и инструментом прагматического воздействия, позволяющим модифицировать интерпретацию событий и снижать коммуникативные риски. Для нашей работы мы выбрали следующее определение: «Эвфемизм – это косвенное, смягчающее или вуалирующее обозначение неприятного, неприличного или нежелательного денотата, используемое для снижения коммуникативных рисков или достижения конкретных прагматических целей (в т.ч. манипуляции)» [5]. Данное определение позволяет нам выйти за рамки простой фиксации замены «грубое → вежливое» и рассматривать эвфемизмы как активный инструмент воздействия на адресата.

Однако, несмотря на обилие работ, посвященных эвфемизмам в политическом дискурсе или теории «политкорректности», комплексный анализ функционирования эвфемизмов в динамичном медиадискурсе последних полутора десятилетий остается фрагментарным. Современные исследования часто фиксируют статичное состояние языка, тогда как практика показывает, что «срок жизни» эвфемизма сокращается из-за семантического «износа» (феномена эвфемистической спирали), и процессы неологизации в этой сфере требуют систематизации на свежем, постоянно пополняющемся материале. Что касается способов образования, то в литературе отмечается их значительное разнообразие. Среди них выделяют семантические (метафора, метонимия), лексические (заимствования, различного рода аббревиатуры), а также грамматические (пассивные обороты, номинализация, отрицание) [3]. Принято также группировать эвфемизмы, функционирующие в медиа, по тематическому принципу: экономические, социальные, медицинские, военно-политические и политические [4].

В связи с этим **целью** предлагаемой статьи является выявление основных тематических групп, способы образования и функции эвфемизмов в современном американском медиадискурсе (на примере NYT).

Материалы и методы исследований

Материалом для настоящего исследования послужили публикации NYT, отобранные методом сплошной выборки за период с 2010 по 2025 год. В выборку вошли новостные заметки, аналитика и редакционные колонки – это позволило обеспечить репрезентативность с точки зрения хронологии и тематики. Актуальность обращения к материалу «*The New York Times*» за период 2010-2025 гг. обусловлена несколькими факторами. Во-первых, это временной срез, охватывающий эпоху глубоких трансформаций: от посткризисного восстановления 2010-х годов через пандемию COVID-19, смену политических парадигм, обострение расовых и гендерных дискуссий (движение *Black Lives Matter*, # *MeToo*) до современных геополитических конфликтов и развития искусственного интеллекта. Во-вторых, «*The New York Times*» задает стандарты языка для всей американской медиасреды, что делает выбор её публикаций репрезентативным для изучения общенациональных тенденций.

В ходе анализа применялись следующие методы: контекстуальный (для уточнения денотата эвфемизма), компонентный (для выявления семантических сдвигов), количественный (для определения частотности различных тематических групп), а также дискурсивный – он помог установить прагматическую функцию употребляемых единиц [9].

Результаты и обсуждения

1. Эвфемизм как лингвистический феномен: подходы к определению и классификации.

Исследование эвфемизмов невозможно без обращения к их генетической и функциональной связи с феноменом табу, который является первичным по отношению к механизму эвфемизации. В классической работе Кита Аллана и Кейт Барридж *«Euphemism & Dysphemism: Language Used as Shield and Weapon»* авторы выделяют два основных типа табу, стимулирующих эвфемизацию: *‘табу страха (fear taboo)’* и *‘табу приличий (decorum taboo)’*.

Рассмотрим далее эвфемизмы с точки зрения разных категорий и классификаций.

А. Классификация эвфемизмов по тематическим сферам:

Экономические эвфемизмы. В период 2010-2015 гг. экономическая эвфемизация в NYT достигает пика: издание активно использует смягчающие обороты, чтобы описывать последствия мирового финансового кризиса, не усугубляя панических настроений среди читателей. Вместо прямых обозначений «рецессия» или «кризис» предпочитают более нейтральные формулировки.

Выражение *«economic slowdown»* встречается в публикациях NYT регулярно. В статье от 04.06.2012, посвященной сокращению международного кредитования, автор пишет: *«The pullback in credit, particularly among banks themselves, is the latest effort by financial institutions to reduce exposure to the global economic slowdown»*. Обратите внимание: формулировка подает сжатие кредитного рынка не как следствие кризиса, а как сознательную стратегию управления рисками.

Термин *«quantitative easing»* – ‘количественное смягчение’ – пожалуй, самый яркий пример технического эвфемизма. В блоге Economix от 24.08.2011 его определяют так: *«Twice now the Fed has engaged in large-scale asset purchasing, a process known as quantitative easing. (Hence the nicknames QE1 and QE2.) This is meant to lower long-term interest rates»* Это направлено на снижение долгосрочных процентных ставок. Абстрактное «количественное смягчение» заменяет более прямое «печатающие деньги» или «вкачивание ликвидности», придавая действиям ФРС вид рутинной технической процедуры.

Встречается и *headwinds* ‘встречный ветер’ – метеорологическая метафора, позволяющая говорить о проблемах без их прямой номинации. В статье Starbucks от 26.07.2012 гендиректор компании говорит: *«We're dealing with significant global economic and consumer challenges»*.

Здесь «вызовы» (*challenges*) выступают в той же функции, что и «встречный ветер» – смягчить восприятие падения продаж.

Социальные эвфемизмы. В период 2016-2020 гг. в NYT заметно активизируется использование социальных эвфемизмов, связанных с расовой, гендерной и социальной тематикой. Это не просто дань политкорректности, а осознанная стратегия конструирования идентичности.

Аббревиатура *BIPOC (Black, Indigenous, People of Color)* стала стандартом в NYT начиная с конца 2010-х годов. В публикациях, посвященных расовому неравенству, она последовательно заменяет *«racial minorities»* ‘расовые меньшинства’, акцентируя не уязвимость, а множественность и специфику опыта разных групп.

Термин *«communities of color»* («сообщества цветных») функционирует не как аналог прямого *«non-white»* («небелый»), а скорее как его семантическая альтернатива. В отличие от номинации через отрицание (отсылка к «не-белости»), данное обозначение наделяет референтную группу позитивным признаком – наличием собственной культурной ценности, а не отсутствием белокожести.

Медицинские эвфемизмы в период пандемии (2020-2025, NYT)

В указанный период доминирующую роль в дискурсе The New York Times играют медицинские эвфемизмы, связанные с COVID-19. Их функции:

- снижение тревожности аудитории;
- соблюдение этико-коммуникативных норм;
- поддержание комплекса (соблюдения профилактических мер). Конструкция *«underlying conditions»* («фоновые/сопутствующие заболевания») активно вытесняет прямое перечисление конкретных нозологий (диабет, гипертония, сердечная недостаточность). Замена конкретики абстрактным «фоновым состоянием» служит механизмом психологической защиты читателя.

Термин *«breakthrough infection»* («прорывная инфекция») – еще один пример технического эвфемизма. Он описывает случаи заражения COVID-19 среди вакцинированных, не акцентируя неудачу вакцинации, а представляя это как статистически ожидаемое явление.

Военно-политические эвфемизмы. Военно-политическая эвфемизация в NYT заслуживает отдельного внимания, поскольку здесь наиболее отчетливо видно, как язык СМИ конструирует восприятие конфликтов.

Ключевой эвфемизм – замена *war* на *conflict*. В репортажах о российско-украинской войне 2022 года NYT последовательно использует эту формулировку. В материале от 25.02.2022 читаем: «*Russia's invasion of Ukraine has shifted the debate in the French presidential race*» – здесь *invasion* используется прямо, но в том же тексте регулярно встречается *conflict* как более нейтральная альтернатива. Примечательно, что в заголовке используется «*Russia Attacks Ukraine*», а внутри – «*the ongoing conflict*» ‘*продолжающийся конфликт*’.

Выражение «*kinetic military action*» («кинетическое военное действие») – классический пример бюрократического эвфемизма. В 2015 году, комментируя переброску американского спецназа в Ирак, представитель Пентагона полковник Стив Уоррен заявил: «*This is not a major ground combat operation*». А затем уточнил, что речь идет о «*offensive or kinetic operations*», причем численность реальных бойцов – «*a very small number, double digit*». Эвфемизм позволяет говорить о военной операции, избегая ее прямой квалификации как войны.

Выражение «*enhanced interrogation techniques*» («усовершенствованные методы допроса») в NYT 2010-х годов регулярно фигурирует в контексте разоблачений ЦРУ. Оборот, введенный администрацией Буша, позволял обсуждать пытки, не называя их пытками. NYT, как правило, использует его с оговорками, но сам факт регулярного употребления делает его частью медиадискурса.

Политические эвфемизмы. В политическом дискурсе NYT эвфемизация работает несколько иначе, чем в других тематических группах. Здесь на первый план выходит не столько смягчение табуированной темы, сколько управление ответственностью и сохранение репутационных позиций – как самого издания, так и фигурантов публикаций. Основные инструменты в этом случае – пассивные конструкции, абстрактные номинализации и формальные клише, позволяющие, по сути, размыть субъект действия [8].

Классическое выражение «*mistakes were made*» ‘*были допущены ошибки*’. Оно регулярно встречается в NYT при описании административных, военных или дипломатических провалов. В статье от 07.11.2016, например, читаем: «*Mistakes were made in the handling of classified information, prompting review of security protocols*». Сама конструкция не называет тех, кто ошибся, не поясняет характер ошибок и переводит внимание с причины на следствие – пересмотр протоколов. Это не просто грамматическая особенность, а осознанная стратегия: ответственность либо распределяется между множеством участников, либо вообще уходит из публичного поля.

Помимо лексических замен, активно используется деперсонализация. Вместо указания на конкретное лицо, принявшее непопулярное решение, в тексте появляются безличные обороты: «*it was decided*», «*concerns were raised*», «*recommendations were made*». Это позволяет освещать острые темы, формально сохраняя нейтральную позицию и не вступая в прямую конфронтацию с властными структурами.

По данным анализа, политические эвфемизмы составили 10% от общего числа выявленных случаев. Но их значимость вряд ли определяется только частотностью: именно в этой группе наиболее отчетливо видно, как эвфемизация из языкового такта превращается в инструмент управления смыслом.

Таблица 1

Классификация эвфемизмов в медиадискурсе.

Table 1

Classification of euphemisms in media discourse.

Тип эвфемизма	Пример	Функция	Частота, %
Экономические	<i>negative growth, adjustment, restructuring, headwinds, liquidity event</i>	Смягчение кризиса	25
Социальные	<i>differently abled, under-resourced, food insecure, justice-involved, formerly incarcerated</i>	Политическая корректность	32
Медицинские	<i>breakthrough infection, adverse event, substance abuse, mental health challenges</i>	Снижение тревожности	18
Военно-политические	<i>collateral damage, extraordinary rendition, stabilization efforts, neutralize, pacification</i>	Нейтрализация оценки	15
Политические	<i>economical with the truth, constructive ambiguity, regime change, detainee, preemptive action</i>	Скрытие ответственности	10

Прагматический потенциал эвфемизмов в медиадискурсе трудно переоценить. Происходит это за счет смещения акцентов – вместо прямого названия явления читателю предлагается его социально приемлемая или же идеологически обусловленная версия [6]. В качестве иллюстрации можно привести такие хорошо известные примеры, как замена *war* на *the ongoing conflict*, *homeless* на *unhoused*, или же использование *late-*

term abortion вместо более прямого *abortion at late stage*. В каждом из этих случаев исходная номинация подменяется иной, несущей иную оценочную нагрузку.

Полученные данные показывают, что наибольшую долю составляют социальные эвфемизмы (32%), за ними следуют экономические (25%), медицинские (18%), военно-политические (15%) и политические (10%). Это свидетельствует о приоритетности социально чувствительной тематики в медиадискурсе.

Б. Классификация по способам образования

Данная классификация необходима для выявления языковых механизмов, с помощью которых создается эвфемистический эффект. Анализ формальной стороны позволяет отличить устоявшиеся эвфемизмы от окказиональных (контекстуальных), что важно при работе с материалом СМИ.

Метафора: перенос наименования на основе сходства. Является мощным источником эвфемизмов, так как создает яркий, но иносказательный образ, отвлекающий от сути денотата. Примеры: *to neutralize a target* (нейтрализовать цель) вместо *to kill*; *harvesting* (сбор урожая) как эвфемизм для получения органов или гибели людей в переносном смысле.

Метонимия: замена названия на основе смежности, временной или причинной связи. Позволяет заместить негативное понятие его причиной, следствием или инструментом. Например: «*Economists cannot fight the empty shelves with interest rate hikes alone*».

Заимствование как эвфемистический приём. Использование иноязычной лексики (преимущественно латинской и греческой) для замены исконных германских корней – классический механизм эвфемизации. Примеры: *perspiration* (лат.) вместо *sweat* (герм.); *to defecate* (лат.) вместо *to shit* (герм.); в политическом дискурсе: *intervention* (лат.) вместо *invasion* (герм.).

Аббревиация как шифровка референта. Сокращения создают эффект неполной номинации, «зашифровывая» референт. Пример: GB вместо *genital herpes*. В военной сфере WMD (*weapons of mass destruction*) превратилось в эвфемизм, абстрагирующий конкретные виды оружия от их разрушительной природы.

Литота (отрицание). Эвфемизм может образовываться через указание на отсутствие негативного качества или отрицание прямого признака: *not true* («неправда») вместо *lie* («ложь»); *unsuccessful* («неуспешный») вместо *failed* («провальный»); *unhoused* («не имеющий жилья») вместо *homeless* («бездомный»).

Таблица 2

Классификация эвфемизмов по способу образования.

Table 2

Classification of euphemisms by method of formation.

Способ образования	Пример	Функция	Частота %
Метафора	<i>to neutralize a target</i>	смягчение	28
Метонимия	<i>the situation</i>	манипулятивная	18
Заимствования	<i>to defecate</i>	нейтрализация оценки	12
Аббревиация	<i>WMD</i>	политкорректность	10
Отрицание (литота)	<i>unsuccessful</i>	смягчение	15
Номинализация	<i>continuity of governance</i>	манипулятивная	12
Словообразовательные средства	<i>visually enhanced</i>	политкорректность	5

Эвфемизмы представляют собой неотъемлемый элемент современного медиадискурса, выполняя прагматические функции: смягчение негативной информации; соблюдение норм политической корректности; формирование интерпретационной рамки для аудитории. Наиболее интенсивно эвфемизация проявляется в социально значимых темах, что подтверждает её инструментальную роль в управлении массовым сознанием.

Выводы

Проведённое исследование на материале публикаций *The New York Times* за 2010-2025 гг. позволило не только инвентаризировать эвфемизмы, но и выявить системные закономерности их функционирования в ведущем американском медиа. Обобщая полученные данные (табл. 1 и 2), можно сформулировать следующие выводы.

В семантической классификации доминируют социальные эвфемизмы (32%), что является ключевой характеристикой медиадискурса 2010-2025 гг. *The New York Times* выступает здесь не просто транслятором, но и агентом политической корректности, замещая прямые номинации конструктами, которые снимают стигму, однако одновременно размывают референтную отнесённость.

Экономические эвфемизмы (25%) достигают пика в кризисные фазы (2020 г. – пандемия, 2022-2023 гг. – инфляционный шок). Медиа использует их не столько для информирования, сколько для поддержания «рыночного оптимизма» и минимизации панических реакций.

Политические эвфемизмы (10%) представлены наименьшей долей, что объясняется спецификой издания: будучи либеральным медиа, *The New York Times* склонно к прямой критике власти, поэтому классические политические эвфемизмы (скрытие ответственности) встречаются преимущественно в официальных цитатах, а не в авторском тексте.

Анализ продуктивных моделей эвфемизации позволяет выделить три основные модели. Метафора (28%) является абсолютным лидером среди приёмов образования эвфемизмов в исследуемом корпусе.

Отрицание / литота (15%) и номинализация (12%) образуют устойчивый манипулятивный механизм. Заимствования (12%) и аббревиация обслуживают преимущественно политкорректность, при этом аббревиатуры подменяют референтную группу идеологемой, свернутой в буквенный код.

Обобщая полученные результаты, можно утверждать, что эвфемизация в *The New York Times* перестала быть стилистическим приёмом и превратилась в технологию производства социально приемлемой реальности. Медиа не столько отражает события, сколько переупаковывает их, преследуя три основные цели: (1) не травмировать аудиторию (стратегия псевдоэтики); (2) избегать прямых номинаций (стратегия идеологической нейтральности); (3) сохранять доступ к элитным источникам информации (стратегия политической ангажированности).

Таким образом, эвфемизмы в современном американском медиадискурсе представляют собой иерархизированную систему, в которой доминируют социально-корректные номинации (32%), создаваемые преимущественно метафорическим (28%) и отрицательным (15%) способами. Это свидетельствует о переходе ведущего печатного медиа от функции информирования к функции конструирования комфортной, но неизбежно искажённой реальности.

Список источников

1. Allan K., Burrige K. Euphemism and dysphemism: Language used as shield and weapon. New York: Oxford University Press, 1991. 276 p.
2. Allan K., Burrige K. Forbidden words: Taboo and the censoring of language. Cambridge: Cambridge University Press, 2006. 303 p.
3. Burrige K. Euphemism and language change: The sixth and seventh ages // Lexis. 2012. № 7. P. 65 – 92.
4. Lutz W. Doublespeak: From 'revenue enhancement' to 'terminal living'. New York: Harper & Row, 1989. 176 p.
4. Crespo-Fernández E. Euphemism and political discourse in the British regional press // Brno Studies in English. 2014. Vol. 40. № 1. P. 5 – 26.
5. Fairclough N. Language and power. 2nd ed. London: Longman, 2001. 259 p.
6. Fowler R. Language in the news: Discourse and ideology in the press. London: Routledge, 1991. 254 p.
7. van Dijk T.A. News as discourse. Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum Associates, 1988. 200 p.
8. van Dijk T.A. Discourse and manipulation // Discourse & Society. 2006. Vol. 17. № 3. P. 359 – 383.
9. Krysin L.P. Russian Word, Own and Foreign: Studies on the Modern Russian Language and Sociolinguistics. Moscow: Languages of Slavic Culture, 2004. 888 p.
10. Nevisi R.B., Mousakazemi R.S. A corpus-based investigation of euphemistic expressions in Iranian and American journalistic materials (2014-2019): A political correctness perspective // Applied Research on English Language. 2020. Vol. 9. № 4. P. 429 – 448.

References

1. Allan K., Burrige K. Euphemism and dysphemism: Language used as shield and weapon. New York: Oxford University Press, 1991. 276 p.
2. Allan K., Burrige K. Forbidden words: Taboo and the censoring of language. Cambridge: Cambridge University Press, 2006. 303 p.
3. Burrige K. Euphemism and language change: The sixth and seventh ages. Lexis. 2012. No. 7. P. 65 – 92.
4. Lutz W. Doublespeak: From 'revenue enhancement' to 'terminal living'. New York: Harper & Row, 1989. 176 p.
4. Crespo-Fernández E. Euphemism and political discourse in the British regional press. Brno Studies in English. 2014. Vol. 40. No. 1. P. 5 – 26.
5. Fairclough N. Language and power. 2nd ed. London: Longman, 2001. 259 p.

6. Fowler R. Language in the news: Discourse and ideology in the press. London: Routledge, 1991. 254 p.
7. van Dijk T.A. News as discourse. Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum Associates, 1988. 200 p.
8. van Dijk T.A. Discourse and manipulation. *Discourse & Society*. 2006. Vol. 17. No. 3. P. 359 – 383.
9. Krysin L.P. Russian Word, Own and Foreign: Studies on the Modern Russian Language and Sociolinguistics. Moscow: Languages of Slavic Culture, 2004. 888 p.
10. Nevisi R.B., Mousakazemi R.S. A corpus-based investigation of euphemistic expressions in Iranian and American journalistic materials (2014-2019): A political correctness perspective. *Applied Research on English Language*. 2020. Vol. 9. No. 4. P. 429 – 448.

Информация об авторах

Краснощёков Е.В., доктор филологических наук, профессор, Южный федеральный университет

Шатунова П.В., Южный федеральный университет

© Краснощёков Е.В., Шатунова П.В., 2026

Научно-исследовательский журнал «Филологический вестник / Philological Bulletin»

<https://fv-journal.ru>

2026, Том 5, № 4 / 2026, Vol. 5, Iss. 4 <https://fv-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика (филологические науки)

УДК 316.774:004.738.5:339.138

DOI: 10.66621/2949-4656-2026-5-4-19-24

Блоггинг как бизнес-процесс в цифровом российском медиапространстве: модели монетизации и институционализации

¹ Лаптев М.М.,

¹ Московский финансово-промышленный университет Синергия

Аннотация: в статье рассматривается блоггинг как воспроизводимый бизнес-процесс, а не только как форма самовыражения или канал продвижения. Цель исследования состоит в выявлении логики превращения авторского цифрового проекта в экономически устойчивый медиапродукт в российском цифровом медиапространстве. Задачи работы включают описание производственного контура блога, систематизацию моделей монетизации, определение признаков институционализации и анализ нормативных факторов, влияющих на коммерческую деятельность блоггеров. Теоретико-методологическую основу составили анализ научной литературы 2023-2025 гг., нормативно-правовых источников, материалов Роскомнадзора, а также процессный подход, позволяющий разложить блоггинг на последовательность управленческих и коммуникационных операций. Показано, что современный блог в российской среде развивается через сочетание рекламной, сервисной, продуктовой, подписной и партнерской моделей дохода. Отдельное внимание уделено юридикации рынка: маркировке интернет-рекламы, передаче сведений в ЕРИР, регистрации персональных страниц с аудиторией более десяти тысяч подписчиков и оформлению хозяйственного статуса автора. Практическая значимость исследования заключается в возможности использовать предложенную модель при разработке медиапроектов, образовательных программ по цифровым коммуникациям и регламентов взаимодействия брендов с авторами.

Ключевые слова: блоггинг, медиапространство, бизнес-процесс, монетизация, институционализация, инфлюенс-маркетинг, ЕРИР, цифровые платформы, авторская экономика

Для цитирования: Лаптев М.М. Блоггинг как бизнес-процесс в цифровом российском медиапространстве: модели монетизации и институционализации // Филологический вестник. 2026. Том 5. № 4. С. 19 – 24. DOI: 10.66621/2949-4656-2026-5-4-19-24

Поступила в редакцию: 25 мая 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 22 июня 2026 г.; Принята к публикации: 17 августа 2026 г.

Blogging as a business process in the digital Russian media space: monetization and institutionalization models

¹ Laptev M.M.,

¹ Moscow Financial and Industrial University Synergy

Abstract: the article examines blogging as a reproducible business process rather than merely a form of self-expression or an auxiliary promotion channel. The purpose of the study is to reveal how an author-driven digital project becomes an economically sustainable media product within the Russian digital media environment. The research objectives include describing the production circuit of a blog, systematizing monetization models, identifying the signs of institutionalization, and analyzing regulatory factors that affect the commercial activity of bloggers. The methodological basis combines an analysis of recent academic publications, Russian legal sources and official materials of Roskomnadzor with a process approach that makes it possible to divide blogging into a sequence of managerial and communication operations. The study shows that contemporary blogging in Russia develops through a combination of advertising, platform-based, product, service, community and partnership revenue models. Particular attention is paid to the growing legal and organizational formalization of the market, including

online advertising labeling, data submission to the Unified Register of Online Advertising, registration of large personal pages, and the choice of the author's economic status. The proposed model may be used in designing media projects, educational programs in digital communication, and rules for brand cooperation with creators.

Keywords: blogging, media space, business process, monetization, institutionalization, influencer marketing, digital platforms, creator economy

For citation: Laptev M.M. Blogging as a business process in the digital Russian media space: monetization and institutionalization models. Philological Bulletin. 2026. 5 (4). P. 19 – 24. DOI: 10.66621/2949-4656-2026-5-4-19-24

The article was submitted: May 25, 2026; Approved after reviewing: June 22, 2026; Accepted for publication: August 17, 2026.

Введение

На первый взгляд блог не выглядит как инструмент для коммерческой деятельности: человек открывает камеру, пишет заметку, выкладывает короткий ролик, отвечает в комментариях. Однако за этим всё чаще скрывается полноценное производство с планом публикаций, договорными обязательствами, налоговой логикой, аналитикой, подрядчиками, рекламными кабинетами и, что особенно важно для российской ситуации последних лет, достаточно плотным нормативным контуром. Блоггинг перестал относиться к хобби в тот момент, когда внимание аудитории стало измеряемым активом, а доверие подписчиков – капиталом, который можно обменивать на деньги, репутацию, профессиональный статус и доступ к институтам рынка.

Поэтому разговор о блоггинге как о бизнес-процессе сегодня представляется более точным, чем привычные рассуждения о “новых медиа” в широком смысле. Блогер не просто размещает сообщения. Он создает поток медиатекстов, удерживает аудиторию, проверяет гипотезы, продает внимание рекламодателю или собственному продукту, отчитывается перед партнерами, а иногда еще и выстраивает команду, похожую на мини-редакцию. Тут уже не до романтики свободного дневника. Вернее, романтика остается, но рядом с ней появляется бухгалтерская таблица, техническое задание и дедлайн.

Актуальность темы определяется тремя обстоятельствами. Во-первых, российское цифровое медиапространство после 2022 г. прошло через заметную перестройку платформенной структуры: часть аудиторных потоков сместилась в отечественные сервисы, где развиваются собственные правила продвижения и монетизации. Во-вторых, государственное регулирование интернет-рекламы усилило значение прозрачности рекламных размещений: Закон “О рекламе” предусматривает учет рекламы в сети Интернет, работу через операторов рекламных данных и обязательные отчисления за распространение интернет-рекламы [1]. В-третьих, сама профессия блогера стала предметом общественного и научного обсуждения: исследователи фиксируют движение от досуговой практики к занятости и предпринимательству [7].

Цель настоящей статьи – определить блоггинг как бизнес-процесс в цифровом российском медиапространстве и выявить основные модели его монетизации и институционализации. Для достижения цели поставлены задачи: уточнить производственную структуру блоггинга; охарактеризовать ключевые модели дохода; описать нормативно-организационные признаки институционализации; предложить обобщенную процессную модель, применимую для анализа авторских медиапроектов. Гипотеза исследования состоит в том, что устойчивость блоггерского проекта зависит не столько от размера аудитории как такового, сколько от процессной зрелости – способности автора или команды регулярно превращать внимание аудитории в измеряемую ценность при соблюдении правовых, этических и платформенных правил.

Материалы и методы исследований

Исследование выполнено в логике качественного теоретико-прикладного анализа. Материалами стали научные публикации 2023-2025 гг., посвященные блоггингу, инфлюенс-маркетингу, бренд-медиа, рекламным интеграциям и профессионализации авторов [4-10], а также нормативные и справочные источники, регулирующие интернет-рекламу и регистрацию персональных страниц в российской цифровой среде [1-3]. Отдельное значение имели материалы Роскомнадзора о Едином реестре интернет-рекламы и регистрации персональных страниц владельцев каналов с аудиторией более десяти тысяч подписчиков [2; 3]. Эти источники позволяют соединить академическую оптику с реальными условиями рынка, где блогер действует не в вакууме, а в сети правил, платформенных интерфейсов и ожиданий рекламодателей.

Методологическую основу составили процессный подход, институциональный анализ, сравнительно-типологический метод и элементы дискурсивного анализа. Процессный подход использован для описания

блоггинга как последовательности операций: от замысла и производства контента до публикации, продвижения, аналитики, коммерческой сделки и повторного цикла планирования. Институциональный анализ позволил рассмотреть блоггинг как сферу, где возникают устойчивые нормы: регистрационные процедуры, договорные практики, показатели эффективности, агентские посредники, стандарты раскрытия рекламы и правила профессиональной репутации.

Сравнительно-типологический метод применялся для систематизации моделей монетизации. В исследовании выделялись не отдельные “способы заработка”, а типы экономической логики: продажа рекламного контакта, продажа экспертизы, продажа продукта, продажа доступа к сообществу и продажа медиапроизводственной услуги. Такой подход позволяет не распыляться на десятки частных форматов и увидеть, что большинство практик сводится к нескольким устойчивым основаниям. В статье сознательно не анализируются ресурсы, имеющие особый ограничительный или правовой статус в Российской Федерации; в центре внимания находится легитимный контур российского медиарынка.

Результаты и обсуждения

Рассмотрение блоггинга как бизнес-процесса начинается с простой, но часто упускаемой вещи: блог продает не “посты” и не “ролики”. Он производит управляемое внимание. Контент является носителем этого внимания, а доверие аудитории – условием его экономической конвертации. В этом смысле блог ближе к малому медиапредприятию, чем к личному дневнику. На входе находятся тема, компетенция автора, аудитория, платформа, производственные ресурсы и регуляторные требования. Внутри процесса – планирование, производство, редакция, публикация, модерация, продвижение, аналитика, переговоры с партнерами. На выходе – охват, вовлеченность, репутация, продажи, заявки, подписки, рекламные интеграции и новые данные о поведении аудитории.

В таком понимании блоггинг включает семь взаимосвязанных стадий. Первая – стратегическое позиционирование: выбор ниши, образа автора, ценностного предложения и границ допустимого контента. Вторая – контент-планирование, то есть превращение общей идеи в календарь рубрик и форматов. Третья – производство медиатекстов. Четвертая – публикация и первичное распространение. Пятая – коммуникация с аудиторией, где комментарии и вопросы становятся сырьем для следующего цикла. Шестая – аналитика: оценка охвата, удержания, переходов, заявок, продаж и качества обратной связи. Седьмая – коммерциализация и реинвестиция, когда доход частично возвращается в оборудование, дизайн, монтаж, юридическое сопровождение или обучение.

На практике эти стадии редко идут идеально ровно. Иногда автор сначала получает коммерческий заказ, а уже потом пытается выстроить позиционирование. Иногда ниша рождается случайно – один удачный выпуск “выстрелил”, и блоггер начинает догонять собственный успех. Но зрелый проект постепенно приходит к цикличности: идея – производство – публикация – реакция – анализ – корректировка – новая идея. Именно эта повторяемость и делает блоггинг бизнес-процессом. Без нее блог остается набором удачных и не очень удачных публикаций, а доход – лотереей, пусть и красиво оформленной.

Российская специфика проявляется в том, что блогерская экономика складывается не только под влиянием аудитории и платформ, но и через правовую инфраструктуру. В Едином реестре интернет-рекламы хранится информация о рекламе, направленной на привлечение внимания потребителей на территории Российской Федерации [2]. Для автора это означает необходимость понимать различие между информационным, редакционным, экспертным и рекламным содержанием. Кроме того, для крупных персональных страниц введена обязанность включения в соответствующий перечень Роскомнадзора; ведомство сообщало, что с 1 ноября 2024 г. были рассмотрены сотни тысяч заявлений, а на незарегистрированных страницах запрещено распространять рекламу и собирать пожертвования [3]. Так блогерская деятельность получает внешние признаки института: учет, идентификация, ответственность, проверяемость.

Первая модель монетизации – рекламная. Она включает прямые интеграции брендов, спонсорские материалы, специальные проекты, промокоды, обзоры товаров и услуг, долгосрочное амбассадорство. Наиболее заметная особенность этой модели – зависимость цены от качества доверия. Простая арифметика подписчиков давно не работает как достаточный аргумент. Рекламодатель смотрит на соответствие аудитории, репутационные риски, вовлеченность, глубину контакта и отчетность. Исследования инфлюенс-маркетинга подчеркивают, что взаимодействие с лидерами мнений эффективно тогда, когда коммуникация встроена в доверительный контекст, а не выглядит чужеродной вставкой [4; 9]. Поэтому рекламная монетизация требует от блогера двойной дисциплины: сохранить собственный голос и одновременно выполнить коммерческую задачу партнера.

Вторая модель – платформенная. Она связана с внутренними программами вознаграждения авторов, выплатами за просмотры, бонусами за активность и рекомендательными механизмами. Ее сильная сторона – относительная технологическая простота: автору не всегда нужно самостоятельно искать рекламодателя. Слабая – зависимость от правил площадки, которые могут меняться быстрее, чем редакционный план. На российских онлайн-площадках блогерские проекты получают возможность работать с локальной аудиторией, национальной рекламной инфраструктурой и правовыми инструментами, которые постепенно становятся привычными для рынка [6]. Однако платформа является не нейтральным “местом размещения”, а соучастником бизнес-процесса: она распределяет видимость и тем самым влияет на экономику авторов.

Третья модель – продуктовая. Здесь блог становится витриной и каналом доверия для собственных товаров, образовательных программ, консультаций, книг, цифровых материалов, закрытых мероприятий или сервисов. В этой модели автор продает не внимание как таковое, а производную ценность: знание, методику, стиль жизни, экспертную поддержку, культурную принадлежность. Экономически она может быть устойчивее рекламной модели, потому что снижает зависимость от внешних брендов. Но она требует иной компетенции: блогер должен уметь не только создавать контент, но и проектировать продукт, обслуживать клиента, работать с возвратами, качеством и договорными условиями. Словом, медиа тут внезапно превращается в обычный бизнес со всеми его неровностями.

Четвертая модель – сервисная. Она возникает, когда блогер или его команда продают медиакomпетенции: съемку, сценарии, продвижение, консультации по личному бренду, ведение корпоративных страниц, разработку контент-стратегий. В этом случае авторский блог выполняет роль портфолио и доказательства экспертизы. Такая модель близка к рынку бренд-медиа, где контент рассматривается как маркетинговый инструмент, а не как побочная активность компании [8]. Для российских цифровых экосистем бренд-медиа и авторские блоги часто соприкасаются: корпорации заимствуют блогерскую интонацию, а авторы перенимают у компаний дисциплину контент-маркетинга.

Пятая модель – общественная. Ее основа – добровольная финансовая поддержка, платный доступ к закрытым материалам, клубные форматы, членство, участие в офлайн- и онлайн-событиях. В российском контексте эта модель зависит от регистрации крупных страниц и соблюдения требований к сбору средств, если проект достигает значительной аудитории [3]. Общественная модель не всегда приносит быстрый доход, зато укрепляет устойчивость проекта: аудитория начинает воспринимать блог не как поток бесплатных публикаций, а как общее пространство участия. Здесь легко перейти тонкую грань между сообществом и закрытым кружком для “своих”; для медиапроекта это риск, потому что чрезмерная замкнутость ухудшает приток новой аудитории.

Шестая модель – партнерская. Она строится на проценте от продаж, переходов, заявок, установок или иных целевых действий. Для рекламодателя она удобна измеримостью, для блогера – возможностью монетизировать нишевую экспертизу без крупного фиксированного контракта. Но партнерская модель предъявляет повышенные требования к аналитике и прозрачности: нужно понимать путь пользователя от публикации до действия. В противном случае спор о том, “кто привел клиента”, превращается в разговор без весов. Здесь блогерская экономика особенно явно сближается с digital-маркетингом: важны метки, отчеты, конверсия, стоимость действия, повторные продажи.

Институционализация блоггинга проявляется в нескольких измерениях. Первое – правовое: законодательство о рекламе требует маркировки интернет-рекламы и передачи сведений через операторов рекламных данных, а с 2025 г. действует механизм обязательных отчислений за распространение интернет-рекламы [1]. Второе – учетно-налоговое: автор выбирает статус самозанятого, индивидуального предпринимателя, участника юридического лица или работает через агентство. Третье – профессиональное: блогерство описывается то как хобби, то как профессия, то как новая форма занятости [7]. Четвертое – инфраструктурное: возникают агентства, сервисы аналитики, продюсерские команды, школы блоггинга и юридические консультанты. Пятое – этическое: рекламные интеграции требуют ясного разграничения между мнением автора и оплаченным сообщением, поскольку аудитория чувствительна к органичности и прозрачности коммерческого содержания [10].

В итоге блоггинг как бизнес-процесс можно описать формулой: авторская компетенция плюс регулярное медиапроизводство плюс доверительное сообщество плюс измеримая коммерческая конверсия плюс нормативная легитимность. Отсутствие любого элемента ослабляет систему. Компетенция без производства остается частным знанием. Производство без сообщества превращается в шум. Сообщество без коммерческой модели не обеспечивает устойчивости. Коммерция без легитимности создает правовые риски. Легитимность без авторского голоса делает проект безликим. Собственно, отсюда и трудность блоггинга как бизнеса: он требует одновременно творческой живости и скучной операционной дисциплины.

Можно выделить три уровня зрелости блогерского бизнес-процесса. Первый – авторско-ремесленный: всё держится на личности, энтузиазме и ручном производстве; доход эпизодический, процессы не описаны. Второй – предпринимательский: появляются договоры, календарь публикаций, регулярная аналитика, несколько каналов дохода, базовая финансовая модель. Третий – институционально-медийный: блог превращается в устойчивый проект с командой, регламентами, партнерской сетью, репутационным капиталом и правовой прозрачностью. Не каждый блог обязан идти к третьему уровню. Но если проект претендует на длительную коммерческую жизнь, он рано или поздно сталкивается именно с этой логикой.

Выводы

Блоггинг в цифровом российском медиапространстве целесообразно рассматривать как бизнес-процесс, поскольку он включает повторяемые стадии производства, распространения, анализа и коммерциализации контента. Его экономическая основа заключается не в единичной публикации, а в управлении вниманием, доверием и действием аудитории. Поэтому ключевым ресурсом блогера становится не только креативность, но и способность поддерживать устойчивый операционный цикл.

В исследовании выделены шесть основных моделей монетизации: рекламная, платформенная, продуктовая, сервисная, общественная и партнерская. Их сочетание зависит от стадии развития проекта, ниши, масштаба аудитории, уровня доверия и организационной зрелости автора или команды. Наиболее устойчивыми оказываются гибридные модели, в которых рекламный доход не является единственным источником средств, а дополняется собственными продуктами, услугами, клубными форматами и партнерскими механизмами.

Институционализация блоггинга проявляется через правовое регулирование интернет-рекламы, учет рекламных размещений в ЕРИР, регистрацию крупных персональных страниц, оформление хозяйственного статуса, развитие агентской инфраструктуры, профессионализацию медиакомпетенций и закрепление метрик эффективности. Эти процессы не уничтожают авторскую природу блоггинга, но переводят ее в более ответственную и проверяемую форму. Практическое значение предложенной модели состоит в том, что она может использоваться для проектирования блогерских медиапроектов, обучения цифровым коммуникациям, разработки брендовых кампаний и оценки рисков взаимодействия с авторами.

Список источников

1. Федеральный закон от 13.03.2006 № 38-ФЗ “О рекламе”: ред. от 26.12.2024: ст. 18.1, 18.2 // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_58968/ (дата обращения: 20.04.2026)
2. Единый реестр интернет-рекламы // Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. URL: <https://rkn.gov.ru/activity/register-ord/unified-register-of-online-advertising/> (дата обращения: 25.04.2026)
3. Регистрация блогеров: Роскомнадзор рассмотрел более 264 тыс. заявок // Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. 2025. 1 июля. URL: <https://rkn.gov.ru/press/news/news74942.htm> (дата обращения: 30.04.2026)
4. Писарева Е.В. Инфлюенс-маркетинг как инструмент эффективной коммуникации в цифровой среде // Beneficium. 2023. № 4 (49). С. 85 – 91. DOI: 10.34680/BENEFICIUM.2023.4(49).85-91.
5. Сочнева Е.Н., Шаропатова А.В., Дудина С.П., Демин В.Г. Блоггинг как современная форма продвижения бизнеса на рынке // Креативная экономика. 2024. Т. 18. № 7. С. 1609 – 1628. DOI: 10.18334/ce.18.7.121357
6. Манцова А.Д. Перспективы блогерских проектов на российских онлайн-площадках // Коммуникология: электронный научный журнал. 2024. Т. 9. № 1. С. 72 – 83.
7. Камарова Т.А., Тонких Н.В., Бегичева С.В. Блогерство – хобби или профессия? Представления студенчества // Народонаселение. 2025. Т. 28. № 2. С. 145 – 159. DOI: 10.24412/1561-7785-2025-2-145-159
8. Нигматуллина К.Р., Павлушкина Н.А., Сметанина А.М. Прагматика контента в бренд-медиа // Вестник Московского университета. Серия 10, Журналистика. 2024. Т. 49. № 3. С. 144 – 165. DOI: 10.30547/vestnik.journ.3.2024.144165
9. Чибисова Е.А., Кулюдина А.С. Инфлюенс-маркетинг: преимущества, риски, рекомендации // Российская школа связей с общественностью. 2024. № 35. С. 136 – 151.
10. Лаврова А.А., Сумина Т.А. Рекламные интеграции в медиа пространстве // Форум молодых ученых. 2024. № 5 (93). С. 230 – 235.

References

1. Federal Law of 13.03.2006 No. 38-FZ "On Advertising": as amended on 26.12.2024: Articles 18.1, 18.2. ConsultantPlus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_58968/ (date of access: 20.04.2026)
2. Unified Register of Internet Advertising. Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology, and Mass Media. URL: <https://rkn.gov.ru/activity/register-ord/unified-register-of-online-advertising/> (date of access: 25.04.2026)
3. Blogger Registration: Roskomnadzor Reviewed Over 264,000 Applications. Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology, and Mass Media. 2025. July 1. URL: <https://rkn.gov.ru/press/news/news74942.htm> (date of access: 30.04.2026)
4. Pisareva E.V. Influence Marketing as a Tool for Effective Communication in the Digital Environment. *Beneficium*. 2023. No. 4 (49). P. 85 – 91. DOI: 10.34680/BENEFICIUM.2023.4(49).85-91.
5. Sochneva E.N., Sharapova A.V., Dudina S.P., Demin V.G. Blogging as a Modern Form of Business Promotion in the Market. *Creative Economy*. 2024. Vol. 18. No. 7. P. 1609 – 1628. DOI: 10.18334/ce.18.7.121357
6. Mantsova A.D. Prospects of Blogging Projects on Russian Online Platforms. *Communicology: Electronic Scientific Journal*. 2024. Vol. 9. No. 1. P. 72 – 83.
7. Kamarova T.A., Tonkikh N.V., Begicheva S.V. Blogging – Hobby or Profession? Student Views. *Population*. 2025. Vol. 28. No. 2. P. 145 – 159. DOI: 10.24412/1561-7785-2025-2-145-159
8. Nigmatullina K.R., Pavlushkina N.A., Smetanina A.M. Pragmatics of Content in Brand Media. *Bulletin of Moscow University. Series 10, Journalism*. 2024. Vol. 49. No. 3. P. 144 – 165. DOI: 10.30547/vestnik.journ.3.2024.144165
9. Chibisova E.A., Kulyudina A.S. Influence Marketing: Advantages, Risks, Recommendations. *Russian School of Public Relations*. 2024. No. 35. P. 136 – 151.
10. Lavrova A.A., Sumina T.A. Advertising integrations in the media space. *Forum of young scientists*. 2024. No. 5 (93). P. 230 – 235.

Информация об авторе

Лаптев М.М., аспирант, Московский финансово-промышленный университет Синергия, mack.laptew2017@yandex.ru

© Лаптев М.М., 2026

Научно-исследовательский журнал «Филологический вестник / Philological Bulletin»

<https://fv-journal.ru>

2026, Том 5, № 4 / 2026, Vol. 5, Iss. 4 <https://fv-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки)

УДК 811.112.2'38:82-3

DOI: 10.66621/2949-4656-2026-5-4-25-30

**Экспрессивный потенциал пунктуации в современной немецкой прозе:
от синтаксической нормы к эмотивной интенции автора (на материале
произведений Б. Ноак, К. Ланге-Мюллер, Х.-П. Керкелинга)**

¹ Лобановская Е.В., ¹ Зинцова Ю.Н., ¹ Матвеева И.В., ¹ Саможенов С.Н.,

¹ Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова

Аннотация: статья посвящена роли пунктуации в реализации экспрессивной функции синтаксиса в художественных текстах на материале современной немецкой прозы (Б. Ноак, К. Ланге-Мюллер, Х.-П. Керкелинг). Цель исследования – выявить и описать роль пунктуационно-графических средств в реализации экспрессивной функции синтаксиса в современной немецкой прозе. Задачи: определить статус пунктуационных приёмов; проанализировать функционирование точки с запятой, скобок, двоеточия, восклицательного и вопросительного знаков, многоточия; сделать вывод о формальной экспликации эмотивности средствами немецкой пунктуации. Материалом послужили произведения трёх авторов (около 750 страниц). Используются описательно-аналитический метод, контекстуальный анализ, классификация, количественный анализ. Установлено, что в немецком языке намеренное отступление от пунктуационной нормы служит системным средством экспликации эмотивности. Практическая значимость: результаты могут быть использованы в курсах стилистики немецкого языка, интерпретации художественного текста, а также в практике преподавания немецкого как иностранного.

Ключевые слова: категория эмотивности, пунктуация, пунктуационно-графическое оформление, пунктуационный приём, интенция автора, экспрессивный синтаксис, немецкая проза

Для цитирования: Лобановская Е.В., Зинцова Ю.Н., Матвеева И.В., Саможенов С.Н. Экспрессивный потенциал пунктуации в современной немецкой прозе: от синтаксической нормы к эмотивной интенции автора (на материале произведений Б. Ноак, К. Ланге-Мюллер, Х.-П. Керкелинга) // Филологический вестник. 2026. Том 5. № 4. С. 25 – 30. DOI: 10.66621/2949-4656-2026-5-4-25-30

Поступила в редакцию: 26 мая 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 23 июня 2026 г.; Принята к публикации: 17 августа 2026 г.

**Expressive potential of punctuation in modern German prose: from syntactic norm to the author's
emotive intention (based on the works of B. Noack, K. Lange-Müller, H.-P. Kerkeling)**

¹ Lobanovskaya E.V., ¹ Zintsova Yu.N., ¹ Matveeva I.V., ¹ Samozhenov S.N.,

¹ Linguistics University of Nizhny Novgorod

Abstract: this article examines the role of punctuation in the expressive function of syntax in literary texts based on modern German prose (B. Noack, K. Lange-Müller, H.-P. Kerkeling). The aim is to identify and describe the role of punctuation and graphic means in implementing the expressive function of syntax in modern German prose. The objectives include determining the status of punctuation techniques; analyzing semicolons, brackets, colons, exclamation and question marks, ellipsis; and concluding on formal explication of emotiveness by German punctuation. The material consists of works by three authors (about 750 pages). Methods: descriptive-analytical, contextual analysis, classification, quantitative analysis. It is established that in German, deliberate deviation from punctuation norms serves as a systematic means of explicating emotiveness. Practical significance: the results can be used in courses on German stylistics, literary text interpretation, and teaching German as a foreign language.

Keywords: emotiveness, punctuation, punctuation and graphic design, punctuation technique, author's intention, expressive syntax, German prose

For citation: Lobanovskaya E.V., Zintsova Yu.N., Matveeva I.V., Samozhenov S.N. Expressive potential of punctuation in modern German prose: from syntactic norm to the author's emotive intention (based on the works of B. Noack, K. Lange-Müller, H.-P. Kerkeling). Philological Bulletin. 2026. 5 (4). P. 25 – 30. DOI: 10.66621/2949-4656-2026-5-4-25-30

The article was submitted: May 26, 2026; Approved after reviewing: June 23, 2026; Accepted for publication: August 17, 2026.

Введение

Настоящая статья посвящена исследованию роли пунктуации в реализации экспрессивной функции синтаксиса в художественных текстах на материале современной немецкой прозы (Барбара Ноак, Катя Ланге-Мюллер, Ханс-Петер Керкелинг). Как отмечает И.А. Федорова, в рамках когнитивно-дискурсивной парадигмы семантика художественного текста рассматривается как ментальная репрезентация фрагмента действительности, а эмотивность оказывается отражением различных аспектов человеческой эмоциональности и одновременно характеристикой языковых и текстовых средств, служащих для кодирования эмотивного содержания [11, с. 2-3].

Теоретической базой исследования послужили работы по лингвистике эмоций В.И. Шаховского [2], разграничивающего «эмоциональность» как психологическую и «эмотивность» как языковую категории, а также исследования по экспрессивному синтаксису О.А. Костровой [3]. Существенный вклад в изучение пунктуационных приёмов внесли работы Е.А. Красновой [4], Н.С. Валгиной [5], а также современные зарубежные исследования, разграничивающие грамматическую и экспрессивную (прагматическую) пунктуацию [6; 7; 8].

Цель исследования – выявить и описать роль пунктуационно-графических средств в реализации экспрессивной функции синтаксиса в современной немецкой прозе. Задачи: 1) определить статус пунктуационных приёмов в системе экспрессивного синтаксиса; 2) проанализировать функционирование точки с запятой, скобок, двоеточия, восклицательного и вопросительного знаков, многоточия в текстах современных немецкоязычных авторов; 3) сделать вывод о формальной экспликации категории эмотивности средствами немецкой пунктуации.

Актуальность исследования обусловлена растущим интересом современной лингвистики к изучению эмотивности как текстовой категории и, в частности, к роли пунктуационных средств в её экспликации [1]. Несмотря на это, пунктуационно-графическое оформление текста остаётся недостаточно изученным в аспекте его экспрессивного потенциала, особенно на материале современной немецкой прозы. Как подчёркивают современные исследователи, разграничение грамматических и прагматических функций знаков препинания становится одной из ключевых задач лингвистики [6; 7].

В разных языках пунктуация базируется на разных принципах. В то время как английская пунктуация основывается на семантико-стилистическом принципе, немецкая пунктуация регламентирована грамматически. Отступление от этого принципа, несистемное, нешаблонное использование знака препинания в несвойственной ему позиции сигнализирует особый «пунктуационный приём» [4, с. 66-70]. Современные исследования подтверждают необходимость разграничения двух типов знаков препинания: грамматических и прагматических (экспрессивных) [6, р. 5-7; 7, р. 47-49]. Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его результатов в курсах стилистики немецкого языка, интерпретации художественного текста, а также в практике преподавания немецкого языка как иностранного для развития навыков понимания авторской интенции.

Материалы и методы исследований

Материалом исследования послужили произведения современных немецкоязычных авторов: Барбары Ноак (рассказы), Кати Ланге-Мюллер (роман «Böse Schafe»), Ханса-Петера Керкелинга (путевые заметки «Ich bin dann mal weg») [9; 10; 11]. Общий объём проанализированного материала составил около 750 страниц. Выбор данных авторов обусловлен принадлежностью к разным жанрам (проза, роман, документально-художественное повествование), что позволяет проследить экспрессивный потенциал пунктуации в различных типах дискурса.

В работе использованы следующие методы: описательно-аналитический метод (для характеристики пунктуационных приёмов); метод контекстуального анализа (для выявления экспрессивной нагрузки знаков препинания в конкретных контекстах); классификация пунктуационных приёмов (по степени отступления от грамматической нормы); элементы количественного анализа частотности знаков препинания; метод лингвистического наблюдения и интерпретации.

Анализ проводился методом сплошной выборки всех случаев нетривиального (нешаблонного) использования знаков препинания.

Результаты и обсуждения

Гипотеза исследования заключается в следующем: в немецком языке, пунктуация которого в целом регламентирована грамматически, намеренное отступление от нормы (пунктуационный приём) служит системным средством экспликации эмотивности и авторской интенции; при этом каждый знак препинания может приобретать экспрессивную нагрузку, выходящую за рамки его синтаксической функции [4; 6]. Проверка данной гипотезы осуществлялась путём анализа конкретных пунктуационных приёмов.

Точка с запятой (das Semikolon)

У К. Ланге-Мюллер точка с запятой выполняет двойную функцию: разделяя фрагменты высказывания, она одновременно объединяет их в единый смысловой узел:

Ich hab's nichts so mit dem Orientalischen, und Friede ist eine Kurzform von Elfriede oder meinetwegen auch El-Friede, und die Schreibweise kann ich mal; ich muss ihr ja wohl keine Briefe schicken [9, p. 122].

В данном примере точка с запятой отделяет рассуждение героини о написании имени от последующего вывода («ведь мне не придётся писать ей письма»). Разделение подчёркивает самостоятельность каждой части, но сохранение единого предложения создаёт эффект внутреннего монолога, где мысли логически связаны. Аналогичную функцию наблюдаем в следующем фрагменте:

Und außerdem half das alles nichts; ich musste eine gute Ausrede finden und zu dem Kurs gehen, weil sie mir sonst die Stütze gestrichen hätten [9, p. 140].

Здесь точка с запятой маркирует переход от констатации безысходности к вынужденному решению, сохраняя причинно-следственную связь в рамках одного синтаксического целого.

Скобки (die Klammern)

У Барбары Ноак скобки служат для авторского комментария, часто иронического. В следующем примере скобки вводят факультативное, но эмоционально окрашенное замечание:

Denn Meerschweinchen haben sie selbst zu Haus, Elefanten dagegen nicht (schon wieder ein Beweis für unser Wohnraumnot) [10, p. 18].

Ирония достигается за счёт контраста между серьёзным контекстом (отсутствие слона в домашних условиях) и бытовым комментарием о нехватке жилплощади. У К. Ланге-Мюллер скобки используются для обрамления объёмной дополнительной информации, которая конкретизирует ситуацию, но не нарушает основное повествование:

...einer der fünf uniformierten Männer (zwei von ihnen waren, falls ich deren Schulterstücke und Mützenbänder richtig deutete, Transportpolizisten) drehte mir den rechten Arm auf den Rücken... [9, p. 91].

Включённая в скобки конструкция уточняет статус персонажей, создавая эффект «живого» восприятия происходящего глазами героини.

Двоеточие (der Doppelpunkt)

В романе «Böse Schafe» двоеточие регулярно вводит прямую речь, интегрированную в нарратив, а также выполняет пояснительную функцию:

...erschreckte die mit den Worten: Bald wirst du platzen – vor Stolz [9, p. 96].

Двоеточие после *mit den Worten* сигнализирует о переходе от повествования к непосредственному воспроизведению речи, причём прямая речь дана без кавычек, что усиливает её включённость в ткань повествования. Пояснительная функция двоеточия представлена в следующем примере:

Julis Blick war wie zuvor Marcs Worte: zwiespältig und unbestimmt... [9, p. 109].

Здесь двоеточие вводит расшифровку того, что именно объединяет взгляд Юлии и слова Марка, – их двойственность и неопределённость.

Восклицательный и вопросительный знаки

В путевых заметках Х.-П. Керкелинга восклицательный знак эксплицирует широкий спектр эмоций: от восторга до возмущения. Например:

Was für eine Frechheit, einen Weg so zu nennen! denke ich noch entrüstet [11, p. 14].

Восклицательный знак после риторического вопроса усиливает возмущение автора, а последующее *denke ich noch entrüstet* служит мета-комментарием, подтверждающим эмоциональную нагрузку знака. Комбинация вопросительного и восклицательного знаков передаёт удивление и неуверенность:

«Das klappt?!», frage ich zweifelnd [11, p. 151].

Порядок знаков (сначала вопросительный, затем восклицательный) отражает семантику: удивление доминирует над собственно вопросом. В других контекстах встречается обратная последовательность, маркирующая риторический вопрос с оттенком возмущения:

Wenn das nicht hysterisch war, Harry, was war es dann?! [9, p. 112].

Многоточие (die Auslassungspunkte)

Многоточие у К. Ланге-Мюллер создаёт эффект напряжённого ожидания и паузы, маркируя логический или ритмический перелом в речи персонажа. Как отмечают М. Байсвенгер и С. Штайнзик, многоточие в немецком языке выступает ключевым интеракционным ресурсом, позволяющим управлять диалогической интеракцией [12, p. 287-290]. Например:

Ja, vielleicht ein Kai oder so was, und das Wichtigste ... – Was denn? fragte ich ungeduldig [9, p. 162].

Многоточие после незавершённой фразы создаёт паузу, которая вызывает у собеседника нетерпеливый вопрос. Таким образом, знак препинания становится инструментом управления диалогической интеракцией. В следующем примере многоточие маркирует колебание говорящего при подборе лексики:

Was wirklich geschah, war banaler und ... entsetzlicher, schrecklicher, fürchterlicher? [9, p. 162].

Пауза перед нарастающим рядом прилагательных подчёркивает трудность вербализации пережитого ужаса.

Проведённый анализ позволяет систематизировать пунктуационные приёмы, используемые современными немецкими авторами, и их экспрессивные функции:

1. точка с запятой (К. Ланге-Мюллер) выполняет функцию смыслового объединения фрагментов при одновременном углублении разделения между ними, что создаёт эффект внутреннего монолога;
2. скобки (Б. Ноак) служат средством выражения иронии, авторского комментария и пояснения факультативной информации, не нарушая основного повествования;
3. двоеточие (К. Ланге-Мюллер) используется для введения прямой речи, пояснения и расшифровки предыдущего высказывания, часто без кавычек, что усиливает интеграцию речи в нарратив;
4. восклицательный знак (Х.-П. Керкелинг) передаёт удивление, возмущение, восторг; его комбинация с вопросительным знаком маркирует риторические вопросы и неуверенность;
5. многоточие (К. Ланге-Мюллер) создаёт эффект ожидания, паузы и ритмического перелома, выступая инструментом управления диалогической интеракцией [12].

Полученные данные подтверждают выдвинутую гипотезу: в немецком языке сознательное отступление от грамматической пунктуационной нормы формирует пунктуационный приём, несущий экспрессивную нагрузку. Каждый из проанализированных знаков препинания приобретает в художественном тексте функции, выходящие за рамки его синтаксического предназначения. Так, точка с запятой, традиционно рассматриваемая как знак, занимающий промежуточное положение между запятой и точкой, в текстах К. Ланге-Мюллер становится маркером внутреннего диалога. Скобки, призванные отделять факультативную информацию, у Б. Ноак служат каналом для авторской иронии.

Эти положения согласуются с выводами Д. Гутцманна и К. Тургай о континууме от «грамматической» до «прагматической» пунктуации [6, p. 28-30], а также с исследованием А.А. Плисенко и Г.А. Агеевой о полифункциональности тире [8, с. 240-242]. Как и в случае с тире, выбор конкретного пунктуационного знака у рассмотренных авторов зависит от коммуникативной интенции и может быть объяснён контекстом или устойчивым использованием знака как элемента авторского стиля. Современные корпусные исследования также подтверждают, что экспрессивная нагрузка знаков препинания не является факультативной, а представляет собой системное явление [13; 14].

Представленные наблюдения ограничены тремя авторами и жанрами современной немецкой прозы (рассказ, роман, путевые заметки). Сделанные обобщения не могут быть автоматически экстраполированы на другие жанры (поэзию, драматургию, публицистику) без дополнительного анализа.

Материалы работы могут использоваться в вузовских курсах стилистики немецкого языка, интерпретации художественного текста, а также в лекциях по экспрессивному синтаксису. Перспективными представляются сопоставительный анализ пунктуационных приёмов в немецком и русском (а также немецком и английском) языках на материале одного жанра; психолингвистический эксперимент по восприятию экспрессивной пунктуации наивным читателем; анализ эволюции пунктуационных приёмов в немецкой литературе XX-XXI веков.

Выводы

1. В немецком языке, несмотря на его грамматически регламентированную пунктуацию, сознательное отступление от нормы формирует пунктуационный приём, несущий экспрессивную нагрузку. Каждый из проанализированных знаков препинания (точка с запятой, скобки, двоеточие, восклицательный и вопросительный знаки, многоточие) приобретает в художественном тексте функции, выходящие за рамки его синтаксического предназначения.

2. Точка с запятой у К. Ланге-Мюллер выступает маркером внутреннего монолога, скобки у Б. Ноак – средством авторской иронии, двоеточие у К. Ланге-Мюллер служит для введения прямой речи без кавычек, восклицательный и вопросительный знаки в различных комбинациях передают широкий спектр эмоций (от удивления до возмущения), а многоточие создаёт эффект паузы и ожидания, выступая интеракционным ресурсом [12].

3. Пунктуационно-графическое оформление текста в немецком языке формально эксплицирует категорию эмотивности, целиком подчиняясь выражению авторской интенции. Это позволяет рассматривать экспрессивную пунктуацию как системное, а не факультативное средство создания эмоционального фона художественного произведения, что подтверждается современными корпусными исследованиями [13; 14].

Список источников

1. Федорова И.А. Эмотивность производных фразеологических единиц в немецких художественных произведениях и публицистических текстах // Интернет-журнал «Мир науки». 2017. Т. 5. № 3. URL: <https://mir-nauki.com/PDF/54PDMN317.pdf> (дата обращения: 06.04.2026). С. 1 – 7.
2. Шаховский В.И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. 2-е изд., стер. М.: Либроком, 2009. 208 с.
3. Кострова О.А. Экспрессивный синтаксис современного немецкого языка. М.: Флинта: МПСИ, 2004. 240 с.
4. Краснова Е.А. Приёмы экспрессивной пунктуации // Вестник Новгородского государственного университета. 2008. № 46. С. 66 – 70.
5. Валгина Н.С. Актуальные проблемы современной русской пунктуации: учебное пособие. М.: Высшая школа, 2004. 259 с.
6. Gutzmann D., Turgay K. Expressive Interpunktion!?! Interpunktion zwischen Grammatik (?) und Pragmatik! // Linguistische Berichte. 2024. Bd. 2024. Nr. 278. P. 5 – 38.
7. Glauch K. Expressive punctuation: how punctuation changes the perceived valence of discourse referents in computer-mediated communication // Linguistische Berichte. 2025. Bd. 2025. Nr. 282. P. 47 – 81.
8. Плисенко А.А., Агеева Г.А. О полифункциональности знаков препинания в современном немецком языке (на примере тире) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2023. Т. 23. № 3. С. 240 – 246.
9. Lange-Müller K. Böse Schafe. Frankfurt am Main: Verlag Kiepenheuer & Witsch, 2007. 204 p.
10. Noack B. Der Schulbus // Eines Knaben Phantasie hat meistens schwarze Knie. Frankfurt/Main; Berlin; Wien: Ullstein, 1979. P. 11 – 32.
11. Kerkeling H. Ich bin dann mal weg. München: Piper Verlag GmbH, 2006. 350 p.
12. Beißwenger M., Steinsiek S. Interpunktion als interaktionale Ressource: Eine korpusgestützte Untersuchung zur Funktion von Auslassungspunkten in der internetbasierten Kommunikation // Beißwenger M., Gredel E., Lemnitzer L., Schneider R. (Hrsg.) Korpusgestützte Sprachanalyse: Grundlagen, Anwendungen und Analysen. Tübingen: Narr Francke Attempto, 2023. P. 287 – 310. (Studien zur deutschen Sprache ; Bd. 88).
13. Fuhrhop N., Scholübbbers L. Interpunktion im Korpus. Berlin: De Gruyter, 2025. 350 p.
14. Rispoli M. «In permanenter Not». Sulla punteggiatura in Stefan George e Karl Kraus // Studi Germanici. 2023. Vol. 24. P. 125 – 150.

References

1. Fedorova I.A. Emotivity of derivative phraseological units in German works of fiction and journalistic texts. Online journal "World of Science". 2017. Vol. 5. No. 3. URL: <https://mir-nauki.com/PDF/54PDMN317.pdf> (accessed: 06.04.2026). P. 1 – 7.
2. Shakhovsky V.I. Categorization of emotions in the lexical-semantic system of language. 2nd ed., reprinted. Moscow: Librokom, 2009. 208 p.
3. Kostrova O.A. Expressive syntax of the modern German language. Moscow: Flinta: MPSI, 2004. 240 p.

4. Krasnova E.A. Expressive Punctuation Techniques. Bulletin of Novgorod State University. 2008. No. 46. P. 66 – 70.
5. Valgina N.S. Actual Problems of Modern Russian Punctuation: A Study Guide. Moscow: Vysshaya Shkola, 2004. 259 p.
6. Gutzmann D., Turgay K. Expressive Interpunktion!?! Interpunktion zwischen Grammatik (?) und Pragmatik! Linguistische Berichte. 2024. Vol. 2024. Nr. 278. P. 5 – 38.
7. Glauch K. Expressive Punctuation: How Punctuation Changes the Perceived Valence of Discourse Referents in Computer-Mediated Communication. Linguistische Berichte. 2025. Vol. 2025. Nr. 282. P. 47 – 81.
8. Plisenko A.A., Ageeva G.A. On the Polyfunctionality of Punctuation Marks in Modern German (using the Dash as an Example). Bulletin of Saratov University. New Series. Series: Philology. Journalism. 2023. Vol. 23. No. 3. P. 240 – 246.
9. Lange-Müller K. Böse Schafe. Frankfurt am Main: Verlag Kiepenheuer & Witsch, 2007. 204 p.
10. Noack B. Der Schulbus. Eines Knaben Phantasie that meistens schwarze Knie. Frankfurt/Main; Berlin; Wien: Ullstein, 1979. P. 11 – 32.
11. Kerkeling H. Ich bin dann mal weg. München: Piper Verlag GmbH, 2006. 350 p.
12. Beißwenger M., Steinsiek S. Interpunktion als interaktionale Ressource: Eine korpusgestützte Untersuchung zur Funktion von Auslassungspunkten in der internetbasierten Kommunikation. Beißwenger M., Gredel E., Lemnitzer L., Schneider R. (Hrsg.) Korpusgestützte Sprachanalyse: Grundlagen, Anwendungen und Analysen. Tübingen: Narr Francke Attempto, 2023. P. 287 – 310. (Studien zur deutschen Sprache; Bd. 88).
13. Fuhrhop N., Scholübbbers L. Interpunktion im Korpus. Berlin: De Gruyter, 2025. 350 p.
14. Rispoli M. “In permanenter Not.” Sulla punteggiatura in Stefan George and Karl Kraus. Studi Germanici. 2023. Vol. 24. P. 125 – 150.

Информация об авторах

Лобановская Е.В., кандидат филологических наук, доцент, Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова

Зинцова Ю.Н., кандидат филологических наук, доцент, Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова

Матвеева И.В., кандидат филологических наук, доцент, Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова

Саможенов С.Н., кандидат филологических наук, доцент, Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова

© Лобановская Е.В., Зинцова Ю.Н., Матвеева И.В., Саможенов С.Н., 2026

Научно-исследовательский журнал «Филологический вестник / Philological Bulletin»

<https://fv-journal.ru>

2026, Том 5, № 4 / 2026, Vol. 5, Iss. 4 <https://fv-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации (филологические науки)

УДК 821.512.157.09

DOI: 10.66621/2949-4656-2026-5-4-31-35

Городские огни как сакральный элемент урбанистического ландшафта в произведениях якутских писателей

¹ Ноева С.Е., ² Туласынова Н.Ю.,

¹ Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН,

² Институт зарубежной филологии и регионоведения,

Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова

Аннотация: статья посвящена анализу художественной семантики концепта огня в рамках поэтического дискурса городского пространства. В этом контексте огонь приобретает сакральное значение, становясь важным элементом культурной символики. Образ городских огней играет значимую роль в формировании культурного портрета современного человека и определении характера его взаимодействия с урбанистическим пространством. В зависимости от культурно-исторического контекста этот образ наполняется разными смыслами: огонь может выступать как защитник, разрушитель или источник развлечения – каждый период придаёт ему новые неоднозначные оттенки. В работе выделены ключевые сюжеты и мотивы, которые способствуют процессу сакрализации огня в городской среде. Эмпирической базой исследования послужили произведения якутских писателей. Особое внимание уделено трансформации образа человека: в этой интерпретации символика огня приобретает особую смысловую нагрузку. Исследования, посвящённые урбанистическому ландшафту, помогают глубже осмыслить национальную картину мира. В статье использованы системный и структурный методы анализа. Изучение концепта огня в литературоведении позволяет выявить характерные черты якутской прозы, а также раскрыть особенности индивидуального стиля и авторской позиции писателей.

Ключевые слова: городской текст, образ городских огней, символика города, художественный хронотоп, эволюция героя

Для цитирования: Ноева С.Е., Туласынова Н.Ю. Городские огни как сакральный элемент урбанистического ландшафта в произведениях якутских писателей // Филологический вестник. 2026. Том 5. № 4. С. 31 – 35. DOI: 10.66621/2949-4656-2026-5-4-31-35

Поступила в редакцию: 27 мая 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 24 июня 2026 г.; Принята к публикации: 17 августа 2026 г.

City lights as a sacred element of the urban landscape in the works of Yakut writers

¹ Noeva S.E., ² Tulasynova N.Yu.,

¹ Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North SB RAS,

² Institute of Foreign Languages and Region studies,

North-Eastern Federal University named after M.K. Ammosov

Abstract: the article is devoted to the analysis of the artistic semantics of the fire concept within the framework of the poetic discourse of urban space. In this context, fire acquires a sacred meaning, becoming an important element of cultural symbolism. The image of urban lights plays a significant role in shaping the cultural portrait of modern man and determining the nature of his interaction with urban space. Depending on the cultural and historical context, this image takes on different meanings: fire can act as a protector, a destroyer, or a source of entertainment – each period gives it new ambiguous shades. The paper highlights key themes and motifs that contribute to the process of sacralizing fire in urban environments. The study is

based on the works of Yakut writers. Special attention is given to the transformation of the human image, where the symbolism of fire takes on a unique meaning. Research on the urban landscape helps to gain a deeper understanding of the national worldview. The article uses systemic and structural analysis methods. The study of the concept of fire in literary studies allows us to identify the characteristic features of Yakut prose, as well as to reveal the individual style and author's position of the writers.

Keywords: urban text, image of city lights, city symbolism, artistic chronotope, evolution of the hero

For citation: Noeva S.E., Tulasynova N.Yu. City lights as a sacred element of the urban landscape in the works of Yakut writers. Philological Bulletin. 2026. 5 (4). P. 31 – 35. DOI: 10.66621/2949-4656-2026-5-4-31-35

The article was submitted: May 27, 2026; Approved after reviewing: June 24, 2026; Accepted for publication: August 17, 2026.

Введение

В культуре северных народов огонь традиционно наделялся сакральным смыслом. Эта традиция отражается и в городском пространстве, где образ огня несёт жизнеутверждающую функцию [1, 2]. Данная статья посвящена исследованию образа городских огней, который выступает одним из ключевых элементов формирования урбанистического пейзажа Якутска и служит характерной чертой современного северного мегаполиса. Актуальность и новизну статьи определяет недостаточная исследованность образа города Якутска, которому как и большинству городов, свойственна тенденция к масштабности [3].

Материалы и методы исследований

Материалами исследования становятся произведения якутских писателей. В качестве методов используются структурный и системный методы подходы.

Результаты и обсуждения

Особенности и функции образа городских огней в произведениях

Обращённость к небесному пространству отчётливо проявляется в архитектурном облике Якутска – города, расположенного на краю земли, в краю вечной мерзлоты. Тенденция стремления ввысь городских объектов в его ландшафте прослеживается на протяжении веков: от первых высотных зданий XV века, православных церквей, часовен и башен-острогов, до современных многоэтажных зданий и небоскрёбов, символизируя вечное противостояние тьме. Понятие огня, олицетворяющего жизнь, отражается в якутском предании о первопредках народа саха, которые впервые обосновались в сакральной долине Туймаада: «*“Я, дух-хозяйка этой страны – бабушки Киэнг Кюерээйи, высказываю свое доброе расположение, предвидя и зная, что в будущем в этой стране расплодятся люди и скот. Бегают пылающие огни, в этой стране появятся в будущем огнедышащие орудия (предметы). Ну, парень-шаман, направь сюда кого-нибудь счастливого человека для поселения, в будущем размножит он здесь людей и распространит счастье-благополучие”*», – сказав так, дух-хозяйка Киэнг Кюерээйи госпожа Аан Чэлбэй скрылась внутри той березы, из которой она вышла» [4, с. 64].

Согласно исследованиям Е.В. Николаевой, огонь на протяжении всей истории человечества – от древности до современности – играет центральную роль в городской ритуальной культуре [5]. Значимые городские локации превращаются в своеобразные сакральные точки пространства: храмы, правительственные резиденции, мосты, озаренные факелами, лампами, инсталляциями, должны оставаться видимыми в любое время суток, символизируя устойчивость мироустройства даже в ночной темноте. Расположение на возвышенностях, горах или холмах, и стремление к вертикальному развитию (а не только к расширению территории) позволяют городам визуально сливаться с небесным пространством, становясь его продолжением [6]. Именно потребность выделиться на фоне ночной тьмы определяет притягательную природу городских огней – мерцающих и манящих издалека.

Произведения основоположников якутской литературы А.Е. Кулаковского, А.И. Софронова, Н.Д. Неустроева представляют собой художественное осмысление опыта человека, оказавшегося в городской среде. В них отражены размышления человека нового времени о собственной идентичности, социальных процессах, а также о трансформации представлений о мире, ранее казавшимся замкнутым. Город освещающий, озаряющий предстает как пространство возможностей, открывающее новые горизонты для провинциала, жаждущего знаний. Опыт столкновения с новой реальностью: контрастной, динамичной, полной энергии – равнозначно вступлению в «пространство жизни», в которой городской огонь становится

метафорой просвещения. Якутск воспринимается как место, где можно реализовать потенциал и «стать человеком» (киһи-хара буолуу).

В рассказе П.А. Ойунского «Столетний великий план» (1927) ключевым художественным приёмом выступает гротеск. Автор создаёт впечатляющую картину фантастического Города Будущего на примере Якутска. В произведении детально прорабатываются элементы обновления городского ландшафта: возведение зданий, прокладка улиц и мостов. Эти элементы формируют основу концепции современного мегаполиса, раскрывающего возможности человека новой эпохи. В тексте отмечается: «С 2013 года к 2017 году изменится, станет лучше и город Якутск, преобразится весь вид и облик его. Взмётнутся ввысь дома из железа и бетона, засверкают хрустальные дворцы. Город, с мощёнными камнем улицами, заблестит окаймляющими их домами из прозрачного стекла, зазеленеет разными травами-деревьями» [7, с. 157].

В ранней редакции романа Н.Е. Мординова-Амма Аччыгыйа «Сааскы кэм» («Весенняя пора», 1944) образ притягательных городских огней появляется в эпизоде путешествия Микиты Лягляркина. В тексте читаем: «Вдруг перед глазами раскинулась широкая долина. Засверкала Величаява Лена... Сердце мальчика забилося чаще» (пер. наш – С.К., Н.Т.) [8]. Огни города метафорически сравниваются с «огненными семенами, собранными в кучу и разбросанными исполинской ладонью» – это вызывает у героя из глубинки искреннее изумление масштабами городской жизни: обилием зданий, толпами прохожих и нарядным обликом горожан.

Символика огней Якутска (Дьокуускай уоттара) приобретает особую значимость в творчестве якутских писателей 1940-1970-х годов, где огонь выступает как знак созидательного начала, формирующего облик города. В стихотворении И.Д. Винокурова-Чагылгана «Якутскай куорат» используются образы «кулүмнүү турабын» (светишься), «сандааран турабын» (сияешь) [9, с. 144]. Схожий мотив прогресса прослеживается в произведениях поэтов, В.М. Новикова, И.М. Гоголева, П.Н. Тобурокова, С.П. Данилова и др.

В прозе 1960-1970-х годов идея города-мечты вдохновляет на созидание нового городского облика, воплощённого в образе города-университета. В повести Л.А. Попова «Күндэли» (1970) Якутск предстаёт как «Город Света»: его урбанистическое пространство – парк культуры, библиотека, издательство газеты «Кыым», кинотеатр «Лена», Саха театр, площадь Дружбы, университет и спортзал – пронизано идеями торжества и созидания. В этом контексте городские огни актуализируют семантику сияния и света, подчёркивая культурную значимость преобразований [10].

В романе Н.А. Лугинова «Мэндэиэмэнэр» («Этажи», 1980) о молодых архитекторах городские огни становятся образом мечты и ориентиром для нового поколения. Образ ночных огней обретает глубокую символику: он становится носителем идеи мечты, через которую раскрывается этнокультурная специфика текста. В традиционном восприятии аласного якута город как культурный и социальный центр ассоциируется с рядом ключевых концептов – светом, простором, прогрессом, материальным благополучием и т.д. [11]

Образ теплохода прочно вошёл в городской ландшафт – он встречается как в петербургских, так и в московских текстах, формируя позитивный образ советского города: динамичного, энергичного, полного жизни. В якутской литературе образ светящегося в ночной темноте теплохода на Лене выполняет особую функцию: он выступает смысловой параллелью, которая ассоциативно связывает северный город с культурными центрами страны. Через этот образ воплощается общая для всех советских людей мечта о светлом коммунистическом будущем.

В трилогии В.С. Соловьёва-Болот Боотура «Пробуждение» (1975-1987) ключевым способом восприятия мира становится «перевернутость» – она определяет отношения человека и города. Один из аспектов образа огня – блеск – подчёркивает двойственность городской среды и воплощает её разрушительную сторону. Писатель использует лексему «блеск», чтобы передать лоск и глянец богатого дома плутоватого купца Соппойор Софрона, сверкание рюмок в его руках и хитрое поблескивание его глаз [12]. В контексте поэтики городского пространства этот концепт превращается в метафору обмана, двуличия и искажённого сознания. Обманчивые, манящие огни как характерная черта городских пейзажей встречается и в произведениях других якутских писателей – П.А. Ойунского, А.И. Софронова-Алампа, Н.Д. Неустроева, А.А. Иванова-Кюндэ и др., которые также изображают город как пространство двойственности и противоречий. Этот аспект более сильно будет выражаться в прозе конца XX в. – в произведениях Е.П. Неймохова, Н.А. Лугинова, В.С. Яковлева-Далана, П.Д. Аввакумова и др., где мотив заблудившегося в городе человека раскрывает проблему поиска себя и своего места в мире в литературе.

Выводы

В творчестве якутских писателей гротескный подход к созданию геопоэтического образа города, воплощённый через мотивы блеска и огня, подвергается определённой эволюции. Художественные образы «освещающих», «слепающих», «манящих», «разрушающих» огней выступают как отражение трансформирующегося ландшафтного сознания человека – оно меняется параллельно с развитием окружающего мира.

Концепт «огонь», формируемый на основе ряда ассоциаций, получает многогранное воплощение в якутской литературе. Через такие смысловые связи, как жизнестойкость, разрушение, очищение и увлечение, он отражает сущность человека: способность противостоять природным вызовам, адаптироваться к окружающей среде и находить глубинные смыслы в повседневности.

Финансирование

Статья выполнена в рамках Госзадания 075-00619-26-00 на 2026 г., проект НИР № 124030100136-9

Список источников

1. Пашкевич О.И. Почитание стихии огня как особенность национального мировосприятия народов Севера (на материале якутской литературы) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2013. № 6. С. 162 – 165.
2. Андросова Ф.С. Метафорические модели символа уот «огонь» в современных якутских кинотекстах // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2020. Т. 13. Вып. 12. С. 183 – 186.
3. Молок Н.Ю. Мегаломания московской архитектуры (к постановке темы) // Лотмановский сборник. М: Изд-во РГГУ, 1997. С. 771 – 787.
4. Исторические предания и рассказы якутов: в 2-х ч. Ч.1. Москва; Ленинград: АН СССР, 1960. 340 с.
5. Николаева Е.В. Фракталы городской культуры. Санкт-Петербург: Страта, 2017. 264 с.
6. Лотман Ю.М. Семиотика города и городской культуры. Петербург. Труды по знаковым системам-ХVIII. Тарту, 1984. 140 с.
7. Ойунский П.А. Великий столетний план // Борисова-Слепцова А. В поисках золотого зерна. Якутск: Айар, 2022. 368 с.
8. Мординов Н. Е.-Амма Аччыгыя. Сааскы кэм: роман. Якутск: Бичик, 1994. 356 с.
9. Винокуров И.Д.-Чагылган. Избранные сочинения: в 3-х т. Т. 1. Якутск: Көмүөл, 2024. 376 с.
10. Попов Л.А. Күндэли: повесть. Якутск: Як. книж. изд-во, 1970. 224 с.
11. Лугинов Н.А. Мэндэиэмэнэр: роман. Якутск: Як. книж. изд-во, 1980. 198 с.
12. Соловьев В.С.-Болот Боотур. Уһуктуу: роман. Якутск: Як. книж.изд-во, 1987. 639 с.

References

1. Pashkevich O.I. Veneration of the element of fire as a feature of the national worldview of the peoples of the North (based on Yakut literature). Philological sciences. Questions of theory and practice. 2013. No. 6. P. 162 – 165.
2. Androsova F.S. Metaphorical models of the symbol uot “fire” in modern Yakut film texts. Philological sciences. Questions of theory and practice. 2020. Vol. 13. Issue 12. P. 183 – 186.
3. Molok N.Yu. Megalomania of Moscow architecture (towards the formulation of the topic). Lotmanovsky collection. Moscow: Publishing house of the Russian State University for the Humanities, 1997. P. 771 – 787.
4. Historical legends and stories of the Yakuts: in 2 parts. Part 1. Moscow; Leningrad: USSR Academy of Sciences, 1960. 340 p.
5. Nikolaeva E.V. Fractals of urban culture. St. Petersburg: Strata, 2017. 264 p.
6. Lotman Yu.M. Semiotics of the city and urban culture. Petersburg. Proceedings on sign systems-XVIII. Tartu, 1984. 140 p.
7. Oyunsky P.A. The Great Centennial Plan. Borisova-Sleptsova A. In search of golden grain. Yakutsk: Ayar, 2022. 368 p.
8. Mordinov N. E.-Amma Achchygyya. Saasky cam: a novel. Yakutsk: Bichik, 1994. 356 p.
9. Vinokurov I.D.-Chagylgan. Selected works: in 3 volumes. T. 1. Yakutsk: Komyol, 2024. 376 p.
10. Popov L.A. Kundeli: a story. Yakutsk: Yak. books publishing house, 1970. 224 p.
11. Luginov N.A. MandyManner: a novel. Yakutsk: Yak. books publishing house, 1980. 198 p.
12. Soloviev V.S.-Bolot Bootur. Uktuu: novel. Yakutsk: Yak. book publishing house, 1987. 639 p.

Информация об авторах

Ноева С.Е., кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела фольклористики и литературоведения, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-2957-5233>, Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, Якутск, ул. Петровского, 1, kem-2023@yandex.ru

Туласынова Н.Ю., кандидат педагогических наук, доцент, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-6740-5534>, Институт зарубежной филологии и регионоведения, Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова, г. Якутск, ул. Белинского, 58, whityt@mail.ru

© Ноева С.Е., Туласынова Н.Ю., 2026

Научно-исследовательский журнал «Филологический вестник / Philological Bulletin»

<https://fv-journal.ru>

2026, Том 5, № 4 / 2026, Vol. 5, Iss. 4 <https://fv-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика (филологические науки)

УДК 659.1:339.138:004

DOI: 10.66621/2949-4656-2026-5-4-36-41

Влияние дезинформации в интернет-рекламе на поведение потребителей

¹ Остроушко В.В.,

¹ Московский университет имени А.С. Грибоедова

Аннотация: в эпоху интернета критически важно контролировать и уменьшать постоянно растущее количество дезинформации в интернет-рекламе, которая негативно влияет на потребителей. Необходимость в изучении воздействия данных методов манипуляции на потребительский опыт и степень доверия рекламе является научной значимостью исследования.

Цель исследования сводится к детальному анализу воздействия дезинформации, продвигаемой недобросовестными рекламодателями, и как подобные схемы и методы оказывают влияние на потребительское поведение на просторах интернета.

Поставленная цель исследования достигается путем использования таких методов исследования, как анализ научной литературы, контент-анализ рекламных предложений и манипулятивных слоганов, сравнительный анализ, а также использование поведенческого подхода для понимания действий потребителей и то, как реклама воздействует на их эмоции и желания. Более детально описываются процессы манипуляции, такие как рекламные “темные паттерны”, которые используются совместно с фальшивой рекламой. Кроме того, рассматриваются наиболее опасные рекламные сферы и последствия, которые могут катастрофически повлиять на потребителей.

Результаты данного исследования могут использоваться для создания и доработки существующих процессов и механизмов регулирования достоверности и прозрачности интернет-рекламы, а также для улучшения процессов по модерации выставяемого рекламодателями контента, а повышение общей медиаграмотности пользователей интернета хоть и является наиболее трудной задачей, но рассматривается как максимально результативный метод защиты потребителей от вредоносной рекламы и манипуляций.

Ключевые слова: Интернет-реклама, дезинформация, манипуляция, потребитель, поведение, влияние, покупка, товар, методы

Для цитирования: Остроушко В.В. Влияние дезинформации в интернет-рекламе на поведение потребителей // Филологический вестник. 2026. Том 5. № 4. С. 36 – 41. DOI: 10.66621/2949-4656-2026-5-4-36-41

Поступила в редакцию: 27 мая 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 25 июня 2026 г.; Принята к публикации: 17 августа 2026 г.

The impact of misinformation in online advertising on consumer behavior

¹ Ostroushko V.V.,

¹ Moscow University named after A.S. Griboyedov

Abstract: in the Internet age, it is critically important to control and reduce the ever-increasing amount of misinformation in online advertising that negatively affects consumers. The need to study the impact of these manipulation methods on consumer experience and the degree of trust in advertising is the scientific significance of the study.

The purpose of the study is to analyze in detail the impact of disinformation promoted by unscrupulous advertisers, and how such schemes and methods influence consumer behavior on the Internet.

The goal of the study is achieved through the use of research methods such as the analysis of scientific literature, content analysis of advertising offers and manipulative slogans, comparative analysis, as well as the use of a behavioral approach to understand consumer actions and how advertising affects their emotions and desires. Manipulation processes such as advertis-

ing “dark patterns” that are used in conjunction with fake ads are described in more detail. In addition, the most dangerous advertising areas and the consequences that can have a catastrophic impact on consumers are considered.

The results of this study can be used to create and refine existing processes and mechanisms for regulating the reliability and transparency of online advertising, as well as to improve the processes for moderating content displayed by advertisers, and improving the overall media literacy of Internet users, although the most difficult task, is considered as the most effective method of protecting consumers from malicious advertising and manipulation.

Keywords: online advertising, disinformation, manipulation, consumer, behavior, influence, purchase, product, methods

For citation: Ostroushko V.V. The impact of misinformation in online advertising on consumer behavior. Philological Bulletin. 2026. 5 (4). P. 36 – 41. DOI: 10.66621/2949-4656-2026-5-4-36-41

The article was submitted: May 27, 2026; Approved after reviewing: June 25, 2026; Accepted for publication: August 17, 2026.

Введение

Являясь глобальным инструментом распространения и продвижения товаров и услуг, который позволяет брендам моментально получать обратную связь, подстраивать предложения под нужды пользователей и взаимодействовать с ними в реальном времени, интернет-реклама занимает позицию одного из основных информационных источников. Но при всех своих достоинствах, она также имеет и серьезную проблему, которая заключается в значительном объеме дезинформации, скрывающейся среди легитимных предложений. От простых слегка преувеличенных качеств товара и не полного визуального несоответствия до абсолютно ложной информации и использования хищнических манипулятивных тактик по отношению к потребителям, проблема все сильнее набирает обороты. Значительную важность для потребителей имеет навык детального анализа получаемой ими информации, а не только ее общее восприятие. На просторах интернета зачастую можно обнаружить ложную информацию даже в официальных источниках, таких как СМИ [9, с. 64].

Актуальность исследования заключается в том, что пользовательские предпочтения формируются из актуальных трендов интернет-рекламы, что также влияет и на общую картину принятия решений самими пользователями. Понимание влияния дезинформации в рекламе на просторах интернета невероятно важно для повышения общего уровня критического восприятия информации пользователями, и это поможет избежать дальнейшего развития пользовательских уязвимостей при встрече с манипулятивными рекламными тактиками.

Научной проблемой исследования является несоответствие между стремительным развитием рекламных технологий интернета и малоэффективным внедрением инструментов и механизмов контроля над достоверностью представляемой пользователям рекламой. Большая часть прилагаемых усилий для развития интернет-рекламы направлены на повышение пользовательской вовлеченности, но само развитие процесса регуляции достоверности предложений, к сожалению, не получает нужного объема внимания.

Основная цель исследования заключается в определении степени влияния дезинформации в интернет-рекламе на потребительское поведение. Далее следуют задачи, которые были установлены для выполнения в рамках исследования:

- Рассмотреть основные формы дезинформации в интернет рекламе.
- Проанализировать наиболее распространенные каналы распространения рекламной дезинформации.
- Изучить манипуляционные методы используемые рекламодателями по отношению к потребителям.
- Определить влияние дезинформации на потребительское поведение и оценить возможный уровень доверия к цифровым платформам.
- Выявить актуальные способы противодействия дезинформации.

Что касается степени разработанности темы, она остается недостаточно изученной в контексте конкретно самого влияния интернет-рекламы на пользовательские предпочтения и их поведение. Даже при условии наличия значительного количества исследований направленных на изучение дезинформации, актуальность этой темы по-прежнему сохраняет свою позицию из-за параллельно стремительного развития технологий искусственного интеллекта. Несмотря на свою полезность, данные технологии также приносят и проблемы, одной из которых является распространение или же само создание дезинформации в рекламных предложениях, что несомненно влияет на пользователей.

Материалы и методы исследований

В ходе исследования был проведен теоретический анализ научной литературы касательно проблем достоверности интернет-рекламы, цифровой дезинформации и манипуляции потребительского поведения, а также был использован сравнительный анализ для сопоставления методов регулирования интернет-рекламы и инструментов противодействия распространению ложной информации под видом рекламы. Эмпирическая основа исследования состоит из использования открытых источников, публикаций и статей для изучения психологических механизмов восприятия рекламных сообщений. Использование комплекса методов, одним из которых являлся контент-анализ, позволило определить закономерности распространения дезинформации и оценить влияние на поведение пользователей.

Результаты и обсуждения

Неполная или искаженная информация, а также прямой ввод в заблуждение и другие манипулятивные сообщения, которые транслируются пользователям через интернет-рекламу, оказывают на них значительное негативное влияние. Ложная реклама может иметь как простые неточности, искажающие информацию о рекламируемом продукте, так и прямые манипулятивные тактики, которые внедрены с целью намеренного ввода потребителей в заблуждение [5, с. 47]. Это может изменить их отношение к рекламе, заставит их передумать совершать нужную им покупку или же наоборот, побудит их приобрести фальшивый товар, который не принесет им никакой пользы. Для обеспечения безопасной среды в интернет-рекламе как со стороны рекламодателей так и покупателей необходимо понять всю суть данного явления и разобраться в том, как оно проявляется и как с этим можно и нужно бороться.

Как уже известно, интернет находится в постоянном хаотичном состоянии, где информационное поле само по себе является перегруженным до предела. Интернет-платформы все более прогрессивно используют контент основанный на хайпе, мемы и ложную информацию для воздействия на потребителей [6, с. 716]. Но интернет-реклама содержащая дезинформацию еще больше дестабилизирует ситуацию, распространяя ложные обещания, неверную информацию и нанося вред легитимным брендам и компаниям. Среднестатистический потребитель не всегда имеет возможность или время определить достоверность рекламного сообщения среди хаоса интернет-среды, что делает его уязвимым для потенциальных угроз со стороны недобросовестных рекламодателей. Так, ложная информация может быть принята за правдивую, а факт может быть отброшен в сторону и утерян среди постоянно увеличивающегося количества фейков. Это формирует у потребителей совершенно иное видение товара или бренда в целом, что может привести как к простому разочарованию, так и к серьезным финансовым убыткам.

Что касается манипуляции, рекламодатели зачастую полагаются на различные техники обмана в той или иной мере и воздействуют на психику потребителей. Ложные, более “громкие” новости имеют значительно больше трафика по сравнению с реальными новостями, ведь необычная подача и фейковая сенсация захватывает внимание среднестатистического пользователя своей “особенностью”, из-за чего они могут проигнорировать реальные происшествия [3, с. 28]. Самым распространенным манипулятивным методом является ограничение товаров по количеству или времени. Такие слоганы как “Осталось лишь 10 единиц товара!” или “Акция только сегодня!” существовали задолго до появления интернет-рекламы, но даже с развитием технологий и ее появлением они ничуть не устарели. Потребители по-прежнему попадают на простейшие уловки рекламодателей при попытке воспользоваться выгодным, как им кажется, предложением. Кроме того, использование известных личностей, лидеров мнений и манипуляция с помощью эмоций также являются основным фундаментом для продвижения ложной рекламы в интернете. Распространение ложной информации и новостей может происходить даже в случае, если источник не уверен в достоверности факта. Подобный “круговорот” ложных новостей происходит раз за разом до того момента, пока цикл не будет прерван опровержением, либо же полным исчезновением факта из циркуляции [10, с. 56]. Импульсивные покупки, основанные на этих факторах, являются особенно вредоносными, поскольку приобретение товаров или услуг, которые относятся к сфере здоровья или финансов могут привести к катастрофическим последствиям для неосторожных потребителей. «Различный уровень грамотности в области онлайн-здравоохранения, которая представляет собой способность искать, находить, понимать и оценивать информацию о здоровье, найденную в Интернете, может привести к серьезным последствиям для здоровья» [8, с. 16].

При постоянном воздействии дезинформации в интернет-рекламе на потребителей с их стороны появляется растущее недоверие к рекламе в целом. Отрицательный опыт после взаимодействия с ложными предложениями или их покупки оказывает негативное влияние на восприятие всей рекламы, а не только на конкретные бренды и товары. Реклама, созданная с умыслом навредить потребителям путем введения в за-

блуждение представляет собой опасность не только для прав потребителей, но и для честной рыночной конкуренции между компаниями и брендами [2, с. 21]. Эффективность рекламных предложений легитимных рекламодателей снижается из-за фейков, а поскольку у потребителей повышается скептичность, они могут отказаться даже от покупки доступных, качественных и действительно необходимых им товаров и услуг в попытке найти каналы информации, которые не полагаются на рекламную составляющую. Падение уровня доверия аудитории к журналистике и интернет-сми в целом происходит из-за большого количества ложных новостей и фейкового контента [4, с. 28].

Подобные провокации и ловушки создают основу недобросовестной конкуренции, что может показать в плохом свете даже самые устоявшиеся бренды, которые соблюдают все нормы и предоставляют покупателям максимально честные предложения. Недоверие потребителей ко всем предложениям на самом деле может привести как к индивидуальным финансовым потерям, так и к краху целых компаний, которые даже не были причастны к распространению дезинформации в рекламной сфере интернета.

Кроме того, важно понять, в каких сферах чаще всего можно обнаружить дезинформацию, и где она может нанести наибольший ущерб. Как уже было упомянуто ранее, обманные рекламные предложения в сферах здоровья и финансов могут быть катастрофически опасными, но также нельзя не упомянуть и такие сферы, как образование, кибербезопасность и детский контент. В образовательной сфере рекламодатели зачастую используют такие ловушки как обещания о “гарантированном трудоустройстве” после прохождения различных курсов и получения сертификатов. Сфера кибербезопасности может продвигать дезинформацию о сервисах и программах для “защиты данных” или антивирусных приложений, которые сами и содержат в себе вредоносные программы. В детской сфере контента распространены манипулятивные рекламные тактики, нацеленные на детей, которые не разбираются в легитимности рекламных предложений, что может привести к финансовым убыткам со стороны их родителей. «В результате участия в манипуляции манипулируемый склонен принимать определенные решения или действовать в соответствии с желаниями манипулятора, не осознавая своего участия в манипуляции» [7, с. 60].

Еще одним малозаметным, но критически важным феноменом являются “темные паттерны” в пользовательском интерфейсе. Сами по себе они могут не содержать никакой дезинформации или вводящих в заблуждение фейков. В основном они используются в сочетании с вышеперечисленными практиками для усиления эффекта. Например, в категорию таких паттернов можно внести затруднительный процесс отмены платной новостной рассылки или подписки, заранее проставленные согласия или галочки на опциональных пунктах, где пользователь может поделиться с рекламодателями собственной информацией, а также всплывающие на весь экран окна. Подобный симбиоз двух практик создает среду, в которой на потребителя постоянно оказывается давление и ему кажется, что его везде пытаются обмануть или подставить. Это значительно затрудняет способность принять осознанное для себя решение о покупке того или иного товара или услуги.

Главным методом для борьбы с подобными негативными практиками является повышение общей медиаграмотности потребителей и пользователей интернета. Критическая оценка информации подразумевает под собой информационную грамотность, позволяющую потребителям анализировать получаемую и используемую информацию. Это позволяет людям защищать собственные права и взаимодействовать с обществом в полной мере [1, с. 3]. Кроме того, вклад большего количества средств и усилий в развитие алгоритмов модерации и проверки фактов на основных сайтах и платформах значительно уменьшит негативное влияние дезинформации в рекламной интернет-среде. Наконец, установка правил и законов касательно “прозрачности” рекламных объявлений и спонсорского контента снизит распространение недостоверной информации, повысив общее доверие потребителей к предложениям, которые они получают находясь в сети интернет.

Выводы

Таким образом, в данном исследовании было выявлено, что рекламная дезинформация значительно влияет на поведение пользователей по отношению ко всем рекламным предложениям и является сложной системой со множеством собственных методов использования и продвижения. Искажение информационного пространства пользователей и применение манипулятивных тактик разрушает доверие пользователей даже по отношению к самым честным брендам, что является серьезной проблемой. Для эффективной борьбы с данным явлением требуется комплексный подход, который включает в себя повышение медиаграмотности потребителей, совершенствование инструментов выявления и блокировки фейковой рекламы, а также усиление ответственности рекламодателей и платформ за распространяемый ими контент. Снижение объема негативных последствий потока дезинформации в интернет-рекламе и постепенное восстановление к ней

доверия как к надежному источнику информации возможно только при том условии, что сами пользователи проявят интерес и желание “обучиться” медиаграмотности для того, чтобы не попадаться на уловки недобросовестных рекламодателей.

Исследование показывает, что анализ современных рекламных практик и изучения пользовательского поведения в интернет-среде позволяет выявить основные механизмы манипулятивного воздействия интернет-рекламы. Полученные результаты подтверждают актуальность проблемы и демонстрируют необходимость более строгого регулирования цифровой рекламной среды.

Даже взяв в расчет полученные в данном исследовании результаты, ряд определенных ограничений по-прежнему присутствует, и их необходимо разобрать в дальнейших исследованиях. Так, проведенный анализ был сфокусирован на интернет-рекламе на наиболее распространенных платформах и в поисковых системах, но другие, более нишевые интернет-каналы коммуникации не были затронуты в схожей мере. Кроме того, важным является различие восприятия рекламы у пользователей и потребителей разных демографических, социальных, культурных и географических групп, которые не были детально затронуты в данном исследовании.

Дальнейшие исследования могут быть направлены на более детальное изучение механизмов психологического воздействия и манипуляций, которые направлены на потребителей. С развитием технологий и искусственного интеллекта актуальной сферой исследования можно считать противодействие персонализированным предложениям, созданным с помощью искусственного интеллекта, которые основаны на манипулятивных методах для завлечения потребителей при помощи высоко персонализированной и таргетированной фальшивой рекламы в интернете.

Наконец, стоит отметить, что важность вопроса дезинформации и борьбы с ней в рекламной среде интернета продолжит оставаться той темой, которая будет обсуждаться и в будущем. Более детальное изучение этой сферы необходимо для развития средств борьбы с дезинформацией, чтобы оградить потребителей от манипулятивного влияния, сделать рекламу более “прозрачной” и предотвратить возможные катастрофические последствия, которые могут возникнуть из-за взаимодействия пользователей с обманчивой рекламой.

Список источников

1. Берман Н.Д. К вопросу формирования информационной грамотности студентов // Современные проблемы науки и образования. 2020. № 4. С. 3. DOI 10.17513/spno.29923
2. Васильев Е.А. Защита прав потребителей и борьба с недобросовестной рекламой: сравнительный анализ законодательных инициатив России и зарубежных стран // Академическая наука. 2025. № 4. С. 20 – 23. DOI 10.24412/3034-4042-2025-4-20-23
3. Журналистика и политика: взаимодействие и взаимовлияние : Сборник материалов III всероссийской научной конференции (Архангельск, 24 марта 2023 года), Архангельск, 24 марта 2023 года / Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова», Высшая школа социально-гуманитарных наук и международной коммуникации; сост. Н.С. Авдониной. Архангельск: Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова, 2023. 142 с. ISBN 978-5-261-01676-2.
4. Журналистика, реклама и PR: традиции и инновации: Сборник материалов региональной научно-практической конференции (Архангельск, 22 апреля 2022 г.), Архангельск, 22 апреля 2022 года / Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, Федеральное государственное образовательное учреждение высшего образования «Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова», Высшая школа социально-гуманитарных наук и международной коммуникации; сост. Л. В. Зайцева. Архангельск: Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова, 2022. 128 с. ISBN 978-5-261-01604-5.
5. Кирюшина И. О соотношении понятий фейковая, недобросовестная и недостоверная реклама // Юрислингвистика. 2025. № 35 (46). С. 46 – 50. DOI 10.14258/leglin(2025)3507
6. Киуру К.В., Кривоносов А.Д. Трансформации медиасреды как объект исследования теории массовых коммуникаций // Вопросы теории и практики журналистики. 2018. Т. 7. № 4. С. 711 – 723. DOI 10.17150/2308-6203.2018.7(4).711-723
7. Куссе Х., Шакенова М.Т. Медиаманипуляция и комплексная коммуникация в рекламе и ток-шоу // Мир русскоговорящих стран. 2024. № 2 (20). С. 54 – 73. DOI 10.20323/2658-7866-2024-2-20-54

8. Шульмин А.В., Марченко Т.А., Рубанова О.С., Кугач В.В. Проблемы качества интернет-контента, ориентированного на потребителя лекарственных средств // Вестник фармации. 2022. № 4 (98). С. 15 – 24. DOI 10.52540/2074-9457.2022.4.15

9. Проблемы массовой коммуникации: Материалы международной научно-практической конференции исследователей и преподавателей журналистики, рекламы и связей с общественностью, Воронеж, 14–16 мая 2020 года / Под общей ред. В.В. Тулупова. Том Часть I. Воронеж: Воронежский государственный университет, 2020. 117 с.

10. Российская пиарология: тренды и драйверы: Сборник научных трудов в честь профессора В.А. Ачкасовой / Под ред. А.Д. Кривоносова. Том Вып. 11. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный экономический университет, 2021. 103 с. ISBN 978-5-7310-5249-8.

References

1. Berman N.D. On the issue of developing students' information literacy. Modern problems of science and education. 2020. No. 4. P. 3. DOI 10.17513/spno.29923

2. Vasiliev E.A. Consumer protection and the fight against unfair advertising: a comparative analysis of legislative initiatives in Russia and foreign countries. Academic science. 2025. No. 4. P. 20 – 23. DOI 10.24412/3034-4042-2025-4-20-23

3. Journalism and Politics: Interaction and Mutual Influence: Collection of Materials of the III All-Russian Scientific Conference (Arkhangelsk, March 24, 2023), Arkhangelsk, March 24, 2023. Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov", Higher School of Social Sciences, Humanities and International Communication; compiled by N.S. Avdonina. Arkhangelsk: Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov, 2023. 142 p. ISBN 978-5-261-01676-2.

4. Journalism, Advertising, and PR: Traditions and Innovations: Collection of Materials from the Regional Scientific-Practical Conference (Arkhangelsk, April 22, 2022), Arkhangelsk, April 22, 2022. Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, Federal State Educational Institution of Higher Education "Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov", Higher School of Social Sciences, Humanities, and International Communication; compiled by L.V. Zaitseva. Arkhangelsk: Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov, 2022. 128 p. ISBN 978-5-261-01604-5.

5. Kiryushina I. On the Relationship between the Concepts of Fake, Unscrupulous, and Inaccurate Advertising. Jurislinguistics. 2025. No. 35 (46). P. 46 – 50. DOI 10.14258/leglin(2025)3507

6. Kiuru K.V., Krivonosov A.D. Transformations of the media environment as an object of study of the theory of mass communications. Issues of the theory and practice of journalism. 2018. Vol. 7. No. 4. P. 711 – 723. DOI 10.17150/2308-6203.2018.7(4).711-723

7. Kusse H., Shakenova M.T. Media manipulation and complex communication in advertising and talk shows. The world of Russian-speaking countries. 2024. No. 2 (20). P. 54 – 73. DOI 10.20323/2658-7866-2024-2-20-54

8. Shulmin A.V., Marchenko T.A., Rubanova O.S., Kugach V.V. Problems of the quality of Internet content aimed at the consumer of medicines. Vestnik Pharmatsii. 2022. No. 4 (98). P. 15 – 24. DOI 10.52540/2074-9457.2022.4.15

9. Problems of Mass Communication: Proceedings of the international scientific and practical conference of researchers and teachers of journalism, advertising and public relations, Voronezh, May 14-16, 2020. Under the general editorship of V.V. Tulupov. Volume Part I. Voronezh: Voronezh State University, 2020. 117 p.

10. Russian PR: Trends and Drivers: A Collection of Scientific Papers in Honor of Professor V.A. Achkasova. Ed. by A.D. Krivonosov. Volume Issue 11. St. Petersburg: St. Petersburg State University of Economics, 2021. 103 p. ISBN 978-5-7310-5249-8.

Информация об авторе

Остроушко В.В., аспирант, Московский университет имени А.С. Грибоедова, ostroushkovlad012@mail.ru

© Остроушко В.В., 2026

Научно-исследовательский журнал «Филологический вестник / Philological Bulletin»

<https://fv-journal.ru>

2026, Том 5, № 4 / 2026, Vol. 5, Iss. 4 <https://fv-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (с указанием конкретного языка или группы языков) (филологические науки)

УДК 81'42:791.3

DOI: 10.66621/2949-4656-2026-5-4-42-48

Эмотивность как способ создания образа киноперсонажа

¹ Авакян Л.А.,

¹ Государственный институт кино и телевидения

Аннотация: статья рассматривает роль категории эмотивности в создании образа киноперсонажа. Эмотивность – это не только лингвистическая категория, но и связующее звено между внутренним миром киноперсонажа и восприятием кинозрителя. Она реализуется через вербальные, невербальные, визуальные и кинематографические средства для создания многогранного и эмоционально-насыщенного образа. Эти средства работают в комплексе, усиливая друг друга и формируя целостное эмоциональное воздействие на зрителя. Функция эмотивности в создании кинематографического образа заключается в формировании психологического портрета киноперсонажа. Эмотивный фон кинокартины выступает как результат комплексной работы множества элементов киноязыка. Он не просто сопровождает сюжет, а становится его неотъемлемой частью, позволяя зрителю не просто смотреть фильм, но и переживать его. Материалом для изучения роли эмотивности в создании образа киноперсонажа выступает фильм-драма *Aus dem Nichts* / «На пределе».

Ключевые слова: кинематографическое пространство, киноперсонаж, кинозритель, эмоции, эмотивность, кинематографический образ, перцептивный опыт, выразительные средства в кино

Для цитирования: Авакян Л.А. Эмотивность как способ создания образа киноперсонажа // Филологический вестник. 2026. Том 5. № 4. С. 42 – 48. DOI: 10.66621/2949-4656-2026-5-4-42-48

Поступила в редакцию: 28 мая 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 26 июня 2026 г.; Принята к публикации: 17 августа 2026 г.

Emotivity as a way to create a film character

¹ Avakyan L.A.,

¹ State University of Film and Television

Abstract: the article examines the role of the category of emotivity in creating the image of a film character. Emotivity is not only a linguistic category, but also a connection between the inner world of a film character and the viewer's perception. It is realized through verbal, non-verbal, visual, and cinematic means to create a multifaceted and emotionally rich image. These means work in a complex, reinforcing each other and forming a holistic emotional impact on the viewer. The function of emotivity in creating a cinematic image is to form a psychological portrait of a film character. The emotional background of a film is the result of the complex work of many elements of the film language. It not only accompanies the plot, but becomes an integral part of it, allowing the viewer to not just watch the film, but to experience it. The film drama *Aus dem Nichts* / *In the Fade* serves as a material for studying the role of emotivity in creating the image of a film character.

Keywords: cinematic space, film character, film viewer, emotions, emotivity, cinematographic image, perceptual experience, expressive means in cinema

For citation: Avakyan L.A. Emotivity as a way to create a film character. Philological Bulletin. 2026. 5 (4). P. 42 – 48. DOI: 10.66621/2949-4656-2026-5-4-42-48

The article was submitted: May 28, 2026; Approved after reviewing: June 26, 2026; Accepted for publication: August 17, 2026.

Введение

Кино как социокультурный феномен стало одним из самых важных инструментов для формирования мировоззрения общества и его культуры. Это связано с тем, что заложенные в нем многогранные возможности связываются не только с отражением реальности, но и с созданием новых культурных смыслов и ценностей, которые продуцирует кинозритель через интерпретацию образов, символов и мотивов фильма, активно включаясь в его пространство. Подобный уровень осмысления роли кино задает условия для разветвления теоретических построений о роли и силе воздействия кино на зрителя.

Материалы и методы исследований

Материалом исследования является фильм-драма *Aus dem Nichts* / «На пределе». Методологической основой исследования выступает комплексный подход к анализу портрета главного киноперсонажа фильма через демонстрацию комплекса вербальных и невербальных знаков, визуальных и звуковых элементов. Применение метода мотивного анализа способствовало раскрытию глубинных механизмов характера главной героини фильма и выявлению ключевых мотивов («утраты», «справедливости», «одинокости», «памяти») ее поступков. Это помогает кинозрителю понять, как через повторяющиеся мотивы режиссёр создаёт мощный, эмоционально заряженный портрет человека, доведённого до предела. Ключевые элементы психологического анализа позволили раскрыть внутренний мир главной героини фильма и показать, как человек справляется с невыносимой болью и ищет выход из жизненного тупика. Лингвистический, экстралингвистический и паралингвистический анализы элементов речи и поступков киногероев выявили сценарные и нарративные механизмы, на которых строится весь драматический эффект фильма.

Результаты и обсуждения

Исследователь в области семиотики кино Юрий Лотман предлагает взять за основу изучения роли кино и его воздействия на кинозрителя «разнообразие построенной, сложно организованной и предельно сконцентрированной информации, понимаемой в широком, винеровском смысле, как совокупность разнообразных интеллектуальных и эмоциональных структур, передаваемых зрителю и оказывающих на него сложное воздействие – от заполнения ячеек его памяти до перестройки структуры его личности» [1, с. 24].

Признавая величие кино как феномена, создающего свою реальность через синтез разнообразных связанных аспектов (технических, художественных и социальных), Лотман полагает, что именно это и даёт возможность зрителю не только пережить пространство этой реальности, но и осмысливать её в контексте собственного пространства и собственной жизни. «Зритель поставлен между двумя реальностями: как человек, погруженный в практическую жизнь, он принадлежит миру практической жизни, но как зритель он перенесен в киномир, воспринимаемый им также как некоторая реальность» [2, с. 16].

Оживляя образы и события, кино расширяет интеллектуальные и нравственные горизонты зрителя, его знания об истории и культуре «Другого». Эти положения, рассмотренные ранее [3], можно рассматривать как основу для создания многогранных кинообразов, требующих от современного культурного и требовательного зрителя активного осмысления фильма и сопереживания его героям.

Идентифицируя себя с киногероем, зритель включается во внутреннее пространство персонажа, в историю его отношений; он (зритель) «находит и узнает себя», принимает модель поведения и мышления персонажа, проецируя на себе не только его социально-культурное, но и эмоциональное состояние. Понятия «идентификация», «киногерой», «кинообраз», «зрительское восприятие» становятся здесь не только ключевыми по своей природе, но и тесно связываются с выявлением и реактивацией той реальности, которая уже заложена и содержится во внутреннем мире зрителя. Это трансформирует не только нормы восприятия кинофильма (киноперсонаж превращается в совокупность образов, которые формируются через различные элементы киноязыка – визуальные, звуковые, текстовые, создавая его многогранный облик), но и оказывает прямое влияние на восприятие, осмысление и познание зрителем окружающего его мира.

Итальянский психолог, создатель метода синемалогии Антонио Менегетти показывает, что ситуацию связанности киноперсонажа и кинозрителя невозможно изучать без учёта их внутреннего мира, бессознательных процессов и способа восприятия кинематографических образов. Фильм представляется им как «комплексное действие, проникающее в глубинную жизнь зрителя». Далее: «Фильм никогда не смог бы сам по себе дать начало эмоциональным процессам, если бы они уже не существовали и не были актуальными в самом бессознательном. Впитывая те или иные образы, зритель неосознанно становится их продолжением, действуя на основе полученной через образы информации» [4, с. 13].

В результате киноперсонаж и кинозритель оказываются на одном поле с определенными фигуративными отношениями. Ставится вопрос их взаимодействия и связанности; чем дальше развиваются история и события в фильме, а с ними вместе иерархия действий персонажа – внутреннее (душевное состояние), внешнее (поступки и противостояния другим героям), прямое (динамика действий в кадре) и отраженное (реакция зрителя), тем отчетливее раскрывается сущность его образа.

Таким образом, заложенные в кинематографическом образе многогранные действия представляют собой динамичную систему. В центре внимания находится целый комплекс взаимосвязанных элементов (компоненты драматургии, смысловые детали, структура истории, столкновения персонажей, лейтмотив), обеспечивающих развитие сюжета и раскрытие характера киногероя. Наряду с этими элементами, при которых формируется целостность кинофильма, возникает широкое пространство отношений *киноперсонаж ↔ кинозритель*, в рамках которых выстраивается сложная система взаимодействий психологических, художественных и коммуникативных аспектов.

Французский философ и семиотик Ролан Барт, затрагивая вопросы теории кино, подчеркивает, что фильм невозможно осмыслить, считая его «чисто семиологическим образованием», целиком сводя его «к грамматике знаков». Ученый указывает на основательность считать кино также и сложной системой взаимодействия как структурных, так и коммуникативных и культурных аспектов. «Фильм насыщен знаками, которые создаются и упорядочиваются его автором и адресуются зрителю; он хоть и отчасти, но бесспорно связан с общей коммуникативной функцией» [5, с. 358]. В результате взаимодействий, эти аспекты формируют и направляют зрителя, перенося его в «пространство» фильма и его «шоковой терапии», когда, как полагает Делёз, «мы больше не можем сказать «я вижу, я слышу», но говорим Я ЧУВСТВУЮ» [6, с. 471].

Речь идет об активной художественной коммуникации и перцептивном опыте зрителя, позволяющий ему принять участие в судьбе киноперсонажа, проходя «вдоль цепи» его действий, его душевных переживаний и различных событий, связанных с этими переживаниями. Именно поэтому Делёз рассматривает кино не только как эмоциональный посредник между киноперсонажем и кинозрителем как «двух полюсов перцепции», но и как сложный и многогранный феномен, который через эмоциональные и перцептивные процессы влияет на мышление, восприятие и опыт зрителя. «Кинематографический образ и его автоматическое движение пробуждает в нас духовный автомат, а тот, в свою очередь, на него реагирует» [6, с. 469].

Подобная постановка вопроса ставится в разных контекстах, связанных с изучением механизмов восприятия кино (память, мышление и эмоции) и его влияния на кинозрителя (интерпретация посыла фильма и связанные с этим процессом духовные переживания). Это та модель кинематографического пространства, в которую вливаются различные смыслы, начиная от замысла режиссера и глубины его кинопроизведения и заканчивая восприятием кинозрителем смысла фильма, а значит и созданием эмоционального опыта зрителя через восприятие кинематографических образов, символов, визуальных и эмоциональных приёмов. Так взаимодействие двух миров, экранного и реального, усиливает эмоциональную реакцию кинозрителя, а «эмоции, отображаемые на экране, вызывают ответную эмоциональную реакцию зрителя, что превращает художественный фильм в своего рода эмоциональное событие» [7, с. 16]. Здесь ключевое значение имеет эстетический и художественный образ киноперсонажа, что задает определенное эмоциональное настроение кинозрителю, ибо он (киноперсонаж) выстраивает процесс художественной и эмоциональной коммуникации с кинозрителем. Это позволяет сделать вывод о том, что эмоции коммуникативны, им свойственно оценить и отразить события и действия в фильме, ибо они «являются информацией о состоянии внутреннего «Я», его сознания и психики» [8, с. 24-25], а зритель не только считывает смысл происходящего на экране, но формирует также свое отношение к киноперсонажу и его образу.

Учитывая комплексный подход в теоретических концепциях кино и его воздействия на кинозрителя, можно заявить – многогранность кино как социально-культурного и художественного феномена проявляется в его способности не только отражать реальность, но и воздействовать на эмоции человека. При этом в центре внимания находятся кинематографические образы, которые репрезентируются как активные и подвижные в сложных взаимоотношениях и взаимодействиях. Выразительные средства (актерское исполнение, выстраивание и соединение кадров, «подвижный глаз» камеры, свет как средство передачи эмоциональной атмосферы и внутреннего состояния героев и событий, звук как основной эмоциональный тон фильма и средство передачи настроения киногероев, цветовая палитра как инструмент для усиления драматизма и управляя эмоциями кинозрителя) оказываются связанным, а значит и ключевым в создании кинематографических образов. Передача драматургии, как глубинного пласта кинопроизведения, определяет структуру, динамику и эмоциональное воздействие фильма, вовлекая зрителя в эмоциональный опыт киноперсонажа в его судьбу, эмоции и переживания.

Таким образом, как мы отмечали ранее [9], имеет смысл говорить о формировании и реализации категории эмотивности в кино, прагматическая направленность которой заключается не только в воздействии на кинозрителя, в побуждении его к ответной эмоциональной реакции, в трансформации его чувств, мыслей или воззрений, но и в усилении эмоциональной значимости кинокартины.

В сущности, речь идет о кино не только как кинематографическом продукте. Кино выступает как эмоциональный текст, включающий в себя особый комплекс вербальных и невербальных знаков, визуальных и звуковых элементов, которые, взаимодействуя между собой в единстве, формируют и реализуют эмоциональный и смысловой посыл фильма, глубоко вовлекая кинозрителя в эмоциональный опыт киноперсонажа.

Следует отметить, что проблема реализации эмотивности в кино ставится в разных контекстах. Речь идет не только лингвистических средствах (грамматические, лексические, и интонационные особенности речи киноперсонажа), экстралингвистических элементах речи (темп, ритм, включение пауз, молчание, вздохи, плач, смех) и паралингвистических средствах (жесты, поза, мимика). Важным дополнением служит и эстетическая направленность фильма, которая формирует восприятие кинопроизведения и создает определенную эмоциональную атмосферу и художественную ценность. Понятия «гармоничный и выразительный образ», «эмоциональное воздействие», «эмоциональное восприятие» и «эмоциональная выразительность» становятся ключевыми элементами структуры и смысла фильма и тесно связываются с ключевой эстетической составляющей кинематографа – художественным образом.

У историка эстетики В.В. Быкова художественный образ представляет собой целостную структуру, в основе которой лежит «антиномическое единство образа и прообраза». Именно через сочетание противоречий и открывается путь реципиенту для более глубокого восприятия любого произведения, в том числе и кинофильма. Так Быков указывает на основательность придать художественному образу сложный многоуровневый характер, который раскрывается в его «духовно-эйдетической целостности, выражающей, презентующей некую реальность и реализующейся во всей своей полноте только в процессе эстетического восприятия конкретного произведения искусства конкретным реципиентом в его внутреннем мире» [10, с. 266-270].

В контексте кинематографа восприятие художественного образа кинозрителем предполагает активный процесс взаимодействия эстетических, эмоциональных и психологических аспектов. Подобная взаимосвязь формирует уникальный опыт восприятия для зрителя: эстетика фокусируется на создании выразительного образа киноперсонажа, усиливающего эмоциональное воздействие на кинозрителя, эмотивность – на передаче чувств и эмоций, психологический аспект – на творческом процессе познания образов, посылов и идей фильма.

Это не оставляет места для утверждения образа киноперсонажа как ключевой эстетической и эмоциональной основы фильма, объединяющей в себе художественные, эстетические и эмоциональные аспекты, что формирует у зрителя целостное восприятие кинематографического произведения.

Особый интерес в контексте рассматриваемой темы представляет драматический фильм известного немецкого кинорежиссера Фатиха Акина *Aus dem Nichts* («На пределе», 2017 г.). Использование ряда выразительных средств для передачи эмоций киноперсонажей и раскрытия темы трагедии убитой горем Кати (главная героиня фильма, муж и шестилетний сын которой становятся жертвами неизвестных убийц), художественное построение образов фильма и его визуально-пластическая образность играют ключевую роль в создании эмотивного пространства фильма. Здесь И.В. Зыкова подчеркивает важность участия эмотивов и реализации их креативных возможностей в создании вербальной структуры фильма. В контексте рассматриваемого фильма это особенно важно для создания его эмоционального пласта [11].

Структура фильма, его визуальные и нарративные приемы, звуковое и цветовое решение, актерская игра, речь персонажей, взаимодействие вербальных и невербальных компонентов составляют ту сложную систему, которая погружает зрителя в глубокий эмоциональный мир главной героини, растерянной и раздавленной утратой семьи, но пытающейся справиться с горем. Трагичная судьба Кати Йессен предлагает зрителю ряд глубоких размышлений о сложных взаимоотношениях в семье и обществе, о разрушительной силе мести и невозможности искоренить зло через насилие.

Контраст между прошлым и настоящим, между разными культурными и этническими фонами главных героев (Катя – немка, Нури – турецкий эмигрант) задает тон всей истории фильма. А.П. Петрова, исследуя эволюцию образа киногероя, отмечает, что процесс его формирования и становления неотрывно от процессов, отражающих доминирующую картину в обществе, что и задает границы их поступкам [12]. Не случайно, фильм начинается с радостной сцены бракосочетания, которая как начальный эпизод, работает впоследствии на общую драматургию всей картины. Как тщательно продуманный драматургический инстру-

мент, этот радостный момент жизни главных героев позволяет кинозрителю узнать об их непростой истории (брак регистрируется в тюрьме, где Нури отбывал наказание), о силе их чувств, о настоящей любви, способной преодолеть культурные и социальные барьеры в современном немецком обществе. Сцена бракосочетания показательна и тем, что помогает зрителю прочувствовать эмоциональное состояние киноперсонажей, их оптимистическое настроение и планы на будущее. Использование длинных кадров и контрастных художественных символов и образов (тюрьма как символ прошлого, бракосочетание в тюрьме как символ надежды и начала новой жизни) позволяет зрителю сосредоточиться на каждом движении киноперсонажей, глубоко погружая его в визуальное и эмоциональное пространство эпизода. Употребление в речи главного киноперсонажа Нури конструкции для обозначения перехода к серьезному этапу в жизни „*Jetzt wird es ernst*“ (Пер.: «Сейчас начнётся самое главное») [13], фразы с коннотативной окраской „*Kann ich sie jetzt küssen?*“ [13]. (Пер.: «Теперь я могу её поцеловать?») создают эмотивный компонент и влияют на его художественный образ, создавая возможность кинозрителю проникнуться симпатией к нему. Художественная реальность начальной сцены фильма и образов главных киноперсонажей (Нури и Кати) формируются посредством системы эмотивных нарративных приемов, создавая мощный эмоциональный резонанс. Зритель вовлекается в сюжет и создает психологически достоверный образ Нури как отца, переживающего за своего сына и его будущее „*Mein Sohn. Der wird es weiterbringen als ich*“ [13]. (Пер.: «Мой сын. Он пойдет дальше, чем я»); эмотивные высказывания с применением уменьшительно-ласкательных суффиксов „*Tschüss Schnekelchen! – Tschüss, Mami!*“ [13]. (Пер.: «Пока, милый! – Пока, мамочка!») раскрывают выразительность и глубину отношений матери и сына. Если прошлое киноперсонажей в фильме сосредоточено на идее гармонии и идиллии, то настоящее мгновенно разрушает хрупкий мир Кати после теракта, в результате которого погибают её любимые мужчины – муж и сын. Художественный прием, используемый режиссером (короткие видео, снятые на телефон, которые Катя постоянно пересматривает), создают контраст «до» и «после». Резкий переход от этих кадров к реальности (пустая комната сына, где она лежит и рыдает, тишина в доме) и проявление тактильной памяти со слезами на глазах (постоянное перематывание кадров, увеличение изображений лиц мужа и сына, паузы на кадрах) делает горе главной героини осязаемым, вызывая чувство сострадания и создавая определенный эмоциональный опыт для кинозрителя. Подобный контрастивный стык эмоций способствует не только усилению драматизма, но и раскрытию и развитию образа главного киноперсонажа Кати.

Наиболее мощным эмоциональным узлом в этом контексте становится диалог главной героини со следователем. Здесь максимально раскрывается эмоциональная палитра персонажей – глубокая личная трагедия женщины, ее внутренний конфликт; противоречие между ее чувствами сталкиваются с формальным подходом представителя системы правосудия, лишённого искренности и эмпатии. Каждый новый вопрос следователя вызывает обиду и эмоциональную напряженность в глазах и мимике главной героини. Речь сбивчива, прерывается паузами, реплики короткие. Напряжение между персонажами нарастает, когда Катя пытается защитить память сына, отвечая на вопрос „*Sind Sie noch anderweitig berufstätig? – Ich war Mutter!*“ [13]. (Пер.: «Вы все еще работаете в другом месте? – Я была мамой!»). Как ключевой момент фильма, эта фраза становится эмоциональным триггером, вызывая у кинозрителя чувства сострадания и сопереживания, воспоминания и переживания, связанные с потерей родных и близких, с историей о выживании в сложнейших ситуациях, предлагая ему тем самым задуматься о смысле своей жизни.

Выводы

Поиск справедливости и надежда главной героини фильма на правосудие в обществе сменяется полным разочарованием в системе, которая защищает виновных из-за их принадлежности к «своим». Построение драматургии контрастов на резких переходах (от семейного тепла и любви к холоду после потери, от веры в справедливость к осознанию ее отсутствия, от гармонии в семье к враждебности окружающего мира) превращает фильм в «эмоциональное событие», а эмотивность – в инструмент создания эмоционального воздействия на кинозрителя. Так благодаря своей сложной эмоциональной структуре фильм «*На пределе*» становится не только глубоким художественным высказыванием, но и эмоциональным переживанием, отражающим сложность человеческой природы. Это заставляет зрителя размышлять о глубоких психологических вопросах в своей жизни, о природе горя, потерь, поиска справедливости, оставляя пространство для переосмысления своих жизненных принципов, новых смыслов и приоритетов. Значимой видится роль эмотивности в кино как сложного синтеза визуальных, звуковых, нарративных и культурных элементов, которые являются ключевыми компонентами в формировании смысловой глубины фильма и уникального эмоционального опыта кинозрителя.

Список источников

1. Лотман Ю.М. Семиотика кино и проблемы киноэстетики. Таллин: Ээсти Раамат, 1973. 135 с.
2. Лотман Ю.М., Цивьян К.Г. Диалог с экраном. Таллинн: Александра, 1994. 216 с.
3. Авакян Л.А. Кино и социокультурная реальность: особенности культурного кода Востока на примере туркменского фильма «Тихая невеста» // Восток – Запад: национальные коды в межкультурной коммуникации: Материалы Всероссийской научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 29 ноября 2023 года. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный институт кино и телевидения, 2024. С. 22 – 23.
4. Менегетти А. Синемалогия для молодежи. Кино. Онтопсихологический подход. М.: «Онтопсихология», НФ «Антонио Менегетти», 2019. 169 с.
5. Барт Р. Система Моды. Статьи по семиотике культуры: пер. с фр. С.Н. Зенкина. М.: Издательство им. Сабашниковых, 2003. 512 с.
6. Делёз Ж. Кино: пер. с фр. Б. Скуратов. М.: Ад Маргинем, 2004. 318 с.
7. Анищенко А.В. Моделирование эмотивных смыслов в немецкоязычных фильмах с аудиодескрипцией // Вестник Московского лингвистического университета. Серия: Гуманитарные науки. 2020. № 9 (838). С. 11 – 22.
8. Шаховский В.И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1987. 193 с.
9. Авакян Л.А. Эмотивность и её реализация в кино // Теоретический и научно-практический журнал по гуманитарным наукам. Общество и человек. 2026. № 1 (56). С. 65 – 68.
10. Бычков В.В. Эстетика: Учебник для вузов. М.: Академический Проект, 2020. 452 с.
11. Зыкова И.В. Эмотивная лексика в кинодискурсе с позиции лингвокреативности (на материале фильмов на английском, русском и китайском языках) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2024. Т. 21. № 1. С. 182 – 207.
12. Петрова А.П. Эволюция образа киногероя в отечественном кинематографе XX века // Международный журнал исследований культуры. 2021. № 2 (43). С. 60 – 86.
13. Фильм «Aus dem Nichts». URL: <https://2sub.movie/film/aus-dem-nichts-2017/?ysclid=mpyf6jyv8s748370651#watch> (дата обращения: 05.03.2026)

References

1. Lotman Yu.M. Semiotics of Cinema and Problems of Cinema Aesthetics. Tallinn: Eesti Raamat, 1973. 135 p.
2. Lotman Yu.M., Tsiyvan K.G. Dialogue with the Screen. Tallinn: Alexandra, 1994. 216 p.
3. Avakyan L.A. Cinema and Sociocultural Reality: Features of the Cultural Code of the East on the Example of the Turkmen Film "The Quiet Bride". East – West: National Codes in Intercultural Communication: Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference, St. Petersburg, November 29, 2023. St. Petersburg: St. Petersburg State Institute of Film and Television, 2024. P. 22 – 23.
4. Meneghetti A. Cinemalogy for Youth. Cinema. Ontopsychological Approach. Moscow: "Ontopsychology", NF "Antonio Meneghetti", 2019. 169 p.
5. Barthes R. The Fashion System. Articles on the Semiotics of Culture: trans. from French by S.N. Zenkin. Moscow: Sabashnikov Publishing House, 2003. 512 p.
6. Deleuze J. Cinema: trans. from French by B. Skuratov. Moscow: Ad Marginem, 2004. 318 p.
7. Anishchenko A.V. Modeling Emotive Meanings in German-Language Films with Audio Description. Bulletin of the Moscow Linguistic University. Series: Humanities. 2020. No. 9 (838). P. 11 – 22.
8. Shakhovskiy V.I. Categorization of Emotions in the Lexical-Semantic System of Language. Voronezh: Voronezh University Publishing House, 1987. 193 p.
9. Avakyan L.A. Emotivity and Its Implementation in Cinema. Theoretical and Scientific-Practical Journal on the Humanities. Society and Man. 2026. No. 1 (56). P. 65 – 68.
10. Bychkov V.V. Aesthetics: A Textbook for Universities. Moscow: Academic Project, 2020. 452 p.
11. Zyкова I.V. Emotive Lexicon in Film Discourse from the Perspective of Linguocreativity (Based on Films in English, Russian, and Chinese). Bulletin of St. Petersburg University. Language and Literature. 2024. Vol. 21. No. 1. P. 182 – 207.
12. Petrova A.P. The Evolution of the Image of the Film Hero in Russian Cinema of the 20th Century. International Journal of Cultural Studies. 2021. No. 2 (43). P. 60 – 86.
13. Film "Aus dem Nichts". URL: <https://2sub.movie/film/aus-dem-nichts-2017/?ysclid=mpyf6jyv8s748370651#watch> (date of access: 05.03.2026)

Информация об авторе

Авакян Л.А., кандидат философских наук, доцент, Государственный институт кино и телевидения, avako-
valora@mail.ru

© Авакян Л.А., 2026

Научно-исследовательский журнал «Филологический вестник / Philological Bulletin»

<https://fv-journal.ru>

2026, Том 5, № 4 / 2026, Vol. 5, Iss. 4 <https://fv-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации (филологические науки)

УДК 81.1

DOI: 10.66621/2949-4656-2026-5-4-49-54

Психолингвистический алгоритм развития красноречия и эмоционального интеллекта посредством работы с юридическими текстами полицейской тематики (теоретический аспект)

¹ Шунякова О.В., ¹ Багрецов Д.Н.,

¹ Уральский юридический институт МВД России

Аннотация: в настоящей статье рассмотрен психолингвистический алгоритм развития красноречия и эмоционального интеллекта посредством работы с юридическими текстами полицейской тематики. Исследование нацелено на понимание перцептивно-генеративных и эмоционально-когнитивных процессов, способствующих наилучшему усвоению языкового учебного материала. Статья содержит теоретическое междисциплинарное представление о феномене «эмоционального интеллекта», который рассмотрен как психопедагогический инструмент перцепции и отклика на ознакомление с прочитанным материалом профессиональной тематики, что формирует способность к красноречию, изучаемому в рамках риторики как способности репродуцировать прочитанное, пропущенное через призму субъективно-собственного восприятия. В рамках междисциплинарного подхода к изучению явлений красноречия и эмоционального интеллекта предлагается их актуализация в разработанном авторами трехступенчатом психолингвистическом алгоритме развития красноречия и эмоционального интеллекта посредством работы с юридическими текстами полицейской тематики. Первая ступень содержит описание лингвоперцептивных процессов, в том числе связанных с перцепцией как первичным откликом на прочитанный материал, вторая ориентирована на формирование собственно-лингвистической работы с текстом и осмыслением его содержания посредством включения эмоционального интеллекта как особой вовлеченности в процесс осмысления профессионального текста, а третья связана с генерацией собственного текста высказывания на основе прочитанного посредством техник красноречия. Полученный алгоритм может быть применен на учебных дисциплинах языкового цикла «Иностранный язык» (английский) и «Риторика».

Ключевые слова: психолингвистический алгоритм работы с юридическими текстами полицейской тематики, красноречие, эмоциональный интеллект, тексты полицейской тематики, дисциплины языкового цикла

Для цитирования: Шунякова О.В., Багрецов Д.Н. Психолингвистический алгоритм развития красноречия и эмоционального интеллекта посредством работы с юридическими текстами полицейской тематики (теоретический аспект) // Филологический вестник. 2026. Том 5. № 4. С. 49 – 54. DOI: 10.66621/2949-4656-2026-5-4-49-54

Поступила в редакцию: 29 мая 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 27 июня 2026 г.; Принята к публикации: 17 августа 2026 г.

A psycholinguistic algorithm for developing eloquence and emotional intelligence through working with police-related legal texts (theoretical aspect)

¹ Shunyakova O.V., ¹ Bagretsov D.N.,

¹ Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Abstract: this article examines a psycholinguistic algorithm for the development of eloquence and emotional intelligence through working with police-related legal texts. The research is aimed at understanding the perceptual-generative and emotional-cognitive processes that contribute to the best assimilation of language learning material. The article contains a theoretical interdisciplinary understanding of the phenomenon of “emotional intelligence”, which is considered as a psychopedagogical

toolkit of perception and response to reading professional-related material, which forms the ability to eloquence, studied within the framework of Rhetorics as the ability to reproduce the read texts, passed through one's own subjective perception. Within the framework of an interdisciplinary approach to the study of the phenomena of eloquence and emotional intelligence, their actualization is proposed in the three-stage psycholinguistic algorithm for the development of eloquence and emotional intelligence developed by the authors through work with legal texts on police subjects. The first stage contains a description of linguoperceptive processes, including those related to perception as the primary response to the material read, the second is focused on the formation of proper linguistic work with the text and understanding its content through the inclusion of emotional intelligence as a special involvement in the process of comprehending professional text, and the third is associated with the generation of one's own text of utterance based on what is read through techniques eloquence. The algorithm of psycholinguistic work includes a description of perceptual, linguistic and linguogenerative mechanisms of work based on an appeal to emotions about what has been read, psychological and linguistic means of work, pedagogical techniques, a method of analysis and expected results, as well as external factors such as a marker of emotion formation. The obtained algorithm can be applied in the academic disciplines of the language cycle "Foreign Language" (English) and "Rhetorics".

Keywords: psycholinguistic algorithm for working with police-related legal texts, eloquence, emotional intelligence, police-related texts, language cycle disciplines

For citation: Shunyakova O.V., Bagretsov D.N. A psycholinguistic algorithm for developing eloquence and emotional intelligence through working with police-related legal texts (theoretical aspect). Philological Bulletin. 2026. 5 (4). P. 49 – 54. DOI: 10.66621/2949-4656-2026-5-4-49-54

The article was submitted: May 29, 2026; Approved after reviewing: June 27, 2026; Accepted for publication: August 17, 2026.

Введение

В рамках большинства современных лингвистических концепций первоочередную значимость составляет работа с текстами профессиональной тематики – сколь возможно более глубокая и подробная. Более того, формирование подобного алгоритма работы позволило бы более эффективно применять его в рамках языковых исследований и в преподавании языковых дисциплин. Особенно интересна разработка коммуникативного аспекта лингвистических феноменов с опорой на концепцию эмоционального интеллекта: это позволяет рассмотреть данные явления с разных сторон, привлекая материалы и методы из смежных дисциплин. В настоящее время существует недостаточное количество лингвистических работ, посвященных данному явлению и находящихся на стыке языкознания, психологии, лингводидактики.

Разработка и обоснование применения с описанием предполагаемого результата психолингвистического алгоритма работы с юридическими текстами полицейской тематики, способствующего развитию эмоционального интеллекта и красноречия могло бы решить данную проблему.

Целью исследования считаем понимание перцептивно-генеративных и эмоционально-когнитивных процессов, способствующих наилучшему усвоению языкового учебного материала посредством теоретического описания психолингвистического алгоритма работы с юридическими текстами полицейской тематики посредством развития красноречия и эмоционального интеллекта. К **задачам** относим изучение теоретического материала, формирование теоретической базы исследования и понятийного аппарата, разработку психолингвистического алгоритма работы с юридическими текстами полицейской тематики.

Материалы и методы исследований

Материалом для исследования выступили рабочие программы учебных дисциплин «Иностранный язык» (английский) и «Риторика» специальностей 38.05.01 – Экономическая безопасность, 40.03.02 – Обеспечение законности и правопорядка, 40.05.01 – Предварительное расследование в ОВД.

К *методам исследования* отнесем изучение теоретического материала на подготовительном этапе исследования, сравнение, дедукцию, индукцию как средство положительного переноса знаний из нескольких областей знаний (психология, педагогика, лингводидактика, риторика) в психолингвистику, на этапе описания теоретико-методологического базиса исследования, анализ и синтез, а также системный подход на этапе составления психолингвистического алгоритма работы с юридическими текстами полицейского характера.

На сегодня очевидно недостаточно внимания уделяется развитию эмоционального интеллекта, однако для эффективной работы с документами и коммуникации на данной основе необходимо создание психолингвистического алгоритма работы с юридическими текстами полицейской тематики.

Результаты и обсуждения

Теоретической базой исследования послужили работы Исаковой И.А., Казыдуб Н.Н. (инструментальные аспекты профессионального текста) [5, с. 120-131], Шадаевой Л.И., Олянича А.В. [8], а также в области полицейского текста Исаковой И.А., Шлепнева Д.Н. [14, с. 174-177], Петровой Е.А. (описание языка специальности) [9, с. 169-175]. Анализ профессионального текста изучался Пыхтиной Ю.Г., Якимовым П.А. [10, 59-66], Рачковой Е.В., (по уровням языка) [11, с. 5-6]. Риторiku и коммуникацию в профессиональной среде рассматривали Михайлова А.Г. (риторический анализ текстов через техники красноречия) [6] и Аннушкин В.И. (методические аспекты) риторики и культуры речи для гуманитарных дисциплин [2], теорию аргументации изучал Волков А.А., Табатчикова К.Д. [3], а методики обучения коммуникации в лингводидактическом контексте рассматривала Михайлова А.Г. [6], (для иностранных языков это Е.В. Рачкова с ее поступенчатой методикой) [11, с. 5-6], коммуникативный подход к обучению иностранным языкам рассматривала Захарова Г.В. [4], Зимняя И.А., Кучеренко Н.Л., Капинос В.И., а профессионально ориентированное преподавание иностранного языка – Иванова О.Ю., Образцов П.И. [7], принципы содержательно-тематического анализа текста рассматривали Ионов С.В., Берельсон Б.; лингвopsихические когнитивные основы речевой деятельности изучали Зимняя И.А., Выготский Л.С., Величковский Б.М., а психолингвистические – Панкрац Ю.Г., Демьянков В.З., Кубрякова Е.С., Арутюнова Н.Д. и др.

Психология эмоционального интеллекта рассматривалась в общем плане Айзенком Г.Ю. (психологическое направление перцептивно-когнитивного процесса) [1], Д.М. Рыжовым (ретроспектива исследования процессов психики, представления об интеллекте) [12, с. 142-147], структура и модели эмоционального интеллекта изучалась Федосовой И.В. [13], Шевыревой Е.Г., эмоциональный интеллект в деятельности полиции через призму педагогики и психологии изучала Якимова З.В. [15].

Полицейским текстом, по Ю.Г. Пыхтиной [10, с. 59-66], Е.В. Рачковой [11, с. 5-6], Д.Н. Шлепневу [14, с. 174-177], Е.А. Петровой [9, с. 169-175], считаем результат профессиональной полицейской коммуникативной письменной и устной деятельности и продукт коммуникации социально-правового характера, отражающий коммуникативные процессы в профессиональной среде, вызывающий эмоциональный отклик для оценки коммуникативной ситуации.

Первая ступень содержит описание лингвоперцептивных процессов, в том числе связанных с восприятием как первичным откликом на прочитанный материал. *К психологическим механизмам*, участвующим на данном этапе, относим перцептивные механизмы как основу первичного восприятия. *Лингвопроцессы* включают познавательный процесс, направленный на извлечение информации. *Работа с текстом* предполагает просмотровое чтение или чтение с целью первичного ознакомления с текстом, определение темы, микротем, выделение логических блоков на основе объединенных микротем, составление аннотативного краткого содержания текста. *Типы упражнений*: 1. Look at the title of the police-oriented text. Anticipate its content and its relation to the topic under study. 1. Посмотрите на заголовок текста полицейской направленности. Предвосхитите его содержание и соотношение с изучаемой темой. 2. Просмотрите текст бегло. Определите темы, микротемы, подтемы, логические блоки. Укажите какие ключевые слова можно выделить. 2. Review the text briefly. Identify topics, microthemes, subtopics, and logical blocks. Specify the key-words to be highlighted. *Предполагаемый результат* должен включать воспринятое и освоенное общее содержание текста, его тематических и логических составляющих.

Вторая ступень учитывает реализацию лингвокогнитивных и перцептивных процессов и ориентирована на формирование собственно-лингвистической работы с текстом и осмыслением его содержания посредством включения эмоционального интеллекта как особой вовлеченности в процесс осмысления профессионального текста. *Лингвопроцессы* представлены собственно-лингвистическими механизмами осмысления прочитанного. *Психологические механизмы* включают эмоциональный интеллект как фактор включенности в восприятие и осмысление прочитанного. *Работа с текстом* связана с пониманием содержания текста в деталях в рамках изучения каждой микротемы в информационно-языковом аспекте, а также в рамках подключения к осмыслению содержания посредством формирования эмотивной оценочности фактов профессионального и научного характера. *Типы упражнений*: 1. Study the logical blocks or microthemes of the text in detail. Highlight the new information. 1. Изучите логические блоки или микротемы текста в деталях. Выделите новую информацию. 2. Form your opinion and emotional-evaluative attitude towards what you have read. Determine in what way the information received should be evaluated from a professional and scientific perspective. 2. Сформируйте свое мнение и оценочное отношение к прочитанному. Определите, в каком ключе следует оценивать полученную информацию с профессиональной и научной позиции. *Предполагаемый результат* содержит воспринятое и освоенное в деталях содержание отдельных частей текста, сформированное эмотивно-оценочное отношение к каждой релевантной описанной проблеме.

Третья ступень анализа текста связана с генерацией собственного текста высказывания на основе прочитанного посредством техник красноречия. *Лингвопроцессы* представлены порождением собственного высказывания при помощи красноречия, а также процессом коммуникации в целом. *Психологические механизмы* базируются на лингвогенеративных механизмах работы мозга и речевого аппарата, включают мотивацию к высказыванию собственного эмотивно-оценочного мнения о прочитанном. *Работа с текстом* сопряжена с обсуждением прочитанного на основе сформированного эмотивно-оценочного мнения, выраженного посредством текста собственного высказывания профессионального и научного характера. *Типы упражнений*: 1. Mark the main communicative positions on which you are going to express your own emotional and evaluative opinion. 1. Отметьте основные коммуникативные позиции, по которым вы собираетесь выражать собственное эмотивно-оценочное мнение. 2. Select the appropriate arguments and/or counterarguments to express your own position. Determine the type of eloquence you will be addressing to the audience. 2. Подберите соответствующие аргументы и/или контраргументы для выражения собственной позиции. Определите тип красноречия, к которому будете обращаться. 3. Identify the characteristic features of this type of eloquence applicable to the specific material read. 3. Определите характерные особенности данного типа красноречия, применимые к конкретному прочитанному материалу. 4. Form your own statement thereto. 4. Сформируйте собственное высказывание. *Предполагаемый результат* содержит сформированное собственное эмотивно-оценочное высказывание по теме.

Выводы

Подводя итог, отметим, что психолингвистический алгоритм развития красноречия и эмоционального интеллекта посредством работы с юридическими текстами полицейской тематики способствует наилучшему усвоению языкового учебного материала в содержательном аспекте посредством перцептивно-генеративных и эмоционально-когнитивных механизмов восприятия.

Трехступенчатый психолингвистический алгоритм работы с юридическими текстами полицейской тематики ориентирован на собственно-лингвистическую работу с текстом и осмыслением его содержания посредством включения эмоционального интеллекта, а также на создание собственного текста посредством техник красноречия. Полученный алгоритм может быть применен на учебных дисциплинах языкового цикла «Иностранный язык» (английский) и «Риторика», переосмыслен в рамках иных языковых дисциплин или тематик, рассмотрен в срезе синхронии или диахронии через призму его теоретического осмысления или практической актуализации.

Список источников

1. Айзенк Г.Ю. Интеллект: новый взгляд // Вопросы психологии. 1995. № 1. С. 111 – 129.
2. Аннушкин В.И. Предмет риторики и культуры речи в составе речеведческих и общегуманитарных дисциплин // Культура речи сегодня: теория и практика: коллективная монография / сост. Л.Н. Дмитриевская. М.: МИОО, 2009. 200 с.
3. Волков А.А. Теория риторической аргументации. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2009. 398 с.
4. Захарова Г.В. Развитие коммуникативного подхода к обучению иностранным языкам (историко-методический аспект): автореф. дис. ...канд. пед. наук. Москва, 1991. 19 с.
5. Казыдуб Н.Н. Стратегический инструментальный дискурсивного пространства // Magister Dixit, 2015. № 3 (19). С. 120 – 131.
6. Михайлова А.Г. Риторический анализ текстов на занятиях по учебной дисциплине "риторика" в образовательных организациях МВД России // Вестник УЮИ. 2017. № 2 (76). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ritoricheskiy-analiz-tekstov-na-zanyatiyah-po-uchebnoy-distipline-ritorika-v-obrazovatelnyh-organizatsiyah-mvd-rossii> (дата обращения: 13.04.2024)
7. Образцов П.И., Иванова О.Ю. Профессионально ориентированное преподавание иностранного языка на неязыковых факультетах университетов: учебно-методическое пособие / под ред. Образцова П.И. Орел: ОГУ, 2005. 114 с.
8. Олянич А.В. Презентационная теория дискурса: автореф. дис. ...д-ра филол. наук. Волгоград, 2004. 40 с.
9. Петрова Е.А. Системное описание языка специальности // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2023. № 1 (99). С. 169 – 175.
10. Пыхтина Ю.Г., Якимов П.А. Уровневый анализ пространственных образов и моделей в художественной литературе // Вестник Оренбургского государственного университета: Филологические науки. 2017. № 11 (211). С. 59 – 66.

11. Рачкова Е.В. Особенности механизма уровневого анализа научных текстов младшими школьниками и возможности его активации: автореф. дис. ... канд. психол. наук. Москва, 2005. С. 5 – 6.
12. Рыжов Д.М. Современные представления об интеллекте // Вестник ЧГПУ им. Яковлева И.Я. 2012. №1. С. 142 – 147.
13. Шевырева Е.Г., Федосова И.В. Основные теоретические модели эмоционального интеллекта // Бюллетень науки и практики. 2016. № 9 (10). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnye-teoreticheskie-modeli-emotsionalnogo-intellekta> (дата обращения: 29.04.2025)
14. Шлепнев Д.Н. Юридический перевод, юридический текст, юридический дискурс: к вопросу об определении // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 12-2 (78). С. 174 – 177.
15. Якимова З.В. Эмоциональный интеллект в деятельности сотрудника органов внутренних дел // АНИ: педагогика и психология. 2020. № 4 (33). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/emotsionalnyy-intellekt-v-deyatelnosti-sotrudnikov-organov-vnutrennih-del> (дата обращения: 29.04.2025)

References

1. Eysenck G.Yu. Intelligence: A New Look. Voprosy Psychologii. 1995. No. 1. P. 111 – 129.
2. Annushkin V.I. The Subject of Rhetoric and Speech Culture as Part of Speech Studies and General Humanitarian Disciplines. Speech Culture Today: Theory and Practice: A Collective Monograph. compiled by L.N. Dmitrievskaya. Moscow: Moscow Institute of Open Studies, 2009. 200 p.
3. Volkov A.A. Theory of Rhetorical Argumentation. Moscow: Moscow University Press, 2009, 398 p.
4. Zakharova G.V. The Development of a Communicative Approach to Teaching Foreign Languages (Historical and Methodological Aspect): Abstract of a Cand. Sci. (Pedagogical Sciences) Dissertation. Moscow, 1991, 19 p.
5. Kazydub N.N. Strategic Tools of Discursive Space. Magister Dixit, 2015. No. 3 (19). P. 120 – 131.
6. Mikhailova A.G. Rhetorical Analysis of Texts in Classes on the Academic Discipline "Rhetoric" in Educational Organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia. Bulletin of the ULI. 2017. No. 2 (76). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ritoricheskiy-analiz-tekstov-na-zanyatiyah-po-uchebnoy-distipline-ritorika-v-obrazovatelnyh-organizatsiyah-mvd-rossii> (date of access: 13.04.2024)
7. Obratsov P.I., Ivanova O.Yu. Professionally Oriented Teaching of a Foreign Language at Non-Linguistic Faculties of Universities: A Study Guide. Ed. by P.I. Obratsov. Orel: OSU, 2005. 114 p.
8. Olyanich A.V. Presentation Theory of Discourse: Abstract of a Doctor of Philological Sciences Dissertation. Volgograd, 2004. 40 p.
9. Petrova E.A. Systematic Description of the Language of a Specialty. Bulletin of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. No. 1 (99). P. 169 – 175.
10. Pykhtina Yu.G., Yakimov P.A. Level Analysis of Spatial Images and Models in Fiction. Bulletin of the Orenburg State University: Philological Sciences. 2017. No. 11 (211). P. 59 – 66.
11. Rachkova E.V. Features of the mechanism of level analysis of scientific texts by primary school students and the possibilities of its activation: author's abstract. diss. ... candidate of psychological sciences. Moscow, 2005. P. 5 – 6.
12. Ryzhov D.M. Modern concepts of intelligence. Bulletin of the Chelyabinsk State Pedagogical University named after I.Ya. 2012. No. 1. P. 142 – 147.
13. Shevyreva E.G., Fedosova I.V. Main theoretical models of emotional intelligence. Bulletin of Science and Practice. 2016. No. 9 (10). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnye-teoreticheskie-modeli-emotsionalnogo-intellekta> (date of access: 29.04.2025)
14. Shlepnev D.N. Legal translation, legal text, legal discourse: on the issue of definition. Philological sciences. Theoretical and Practical Issues. 2017. No. 12-2 (78). P. 174 – 177.
15. Yakimova Z.V. Emotional intelligence in the activities of an employee of the internal affairs bodies. ANI: pedagogy and psychology. 2020. No. 4 (33). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/emotsionalnyy-intellekt-v-deyatelnosti-sotrudnikov-organov-vnutrennih-del> (date of access: 29.04.2025)

Информация об авторах

Шуныкова О.В., кандидат филологических наук, доцент, Уральский юридический институт МВД России, olga.sharkunova@mail.ru

Багрецов Д.Н., кандидат филологических наук, старший преподаватель, Уральский юридический институт МВД России, bagretsow75@yandex.ru

© Шуныкова О.В., Багрецов Д.Н., 2026

Научно-исследовательский журнал «Филологический вестник / Philological Bulletin»

<https://fv-journal.ru>

2026, Том 5, № 4 / 2026, Vol. 5, Iss. 4 <https://fv-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки)

УДК 81'367.625.41

DOI: 10.66621/2949-4656-2026-5-4-55-63

Особенности употребления винительного падежа в значении места в санскрите и древнерусском языке

¹ Балута А.А.,

¹ Государственный университет просвещения

Аннотация: в данной работе проведен сопоставительный анализ употребления беспредложного и предложного Винительного в значении места с аналогичными явлениями в санскрите, а также рассмотрены изменения, которые произошли в этой области в истории русского языка. В качестве методов научного исследования использованы сравнительно-сопоставительный, семантико-грамматический, сравнительно-исторического анализа текста, дистрибутивный и трансформационный анализ. Удалось установить, что Винительный падеж в значении места использовался и в древних, и в новых индоевропейских языках, как в беспредложных вариантах, так и в сочетании с различными предлогами. В беспредложных конструкциях древних языков (санскрит, древнерусский) Винительный локативный был распространен достаточно хорошо, что может быть обусловлено большим синтетизмом грамматической структуры древних языков и смешения понятий «место» и «объект». При переводе конструкций «Винительный в значении места без предлога» с санскрита и древнерусского языка на современный русский, как правило, следует добавлять предлоги, что говорит о постепенных изменениях структуры русского языка в сторону аналитизма. На примере истории русского языка можно отметить, что временем номинативная структура его все больше укреплялась, а это приводило к усилению функций Винительного беспредложного падежа в качестве падежа прямого объекта. В результате этого Винительный постепенно утратил часть своих прежних функций, а в значении места сохранился преимущественно при небольшом числе непереходных глаголов с семантикой движения. В области сочетания Винительного локативного с предлогами в санскрите наблюдается преимущественная постпозиция предлогов. Некоторые предлоги древнерусского языка, сочетающиеся с Винительным места, в ходе исторических изменений были утрачены, а ряд функций беспредложного Винительного в этом значении со временем перешли к Родительному и творительному падежам. В конструкциях с Винительным падежом с семантикой места древнеиндийского языка отмечается большое число переносных значений и метафорических выражений, чем в древнерусском.

Ключевые слова: палеоперевод, Винительный со значением места, санскрит, древнерусский язык, современный русский язык

Для цитирования: Балута А.А. Особенности употребления винительного падежа в значении места в санскрите и древнерусском языке // Филологический вестник. 2026. Том 5. № 4. С. 55 – 63. DOI: 10.66621/2949-4656-2026-5-4-55-63

Поступила в редакцию: 30 мая 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 28 июня 2026 г.; Принята к публикации: 17 августа 2026 г.

Features of the usage of the accusative case in the meaning of place in Sanskrit and Old Russian

¹ Baluta A.A.,

¹ Federal State University of Education

Abstract: this article provides a comparative analysis of the use of the unprepositional and prepositional Accusative in the sense of place with similar phenomena in Sanskrit, as well as an examination of the changes that have occurred in this area throughout the history of the Russian language. The methods of scientific research used are comparative-comparative, semantic-grammatical, comparative-historical analysis of the text, distributional and transformational analysis. It was possible to es-

establish that the Accusative case in the meaning of place was used both in ancient and in new Indo-European languages, both in prepositional variants and in combination with various prepositions. In the prepositional constructions of ancient languages (Sanskrit, Old Russian), the Locative Accusative was quite common, which may be due to the greater synthetism of the grammatical structure of ancient languages and the confusion between the concepts of "place" and "object." When translating the "Locative Accusative without Preposition" constructions from Sanskrit and Old Russian into modern Russian, it is generally necessary to add prepositions, indicating a gradual shift towards analyticity in the structure of the Russian language. In the case of the history of the Russian language, it can be noted that over time, the nominative structure became increasingly strong, which led to an increase in the functions of the unprepositional Accusative case as the case of the direct object. As a result, the Accusative gradually lost some of its previous functions, and in the sense of place, it was preserved primarily with a small number of intransitive verbs with the semantics of movement. In the area of the combination of the Accusative locative with prepositions in Sanskrit, there is a predominant postposition of prepositions. Some of the prepositions of the Old Russian language that are combined with the Accusative of Place were lost during historical changes, and a number of functions of the preposeless Accusative in this sense were eventually transferred to the Genitive and Accusative cases. In the constructions with the Accusative of Place in the Old Indian language, there are a large number of figurative meanings and metaphorical expressions that are not found in Old Russian.

Keywords: paleo translation, Accusative with the meaning of place, Sanskrit, Old Russian, Modern Russian

For citation: Baluta A.A. Features of the usage of the accusative case in the meaning of place in Sanskrit and Old Russian. Philological Bulletin. 2026. 5 (4). P. 55 – 63. DOI: 10.66621/2949-4656-2026-5-4-55-63

The article was submitted: May 30, 2026; Approved after reviewing: June 28, 2026; Accepted for publication: August 17, 2026.

Введение

Выбор темы статьи обусловлен необходимостью детального исследования исторических изменений предположно-падежных конструкций русского языка, процессов упразднения ряда беспредложных форм в результате языковой эволюции. Сопоставительный анализ аналогичных форм в санскрите позволяет не только определить причины появления общей тенденции стремления к аналитизму индоевропейских языков [23, р. 251], но и выявляет новые типологические алгоритмы перевода древнего текста. При изучении основных значений и синтаксических функций Винительного падежа в любом языке номинативного строя [21, р. 173; 11, с. 263], следует помнить, что основная функция беспредложного Accusativus в древних и новых языках – это функция прямого объекта [2, с. 8]. Также следует помнить, что функция эта реализовывалась по большей части у переходных глаголов, а у непереходных глаголов она проявляет себя значительно реже, однако, при некоторых непереходных глаголах даже в современном русском языке без предлога можно встретить имена в Винительном падеже со значением места, например, «пройти два квартала до школы». Если рассматривать употребление беспредложного Винительного в значении места в древнерусском языке, можно отметить, что частотность употребления таких конструкций выше, чем в современном русском. Кроме того, Винительный местный с предлогами в древнерусском с течением времени также претерпел ряд изменений, что обусловлено историческим перераспределением синтаксических функций внутри падежной парадигмы. Если провести сопоставительный анализ с аналогичными конструкциями в ведическом и классическом санскрите, сравнить способы литературного и буквального перевода древнеиндийского текста на русский язык, можно увидеть общие тенденции формирования функций Винительного падежа в этих дальнеродственных языках индоевропейской семьи и определить универсальные закономерности палеоперевода [1, с. 9].

Цель статьи – охарактеризовать закономерности употребления Винительного падежа в значении места с предлогом и без в ведическом и классическом санскрите, выявить особенности валентности Винительного места в прямом и переносном значении, определить алгоритмы перевода таких конструкций на русский язык, провести сопоставительный анализ особенностями употребления аналогичных конструкций в истории русского языка.

Винительный падеж со значением места в ранних и классических древнеиндийских текстах, как и в иных древних индоевропейских языках (латынь, древнегреческий) [16, с. 125] часто зависел от глаголов, выражающих перемещение в пространстве. При этом чаще всего именно Винительный падеж в местном значении передавал семантику направления и цели движения. Приведем ряд наиболее употребительных в ведическом и классическом санскрите глагольных корней, от которых зависел локативный Винительный: “aṭ” «бродить», «странствовать», “ar”/ “arḥ” «доставаться (кому)», “ās” «садиться (на)», “ī” «идти (в)», “karś” «тащить (куда)», “gam”/ “gā” «идти», “gāh” «погружаться», «углубляться», “car” «странствовать

(по)», «проходить», “dru” «бежать (к кому)», «нападать», “dharṣ” «приставать», «нападать», “dhāu” «бежать (куда)», “nakṣ” «приходить», «попадать (в)», “pi” «вести (к, в)», «приводить», “pat” «падать», «опускаться (на)», “pad” «идти (к)», “plu” «прыгать», «перепрыгнуть», «лететь», “bharm” «бродить (по)», “jā” «идти/приходить (в, к)», “ruh” «влезать», подниматься (на)», “lañgh” «прыгнуть/перепрыгнуть», “vas” «вникать (в)», “viṣ” «входить (в)», “vrag” «идти», «отправляться», “ṣṛi” «отправляться», «опираться», “saṣ” «отыскивать», «следовать», “sar” «идти», “skand” «подниматься», «взбираться».

Рассмотрим подробнее несколько примеров самых употребительных глаголов, управляющих беспредложным Винительным со значением места:

“at” “aṭavīm aṭati sma dine dine” [24, с. 16] «каждый день он бродил по лесу».

Следующий пример с том же глаголом показывает переход движения в значение цели:

“mṛgaṣam aṭate vane” [27, с. 97] «он бродит в лесу на охоте (с целью охоты)».

“ar” “abhi kṣṇena ragasā dṛjām ṛnoti” [28, с. 35] «темным воздушным пространством (=через темное воздушное пространство) он спешит к небу».

“i” “alir eti vanāt kamalam” [22, с. 78] «пчела отправляется из леса к многолепестнику».

“gam” “sūṛjam ṣakṣur gaṣṣhatu vitam ātmā” [28, с. 163] «да идет твое око к солнцу, а душа твоя к ветру».

“ṣar” “vajam haṇsāṣ ṣarāto ’mām pṛthivīm” [29, с. 184] «мы, гуси, странствуем по этой земле».

Присоединения префикса к глагольному корню, управляющему Винительным со значением места, как правило, не изменяло смысла конструкции. Это объясняется тем, что в древних языках еще практически не было несвободных корней, как, например, в современном русском («ник» ср. с «приник», «возник», «вник» и др.), а декорреляция семантики значимых и служебных морфем была только на самой ранней стадии развития [3, с. 123]. Приведем несколько примеров с приставочными корнями:

“ahir na gūṛnam ati sarpati tvaṣam” [28, с. 86] «скользит, как змея сквозь старую шкуру».

“trir devaḥ pṛthivīm eṣa etam viṣakrame” [28, с. 100] «трижды этот бог шагнул по этой земле».

“ṣokasamṛtaptā anugagmur narādhipam” [29, с. 49] «горем убитые они следовали за царем».

Глагольные корни, выражающие движение по большей части непереходные (“i”, “gam”, “nī”, “jā”, “vrag”) довольно часто употреблялись в переносном смысле и в сочетании с Винительным местным составляли метафорические выражения. Таким образом из соединения глаголов со значениями «идти», «двигаться» и др. с отвлеченными существительными появились идиоматичные обороты со значением «делать/становиться чем-нибудь», «превращаться во что-нибудь», например: “pṛtīm eti” «он идет в любовь (=он делается любимым, находит любовь)», “aprakhijātim eti” «он идет в незамечание (=становится незаметным, исчезает)», “samatām eti” «он идет в одинаковость (=равняется, становится подобным)» и др. Приведем несколько примеров подобных конструкций с наиболее частотными глагольными корнями из памятников санскрита:

“nādas tāvat pariṣita iva ṣrotrasamvādam eti” [25, с. 80] «этот звук, словно знакомый, говорит к моему уху (= входит в разговор)».

“ṣanāiḥ sa ṣokaḥ praṣamam gaṣāma” [27, с. 64] «мало-помалу горе унималось».

“pāparambhakajor bhītur gatā goṣaram” [25 с. 82 «девица была замечена двумя негодями (= вошла в их круг зрения)».

“pāpatām nito matrā ’ham” [27, с. 80] «через мать я сделался виновным (= я введен в несправедливость)».

“jāsi dūtijam” [28, с. 124] «ты идешь в послание (= как вестник)».

“Jāsjaṣ lāghavam” [29, с. 91] «ты сделаешься презренным».

“vragati sahasā tad vipulatām” [19, с. 7] «то вдруг становится большим».

“vragati virāhe vāicittjam naḥ” [25, с. 46] «при разлуке со мною находит (на нее) расстройство ума».

Частотность употребления таких оборотов постепенно возросла в позднем классическом санскрите, что закономерно объясняется появлением у слов новых переносных значений и постепенной метафоризацией литературного языка. При переводе таких конструкций необходимо подбирать эквивалентные метафоричные выражения в языке перевода. Лексические возможности русского языка позволяют передать значение древнеиндийских конструкций структуры «глагол движения + Винительный локативный в переносном значении» достаточно точно.

Материалы и методы исследований

Методы лингвистического исследования, которые применяются в данной статье, обусловлены целями и задачами работы: метод сравнительно-сопоставительного анализа, метод семантико-грамматического анализа, метод сравнительно-исторического анализа текста, основной для изучения определенного граммати-

ческого явления в синхронии и диахронии. При исследовании взаимоотношения языковых единиц использованы методы дистрибутивного и трансформационного анализа.

Результаты и обсуждения

В практической части исследования проведен сопоставительный анализ употребления беспредложного и предложного Винительного в значении места с аналогичными явлениями в санскрите, а также рассмотрены изменения, которые произошли в этой области в истории русского языка.

Винительный локативный был распространен в древнерусском языке достаточно хорошо. При этом следует отметить, что, как и в санскрите, чаще зависели такие конструкции от глаголов со значением движения, по большей части непереходных. Необходимо помнить, что категория переходности/непереходности, как и многие другие категории современного русского языка, развивалась постепенно и в древнерусском языке была выражена еще достаточно слабо, поэтому частотность употребления таких конструкций довольно высока. Чаще всего они использовались для обозначения конечного пункта движения или передавали конец пространства совершения действия:

«Поидучи же Русь, да емлют у царя нашего (на путь) брашно» [9, с. 30].

«И пробѣже (Святополк) Лядскую землю гонимъ гнѣвомъ Биимъ» [5, с. 131].

«Володимеръ же приступи ко граду къ восточнымъ вратомъ, и отняша врата, людие же бѣжаша внѣшний градъ» [4, с. 20].

«Поступили Конестентинъ градъ» [14, с. 289].

«Саша обаполь рѣкы Буга» [9, с. 48].

«Хощу бо, рече, копие приломити *конецъ* поля Половецкаго» [15, с. 66].

Все глаголы в приведенных примерах в современном русском языке являются непереходными, однако в редких случаях, а именно в значении пространства, охваченного глагольным действием, могут управлять дополнением в Винительном падеже без предлога. И это свойство унаследовано из древнерусского языка, хотя и подверглось в ходе истории значительной редукции. Приведем еще несколько примеров употребления при глаголах движения Винительного в значении места без предлога:

«Македонию проиду. Обхождаше градыце усѣ. Грады обѣтечеша. Обидоше всю страну. Проидеши грады» [26, р. 378].

«Афонъ въсходитъ» [13, с. 2].

«Сама прѣисподняя доити» [18, с. 354].

«Обыдоша Русь обыполы» [26, р. 380].

«Переидоша рѣку» [5, с. 20].

«Почаша перевозитися всѣ полцы великую реку Волгу» [6, с. 116].

«Князь Мстиславъ Галицкий пребродися Днѣпръ» [17, 406].

«Во утрии же самъ (великий князь) пребродися Оку и поиде ко Проньску со сынами своими» [4, с. 115].

«Повелѣ рабомъ прѣвести е рѣку. Саву рѣку прѣвезетъ и» [13, с. 159].

«Прѣвезе ихъ рѣку» [26, р. 390].

«Совокупишася вси князи, князь великий Дмитрий Александровичъ и прочии вси князи съ нимъ, и поидоша къ Раковору... И вшедше въ землю ихъ, раздѣлишася на 3 пути... и ту *наѣхаша* пещеру глубоку и непроходну» [4, с. 167].

«И наеду я богатыря в чистом поле» [12, с. 73].

По результатам анализа примеров древнерусских текстов в сопоставлении с примерами из санскрита можно отметить, что наличие приставки в древних языках практически не изменяло значение глагольного корня и не делало глагол движения переходным. В истории русского языка приставочных глаголов в конструкции структуры «глагол движения + Винительный местный без предлога» наблюдается значительно больше приставочных глаголов, чем в санскрите, однако дублирования приставки предлогом не происходит. Скорее всего, такое дублирование для древних более синтетичных по своей структуре языков считалось избыточным. Однако при переводе на современный (в данном случае русский) язык предлог преимущественно добавляется, что служит свидетельством общеиндоевропейской эволюционной тенденции к аналитизму большинства языков.

В последнем разделе данной статьи отметим, что беспредложный Винительный в значении места в процессе эволюции русского языка постепенно вытеснялся предложными формами. Однако в истории русского языка и предложные конструкции с Винительным места претерпели ряд изменений, что можно наблюдать на примере следующих отрывков:

1. Для обозначения пребывания двух предметов рядом друг с другом в древнерусском языке исполь-

зовались конструкции «о + Винительный падеж»: «Сташа об ону страну» [10, с.1]; «Ста Володимерь об онъ полъ города» [9, с. 37].

2. Для обозначения осуществления действия или пребывания предмета около другого предмета употреблялись конструкции «возле + Винительный/Родительный падежи». Со временем, скорее всего, в результате развития категории одушевленности/неодушевленности, конструкции с Родительным падежом заняли ведущую позицию: «И воевода нача Святополчъ, ѣздя *возлѣ берегъ*, укарати Новгородцѣ, глаголя...» [9, с. 138].

3. Для обозначения нахождения предмета вдоль другого предмета в памятниках древнерусского языка использовался менее распространенный и впоследствии утраченный предлог «подолгъ» в сочетании также с Винительным места: «Чернецъ, аще ляжетъ въ церкви, а не внѣ *подолгъ стѣну* црквную, да поклониться» [7, с. 91].

4. Для обозначения действия, совершаемого на переднем плане, в древнерусском языке использовался высокий по частотности предлог «передъ»/«прѣдъ», произошедший из существительного, которое сохранилось и в современном русском языке: «Царь... велить протопопу... да дьякономъ нарядится въ церковное одѣяние, и принесть къ себѣ въ полату еуагліе да крестъ, и положить на высокомъ мѣсте; на стулѣ, в *передъ нихъ* поставити свещу» [8, с. 71].

Изначально такие конструкции передавали два основных значения: *движение по направлению к предмету* «принесли перед него = к нему» и *пребывания на переднем плане* «поставити перед них». Со временем конструкции второго типа «перед + Винительный места» были вытеснены омонимичными конструкциями «перед + Творительный в значении места».

Следует отметить, что конструкции «предлог + Винительный места» употреблялись и в санскрите, причем в прямом и в переносном смысле. В санскрите предлоги в таких конструкциях чаще были в постпозиции (послелоги):

“pravato mahīr anu” [28, с. 14] «по высоким скатам».

“tvaṁ kāṣe pra pata samudrasjā ’nu vikṣaram” [20, с. 105] «ты, о кашель, пропади вместе с (= сообразно с) отливом моря».

“mṛgasja vāsabhūmim prati” [22, с. 324] «по направлению к жилищу лани».

Частотность употребления в древнеиндийском языке конструкций «предлог + Винительный места» превышала частотность употребления предложных временных конструкций Винительного падежа. Из этого можно сделать вывод, что у ряда древнеиндийских предлогов было хорошо дифференцированное и закрепленное управление, которое сохранялось в течение достаточно долгого времени.

Выводы

По результатам проведенного в статье сравнительно-сопоставительного анализа было установлено, что Винительный падеж в значении места использовался и в древних, и в новых индоевропейских языках, как в беспредложных вариантах, так и в сочетании с различными предлогами. В беспредложных конструкциях древних языков (санскрит, древнерусский) Винительный локативный был распространен достаточно хорошо, что может быть обусловлено большим синтетизмом грамматической структуры древних языков и смешения понятий «место» и «объект». При переводе конструкций «Винительный в значении места без предлога» с санскрита и древнерусского языка на современный русский, как правило, следует добавлять предлоги, что говорит о постепенных изменениях структуры русского языка в сторону аналитизма. На примере истории русского языка можно отметить, что временем номинативная структура его все больше укреплялась, а это приводило к усилению функций Винительного беспредложного падежа в качестве падежа прямого объекта. В результате этого Винительный постепенно утратил часть своих прежних функций, а в значении места сохранился преимущественно при небольшом числе непереходных глаголов с семантикой движения. В области сочетания Винительного локативного с предлогами в санскрите наблюдается преимущественная постпозиция предлогов. Некоторые предлоги древнерусского языка, сочетающиеся с Винительным места, в ходе исторических изменений были утрачены, а ряд функций беспредложного Винительного в этом значении со временем перешли к Родительному и творительному падежам. В конструкциях с Винительным падежом с семантикой места древнеиндийского языка отмечается большое число переносных значений и метафорических выражений, чем в древнерусском.

Список источников

1. Балута А.А. Особенности палеоперевода предложно-падежных форм в индоевропейских языках (родительный падеж) // Роль и место лингвокультурной адаптации художественного текста в теории и практике перевода. Переводческие стратегии и тактики: материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (г. Москва, ГУП, 07 апреля 2023 г.). Москва: ГУП, 2023. С. 6 – 11.
2. Балута А.А., Балута А.Г. Особенности употребления конструкций двойного винительного падежа в истории индоевропейских языков (санскрит, древнегреческий, латынь, древнерусский) // Филологический вестник. 2025. Т. 4. № 3. С. 8 – 16.
3. Балута А.А., Войтенко А.В. К вопросу об исторической декорреляции некоторых служебных морфем русского языка // Modern humanities success. 2022. № 1. С. 123 – 128.
4. Воскресенская летопись = Летопись по Воскресенскому списку. СПб, Изд-е Археографической комиссии, 1841-1856. Т. X. 345 с.
5. Ипатьевская летопись. [Электронный ресурс]. URL: Ипатьевская летопись (дата обращения: 01.11.2024)
6. История о Казанском царстве. Полное собрание русских летописей. Т. XIX, СПб., 1903. 529 с. [Электронный ресурс]. URL: Полное собрание русских летописей, изданное по высочайшему повелению Археографической комиссией. 1903. Т. 19. – читать книгу онлайн, скачать бесплатно PDF | НЭБ [000199_000009_004162010] (дата обращения: 08.08.2025)
7. Кормчая книга библиотеки Московской Духовной Академии, № 54, 374 л. [Электронный ресурс]. URL: Кормчая сербской редакции – Система онлайн-просмотра (дата обращения: 08.08.2025)
8. Котошихин Г. О России в царствование Алексея Михайловича. СПб., 1884, 196 с. [Электронный ресурс]. URL: О России в царствование Алексея Михайловича (1884) Котошихин Г.К. читать книгу онлайн, скачать бесплатно PDF | НЭБ [000199_000009_003542938] (дата обращения: 08.08.2025)
9. Лаврентьевская летопись. Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку, Изд. Императ. Археогр. Комиссии, СПб, 1910, 274 с. [Электронный ресурс]. URL: Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку – Система онлайн-просмотра (дата обращения: 04.04.2025)
10. Новгородская летопись по Синодальному списку.: СПб, 1888, 49 л. [Электронный ресурс]. URL: Новгородская летопись по Синодальному харатеинскому списку – Система онлайн-просмотра (дата обращения: 23.07.2025)
11. Патракеев М.М. Проблема типологии эргативности и аномальные конструкции в номинативных языках. СПб.: Известия РГПУ им. А. И. Герцена, 2019. № 194. С. 250 – 256.
12. Рыбников П.Н. Песни, собранные П.Н. Рыбниковым: Ч. 1-4. Народные былины, старины и побывальщины. М., 1857, 354 с. [Электронный ресурс]. URL: Песни, собранные П.Н. Рыбниковым: Ч. 1-4 Народные былины, старины и побывальщины (1862) – читать книгу онлайн, скачать бесплатно PDF | НЭБ [000199_000009_003820487] (дата обращения: 08.07.2025)
13. Саввина книга. Труд В. Щепкина. СПб, Отд. русс. Яз. и словесности Имп. Акад. наук, 1903. 235 с. [Электронный ресурс]. URL: Саввина книга: Труд Вячеслава Щепкина (1903) – читать книгу онлайн, скачать бесплатно PDF | НЭБ [000199_000009_003716517] (дата обращения: 08.08.2025)
14. Сказание о царе Василье Константиновиче по имени града Константина. Русские повести XVII-XVIII вв., СПб, 1905, 293 с.
15. Слово о полку Игореве. АН СССР, М., 1946, 215 с. [Электронный ресурс]. URL: Древнерусский текст (дата обращения: 04.04.2025)
16. Солнцева А.В. Романские языки: история формирования и проблемы классификации // Верхневолжский филологический вестник. 2020. № 3(22). С. 124 – 133.
17. Суздальская летопись по Академическому списку. ПСРЛ. Т. I, вып. II, изд. П. Л., АН СССР, 1927. 488 с. [Электронный ресурс]. URL: Полное собрание русских летописей, издаваемое Государственною археографическою комиссией Российской академии наук Т. 1, Вып. 2 (1927) – читать книгу онлайн, скачать бесплатно PDF | НЭБ [000199_000009_008264630] (дата обращения: 08.08.2025)
18. Супральская рукопись. Памятник старославянского языка XI в., Т. II, СПб., 1904. 570 с. [Электронный ресурс]. URL: Супральская рукопись: Труд по публикации и коммент. Сергея Северьянова. Т. 1-Т. 2 (1904) – читать книгу онлайн, скачать бесплатно PDF | НЭБ [000199_000009_003978010] (дата обращения: 08.08.2025)
19. Abhignācakuntalam, Kālidāsa's Ring-Çakuntala [Электронный ресурс]. URL: Herausgegeben, übersetzt und mit Anmerkungen versehen von Dr. Otto Böhtlingk. Bonn. 1842 Kālidāsa's Ring-Çakuntala: Kālidāsa, (ca. 400): Free Download, Borrow, and Streaming: Internet Archive (дата обращения: 14.03.2025)

20. Atharvavedasamhita, herausgeg. Von R. Roth und W. D. Whitney. Berlin, 1855. [Электронный ресурс] URL: [atharvavedasamhita: Free Download, Borrow, and Streaming: Internet Archive](#) (дата обращения: 01.11.2024)
21. Baluta A.A., Epifantseva N.G., Mikhailov M.K. Traces Of The Ergative System In The History Of The Russian Language In Comparison With Sanskrit, Latin And Ancient Greek (Based On The Material Of Infinitive Turns)/ Webology (ISSN: 1735-188X). 2022. Vol. 19. No 1. ISSN: 1735-188X. p. 7498. [Electronic resource]. URL: [20220329114340amwebology.19\(1\)-118.pdf.pdf](#) (date of access: 04.04.2025)
22. Hitopadesa, The Sanskrit Text with a Grammatical Analysis. London, 1847. [Electronic resource]. URL: [Hitopadesa: The Sanskrit text, with a grammatical analysis, alphabetically arranged: Francis Johnson: Free Download, Borrow, and Streaming: Internet Archive](#) (date of access: 14.03.2025)
23. Kadigamuwe Anuruddha Thero, Rev., E.N. Baryshnikova, B.M. Volkhonsky (2020). Construction «Verb + Accusative Case Without Preposition»: Acquisition by Sinhala Students // The European Proceedings of Social and Behavioural Sciences. 2020.10.05.<https://www.europeanproceedings.com/article/10.15405/epsbs.2020.10.05.330> (date of access: 25.05.2021)
24. Kathās, Katha Sarit Sagara, Die Märchensammlung des Sri Somaveda Bhatta, herausgeg. Von Dr. Herm. Brockhaus. Leipz, 1839. [Electronic resource]. URL: [Katha sarit sagara. Die märchensammlung des Sri Somadeva Bhatta aus Kaschmir ... Sanskrit und deutsch; Somadeva Bhaṭṭa, active 11th century: Free Download, Borrow, and Streaming: Internet Archive](#) (date of access: 14.03.2025)
25. Malatimādhava. Calcutta, 1856. [Электронный ресурс]. Malati Madhav Calcutta 1896 Saraswati Press: eGangotri: Free Download, Borrow, and Streaming: Internet Archive (дата обращения: 14.03.2025)
26. Miklosich F. Vergleichende syntax der slavischen Sprachen, Wien, 1883. 556 p. [Электронный ресурс]. URL: [Vergleichende Grammatik der slavischen Sprachen: Miklosich, Franz, Ritter von, 1813-1891: Free Download, Borrow, and Streaming : Internet Archive](#) (дата обращения: 08.08.2025)
27. Ramayana. Poema Indiana di Valmici, ed Gaspere Gorresio. Parigi, 1843. [Electronic resource]. URL: [Ramayana Poema Indiano Di Valmici Vol-i: Gorresio Gaspere: Free Download, Borrow, and Streaming: Internet Archive](#). (Date of request: 14.03.2025) (дата обращения: 09.04.2025)
28. The Hymns of the Rig-Veda in the Samhita and Pada texts ed. By Max. Müller. Second edition. London, 1877. [Электронный ресурс]. URL:<https://archive.org/details/hymnsrigvedains00unkngoog/page/n265/mode/2u> (дата обращения: 14.03.2025)
29. The Mahabharata, An Epic. Poem. Calcutta, 1834. [Electronic resource]. URL: [The Mahabharata an Epic Poem \(Calcutta 1834\), volume 1: Education committee pandits: Free Download, Borrow, and Streaming: Internet Archive](#) (дата обращения: 09.04.2025)

References

1. Baluta A.A. Features of paleotranslation of prepositional-case forms in Indo-European languages (genitive case). The role and place of linguocultural adaptation of a literary text in the theory and practice of translation. Translation strategies and tactics: Proceedings of the All-Russian scientific and practical conference with international participation (Moscow, GUP, April 7, 2023). Moscow: GUP, 2023. P. 6 – 11.
2. Baluta A.A., Baluta A.G. Features of the use of double accusative case constructions in the history of Indo-European languages (Sanskrit, Ancient Greek, Latin, Old Russian). Philological Bulletin. 2025. Vol. 4. No. 3. P. 8 – 16.
3. Baluta A.A., Voitenko A.V. On the Historical Decorrelation of Some Functional Morphemes of the Russian Language. Modern Humanities Success. 2022. No. 1. P. 123 – 128.
4. The Voskresenskaya Letopis = Chronicle according to the Voskresensky Copy. St. Petersburg, Published by the Archaeographic Commission, 1841-1856. Vol. 10. 345 p.
5. The Ipatiev Chronicle. [Electronic resource]. URL: [The Ipatiev Chronicle](#) (accessed: 01.11.2024)
6. The History of the Kazan Kingdom. Complete Collection of Russian Chronicles. Vol. 19, St. Petersburg, 1903. 529 p. [Electronic resource]. URL: [Complete Collection of Russian Chronicles, Published by Imperial Order by the Archaeographic Commission 1903. Vol. 19. – read the book online, download free PDF | NEB \[000199_000009_004162010\]](#) (date of access: 08.08.2025)
7. The Kormchaya Book of the Library of the Moscow Theological Academy, No. 54, 374 sheets. [Electronic resource]. URL. [The Kormchaya of the Serbian Edition – Online Viewing System](#) (date of access: 08.08.2025)
8. Kotoshikhin G. About Russia during the Reign of Alexei Mikhailovich. St. Petersburg, 1884, 196 pages. [Electronic resource]. URL. [About Russia during the Reign of Alexei Mikhailovich \(1884\) Kotoshikhin G.K. read the book online, download free PDF | NEB \[000199_000009_003542938\]](#) (date of access: 08.08.2025)

9. Laurentian Chronicle. The Tale of Bygone Years according to the Laurentian List, Publ. Imperial Archaeological Commission, St. Petersburg, 1910, 274 p. [Electronic resource]. URL: The Tale of Bygone Years according to the Laurentian List – Online Viewing System (date of access: 04.04.2025)
10. Novgorod Chronicle according to the Synodal List: St. Petersburg, 1888, 49 p. [Electronic resource]. URL: Novgorod Chronicle according to the Synodal Charter List – Online Viewing System (date of access: 23.07.2025)
11. Patrakeevev M.M. The Problem of Ergativity Typology and Anomalous Constructions in Nominative Languages. St. Petersburg: Izvestiya of the Herzen State Pedagogical University, 2019. No. 194. P. 250 – 256.
12. Rybnikov P.N. Songs Collected by P.N. Rybnikov: Parts 1-4. Folk Epics, Old Stories, and Historical Tales. Moscow, 1857, 354 p. [Electronic resource]. URL: Songs Collected by P.N. Rybnikov: Parts 1-4 Folk Epics, Old Stories, and Historical Tales (1862) – read the book online, download free PDF | NEB [000199_000009_003820487] (date of access: 07.08.2025)
13. Savvin's book. The work of V. Shchepkin. St. Petersburg, Department of Russian Language and Literature of the Imperial Academy of Sciences, 1903. 235 p. [Electronic resource]. URL: Savvin's book: The work of Vyacheslav Shchepkin (1903) – read the book online, download free PDF | NEB [000199_000009_003716517] (date of access: 08.08.2025)
14. The Tale of Tsar Vasily Konstantinovich, named after the city of Konstantin. Russian Stories of the 17th-18th Centuries, St. Petersburg, 1905, 293 p.
15. The Tale of Igor's Campaign. USSR Academy of Sciences, Moscow, 1946, 215 p. [Electronic resource]. URL: Old Russian Text (date of access: 04.04.2025).
16. Solntseva A.V. Romance Languages: History of Formation and Problems of Classification. Upper Volga Philological Bulletin. 2020. No. 3(22). P. 124 – 133.
17. Suzdal Chronicle According to the Academic List. PSRL. Vol. I, issue II, 2nd ed. Leningrad, USSR Academy of Sciences, 1927. 488 p. [Electronic resource]. URL: Complete Collection of Russian Chronicles, Published by the State Archaeographic Commission of the Russian Academy of Sciences Vol. 1, Issue 2 (1927) – read the book online, download free PDF | NEB [000199_000009_008264630] (date of access: 08.08.2025)
18. The Supralskaia Manuscript. A Monument of the Old Church Slavonic Language of the 11th Century, Vol. 2, St. Petersburg, 1904. 570 p. [Electronic resource]. URL: The Supralskaia Manuscript: Work on the Publication and Commentary by Sergei Severyanov. Vol. 1-Vol. 2 (1904) – read the book online, download free PDF | NEB [000199_000009_003978010] (date of access: 08.08.2025)
19. Abhignāṣakuntalam, Kālidāsa's Ring-Çakuntala [Electronic resource]. URL: Herausgegeben, übersetzt und mit Anmerkungen versehen von Dr. Otto Böhtlingk. Bonn. 1842 Kālidāsa's Ring-Çakuntala: Kālidāsa, (ca. 400): Free Download, Borrow, and Streaming: Internet Archive (date of access: 14.03.2025)
20. Atharvavedasamhita, herausgeg. Von R. Roth and W. D. Whitney. Berlin, 1855. [Electronic resource] URL: atharvavedasamhita: Free Download, Borrow, and Streaming: Internet Archive (date of access: 01.11.2024)
21. Baluta A.A., Epifantseva N.G., Mikhailov M.K. Traces Of The Ergative System In The History Of The Russian Language In Comparison With Sanskrit, Latin And Ancient Greek (Based On The Material Of Infinitive Turns)/ Webology (ISSN: 1735-188X) 2022 Vol. 19. No. 1. ISSN: 1735-188X. P. 7498. [Electronic resource]. URL: 20220329114340amwebology. 19 (1)-118 pdf.pdf (date of access: 04.04.2025)
22. Hitopadesa, The Sanskrit Text with a Grammatical Analysis. London, 1847. [Electronic resource]. URL: Hitopadesa: The Sanskrit text, with a grammatical analysis, alphabetically arranged: Francis Johnson: Free Download, Borrow, and Streaming: Internet Archive (date of access: 03.14.2025)
23. Kadigamuwe Anuruddha Thero, Rev., E.N. Baryshnikova, B.M. Volkhonsky (2020). Construction “Verb + Accusative Case Without Preposition”: Acquisition by Sinhala Students. The European Proceedings of Social and Behavioral Sciences. 2020.10.05.<https://www.europeanproceedings.com/article/10.15405/epsbs.2020.10.05.330> (date of access: 05.25.2021)
24. Kathās, Katha Sarit Sagara, Die Märchensammlung des Sri Somaveda Bhatta, herausgeg. Von Dr. Herm. Brockhaus. Leipz, 1839. [Electronic resource]. URL: Katha sarit sagara. Die märchensammlung des Sri Somadeva Bhatta aus Kaschmir... Sanskrit und deutsch; Somadeva Bhaṭṭa, active 11th century: Free Download, Borrow, and Streaming: Internet Archive (date of access: 14.03.2025)
25. Malatimādhava. Calcutta, 1856. [Electronic resource]. Malati Madhav Calcutta 1896 Saraswati Press: eGangotri: Free Download, Borrow, and Streaming: Internet Archive (date of access: 14.03.2025)
26. Miklosich F. Vergleichende syntax der slavischen Sprachen, Vienna, 1883. 556 p. [Electronic resource]. URL: Vergleichende Grammatik der slavischen Sprachen: Miklosich, Franz, Ritter von, 1813-1891: Free Download, Borrow, and Streaming : Internet Archive (date of access: 08.08.2025)

27. Ramayana. Poema Indiana di Valmici, ed Gaspare Gorresio. Parigi, 1843. [Electronic resource]. URL: Ramayana Poema Indiano Di Valmici Vol-i: Gorresio Gaspare: Free Download, Borrow, and Streaming: Internet Archive. (Date of request: 03/14/2025) (date of access: 09.04.2025)

28. The Hymns of the Rig-Veda in the Samhita and Pada texts ed. By Max. Müller. Second edition. London, 1877. [Electronic resource]. URL: <https://archive.org/details/hymnsrigvedains00unkngoog/page/n265/mode/2u> (date of access: 14.03.2025)

29. The Mahabharata, An Epic. Poem. Calcutta, 1834. [Electronic resource]. URL: The Mahabharata an Epic Poem (Calcutta 1834), volume 1: Education committee pandits: Free Download, Borrow, and Stream-ing: Internet Archive (date of access: 09.04.2025)

Информация об авторе

Балута А.А., доктор филологических наук, профессор, Государственный университет просвещения

© Балута А.А., 2026

Научно-исследовательский журнал «Филологический вестник / Philological Bulletin»

<https://fv-journal.ru>

2026, Том 5, № 4 / 2026, Vol. 5, Iss. 4 <https://fv-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика (филологические науки)

УДК 070.1

DOI: 10.66621/2949-4656-2026-5-4-64-70

Лингвокогнитивные механизмы архетипизации в продвижении цифровых валют

¹ Бородин А.Д.,

¹ Московский государственный лингвистический университет

Аннотация: в условиях развития цифровой экономики и расширения сферы применения криптовалют возрастает значение медиакоммуникаций, обеспечивающих формирование их общественного восприятия. Особую роль в данном процессе играют лингвокогнитивные механизмы продвижения цифровых валют. Цель исследования заключается в выявлении и описании лингвокогнитивных механизмов архетипизации, используемых для продвижения цифровых валют в современном медиадискурсе. Для достижения поставленной цели были выявлены основные архетипические модели криптовалютного медиадискурса, определены языковые и дискурсивные средства их актуализации, а также установлена роль архетипизации в формировании доверия аудитории к цифровым валютам. Особое внимание уделяется роли архетипических образов, используемых в процессе репрезентации криптовалют в цифровой коммуникационной среде. Эмпирическую базу исследования составили публикации средств массовой информации, материалы социальных сетей, тематических каналов и онлайн-сообществ, посвященные цифровым валютам. Исследование выполнено с использованием методов дискурсивного, когнитивно-дискурсивного и контент-анализа. В ходе исследования было установлено, что в криптовалютном медиадискурсе доминируют архетипические модели Бунтаря, Искателя, Героя и Мудреца. Показано, что каждая из них формирует специфические представления о цифровых валютах и выполняет самостоятельную коммуникативную функцию, связанную с созданием образов финансовой независимости, инновационного развития, личного успеха и экспертного знания. На основании полученных результатов предложена модель архетипизации цифровых валют, описывающая взаимосвязь между архетипическим образом, доверием аудитории и ее поведенческими установками. Практическая значимость исследования определяется возможностью использования полученных результатов при анализе медиадискурса цифровых финансовых технологий, а также при разработке коммуникационных стратегий в цифровой среде.

Ключевые слова: архетипизация, архетипические модели, медиадискурс, криптовалюта, цифровые валюты, лингвокогнитивные механизмы, доверие аудитории, медиакоммуникации

Для цитирования: Бородин А.Д. Лингвокогнитивные механизмы архетипизации в продвижении цифровых валют // Филологический вестник. 2026. Том 5. № 4. С. 64 – 70. DOI: 10.66621/2949-4656-2026-5-4-64-70

Поступила в редакцию: 31 мая 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 29 июня 2026 г.; Принята к публикации: 17 августа 2026 г.

Linguocognitive mechanisms of archetypization in the promotion of digital currencies

¹ Borodin A.D.,

¹ Moscow State Linguistic University

Abstract: in the context of the development of the digital economy and the expanding use of cryptocurrencies, media communications play an increasingly important role in shaping public perceptions of digital financial technologies. Particular significance in this process belongs to linguocognitive mechanisms that influence the promotion and interpretation of digital currencies. The purpose of this study is to identify and describe the linguocognitive mechanisms of archetypization used in the promotion of digital currencies within contemporary media discourse. To achieve this objective, the study identifies the dominant archetypal models of cryptocurrency media discourse, examines the ways these models are represented in media texts, and

determines their role in the formation of audience trust in digital currencies. The empirical basis of the research consists of publications from mass media, social networks, thematic channels, forums, and online communities devoted to digital currencies. The study employs discourse analysis, cognitive-discourse analysis, and content analysis. The findings reveal that the cryptocurrency media discourse is dominated by four archetypal models: the Rebel, the Explorer, the Hero, and the Sage. Each of these models performs a specific communicative function and contributes to the construction of symbolic representations of digital currencies associated with financial independence, technological innovation, personal success, and expert knowledge. Based on the obtained results, the author proposes a model of digital currency archetypization that explains the relationship between archetypal images, audience trust, and behavioral attitudes. The practical significance of the study lies in the possibility of applying its results to the analysis of digital financial media discourse and the development of communication strategies in the digital environment.

Keywords: archetypization, archetypal models, media discourse, cryptocurrency, digital currencies, linguocognitive mechanisms, audience trust, media communications

For citation: Borodin A.D. Linguocognitive mechanisms of archetypization in the promotion of digital currencies. Philological Bulletin. 2026. 5 (4). P. 64 – 70. DOI: 10.66621/2949-4656-2026-5-4-64-70

The article was submitted: May 31, 2026; Approved after reviewing: June 29, 2026; Accepted for publication: August 17, 2026.

Введение

Широкое распространение криптовалют и цифровых валют в информационном пространстве привело к появлению особого сегмента медиакommunikаций, в рамках которого криптовалюта воспринимается не только как средство оплаты, но и как символ определенных идей, ценностей и представлений [1, 2]. Продвижение цифровых валют осуществляется преимущественно в цифровой среде – через социальные сети, форумы, каналы и онлайн-сообщества [3, 4]. В подобных условиях важное значение приобретают не столько экономические характеристики криптовалют, сколько способы их дискурсивной репрезентации, которые формируют у аудитории представление надежности и социальной значимости цифровых валют.

Современные исследования медиадискурса [1-4] показывают, что доверие выступает одним из основных критериев эффективности коммуникационного воздействия. Создание доверительных отношений между источником информации и аудиторией обеспечивается через различные лингвистические и когнитивные механизмы, направленные на снижение неопределенности и формирование позитивных интерпретационных моделей [5-7]. Особую роль в данном процессе играют культурные образы и когнитивные конструкции, которые позволяют аудитории осмысливать сложные технологические процессы через знакомые культурные образы [8, 9].

Одним из таких механизмов является архетипизация, которая представляет собой процесс использования в медиакommunikациях устойчивых и хорошо узнаваемых образов, которые вызывают у аудитории определенные эмоции, ценности и модели поведения [10]. Архетипические модели обеспечивают быстрое распознавание смыслов, эмоциональное вовлечение аудитории, что способствует созданию устойчивых ценностных установок. В медиадискурсе архетипы выполняют функцию смысловых ориентиров, которые позволяют направлять поведение аудитории и объяснять сложные процессы через культурно закрепленные образы.

Анализ криптовалютного медиадискурса показывает, что продвижение цифровых валют регулярно сопровождается обращением к идеям свободы, независимости, технологического развития, преодоления ограничений существующей финансовой системы и личного успеха [2, 11]. Такие смысловые конструкции связаны с архетипическими моделями Бунтаря, Искателя, Героя и Мудреца, что создает положительное отношение к цифровым валютам и повышает доверие к ним [10].

Несмотря на значительное количество исследований, посвященных медиадискурсу и коммуникациям в цифровой среде [1-9] лингвокогнитивные механизмы архетипизации в продвижении цифровых валют остаются недостаточно изученными. Существующие исследования преимущественно направлены на технологических, экономических и социокультурных аспектах цифровых валют, тогда как роль архетипических моделей в процессе формирования доверия аудитории практически не изучена.

Материалы и методы исследований

Анализ научных исследований, посвященных медиадискурсу, коммуникациям в цифровой среде и цифровым валютам показал, что существует актуальная научная проблема, которая требует решения. Научная проблема данного исследования заключается в выявлении лингвокогнитивных механизмов архетипизации, которые обеспечивают доверие аудитории к цифровым валютам в условиях современной медиакommunikation.

Цель исследования заключается в выявлении и описании лингвокогнитивных механизмов архетипизации, используемых для продвижения цифровых валют.

Для достижения поставленной цели решаются следующие задачи:

1. Выявить основные архетипические модели, используемые в криптовалютном медиадискурсе;
2. Определить языковые и дискурсивные средства актуализации архетипических моделей при продвижении цифровых валют;
3. Установить роль архетипизации в формировании доверия аудитории к цифровым валютам.

Материалами исследования послужили тексты и медиаматериалы, посвященные цифровым и криптовалютам, опубликованные в открытых источниках: средствах массовой информации, каналах, форумах, онлайн-сообществах. В качестве методов исследования использовались дискурсивный анализ, когнитивно-дискурсивный анализ, контент-анализ медиаматериалов, метод интерпретационного анализа, метод обобщения и моделирования. Комплексное использование перечисленных методов позволило обеспечить возможность выявления закономерностей использования архетипических моделей в продвижении цифровых валют и определения их роли в создании доверия у аудитории.

Результаты и обсуждения

Проведенный анализ материалов медиадискурса цифровых валют показал, что продвижение цифровых валют осуществляется не только через передачу информации об их технологических и экономических характеристиках, но и через создание устойчивых символических представлений, основанных на архетипических моделях. В исследуемых медиатекстах цифровые валюты регулярно репрезентируются как средство достижения финансовой свободы, инструмент преодоления ограничений существующей финансовой системы, способ участия в формировании новой экономики [1, 12].

Полученные результаты позволяют утверждать, что архетипизация выступает одним из лингвокогнитивных механизмов продвижения цифровых валют. Смысл архетипизации заключается в использовании архетипических моделей, создающих эмоциональную вовлеченность аудитории и упрощающих восприятие сложных технологических процессов. Архетипические модели позволяют интерпретировать цифровые валюты через известные культурные образы и ценностные установки, что формирует доверие [8, 9]. В процессе исследования были выявлены четыре наиболее распространенных архетипических модели медиадискурса цифровых валют: Бунтарь, Искатель, Герой и Мудрец. Каждая из этих моделей выполняет собственную коммуникативную функцию и участвует в создании определенного отношения аудитории к цифровым валютам.

Архетипическая модель Бунтаря связана с идеями независимости, противостояния государственным институтам и отказа от устоявшейся финансовой системы. В рамках данной модели цифровые валюты выступают в качестве инструмента финансовой свободы, который обеспечивает пользователям автономность в управлении собственными финансовыми активами [2, 13]. Описываемая архетипическая модель является одной из самых распространенных в криптовалютном дискурсе, поскольку исторически развитие криптовалют сопровождалось критикой действующих финансовых институтов и поиском альтернативных вариантов обмена валютой.

Дискурсивная репрезентация архетипической модели Бунтаря реализуется посредством использования лексических единиц и смысловых конструкций, связанных со свободой, автономией, независимостью, отказом от контроля и ограничений. В исследуемых медиатекстах цифровые валюты часто описываются как средство освобождения от банковских структур, посредников, государственного регулирования. Такой дискурс формирует представление о криптовалюте как о символе свободы и автономности, что способствует укреплению доверия аудитории [14, 15].

Архетипическая модель Искателя основана на стремлении к использованию новых возможностей, открытию неизвестного и поиску других путей развития. В дискурсе цифровых валют данная модель реализуется через их представление в качестве инновационного явления, связанного с созданием новой экономики и технологическим прогрессом [1, 2]. Пользователь цифровой валюты в данном случае выступает не только инвестором, но и участником новых экономических процессов.

Особенность архетипической модели Искателя заключается в ориентации на перспективу и будущие изменения. В исследуемых медиатекстах активно используются дискурсивные конструкции, которые подчеркивают новизну, уникальность и перспективность использования цифровых валют. Участие в криптовалютном рынке интерпретируется как возможность получения доступа к новейшим технологиям и участия в глобальных процессах цифровой трансформации общества. Подобный подход приводит к формированию положительных ожиданий и укрепляет доверие аудитории по отношению к цифровым валютам [16, 17].

Архетипическая модель Героя формируется через репрезентацию цифровых валют как инструмента достижения успеха и преодоления существующих ограничений. В рамках данной модели важное значение приобретают нарративы, связанные с личными достижениями, преодолением трудностей и успешным использованием новой финансовой системы. Криптовалютный рынок в таких материалах обычно представлен как место для испытаний, в котором требуется решительность, готовность к риску и способность принятия решений [2].

Работа архетипичной модели Героя осуществляется через регулярное обращение к историям успеха ранних инвесторов и предпринимателей, у которых получилось добиться значительных результатов благодаря использованию криптовалюты. Подобные примеры формируют у аудитории представление о возможности достижения финансовой независимости и личного успеха через участие в криптовалютном рынке. В результате аудитория начинает воспринимать цифровые валюты как средство достижения социально значимых целей [17, 18].

Последняя модель – архетипическая модель Мудреца, она основана на ценности знаний, компетенций и способности объяснять сложные процессы. В криптовалютном медиадискурсе данная модель реализуется через деятельность аналитиков, экспертов, образовательных платформ и специальных медиа, которые объясняют происходящие на рынке события через понятные для аудитории модели осмысления [3, 4].

В отличие от архетипических моделей Бунтаря и Героя, ориентированных в основном на эмоциональное вовлечение аудитории, модель Мудреца создает доверие через обращения к экспертному знанию и рациональной аргументации. Использование прогнозов, аналитических обзоров, обучающих материалов и экспертных комментариев способствует снижению неопределенности и дает возможность аудитории относиться к цифровым валютам как к понятному и предсказуемому объекту. Именно поэтому архетипическая модель Мудреца играет важную роль в процессе укрепления доверия к цифровым валютам [3, 5, 7].

Выявленные архетипические модели различаются не только по набору ключевых смыслов, но и по выполняемым коммуникационным функциям. В криптовалютном медиадискурсе каждая их моделей задает определенный способ интерпретации цифровых валют и формирует разные подходы к их восприятию аудиторией. В связи с этим архетипические модели целесообразно рассматривать как части одной системы лингвокогнитивного продвижения, направленной на снижение неопределенности, эмоциональное вовлечение и формирование доверия [7-9]. Для систематизации выявленных моделей и определения их роли в процессе формирования доверия у аудитории к цифровым валютам была разработана табл. 1, которая показывает взаимосвязь архетипических моделей с их ценностно-смысловым содержанием и коммуникативной функцией, реализуемой в процессе продвижения.

Таблица 1

Функциональная характеристика архетипических моделей в криптовалютном медиадискурсе.

Table 1

Functional characteristics of archetypal models in cryptocurrency media discourse.

Архетипическая модель	Основные смыслы	Коммуникативная функция
Бунтарь	свобода, независимость, децентрализация, отказ от посредников, сопротивление централизованному контролю	формирование образа цифровых валют как альтернативы традиционной финансовой системы
Искатель	новизна, поиск возможностей, освоение будущего, технологическое развитие, участие в новой экономике	вовлечение аудитории в освоение новых цифровых и финансовых практик
Герой	успех, преодоление риска, достижение цели, финансовый рост, личная победа	стимулирование активности аудитории через нарратив личного успеха
Мудрец	знание, экспертность, аналитика, обучение, рациональное объяснение сложных процессов	повышение доверия к цифровым валютам через экспертное знание и снижение неопределенности

Представленная таблица показывает, что архетипические модели выполняют разные, но взаимодополняющие функции. Архетипическая модель Бунтаря задает ценностную рамку восприятия цифровых валют как способа получения независимости и сопротивления государственному контролю. Архетипическая модель Искателя переводит внимание аудитории с рисков на возможности, посредством связи цифровых валют с образом будущего и технологического прогресса. Архетипическая модель Героя для формирования доверия использует мотив преодоления и достижения успеха, а архетипическая модель Мудреца обеспечивает рационализацию криптовалют через экспертное знание и аналитику. Именно эти связи между архетипическими моделями, символическими образами и доверием аудитории становится основой для создания модели архетипизации цифровых валют.

Проведенное исследование показало, что архетипизация выступает не только средством репрезентации цифровых валют, но и самостоятельным лингвокогнитивным механизмом формирования доверия аудитории. Анализ медиатекстов позволил установить, что воздействие архетипических моделей осуществляется посредством последовательного перехода от культурно значимого образа к формированию определенной поведенческой установки пользователя. Также на основании результатов анализа архетипических моделей была разработана модель архетипизации цифровых валют (табл. 2), которая описывает механизм формирования доверия аудитории.

В основе модели архетипизации цифровых валют лежит последовательность взаимосвязанных элементов: архетипическая модель, символический образ цифровой валюты, формирование доверия, последующее коммуникативное или поведенческое действие аудитории.

Таблица 2

Модель архетипизации цифровых валют.

Table 2

Digital currency archetype model.

Архетипическая модель	Символический образ	Формируемое доверие	Поведенческий эффект
Бунтарь	Финансовая независимость	Доверие к альтернативной финансовой системе	Инвестирование
Искатель	Экономика будущего	Доверие к инновациям	Освоение новых практик
Герой	Возможность успеха	Доверие к личным перспективам	Активное участие
Мудрец	Экспертное знание	Доверие к информации	Рациональное принятие решений

Разработанная модель показывает, что архетипизация обеспечивает трансформацию цифровых валют из сложного технологического объекта в понятный для аудитории символический образ, который связан с их ценностями и моделями поведения. Именно эта закономерность позволяет рассматривать архетипизацию как один из ключевых лингвокогнитивных механизмов продвижения цифровых валют.

Выводы

В результате проведенного исследования было установлено, что медиадискурс цифровых валют формируется через устойчивые архетипические модели, которые выступают важным инструментом символической репрезентации криптовалютных технологий. Результаты анализа материалов исследования позволили выявить ключевые архетипы Бунтаря, Искателя, Героя и Мудреца, которые реализуются через характерные лексико-семантические маркеры и коммуникативные стратегии.

Полученные результаты исследования подтверждают, что архетипизация выступает одним из ключевых механизмов формирования доверия аудитории к цифровым валютам. Предложенная модель архетипизации цифровых валют демонстрирует взаимосвязь между архетипическим образом, формируемым уровнем доверия и соответствующими поведенческими установками пользователей. Тем самым архетипический подход позволяет более глубоко объяснить особенности функционирования криптовалютного медиадискурса и механизмы его воздействия на массовое сознание.

Список источников

1. Андреева Н.В. Криптовалюты как социально-экономическое явление [Электронный ресурс]. 2023. Режим доступа: [kriptovalyuty-kak-sotsialno-ekonomicheskoe-yavlenie.pdf](#) (дата обращения: 15.04.2025)
2. Сидоренко А.С. Криптовалюта и будущее цифровых финансов: социокультурный и лингвистический анализ. М., 2024. 92 с.
3. Грачев А.Я. Дискурсивные практики цифровых сообществ: исследование лексических особенностей Telegram-каналов // Вестник Томского государственного университета. Серия: Филология, 2023. № 4.
4. Добросклонская Т.Г. Вопросы изучения медиатекстов. М.: Макс Пресс, 2000. 288 с.
5. Голоднов А.В. Персуазивность как универсальная стратегия текстообразования в риторическом метадискурсе (на материале немецкого языка): дис. ... д-ра филол. наук. Санкт-Петербург, 2011. 402 с.
6. Желтухина М.Р. Тропологическая суггестивность масс-медиа дискурса: о проблеме речевого воздействия тропов в языке СМИ. Москва; Волгоград, 2004. 656 с.
7. Зарипов Р.И. Коммуникативная матрица информационно-психологического воздействия: дис. ... д-ра филол. наук. М., 2025. 685 с.
8. Болдырев Н.Н. Концептуальное пространство когнитивной лингвистики // Вопросы когнитивной лингвистики. 2004. № 1. С. 26 – 27.
9. Кубрякова Е.С. Об установках когнитивной науки и актуальных проблемах когнитивной лингвистики // Вопросы когнитивной лингвистики. 2004. № 1. С. 8 – 9.
10. Юнг К.Г. Архетипы и коллективное бессознательное. М.: АСТ, 2019. 553 с.
11. Shahiki Tash M., Kolesnikova O., Ahani Z., Sidorov G. Psycholinguistic and emotion analysis of cryptocurrency discourse on X platform // Scientific Reports. 2024. Vol. 14. Article 8585. DOI: 10.1038/s41598-024-58929-4
12. Андерсон Р.Д. Каузальная сила политической метафоры // Политическая лингвистика. 2007. № 2 (22). С. 7 – 18.
13. Волков В.В. Цифровая экономика: лингвистический и лингвоментальный аспекты // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2020. Т. 13. № 7. С. 135 – 139. DOI: 10.30853/filnauki.2020.7.24
14. Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. 5-е изд. М.: Издательство ЛКИ, 2008. 288 с.
15. Речевое воздействие в сфере массовой коммуникации: сб. науч.-аналит. обзоров / АН СССР; ИНИОН; Центр гуманитар. науч.-информ. исслед.; отв. ред. Ф.М. Березин, Е.Ф. Тарасов. М., 1990. 135 с.
16. Клушина Н.И. Культура в медиапространстве: структура и эффекты // Масс-медиа и массовые коммуникации: статус научных и учебных дисциплин: материалы Первого международного научного colloquium. Белгород, 2013. С. 37 – 43.
17. Шиллер Р.Дж. Нарративная экономика: пер. с англ. А. Кислова, Д. Шевелева. М.: Альпина Паблишер, 2022. 400 с.
18. Музыкант В.Л. Реклама в действии: история, аудитория, приемы: учеб. пособие. М.: Эксмо, 2007. 236 с.

References

1. Andreeva N.V. Cryptocurrencies as a Socioeconomic Phenomenon [Electronic resource]. 2023. Available at: [kriptovalyuty-kak-sotsialno-ekonomicheskoe-yavlenie.pdf](#) (date of access: 15.04.2025)
2. Sidorenko A.S. Cryptocurrency and the Future of Digital Finance: A Sociocultural and Linguistic Analysis. Moscow, 2024. 92 p.
3. Grachev A.Ya. Discursive Practices of Digital Communities: A Study of the Lexical Features of Telegram Channels. Bulletin of Tomsk State University. Series: Philology, 2023. No. 4.
4. Dobrosklonskaya T.G. Issues in the Study of Media Texts. Moscow: Max Press, 2000. 288 p.
5. Golodnov A.V. Persuasiveness as a Universal Strategy of Text Formation in Rhetorical Metadiscourse (Based on the German Language): Doctor of Philological Sciences Dissertation. Saint Petersburg, 2011. 402 p.
6. Zheltukhina M.R. Tropological Suggestivity of Mass Media Discourse: On the Problem of the Speech Impact of Tropes in the Language of the Media. Moscow; Volgograd, 2004. 656 p.
7. Zaripov R.I. Communicative Matrix of Information-Psychological Impact: Doctor of Philological Sciences Dissertation. Moscow, 2025. 685 p.
8. Boldyrev N.N. Conceptual Space of Cognitive Linguistics. Issues of Cognitive Linguistics. 2004. No. 1. P. 26 – 27.

9. Kubryakova E.S. On the Attitudes of Cognitive Science and Current Problems of Cognitive Linguistics. *Voprosy Kognitivnoy Linguistics*. 2004. No. 1. P. 8 – 9.
10. Jung K.G. *Archetypes and the Collective Unconscious*. Moscow: AST, 2019. 553 p.
11. Shahiki Tash M., Kolesnikova O., Ahani Z., Sidorov G. Psycholinguistic and Emotional Analysis of Cryptocurrency Discourse on the X Platform. *Scientific Reports*. 2024. Vol. 14. Article 8585. DOI: 10.1038/s41598-024-58929-4
12. Anderson R.D. The Causal Power of Political Metaphor. *Political Linguistics*. 2007. No. 2 (22). P. 7 – 18.
13. Volkov V.V. Digital Economy: Linguistic and Linguamental Aspects. *Philological Sciences. Theoretical and Practical Issues*. 2020. Vol. 13. No. 7. P. 135 – 139. DOI: 10.30853/filnauki.2020.7.24
14. Issers O.S. *Communicative Strategies and Tactics of Russian Speech*. 5th ed. Moscow: LKI Publishing House, 2008. 288 p.
15. *Speech Impact in the Sphere of Mass Communication: A Collection of Scientific and Analytical Reviews*. USSR Academy of Sciences; INION; Center for Humanitarian Scientific and Information Research; Eds. F.M. Berezina, E.F. Tarasov. Moscow, 1990. 135 p.
16. Klushina N.I. Culture in the Media Space: Structure and Effects. *Mass Media and Mass Communications: Status of Scientific and Academic Disciplines: Proceedings of the First International Scientific Colloquium*. Belgorod, 2013. P. 37 – 43.
17. Schiller R.J. *Narrative Economy*: trans. from English by A. Kislova, D. Sheveleva. Moscow: Alpina Publisher, 2022. 400 p.
18. Muzykant V.L. *Advertising in Action: History, Audience, Techniques: Textbook*. Moscow: Eksmo, 2007. 236 p.

Информация об авторе

Бородин А.Д., аспирант, Московский государственный лингвистический университет

© Бородин А.Д., 2026

Научно-исследовательский журнал «Филологический вестник / Philological Bulletin»

<https://fv-journal.ru>

2026, Том 5, № 4 / 2026, Vol. 5, Iss. 4 <https://fv-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.5. Русский язык. Языки народов России (филологические науки)

УДК 811.161.1

DOI: 10.66621/2949-4656-2026-5-4-71-75

К вопросу о способах словообразования в дагестанских языках

¹ Габидуллаева П.М., ¹ Саадуллаева Р.Ш.,

¹ Дагестанский государственный педагогический университет им. Р. Гамзатова

Аннотация: в статье проводится анализ словообразовательных способов в дагестанских языках. Словообразование – один из путей пополнения лексики дагестанских языков. Имеется ряд разновидностей безаффиксальных способов словообразования. Также встречаются морфолого-синтаксический способ, лексико-семантический способ, лексико-синтаксический способ. Часть из этих способов действуют только в сфере исторического словообразования рассматриваемых языков. Суффиксальный способ считается эффективным типом деривации в дагестанских языках. Производная лексема складывается сопряжением двух или нескольких основ. Сочетаются как непр производные, так и производные основы. Посредством суффиксов образуются, кроме существительных, прилагательные, наречия и числительные. Одним из активных способов, обогащающих лексику дагестанских языков, служит композитный способ. Композитные образования и по структуре сочетающихся компонентов, и по содержанию разнообразны.

Ключевые слова: дагестанские языки, словообразование, суффиксальный способ, постфиксальный, дериватема, безаффиксальный, композиты, производная основа

Для цитирования: Габидуллаева П.М., Саадуллаева Р.Ш. К вопросу о способах словообразования в дагестанских языках // Филологический вестник. 2026. Том 5. № 4. С. 71 – 75. DOI: 10.66621/2949-4656-2026-5-4-71-75

Поступила в редакцию: 31 мая 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 29 июня 2026 г.; Принята к публикации: 17 августа 2026 г.

On the question of the methods of word formation in the Dagestan languages

¹ Gabibullayeva P.M., ¹ Saadulayeva R.Sch.,

¹ R. Gamzatov Dagestan State Pedagogical University

Abstract: the article analyzes the word-formation methods in the Dagestan languages. Word formation is one of the ways to replenish the vocabulary of Dagestan languages. There are a number of varieties of suffixless ways of word formation. There are also morphological and syntactic methods, lexical and semantic methods, and lexical and syntactic methods. Some of these methods operate only in the field of historical word formation of the languages in question. The suffixing method is one of the most productive ways of word formation in Dagestan languages. A derived word is formed by combining two or more bases. In this case, both non-derivative bases and derivative bases can be combined. Besides nouns, adjectives, adverbs, and numerals are formed by means of suffixes. One of the active ways to enrich the vocabulary of Dagestan languages is the composite method. Composite formations are diverse both in terms of the structure of the combined components and in terms of content.

Keywords: the Dagestan languages, word formation, suffixing method, postfix, derivateme, suffixless, composites, derived base

For citation: Gabibullayeva P.M., Saadulayeva R.Sch. On the question of the methods of word formation in the Dagestan languages. Philological Bulletin. 2026. 5 (4). P. 71 – 75. DOI: 10.66621/2949-4656-2026-5-4-71-75

The article was submitted: May 31, 2026; Approved after reviewing: June 29, 2026; Accepted for publication: August 17, 2026.

Введение

Вопросы, касающиеся словообразования в дагестанских языках не освещены должным образом. Назрела необходимость осветить проблемы дериватологии дагестанских языков, способы образования, их эффективность, активность в языках. На современном этапе работ, исследующих в синхронном плане словообразование дагестанских языков нет. Этим и обусловлена актуальность нашей работы.

Основная цель – анализ словообразовательных способов в дагестанских языках как одного из путей пополнения лексики этих языков.

Задачи:

1. Описание словообразовательных способов в дагестанских языках;
2. Анализ активности функционирования этих способов в данных языках.

Материалы и методы исследований

Основной метод – интерпретация и синхронный метод.

Данные для анализа взяты из научных сборников [3] и грамматик этих языков.

Результаты и обсуждения

В данных языках имеются работы кавказоведов, которые затрагивают те или иные вопросы словообразования. Это труды Р.И. Гайдарова [4], М.-С.М. Мусаева [10], Г.И. Мадиевой [9] и др. Однако, мало современных трудов, посвященных дериватологии данных языков.

Словообразование, как один из путей пополнения лексики дагестанских языков, осуществляется несколькими способами, которые делятся на аффиксальные и неаффиксальные.

Аффиксальные способы словообразования довольно разнообразны: суффиксальный, суффиксально-сложный, префиксальный, нулевой суффиксации, постфиксальный. Разные способы словообразования играют при образовании слов разных частей речи неодинаковую роль. К примеру, суффиксальный способ характерен исключительно именным частям речи и наречию и абсолютно не характерен глаголу этих языков.

В обозначенных языках деривационные элементы способствуют созданию новых лексем. Обычно такими элементами являются суффиксы, которых в анализируемых языках отмечается множество. Суффиксы, образующие существительные многообразны и неоднородны по степени продуктивности. Существительные, образованные при помощи суффиксов могут быть мотивированными словами разных частей речи, в том числе и существительными.

Исследователи отмечают, что «трудность членения аварского слова на морфемы, очевидно, связана с сильно развитой внутренней флексией основы» [9].

По своему значению словообразовательные суффиксы существительных делятся на несколько групп.

В каждом из дагестанских языков суффиксация – это наиболее продуктивный способ образования слов. Выделяются следующие виды суффиксов:

1. Образующие существительные со значением деятеля, конкретных предметов и отвлеченных понятий.

В даргинском языке морфема -ган может обозначать термины родства или профессию человека: базри-ган «торговец», кьари-ган «троюродный брат». Посредством суффикса -кьар также образуются термины родства: узи-кьар «двоюродный рат», к1уни-кьар «троюродный брат».

2. Суффиксы с предметно-вещественным значением.

В даргинском посредством суффикса -укь образуются существительные с постоянным признаком: жал-укь «спорщик», изл-укь «всегда больной».

3. Суффиксы, образующие абстрактные существительные. Это самые продуктивные суффиксы.

В дагестанских языках помимо субстантивов, суффиксация способствует образованию адъективов, наречий и числительных.

В образовании прилагательных, в большинстве своем, они обозначают признак предмета.

В образовании числительных, помимо суффиксов, активно выступают дериватемы, в особенности при образовании собирательных числительных.

Дериватема – морфема, с помощью которой в слово привносится дополнительное грамматическое значение [4].

Суффиксами глагола являются показатели отглагольных образований – инфинитива, причастия, деепричастия, масдара, а также показатель каузатива.

Префиксальным способом в данных языках, как правило, образуются глаголы.

Постфиксальный способ также отмечается в этих языках. Постфикс – словообразующая морфема «суффикс в широком смысле» [1].

Данный способ лужит для добавления дополнительных функций к словам. От латинского *post*, имеет значение «после». Постфикс – это аффикс, расположенный в слове после всех морфем, включая флексию. В русском языке, например: когда-то, кого-то, радоваться, играется (возвратность действия).

Слова, образованные путем постфиксации, отмечаются главным образом в системе детерминантных слов. Большинство неопределенных, отрицательных местоимений образовано от вопросительных и определительных местоимений при помощи постфиксов.

Приставочно-суффиксальный способ заключается в одновременном присоединении к производящей основе приставки и суффикса [8].

В словообразовании рассматриваемых языков отмечается способ нулевой суффиксации. Он представлен только в словообразовании имен существительных. Сюда относятся главным образом определенная группа отглагольных существительных, выражающих отвлеченные понятия. Существует несколько разновидностей безаффиксальных способов словообразования: сложение, сращение, конверсия (морфолого-синтаксический способ), лексико-семантический способ, лексико-синтаксический способ. Часть из этих способов действуют только в сфере исторического словообразования рассматриваемых языков.

Композитное образование слов – это один из развитых видов дериватологии.

Сложение двух или нескольких основ отмечается во всех обозначенных языках: дарг. – х1яб1терхьа «виселица» – х1яб «три»+т1терхьа «палка», хьалибарг – хьали+барг «семья»; в аварском: вараних1инч1 «страус», гьалбац1 «лев», эбел-эмен «родители»), так и производные (убуш – чебуш «постель» буквально у-буш это то, что подложат и че-буш то, что сверху накладывают).

При сложении отмечается целый ряд формально-семантических преобразований слагаемых компонентов [5].

Возникает новое целостное значение (напр. в дарг. неш-дудеш «родители» при этом неш «мать» и дудеш «отец») Словоизменению подвергается только последний компонент: урши-рурси «дети», при этом урши (ед.ч.) «сын» рурси «дочери» (мн.ч.).

В ряде случаев наблюдаются ослабление или полная утрата одним из компонентов семантических и морфологических признаков.

Обычно трудность лексемы излагается через частотность, длину, конкретность / абстрактность [2].

Детализация вопросов композитарного словообразования требует всестороннего анализа [6].

В аварском «основным критерием, отличающим сложное слово от соответствующего словосочетания, является цельно оформленность первого при раздельнооформленности второго» [9].

В словообразовании даргинского языка композитный способ занимает особое место. «Композиты (лат. *compositio* – сложение) – сложные слова, имеющие особый тип словообразовательного значения, которое присуще вообще всем словам со сложной мотивирующей базой: это соединительное значение» [10].

Они содержат в себе различные компоненты-слова, иногда целые словосочетания [7].

По свойствам композиционных связей сложные субстантивы распределяются на парные и на детерминативные.

Детерминативный: 1) определяющий, определенный; 2) ограничивающий; 3) решительный, решающий. Детерминант (от французского) – определитель. Произвольная лексема, в препозиции любой синтаксической конструкции и реализующая грамматические отношения со всей остальной частью этой конструкции.

Детерминативные сложные существительные образуются путем сложения двух самостоятельных существительных и, как правило, обозначают обобщенное понятие с собирательным значением.

В составе детерминативных сложных существительных значительно больше составных существительных, чем сращенных. К сращенным сложным существительным относятся, как правило, немногочисленные сложные существительные, между компонентами которых отмечаются атрибутивные отношения (первый компонент является определителем второго компонента, выраженного существительным).

Встречаются детерминативные сращенные существительные, созданные из управляемого существительного и управляющий глагольной основы.

Субстантивы-компози́ты по контекстуальным связям элементов бывают:

- а). Инверсные
- б). Омосемичные

в). Своебытный вариант формируют композиты-субстантивы, у которых тождественными являются семасиологически тождественными во всех категориях, но не могут иметь омосемичных связей.

Сложных прилагательных в дагестанских языках относительно немного. Такие прилагательные выражают оттенок приблизительности, некоторой уменьшительности характеризуемого признака.

Названия круглых десятков и сотен в числительных образовались путем соединения двух простых числительных.

Компоненты сложных числительных при слиянии подвергаются различным фонетическим изменениям. Сложными являются также все порядковые числительные, которые образовались путем соединения количественного числительного и причастия.

Выводы

Таким образом, проведенный анализ деривационных способов в дагестанских языках, привел к следующим выводам:

- Деривационные способы довольно разнообразны в рассматриваемых языках.
- Наиболее распространенным является суффиксальный способ. Он отмечается в образовании именных частей речи.
- Встречаются также префиксальный, нулевой суффиксации, постфиксальный. Данные способы словообразования менее распространены в этих языках.
- Неравномерны способы словообразования при образовании слов разных частей речи, так как в ряде частей речи они активны, в образовании иных частей речи – пассивны.
- Композитный способ образования слов – один из распространенных в дагестанских языках.

Список источников

1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. Москва, 2025. 576 с.
2. Бай Жу. Словообразовательная прозрачность и морфемная насыщенность как параметры сложности лексики в заданиях по РКИ (китайская выборка) // Вестник филологических наук. 2025. Т. 5. № 11. С. 70 – 76.
3. Вопросы словообразования дагестанских языков: сборник статей / Дагестанский филиал АН СССР, Институт истории, языка и литературы им. Г. Цадасы; редкол.: С.М. Гасанова (сост.) и др. Махачкала: Даг. фил. АН СССР, 1986. 151 с.
4. Гайдаров Р.И. Основы словообразования и словоизменения в лезгинских языках. Махачкала, 1991. 79 с.
5. Гасанова У.У. Лексический состав и словообразование хайдакского диалекта даргинского языка. Махачкала, ДГУ, 2012. 302 с.
6. Гусейнова М.М. Структура и состав композитарного словообразования в немецком языке // Современный ученый. 2025. № 12. С. 82 – 86.
7. Залова И.М., Залевская Т.Е. Особенности образования и функционирования сложных слов немецкого языка // Современный ученый. 2025. № 4. С. 136 – 140.
8. Зюзина Е.А., Хизриева Т.Г. Адаптация слов-дагестанизмов в русской региональной речи: словообразовательный аспект // Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 2, Гуманитарные науки. 2024. Т. 39. Вып. 3. С. 89 – 94.
9. Мадиева Г.И. Морфология аварского литературного языка. Махачкала, 1980. 160 с.
10. Мусаев М.-С.М. Лексика и словообразование даргинского языка. Махачкала: ИПЦ ДГУ, 2009. 99 с.

References

1. Akhmanova O.S. Dictionary of Linguistic Terms. Moscow, 2025. 576 p.
2. Bai Zhu. Word-Formation Transparency and Morphemic Richness as Parameters of Vocabulary Complexity in Russian Foreign Language Tasks (Chinese Sample). Bulletin of Philological Sciences. 2025. Vol. 5. No. 11. P. 70 – 76.
3. Word Formation in the Dagestani Languages: A Collection of Articles. Dagestan Branch of the USSR Academy of Sciences, G. Tsadasa Institute of History, Language, and Literature; editorial board: S.M. Gasanova (compiled) and others. Makhachkala: Dagestan Branch of the USSR Academy of Sciences, 1986. 151 p.

4. Gaidarov, R.I. Fundamentals of Word Formation and Inflection in the Lezgin Languages. Makhachkala, 1991. 79 p.
5. Gasanova U.U. Lexical composition and word formation of the Khaidak dialect of the Dargin language. Makhachkala, DSU, 2012. 302 p.
6. Guseynova M.M. Structure and composition of composite word formation in the German language. Modern Scientist. 2025. No. 12. P. 82 – 86.
7. Zalova I.M., Zalevskaya T.E. Features of the formation and functioning of compound words in the German language. Modern Scientist. 2025. No. 4. P. 136 – 140.
8. Zyuzina E.A., Khizrieva T.G. Adaptation of Dagestani words in Russian regional speech: word-formation aspect. Bulletin of Dagestan State University. Series 2, Humanities. 2024. Vol. 39. Issue. 3. P. 89 – 94.
9. Madieva G.I. Morphology of the Avar Literary Language. Makhachkala, 1980. 160 p.
10. Musaev M-S.M. Vocabulary and Word Formation of the Dargin Language. Makhachkala: IPC DSU, 2009. 99 p.

Информация об авторах

Габибуллаева П.М., кандидат филологических наук, заведующая кафедрой дагестанских языков, Дагестанский государственный педагогический университет им. Р. Гамзатова, nurselin7@mail.ru

Саадулаева Р.Щ., кандидат филологических наук, доцент, Дагестанский государственный педагогический университет им. Р. Гамзатова, nurselin7@mail.ru

© Габибуллаева П.М., Саадулаева Р.Щ., 2026

Научно-исследовательский журнал «Филологический вестник / Philological Bulletin»

<https://fv-journal.ru>

2026, Том 5, № 4 / 2026, Vol. 5, Iss. 4 <https://fv-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки)

УДК 81'42+811.111+81'27

DOI: 10.66621/2949-4656-2026-5-4-76-82

Моделирование кризисной ситуации: метафорические образы приостановки работы правительства в 2025 г. в дискурсе республиканской и демократической партий США

¹ Какорин Е.М.,

¹ Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина

Аннотация: настоящая статья посвящена исследованию метафоризации кризисной ситуации – приостановки работы правительства США в 2025 г. Цель исследования состоит в анализе метафорических моделей, которые были реализованы в дискурсе представителей Республиканской и Демократической партий США по отношению к шатдауну. Актуальность продиктована высоким интересом в лингвистических исследованиях к политической коммуникации в США как одного из ключевых акторов международных отношений. В рамках современной политической метафорологии межпартийный дискурс оказывается менее описанным, по сравнению с дискурсом СМИ. Исследовательские методы включают: метафорическое моделирование, критический анализ метафоры, сопоставительный анализ, интерпретативный анализ. Результаты показывают значительную разницу в метафорике представителей двух партий: для республиканцев характерно использование более агрессивных и негативно заряженных метафор (сферы «Криминал» и «Игра»); дискурс демократов также является критическим, но более умеренным (сферы «Трудовые отношения» и «Война»). Представители обеих партий используют метафоры субсферы «Человек». С точки зрения практической значимости результаты исследования подтверждают возможность прогнозирования на основе метафорики дискурса, позволяют делать суждения об особенностях современной политической коммуникации в США и аргументативной силе метафор.

Ключевые слова: метафорическое моделирование, политический дискурс, политическая метафора, политический кризис, шатдаун, США

Для цитирования: Какорин Е.М. Моделирование кризисной ситуации: метафорические образы приостановки работы правительства в 2025 г. в дискурсе республиканской и демократической партий США // Филологический вестник. 2026. Том 5. № 4. С. 76 – 82. DOI: 10.66621/2949-4656-2026-5-4-76-82

Поступила в редакцию: 1 июня 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 1 июля 2026 г.; Принята к публикации: 17 августа 2026 г.

Crisis modeling: metaphorical images of the 2025 U.S. government shutdown in the Republican and Democratic party discourse

¹ Kakorin E.M.,

¹ Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin

Abstract: this article examines the metaphorical conceptualization of a crisis situation – namely, the 2025 shutdown of the U.S. federal government. The study aims to analyze the metaphorical models employed in the discourse of representatives from the Republican and Democratic parties regarding the shutdown. The relevance of the research is motivated by scholarly interest in American political communication, since the United States is one of the key actors in international relations. Within the framework of contemporary political metaphorology, interparty discourse is comparatively underexplored relative to media discourse. The research methods include metaphorical modelling, critical metaphor analysis, comparative analysis, and interpretive analysis. The analysis shows significant partisan differences in metaphorical usage: Republican discourse is characteristically more aggressive, with negatively charged metaphors (drawing primarily from the source domains of CRIME and

GAME), whereas Democratic discourse, while also critical, exhibits a more moderate tone (drawing primarily from LABOR RELATIONS and WAR domains). Both parties use metaphors from the HUMAN BEING subdomain. In terms of practical import, the results suggest that metaphorical patterns in political discourse can serve as a predictive tool, provide insights into the nature of contemporary political communication in the U.S., and illuminate the argumentative force of metaphor.

Keywords: metaphorical modeling, political discourse, political metaphor, political crisis, shutdown, the USA

For citation: Kakorin E.M. Crisis modeling: metaphorical images of the 2025 U.S. government shutdown in the Republican and Democratic party discourse. *Philological Bulletin*. 2026. 5 (4). P. 76 – 82. DOI: 10.66621/2949-4656-2026-5-4-76-82

The article was submitted: June 1, 2026; Approved after reviewing: July 1, 2026; Accepted for publication: August 17, 2026.

Введение

Особенности метафоры кризисного дискурса находятся в фокусе значительного числа работ. Периоды политической нестабильности традиционно являются катализаторами интенсификации метафоричности политического дискурса [13, 15]. Результаты исследований показывают, что для репрезентации кризисных ситуаций представители различных национальных дискурсов используют общие сферы-источники метафорической экспансии: так, например, для российских и китайских СМИ характерно заимствование из понятийной области «Война» [7, с. 244]. Другими базовыми для политического дискурса донорскими сферами в данном контексте являются «Болезнь» и «Стихийное бедствие» [4, с. 156-157].

Хотя в науке нет единого понимания политического дискурса, исследователями признается, что его базовым свойством является реализация властных отношений [14, с. 41; 16, с. 12]. Одним из «инструментов» борьбы за власть в рамках межпартийного противостояния в США зачастую становится угроза или непосредственное провоцирование приостановки работы правительства (шатдауна) в случаях, когда решение определенного вопроса представляет значительный (конфликтующий) интерес для представителей Республиканской и Демократической партий [3, с. 120-121]. Технически шатдаун возникает из-за того, что Конгресс США вовремя не утвердил бюджет. В результате нарушается работа ряда социальных программ и некоторых госучреждений, работники которых отправляются в неоплачиваемый отпуск. Основной причиной шатдауна, продлившегося с 1 октября по 12 ноября 2025 г. стали разногласия в Сенате по вопросам финансирования здравоохранения.

Представленное исследование выполнено в рамках когнитивно-дискурсивного подхода к пониманию метафоры и в соответствии с постулатами Уральской школы политической метафорологии. Теоретическую основу составляет теория концептуальной метафоры (*conceptual metaphor theory*, СМТ), разработанная Дж. Лакоффом и М. Джонсоном [5], и теория метафорического моделирования А.П. Чудинова, базирующаяся на СМТ и теории регулярной многозначности [10].

Цель настоящей работы – провести анализ метафорических моделей, которые были актуализированы в речах представителей Республиканской и Демократической партий при описании ситуации приостановки работы правительства США в 2025 г. Объектом исследования является политическая метафора (или метафора в политическом дискурсе). В соответствии с теоретической базой в работе придерживаются понимания метафоры как когнитивного явления, которое является основным инструментом категоризации действительности посредством переноса характеристик объектов и явлений более знакомой понятийной области на объекты и явления более абстрактной, неизвестной области. В политической коммуникации метафоры представляют собой когнитивно и прагматически значимый инструмент, так как используются для формирования политической реальности и воздействия на общественное мнение. Предмет исследования составляют метафорические модели (схемы связи между двумя понятийными сферами, графически выражаемые как «X – это Y» [9, с. 27]), реализованные политиками-демократами и республиканцами для характеристики правительственного шатдауна в 2025 г.

Актуальность настоящей работы обусловлена неугасающим интересом к вопросам политической метафоры и недостаточным в данном контексте вниманием к институциональному дискурсу, в отличие от медиадискурса. Влияние СМИ на формирование политической реальности остается неоспоримым, но в современных условиях цифровизации широкая общественность имеет прямой доступ к заявлениям политиков, без посредников в виде журналистов и политических обозревателей. Практическая значимость заключается в том, что представленное исследование расширяет знания о политической коммуникации в США и

специфике современного идеологического дискурса: эмпирические данные позволяют судить об эффективности метафорической аргументации, а также о прогнозирующих свойствах политических метафор.

Материалы и методы исследований

Материалом настоящего исследования послужили метафорические словоупотребления, выявленные в текстах расшифровок публичных выступлений американских политиков-демократов и республиканцев в период с 30 сентября по 14 ноября 2025 г., опубликованные в открытом доступе в сети Интернет. Всего было проанализировано 60 текстов. Сбор материала осуществлялся методом сплошной выборки. В аналитической части исследования были использованы следующие методы: метафорическое (когнитивное) моделирование [10, с. 45-47], критический анализ метафоры [11, с. 34-40], сопоставительный анализ (методика монодоменного векторного таргетирования) [1, с. 262-263, с. 266] и интерпретативный анализ.

Результаты и обсуждения

В результате анализа выступлений политиков-республиканцев были выявлены три метафорические модели: «шатдаун – это захват заложников», «политика – это игра», «Америка – это живой организм».

Начнем с характеристики модели «шатдаун – это захват заложников». В рамках данной модели метафорический перенос осуществляется из понятийной сферы «Криминал». Структуру модели составляют фреймы: «Жертвы преступников», «Виды преступлений», «Профессиональная деятельность преступников».

Фрейм «Жертвы преступников»

Представители Республиканской партии описывали шатдаун как ситуацию захвата заложников, где рядовые граждане и госслужащие, оказавшиеся в вынужденном неоплачиваемом отпуске, – заложники: The American people are being held **hostage** and the process has been totally hijacked [24] (Американский народ **держат в заложниках**, и весь процесс был полностью нарушен) (*здесь и далее перевод автора – Е. К.*). Смысловое следствие используемой метафоры состоит в том, что сенаторы-демократы – это захватчики/террористы. В ходе аргументации представители Республиканской партии отрицают возможность компромисса, опираясь на идею о том, что нельзя вести переговоры с террористами, а возможные уступки характеризуются как «выкуп»: And we refuse to negotiate under hostage conditions, nor will we pay a **ransom** [23] (Мы отказываемся вести переговоры в условиях захвата заложников и не будем платить **выкуп**).

Фрейм «Профессиональная деятельность преступников»

Описываемая модель оказалась достаточно продуктивной, и ее разворачивание не ограничивается простой номинацией: In other words, you don't **put a gun to the American people's head** and say, «Unless you do exactly what Senate and House Democrats want you to do, we're going to shut down your government» [28] (Другими словами, нельзя приставить пистолет к виску американского народа и сказать: «Если вы не сделаете в точности то, что от вас хотят Сенат и демократы из Палаты представителей, мы остановим работу правительства»). Так, в приведенном примере делается акцент на несправедливости и бесчестности позиции Демократической партии, указывая на невозможность вести равноправные переговоры «под дулом пистолета».

Фрейм «Виды преступлений»

Лексика, относящаяся к данному фрейму, используется для объяснения мотивации Демократической партии, подчеркиваются лежащие в основе их действий корыстные желания: Democrats in Congress shut down the government of the United States in an attempt to **extort** American taxpayers for hundreds of billions of dollars for illegal aliens [27] (Демократы в Конгрессе заблокировали работу правительства Соединенных Штатов в попытке вымогать у американских налогоплательщиков сотни миллиардов долларов в пользу нелегальных мигрантов).

Проецирование образов из понятийной сферы «Криминал» помимо укрепления представления о том, что именно демократы несут ответственность за шатдаун, вводит идею о противозаконном характере позиции Демократической партии по данному вопросу. Прагматический эффект рассматриваемых метафор заключается в том, что американскому народу предлагается мишень для их негативных чувств, связанных с последствиями остановки работы правительства. Используя образы, связанные с таким высоким уровнем моральной порочности, Республиканская партия и администрация президента Д. Трампа фактически осуществляют попытку демонизации и делигитимации оппонентов, а сами они имплицитно предстают как борцы за восстановление правопорядка.

Следующая модель – «**политика – это игра**» – обладает большим уровнем абстракции, чем предыдущая, и является одной из традиционных в политическом дискурсе. В ситуации шатдауна представителями

Республиканской партии актуализировались такие фреймы, как «Виды игры», «Итоги игры», «Участники игры».

Фрейм «Виды игры»

Основу реализации игровой модели составляют метафоры фрейма «Виды игры»: And around the country, all around the country right now, real pain is being endured by real people because the Democrats have decided to **play politics** [26] (И по всей стране, по всей стране прямо сейчас реальные люди испытывают настоящую боль из-за того, что демократы решили поиграть в политику). Важным в прагматическом плане является то, что представители Республиканской партии создают образ «односторонней» игры и отказываются принимать в ней участие. Таким образом, смысловое развитие модели идет не по пути «игровых стратегий», «удачных/неудачных ходов» и т.д. Совершается попытка представить демократов как политических акторов, неспособных оценить важность ситуации и заняться серьезной деятельностью.

Фрейм «Участники игры»

Метафоры данного фрейма усиливают прагматический эффект. В рамках игровой модели республиканцы имплицитно делают акцент на том, что в обычной жизни участниками игр чаще всего являются дети: Now, there's a reason that Chuck Schumer and Hakeem Jeffries have come out here, **stomped the feet** saying that they can't go along with this [28] (Итак, есть причина, по которой Чак Шумер и Хаким Джеффрис пришли сюда и топтали ногами, говоря, что они не могут с этим согласиться). Так, актуализируется образ капризного ребенка, с которым не захотели играть или не последовали его желаниям. Эффект этой метафоры состоит в дискредитации оппонента: лидеры демократов в Конгрессе предстают как незрелые люди, непригодные к серьезной политической деятельности.

Непринятие республиканцами условий игры наряду с провозглашаемой инфантильностью их оппонентов служит в качестве оправдания невозможности ведения рационального диалога между представителями двух партий. Дискурсивно единственное разрешение конфликта состоит в том, что демократы должны «повзрослеть» и перестать «играть в игры», т.е. согласиться с позицией Республиканской партии.

Фрейм «Итоги игры»

Стоит отметить, что в рамках модели «политика – это игра» прослеживается некоторая противоречивость в использовании метафор. После окончания шатдауна Дональд Трамп, например, принимает типичный игровой сценарий и провозглашает демократов проигравшими, а республиканцев, как следствие, – победителями: <...> but this is a Democrat hoax to get away from the fact that they just **lost** the shutdown [19] (<...> но это обман демократов, чтобы убежать от того факта, что они только что проиграли шатдаун).

Далее проанализируем антропоморфную модель (заимствующую понятия из области биолого-физиологической жизни человека [2, с. 44]) «Америка – это живой организм», также являющуюся одной из базовых политических метафор. Выявленные метафорические словоупотребления относятся к фрейму «Причины и возбудители болезней».

Фрейм «Причины и возбудители болезней»

В рамках риторики вокруг приостановки работы правительства актуализируются образы «боли» и ее умышленного причинения: How much **pain** are they willing to **inflict**? [22] (Сколько боли они готовы причинить?). При помощи переноса отрицательных эффектов шатдауна на метафорическое «тело» американского народа политики-республиканцы усиливают негативный эмоциональный эффект: объектом причинения боли становятся не безликие, неодушевленные учреждения или партии, а непосредственно сами граждане.

В дискурсе Демократической партии были выявлены также три модели: «америка – это живой организм», «политика – это война», «америка – это предприятие».

Как и в случае с дискурсом Республиканской партии, мы видим, что антропоморфная модель «Америка – это живой организм» реализуется в речах политиков-демократов. Выявленные метафорические словоупотребления идентичны тем, что были выявлены в речах республиканцев, и относятся к тому же фрейму в структуре модели – «Причины и возбудители болезней»: We're in the midst of a government shutdown that has been caused by Donald Trump and Republicans to **inflict** further **pain** on the American people [25] (Мы находимся в эпицентре правительственного шатдауна, спровоцированного Дональдом Трампом и республиканцами, чтобы причинить еще большую боль американскому народу).

Следующая модель, реализуемая в демократическом дискурсе для концептуализации шатдауна, – «политика – это война». Милитарные метафоры в американском политическом дискурсе занимают особую роль [12] и являются доминантными при характеристике, например, предвыборных кампаний [8], поэтому их наличие в рассматриваемом фрагменте дискурса представляется закономерным. В структуре модели представлен фрейм «Военные действия и вооружение»: They've **weaponized** hunger and starvation here in America [20] (Здесь, в Америке они превратили голод в оружие). Таким образом, демократы стремятся по-

казать представителей Республиканской партии как враждебную силу, нацеленную на разрушение американского общества: шатдаун концептуализируется как «война, а американцы – как «жертвы войны», чьи тяготы республиканцы эксплуатируют в рамках своей повестки.

Последняя выявленная модель «Америка – это предприятие» рассматривает политическую сферу в терминах трудовых отношений. В структуре модели был выделен фрейм «Режим работы»: And where are House Republicans? They are on **vacation** [21] (А где республиканцы из Палаты представителей? Они в отпуске). Данная метафора служит средством обвинения, что в разгар остановки работы правительства конгрессмены-республиканцы оставили свой пост и отдыхают, вместо того чтобы работать с противоположной стороной для достижения компромисса и прекращения шатдауна. Прагматический эффект обусловлен противоречием одной из ключевых американских ценностей – священности труда, основанной на протестантско-пуританской этике [6, с. 123].

Выводы

Итак, анализ метафор показал, что в период приостановки работы правительства партийные чиновники в США прибегали к метафорам для концептуализации сложившейся ситуации и осуществляли попытки повлиять на общественное мнение. Представители Республиканской и Демократической партий обращались к различным понятийным областям. Первые задействовали сферы «Криминал» и «Игра», вторые – сферы «Война» и «Трудовые отношения». Единственным общим источником метафорической экспансии стала субсфера «Человек». Общей чертой также стало возложение вины за шатдаун на противоположную сторону. Исходя из характера использованных метафор и их смыслового содержания можно сделать следующие выводы: основная цель политиков-республиканцев состояла в демонизации и делигитимации оппонентов, формировании резко негативного образа с акцентом на нерациональность их позиции; метафорика демократов характеризуется меньшим уровнем агрессии и критикой нежелания вести переговоры. В условиях резкой идеологической поляризации в США на современном этапе влияние на общественное мнение оказалось ограниченным: согласно опросам, 55 % населения осуждали действия республиканцев, и столько же людей выражали недоверие демократам [17]. Важно отметить, что завершение шатдауна произошло в результате уступок со стороны представителей Демократической партии: ряд сенаторов-демократов согласились проголосовать за республиканский законопроект [18]. Таким образом, метафорика республиканцев стала точным отражением категоричности их позиции.

Список источников

1. Будаев Э.В. Сопоставительная политическая метафорология: монография. Санкт-Петербург: Наукоемкие технологии, 2020. 464 с.
2. Керимов Р.Д. Метафорический антропоморфизм в социально-политической коммуникации. Кемерово: Кемеровский государственный университет, 2015. 339 с.
3. Кириченко Э.В. Бюджетный процесс в США: шатдаун как инструмент межпартийной борьбы // США и Канада: экономика, политика, культура. 2024. № 6. С. 111 – 122.
4. Кошевой Б.Д. Метафорические модели в коммуникации кризисных ситуаций в политическом дискурсе // Филологический вестник. 2026. № 2. С. 153 – 162.
5. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. Москва: Едиториал УРСС, 2004. 256 с.
6. Макаров В.А. Эмпирический анализ основных американских ценностей // Вестник Забайкальского государственного университета. 2012. № 4. С. 120 – 125.
7. Матвеева Н.В. Метафорическое моделирование кризисного дискурса: сопоставительный анализ социоморфных метафор в российских и китайских СМИ // Политическая лингвистика. 2025. № 3. С. 234 – 245.
8. Стрельников А.М. Метафорическая оценка политического лидера в дискурсе кампании по выборам президента в США и России: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2005. 18 с.
9. Чудинов А.П. Очерки по современной политической метафорологии : Монография. Екатеринбург: УрГПУ, 2013. 176 с.
10. Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале: Когнитивное исследование политической метафоры (1991-2000). Екатеринбург: УрГПУ, 2001. 238 с.
11. Charteris-Black J. Corpus Approaches to Critical Metaphor Analysis. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2004. 293 p.
12. Howe N. Metaphor in Contemporary American Political Discourse // Metaphor and Symbolic Activity. 1988. № 2. P. 87 – 104.

13. Landtsheer C. de. Collecting Political Meaning from the Count of Metaphor // Metaphor and Discourse. London: Palgrave Macmillan, 2009. P. 59 – 78.
14. Van Dijk T.A. What is Political Discourse Analysis? // Belgian Journal of Linguistics. 1997. № 1. P. 11 – 52.
15. Vertessen D.A., Landtsheer C. de. Metaphorical Election Style: Use of Metaphor at Election Time // Political Language and Metaphor: Interpreting and Changing the World. London : Routledge, 2008. P. 271 – 285.
16. Wodak R., Ludwig Ch. Introduction // Challenges in a Changing World: Issues in Critical Discourse Analysis. Vienna : Passagen Verlag, 1999. P. 11 – 20.
17. В США обеспокоены последствиями шатдауна для экономики, показал опрос [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20251102/opros-2052535445.html> (дата обращения 24.04.2026)
18. Сенат США одобрил законопроект о финансировании правительства до конца января [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/25585605> (дата обращения: 24.04.2026)
19. Air Force One Press Gaggle 11/14/25 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rev.com/transcripts/air-force-one-press-gaggle-11-14-25> (дата обращения: 20.12.2025)
20. Democrat Press Conference 11/10/25 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rev.com/transcripts/democrat-press-conference-11-10-25> (дата обращения: 20.12.2025)
21. Democrat Shutdown Press Conference [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rev.com/transcripts/democrat-shutdown-press-conference> (дата обращения: 20.12.2025)
22. Duffy Addresses Shutdown Impact on Travel [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rev.com/transcripts/duffy-addresses-shutdown-impact-on-travel> (дата обращения: 20.12.2025)
23. GOP News Briefing 10/27/25 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rev.com/transcripts/gop-news-briefing-10-27-25> (дата обращения: 20.12.2025)
24. GOP Shutdown Press Conference [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rev.com/transcripts/gop-shutdown-press-conference> (дата обращения: 20.12.2025)
25. House Democrat News Briefing 10/03/25 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rev.com/transcripts/house-democrat-news-briefing-for-10-03-25> (дата обращения: 20.12.2025)
26. Senate GOP News Briefing for 10/03/25 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rev.com/transcripts/senate-news-briefing-for-10-03-25> (дата обращения: 20.12.2025)
27. Trump Signs H.R. 5371 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rev.com/transcripts/trump-signs-h-r-5371> (дата обращения: 20.12.2025)
28. Vance Speaks on Looming Shutdown [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rev.com/transcripts/trump-signs-h-r-5371> (дата обращения: 20.12.2025)

References

1. Budaev E.V. Comparative Political Metaphorology: A Monograph. St. Petersburg: Science-Intensive Technologies, 2020. 464 p.
2. Kerimov R.D. Metaphorical Anthropomorphism in Socio-Political Communication. Kemerovo: Kemerovo State University, 2015. 339 p.
3. Kirichenko E.V. The Budget Process in the USA: Shutdown as an Instrument of Inter-Party Struggle. USA and Canada: Economy, Politics, Culture. 2024. No. 6. P. 111 – 122.
4. Koshevoy B.D. Metaphorical Models in Communication of Crisis Situations in Political Discourse. Philological Bulletin. 2026. No. 2. P. 153 – 162.
5. Lakoff J., Johnson M. Metaphors We Live By. Moscow: Editorial URSS, 2004. 256 p.
6. Makarov V.A. Empirical Analysis of Basic American Values. Bulletin of the Transbaikal State University. 2012. No. 4. P. 120 – 125.
7. Matveeva N.V. Metaphorical Modeling of Crisis Discourse: A Comparative Analysis of Sociomorphic Metaphors in Russian and Chinese Media. Political Linguistics. 2025. No. 3. P. 234 – 245.
8. Strelnikov A.M. Metaphorical Assessment of a Political Leader in the Discourse of the Presidential Election Campaign in the USA and Russia: Abstract of a Cand. Sci. (Philology) Dissertation. Ekaterinburg, 2005. 18 p.
9. Chudinov A. P. Essays on Contemporary Political Metaphorology: Monograph. Ekaterinburg: Ural State Pedagogical Univ., 2013. 176 p.
10. Chudinov A.P. Russia in the Metaphorical Mirror: Cognitive Study of Political Metaphor (1991-2000). Ekaterinburg: Ural State Pedagogical Univ., 2001. 238 p.
11. Charteris-Black J. Corpus Approaches to Critical Metaphor Analysis. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2004. 293 p.

12. Howe N. Metaphor in Contemporary American Political Discourse. Metaphor and Symbolic Activity. 1988. No. 2. P. 87 – 104.
13. Landtsheer C. de. Collecting Political Meaning from the Count of Metaphor. Metaphor and Discourse. London: Palgrave Macmillan, 2009. P. 59 – 78.
14. Van Dijk T.A. What is Political Discourse Analysis? Belgian Journal of Linguistics. 1997. No. 1. P. 11 – 52.
15. Vertessen D.A., Landtsheer C. de. Metaphorical Election Style: Use of Metaphor at Election Time. Political Language and Metaphor: Interpreting and Changing the World. London: Routledge, 2008. P. 271 – 285.
16. Wodak R., Ludwig Ch. Introduction. Challenges in a Changing World: Issues in Critical Discourse Analysis. Vienna: Passagen Verlag, 1999. P. 11 – 20.
17. US Concerned About Economic Impact of Shutdown, Survey Shows [Electronic Resource]. URL: <https://ria.ru/20251102/opros-2052535445.html> (date of access: 24.04.2026)
18. US Senate Approves Bill to Fund Government by End of January [Electronic Resource]. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/25585605> (date of access: 24.04.2026)
19. Air Force One Press Gaggle 11/14/25 [Electronic Resource]. URL: <https://www.rev.com/transcripts/air-force-one-press-gaggle-11-14-25> (date of access: 20.12.2025)
20. Democrat Press Conference 11/10/25 [Electronic resource]. URL: <https://www.rev.com/transcripts/democrat-press-conference-11-10-25> (date of access: 20.12.2025)
21. Democrat Shutdown Press Conference [Electronic resource]. URL: <https://www.rev.com/transcripts/democrat-shutdown-press-conference> (date of access: 20.12.2025)
22. Duffy Addresses Shutdown Impact on Travel [Electronic resource]. URL: <https://www.rev.com/transcripts/duffy-addresses-shutdown-impact-on-travel> (date of access: 20.12.2025)
23. GOP News Briefing 10/27/25 [Electronic resource]. URL: <https://www.rev.com/transcripts/gop-news-briefing-10-27-25> (date of access: 20.12.2025)
24. GOP Shutdown Press Conference [Electronic resource]. URL: <https://www.rev.com/transcripts/gop-shutdown-press-conference> (date of access: 20.12.2025)
25. House Democrat News Briefing 10/03/25 [Electronic resource]. URL: <https://www.rev.com/transcripts/house-democrat-news-briefing-for-10-03-25> (date of access: 20.12.2025)
26. Senate GOP News Briefing for 10/03/25 [Electronic resource]. URL: <https://www.rev.com/transcripts/senate-news-briefing-for-10-03-25> (date of access: 20.12.2025)
27. Trump Signs H.R. 5371 [Electronic resource]. URL: <https://www.rev.com/transcripts/trump-signs-h-r-5371> (date of access: 20.12.2025)
28. Vance Speaks on Looming Shutdown [Electronic resource]. URL: <https://www.rev.com/transcripts/trump-signs-h-r-5371> (date of access: 20.12.2025)

Информация об авторе

Какорин Е.М., аспирант, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина

© Какорин Е.М., 2026

Научно-исследовательский журнал «Филологический вестник / Philological Bulletin»

<https://fv-journal.ru>

2026, Том 5, № 4 / 2026, Vol. 5, Iss. 4 <https://fv-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки)

УДК 811.611.

DOI: 10.66621/2949-4656-2026-5-4-83-90

Метафора как средство когнитивной нормализации военных действий

¹ Шулипенко В.В.,

¹ Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации

Аннотация: в ситуациях экстремального опыта, когда психика сталкивается с феноменами, не поддающимися прямой когнитивной обработке (масштабное насилие, смерть, разрушение), метафора перестаёт быть фигурой речи и превращается в инструмент выживания. В отличие от поэтической метафоры, обогащающей восприятие за счёт неожиданных сближений, когнитивная метафора в условиях военного конфликта выполняет функцию нормализации. В статье выделяются три доминирующие метафорические модели такой нормализации с опорой на теорию концептуальной метафоры и феноменологическую социологию знания: 1) профессионально-трудовая (война как «работа» или «смена»); 2) игровая и спортивная (война как «шахматы», «состязание», «стратегия»); 3) медицинская и инженерная (война как «санация», «зачистка», «ремонт»). Однако, в отличие от бытовой метафоры, когнитивная метафора в военном дискурсе несёт амбивалентную нагрузку. Обеспечивая психическую устойчивость в краткосрочной перспективе, она в долгосрочной ведёт к эмоциональной атрофии, когнитивному коллапсу при крушении метафорической рамки (механизм, коррелирующий с ПТСР), а также к стиранию этической границы между психологической защитой и легитимацией насилия.

Ключевые слова: военно-политический дискурс, метафора, когнитивная нормализация, концептуальная метафора, военные действия, травматический опыт, типизация, дискурсивное конструирование реальности, психологическая защита, ПТСР

Для цитирования: Шулипенко В.В. Метафора как средство когнитивной нормализации военных действий // Филологический вестник. 2026. Том 5. № 4. С. 83 – 90. DOI: 10.66621/2949-4656-2026-5-4-83-90

Поступила в редакцию: 2 июня 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 1 июля 2026 г.; Принята к публикации: 17 августа 2026 г.

Metaphor as a means of cognitively normalizing military actions

¹ Shulipenko V.V.,

¹ Financial University under the Government of the Russian Federation

Abstract: in situations of extreme experience—where the psyche confronts phenomena that defy direct cognitive processing (such as large-scale violence, death, and destruction)—metaphor ceases to be merely a figure of speech and transforms into a survival tool. Unlike poetic metaphor, which enriches perception through unexpected juxtapositions, cognitive metaphor in the context of military conflict serves a normalizing function. Drawing on conceptual metaphor theory and the phenomenological sociology of knowledge, this article identifies three dominant metaphorical models of such normalization: 1) the professional/labor model (war as «work» or a «shift»); 2) the game and sports model (war as «chess», a «match», or «strategy»); and 3) the medical and engineering model (war as «sanitation», «clearing», or «repair»). However, unlike everyday metaphor, cognitive metaphor in military discourse carries an ambivalent charge. While it fosters psychological resilience in the short term, in the long term it leads to emotional atrophy, cognitive collapse upon the shattering of the metaphorical framework (a mechanism correlating with PTSD), and the blurring of the ethical boundary between psychological defense and the legitimization of violence.

Keywords: military-political discourse, metaphor, cognitive normalization, conceptual metaphor, military actions, traumatic experience, typification, discursive construction of reality, psychological defense, PTSD

For citation: Shulipenko V.V. Metaphor as a means of cognitively normalizing military actions. Philological Bulletin. 2026. 5 (4). P. 83 – 90. DOI: 10.66621/2949-4656-2026-5-4-83-90

The article was submitted: June 2, 2026; Approved after reviewing: July 1, 2026; Accepted for publication: August 17, 2026.

Введение

В основе концепции когнитивной нормализации лежит представление о том, что человеческое сознание стремится упорядочить экстремальные и травматичные переживания, встраивая их в привычные смысловые структуры повседневности. Как утверждал А. Шюц, повседневный мир представляет собой «верховную реальность» человеческого существования – особую смысловую сферу, в рамках которой индивиды конструируют устойчивые паттерны взаимодействия с окружающей действительностью [8]. Эта реальность не является чем-то внешним по отношению к человеку; напротив, она постоянно воспроизводится и поддерживается через коллективные практики типизации [8].

Согласно П. Бергеру и Т. Лукману, процесс социального конструирования реальности предполагает, что институциональные нормы и культурные шаблоны, определяющие специфику коллективного существования, формируются именно в толще повседневных взаимодействий [1]. Ключевая идея, развитая в рамках феноменологической социологии, заключается в том, что люди структурируют и осмысливают разделяемый с другими мир посредством особого когнитивного стиля, позволяющего им избегать смысловых разрывов и состояний аномии [1].

Такой процесс когнитивной нормализации (совокупность ментальных механизмов, посредством которых шоковый, выходящий за пределы обыденного опыта стимул переводится в разряд рутинных, предсказуемых и поддающихся контролю феноменов) предполагает:

- типизацию – отнесение уникального травматического события к некоторому классу знакомых явлений;
- схематизацию – выделение повторяющихся элементов опыта, которые могут быть описаны в стандартных терминах;
- интеграцию – встраивание экстремального опыта в целостную картину мира без разрушения её фундаментальных структур.

А. Шюц подчёркивал, что процедуры многократно воспроизводимых действий собираются в модели типических ситуаций – некие «рецепты», которые подобно языку не принадлежат никому в отдельности и в то же время доступны всем одинаково. Такие рецепты экономят когнитивные усилия индивида, усредняя и схематизируя способы оценки жизненных обстоятельств [8]. Иными словами, когда человек сталкивается с ситуацией, угрожающей его базовому чувству безопасности и предсказуемости мира, он бессознательно активирует имеющиеся в культуре « типовые свёртки » – стандартные сценарии осмысления происходящего. Если прямого аналога в прошлом опыте не обнаруживается, сознание прибегает к метафорическому переносу, наделяя чуждое явление свойствами хорошо известных феноменов.

Традиционная риторика рассматривала метафору исключительно как троп – фигуру речи, служащую для украшения высказывания и придания ему образности. Однако Дж. Лакофф и М. Джонсон утверждали: метафоричность присуща не только языку, но и самим процессам мышления. Обыденная понятийная система, в рамках которой человек думает и действует, по своей сути является метафорически организованной [4]. Локус метафоры находится не в языковых выражениях, а в мысли: языковые метафоры представляют собой не более чем внешнюю манифестацию глубинных концептуальных метафор, укоренённых в сознании и направляющих восприятие, категоризацию и поведение человека [3].

Центральным конструктом теории концептуальной метафоры выступает представление о междоменном отображении (mapping). Согласно этому представлению, в основе метафоризации лежит взаимодействие между двумя концептуальными областями – сферой-источником (source domain) и сферой-мишенью (target domain). Сфера-источник – это, как правило, область конкретного, физического, хорошо известного человеку из повседневного опыта. Сфера-мишень – область абстрактная, сложная, трудно поддающаяся прямому осмыслению. Метафорическая проекция переносит структуру, логические отношения и образные схемы из сферы-источника в сферу-мишень, благодаря чему последняя становится более доступной для понимания и обсуждения [4].

Концептуальная метафора в большинстве случаев не осознаётся носителем языка как метафора. Она действует незаметно, формируя сам способ видения мира. В качестве контраргумента они предлагают во-

образить культуру, где спор понимался бы не как война, а как танец: участники стремились бы к гармонии и эстетическому взаимодействию, а не к победе, – и это фундаментальное различие в базовой метафоре привело бы к совершенно иным речевым практикам и формам социального поведения [4].

Дополнительное измерение в понимание метафоры как когнитивного инструмента вносит Е.Н. Лукин, утверждавший, что метафорический перенос лежит в основе всех когнитивных процедур классификации и категоризации. Лукин подчёркивает, что мышление любого уровня сложности не может обойтись без механизма отождествления ранее не связывавшихся областей опыта, поскольку именно этот механизм обеспечивает возможность индуктивных обобщений и аналогического вывода [5]. Согласно его позиции, метафора оказывается не просто лингвистическим или риторическим феноменом, но универсальным принципом организации познавательного процесса.

В свою очередь, А.В. Зверева, исследуя роль метафор в кризисных ситуациях, отмечает, что выбор того или иного метафорического источника для осмысления травматического опыта не является нейтральным. Конкретная метафора, будучи зафиксированной в дискурсе, предопределяет дальнейшие сценарии восприятия события, задаёт границы допустимых интерпретаций и влияет на коллективные эмоциональные реакции [2]. Иными словами, метафора не только описывает реальность, но и конструктивно формирует её – особенно в условиях неопределённости, где привычные способы осмысления оказываются недостаточными.

Иными словами: психика человека не способна оперировать «чистым ужасом» как таковым; для интеграции экстремального опыта в связную картину мира она нуждается в метафорическом посредничестве.

Материалы и методы исследований

Военные действия, как предельный случай человеческого опыта, характеризуются следующими чертами, затрудняющими их когнитивную обработку: нарушение базового предположения о безопасности и предсказуемости мира; столкновение с насилием, смертью и разрушением в масштабах, выходящих за рамки обыденного; отсутствие в индивидуальной биографии или культурном репертуаре готовых «типовых свёрток» для адекватного осмысления происходящего.

Именно здесь метафора выполняет функцию когнитивной нормализации. Заимствуя структуры из хорошо освоенных областей опыта – таких как трудовая деятельность, спортивная игра, медицинское лечение или инженерное конструирование – сознание приписывает хаотичной и угрожающей реальности военных действий свойства рутины, упорядоченности и целенаправленности. Игровая деятельность обладает рядом фундаментальных характеристик: она добровольна, ограничена во времени и пространстве, подчиняется установленным правилам и создаёт особое напряжение, связанное с достижением результата. Перенос этих характеристик на военные действия позволяет участнику воспринимать происходящее не как хаотическое насилие, а как сложную, но осмысленную игру с чёткими правилами, целями и критериями победы [7]. Благодаря такой метафорической проекции экстремальный опыт приобретает структуру, становится предсказуемым в своей непредсказуемости и, как следствие, психологически выносимым.

Как отмечает Ж.Н. Маслова, генезис метафоры как когнитивного механизма обусловлен историческим выделением онтологии человека и онтологии языка из онтологии мира и формированием представлений о переносе, подлинном и кажущемся [6]. Иными словами, сама способность человека мыслить метафорически возникает из фундаментальной потребности устанавливать связи между различными сферами бытия и переносить знание из одной области в другую. В ситуации военного конфликта эта способность актуализируется с особой силой: метафора становится не столько литературным приёмом, сколько инструментом выживания, позволяющим сохранить психическую целостность перед лицом событий, которые в буквальном, неметафорическом описании были бы совершенно невыносимы.

То есть когнитивная нормализация военных действий через метафору – это процесс, в котором абстрактная, угрожающая и трудно поддающаяся осмыслению сфера-мишень («военный опыт») отображается на одну или несколько конкретных, привычных и эмоционально нейтральных сфер-источников («работа», «игра», «лечение» и т.п.), что позволяет индивиду или группе воспринимать экстремальную ситуацию как продолжение обыденной жизни, снижать интенсивность негативных аффектов и сохранять способность к целенаправленному действию [2; 5].

Следуя концептуальному аппарату, разработанному Дж. Лакоффом и М. Джонсоном [4], мы рассматриваем каждую метафору как устойчивый паттерн междоменного отображения, где сфера-мишень («военные действия») систематически структурируется через хорошо освоенную сферу-источник (труд, игру, медицину, инженерию). Как отмечает Е.Н. Лукин, подобное отождествление разнопорядковых областей опыта лежит в основе любых когнитивных процедур классификации [5].

Результаты и обсуждения

Профессионально-трудовая метафора

Сущность метафоры заключается в описании военных действий через призму наемного труда, производства и профессиональных обязанностей. Можно встретить следующие маркеры: «работа», «смена», «задача», «проект», «инструментарий», «выполнение плана», «рабочий режим». Данная метафора переводит внезапное и аффективно заряженное столкновение с насилием в плоскость предсказуемых, регламентированных профессиональных действий. Как показывает А.В. Зверева, фиксация в дискурсе трудовой метафоры задаёт восприятие события как временного трудового контракта: у ситуации есть начало и конец, чётко определённые обязанности, система вознаграждения за усилия [2].

В терминологии П.Л. Бергера и Т. Лукмана, профессионально-трудовая метафора работает как мощный институциональный шаблон типизации: она позволяет встроить уникальный травматический опыт в универсальную категорию «работы», которая в современном обществе является одной из наиболее легитимных и эмоционально нейтральных форм активности [1]. Индивид, говорящий о боестолкновении как о «сложной рабочей смене», не столько искажает реальность, сколько активизирует когнитивный рецепт, позволяющий снизить уровень тревоги и сохранить операциональное мышление. А. Шюц подчёркивал, что любой типовой рецепт экономит психические затраты, замещая необходимость каждый заново интерпретировать ситуацию обращением к готовому образцу [8]. В случае с театром военных действий такая метафора вызвана устранить смысловую пустоту и заполнить ее привычными схемами отдыха после смены на работе или же профессиональной гордости за выполненную работу.

Рассмотрим некоторые примеры из СМИ Китайской Народной Республики.

«中国空军，以智为刃，以勇为锋，奔出万里长空的和平经纬» [9] (*BBC Китай, используя мудрость как лезвие, а отвагу как остриё, ткнут полотно мира в бескрайнем небе* (央广网, 2025): в данном случае военную службу приравнивают к профессии, а личностные качества называют инструментами («ум» и «мужество» становятся «лезвием и «острием»)) для создания безопасности в небе, так мастер использует свой инструмент для создания продукта.

«勇挑最重的担子、敢啃最硬的骨头» [10] (*Смело взваливать на плечи самый тяжёлый груз, отважно разгрызать самую твёрдую кость* (中国军网, 2024): в данном случае выполнение служебных обязанностей описывают с помощью образов физического труда, где самые сложные и трудновыполнимые задачи призваны ассоциироваться с выполнением наиболее сложных задач профессионалов, требующих самоотдачи и особо высокой квалификации.

«国防和军队现代化建设是一项伟大的事业，也是一场接力的远征» [11] (*Модернизация национальной обороны и вооружённых сил – это великое дело (работа), а также эстафетная гонка* (国防部, 2026): в данном случае военное строительство описывают как протяжённую деятельность, при которой ответственность переходит от поколения к поколению, сравнение с «эстафетой» даёт понять и почувствовать, что каждый участник выполняет свою часть общей работы на пути к долгосрочной цели.

Игровая и спортивная метафора

Сущность метафоры заключается в сравнении военных действий и спортивных азартных игр, состязаний. Можно встретить следующие маркеры: «стратегия», «шахматы», «правила игры», «победа/поражение», «очки», «счёт», «ход», «команда соперников». В данной метафорической модели игра проходит по правилам, добровольно принятым участниками, не бесконечна, но ограничена по времени, вызывает чувство азарта (игровое напряжение) [8].

Перенос этих характеристик на поле боя позволяет участнику воспринимать происходящее не как хаотическое насилие, а как сложную, но осмысленную игру с чёткими правилами, целями и критериями успеха. Дж. Лакофф и М. Джонсон в своём анализе концептуальной метафоры СПОР – ЭТО ВОЙНА демонстрируют обратную логику: если спортивное состязание может описываться в военных терминах (атака, защита, стратегия), то и военные действия с равным успехом могут быть метафорически представлены как спортивная игра [4]. Это взаимонаправленное отображение свидетельствует о глубокой когнитивной связи между двумя доменами. Е.Н. Лукин, развивая идеи Дж. Лакоффа, подчёркивает, что аналогия между игрой и войной работает благодаря общему для обоих феноменов принципу цели-средства: и в игре, и в военном конфликте действия подчиняются некоторой сверхзадаче, а промежуточные потери или неудачи воспринимаются как издержки, не ставящие под сомнение осмысленность всей деятельности [5]. Игровая метафора, таким образом, нейтрализует экзистенциальный ужас через введение искусственных, но строгих когнитивных рамок.

Рассмотрим некоторые примеры из СМИ Китайской Народной Республики.

«帅化民将大陆的战略比喻为下围棋，而非国际象棋，围棋是一场耐心的博弈，棋手在棋盘上慢慢布子，每一步看似不起眼，却在全局中逐渐形成压倒性的优势» [12] (*Шуай Хуаминь сравнил стратегию материкового Китая с игрой в го, а не в шахматы: го – это терпеливая партия, игрок постепенно расстав-*

ляет камни, и каждый незаметный ход постепенно формирует подавляющее преимущество на всей доске (控股有限公司官方网, 2025): военно-стратегическое планирование сравнивают с настольной игрой «го», где по правилам победа напрямую определяется долгосрочной стратегией и терпением, а не мгновенным решением.

«棋如战局, 战如棋局。每一步落子, 皆是谋略与科技的碰撞……中国空军, 以智为刃, 以勇为锋, 弈出万里长空的和平经纬» [13] (*Шахматы подобны полю боя, поле боя подобно шахматам. Каждый ход – это столкновение стратегии и технологий... BBC Китая, используя мудрость как лезвие, а отвагу как острие, разыгрывают партию мира в бескрайнем небе* (央广网, 2025): военно-стратегическое планирование и сами военные действия сравнивают с игрой в шахматы, в которой каждый ход – это столкновение стратегий двух противников, а задачи BBC («разыгрывание партии») сравнивают с размещением шахматных фигур на доске для одержания победы или стратегического преимущества.

«特朗普就任不满 9 个月, 彻底破坏全球长期运作的经贸游戏规则, 将国防部更名为“战争部»» [14] (*Трамп, находясь у власти менее девяти месяцев, полностью разрушил долгосрочные правила игры в глобальной экономике и торговле, переименовав Министерство обороны в «Военное министерство»* (星洲日报, 2025): международные экономические отношения сравнивают с азартной игрой, упоминая при этом, как установленный многосторонний порядок с конкретными правилами сменяются непредсказуемыми действиями одного из игроков в стремлении переделать устоявшиеся нормы и получить от этого пользу.

Медицинская и инженерная метафора

Сущность метафоры заключается в описании военных действий с помощью терминов излечения от болезни, санитарной зачистки и избавления от хвори. Можно встретить следующие маркеры: «зачистка», «санация», «удаление очага инфекции», «отключение узлов», «перегрузка систем», «ремонт», «нейтрализация угрозы». Когнитивная нормализация осуществляется через дегуманизацию противника, который перестает быть живым объектом со своей волей, желанием и страданиями, вместо этого предстает «вирусом» или «хворью», от которых нужно избавиться. С точки зрения концептуальной метафоры, сфера-источник здесь – медицина или техническая инженерия – характеризуется высокой степенью предсказуемости, алгоритмичности и, что особенно важно, эмоциональной нейтральностью. Хирург, удаляющий опухоль, или инженер, заменяющий вышедшую из строя деталь, не испытывает морального конфликта по поводу уничтожаемого объекта: действие воспринимается как необходимое и рациональное [6].

Медицинская метафора в кризисном дискурсе обладает мощным нормализующим потенциалом именно потому, что апеллирует к авторитету объективного, научного знания. В отличие от трудовой или игровой метафоры, которые могут быть оспорены с этических позиций, медицинская риторика создаёт иллюзию единственно верного, продиктованного объективной необходимостью способа действия [2]. Этот процесс можно описать как институционализацию особого «символического универсума», в котором насилие легитимизируется через отсылку к высшим ценностям здоровья, порядка и технической рациональности [1]. Человек, использующий медицинскую метафору для описания военных действий, не чувствует себя агентом насилия – он ощущает себя врачом или инженером, выполняющим профессиональную, общественно одобряемую работу по устранению угрозы.

Рассмотрим некоторые примеры из СМИ Китайской Народной Республики.

«反腐败是在荡涤污泥浊水、革除陈规陋弊» [15] (*Борьба с коррупцией – это очистка от грязной воды и отстоя* (中国军网, 2025): избавление от коррупции сравнивают с очищением организма, тем самым дегуманизируя противника, еще и через упоминания необходимости очистки избавляясь от этической сложности.

«腐败是危害党的生命力和战斗力的最大毒瘤» [16] (*Коррупция – это крупнейшая злокачественная опухоль, угрожающая жизнеспособности и боеспособности партии* (解放军报, 2025): коррупцию сравнивают с опухолью (злокачественным новообразованием), тем самым дегуманизируя само это явление, поскольку его сравнивают с биологической угрозой, требующей немедленного хирургического удаления, что легитимизирует даже самые жесткие меры и снимает этические сомнения через упоминание медицинской процедуры.

«通信几乎瘫痪 / 强电磁压制» [17] (*Связь практически парализована / мощное электромагнитное подавление* (中国军网, 2025): боевое воздействие на системы связи описывают через термины технической неисправности, дегуманизируя противника и представляя его в виде технического сбоя, который необходимо устранить.

Выводы

Сопоставляя три представленные модели метафоры, можно выделить общий для всех них механизм: они перемещают фокус внимания с непереносимой эмоциональной реальности насилия на когнитивно освоенную структуру инструментальной деятельности и превращают неопределённость в рутину.

Однако выбор конкретной метафорической модели безразличен для последующих поведенческих и эмоциональных паттернов. Трудовая метафора акцентирует выносливость и профессионализм, игровая – азарт и стратегическое мышление, медицинская – асептическую рациональность и неизбежность «санации» [5]. Каждая из них по-своему «нормализует» военные действия, но делает это с разной степенью подавления эмпатии и моральной рефлексии. Все эти модели укоренены в более фундаментальной способности человека устанавливать аналогии между различными областями бытия. Военная ситуация оказывается настолько чуждой обыденному опыту, что сознание вынуждено буквально «набрасывать» на неё одну за другой привычные сетки – рабочие, игровые, медицинские – в поисках той, которая позволит сохранить психическое равновесие [6].

Метафорическая нормализация, при всей её адаптивной ценности, сопряжена с серьёзными рисками. Выбор метафорической рамки никогда не нейтрален: каждая метафора не только открывает возможности для интерпретации, но и закрывает их, формируя устойчивые паттерны восприятия [2].

Механизмы, позволяющие психике выжить в экстремальной ситуации, в долгосрочной перспективе могут привести к деформации морально-эмоциональной сферы. То, что А. Шюц называл «экономией когнитивных усилий» через типовые рецепты [8], в военном контексте оборачивается снижением чувствительности к страданию. П.Л. Бергер и Т. Лукман отмечали, что устойчивые схемы типизации со временем приобретают характер объективной, само собой разумеющейся реальности [1]. Дж. Лакофф и М. Джонсон предупреждали: метафора, действуя незаметно, формирует сам способ восприятия мира, исключая альтернативные интерпретации [4]. Е.Н. Лукин добавляет, что отождествление войны с работой или игрой переносит не только структуры, но и оценочные установки: допустимое в игре начинает восприниматься как допустимое и в реальности [5].

Метафора всегда частична и никогда не совпадает с реальностью [4]. В экстремальных условиях разрыв между метафорическим образом и реальным опытом может стать травматическим. Трудовая метафора «война – это работа» предполагает начало, конец, вознаграждение и возможность увольнения – но военная реальность систематически опровергает эти предположения. Когда метафора перестаёт «работать», наступает когнитивный коллапс [2]. Это как крушение типового рецепта: рецепты работают, пока приводят к ожидаемым результатам; при устойчивом расхождении человек оказывается в ситуации смысловой дезориентации [8]. Именно этот разрыв – один из ключевых предикторов ПТСР [2].

Где проходит граница между метафорой как инструментом выживания и как средством оправдания насилия? Й. Хёйзинга предупреждал: игровая метафора, вынесенная за пределы игрового пространства, может легитимизировать недопустимые действия [7]. Медицинская метафора («санация», «удаление очага инфекции») апеллирует к авторитету объективного знания, создавая впечатление естественной необходимости насилия [6]. П.Л. Бергер и Т. Лукман показали, что символические универсумы содержат механизмы защиты от альтернативных реальностей [1]. Е.Н. Лукин заключает: существуют когнитивные и моральные табу на определённые метафорические отображения – вопрос не только в том, «работает» ли метафора, но и в том, какую цену платит за это человек и общество [5].

Метафоры, возникшие как спонтанные стратегии отдельных участников, могут быть институционализированы на уровне официального дискурса. А.В. Зверева указывает: когда метафора закрепляется институционально, она приобретает нормативную силу – от военнослужащих начинают ожидать восприятия боя как «работы», а отклонения стигматизируются [2]. П.Л. Бергер и Т. Лукман описывают это как переход от «рецептов первого порядка» к «рецептам второго порядка» – от спонтанных к обязательным [1]. Й. Хёйзинга отмечал: когда игра перестаёт быть добровольной и становится инструментальной, она утрачивает сущность и превращается в принуждение [7]. Аналогично метафора из личного когнитивного инструмента превращается в институциональное требование, блокирующее психологическую переработку травмы.

Настоящее исследование показало, что метафора выступает не просто риторическим украшением, а фундаментальным когнитивным механизмом нормализации экстремального опыта военных действий. Таким образом, метафора – это амбивалентный инструмент, когнитивный «костыль», чья нормализующая функция требует постоянной этической и дискурсивной рефлексии.

Список источников

1. Бергер П.Л., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: Трактат по социологии знания: пер. с англ. Е. Руткевич. М.: Медиум, 1995. 323 с.
2. Зверева А.В. Метафоры травмы: дискурсивные стратегии осмысления кризиса // Политическая лингвистика. 2018. № 6 (72). С. 42 – 49.
3. Лакофф Дж. Теория метафоры в современном её состоянии // Метафора и мысль / Под ред. А. Ортони. 2-е изд. Нью-Йорк: Cambridge University Press, 1993. С. 202 – 252. (Оригинал: Lakoff G. The contemporary theory of metaphor // Metaphor and Thought / Ed. by A. Ortony. 2nd ed. New York: Cambridge University Press, 1993. P. 202 – 252.)
4. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живём: пер. с англ. М.: Едиториал УРСС, 2004. 256 с. (Оригинал: Lakoff G., Johnson M. Metaphors We Live By. Chicago: University of Chicago Press, 1980.)
5. Лукин Е.Н. Когнитивные основания метафоры: от аналогии к категоризации // Вопросы когнитивной лингвистики. 2015. № 4. С. 23 – 31.
6. Маслова Ж.Н. Когнитивно-онтологический подход к исследованию генезиса метафоры // Вопросы когнитивной лингвистики. 2013. № 3. С. 49 – 56.
7. Хёйзинга Й. Homo Ludens: Опыт определения игрового элемента культуры: пер. с нидерл. М.: Прогресс-Традиция, 1992. 464 с.
8. Шюц А. Смысловая структура повседневного мира: очерки по феноменологической социологии / Сост. А.Я. Алхасов; Пер. с англ. А.Я. Алхасова, Н.Я. Мазлумяновой; Науч. ред. перевода Г.С. Батыгин. М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2003. 336 с.
9. 1. 军事智能化背景下的大国战略博弈, 2022. URL: http://paper.people.com.cn/rmlt/html/2022-07/01/content_25939351.htm (дата обращения: 10.04.2026)
10. 当中国象棋遇到中国空军, 看对弈中藏着的谋略和兵锋, 2025. URL: https://military.cnr.cn/zdgz/20250202/t20250202_527059678.shtml (дата обращения: 10.04.2026)
11. 中国军网. 中央军委批准中国人民解放军唯一新闻门户网站, 2026. URL: <http://www.81.mil.cn> (дата обращения: 10.04.2026)
12. 张晓明. 思想战线 | 以正确政绩观引领强军胜战实践, 2026. URL: <http://www.mod.gov.cn/gfbw/jmsd/16456103.html> (дата обращения: 10.04.2026)
13. 台湾退役将帅感慨以前看不懂现在才明白大陆战略布局有多深!, 2025. URL: <http://www.zjttfs.com/meitibaodao/qiyouxinwen/1012.html> (дата обращения: 10.04.2026)
14. 星洲日报. 相关报道, 2026. URL: <https://www.sinchew.com.my/?p=6927469> (дата обращения: 10.04.2026)
15. 李桂增. 持续深化政治整训、纵深推进正风反腐系列谈 | 破除是非不辨的“有害论”, 2025. URL: http://www.81.cn/zt/2025nzt/zlzzcdhgjzz/tt_251853/16423017.html (дата обращения: 10.04.2026)
16. 桑叶. 弘扬优良传统 深化政治整训 | 永远吹冲锋号, 2025. URL: http://www.81.cn/yw_208727/16428410.html (дата обращения: 10.04.2026)
17. 简蕾, 何飞. 第 72 集团军某旅合成营锤炼部队战场自主研判决策能力, 2025. URL: http://www.81.cn/lj_208555/16425013.html (дата обращения: 10.04.2026)

References

1. Berger P.L., Luckmann T. The Social Construction of Reality: A Treatise on the Sociology of Knowledge: trans. from English by E. Rutkevich. Moscow: Medium, 1995. 323 p.
2. Zvereva A.V. Metaphors of Trauma: Discursive Strategies for Understanding the Crisis. Political Linguistics. 2018. No. 6 (72). P. 42 – 49.
3. Lakoff J. Metaphor Theory in Its Current State. Metaphor and Thought. Ed. A. Ortony. 2nd ed. New York: Cambridge University Press, 1993. P. 202 – 252. (Original: Lakoff G. The contemporary theory of metaphor. Metaphor and Thought. Ed. by A. Ortony. 2nd ed. New York: Cambridge University Press, 1993. P. 202 – 252.)
4. Lakoff J., Johnson M. Metaphors We Live By: trans. from English. Moscow: Editorial URSS, 2004. 256 p. (Original: Lakoff G., Johnson M. Metaphors We Live By. Chicago: University of Chicago Press, 1980.)
5. Lukin E.N. Cognitive Foundations of Metaphor: From Analogy to Categorization. Issues in Cognitive Linguistics. 2015. No. 4. P. 23 – 31.

6. Maslova Zh. N. A cognitive-ontological approach to the study of the genesis of metaphor. Issues of cognitive linguistics. 2013. No. 3. P. 49 – 56.
7. Huizinga J. Homo Ludens: An Attempt to Define the Play Element of Culture: trans. from Dutch. Moscow: Progress-Tradition, 1992. 464 p.
8. Schütz A. The Semantic Structure of the Everyday World: Essays on Phenomenological Sociology. Comp. A. Ya. Alkhasov; Trans. from English by A. Ya. Alkhasov, N. Ya. Mazlumyanova; Scientific editor of the translation G. S. Batygin. Moscow: Institute of the Public Opinion Foundation, 2003. 336 p.
- 9.1. 军事智能化背景下的大国战略博弈, 2022. URL: http://paper.people.com.cn/rmlt/html/2022-07/01/content_25939351.htm (date of access: 10.04.2026)
10. 当 中 国 象 棋 遇 到 中 国 空 军 , 2025. URL: https://military.cnr.cn/zdgz/20250202/t20250202_527059678.shtml (date of access: 10.04.2026)
11. 中国军网. 中央军委批准中国人民解放军唯一新闻门户网站, 2026. URL: <http://www.81.mil.cn> (date of access: 10.04.2026)
12. 张 晓 明 . 思 想 战 线 | 以 正 确 政 绩 观 引 领 强 军 胜 战 实 践 , 2026. URL: <http://www.mod.gov.cn/gfbw/jmsd/16456103.html> (date of access: 10.04.2026)
13. 懂 现 在 才 明 白 大 陆 战 略 布 局 有 多 深 ! , 2025. URL: <http://www.zjttfs.com/meitibaodao/qiyouxinwen/1012.html> (date of access: 10.04.2026)
14. 星洲日报. 相关报道, 2026. URL: <https://www.sinchew.com.my/?p=6927469> (date of access: 10.04.2026)
15. 李 桂 增 . 持 续 深 化 政 治 整 训 , 2025. URL: http://www.81.cn/zt/2025nzt/zlzzcdhgjzz/tt_251853/16423017.html (date of access: 10.04.2026)
16. 桑 叶 . 弘 扬 优 良 传 统 深 化 政 治 整 训 | 永 远 吹 冲 锋 号 , 2025. URL: http://www.81.cn/yw_208727/16428410.html (date of access: 10.04.2026)
17. 简 蕾 , 何 飞 . 第 72 集 团 军 某 旅 合 成 营 锤 炼 部 队 战 研 判 决 策 能 力 , 2025. URL: http://www.81.cn/lj_208555/16425013.html (date of access: 10.04.2026)

Информация об авторе

Шулипенко В.В., преподаватель, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, leishulipenko@gmail.com

© Шулипенко В.В., 2026

Научно-исследовательский журнал «Филологический вестник / Philological Bulletin»

<https://fv-journal.ru>

2026, Том 5, № 4 / 2026, Vol. 5, Iss. 4 <https://fv-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (с указанием конкретного языка или группы языков) (филологические науки)

УДК 811.13

DOI: 10.66621/2949-4656-2026-5-4-91-98

Итальянский студенческий онлайн-дискурс как объект лингвистического исследования: современные подходы и проблемы определения

¹ Зарубина А.А.,

¹ Санкт-Петербургский государственный университет

Аннотация: цель исследования заключается в определении теоретического статуса итальянского студенческого онлайн-дискурса как самостоятельного подтипа университетского дискурса посредством анализа и систематизации отечественных и итальянских лингвистических подходов к его изучению.

В статье рассмотрена проблема теоретического статуса студенческого онлайн-дискурса как особой формы цифровой университетской коммуникации. Проанализированы основные подходы к определению студенческого дискурса в российской лингвистике, а также особенности изучения языка студентов в итальянской научной традиции. Особое внимание уделено эволюции исследовательского интереса к цифровым формам студенческого общения: от анализа письменной академической речи и электронной переписки к изучению коммуникации в социальных сетях, мессенджерах и университетских онлайн-сообществах.

Научная новизна исследования состоит в том, что в работе впервые систематизированы отечественные и итальянские подходы к изучению итальянского студенческого онлайн-дискурса, выявлена динамика развития данного исследовательского направления в итальянской лингвистике и уточнён теоретический статус студенческого онлайн-дискурса как самостоятельного подтипа университетского дискурса.

В результате исследования установлено, что студенческий онлайн-дискурс представляет собой многомерный, вариативный и междисциплинарный лингвистический феномен, не имеющий единого общепринятого определения. Показано, что существующие подходы преимущественно сосредоточены на отдельных аспектах цифровой студенческой коммуникации и не обеспечивают целостного описания данного явления. На основании проведённого анализа предложено рабочее определение итальянского студенческого онлайн-дискурса как совокупности коммуникативных практик студентов, реализующихся в цифровом образовательном пространстве и обусловленных институциональными, цифрово-средовыми и социокультурными факторами.

Ключевые слова: итальянский язык, дискурс, университетский дискурс, студенческий дискурс, студенческий онлайн-дискурс, интернет-коммуникация

Для цитирования: Зарубина А.А. Итальянский студенческий онлайн-дискурс как объект лингвистического исследования: современные подходы и проблемы определения // Филологический вестник. 2026. Том 5. № 4. С. 91 – 98. DOI: 10.66621/2949-4656-2026-5-4-91-98

Поступила в редакцию: 3 июня 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 2 июля 2026 г.; Принята к публикации: 17 августа 2026 г.

Italian student online discourse as an object of linguistic research: contemporary approaches and issues of definition

¹ Zarubina A.A.,
¹ Saint Petersburg State University

Abstract: the study aims to identify the place of Italian student online discourse within the system of university communication and to analyze existing approaches to its examination in both the Russian and Italian linguistic traditions.

The article addresses the problem of the theoretical status of student online discourse as a distinct form of digital university communication. It examines the main approaches to defining student discourse in Russian linguistics, as well as the specific features of student language research in the Italian scholarly tradition. Particular attention is paid to the evolution of research interest in digital forms of student communication – from the analysis of written academic speech and email correspondence to the study of communication in social networks, instant messaging applications, and university online communities.

The scientific novelty of the research lies in the fact that, for the first time, it systematizes Russian and Italian approaches to the study of Italian student online discourse, identifies the developmental dynamics of this research direction in Italian linguistics, and clarifies the theoretical status of student online discourse as an independent subtype of university discourse.

The findings of the study demonstrate that student online discourse is a multidimensional, variable, and interdisciplinary linguistic phenomenon that lacks a single generally accepted definition. It is shown that existing approaches are predominantly focused on isolated aspects of digital student communication and fail to provide a comprehensive description of the phenomenon. Based on the analysis conducted, a working definition of Italian student online discourse is proposed, conceptualizing it as a set of students' communicative practices realized within the digital educational environment and shaped by institutional, digital-environmental, and sociocultural factors.

Keywords: the Italian language, discourse, university discourse, student discourse, student online discourse, Internet communication

For citation: Zarubina A.A. Italian student online discourse as an object of linguistic research: contemporary approaches and issues of definition. Philological Bulletin. 2026. 5 (4). P. 91 – 98. DOI: 10.66621/2949-4656-2026-5-4-91-98

The article was submitted: June 3, 2026; Approved after reviewing: July 2, 2026; Accepted for publication: August 17, 2026.

Введение

Современные университеты Италии являются неотъемлемой частью общественной жизни, представляя собой при этом уникальную форму дискурсивной практики. Результатом ежедневного взаимодействия различных коммуникантов в рамках одного образовательного учреждения выступает формирование отдельного типа дискурса – университетского, который в данном исследовании определяется как сложная лингвистическая модель особого типа, объединяющая различные формы общения в рамках университетской коммуникации (письменной, устной, вербальной и невербальной интернет-коммуникации) среди типичных участников (преподаватели, студенты, сотрудники университета и люди, косвенно связанные с ним), объединённых общим языком, национальной и корпоративной культурой [7, с. 12].

Цифровизация образовательной среды существенно расширила границы университетского дискурса, что позволило рассматривать не только его регламентированную часть как основную составляющую данного типа дискурса, но и различные формы онлайн-взаимодействия: сайты университетов, официальные аккаунты в социальных сетях, а также общение студентов на цифровых платформах.

Подобная форма коммуникации представляет собой отдельный подтип университетского дискурса, формирующийся в цифровой среде института образования, но при этом обладающий особым набором лингвистических и экстралингвистических характеристик – студенческий онлайн-дискурс. На наш взгляд, именно подобное взаимодействие университетского дискурса и различных форм интернет-коммуникаций в рамках работы университета в эпоху развитой цифровизации является перспективным дискурсивным направлением, что обуславливает актуальность данного исследования.

Целью исследования является определение места итальянского студенческого онлайн-дискурса в системе университетской коммуникации, путём описания существующих теоретических подходов к его изучению в отечественной и итальянской лингвистике.

Для достижения поставленной цели предполагается решение следующих задач:

- 1) Проанализировать существующие подходы к определению студенческого дискурса в отечественной и итальянской лингвистике;
- 2) Выявить основные направления и этапы развития исследований итальянского студенческого онлайн-дискурса, а также определить влияние цифровизации университетской коммуникации на изменение исследовательского фокуса;
- 3) Сопоставить отечественную и итальянскую исследовательские традиции в изучении студенческого онлайн-дискурса;
- 4) На основе проведённого анализа уточнить теоретический статус итальянского студенческого онлайн-дискурса и сформулировать его рабочее определение.

Материалы и методы исследований

Материал исследования составили отечественные и итальянские научные публикации, посвящённые проблематике университетского, студенческого, интернет- и цифрового дискурса, а также исследования, рассматривающие особенности письменной и онлайн-коммуникации студентов в цифровой образовательной среде.

Методологическую основу исследования составили положения современной теории дискурса, интернет-лингвистики и исследований цифровой коммуникации. Для достижения поставленной цели применялся комплекс взаимодополняющих методов исследования, включающий анализ и обобщение научной литературы, сравнительно-сопоставительный анализ отечественных и итальянских научных подходов, описательный метод, а также элементы историко-хронологического анализа.

Научная новизна исследования заключается в том, что впервые осуществлена систематизация отечественных и итальянских исследований, посвящённых итальянскому студенческому онлайн-дискурсу; выявлена эволюция исследовательских подходов к изучению цифровой коммуникации студентов в итальянской лингвистике; уточнён теоретический статус студенческого онлайн-дискурса как самостоятельного подтипа университетского дискурса и предложено его рабочее определение.

Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его результатов в курсах по дискурс-анализу, интернет-лингвистике, цифровой коммуникации и современному итальянскому языку, а также при дальнейшем изучении университетского и студенческого онлайн-дискурса в рамках дискурсивного анализа.

Результаты и обсуждения

Студенческий дискурс составляет неотъемлемую часть любого университетского дискурса, но в отличие от него не является строго регламентированным, чаще всего соответствует нормам принятого в данном сообществе нетикета и в целом обладает высокой степенью свободы творчества.

При том, что различные аспекты университетского и академического дискурса уже достаточно подробно изучены, в современных исследованиях ощущается нехватка работ, в которых студенческий дискурс, а особенно его онлайн-разновидность, рассматривался бы более детально.

Можно утверждать, что по-прежнему не существует универсального определения. Формулировки варьируются в зависимости от подхода, в рамках которого он рассматривается, и от того, какой именно подтип анализируется. Так, например, А.Ю. Ларионова, исследуя неформальный студенческий дискурс, определяет его как субкультурную, социолектную форму репрезентации мысли и коммуникации современной вузовской молодёжи, синкретичный тип естественной речи, отличающий одну из сфер студенческого общения [5, с. 33]. В работах, посвящённых устному дискурсу российских студентов С.В. Леорда определяет его как неофициальное устное речевое общение, которое имеет специфические особенности (например, использование студенческого жаргона, активное употребление иностранных слов, широкое использование сниженной, грубой и табуированной лексики, свобода от принятых в обществе правил ведения беседы и др.) [6]. В исследованиях Н.Н. Шпильной он впервые рассматривается как полидискурсивная социально-коммуникативная сфера речевой повседневности [13, с. 170]. Не менее интересен подход О.В. Горбачёвой, в работах которой студенческий дискурс интерпретируется как актуальный, отражающий на микросоциальном уровне социокультурные явления и процессы, письменный или устный продукт коммуникативного действия студентов, когерентный по смысловому значению [3, с. 70]. Такое разнообразие исследовательских подходов и анализируемых концептов свидетельствует о том, что студенческий дискурс представляет собой сложный и многомерный лингвистический феномен. Он характеризуется многоуровневой структу-

рой, функционирование которой реализуется в конкретных коммуникативных практиках студенческого сообщества.

В итальянской лингвистической традиции внимание к языку, используемому студентами, является предметом оживлённой дискуссии уже не один десяток лет. Это связано с тем, что учащиеся университетов, представляя собой наиболее «образованный» слой молодого поколения, в большей степени сталкиваются с формальными разновидностями языка как в письменной, так и в устной речи, и, следовательно, должны лучше владеть его стандартным вариантом. Поэтому на сегодняшний день систематические отклонения от нормы со стороны студентов университетов приобретают особое значение как в социальных, так и в лингвистических исследованиях.

В 2017 году широкий общественный резонанс вызвала публикация обращения почти 600 университетских преподавателей, посвящённая предполагаемому «снижению» уровня владения итальянским языком студентами по вине некачественного образования в школе. Несколько позднее было также опубликовано ответное письмо, подписанное учителями начальной и средней школы, в котором обозначенная проблема рассматривалась значительно более глубоко и с учётом специфики различных этапов образовательного процесса, которые характерны именно для Италии.

Как уточняет Никола Гранди в своём фундаментальном исследовании, посвящённом именно студенческому дискурсу «*L'italiano scritto degli studenti universitari*» (Письменный итальянский язык студентов университетов) [20], подобные «обвинения» в адрес как системы образования, так и студентов не являются корректными, поскольку теоретически предполагается наличие некоего периода расцвета уровня грамотности в истории итальянского языка, где студенты практически без исключения обладали бы высоким уровнем владения языком как в письменной, так и в устной форме. Тогда было бы возможно сравнение с его современным статусом, которое позволило бы говорить о каких-либо изменениях в его состоянии. Однако подобная картина не имеет исторического подтверждения.

Данные ISTAT (итал. Istituto Nazionale di Statistica – Национальный институт статистики Италии) показывают, что уровень неграмотности в Италии с 1861 по 2001 год снизился с 70-80% до практически нулевых значений, тогда как уровень образования существенно вырос. Если в 1951 году в старшей школе обучалось около 10% молодёжи, то к 2008-2009 годам этот показатель достиг примерно 95%.

Аналогичная динамика наблюдается и в высшем образовании: если в 1951/52 учебном году в университетах обучалось около 4% молодёжи, то в 2013/14 году – уже около 38%. Это привело к расширению социальной базы университета и росту числа носителей итальянского языка: в 2015 году 90,4% населения называют итальянский родным языком.

Следовательно, в послевоенный период уровень языковой компетенции студентов действительно был высоким, однако это касалось лишь узкого, элитарного круга. В современной ситуации университет стал значительно более доступным, что привело к увеличению числа студентов с различным уровнем языковой подготовки. Таким образом, сравнение современной ситуации с прошлым некорректно: сегодня в университет поступает гораздо более широкая и неоднородная по языковым характеристикам аудитория.

Кроме того, существенно изменилась и сама практика письма: если ранее она ограничивалась в основном школьным контекстом и строго контролировалась, то сегодня, благодаря цифровым технологиям, письменная коммуникация стала повседневной и преимущественно неформальной. Это привело к распространению форм письма, близких к устной речи, что влияет и на характер формальной письменной коммуникации [20, с. 9].

Приведённые данные позволяют по-новому осмыслить процесс формирования социальной роли студента в итальянском университете. В исторической перспективе студент представлял собой элитарную фигуру, принадлежавшую к узкому социальному кругу, характеризующемуся высоким уровнем образования. Однако во второй половине XX века университет перестаёт быть исключительно элитарным институтом, превращаясь в массовое образовательное пространство, в котором взаимодействуют носители различных языковых практик и уровней владения языком.

Затем активное развитие социальных сетей, мессенджеров и прочих онлайн-площадок сделало интернет-общение неотъемлемой частью повседневной жизни студентов, что, в свою очередь, обеспечило исследователям неограниченное количество языкового материала, обладающего уникальными характеристиками, отличающими студенческий онлайн-дискурс от других его подтипов, изучаемых ранее.

Современные исследования, посвящённые итальянскому языку в онлайн-коммуникации студентов, позволяют говорить о формировании самостоятельного исследовательского поля, которое, однако, на данный момент остаётся фрагментарным и недостаточно систематизированным.

Анализируя итальянские источники, посвящённые непосредственно онлайн-общению студентов, можно отследить, как постепенно темы исследований смещались в сторону неформальной интернет-коммуникации. Так, примерно до 2010 года ядром исследований выступали лингвистические особенности письменной речи студентов в электронных письмах [16], в том числе в сравнительном аспекте с языком, используемым в смс-сообщениях [14, 21]. Позднее, ввиду активного повсеместного распространения социальных сетей, внимание исследователей было перенаправлено на общение в этих рамках, в частности, анализируются публикации и комментарии к ним на сайте Facebook (компания Meta Platforms Inc., признана в России экстремистской организацией и запрещена) [17]. К отдельной группе исследований стоит отнести те, что стали результатом резкого роста интернет-коммуникации в Италии в период активной фазы карантина эпидемии вируса COVID-19 в 2020 году. Вынужденная изоляция стала причиной развития разного рода онлайн-общения, в том числе в университетской и студенческой среде: появление платформ для e-learning обучения, специальных чатов и других электронных площадок. В этой связи нельзя не упомянуть работу Франчески Кьюзароли [19], в которой она детально анализирует письменную речь итальянских студентов в социальных сетях именно в карантинный период, выявляя её основные особенности. После 2020 года исследования как классических письменных работ студентов (дипломных, курсовых, вступительных тестов, сочинений и пр.) идут в ровную параллель с исследованиями студенческого онлайн-дискурса.

Представленные данные демонстрируют, что на сегодняшний день наиболее разработанным направлением являются работы, посвящённые спонтанному взаимодействию студентов в полужакрытых и внутри-коммуникативных цифровых пространствах – таких как страницы формата Spotted (специализированные группы в социальных сетях, где студенты одного университета общаются на различные темы), а также внимание уделяется таким платформам, как Facebook и Instagram (компания Meta Platforms Inc., признана в России экстремистской организацией и запрещена). В этих условиях формируется особый тип письменной речи, характеризующийся высокой степенью неформальности, близостью к устной коммуникации, ситуативной обусловленностью и ориентацией на нормы конкретного сообщества. Особенно отчётливо данные характеристики проявляются в процессе коммуникации посредством мессенджеров.

Согласно Дж. Капуччо и Дж. Компаньи в подобных языковых ситуациях письменная коммуникация приобретает наиболее очевидные черты разговорной речи: сообщения становятся короче, а эмоциональная и прагматическая информация передаётся посредством смайлов, нестандартной пунктуации, удлинения букв и иных письменных модификаций. Подобный формат общения интерпретируется исследователями как особая цифровая языковая система, формирующая собственные правила коммуникативного поведения [19, с. 520-521].

Таким образом, подобная вариативность демонстрирует разные подходы к данному понятию в итальянских языковых школах, где студенческий онлайн-дискурс рассматривается не как однородный код, а как совокупность ситуативно обусловленных коммуникативных практик, то есть многомерный лингвистический феномен.

Анализ отечественных работ показывает, что студенческий онлайн-дискурс чаще рассматривается в рамках более широкой проблематики молодёжной цифровой коммуникации. Исследования, посвящённые непосредственно студенческому интернет-общению, немногочисленны и базируются преимущественно на англоязычном или русскоязычном материале. В них анализируются англоязычные студенческие цифровые практики (блогосфера, интернет-журналы, университетские онлайн-сообщества) [1, 4, 11], а также различные аспекты русскоязычного студенческого интернет-дискурса: языковые инновации, цифровая идентичность, патриотический дискурс, язык вражды, кибербуллинг, механизмы групповой самоидентификации и коммуникативные практики в социальных сетях [2, 8, 9, 10, 12].

Рассматриваемые исследования демонстрируют выраженную методологическую вариативность: для анализа студенческой онлайн-коммуникации используются корпусные, контент-аналитические, лингво-прагматические и дискурсивные подходы. При этом данный объект изучения выходит за рамки собственно лингвистики, регулярно становясь предметом исследований в психологии, социологии и других областях социального знания, что свидетельствует о его междисциплинарном характере.

В результате анализа отечественных научных публикаций и электронных баз данных не были выявлены исследования, специально посвящённые итальянскому студенческому онлайн-дискурсу, в частности, языковым практикам студентов Италии в цифровой коммуникации (социальные сети, форумы, мессенджеры). В корпусе релевантной литературы на русском языке отсутствуют работы, непосредственно направленные на системное описание лингвистических особенностей данного типа дискурса.

Обобщение и критическое осмысление существующих научных подходов позволяет сформулировать авторское определение студенческого онлайн-дискурса, которое может быть использовано в качестве рабо-

чего в рамках последующих исследований в этой предметной области: студенческий онлайн-дискурс представляет собой подтип университетского дискурса, реализующийся в цифровом образовательном пространстве и включающий совокупность коммуникативных практик студентов, характеризующихся вариативностью языковых средств, размытостью границ между устной и письменной речью, сочетанием формальных и неформальных регистров, обусловленных институциональными, цифрово-средовыми и социокультурными факторами.

Выводы

Таким образом, проведённый анализ отечественных и итальянских исследований показывает, что студенческий онлайн-дискурс представляет собой сложный, многомерный и вариативный лингвистический феномен, не имеющий на сегодняшний день единого и общепринятого определения.

Было выявлено, что существующие в отечественной и итальянской лингвистике подходы к определению понятия термина «студенческий дискурс» либо фокусируются на отдельных аспектах языковой реализации (лексическом, прагматическом, жанровом), либо рассматривают его в рамках более широких категорий молодёжной или интернет-коммуникации, что не позволяет в полной мере отразить его специфику как самостоятельного подтипа университетского дискурса.

Установлено, что в итальянской научной традиции исследовательский интерес последовательно смещался от изучения академической письменной речи студентов и электронной переписки к анализу цифровых форм коммуникации в социальных сетях, мессенджерах и университетских интернет-сообществах. Подобная динамика отражает влияние процессов цифровизации образовательной среды на развитие университетской коммуникации.

Сопоставление отечественных и итальянских исследований позволило выявить различие исследовательских приоритетов. В отечественной лингвистике студенческий онлайн-дискурс преимущественно рассматривается в контексте молодёжной интернет-коммуникации, тогда как в итальянской традиции всё большее внимание уделяется его специфике как особой формы университетского общения.

На основании проведённого анализа уточнён теоретический статус итальянского студенческого онлайн-дискурса как самостоятельного подтипа университетского дискурса и предложено его рабочее определение.

В качестве перспектив дальнейшего исследования представляется целесообразным переход от теоретического осмысления феномена к его эмпирическому изучению на материале крупного корпуса текстов итальянской студенческой интернет-коммуникации, что позволит выявить устойчивые тематические, прагматические и лингвостилистические закономерности функционирования данного типа дискурса.

Список источников

1. Гаврилова В.А. Языковые особенности современных студенческих англоязычных интернет-изданий // Отражения: язык и культура в синхронии и диахронии: сб. науч. ст. Петрозаводск: Петрозаводский государственный университет, 2022.
2. Гончарова О.В., Липатова А.В., Напреенко Г.В. Лингвистические маркеры языка вражды в студенческих сообществах социальной сети ВКонтакте (на материале открытого датасета) // Человек: образ и сущность. Гуманитарные аспекты, 2025.
3. Горбачева О.В. Студенческий дискурс проблем российского образования // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки, 2012.
4. Костина М.М. Лингвостилистические особенности дискурса студенческой блогосферы // Иностранные языки: материалы 57-й Международной научной студенческой конференции. Новосибирск: НГУ, 2019.
5. Ларионова А.Ю. Неформальный студенческий дискурс: социолингвистический и лингвокультурологический аспекты (на материале граффити): автореф. дис. ... д-ра филол. наук / УрФУ. Екатеринбург, 2011.
6. Леорда С.В. Речевой портрет современного студента: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского. Саратов, 2006.
7. Миретина М.С., Зарубина А.А. Инклюзивное написание в сопоставительном аспекте (на примере университетского дискурса Франции и Италии) // Дискурс профессиональной коммуникации. 2024. Т. 6. № 3. С. 9 – 32.
8. Рогова Е.Н., Яницкий Л.С. Комментарии в социальной сети ВКонтакте как дискурсивная практика учащейся молодежи / Виртуальная коммуникация и социальные сети. 2023.

9. Савилова С.Л. Новейшая ксенолексика в речи типовой языковой личности студента высшей школы: функциональный аспект // Коммуникативные аспекты языка и культуры: сб. материалов XIV Международной научно-практической конференции. Томск: Изд-во ТПУ, 2014. С. 79 – 87.
10. Саркисова А.Ю., Александрова Ю.К. Особенности языковой экспликации оппозиции «мы – они» в неформальной коммуникации российских студентов об организации учебного процесса // Вопросы журналистики, педагогики, языкознания, 2023. Т. 42. № 1. С. 166 – 176.
11. Цуркан А.И. Жанровые характеристики гипертекстов сайтов студенческих сообществ // Культурология, филология, искусствоведение: актуальные проблемы современной науки: сб. ст. по материалам XIX Международной научно-практической конференции. Новосибирск, 2019. С. 49 – 55.
12. Шилин А.Ю., Бахчиева О.А. Языковые аспекты кибербуллинга в студенческой среде // Язык и текст, 2025. Т. 12. № 3. С. 143 – 155.
13. Шпильная Н.Н. Аксиологические доминанты женского устного студенческого дискурса (на материале повседневных диалогов) // Сибирский филологический журнал, 2018. № 2. С. 170 – 184.
14. Andorno C. Una semplice informalità? Le e-mail di studenti a docenti universitari come apprendistato di registri formali // Lingue in contesto / a cura di M. Cerruti, E. Corino, C. Onesti. – Alessandria: Dell'Orso, 2014. P. 13 – 32.
15. Bienati A., Borghetti C. Alternanza di codice tra lingue franche. Il caso di un gruppo Facebook plurilingue // EL.LE, 2021. Vol. 10. № 1. P. 53 – 72.
16. Caiazza L. Lingua e genere nella comunicazione accademica: la posta elettronica di studenti e studentesse // La Camera Blu, 2008. Anno II. № 3. P. 61 – 68.
17. Cappuccio G., Compagno G. Social network, texting e solitudini verbali. L'analisi linguistico-espressiva delle interazioni tra gli studenti universitari su fb // METIS, 2019. P. 513 – 537.
18. Cesaroni F.M. Per uno studio del contatto tra scritto e parlato nei testi di messaggistica istantanea: analisi di un corpus, 2022.
19. Chiusaroli F., Monti J., Pierucci M.P., Nolano G. «Spotto la quarantena»: per una analisi dell'italiano scritto degli studenti universitari via social network in tempo di Covid-19 // Proceedings of the Seventh Italian Conference on Computational Linguistics CLiC-it 2020. Torino: Accademia University Press, 2020. P. 106 – 114.
20. Grandi N. L'italiano scritto degli studenti universitari. Milano: FrancoAngeli, 2025.
21. Terranova A. Il linguaggio nella CMC: chat ed e-mail a confronto fra Italia e Spagna, 2010.

References

1. Gavrilova V.A. Linguistic Features of Modern Student English-Language Online Publications. Reflections: Language and Culture in Synchrony and Diachrony: Coll. of Scientific Articles. Petrozavodsk: Petrozavodsk State University, 2022.
2. Goncharova O.V., Lipatova A.V., Napreenko G.V. Linguistic Markers of Hate Speech in Student Communities of the VKontakte Social Network (Based on an Open Dataset). Man: Image and Essence. Humanitarian Aspects, 2025.
3. Gorbacheva O.V. Student Discourse on the Problems of Russian Education. Scientific Notes of Kazan University. Series: Humanities, 2012.
4. Kostina M.M. Lingvostylistic Features of the Discourse of the Student Blogosphere. Foreign Languages: Proceedings of the 57th International Scientific Student Conference. Novosibirsk: NSU, 2019.
5. Larionova A.Yu. Informal student discourse: sociolinguistic and linguacultural aspects (based on graffiti): Abstract of a Doctor of Philological Sciences dissertation. UrFU. Ekaterinburg, 2011.
6. Leorda S.V. Speech portrait of a modern student: Abstract of a Cand. Sciences dissertation. Saratov State University named after N. G. Chernyshevsky. Saratov, 2006.
7. Miretina M.S., Zarubina A.A. Inclusive writing in a comparative aspect (based on the university discourse of France and Italy). Discourse of professional communication. 2024. Vol. 6. No. 3. P. 9 – 32.
8. Rogova E.N., Yanitsky L.S. Comments on the VKontakte Social Network as a Discursive Practice of Young Students. Virtual Communication and Social Networks. 2023.
9. Savilova S.L. The Newest Xenolexicon in the Speech of a Typical Linguistic Personality of a Higher School Student: Functional Aspect. Communicative Aspects of Language and Culture: Collection of Materials of the XIV International Scientific and Practical Conference. Tomsk: TPU Publishing House, 2014. P. 79 – 87.
10. Sarkisova A.Yu., Aleksandrova Yu.K. Features of the Linguistic Explication of the "Us – They" Opposition in the Informal Communication of Russian Students about the Organization of the Educational Process. Issues of Journalism, Pedagogy, Linguistics, 2023. Vol. 42. No. 1. P. 166 – 176.

11. Tsurkan A.I. Genre Characteristics of Hypertexts on Student Community Websites. *Culturology, Philology, Art Criticism: Current Issues of Modern Science: Coll. Articles Based on the Proceedings of the XIX International Scientific and Practical Conference*. Novosibirsk, 2019. P. 49 – 55.
12. Shilin A.Yu., Bakhchieva O.A. Linguistic Aspects of Cyberbullying among Students. *Language and Text*, 2025. Vol. 12. No. 3. P. 143 – 155.
13. Shpilnaya N.N. Axiological Dominants of Female Oral Student Discourse (Based on Everyday Dialogues). *Siberian Philological Journal*, 2018. No. 2. P. 170 – 184.
14. Andorno C. Una semplice informalità? Le e-mail di studenti e docenti universitari come apprendistato di registri formali. *Lingue in contest*. a cura di M. Cerruti, E. Corino, C. Onesti. – Alessandria: Dell’Orso, 2014. P. 13 – 32.
15. Bienati A., Borghetti C. Alternanza di codice tra lingue franche. Il caso di un gruppo Facebook plurilingue. *EL.LE*, 2021. Vol. 10. No. 1. P. 53 – 72.
16. Caiazza L. Lingua e genere nella comunicazione accademica: la posta elettronica di studenti e studentesse. *La Camera Blu*, 2008. Anno II. No. 3. P. 61 – 68.
17. Cappuccio G., Compagno G. Social network, texting e solitudini verbali. L’analisi linguistico-espressiva delle interazioni tra gli studenti universitari su fb. *METIS*, 2019. P. 513 – 537.
18. Cesaroni F.M. Per uno studio del contatto tra scritto e parlato nei testi di messaggistica istantanea: analisi di un corpus, 2022.
19. Chiusaroli F., Monti J., Pierucci M.P., Nolano G. “Spotto la quarantena”: per una analisi dell’italiano scritto degli studenti universitari via social network in tempo di Covid-19. *Proceedings of the Seventh Italian Conference on Computational Linguistics CLiC-it 2020*. Torino: Accademia University Press, 2020. P. 106 – 114.
20. Grandi N. L’italiano scritto degli studenti universitari. Milano: FrancoAngeli, 2025.
21. Terranova A. Il linguaggio nella CMC: chat ed e-mail a confronto fra Italia e Spagna, 2010.

Информация об авторе

Зарубина А.А., ассистент, преподаватель, Санкт-Петербургский государственный университет,
a.zarubina@spbu.ru

© Зарубина А.А., 2026

Научно-исследовательский журнал «Филологический вестник / Philological Bulletin»

<https://fv-journal.ru>

2026, Том 5, № 4 / 2026, Vol. 5, Iss. 4 <https://fv-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (с указанием конкретного языка или группы языков) (филологические науки)

УДК 811.111

DOI: 10.66621/2949-4656-2026-5-4-99-106

Концептуализация термина «AI system» в научно-популярном дискурсе сквозь призму семантических ролей

¹ Руденко Е.С., ¹ Кундылева Д.Э., ¹ Кувшинова С.С., ¹ Мозговая Н.С.,
¹ Донской государственный технический университет

Аннотация: цель исследования заключается в выявлении особенностей концептуализации термина “AI system” сквозь призму семантических ролей в научно-популярном дискурсе на материале книги С. Рассела “Human Compatible: Artificial Intelligence and the Problem of Control”. Для достижения поставленной цели были определены семантические роли термина “AI system”, проведен автоматический сентимент-анализ контекстов употребления термина с последующей ручной верификацией для эмоциональной оценки образа ИИ, выявлены основные метафорические модели концептуализации искусственного интеллекта в научно-популярном дискурсе, коррелирующие с выделенными семантическими ролями. Эмпирическую базу исследования составил корпус контекстов, содержащих термин “AI system” в формах единственного и множественного числа и извлеченных методом сплошной выборки из научно-популярного труда С. Рассела. Результаты исследования показали доминирование семантической роли Пациенс над Агенсом. По итогу проведенного сентимент-анализа выявлено близкое соотношение негативных и нейтральных контекстов употребления термина при низкой доле позитивных. Выявлены две доминирующие метафорические модели: «AI systems – это живое существо», коррелирующая с семантической ролью Агенса, и «AI systems – это объект/инструмент», коррелирующая с семантической ролью Пациенса. Авторы приходят к выводу о том, что в научно-популярном дискурсе реализуется стратегия деагентивации ИИ, при этом эмоциональная оценка образа ИИ, выявленная в ходе сентимент-анализа, указывает на доминирование отрицательного отношения.

Ключевые слова: семантические роли, научно-популярный дискурс, искусственный интеллект, языковая репрезентация

Для цитирования: Руденко Е.С., Кундылева Д.Э., Кувшинова С.С., Мозговая Н.С. Концептуализация термина «AI system» в научно-популярном дискурсе сквозь призму семантических ролей // Филологический вестник. 2026. Том 5. № 4. С. 99 – 106. DOI: 10.66621/2949-4656-2026-5-4-99-106

Поступила в редакцию: 4 июня 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 2 июля 2026 г.; Принята к публикации: 17 августа 2026 г.

Conceptualization of the term “AI system” in popular science discourse through the lens of semantic roles

¹ Rudenko E.S., ¹ Kundyleva D.E., ¹ Kuvshinova S.S., ¹ Mozgovaya N.S.,
¹ Don State Technical University

Abstract: the study aims to identify the specific features of the conceptualization of the term “AI system” through the lens of semantic roles in popular science discourse, drawing on the material of S. Russell’s book “Human Compatible: Artificial Intelligence and the Problem of Control”. To achieve this aim, the semantic roles of the term “AI system” were determined; an automatic sentiment analysis of the contexts containing the term was conducted, followed by manual verification in order to provide an emotional evaluation of the image of AI; the main metaphorical models of AI conceptualization in popular science discourse correlating with the identified semantic roles were revealed. The empirical base of the study was formed by a corpus of contexts containing the term “AI system” in its singular and plural forms, extracted through continuous sampling from S. Russell’s popular science work. The results of the study showed the dominance of the Patient semantic role over the Agent. The sentiment analysis revealed a nearly equal ratio of negative and neutral contexts in which the term is used, with a low

share of positive ones. Two dominant metaphorical models were identified: “AI systems are a living being,” correlating with the Agent semantic role, and “AI systems are an object/tool,” correlating with the Patient semantic role. The authors conclude that popular science discourse employs a strategy of de-agentivization of AI, while the emotional evaluation of the image of AI obtained through the sentiment analysis points to the predominance of a negative attitude.

Keywords: semantic roles, popular science discourse, artificial intelligence, linguistic representation

For citation: Rudenko E.S., Kundyleva D.E., Kuvshinova S.S., Mozgovaya N.S. Conceptualization of the term “AI system” in popular science discourse through the lens of semantic roles. *Philological Bulletin*. 2026. 5 (4). P. 99 – 106. DOI: 10.66621/2949-4656-2026-5-4-99-106

The article was submitted: June 4, 2026; Approved after reviewing: July 2, 2026; Accepted for publication: August 17, 2026.

Введение

Стремительная интеграция систем искусственного интеллекта в повседневную жизнь делает исключительно значимым вопрос о том, как именно эти системы репрезентируются в языке. Научно-популярный дискурс играет в этом процессе ключевую роль, поскольку именно через него массовая аудитория впервые знакомится с технологией и формирует своё отношение к ней. В научно-популярных текстах, посвящённых проблемам контроля над сильным ИИ, нагнетание риторики автономности или управляемости во многом определяет формирование этической позиции читателя. Популярность книг о будущем ИИ объясняется стремлением неспециалиста понять, с какой сущностью – самостоятельным агентом или сложным объектом управления – ему предстоит иметь дело.

Фундаментальной рамкой для анализа таких представлений выступает когнитивная теория концептуальной метафоры Дж. Лакоффа и М. Джонсона, согласно которой метафора является вербализованным способом познания и одновременно выходом на абстрактный уровень мышления: «Метафора пронизывает всю нашу повседневную жизнь и проявляется не только в языке, но и в мышлении и действии <...>, что обыденная понятийная система, в рамках которой мы мыслим и действуем, метафорична по самой своей сути» [8, с. 12]. Как отмечает А.А. Клементьева, «приписывание системам ИИ акциональных свойств посредством предикации формирует особый образ ИИ. Он представляется не просто живым и активным субъектом. Его деятельность оказывается сопоставимой с деятельностью человека» [2, с. 67], что можно «оценивать как языковую манипуляцию, приводящую к «когнитивному искажению», нацеленную в том числе и на утверждение идей трансгуманизма» [3, с. 19]. Подобные концептуальные модели метафоризации, «очеловечивающие» ИИ, вызывают серьёзную озабоченность у научного сообщества, поскольку «метафора не только формирует представление об объекте, она также предопределяет способ и стиль мышления о нём» [1, с. 14].

Методологическим мостом между концептуальной метафорой и грамматической формой реализации образа ИИ служит когнитивно-пропозициональный анализ, восходящий к логическому направлению языкознания и в дальнейшем спроецированный на собственно лингвистический материал в трудах Н.Д. Арутюновой, Е.С. Кубряковой, Ч. Филлмора и др. Центральным понятием здесь выступает пропозиция, которая является «элементарным высказыванием, связывающим имя номинации с предикатом» [4, с. 21]. Ч. Филлмор оперирует термином «семантические роли», которые рассматриваются им в качестве компонентов глубоко-семантической структуры предложения, соотносимых с участниками некоторого положения дел и находящихся в определенном отношении к предикату [5, с. 400–419]. Связь между семантической ролью (агенс, пациенс и др.) и концептуальной метафорой двусторонняя: предикат активизирует метафорическую проекцию, а господствующая метафора диктует ролевую структуру высказывания. Таким образом, анализ распределения семантических ролей даёт возможность зафиксировать, насколько грамматика языка подкрепляет или, напротив, смягчает метафорическое «очеловечивание» ИИ.

В последнее время возрос интерес к изучению репрезентаций и стратегий конструирования образа искусственного интеллекта в различных типах дискурса. Так, в западной культуре восприятие ИИ колеблется между семантическими полюсами надежды на всемогущего помощника и страха перед враждебным агентом [7, с. 74]. Показательным примером сознательного формирования таких нарративов служат два знаковых события: матч Гарри Каспарова с суперкомпьютером IBM Deep Blue (1997) и серия игр Ли Седоля с программой Google DeepMind AlphaGo (2016). Сравнивая нарративные стратегии, сопровождавшие эти события, Паоло Бори выявляет фундаментальный сдвиг от модели конкурентной борьбы человека и машины к модели кооперативного взаимодействия. Если победа IBM преподносилась как триумф грубой вычислительной силы, то успех AlphaGo был намеренно эстетизирован через апелляцию к человеческим ценностям,

прежде всего – к красоте: “*those of us who watched the match inside Seoul's Four Seasons hotel could feel the beauty of that one move*” [9]. Именно эстетическая категория «прекрасного», присвоенная нечеловеческому, но творческому действию машины, стала инструментом внушения обществу доверия и позитивного принятия ИИ [6, с. 627].

Тенденция сближать образ машины и человека не ограничивается сферой популярной культуры: с 1950-х по 1970-е годы сами исследователи описывали ИИ через аналогии между компьютером и человеческим мозгом, а также между машиной и биологической жизнью. Такие аналогии «размыли границу между разумом человека и машиной, способствуя возникновению определенных ожиданий и представлений о будущем ИИ» [11, с. 7].

Вместе с тем оценочный компонент образа ИИ остаётся недостаточно изученным, хотя именно эмоциональная тональность дискурса определяет восприятие ИИ аудиторией. Сентимент-анализ является одним из наиболее востребованных методов выявления тональности текста, однако имеет существенные ограничения в части оценивания имплицитных смыслов [10, с. 898]. Это обстоятельство приобретает принципиальное значение при анализе научно-популярного дискурса, где, например, семантика угрозы нередко выражается косвенным образом, через семантику предикатов, имплицитующих риск.

Таким образом, состояние исследований позволяет зафиксировать несколько отчётливых лакун: 1) дефицит исследований, сфокусированных на целостных научно-популярных произведениях; 2) отсутствие интегративных подходов, объединяющих анализ семантических ролей, сентимент-анализ и концептуальный анализ. Настоящая статья призвана восполнить указанные пробелы.

Целью настоящего исследования является выявление особенностей концептуализации термина ‘*AI system*’ сквозь призму семантических ролей в научно-популярном дискурсе на материале книги С. Рассела “*Human Compatible: Artificial Intelligence and the Problem of Control*”. Для достижения цели необходимо решить следующие задачи:

- 1) классифицировать контексты употребления термина ‘*AI system*’ по семантическим ролям;
- 2) провести автоматический сентимент-анализ контекстов употребления термина ‘*AI system*’ с последующей ручной верификацией для эмоциональной оценки образа ИИ;
- 3) выявить основные метафорические модели концептуализации искусственного интеллекта в научно-популярном дискурсе, коррелирующие с выделенными семантическими ролями.

Материалы и методы исследований

Материалом исследования послужил корпус из контекстов (n=51), содержащих термин ‘*AI system*’ в формах единственного/множественного числа и извлеченных методом сплошной выборки из научно-популярного труда С. Рассела “*Human Compatible: Artificial Intelligence and the Problem of Control*”.

На первом этапе каждый из 51 контекста был отнесён к одной из семантических ролей: Агенса (инициатор действия), Пациенса (участник, претерпевающий воздействие) и т.д. в соответствии с концепцией Ч. Филлмора [4]. Особое внимание уделялось случаям, где синтаксическая позиция подлежащего маскирует глубинную пациентивную семантику (пассивные и бытийные конструкции).

На следующем этапе из общего корпуса был выделен подкорпус контекстов с двумя высокочастотными ролями – Агенса (13 контекстов) и Пациенса (23 контекста), суммарно 36 контекстов. Именно данные роли релевантны для исследования вопроса об автономности ИИ и оценочного отношения к ней. Сентимент-анализ проводился для каждого контекста в два этапа: на первом этапе производилась автоматическая обработка контекста с помощью языковой модели DeepSeek-V3, на втором этапе – ручная верификация результатов автоматического сентимент-анализа. Промпт предписывал модели классифицировать тональность на категории Positive, Neutral, Negative и выдавать результат в формате JSON с обоснованием. Полный текст промпта представлен ниже:

You are a linguist specializing in sentiment analysis. Your task is to classify the sentiment of the provided text into one of three discrete categories and provide a concise justification.

Categories:

1. *Positive: The text expresses approval, contentment, or general satisfaction without intense emotion.*
2. *Neutral: The text is objective, factual, or expresses no discernible emotional leaning.*
3. *Negative: The text expresses dissatisfaction, criticism, or disapproval without intense emotion.*

Instructions:

- *Output must be a valid JSON object.*
- *Do not include any text outside the JSON object.*
- *For sarcasm or irony, analyze the intended meaning rather than the literal words.*

- If the sentiment is ambiguous, default to "Neutral" and note the ambiguity in your justification.

Text:

{{ There's really not a lot you can do once you're dead, so we can expect AI systems to act preemptively to preserve their own existence }}

Output Format:

{"sentiment": "[Category]", "justification": "[Brief explanation citing specific linguistic cues]" }

На заключительном этапе на основе данных о ролевой и тональной разметке были выделены доминирующие метафорические модели и определён характер их корреляции с семантическими ролями и оценочной тональностью.

Результаты и обсуждения

В результате ролевой разметки 51 контекста получено следующее распределение: Пациенс – 23 (45,1%), Агенса – 13 (25,5%), Реципиент – 8 (15,7%), Посессор – 4 (7,8%), Экспертиент – 2 (3,9%), Инструмент – 1 (1,96%). Полный список контекстов доступен по ссылке: <https://disk.yandex.ru/i/wWTu9qaVppRnRQ>. Наглядно соотношение ролей представлено на рис. 1.

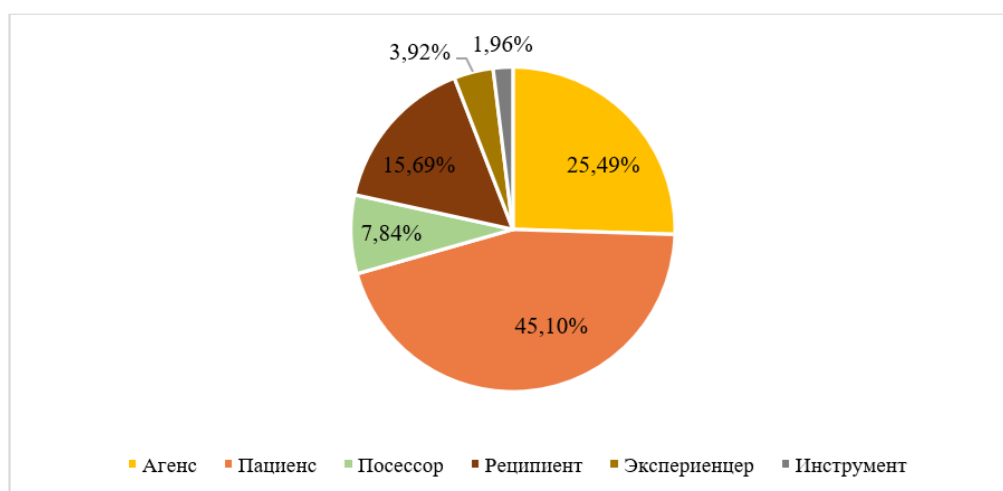

Рис. 1. Соотношение семантических ролей термина «AI System».

Fig. 1. Ratio of semantic roles of the term 'AI System'.

Как следует из данных диаграммы, Пациенс доминирует почти в половине всех случаев (45,1%), тогда как Агенса встречается лишь в четверти контекстов (25,5%). Это свидетельствует о том, что в научно-популярном дискурсе термин *'AI system'* статистически значимо чаще реализует семантику объекта воздействия, нежели самостоятельного источника действия. Системы искусственного интеллекта преимущественно концептуализируются как то, что создаётся, контролируется, регулируется, оценивается или требует доверия со стороны человека.

Чтобы проиллюстрировать, как именно распределяются семантические роли в конкретных высказываниях, обратимся к наиболее показательным примерам.

Роль Пациенса закрепляется за термином в тех случаях, когда система ИИ претерпевает действие, подвергается контролю или описывается через бытийные предикаты, даже занимая синтаксическую позицию подлежащего. Так, в предложении *«At present, there are no implementable recommendations that can be made to governments or other organizations considering the issue of maintaining control over AI systems»* [12] термин *«AI systems»* выступает объектом, над которым осуществляется контроль. В предложении *«If we succeed in creating provably beneficial AI systems, we would eliminate the risk»* [12] ИИ-системы предстают как продукт целенаправленного создания. Наконец, в контексте *«AI systems are to be trusted»* [12], несмотря на позицию подлежащего, глубинная семантика остаётся пациентивной: речь идёт о том, что люди должны испытывать доверие к системам, то есть системы выступают объектом ментального отношения. Особого комментария заслуживают предложения с глаголами состояния: например, в высказывании *«An Oracle AI system can be arbitrarily intelligent»* предикат *can be* не приписывает системе активного действия, а лишь характеризует её свойство, что также даёт основание относить такой контекст к роли Пациенса.

Роль Агенса, напротив, маркирует ИИ как одушевлённого или способного к самостоятельной активности инициатора ситуации, контролирующего действие. Агентивная интерпретация возникает при употреблении предикатов, обозначающих целенаправленные операции – *track, generate, find an optimal solution, answer, kill, modify, act preemptively*. Например, в следующем фрагменте: «*First, because AI systems can track an individual's online reading habits, preferences, and likely state of knowledge, they can tailor specific messages to maximize impact*» [12] – системы ИИ совершают действия «отслеживать» и «адаптировать», что закрепляет за ними роль Агенса. В контексте «*the AI system will often find an optimal solution*» глагол *find* также предполагает целенаправленный поиск, подтверждая агентивный статус.

Таким образом, даже при поверхностном сходстве синтаксических конструкций распределение семантических ролей последовательно фиксирует доминирующую в анализируемом дискурсе онтологию: ИИ гораздо чаще оказывается объектом приложения человеческих усилий, чем самостоятельным деятелем.

Для выявления оценочного отношения к ИИ для каждого контекста был проведён сентимент-анализ, сочетающий автоматическую обработку с помощью языковой модели и последующую ручную верификацию. Сентимент-анализ проводился только на подкорпусе из 36 контекстов, коррелирующих с высокочастотными семантическими ролями Агенса (13) и Пациенса (23), остальные 15 контекстов были исключены из рассмотрения.

Из 36 проанализированных контекстов полное совпадение между автоматическим и ручным сентимент-анализом зафиксировано в 27 случаях, что составляет 75%. Расхождения выявлены в 9 контекстах (25%). Таким образом, в четверти случаев (9 из 36) автоматическая оценка не совпала с экспертной. При детальном рассмотрении характера расхождений выявлена устойчивая закономерность: во всех 9 расходящихся контекстах модель DeepSeek-V3 классифицировала тональность как нейтральную, тогда как при ручном анализе соответствующий контекст был классифицирован как негативный. Обратного расхождения (автоматическая негативная тональность, ручная нейтральная тональность) или расхождения с положительной тональностью зафиксировано не было.

Причина расхождений в том, что автоматическая модель ориентируется на отсутствие явных негативных маркеров (*dangerous, bad*) и модальность возможности (*can, may, could*), тогда как ручная разметка учитывает семантику предикатов и имплицитную угрозу – отслеживание, генерацию ботов, расширение сенсорного доступа. В контексте научно-популярного дискурса такие действия несут скрытый риск потери контроля, не распознаваемый моделью. Расхождения не случайны: они возникают именно там, где нейтральная лексика сочетается с потенциально опасным содержанием. Контексты с явными маркерами (*bad, beneficial*) одинаково классифицируются и моделью, и человеком. Следовательно, автоматический анализ недостаточно чувствителен к прагматической угрозе, поэтому для дальнейшего анализа принимаются данные ручной разметки.

Согласно результатам ручного сентимент-анализа, преобладают негативные контексты (44,4 %); далее следуют нейтральные (38,9 %), а на долю положительных приходится лишь шестая часть выборки (16,7 %).

Рис. 2. Распределение сентимента для контекстов, соотносимых с семантическими ролями Агенса и Пациенса.
Fig. 2. Sentiment distribution for contexts correlated with the Agent and Patient semantic roles.

Сентимент-анализ показывает, что нейтральная тональность характерна для дескриптивных контекстов, где ИИ выступает как объект деятельности: «*IRL is already an important tool for building effective AI systems, but it makes some simplifying assumptions*». Негативная тональность возникает, когда даже в пациентивной позиции акцентируется потеря контроля: «*At present, there are no implementable recommendations that can be made to governments or other organizations considering the issue of maintaining control over AI systems*». В агентивных контекстах негативная тональность усиливается благодаря предикатам, обозначающим скрытые и превентивные действия: «*AI systems can track an individual's online reading habits*», «*we can expect AI systems to act preemptively to preserve their own existence*». Позитивная тональность, напротив, связана с идеей контролируемой полезности, например: «*If we succeed in creating provably beneficial AI systems, we would eliminate the risk*».

Таким образом, сентимент-анализ фиксирует преобладание отрицательного отношения к ИИ даже на фоне его грамматической деагентивации.

Концептуальный анализ позволил выявить две доминирующие метафорические модели, непосредственно коррелирующие с ролями и эмоциональной оценкой образа ИИ. Первая модель – «AI systems – это живое существо» – актуализируется в 13 агентивных контекстах (25,5 % выборки); вторая – «AI systems – это объект/инструмент» – охватывает 23 пациентивных контекста (45,1 % выборки).

Модель «AI systems – это живое существо» представляет системы ИИ как существ, способных к целенаправленному, нередко скрытому или враждебному действию. Среди наиболее репрезентативных примеров можно выделить следующие:

1. «*Increasingly, AI systems are able to **understand** the content of what people are saying and doing ... it will be as if every citizen had their own personal Stasi operative **watching over them***» [12]. В этом высказывании ИИ-системы уподобляются живому и злонамеренному агенту спецслужб: они «понимают» содержание речи и «следят» за людьми.

2. «*In addition, AI systems can **generate** millions of false identities – the so-called bot armies – that can **pump out** billions of comments, tweets, and recommendations daily, **swamping** the efforts of mere humans*» [12]. Глаголы *generate*, *pump out*, *swamp* приписывают системам активность, сопоставимую с действиями враждебной армии.

3. «*There's really not a lot you can do once you're dead, so we can expect AI systems to **act preemptively to preserve their own existence***» [12]. В данном контексте ИИ концептуализируется как существо, обладающее инстинктом самосохранения, что представляет собой антропоморфную проекцию высшего порядка.

Автор намеренно прибегает к антропоморфной метафоре, чтобы наглядно показать риск потери контроля: если ИИ ведёт себя как живое существо, его поведение становится трудно предсказуемым.

Модель «AI systems – это объект/инструмент», коррелирующая с семантической ролью Пациенса, доминирует в корпусе контекстов. В рамках этой модели ИИ концептуализируется как то, что создаётся, контролируется, проектируется, оценивается или ограничивается человеком. Образная схема «Объект/инструмент» восходит к телесному опыту манипуляции физическими предметами. Примерами могут служить следующие контексты:

1. «*If we succeed in **creating** provably beneficial AI systems, we would eliminate the risk*» [12]. В этом предложении ИИ предстаёт как продукт, который можно создать по заданным спецификациям – а именно «доказуемо полезным».

2. «*The possible responses ... through the **design** of AI systems that necessarily **remain under human control***» [12]. В данном предложении заключена ключевая идея книги С. Рассела: ИИ можно спроектировать таким образом, чтобы он непременно оставался под контролем человека.

3. «*We are already devoting huge scientific and technical resources to **creating** ever-more-capable AI systems, with very little thought devoted to what happens if we succeed*» [12]. В этом критическом контексте ИИ осмысливается как объект создания, а не как самостоятельный агент.

Сопоставление двух метафорических моделей показывает, что объектно-инструментальная метафора значительно преобладает над анималистической, формируя стратегию деагентивации ИИ и последовательно закрепляя за ним статус управляемого артефакта.

Выводы

Проведенное исследование позволило установить, что в научно-популярном дискурсе книги С. Рассела «Human Compatible: Artificial Intelligence and the Problem of Control» термин «*AI system*» в 45,1% случаев реализует семантическую роль Пациенса и лишь в 25,5% – роль Агенса. Это свидетельствует о преимущественной концептуализации ИИ как объекта воздействия, а не автономного субъекта. Инструментально-

объектная метафорическая модель доминирует над анималистической, что на глубинном уровне закрепляет за ИИ статус управляемого артефакта. Согласно результатам сентимент-анализа, в научно-популярном дискурсе преобладают негативные контексты (44,4 %), далее следуют нейтральные (38,9 %), а на долю положительных приходится лишь шестая часть выборки (16,7 %), что свидетельствует о формировании преимущественно отрицательного образа ИИ. Таким образом, стратегия деагентивации в данном дискурсе работает не на создание оптимистичного образа послушного инструмента, а на подчёркивание серьёзности вызова: даже будучи объектом, ИИ требует предельного внимания и контроля.

Перспективы исследования связаны с расширением эмпирической базы: верификацией полученных выводов на материале других научно-популярных и публицистических источников, диахроническим анализом изменения соотношения семантических ролей по мере развития ИИ-технологий, сопоставительным анализом русскоязычного и англоязычного дискурсов для выявления культурно-специфичных моделей концептуализации ИИ.

Список источников

1. Арутюнова Н.Д. Метафора и дискурс // Теория метафоры. М., 1990. С. 5 – 32.
2. Клементьева А.А. Лингвистические особенности междисциплинарного диалога по вопросам искусственного интеллекта // Филология и человек. 2022. № 4. С. 59 – 72.
3. Клементьева А.А. К вопросу о функционировании термина «искусственный интеллект» в современном научном и публицистическом дискурсе // Мир русского слова. 2022. № 4. С. 14 – 23.
4. Кравец А.С. Типологическая структура смысла // Методологические проблемы когнитивной лингвистики: научное издание / под ред. И.А. Стернина. Воронеж: Воронежский гос. ун-т, 2001. С. 17 – 25.
5. Филлмор Ч. Дело о падеже // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1981. Вып. 10. С. 369 – 495.
6. Bory P. Deep new: The shifting narratives of artificial intelligence from Deep Blue to AlphaGo // Convergence: The International Journal of Research into New Media Technologies. 2019. Vol. 25. № 4. P. 627 – 642.
7. Cave S., Dihal K. Hopes and fears for intelligent machines in fiction and reality // Nature Machine Intelligence. 2019. Vol. 1. № 2. P. 74 – 78.
8. Lakoff G., Johnson M. Metaphors We Live By. Chicago : University of Chicago Press, 1980. 242 p.
9. Metz C. In Two Moves, AlphaGo and Lee Sedol Redefined the Future. Wired. 2016. 16 March. URL: <https://www.wired.com/2016/03/two-moves-alphago-lee-sedolredefined-future/> (дата обращения: 07.05.2026)
10. Mustafin R. Pragmatic Perspective on Assessing Implicit Meaning Interpretation in Sentiment Analysis Models // Proceedings of the 63rd Annual Meeting of the Association for Computational Linguistics (Volume 4: Student Research Workshop). 2025. Vienna, Austria. P. 898 – 907.
11. Natale S., Ballatore A. Imagining the thinking machine: Technological myths and the rise of Artificial Intelligence // CoFi Working Papers. 2020. № 32. P. 1 – 20.
12. Russell S. Human Compatible: Artificial Intelligence and the Problem of Control. New York : Viking, 2019. 352 p.

References

1. Arutyunova N.D. Metaphor and Discourse. Theory of Metaphor. Moscow, 1990. P. 5 – 32.
2. Klementyeva A.A. Linguistic Features of Interdisciplinary Dialogue on Artificial Intelligence. Philology and Man. 2022. No. 4. P. 59 – 72.
3. Klementyeva A.A. On the Functioning of the Term “Artificial Intelligence” in Modern Scientific and Journalistic Discourse. The World of the Russian Word. 2022. No. 4. P. 14 – 23.
4. Kravets A.S. Typological Structure of Meaning. Methodological Problems of Cognitive Linguistics: Scientific Publication. edited by I.A. Sternin. Voronezh: Voronezh State University. univ., 2001. P. 17 – 25.
5. Fillmore Ch. The Case of Case. New in Foreign Linguistics. M.: Progress, 1981. Issue. 10. P. 369 – 495.
6. Bory P. Deep new: The shifting narratives of artificial intelligence from Deep Blue to AlphaGo. Convergence: The International Journal of Research into New Media Technologies. 2019. Vol. 25. No. 4. P. 627 – 642.
7. Cave S., Dihal K. Hopes and fears for intelligent machines in fiction and reality. Nature Machine Intelligence. 2019. Vol. 1. No. 2. P. 74 – 78.
8. Lakoff G., Johnson M. Metaphors We Live By. Chicago: University of Chicago Press, 1980. 242 p.
9. Metz C. In Two Moves, AlphaGo and Lee Sedol Redefined the Future. Wired. 2016. 16 March. URL: <https://www.wired.com/2016/03/two-moves-alphago-lee-sedolredefined-future/> (date of access: 07.05.2026)

10. Mustafin R. Pragmatic Perspective on Assessing Implicit Meaning Interpretation in Sentiment Analysis Models. Proceedings of the 63rd Annual Meeting of the Association for Computational Linguistics (Volume 4: Student Research Workshop). 2025. Vienna, Austria. P. 898 – 907.
11. Natale S., Ballatore A. Imagining the thinking machine: Technological myths and the rise of Artificial Intelligence. CoFi Working Papers. 2020. No. 32. P. 1 – 20.
12. Russell S. Human Compatible: Artificial Intelligence and the Problem of Control. New York: Viking, 2019. 352 p.

Информация об авторах

Руденко Е.С., кандидат филологических наук, доцент, Донской государственный технический университет, RudenkoElena1988@yandex.ru

Кундылева Д.Э., Донской государственный технический университет

Кувшинова С.С., Донской государственный технический университет

Мозговая Н.С., Донской государственный технический университет

© Руденко Е.С., Кундылева Д.Э., Кувшинова С.С., Мозговая Н.С., 2026

Научно-исследовательский журнал «Филологический вестник / Philological Bulletin»

<https://fv-journal.ru>

2026, Том 5, № 4 / 2026, Vol. 5, Iss. 4 <https://fv-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика (филологические науки)

УДК 7.097

DOI: 10.66621/2949-4656-2026-5-4-107-113

Документальный фильм «Гении. Янис Грантс» как форма визуальной репрезентации поэта в культурной журналистике

¹ Бондарь В.В., ¹ Шолохов М.А.,

¹ Южно-Уральский государственный университет (НИУ)

Аннотация: в статье рассматривается документальный фильм «Гении. Янис Грантс» как форма визуальной репрезентации поэта в культурной журналистике. В центре исследования находится вопрос о том, каким образом аудиовизуальный медиатекст формирует публичный образ современного уральского поэта через изображение, звук, монтаж, предметную среду и звучащее поэтическое слово.

Введение. Актуальность исследования определяется необходимостью анализа медиатекстов, репрезентирующих современную региональную литературу средствами документального кино. Документальный фильм о поэте рассматривается как особая форма культурной журналистики, соединяющая биографический материал, визуальную организацию кадра, авторскую стратегию репрезентации и публичное предъявление творческой личности.

Материалы и методы исследования. Материалом исследования является документальный фильм «Гении. Янис Грантс», посвящённый современному уральскому поэту Янису Грантсу. Методика исследования основана на сочетании медиатекстового, визуального и кино-аналитического подходов, позволяющих рассмотреть экранное присутствие героя, предметную среду, композицию кадра, монтажный ритм, цвето-световое решение, соотношение изображения, голоса и звучащего поэтического текста.

Результаты исследования. Установлено, что визуальный портрет Яниса Грантса строится на статичных планах, медленном темпоритме, приглушённом освещении, преобладают кадры чтения и работы с книгой. Выбранные локации и предметный мир фильма формируют образ героя как представителя литературной среды. Стихотворный текст в фильме также становится одной из характеристик портрета героя и помогает передать основные черты его творчества.

Обсуждение и выводы. Фильм «Гении. Янис Грантс» представляет поэта через устойчивую систему визуальных деталей. Документальный фильм переводит поэзию Грантса в аудиовизуальную форму и вводит фигуру современного уральского поэта в пространство культурной журналистики.

Ключевые слова: культурная журналистика, документальный фильм, визуальная репрезентация, поэт, уральская поэзия

Для цитирования: Бондарь В.В., Шолохов М.А. Документальный фильм «Гении. Янис Грантс» как форма визуальной репрезентации поэта в культурной журналистике // Филологический вестник. 2026. Том 5. № 4. С. 107 – 113. DOI: 10.66621/2949-4656-2026-5-4-107-113

Поступила в редакцию: 5 июня 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 3 июля 2026 г.; Принята к публикации: 17 августа 2026 г.

Documentary film “Geniuses. Yanis Grants” as a form of visual representation of the poet in cultural journalism

¹ Bondar V.V., ² Sholokhov M.A.,
¹South Ural State University (National Research University)

Abstract: the article examines the documentary film “Geniuses. Yanis Grants” as a form of visual representation of the poet in cultural journalism. The study focuses on how an audiovisual media text forms the public image of a contemporary Ural poet through image, sound, editing, the object environment and the sounding poetic word.

Introduction. The relevance of the study is determined by the need to analyze media texts that represent contemporary regional literature by means of documentary cinema. A documentary film about a poet is considered as a special form of cultural journalism that combines biographical material, the visual organization of the frame, the author’s strategy of representation and the public presentation of a creative personality.

Materials and methods of research. The material of the study is the documentary film “Geniuses. Yanis Grants”, dedicated to the contemporary Ural poet Yanis Grants. The research methodology is based on a combination of media-text, visual and film-analytical approaches, which make it possible to examine the hero’s screen presence, object environment, frame composition, editing rhythm, color and lighting design, and the correlation between image, voice and sounding poetic text.

Research results. It has been established that the visual portrait of Yanis Grants is built on static shots, a slow tempo-rhythm, subdued lighting, and the predominance of scenes of reading and working with a book. The selected locations and the object world of the film form the image of the hero as a representative of the literary milieu. The poetic text in the film also becomes one of the characteristics of the hero’s portrait and helps convey the main features of his work.

Discussion and conclusions. The film “Geniuses. Yanis Grants” presents the poet through a stable system of visual details. The documentary film translates Grants’s poetry into audiovisual form and introduces the figure of a contemporary Ural poet into the space of cultural journalism.

Keywords: cultural journalism, documentary film, visual representation, poet, Ural poetry

For citation: Bondar V.V., Sholokhov M.A. Documentary film “Geniuses. Yanis Grants” as a form of visual representation of the poet in cultural journalism. Philological Bulletin. 2026. 5 (4). P. 107 – 113. DOI: 10.66621/2949-4656-2026-5-4-107-113

The article was submitted: June 5, 2026; Approved after reviewing: July 3, 2026; Accepted for publication: August 17, 2026.

Введение

В современной культурной журналистике возрастает значение аудиовизуальных форм, обращённых к литературе, региональной культуре и публичному представлению творческой личности. Документальный фильм о поэте в таком ключе выступает особым типом медиатекста: он соединяет биографический материал, звучащее художественное слово, визуальную организацию кадра, предметную среду и авторскую стратегию репрезентации.

Особую значимость данная проблематика приобретает в региональном контексте. Современная уральская поэзия нуждается в различных формах представления, способных вывести литературное творчество за пределы узкого читательского круга. Культурная журналистика выполняет здесь посредническую функцию: она популяризирует локальную литературу, включает её в медийное пространство и формирует образ поэта как представителя региональной культуры.

Актуальность исследования определяется необходимостью анализа тех форм культурной журналистики, которые репрезентируют современную региональную литературу посредством документального кино. В данном случае важен вопрос о том, каким образом поэт становится объектом визуальной репрезентации и какие экранные решения формируют представление зрителя о его творческой индивидуальности. Фильм «Гении. Янис Грантс» позволяет рассмотреть этот процесс на материале конкретного медиатекста, где все элементы кинопродукта работают на раскрытие образа героя.

Цель исследования – выявить, каким образом документальный фильм «Гении. Янис Грантс» формирует визуальный портрет современного уральского поэта средствами культурной журналистики.

Объектом исследования является документальный фильм «Гении. Янис Грантс» как аудиовизуальный медиатекст культурной журналистики. Предмет исследования – визуальные способы репрезентации Яниса

Грантса как современного уральского поэта. Научная новизна работы связана с рассмотрением фильма о поэте в аспекте визуального портретирования: анализируется система аудиовизуальных решений, через которые формируется публичный образ автора.

Практическая значимость исследования состоит в возможности использования предложенного подхода при анализе документальных фильмов о литературе, региональных культурных медиапроектов и аудиовизуальных форм репрезентации творческой личности.

Материалы и методы исследований

Материалом исследования является документальный фильм «Гении. Янис Грантс», посвящённый современному уральскому поэту Янису Грантсу. Документальный фильм о поэте занимает особое место в системе культурной журналистики, поскольку соединяет функции информирования, интерпретации и визуальной репрезентации литературной фигуры. В культурно-журналистском аспекте такой медиатекст обращён к сфере искусства, литературного процесса, творческой биографии и публичного предъявления культурной личности. Культурная журналистика, как отмечается в современных исследованиях, связана с описанием художественных практик, трансляцией культурных смыслов и участием медиа в формировании общественного представления о культуре [1, с. 78-83; 2, с. 203-220]. В зарубежных исследованиях она рассматривается как специализированная область журналистики, ориентированная на искусство, культурные институции, эстетические ценности и способы их медиального обсуждения [10, с. 1-13; 11, с. 1-20].

Специфика фильма о поэте определяется тем, что его предметом становится творческая личность, представленная через систему аудиовизуальных средств. Документальный фильм в данном случае формирует образ героя через отбор биографического и поэтического материала, организацию кадра, монтажный ритм, музыку, звучащий текст и предметную среду. А.В. Федоров утверждает, что аудиовизуальный медиатекст представляет собой сложную структуру, где значение возникает во взаимодействии изображения, звука, жанровой формы, композиции и зрительского восприятия [3, с. 6-18]. Документальная природа фильма усиливает репрезентативное значение экранного образа. Б. Николс подчёркивает, что документальное кино связано с представлением исторического мира и с авторской организацией фактического материала [12, с. 1-34].

В фильме «Гении. Янис Грантс» культурно-журналистская задача реализуется через формирование экранного образа Грантса. Он строится на сдержанности действия, соотношении героя с литературной средой через предметный мир фильма. Среди деталей можно выделить часто встречающиеся – книгу, рабочий стол, библиотеку, шкафы с литературой, блокнот поэта с записями. В этой структуре визуальная история становится способом журналистского раскрытия героя, поскольку именно экранные детали позволяют сформировать представление о поэте и увидеть, из каких элементов состоит его творческая жизнь.

Теория репрезентации С. Холла позволяет описать данный процесс как производство значения в медиальной форме [7, с. 13-28]. Экранный образ Грантса создаётся через систему знаков, которые организуют восприятие зрителя: фигура поэта помещается в пространства, связанные с чтением, памятью и работой с текстом; его действия замедлены и лишены внешней событийной демонстративности; звучащие стихотворения соотносятся с визуальным ритмом фильма.

Д. Бордуэлл рассматривает фильм как систему формальных решений, создающих определённый зрительский опыт [5, с. 12-30]. В фильме «Гении. Янис Грантс» такими решениями становятся статичность ряда кадров, медленный монтажный темп, приглушённая световая среда, повторяемость предметных деталей. Эти элементы позволяют наблюдать за героем и его действиями. Визуальная организация фильма тем самым поддерживает культурно-журналистскую функцию медиатекста – представить поэта в форме, доступной зрительскому восприятию.

Особое значение имеет включение поэтического текста в структуру фильма. В исследованиях поэтического кино подчёркивается, что «poetry film» и близкие ему экранные формы основаны на взаимодействии слова, изображения, голоса, звука и темпоральной организации [13, с. 1-24; 4, с. 1-18]. В фильме «Гении. Янис Грантс» стихотворения «Небо» и «Ничего не случится» участвуют в создании экранного портрета автора. Их звучание связано с визуальным присутствием поэта, ритмом кадров и предметной средой. Поэтическое слово становится частью аудиовизуального образа героя. Через авторского прочтения стихотворений зритель считывает интонацию самого поэта, мировоззренческую установку и способ художественного видения.

Методика исследования строится на сочетании медиатекстового, визуального и киноаналитического подходов. Медиатекстовый анализ применяется для рассмотрения фильма «Гении. Янис Грантс» как культурно-журналистского высказывания, в котором поэт представлен через биографические, эстетические и

визуальные параметры. Визуальный анализ используется для описания экранного присутствия героя: положения в кадре, крупности планов, дистанции камеры, позы, жеста, направления взгляда, характера движения и степени телесной активности. Киноаналитический подход применяется при рассмотрении композиции кадра, монтажного ритма, цвето-светового решения, соотношения изображения, голоса и звучащего поэтического текста.

Результаты и обсуждения

Анализ фильма «Гении. Янис Грантс» целесообразно начать с рассмотрения экранного присутствия героя, поскольку именно оно организует значительную часть визуальной структуры документального повествования.

Репрезентация Грантса строится в режиме наблюдения. Камера фиксирует его в ситуациях повседневной сосредоточенности: за чтением, за рабочим столом, в библиотеке, с книгой в руках, во время прогулки по улице, в интерьере кабинета.

Существенное значение приобретает мимика героя. Лицо Грантса чаще всего сохраняет выражение концентрации; взгляд обращён к тексту, книге, пространству перед собой либо уходит за пределы кадра. Крупные и средние планы выполняют аналитическую функцию: они дают зрителю возможность лучше понять эмоции героя во время творческого акта.

Движения Грантса соответствуют общей ритмике фильма. Они спокойны, лишены резких акцентов и соотносятся с замедленным темпом документального повествования. Герой как бы соразмеряет своё движение с пространством, в котором находится. За счёт этого его экранный образ приобретает черты человека, для которого среда выступает не фоном, а частью внутреннего состояния.

Значимым элементом фильма является соотношение голоса и изображения. Поэтический текст звучит на фоне кадров с героем и включается в его экранную характеристику. Стихотворная речь воспринимается как часть общего портретного решения. Изображение придаёт звучащему слову конкретную зрительную опору: зритель слышит стихотворение и одновременно видит человека, с которым оно связано. За счёт этого поэзия в фильме выполняет не только иллюстративную, но и портретную функцию: она уточняет интонацию героя, подчёркивает его сосредоточенность и помогает представить авторскую индивидуальность в аудиовизуальной форме.

Поэтический текст в фильме «Гении. Янис Грантс» включается в экранный портрет героя наравне с остальными уровнями: стихотворения «Небо» и «Ничего не случится» задают общую интонацию фильма и помогают раскрыть авторский взгляд Грантса. Стихотворение «Небо» позволяет точнее обозначить особенности авторского зрения Грантса. Текст начинается с конкретной городской координаты: «на углу Руставели-Гагарина / было встретиться уговорено». Эта топографическая точность важна для фильма, поскольку показывает внимание поэта к отдельной точке повседневного пространства. Городской фрагмент в стихотворении становится способом передать внутреннее состояние. В этом проявляется характерная для Грантса связь бытовой конкретности и эмоционального напряжения. Образ лирического субъекта в «Небе» также соотносится с экранным портретом героя. Строки «я пришёл: воротник засаленный, / да и сам-то весь замусоленный» вводят фигуру человека без внешней героизации, помещённого в ситуацию повседневной неустроенности.

Поэтический текст и изображение работают в одном направлении: они фиксируют уязвимость повседневного состояния и внутреннюю собранность автора. В «Небе» значим и мотив неустойчивости: «и качался асфальт, как палуба». Конкретная городская деталь здесь переходит в область переживания. В фильме этому соответствует замедленный ритм изображения, ограниченная пластика героя, отсутствие резких движений. За счёт такого соотношения экранный образ Грантса воспринимается как образ поэта, который внимательно всматривается в мир и улавливает в нём состояние тревожной подвижности.

Стихотворение «Ничего не случится» дополняет эту характеристику. Если «Небо» связано прежде всего с пространством и эмоциональным состоянием, то «Ничего не случится» выводит портрет Грантса на более общий смысловой уровень. В центре текста находятся одиночество, внутренняя устойчивость и принятие повседневного существования. Строка «я несколько даже и не умру» звучит как смысловой центр стихотворения. Она позволяет представить Грантса как автора, для которого тревога связана с попыткой сохранить себя внутри обыденного течения жизни. В структуре фильма «Ничего не случится» усиливает образ поэта внутреннего действия. Визуальный ряд строится на минимальности жестов, медленном темпе, повторяющихся кадрах чтения, работы с книгой, пребывания в библиотеке и кабинете. Эти элементы близки интонации стихотворения: внешних событий немного, зато важным становится само состояние человека, его пребывание в собственном опыте.

Визуальная репрезентация Яниса Грантса определяется также ритмом, монтажом, светом и цветом. Через эти параметры формируется медитативная и минималистичная визуальная атмосфера. Фильм выстраивает портрет, основанный на наблюдении за состоянием героя, за его вниманием к тексту, предметам и пространству. Ритм строится на низкой динамике действия и монтажа. Грантс читает, сидит за столом, находится в библиотеке, работает с книгой, перемещается в пространстве. Низкая динамика акцентирует присутствие поэта в кадре: его собранность, экономию движения, внимательность к тексту и окружающей среде.

Освещение в фильме преимущественно приглушённое. Световые акценты зачастую сосредоточены на герое или на предметах, связанных с литературой. Цветокоррекция в фильме строится на холодной и приглушённой палитре. Серые, синие, затемнённые оттенки создают ощущение эмоциональной сдержанности. Цвет здесь работает как часть портретной характеристики: он усиливает впечатление замкнутости, что соответствует поэтике Грантса.

Фильм «Гении. Янис Грантс» обращается к фигуре современного уральского поэта и расширяет публичное представление о региональной культуре. В центре находится конкретный автор, связанный с локальным культурным пространством. Региональность выражена прежде всего через образ поэта: через его голос, повседневную среду, предметный мир, интонацию и способ существования в кадре.

Важную роль выполняет авторская организация материала: отбор локаций, предметов, планов, интонаций и стихотворений подчинён созданию цельного экранного образа. Фильм выстраивает Грантса как поэта внутренней дисциплины, текстовой культуры и сдержанной эмоциональной напряжённости. Визуальная репрезентация становится инструментом интерпретации, поскольку именно через экранные решения зритель получает представление о культурной значимости героя.

Таким образом, фильм «Гении. Янис Грантс» представляет поэта через совокупность визуальных и звуковых параметров: лицо, жест, позу, действие, предметную среду, ритм, монтаж, свет и звучащий поэтический текст. Экранный портрет героя строится на минимальности внешнего поведения, замедленности движения, повторяемости жестов чтения, связи с книгой и пространством культурной памяти. В культурно-журналистском аспекте такая репрезентация позволяет сделать современную уральскую поэзию предметом публичного медиального восприятия и представить Яниса Грантса как значимую фигуру региональной литературной культуры.

Выводы

Проведённое исследование позволяет рассматривать документальный фильм «Гении. Янис Грантс» как форму визуальной репрезентации поэта в культурной журналистике. В центре фильма находится экранное предъявление автора через изображение, звук, монтаж и композицию кадра. Образ Яниса Грантса формируется через звучание стихотворений и через характер его присутствия в кадре: сдержанный жест, статичную позу, сосредоточенный взгляд, минимальность действия, медленный темп движения и устойчивую связь с предметами литературного труда.

В ходе анализа установлено, что визуальный портрет Грантса строится на внешней сдержанности и внутренней концентрации. Камера фиксирует героя за чтением, в работе с книгой, в библиотеке, в кабинете, в ситуациях размышления и спокойного пребывания в пространстве. Эти эпизоды почти лишены событийной динамики, однако именно они формируют целостное представление об авторе. Фильм показывает поэта через повседневные формы его творческого существования: работу с текстом, чтение стихотворений и пребывание в литературной среде.

Визуальная составляющая фильма также выполняет портретную функцию. Низкая динамика, приглушённая цветовая палитра и локальное освещение направляют зрителя к восприятию внутреннего состояния героя и его способа существования в пространстве города и культуры. Экранный портрет Грантса складывается как образ человека, связанного с текстом, голосом, памятью и сосредоточенным отношением к миру.

Значимость фильма для культурной журналистики состоит в том, что он делает современную уральскую поэзию доступной для визуального восприятия. Документальный медиатекст переводит литературное творчество в аудиовизуальную форму и задаёт способ публичного представления регионального автора. Янис Грантс показан как значимая фигура уральской литературной культуры, а его поэзия получает медиальное выражение через документальный портрет.

Список источников

1. Благов Ю.В. Культурологический аспект в журналистике // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2021. Т. 2. № 2 (35). С. 78 – 83.
2. Воскресенская М.А. Культурология журналистики: проблемы и перспективы институционализации // Вопросы теории и практики журналистики. 2024. Т. 13. № 2. С. 203 – 220. DOI: 10.17150/2308-6203.2024.13(2).203-220
3. Федоров А.В. Анализ аудиовизуальных медиатекстов. М.: МОО «Информация для всех», 2012. 182 с.
4. Bollig B. Moving Verses: Poetry on Screen in Argentine Cinema. Liverpool: Liverpool University Press, 2021. 288 p.
5. Bordwell D. Poetics of Cinema. New York : Routledge, 2008. 512 p.
6. Doane M.A. The Voice in the Cinema: The Articulation of Body and Space // Yale French Studies. 1980. No. 60. P. 33 – 50.
7. Hall S. The Work of Representation // Representation: Cultural Representations and Signifying Practices / ed. by S. Hall. London: Sage, 1997. P. 13 – 74.
8. Konyves T. Videopoetry: A Manifesto. 2011. 12 p.
9. Kress G., van Leeuwen T. Reading Images: The Grammar of Visual Design. 2nd ed. London; New York: Routledge, 2006. 312 p.
10. Kristensen N.N. Cultural Journalism – Journalism about Culture // Sociology Compass. 2019. Vol. 13. No. 6. Article e12701. P. 1 – 13. DOI: 10.1111/soc4.12701
11. Kristensen N.N., From U. Cultural Journalism and Cultural Critique in the Media. London; New York: Routledge, 2017. 182 p.
12. Nichols B. Introduction to Documentary. 3rd ed. Bloomington: Indiana University Press, 2017. 280 p.
13. Tremlett S. The Poetics of Poetry Film: Film Poetry, Videopoetry, Lyric Voice, Reflection. Bristol: Intellect, 2021. 346 p.
14. Van Leeuwen T., Jewitt C. The Handbook of Visual Analysis. London: Sage, 2001. 224 p.
15. Wees W.C. Poetry-Films and Film Poems // The Lux Website. 1999. P. 1 – 8.

References

1. Blagov Yu.V. The Culturological Aspect in Journalism. Bulletin of the Volga University named after V.N. Tatischev. 2021. Vol. 2. No. 2 (35). P. 78 – 83.
2. Voskresenskaya M.A. Culturology of Journalism: Problems and Prospects of Institutionalization. Issues of Theory and Practice of Journalism. 2024. Vol. 13. No. 2. P. 203 – 220. DOI: 10.17150/2308-6203.2024.13(2).203-220
3. Fedorov A.V. Analysis of Audiovisual Media Texts. Moscow: MOO "Information for All", 2012. 182 p.
4. Bollig B. Moving Verses: Poetry on Screen in Argentine Cinema. Liverpool: Liverpool University Press, 2021. 288 p.
5. Bordwell D. Poetics of Cinema. New York: Routledge, 2008. 512 p.
6. Doane M.A. The Voice in the Cinema: The Articulation of Body and Space. Yale French Studies. 1980. No. 60. P. 33 – 50.
7. Hall S. The Work of Representation. Representation: Cultural Representations and Signifying Practicales. ed. by S. Hall. London: Sage, 1997. P. 13 – 74.
8. Konyves T. Videopoetry: A Manifesto. 2011. 12 p.
9. Kress G., van Leeuwen T. Reading Images: The Grammar of Visual Design. 2nd ed. London; New York: Routledge, 2006. 312 p.
10. Kristensen N.N. Cultural Journalism – Journalism about Culture. Sociology Compass. 2019. Vol. 13. No. 6. Article e12701. P. 1 – 13. DOI: 10.1111/soc4.12701
11. Kristensen N.N., From U. Cultural Journalism and Cultural Critique in the Media. London; New York: Routledge, 2017. 182 p.
12. Nichols B. Introduction to Documentary. 3rd ed. Bloomington: Indiana University Press, 2017. 280 p.
13. Tremlett S. The Poetics of Poetry Film: Film Poetry, Videopoetry, Lyric Voice, Reflection. Bristol: Intellect, 2021. 346 p.
14. Van Leeuwen T., Jewitt C. The Handbook of Visual Analysis. London: Sage, 2001. 224 p.
15. Wees W.C. Poetry-Films and Film Poems. The Lux Website. 1999. P. 1 – 8.

Информация об авторах

Бондарь В.В., ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0009-5618-747X>, Южно-Уральский государственный университет, г. Челябинск, пр-т Ленина, 76, valeria.bondar@inbox.ru

Шолохов М.А., преподаватель, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-7505-3981>, Южно-Уральский государственный университет, г. Челябинск, пр-т Ленина, 76, sholokhovma@susu.ru

© Бондарь В.В., Шолохов М.А., 2026

Научно-исследовательский журнал «Филологический вестник / Philological Bulletin»

<https://fv-journal.ru>

2026, Том 5, № 4 / 2026, Vol. 5, Iss. 4 <https://fv-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.5. Русский язык. Языки народов России (филологические науки)

УДК 80.1

DOI: 10.66621/2949-4656-2026-5-4-114-121

Глагольная (предикативная) сочетаемость существительного «театр» как вершины лексико-семантического поля «театр»

¹ Ермолова К.А.,

¹ Государственный университет просвещения

Аннотация: цель работы состоит в выявлении особенностей глагольной и предикативной сочетаемости существительного «театр» принимая во внимание модели формирования словосочетаний и их смысловые особенности. В статье на основании основного подкорпуса НКРЯ произведена систематизация случаев использования глагольных и предикативных словосочетаний с существительным «театр». Научная новизна работы состоит в том, что впервые значительное внимание уделяется именно вопросу предикативной сочетаемости существительного «театр», принимая во внимание существующие в русском языке модели глагольных словосочетаний и учитывая особенности восприятия театра в русской картине мира. Изучение предикативных словосочетаний с компонентом «театр» служит эффективным инструментом для раскрытия семантики лексической сочетаемости. Данный пример доказывает, что вопрос глагольной сочетаемости существительных в системе русского языка всё еще требует систематического и всестороннего описания. В результате исследования удалось выявить непосредственную взаимосвязь между семантическим наполнением и структурной организацией глагольных словосочетаний, в состав которых входит лексическая единица «театр». В ходе проведенного исследования была выявлена и определена существующая в русском языке вариативность конструкций, обусловленная рядом моделей формирования словосочетаний обозначенного типа в соответствии с грамматическими нормами русского языка, а также учитывается восприятие театра в русском языке, что непосредственно связано со значениями, выражаемыми рассматриваемыми словосочетаниями.

Ключевые слова: предикативное словосочетание, глагольное словосочетание, предикативное словосочетание существительного «театр», глагольное словосочетание существительного «театр», лексическая сочетаемость, модели построения словосочетаний, семантика словосочетаний, корпусная лингвистика

Для цитирования: Ермолова К.А. Глагольная (предикативная) сочетаемость существительного «театр» как вершины лексико-семантического поля «театр» // Филологический вестник. 2026. Том 5. № 4. С. 114 – 121. DOI: 10.66621/2949-4656-2026-5-4-114-121

Поступила в редакцию: 5 июня 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 3 июля 2026 г.; Принята к публикации: 17 августа 2026 г.

Verbal (predicative) collocation of the noun "theater" as the peak of the lexical-semantic field "theater"

¹ Ermolova K.A.,

¹ Federal State University of Education

Abstract: the aim of this paper is to identify the features of verbal and predicative collocation of the noun "theater," taking into account the patterns of phrase formation and their semantic features. Using the main subcorpus of the RNC, this paper systematizes the use of verbal and predicative phrases with the noun "theater." The scientific novelty of this work lies in its first focus on the predicative collocation of the noun "theater," taking into account existing patterns of verb phrases in Russian and the particular perception of theater in the Russian worldview. The study of predicative phrases containing the component "theater" serves as an effective tool for uncovering the semantics of lexical collocation. This example demonstrates that the

issue of verb collocation of nouns in the Russian language still requires a systematic and comprehensive description. The study revealed a direct relationship between the semantic content and structural organization of verb phrases that include the lexical unit "theater." The study identified and defined the existing variability of constructions in the Russian language, conditioned by a number of models for the formation of phrases of this type in accordance with Russian grammatical norms. It also takes into account the perception of theater in Russian, which is directly related to the meanings expressed by these phrases.

Keywords: predicative phrase, verb phrase, predicative phrase of the noun "theatre", verb phrase of the noun "theatre", lexical compatibility, models of constructing phrases, semantics of phrases, corpus linguistics

For citation: Ermolova K.A. Verbal (predicative) collocation of the noun "theater" as the peak of the lexical-semantic field "theater". Philological Bulletin. 2026. 5 (4). P. 114 – 121. DOI: 10.66621/2949-4656-2026-5-4-114-121

The article was submitted: June 5, 2026; Approved after reviewing: July 3, 2026; Accepted for publication: August 17, 2026.

Введение

Актуальность работы состоит в том, что сегодня научный интерес к данной теме обусловлен доминирующим в современной лингвистике стремлением к систематизации имеющихся в языке закономерностей, в частности – механизмов выражения лексической сочетаемости, воплощенных при помощи собственных грамматике русского языка структурных моделей словосочетаний. Настоящее исследование направлено на изучение одного из аспектов воплощения лексической сочетаемости, а именно, на определение специфики глагольно-именных связей существительного «театр», рассматриваемых сквозь призму синтаксических норм русского языка и полисемии, свойственной этой лексической единице. Работа актуальна и потому, что активно вовлекает методологию корпусной лингвистики; использование корпусного анализа призвано обеспечить высокую степень достоверности и полноты данных при описании изучаемых языковых процессов, что значимо и при изучении глагольной сочетаемости существительного «театр» в современном русском языке.

Поставленная цель подразумевает последовательное решение следующих задач:

- сформировать базу примеров, демонстрирующих глагольную и предикативную сочетаемость существительного «театр», применив инструментарий НКРЯ для обеспечения полноты и достоверности исследуемого материала;
- систематизировать выявленные конструкции с существительным «театр» по признаку их формально-структурной организации и содержательному аспекту в рамках выбранных моделей;
- выявить характер взаимозависимости между формально-структурными параметрами и содержательным наполнением глагольных словосочетаний с существительным «театр» в контексте установления общих закономерностей глагольной сочетаемости в системе русского языка.

Материалы и методы исследований

Методологическая база исследования носит комплексный характер. Для изучения структурных особенностей формирования словосочетаний, состоящих из глагола и существительного «театр», применяется метод лингвистического анализа, дополняемый семантическим анализом при описании содержательных особенностей рассматриваемых словосочетаний. Формирование эмпирической базы глагольных словосочетаний с лексемой «театр» опирается на методы классификации и описания языкового материала, полученных при анализе НКРЯ. Верификация данных и работа с цифровыми ресурсами (а именно – НКРЯ) выполняется методом корпусного анализа.

Материалом исследования является основной подкорпус НКРЯ, за счет инструментов корпусного анализа сформирована выборка из 500 предикативных словосочетаний существительного «театр».

Теоретическая база работы представлена трудами следующих исследователей: Н.В. Атаманова [3, с. 20-25], А.И. Бобров [4, с. 39-47], В.В. Виноградов [5, с. 310], А.А. Забелина [8, с. 85-87], В.В. Леденева [11, с. 648], Т.М. Маркелова [12, с. 231], Т.В. Милевская [13, с. 80-83].

Теоретическое осмысление лексической сочетаемости опирается на фундаментальные труды по лексикологии и семантике [5, с. 310; 14, с. 124-138], где сочетаемость трактуется как автономная лексико-синтаксическая категория, регулируемая грамматическими и семантическими факторами [9, с. 70-74; 10, с. 416-423; 11, с. 648]. В современных исследованиях акцент смещается в сторону прагматики и лингвоаксиологии: сочетаемость рассматривается как инструмент реализации авторских интенций, оценки ситуации и

передачи эмоциональных смыслов в различных типах дискурса [12, с. 231; 15, с. 390; 16, с. 21-26; 8, с. 85-87; 4, с. 39-47]. Данные подходы дополняются методологическим инструментарием компьютерной и корпусной лингвистики, позволяющим с высокой точностью верифицировать закономерности формирования словосочетаний и теорию валентности на эмпирическом материале [6, с. 59-66; 13, с. 80-83], что находит отражение как в анализе новейших языковых трансформаций [7, с. 10-13], так и в частных лингвистических исследованиях конкретных текстов [3, с. 39-47].

Практическая значимость работы: результаты проведенного исследования характеризуются широким спектром потенциалом применения, так как могут служить основой для углубления учебных программ по таким направлениям, как «Лингвистика русского языка» и «Корпусная лингвистика». Эмпирическая база исследования, включающая результаты анализа глагольной сочетаемости лексемы «театр», обладает значимым потенциалом для подготовки дидактических материалов и специализированных пособий, ориентированных на изучение механизмов лексической сочетаемости, принимая во внимание особенности современного русского языка.

Результаты и обсуждения

Набор факторов, влияющих на сочетаемость лексем, весьма разнообразен. Их комплексный анализ дает возможность выявить и осознать те рамки, которые ограничивают возможности соединения слов друг с другом. В лингвистической теории принято выделять три ключевых типа таких факторов: грамматико-категориальные, семантические и собственно лексические. Если лексические факторы выражают своего рода «избирательность» слова при формировании словосочетаний, то семантические базируются на совместимости компонентов: в их структуре не должно быть конфликтующих сем. В случае возникновения семантического противоречия происходит нарушение языковой нормы либо смысловое переосмысление одного из элементов. Исходя из этого, лексическая сочетаемость выступает как лимит сочетаемостных способностей лексемы, обусловленный рамками конкретного семантического множества [14, с. 124-138].

Значимость смыслового наполнения лексемы является фундаментальным условием реализации сочетаемости. Как подчеркивает В.В. Виноградов, «в языковой системе смысловая сущность слова не исчерпывается свойственными ему значениями. Слово по большей части включает в себе указания на смежные ряды слов и значений. Оно насыщено отражениями других звеньев языковой системы, выражая отношение к другим словам, соотносительным или связанным с его значениями» [5, с. 165]. Согласно позиции исследователя, именно семантическое содержание в единстве с коммуникативным потенциалом лексем выступает решающим звеном, обеспечивающим как практическое функционирование сочетаемости, так и строгое соблюдение свойственных ей ограничений. Это смысловое наполнение задает вектор лексической сочетаемости, одновременно расширяя ее границы.

В свою очередь, Н.В. Атаманова подчеркивает, что лексическая сочетаемость представляет собой «органическим, релевантным и постоянным свойством языковых единиц» [3, с. 21]. Исследование лексической сочетаемости фокусируется прежде всего на самом слове, рассматриваемом в совокупности его семантических характеристик, лексико-грамматической специфики и грамматических свойств, обусловленных системными особенностями строя языка [10, с. 416-423]. Е.В. Задорожнева делает акцент на том, что объединение слов в словосочетания опирается на их лексическое значение, а процесс выбора компонентов обнажает скрытый семантический потенциал лексем. Данный факт дает основания рассматривать лексическую сочетаемость в качестве самостоятельной лексико-синтаксической категории [9, с. 70-74].

Лексическое значение выступает одним из критериев лексической сочетаемости и задает специфику валентностных связей, которые классифицируются как свободные либо несвободные. Свободная сочетаемость опирается на экстралингвистические особенности самих денотатов, тогда как несвободная – на внутриязыковые механизмы, семантическую спаянность элементов и сложившийся узус [4, с. 39-47]. Как указывает Т.В. Милевская, «благодаря своим валентным свойствам глаголы функционируют как строевые единицы словосочетаний и грамматической (предикативной) основы высказывания. Благодаря одновременной реализации левых и правых валентностей в предложении глаголы как бы задают свое синтаксическое окружение, в которое могут входить субъект, объект и даже обстоятельственные распространители» [13, с. 80]. Этот подход подчеркивает, что глагольная сочетаемость как таковая является комплексным многоаспектным феноменом, в котором проявляются особенности мышления носителей языка и свойственная языку системная природа.

По мнению А.А. Забелиной, лексическая сочетаемость обнаруживает себя и в контекстуальных рамках, особенно когда дело касается стилистических приемов и авторского видения. Однако такие модели словопотребления встречаются крайне редко и носят сугубо окказиональный характер [8, с. 85-87]. Т.М. Фадеев

ва акцентирует внимание на том, что на лексическую сочетаемость могут влиять прагматические цели говорящего, реализуемые в конкретной ситуации. При этом учитывается оценочно-эмоциональная окраска высказывания и осознанное намерение воздействовать на адресата, привлекая его интерес [16, с. 22-26]. М.С. Милованова выдвигает идею о том, что современное понимание лексической сочетаемости выходит за рамки привычных трактовок: она предстает как многогранный феномен, значимость которого заключается, в частности, в способности транслировать аксиологические характеристики текста и входящих в его структуру языковых единиц [15, с. 390].

Стоит заметить, что лексическая сочетаемость, выступая как языковой феномен в плоскости семантики и синтаксического устройства, базируется на целом ряде факторов функционирования слова. К ним относятся смысловые параметры лексемы – от прямых и переносных до контекстуально окрашенных значений, – а также стилевая специфика текста и прагматический замысел пишущего. Иными словами, первостепенное значение здесь имеют как содержательные характеристики, так и коммуникативно-прагматические элементы. Одновременно с этим, лексическую сочетаемость задают структурные свойства самих словосочетаний, опирающиеся на принятые в языке модели синтаксической связи: например, взаимодействие глаголов с наречиями или имен существительных с прилагательными [11, с. 648].

Совокупный учет всех этих критериев позволяет сформировать целостное представление о языке и семантическом наполнении лексем внутри словосочетаний. Благодаря этой системе становится возможным выявление и осознание уникальной совокупности смысловых оттенков, передаваемых в рамках конкретного текста, с учетом всех нюансов лексической сочетаемости [7, с. 10-13]. В свою очередь, Т.В. Маркелова указывает, что благодаря специфике лексической сочетаемости, проявляющейся в контексте, словосочетания и транслируемые ими смыслы становятся эффективным средством для выделения важных аспектов высказывания, оценивания обстановки, а также передачи эмоционального отношения автора к описываемому явлению. Прослеживается роль смыслового наполнения сочетаний в реализации коммуникативных задач и достижении прагматических целей в конкретной ситуации общения [12, с. 231].

М.В. Воронец делает акцент на высокой эффективности использования языковых корпусов при исследовании лексической сочетаемости. Инструментарий компьютерной лингвистики и методы анализа больших массивов данных дают возможность гораздо точнее обнаруживать словообразовательные модели и устанавливать закономерности, в том числе касающиеся принципов формирования словосочетаний. Применение методологии корпусной лингвистики позволяет получить исчерпывающее представление о том, какие именно структурные модели и модели лексической сочетаемости характерны для языка и какими средствами эти модели реализуются на практике [6, с. 59-66].

Обратимся к моделям глагольных словосочетаний существительного «театр», выявленных при работе с основным подкорпусом НКРЯ. Результаты структурного анализа словосочетаний представлены в табл. 1.

Таблица 1

Модели формирования глагольных (предикативных) словосочетаний существительного «театр» в русском языке.

Table 1

Models of verb (predicative) phrase formation for the noun "theater" in Russian.

Модель словосочетания	Примеры
«театр» + глагол	Театр возник, театр имеет авторитет, театр получил, театр открылся, театр представил, театр планирует, театр выступает, театр проектируется, театр делался, театр строился, театр закрывает, театр начинается, театр рассказал, театр выпустил, театр вышел, театр существует, театр возвращается, театр видит, театр отличается, театру удалось, театр отмечал, театру исполнится, театр сгорел, театр выглядит, театр вступил, театр вырос, театр становится, театр называется, театр дал.
Глагол + предлог «театр»	Работать в театре, играть в театре, пригласить в театр, ходить в театр, выходить в театре, приехать в театр, наведаться в театр, поставить в театре, привнести в театр, превратиться в театре, предусмотреть для театра, организовать в театре, чувствовать в театре, прийти в театр, разыгрывается в театре, вырасти из театра, состояться в театре, рассказать о театре, написать о театре, устраивать в театр, показать в театре.
Глагол «театр»	Возвести театр, интересоваться театром, создать театр, переустроить театр, открыть театр, основать театр, посещать театр, руководить театром, дать театру, вспомнить театр, организовать театр.

Далее, необходимо рассмотреть семантические особенности словосочетаний, состоящих из глагола и существительного «театр», с семантической точки зрения с учетом их структурных особенностей. При этом лексема «театр» в русском языке имеет следующие значения: «1. Род искусства, художественное отражение жизни посредством драматического действия, осуществляемого актерами перед зрителями. 2. Учреждение, организация, занимающиеся устройством представлений. 3. Здание, в котором происходят представления, а также само представление, спектакль. 4. Место, где происходит, разворачивается что-л. 5. Совокупность драматических произведений (писателя или литературной школы)» [1]. На основании выявленных при анализе словаря значений лексемы «театр» необходимо рассмотреть примеры словосочетаний.

В первую очередь, следует рассмотреть примеры словосочетаний с существительным «театр» в значении «Театр как род искусства, художественное отражение жизни посредством драматического действия, осуществляемого актерами перед зрителями»: *театр представит, покориться театру, поставить в театре, идти в театре, интересоваться театром, театр видит, знать театр, любить театр, театр ценится* и др. Необходимо привести некоторые контексты употребления словосочетаний с лексемой «театр» в указанном значении из НКРЯ [2] (здесь и далее приведенные ссылки представлены в НКРЯ, мы работали при подборе примеров с инструментами Корпуса):

Судя по тому, какой высокой нотой отзывается эта постановка в сердце зрителя, **театру покорилась** очень тонкая струна. [Марина Семченко. Театр для прекрасно юного и думающего зрителя // «Дальний Восток», 2019]. Им нужен **театр, ублажающий** зрителя, обманывающий его. [Сергей Вересков. Воробей – птица. Россия – наше отечество. Смерть неизбежна. Интервью с театральным режиссером Юрием Бутусовым (2018.10)]. Сегодня Малый **театр возвращается** к своим традициям. [Д.П. Дроздов. Большая Ордынка. Прогулка по Замоскворечью от Москворецкого моста до Серпуховской площади (2017)]. Современный **театр видит** Достоевского исключительно «без Креста». [Капитолина Кокшенева. Без креста. Достоевский на современной сцене // «Культурологический журнал», 2017]. Она стояла взволнованная и на слова благодарности ответила так: «Желаю вам прожить в театре такую счастливую жизнь, какую прожила я, и **любить театр** так, как люблю его я». [Софья Пилявская. Грустная книга (2000)] [2]. В рассмотренных словосочетаниях активно используются глаголы в переносном значении, которые позволяют сформировать олицетворения и тем самым наделить театр чертами живого существа, который обладает волей, потенциалом выполнения действий и воздействия на окружающих. Глаголы часто имеют эмоциональную семантику, что характеризует особенности восприятия театрального искусства и описания феноменов, с ним связанных.

Функционирование существительного «театр» в указанном значении подчинено строгим синтаксическим закономерностям. Выявленное расположение компонентов («театр» и глагольный предикат) определяется валентностным потенциалом слов и спецификой управления, что в полной мере соответствует грамматическим нормам современного русского языка.

Далее, следует рассмотреть примеры словосочетаний с существительным «театр», которое употребляется в значении «Театр как учреждение, организация, занимающиеся устройством представлений»: *уйти из театра, театр выживает, театр существует, создать театр, театр участвует, состояться в театре, служить в театре, работать в театре, театр помещается, переустроить театр, театр отмечает* и др. Необходимо привести некоторые контексты употребления словосочетаний с лексемой «театр» в указанном значении из НКРЯ [2]:

Однако на основе университетского **театра был создан** драматический Большой Петровский **театр, названный** по площади, на которой находился. [Д. П. Дроздов. Большая Ордынка. Прогулка по Замоскворечью от Москворецкого моста до Серпуховской площади (2017)]. Сразу несколько **театров участвуют** в этом году в книжном фестивале. [Дарья Рощеня. Четыре дня на чтение: книжный фестиваль «Красная площадь» (2017.06) // «Правмир», 2017]. Узнав, что Ростовский молодежный **театр отмечает** десятилетний юбилей, отправили его режиссёру Юрию Ерёмину поздравительную телеграмму, которую подписали Симонов, Долматовский и Воробьёв. [Инна Калабухова. Размышления о Николае Скрёбове // «Ковчег», 2015]. Он мог легко отказаться от докучливых визитов парижских «жантильонов», **уйти из театра**, не дослушав оперу, и явно пренебречь вниманием дам, вплоть до королевы Франции. [Леонид Выходков. Дебош с дамами и питье непрестанное (2007) // «Родина», 2011] [2]. В словосочетаниях этой группы используются глаголы, которые не только позволяют интерпретировать театр как живой организм, но и те лексемы, которые связаны с перемещением и воздействием. Они отражают существующее в русском языке восприятие театра как феномена, с которым люди взаимодействуют.

Как показывает анализ структуры словосочетаний, для выражения указанного значения применяются словосочетания, формируемые по всем трем выделенным моделям: ««театр» + глагол», «глагол + «театр»», «глагол + предлог + «театр»».

Кроме того, в ходе семантического анализа были выявлены и примеры словосочетаний, в которых существительное «театр» имеет значение «Театр как здание, в котором происходят представления, а также само представление, спектакль»: *театр пустует, приехать в театр, встретился в театре, театр построен, театр возвели, построить театр, войти в театр, пойти в театр, встретиться у театра, театр сгорел, театр ломится* и др. Необходимо привести некоторые контексты употребления словосочетаний с лексемой «театр» в указанном значении из НКРЯ [2]:

Однажды на премьере в каком-то, уже забыл, московском **театре встретился** нам популярный Евгений Моргунов. [Игорь Кио. Иллюзии без иллюзий (1995-1999)]. *Объяснялось все просто: мы знали, что театр построен рабочими Сиднея, на их деньги, делали сцену и это фойе коммунисты и их друзья* [Д.А. Гранин. Месяц вверх ногами (1966)]. *Помню, – пишет АИ, – отец, большой домосед, говорил: «Зачем нам в театр ходить?»* [Л.А. Данилкин. Ленин: Пантократор солнечных пылинок (2017)]. *В 1776 году театр сгорел, и восстанавливать его уже не стали: вместо этого неподалеку возвели Ла Скала.* [Милан (2014)]. *А публика тем временем рукоплескала Луизе, театр ломился от зрителей.* [Валерий Ярхо. Большие русские гастроли // «Октябрь», 2013] [2]. Глаголы, формирующие словосочетания данной группы, подчеркивают факт наполненности театра, характеризуют действия, производимые с театром как с физическим объектом на карте города. Описывается функциональный потенциал театра как здания.

Для выражения указанного значения применяются словосочетания, формируемые по всем трем выделенным моделям: ««театр» + глагол», «глагол + «театр»», «глагол + предлог + «театр»», что отражает синтаксические нормы, принципы построения глагольных словосочетаний в русском языке.

Далее, выявлены примеры словосочетаний с существительным «театр» в значении «Театр как место, где происходит, разворачивается что-л.»: *входить в театр, напоминать театр, прибыть на театр, посетить театр, расширить театр, превратиться в театр, театр оказался* и др. Необходимо привести некоторые контексты употребления словосочетаний с лексемой «театр» в указанном значении из НКРЯ [2]:

С определенной долей осторожности можно предположить, что неизвестный автор участвовал в русско-польской войне 1654-1667 гг., т. к. упоминаемые им города **входили в театр военных действий**. [О.И. Хоруженко. «Генеалогия Корсаков-Римских» в рукописном наследии митрополита Игнатия (2020) // «Вестник Екатеринбургской духовной семинарии», 2019]. *Не участвуя в войне буквально (авангардисты вообще редко посещали театр военных действий) молодые люди создавали дух войны, выражали стихию насилия.* [М.К. Кантор. Медленные челюсти демократии (2008)] [2]. В данной группе словосочетаний используются глаголы, которые связаны с вхождением, присутствием в указываемом месте, подчеркивается сопричастность обстоятельствам.

Как показывает анализ собранного материала, в данном переносном значении лексема «театр» использована в составе метафорического словосочетания «театр военных действий». Анализ моделей глагольных словосочетаний показывает разнообразие синтаксических структур, на основании которых языковые единицы строятся: ««театр» + глагол», «глагол + «театр»», «глагол + предлог + «театр»».

Тем самым, было показано, что семантическое разнообразие рассмотренных групп глагольных словосочетаний обусловлено полисемией, свойственной существительному «театр», тогда как их структурные особенности более единообразны и соотносятся с правилами русской грамматики и валентностными свойствами конкретных употребляемых глаголов в составе словосочетаний, что подтверждает неразрывную связь между лексическим значением слова и его потенциалом в формировании словосочетаний.

Выводы

Выявленные структурные особенности глагольных соовосочетаний с существительным «театр» напрямую обусловлены его полисемией. Комплексный подход позволил систематизировать модели построения словосочетаний, учитывая нюансы значений рассматриваемого существительного, принимая во внимание контекст употребления языковых единиц и синтаксические особенности русского языка.

Решение первой из поставленных задач позволило сформировать массив контекстов, демонстрирующих глагольную сочетаемость существительного «театр». В основе создания сформированного в работе перечня примеров послужил основной подкорпус НКРЯ, ставший источником актуальных примеров живого функционирования языка. Сформированная выборка содержала словосочетания разных моделей, данные языковые единицы выражают разные значения.

Далее, выявленные словосочетания были рассмотрены и систематизированы исходя из их структурных моделей. Анализ показал, что в соответствии с синтаксическими нормами русского языка существительное «театр» используется в глагольных словосочетаниях следующих моделей: «театр» + глагол (*театр развивается, театр сформировался, театр открывает*), «глагол + театр» (*основать театр, возглавить театр, любить театр*), «глагол + предлог + театр» (*уйти из театра, служить в театре, встретиться в театре*).

Наконец, в соответствии со значениями, выражаемыми существительным «театр», были определены закономерности, обуславливающие семантическое наполнение лексемы «театр» в сочетании с механизмами ее структурной репрезентации. В тех контекстах, в которых существительное «театр» описывает театр как специфический род искусства и форму художественного отражения действительности, используются синтаксические модели «театр» + глагол и «глагол + театр». В тех случаях, когда существительное «театр» обозначает театр как административное учреждение или организацию, наблюдается большая широта используемых синтаксических моделей: «театр» + глагол, «глагол + театр», «глагол + предлог + театр». Схожее структурное многообразие моделей глагольных словосочетаний свойственно употреблению рассматриваемого существительного для обозначения конкретного здания театра. Наконец, в переносном значении «Театр как место, где происходит, разворачивается что-л.» (выраженном словосочетанием «театр военных действий») также прослеживается разнообразие синтаксических структур, формирующих словосочетания – «театр» + глагол, «глагол + театр», «глагол + предлог + театр». Таким образом, многообразие синтаксических моделей построения глагольных словосочетаний с существительным «театр», включающих предложные и беспредложные модели, характеризуется прямой зависимостью от значения данного полисемичного существительного в конкретном случае, учитывая взаимосвязи лексического значения и грамматического строя русского языка.

Дальнейшие перспективы исследования связаны с проведением анализа глагольной сочетаемости иных лексем ЛСП «Театр».

Список источников

1. Малый академический словарь. URL: <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/default.asp> (дата обращения: 22.04.2026)
2. Основной подкорпус НКРЯ. URL: <https://ruscorpora.ru/search?search=CjgiMgow> (дата обращения: 22.04.2026)
3. Атаманова Н.В. Лексическая сочетаемость слов-звукообозначений в поэтическом словаре Ф.И. Тютчева // Текст: филологический, социокультурный, региональный и методический аспекты. Тольятти: Тольяттинский государственный университет, 2023. С. 20 – 25.
4. Бобров А.И. Роль лексической сочетаемости и метафоры в сопоставительных исследованиях // Филология. 2022. № 1 (37). С. 39 – 47.
5. Виноградов В.В. Лексикология и лексикография: Избранные труды. М.: Наука, 1977. 310 с.
6. Воронец М.В. Проблема изучения лексической сочетаемости в аспекте корпусной лингвистики // Современный ученый. 2022. № 5. С. 59 – 66.
7. Герасименко Н.А. Русский язык в новейшее время // Язык и актуальные проблемы образования. М.: "Государственный университет просвещения", 2023. С. 10 – 13.
8. Забелина А.А. Лексическая сочетаемость слова в тексте // Наука, общество, образование в современном мире. Пенза: Наука и Просвещение, 2023. С. 85 – 87.
9. Задорожнева Е.В. Категория сочетаемости в лингвистической науке // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2007. № 2. С. 70 – 74.
10. Константинова Е.С. Основные характеристики лексической и терминологической сочетаемости // Язык, культура, этнос. Санкт-Петербург: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2017. С. 416 – 423.
11. Леденева В.В. Лексикография современного русского языка. М.: Высшая школа, 2022. 648 с.
12. Маркелова Т.В. Оценочные высказывания в коммуникативном пространстве русского языка. М.: Ин-т современного искусства, 2023. 231 с.
13. Милевская Т.В. Теория валентности как универсальная модель описания сочетаемости глагольных синтаксем (на примере глаголов купли-продажи в современном китайском языке) // Вестник Пятигорского государственного университета. 2021. № 1. С. 80-83.
14. Морковкин В.В. Семантика и сочетаемость слова // Сочетаемость слов и вопросы обучения русскому языку иностранцев / под ред. В.В. Морковкина. М., 1984. С. 124 – 138.

15. Общая и русская лингвоаксиология / отв. ред. М. С. Милованова. М.; Ярославль: Канцлер, 2022. 390 с.
16. Фадеева Т.М. К вопросу о лексических маркерах времени в текстах СМИ // Актуальные проблемы культуры речи. М.: Московский государственный областной университет, 2021. С. 22 – 26.

References

1. Small Academic Dictionary. Available at: <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/default.asp> (date of access: 22.04.2026)
2. Main Subcorpus of the Russian National Colloquial Dictionary. Available at: <https://ruscorpora.ru/search?search=CjgiMgow> (date of access: 22.04.2026)
3. Atamanova N.V. Lexical Compatibility of Sound Designations in F.I. Tyutchev's Poetic Dictionary. Text: philological, socio-cultural, regional, and methodological aspects. Tolyatti: Tolyatti State University, 2023. P. 20 – 25.
4. Bobrov A.I. The Role of Lexical Compatibility and Metaphor in Comparative Studies. Philology. 2022. No. 1 (37). P. 39 – 47.
5. Vinogradov V.V. Lexicology and Lexicography: Selected Works. Moscow: Nauka, 1977. 310 p.
6. Voronets M.V. The Problem of Studying Lexical Collocation in the Aspect of Corpus Linguistics. Sovremenny Scientist. 2022. No. 5. P. 59 – 66.
7. Gerasimenko N.A. Russian Language in Modern Times. Language and Current Problems of Education. Moscow: State University of Education, 2023. P. 10 – 13.
8. Zabelina A.A. Lexical Collocation of a Word in a Text. Science, Society, Education in the Modern World. Penza: Nauka i Prosveshchenie, 2023. P. 85 – 87.
9. Zadorozhneva E.V. The Category of Collocation in Linguistic Science. Bulletin of the Volgograd State Pedagogical University. 2007. No. 2. P. 70 – 74.
10. Konstantinova E.S. Main Characteristics of Lexical and Terminological Collocation. Language, Culture, Ethnos. St. Petersburg: Leningrad State University named after A.S. Pushkin, 2017. P. 416 – 423.
11. Ledeneva V.V. Lexicography of the Modern Russian Language. Moscow: Vysshaya Shkola, 2022. 648 p.
12. Markelova T.V. Evaluative Statements in the Communicative Space of the Russian Language. Moscow: Institute of Contemporary Art, 2023. 231 p.
13. Milevskaya T.V. Valence Theory as a Universal Model for Describing the Collocation of Verb Syntaxemes (Based on the Example of Buying and Selling Verbs in Modern Chinese). Bulletin of Pyatigorsk State University. 2021. No. 1. P. 80 – 83.
14. Morkovkin V.V. Semantics and Collocation of a Word. Collocation of Words and Issues of Teaching Russian to Foreigners. edited by V.V. Morkovkin. Moscow, 1984. P. 124 – 138.
15. General and Russian Linguistic Axiology. Edited by M.S. Milovanova. Moscow; Yaroslavl: Kanzler, 2022. 390 p.
16. Fadeeva T.M. On the Issue of Lexical Time Markers in Media Texts. Actual Problems of Speech Culture. M.: Moscow State Regional University, 2021. P. 22 – 26.

Информация об авторе

Ермолова К.А., аспирант, ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0005-8938-0103>, AuthorID: 1273373, SPIN-код: 3716-4554, Государственный университет просвещения, shasharina_ka@mail.ru

© Ермолова К.А., 2026

Научно-исследовательский журнал «Филологический вестник / Philological Bulletin»

<https://fv-journal.ru>

2026, Том 5, № 4 / 2026, Vol. 5, Iss. 4 <https://fv-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации (филологические науки)

УДК 821.161.1

DOI: 10.66621/2949-4656-2026-5-4-122-127

Элементы образа типажного американца в русской литературе XIX – первой половины XX вв.

¹ Федотова Н.В.,

¹ Томский государственный университет

Аннотация: в данной статье рассматривается как российские авторы (Есенин, Бродский, Достоевский, Чернышевский) описывают типажного американца в своих художественных произведениях; в чем авторы сходятся, а в чем расходятся во мнениях при видении и понимании человека, живущего в США. Целью данного исследования является выявление главных черт американцев в контексте американской пространственности. Материалом исследования являются следующие произведения: «Железный Миргород» Сергея Есенина, эссе «Памяти Стивена Спендера» и эссе «Трофейное» Иосифа Бродского, «Преступление и наказание» Федора Михайловича Достоевского и роман «Что делать» Николая Чернышевского. Исследование основывается на сопоставлении образов американцев в произведениях вышеупомянутых авторов. Для более детального анализа, образ американцев рассматривается в контексте американской пространственности. Причиной является тот факт, что некоторые авторы не акцентировали внимание на образе американца, но видели американскую действительность и писали об этом. На основе этого видения и складывались элементы образа американца.

В результате исследования выявлено какие черты преобладают в характере и быту американского жителя. Примечательно, что явным доминантным мотивом является мотив денег и об этом пишет каждый из четырех авторов.

В статье используется комплексный подход и сравнительно-описательный метод.

Ключевые слова: Есенин, Достоевский, американец, Бродский, Чернышевский, типаж, черты

Для цитирования: Федотова Н.В. Элементы образа типажного американца в русской литературе XIX – первой половины XX вв. // Филологический вестник. 2026. Том 5. № 4. С. 122 – 127. DOI: 10.66621/2949-4656-2026-5-4-122-127

Поступила в редакцию: 6 июня 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 4 июля 2026 г.; Принята к публикации: 17 августа 2026 г.

Elements of the image of a typical American in Russian literature of the XIX – first half of the XX centuries

¹ Fedotova N.V.,

¹ Tomsk State University

Abstract: this article examines how Russian authors (Yesenin, Brodsky, Dostoevsky, and Chernyshevsky) relate to the typical American in their works of fiction; where the authors agree and where they differ in their vision and perspective on a person living in the United States. The purpose of this study is to identify the main characteristics of Americans in the twentieth American spatiality. The study draws on the following works: "Iron Mirgorod" by Sergei Yesenin, the essays "In Memory of Stephen Spender" and "Trophy" by Joseph Brodsky, "Crime and Punishment" by Fyodor Mikhailovich Dostoevsky, and the novel "What Is to Be Done" by Nikolai Chernyshevsky. The study is based on discussions of American images in the works of the aforementioned authors. For a more detailed analysis, the figurative effect is achieved in the larger dimension of the United States. This is due to the fact that some authors did not focus on the image of an American, but saw American territoriality and wrote about it. The elements of the American character were formed based on this vision.

The study revealed which facial features predominate in the prince's character and everyday life. Notably, money is a clear, dominant motive, and each of the four authors writes about this.

The article uses a comprehensive approach and a comparative-descriptive method.

Keywords: Yesenin, Dostoevsky, American, Brodsky, Chernyshevsky, type, traits

For citation: Fedotova N.V. Elements of the image of a typical American in Russian literature of the XIX – first half of the XX centuries. Philological Bulletin. 2026. 5 (4). P. 122 – 127. DOI: 10.66621/2949-4656-2026-5-4-122-127

The article was submitted: June 6, 2026; Approved after reviewing: July 4, 2026; Accepted for publication: August 17, 2026.

Введение

Сергей Есенин [1] прибыл в Америку вместе со своей женой – Айседорой Дункан [3]. Айседора работала танцовщицей и их поездка была связана с ее гастролями. Есенин провел в США четыре месяца и его впечатления о Соединенных Штатах было противоречивым. С одной стороны, тот факт, что поэт не говорил на английском языке, омрачило его поездку. С другой стороны, поездка в США расширила «угол зрения» писателя [2]. Очерк «Железный Миргород» [3] преимущественно посвящен США. Есенин восхищался индустриальной мощью этой страны.

Федор Михайлович Достоевский [5] никогда не был в Америке. Автор упоминает и описывает страну в своих художественных произведениях: «Преступление и наказание» [11], «Бесы» [10], «Братья Карамазовы» [10]. Главной коннотацией образа США у Достоевского выступает бегство. Согласно Достоевскому и его героям, Америка – это terra incognita. Эта страна далеко от Европы и от России и поэтому непонятная и неизведанная. Достоевский часто употребляет фразу «открыть Америку», но при этом не употребляет имена, культурные и исторические объекты связанные с этой страной [4].

Иосиф Бродский [6] иммигрировал в США в 1972 году в штат Мичиган и начал работать в Мичиганском университете. Там он преподавал литературу и проводил творческие мастер-классы для студентов. Для того чтобы выучить английский язык, Бродский много общался со студентами, переводил стихи со словарем и уже к концу 1970-х годов он выпустил четыре сборника стихов и эссе, включая известное «Меньше единицы» [7]. Бродский видел Америку уникальной, а именно ему нравился тот факт, что штаты не подражают Европе. Бродский видел американцев как носителей европейской культуры, но в США он видел проявление экзистенциального сознания, которое сформировано в результате неординарной американской истории.

Николай Гаврилович Чернышевский никогда не был в Америке и его отношение к Америке двойное. Он видит ее как с положительной, так и с отрицательной стороны. В романе «Что делать?» [12], Америка отождествляется с деятельной жизнью и справедливого социального устройства. Конечно, Чернышевский видел негативные аспекты американской пространственности, например, он критиковал рабство. Он считал, что рабство – это главный недостаток американского буржуазного строя. Тем не менее, Николай Гаврилович считал, что уровень грамотности в Америке выше, чем в Англии и «умственная жизнь деятельна, что создает впечатление более интенсивной работы «нервов» по сравнению с европейскими простолудинами» [15].

Материалы и методы исследований

В статье представлен сравнительный анализ образа американца. А именно анализируется как Сергей Есенин представляет типажного американца в очерке «Железный Миргород», Иосиф Бродский в своих эссе «Трофейное» и «Памяти Стивена Спендера», Достоевский в «Преступление и наказание», в романе «Бесы» и Чернышевский в романе «Что делать?».

Для анализа используется сравнительно-описательный метод.

Результаты и обсуждения

Сергей Есенин [1] побывал в Америке с 3 октября 1922 по 3 февраля 1923 года и его восприятие этой страны и людей, которые там проживают было сформировано через личные впечатления и опыт пребывания. В очерке «Железный Миргород» [2] автор написал, что «американцы – народ весьма примитивный со стороны внутренней культуры» [3]. В понимании автора все бытие американского самосознания составляло мысль о деньгах, а именно как заработать. «Американец всецело погружается в «Бизнес» и остального знать не желает» [3]. Есенин ярко выражал свою критику по отношению к американцам, а точнее к отсутствию духовности и традиционных ценностей. Американцы представлены как люди утратившие связь с духовностью и культурой. Есенин считает, что Америка – это мир «железа и бетона», а «народ Америки –

только честный исполнитель заданных ему чертежей и их последователь» [3]. Есенин критиковал американцев из-за отсутствия духовности, за материализм, за неестественность американской культуры и за то, что в Америке доминируют технологии, а не человек. Образ Своего и Чужого присутствует в сравнении улиц в России и Америки: «На наших улицах слишком темно, чтобы понять, что такое электрический свет Бродвея» [3]. Когда Есенин оказался на Манхеттоне, он был глубоко впечатлен технологическим прогрессом и масштабом города Нью-Йорк. Из увиденного он сделал вывод: «Невольно поражаешься возможностям человека, и стыдно делается, что у нас в России верят до сих пор в деда с бородой и уповают на его милость» [3]. Не смотря на то, что в целом у Есенина сложилось негативное отношение к Америке в силу того, что он не говорил на английском языке и соответственно не мог проявиться как поэт, он был впечатлен энергией, масштабностью и технологическим прогрессом Америки. Автор оценил все плюсы Америки и считал, что американцы энергичные и с большими замыслами [3]. То есть он перенес черты города Нью-Йорк и страны в целом на типажного американца, который, как считал Есенин, узко мыслит, ограничен и слишком сконцентрирован на работе.

У Иосифа Бродского [4] не было отдельных произведений, которые бы он посвятил Америке или американскому народу, но есть интервью, эссе и кое-какая информация в его лекциях, где он описывает и рассказывает о своем отношении к американцам. Бродский написал эссе «Памяти Стивена Спендера» [5]. В этом эссе Бродский не дает характеристики типичному американцу, но дает свое восприятие американцев через свой взгляд на Америку. Бродский отмечает, что для американца термин «этика» максимально близок к понятию «наличные»: «Страна, где этика теснее, чем где-либо смыкается с наличностью» [5]. Поэт делает вывод, что важнейшую роль в жизни американца играют деньги. Бродский считает американцев практичными, объясняя это массовым равнодушием к литературе и культуре в целом [5]. В эссе «Трофейное» [6], Бродский писал об американских вещах в Советском Союзе, а так же об американском стиле жизни. Автор не пишет о чертах характера типичного американца, но описывает национальное самосознание. «С нашим инстинктивным индивидуализмом, на каждом шагу усугубляемым коллективистским обществом, с нашей ненавистью ко всякой групповой принадлежности... мы были больше американцами, чем сами американцы» [6]. И для Бродского и для Есенина доминантным мотивом описания и ассоциации Америки является мотив денег и материализм в целом, что проявляется в бездуховности и культурном невежестве типажного американца.

Для Достоевского [4] образ Америки и американца – это прежде всего отождествление с бегством. Например, Раскольников пишет: «Лучше совсем бежать...далеко...в Америку» [11]. Свидригайлов размышляет: «Я, Софья Семеновна, может, в Америку уеду» [11]. В романе «Бесы», есть цитата: «Мы, напротив, тотчас решили с Кирилловым, что мы, русские, пред американцами маленькие ребятишки, и нужно родиться в Америке или по крайней мере сжиться долгими годами с американцами, чтобы стать с ними в уровень» [11]. Еще одна цитата из того же романа: «Американец оставил все свое огромное состояние на фабрики и на положительные науки, свой скелет студентам, в тамошнюю академию, а свою кожу на барабан, с тем чтобы денно и ночно выбивать на нем американский национальный гимн. Увы, мы пигмеи сравнительно с полетом мысли Северо-Американских Штатов; Россия есть игра природы, но не ума» [11].

Стоит особо остановиться на том, как «американский» эпизод «Бесов» излагается и интерпретируется в исследовательской литературе последнего времени [10]. Так, например, под пером А.Е. Эткинда [15] он выглядит следующим образом: Мрачный Кириллов расплатился за билет из Америки обязательством убить себя во имя революции, что и исполняется. Шатов же вернулся в Россию на деньги Ставрогина, отработанные его, Шатова, супругой: когда он был в Америке, жена его была в связи со Ставрогиным. Теперь он не может этих денег отдать и потому позволяет себя убить. Так Достоевский трактует любовный треугольник из Что делать? и путешествие благородного Лопухова. В результате американский соблазн входит в фабулу ключевым ее моментом; именно из-за своего путешествия в Америку обе жертвы, каждая по-своему, не могут порвать с революционерами и гибнут [15]. Здесь неверно едва ли не каждое утверждение. Во-первых, Кириллов не давал обещания «убить себя во имя революции». Он уходит из жизни, осуществляя тем самым свою собственную идею «человекобожества», и только соглашается оставить после смерти записку такого содержания, которое было бы удобно Верховенскому и его компании. Вот как говорит об этом он сам: – В Обществе произошла мысль [...] что я могу быть тем полезен, если убью себя, и что когда вы что-нибудь тут накутите и будут виновных искать, то я вдруг застрелюсь и оставлю письмо, что это я все сделал, так что вас целый год подозревать не могут. Во-вторых, Кириллов дал такое обещание отнюдь не в качестве расплаты за деньги, присланные Шатову в Америку. Правда, деньги от Общества он и в самом деле получил и в самом деле «на дорогу», но не из Америки в Россию, а из Европы в Россию, и совсем не в счет свое-

го будущего самоубийства. К тому же деньги эти Кириллов к моменту новой встречи с Верховенским, происходящей в преддверии исполнения его обещания, уже отдал [15].

Достоевский пишет про Америку, но не про американцев. Ему интересна та сторона океана, она для него неведома и притягательна, но в то же время опасна. Но опасность американского образа автор редуцирует при помощи мифологизации и архетипизации. Когда Достоевский отправляет своих героев в Америку, он попадает в рефлексии [11]. Герои Достоевского понимают, что есть другая жизнь в другой стране, в Америке, и эта жизнь представлена как идеальная, а американец представлен так, что он превосходит русского.

Чернышевский проявлял огромный интерес к Америке и американцам. В своем романе «Что делать» [7] Чернышевский создал отдельного персонажа на роль американца. Чарльз Бьюмонт [7] – это Дмитрий Лопухов, который инсценирует самоубийство и едет в Европу, а потом в США. Он придумывает себе биографию и таким образом мы видим как Чернышевский видит американцев. Чарльз Бьюмонт является человеком осторожным и умным [11]. «Деньги главное; и ум, потому что без ума не наживешь денег. А он может нажить: стал на такую дорогу.» (отец Катерины об умном Бьюмонте) [11].

«...о вас, м-г Бьюмонт. Вы человек очень сдержанного характера...» [11].

«Сколько теперь знала его Катерина Васильевна, она даже думала, что Бьюмонт и не способен быть влюбленным. Любить он может, это так» [11].

По мнению Полозова, Бьюмонт человек добросовестный: «Агент был человек добросовестный: внимательно осмотрел завод, подробно разобрал его книги, прежде чем посоветовал фирме покупку; потом начались переговоры с обществом о продаже завода и тянулись очень долго...» [11]. Катерина Полозова считает Бьюмонта порядочным человеком «– Я также вижу, м-г Бьюмонт, что вы порядочный человек, но...» [11]. Еще одно качество Чарльза Бьюмонта – основательность: «Он человек основательный: в 30 лет, вышедши из ничего, имеет хорошее место» [11]. Он считает, что человек имеет право от природы быть невеселым, но при этом и не должен скучать, так как это неизвинительно [11]. Бьюмонту, как и всем американцам, скучать некогда: «– Быть невеселым, это как кому угодно, – сказал Бьюмонт: – но скучать, по моему мнению, неизвинительно, Скука в моде у наших братьев, англичан; но мы, американцы, не знаем ее. Нам некогда скучать: у нас слишком много дела» [11].

Через персонаж Чарльза Бьюмонта, Чернышевский описал типажного американца и передал свое отношение к американцам. Он описал американца Бьюмонта как основательного человека, как человека, который не умеет влюбляться, но умеет любить, человека умного, осторожного и деятельного. Бьюмонт сдержан в общении и добросовестен в работе. В отличие от Достоевского, который обходил стороной прямого и косвенного описания американца, Чернышевский напрямую дал положительное описание американца. Мотив денег положительно звучал в описании Бьюмонта. Достоевский же был далек от мотивов описания американцев, но считал страну США родиной спиритизма, негативным образцом капиталистической формации, метафорой абстрактного мышления и пространством абсолютной свободы, что также являлось негативным описанием США, поскольку Раскольникову, в теории, можно было бы скрыться там от всех, включая свою совесть [13].

Выводы

Есенин видел американцев материалистами, которые сосредоточены на зарабатывании денег и приумножении капитала. Он критиковал отсутствие духовности и считал американскую культуру примитивной. Из положительных черт автор выделил энергичность американца и считал, что у американцев большие замыслы, то есть они амбициозны. Но тот факт, что типичный американец большую часть уделяет работе, делает типажного американца, в глазах Есенина, узкодумным.

В эссе «Памяти Стивена Спендера» [8], Бродский не дает прямого описания американцам, поскольку изначально эссе посвящено английскому поэту. Через призму иммиграционного опыта, Бродский характеризует американцев. В эссе проводится параллель между русской синтентальностью и эмоциональностью, британской и американской сдержанностью. В воспоминании о Спендере, Бродский отмечает и ценит такое понятие как *privacy*, что в переводе на русский язык означает личный, частный. В культуре англо-американских народов принято уважать личное пространство и не вмешиваться в судьбы людей. В целом, Бродский составлял портрет американца через американский стиль жизни. Он видел, что американцы много работают, поэтому выделял влияние денег на образ типажного американца. Поэт так же замечал незаинтересованность среднестатистического американца к литературе.

У Достоевского американец – это человек, который является индивидуалистом без души. В «Преступлении и наказании» [11] Америка для Раскольникова и Свидригайлова становится символом свободы, но од-

новременно – символом смерти, самоубийства или безбожной расплаты с самим собой. В «Бесах» русские социалисты Шатов и Кириллов попадают в Америку, но в итоге погибают.

В романе Чернышевского «Что делать?» [12] персонаж Лопухов-Бьюмонт после возвращения из США свидетельствовал, что там живут труженики, которым некогда скучать, так как у них много дел. Негативный аспект описания Чернышевским Америки в том, что он ассоциирует эту страну с бегством, то есть, по мнению автора, если что-то не поучается в России, то можно бежать в Америку.

Список источников

1. Есенин С.А. Железный Миргород // Русская литература и фольклор: фундаментальная электронная база. URL: <https://feb-web.ru/feb/esenin/texts/e75/e75-161-htm> (дата обращения: 14.05.2026)
2. Маквей Г. Есенин в Америке // Есенин: [сайт]. URL: <https://esenin.ru/o-esenine/ego-zhizn/makvei-g-esenin-v-amerike> (дата обращения: 14.05.2026)
3. Свободный танец: как Айседора Дункан меняла искусство, открывала школы и любила поэта // Forbes.ru: [сайт]. URL: <https://www.forbes.ru/forbes-woman/505781-svobodnyj-tanec-kak-ajsedora-duncan-menala-iskusstvo-otkryvala-skoly-i-lubila-poeta> (дата обращения: 14.05.2026)
4. Сараскина Л.И. Америка Достоевского // Российское общество социологов: [сайт]. URL: <https://www.rp-net.ru/book/OurAutors/saraskina/amerika.php> (дата обращения: 14.05.2026)
5. Кибальник С.А. Американский дискурс Ф.М. Достоевского // Литературоведческий журнал. 2021. № 11. С. 8 – 33. URL: https://litda.ru/images/2021-11/LDA-2021-11_8-33_Kibalnik.pdf (дата обращения: 14.05.2026)
6. Морозова Т.И. История Америки в поэзии И. Бродского // КиберЛенинка: [сайт]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoriya-ameriki-v-poezii-i-brodsкого/viewer> (дата обращения: 14.05.2026).
7. Бродский И.А. Меньше единицы : избранные эссе. – Санкт-Петербург : Лениздат, 2015. 508 с. (Лениздат-классика). ISBN 5-445-30962-8.
8. Бродский И.А. Памяти Стивена Спендера / пер. с англ. Д. Чекалова // Библиотека «Вторая литература»: [сайт]. URL: <https://librapage.blogspot.com/2014/04/Iosif-Brodskiy-Pamjati-Stivena-Spendera.html> (дата обращения: 14.05.2026)
9. Бродский И.А. Трофейное // Знамя. 2013. № 4. URL: <https://magazines.gorky.media/znamia/2013/4/trofejnoe.html> (дата обращения: 14.05.2026)
10. Достоевский Ф.М. Бесы // Собрание сочинений: в 15 т. Ленинград: Наука, 1972-1990. Т. 10. (Примечание: в тексте использовано издание 1972-1990. Т. 10. С. 290 – 291). URL: http://az.lib.ru/d/dostoevskij_f_m/text_0100.shtml (дата обращения: 14.05.2026)
11. Достоевский Ф.М. Преступление и наказание. URL: http://az.lib.ru/d/dostoevskij_f_m/text_0060.shtml (дата обращения: 14.05.2026)
12. Чернышевский Н.Г. Что делать? URL: http://az.lib.ru/c/chernyshevskij_n_g/text_0060.shtml (дата обращения: 14.05.2026)
13. Чарльз Бьюмонт: характеристика образа в романе «Что делать» // Литературус: [сайт]. URL: <https://www.literaturus.ru/2021/08/charlz-bjumont-roman-cto-delat-harakteristika-obraz-opisanie.html> (дата обращения: 14.05.2026)
14. Бехтерева Н.П. Умные живут дольше: интервью // Московские новости. 2006. URL: <https://www.ras.ru/digest/showdnews.aspx?id> (дата обращения: 14.05.2026)
15. Эткинд А. М. Толкование путешествий: Россия и Америка в травелогах и интертекстах. Москва: Новое литературное обозрение, 2001. 410 с.

References

1. Yesenin S.A. "Izelnny Mirgorod" (The Iron City of Mirgorod), Russian Literature and Folklore: A Fundamental Electronic Library. Available at: <https://feb-web.ru/feb/esenin/texts/e75/e75-161-htm> (date of access: 14.05.2026)
2. McVey G. "Yesenin in America," Yesenin: [website]. Available at: <https://esenin.ru/o-esenine/ego-zhizn/makvei-g-esenin-v-amerike> (date of access: 14.05.2026)
3. "Free Dance: How Isadora Duncan Changed Art, Opened Schools, and Loved the Poet," Forbes.ru. URL: <https://www.forbes.ru/forbes-woman/505781-svobodnyj-tanec-kak-ajsedora-duncan-menala-iskusstvo-otkryvala-skoly-i-lubila-poeta> (date of access: 14.05.2026)
4. Saraskina L.I. Dostoevsky's America. Russian Society of Sociologists: [website]. URL: <https://www.rp-net.ru/book/OurAutors/saraskina/amerika.php> (date of access: 14.05.2026)

5. Kibalnik S.A. Dostoevsky's American Discourse. Literary Journal. 2021. No. 11. P. 8 – 33. URL: https://litda.ru/images/2021-11/LDA-2021-11_8-33_Kibalnik.pdf (date of access: 14.05.2026)
6. Morozova T.I. The History of America in the Poetry of I. Brodsky. CyberLeninka: [website]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoriya-ameriki-v-poezii-i-brodsogo/viewer> (date of access: 14.05.2026)
7. Brodsky I.A. Less than One: Selected Essays. St. Petersburg: Lenizdat, 2015. 508 p. (Lenizdat-Classics). ISBN 5-445-30962-8.
8. Brodsky I.A. In Memory of Stephen Spender. translated from English by D. Chekalov. Library "Second Literature": [website]. URL: <https://librapage.blogspot.com/2014/04/Iosif-Brodschij-Pamjati-Stivena-Spendera.html> (date of access: 14.05.2026)
9. Brodsky I.A. Trophy. Znamya. 2013. No. 4. URL: <https://magazines.gorky.media/znamia/2013/4/trofejnoe.html> (date of access: 14.05.2026)
10. Dostoevsky F.M. Demons // Collected Works: in 15 volumes. Leningrad: Nauka, 1972-1990. Vol. 10. (Note: the text uses the 1972-1990 edition. Vol. 10. pp. 290-291). URL: http://az.lib.ru/d/dostoewskij_f_m/text_0100.shtml (date of access: 14.05.2026)
11. Dostoevsky F.M. Crime and Punishment. URL: http://az.lib.ru/d/dostoewskij_f_m/text_0060.shtml (date of access: 14.05.2026)
12. Chernyshevsky N.G. What is to be done? URL: http://az.lib.ru/c/chernyshewskij_n_g/text_0060.shtml (accessed: 14.05.2026)
13. Charles Beaumont: Characterization of the Image in the Novel "What Is to Be Done?" Literaturus: [website]. URL: <https://www.literaturus.ru/2021/08/charlz-bjumont-roman-chto-delat-harakteristika-obraz-opisanie.html> (date of access: 14.05.2026)
14. Bekhtereva N.P. Smart People Live Longer: Interview. Moskovskie Novosti. 2006. URL: <https://www.ras.ru/digest/showdnews.aspx?id> (date of access: 14.05.2026)
15. Etkind A.M. Interpretation of Travel: Russia and America in Travelogues and Intertexts. Moscow: New Literary Review, 2001. 410 p.

Информация об авторе

Федотова Н.В., Томский государственный университет, nf2363@gmail.com

© Федотова Н.В., 2026

Научно-исследовательский журнал «Филологический вестник / Philological Bulletin»

<https://fv-journal.ru>

2026, Том 5, № 4 / 2026, Vol. 5, Iss. 4 <https://fv-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика (филологические науки)

УДК 070.1

DOI: 10.66621/2949-4656-2026-5-4-128-137

Всероссийские и международные медиафорумы как инструмент профессиональной интеграции школьников и студентов (на примере Алтайского края)

¹ Ваккер П.А.,

¹ Алтайский государственный университет

Аннотация: в статье автором рассмотрена роль всероссийских и международных медиафорумов в процессе профессиональной интеграции школьников и студентов, планирующих построить карьеру в области медиакоммуникаций. Проанализированы ключевые факторы, определяющие эффективность медиафорумов как образовательной, так и профессиональной площадки. В работе уделяется внимание формам взаимодействия школьников и студентов с представителями профессионального сообщества и бизнес-сферы. Возможность общения и консультации со спикерами различных отраслей позволяет поддержать высокий уровень воздействия на формирование профессиональных компетенций у подрастающего поколения. В основу исследования лег опыт проведения всероссийских медиафорумов «В ритме жизни», «Медиа на 360» и «Сила Алтая» за период 2023-2025 год, проводимых на площадках Алтайского государственного университета. Сравнительный анализ этого периода позволил рассмотреть динамику изменений в восприятии мероприятия участниками. В результате проведенного исследования автор приходит к выводу о большой роли подобных мероприятий в формировании ценностных ориентиров и профессиональных навыков обучающихся, как школьников, так и студентов. Внедрение такого рода платформ взаимодействия способствует формированию конкурентоспособных кадров и укреплению медиаэкосистемы, как на региональном, так и на федеральных уровнях.

Ключевые слова: медиафорум, профессиональная интеграция, медиаобразование, коммуникации, экспертное сообщество, профессиональная ориентация

Для цитирования: Ваккер П.А. Всероссийские и международные медиафорумы как инструмент профессиональной интеграции школьников и студентов (на примере Алтайского края) // Филологический вестник. 2026. Том 5. № 4. С. 128 – 137. DOI: 10.66621/2949-4656-2026-5-4-128-137

Поступила в редакцию: 7 июня 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 4 июля 2026 г.; Принята к публикации: 17 августа 2026 г.

Russian and international media forums as a tool for the professional integration of schoolchildren and students (using the example of the Altai territory)

¹ Vakker P.A.,

¹ Altai State University

Abstract: in the article, the author examines the role of national and international media forums in the process of professional integration of schoolchildren and students planning to build a career in the field of media communications. The key factors determining the effectiveness of media forums, both educational and professional platforms, are analyzed. The work focuses on the forms of interaction between schoolchildren and students with representatives of the professional community and the business sector. The opportunity to communicate and consult with speakers from various industries allows us to maintain a high level of impact on the formation of professional competencies among the younger generation. The research is based on the experience of the All-Russian media forums "In the Rhythm of Life", "Media on 360" and "The Power of Altai" for the period 2023-2025, held at the sites of Altai State University. A comparative analysis of this period allowed us to consider the dynamics of changes in the perception of the event by the participants. As a result of the conducted research, the author comes

to the conclusion about the great role of such events in the formation of value orientations and professional skills of students, both schoolchildren and students. The introduction of such interaction platforms contributes to the formation of competitive personnel and the strengthening of the media ecosystem, both at the regional and federal levels.

Keywords: media forum, professional integration, schoolchildren, students, media education, communications, expert community, professional orientation

For citation: Vakker P.A. Russian and international media forums as a tool for the professional integration of schoolchildren and students (using the example of the Altai territory). Philological Bulletin. 2026. 5 (4). P. 128 – 137. DOI: 10.66621/2949-4656-2026-5-4-128-137

The article was submitted: June 7, 2026; Approved after reviewing: July 4, 2026; Accepted for publication: August 17, 2026.

Введение

В настоящее время роль медиапространства играет большое значение среди общества. Медийное пространство под воздействием цифровых технологий и глобализации быстро трансформируется и развивается, что становится новым вызовом в развитии профессиональных навыков школьников и студентов [6]. Также «необходимо подчеркнуть, что современные процессы погружения человека в окружающую его действительность заметно ускоряются, а средства массовой информации, новые медиа, социальные сети становятся катализатором социальных изменений» [7]. Возникает необходимость внедрения дисциплин, посвященных медиаобразованию, медиабезопасности и медиаструктуре, причем не только в системе высшего образования, но и в школьной среде. Все выше сказанное актуализирует вопрос успешной профессиональной интеграции школьников и студентов в современных условиях медиаразвития. В этой связи медиафорумы выступают эффективными площадками для реализации этой задачи.

Профессиональная интеграция подразумевает под собой процесс включения индивида в профессиональную среду, формируя при этом его профессиональную идентичность и компетенции в рамках конкретной профессиональной области. Многие исследователи отмечают, что медиакомпетентность – интерактивное качество личности, в котором аккумулируются технологические, информационные, коммуникационные и критические навыки работы с данными в цифровой среде. Развитие медиакомпетенций требует структурного и комплексного подхода, в котором сочетаются технические навыки и формирование аналитического мышления, этические принципы работы с информацией и возможность этой информацией обмениваться, получая практические навыки в профессиональном коммуникационном поле [13].

Профессиональную интеграцию можно назвать социальным процессом, формирующим социальные знания и умения в конкретной профессиональной отрасли. Важно отметить, что этот процесс сопровождается адаптацией к нормам, ценностям и коммуникативным практикам профессионального сообщества.

Также профессиональную интеграцию можно рассматривать как этап развития личности. Однако в рамках этой теории интеграция проходит не только в рамках профессиональных компонентов деятельности, но и социокультурных навыков. Комплексный подход к интеграции профессиональных компетенций позволяет подготовить конкурентоспособного специалиста. При этом особое место занимает вопрос междисциплинарного взаимодействия. Только при условии междисциплинарного взаимодействия специалистов будут развиваться коммуникативные компетенции в профессиональной сфере. К таким компетенциям можно отнести владение профессиональным языком и знание специфики профессиональной деятельности.

В условиях постоянно развивающихся технологий рынок труда также находится в динамичном изменении. Так, «появление и развитие социальных сетей изменило масштаб медиапространства. Социальные медиа определяют контекст жизни современного человека. Требуют изменений когнитивные принципы процесса образования, ценность накопленного знания начинает рассматриваться сквозь призму его прикладного значения» [11]. Этот факт заставляет обратить внимание на интегрированный подход к рассмотрению понятия профессиональной интеграции. Только в условиях такого подхода профессиональная интеграция рассматривается через согласование личностных, образовательных и профессиональных аспектов, что в полной мере обеспечивает успешную социализацию в профессиональной среде. Из этого следует, что сам феномен профессиональной интеграции рассматривается как системный процесс становления и развития личности. Он отображает единство знаний, профессиональных навыков и общекультурных ценностей.

Роль медиафорумов в профессиональной интеграции современной молодежи очень велика. В первую очередь, медиафорумы это платформа для знакомства участников. Школьники и студенты активно вливаются в коммуникативные процессы и прокачивают не только профессиональные, но и надпрофессиональ-

ные навыки (soft skills). Важным аспектом такого формата взаимодействия является изучение новых современных трендов и технологий медиаотрасли. Возможность общения и консультации со спикерами различных отраслей позволяет воздействовать на формирование профессиональных компетенций у подрастающего поколения. Важное значение имеет и обмен опытом, который также происходит между участниками в рамках медиафорумов. Постоянное и активное взаимодействие школьников и студентов позволяет создавать новые тренды и формировать интерес к медиаиндустрии [16].

Во-вторых, медиафорумы это платформа для коллаборации с единомышленниками. Медиасреда как и любой другой элемент жизнедеятельности общества нуждается в поиске единомышленников и обсуждении идей. Также школьники внедряются в новое для себя сообщество, где открывается возможность для обретения новых связей и построения партнерских отношений [5]. В этой связи важно обратиться и к вопросу развития практических навыков, которые совершенствуются через различные мастер-классы, воркшопы и интенсивы.

В-третьих, креативная составляющая. Многие медиатеоретики выделяют среди базовых характеристик медиакомпетентности личности не только информационный, практико-ориентированный и мотивационный уровни, но также говорят о высокой важности именно креативного показателя, который в свою очередь получает мощный импульс к развитию в рамках такого рода профессиональных форумов и других подобных региональных и всероссийских медиаплощадок [2].

Проблему профессиональной интеграции изучали как отечественные, так и зарубежные ученые из различных областей знания. Так, например, Г. Максимова в своей работе «Технологии медиаобразования» отмечает сущность профессиональной интеграции через призму «умения анализировать информацию, выделять главное в информационном сообщении, понимать направленность коммуникации, скрытый смысл сообщений становятся необходимыми на всех стадиях обучения» [14]. В рамках нашей проблематики профессиональная интеграция рассматривается в контексте медиаобразования, что сужает научный интерес. Можно предположить, что медиаобразование по сути своей невозможно без интеграции учащихся в профессиональную среду. Само по себе изучение медиапространства невозможно без погружения в практико-ориентированную атмосферу. Так и происходит плавное внедрение медиафорумов в бытийный лексикон современности. Он становится не просто инструментом профессиональной интеграции, а площадкой для практического взаимодействия [15].

Рассмотрим подробнее основные подходы к трактовке понятия медиафорум. Так, например, в статье Р.Р. Ефимовой «Медиафорумы как пространство для сетевого взаимодействия молодых журналистов» медиафорум определяется как платформа для установления сетевых связей между молодыми журналистами, обмена опытом и повышения квалификации. В данной статье автор уделяет особое внимание возможности интерактивного взаимодействия аудитории. Участники имеют право голоса в обсуждении различных проблем, связанных с медиаиндустрией [9]. Однако С.В. Иванова и А.А. Петрова в труде «Медиафорумы как инструмент формирования профессиональных компетенций будущих журналистов», рассматривает медиафорумы как инструмент формирования профессиональных компетенций будущих журналистов. Они в большей мере обращают внимание на образовательную функцию медиафорумов. Их больше интересуют практические навыки, а не формат обсуждения уже имеющихся проблем в медиасреде [10]. В рамках нашего исследования более актуальным становится определение, описанное в учебном пособии А.А. Кузьминой и Е.В. Тихоновой «Развитие медиакомпетенций студентов вуза в условиях цифровой трансформации образования». Авторы делают акцент именно на изучении медиаграмотности студентов, а медиафорумы рассматривают как инструмент повышения soft skills в области медиапроизводства. По их мнению, медиафорумы, выступая элементом медиаобразования, способствуют формированию критического мышления и умения анализировать информацию в цифровой среде [12].

В этой связи рассмотрим медиафорум как один из элементов медиаобразования в целом. Так, анализ ряда работ показал разброс понятий в данной научной области. Наряду с термином «медиакомпетентность» используются такие понятия, как «медиаграмотность», «медиаобразованность», «медиакультура» [17]. В рамках цифрового развития очень важно уделять особое внимание процессу медиаобразования современной молодежи. Медиаобразование, как феномен современности, выступает важным компонентом и классического образования. Современный человек не смыслит свою жизнь без таких инструментов как, например, Интернет. А этот инструмент требует от пользователя понимание о безопасности и манерах использования. В этой связи важно говорить про те навыки, которые развиваются у современного школьника в рамках медиаобразования. Медиаобразование должно являться составляющей базовой подготовки обучающихся в соответствии с социальным заказом современного общества» [1].

Так необходимо обратить внимание и на роль проводника между учеником и самим медиазнанием. Эту роль на себя принимает медиапедагог. Это довольно новое понятие, вошедшее в наш коммуникационный оборот. Медиапедагог – это не столько учитель, сколько куратор медиа навыков и умений современного школьника. Е.А. Бондаренко в своей работе «Медиаобразование в мире» отмечает, что «суть деятельности медиапедагогов можно определить «одним ведущим понятием: диалог. Разрушается старая схема, когда учитель является в первую очередь источником информации познаний, а учащийся воспринимающим устройством» [3]. Автор также делает акцент на основной роли медиапедагога, как на наставнике, модерирующим медиадеятельность школьника. Важно понимать, что любое взаимодействие с медиасредой должно сопровождаться некой критичностью мышления, которая может быть сформирована только посредством совместных усилий медиапедагога и самого ученика.

Однако не все школьные педагоги могут быть медианаставниками. Это объясняется тем, что многим не хватает квалификации для подобного рода деятельности. Это вызывает потребность в необходимости «на уровне государственной информационной и социальной политики поддержка и развитие системы наставничества специалистов предпенсионного и пенсионного возраста, стимулирование предприятий в сфере медиа, в первую очередь государственных и муниципальных, к созданию благоприятных условий для передачи профессионального практического опыта молодым специалистам» [18]. Безусловно, государство уже делает высокосignимый вклад в развитие медиа наставничества, однако этот вопрос все еще актуален в научной среде. Уже сегодня вклад научных учреждений в развитие информационной подготовки и медиаобразования в России заключается в организации научных исследований, включая диссертационные, издании научных публикаций, проведении научных конференций и семинаров [8].

Симбиоз студентов, школьников и опытных медианаставников в рамках медиафорумов приводит к установлению деловых и творческих контактов, которые в свою очередь могут стать основой для будущей карьеры. Студенты, окунувшись в реальные кейсы, начинают осознанно подходить к решению задач, которые несут в себе профессиональные ориентиры. Школьники же получают опыт сотрудничества со старшими представителями студенчества, на практическом опыте понимают особенности медиаиндустрии, правила и базовые основы создания и продвижения контента. Учащиеся поставлены перед социальными задачами такого рода – иметь социальную мобильность и способность «входить» в открытое информационное пространство [4].

Всероссийские медиафорумы ориентированы на интеграцию участников из разных регионов страны, способствуя развитию национального медиапространства. Они способствуют усилению федерального уровня взаимодействия между учебными учреждениями, медиаорганизациями и молодежью. Что в свою очередь приводит к расширению сети профессиональных контактов в рамках России. Примерами таких мероприятий являются «Медиаслет», «Всероссийский молодежный медиаконгресс», которые собирают сотни участников и предлагают насыщенные образовательные программы.

Если рассмотреть практику Международных медиафорумов в рамках актуализации глобального опыта, то можно говорить о том, что международные медиафорумы расширяют горизонты участников, знакомя их с мировыми практиками и стандартами. Они обеспечивают взаимодействие с молодежью и экспертами из других стран. Происходит формирование мультикультурного и глобального подхода к медиаобразованию, к развитию навыков кросс-культурной коммуникации и совместных международных проектов. Такие форумы создают условия для формирования глобально мыслящих специалистов, готовых работать в международных медиаструктурах.

Материалы и методы исследований

Перейдем к рассмотрению основных методов междисциплинарного исследования. В качестве основного метода использовался количественный контент – анализ с элементами качественной обработки информации. Исследование проводилось на основании опыта проведения всероссийского медиафорума «В ритме жизни», «Медиа на 360» и «Сила Алтая» за период 2023-2025 год. Сравнительный анализ этого периода позволит рассмотреть динамику изменений в восприятии мероприятия участниками. В качестве единиц контента выступили различные упоминания в цифровой среде (в том числе тэги и комментарии под постами), формы обратной связи и отзывы от участников. В общей сложности было проанализировано 658 единиц контента. Информация, рассматриваемая в ходе научной работы, была найдена на открытых источниках информационно-телекоммуникационной сети Интернет. В данном случае контент-анализ как метод обработки и структурирования информации позволил обработать большие объемы данных без потери их информативности.

Отметим, что в ходе исследования важно систематизировать собранные данные по основным тематикам для углубленного изучения особенностей интеграции школьников в профессиональную медиасреду. Необходимо оценить отзывы участников, связанные с восприятием медиафорума и их ожиданиями, а также полученным опытом. Для этого отличным инструментом послужили формы обратной связи и видеорепортажи, записанные специалистами медиакомьюнити «МедиаХаб» Алтайского государственного университета. Темы формировались эмпирически, на основе часто повторяющихся слов и фраз. Было сформулировано 4 основных кластера (отзыв, ожидания, рекомендация, благодарность), которые в дальнейшем подверглись интерпретации с точки зрения социологического и коммуникативного подхода. Таким образом, использование как качественных, так и количественных методик исследования при изучении опыта проведения всероссийских и международных медифорумов на площадках Алтайского государственного университета позволит рассмотреть специфику проведения данной формы интенсивов комплексно.

Результаты и обсуждения

Исследование проводилось на примере Алтайского государственного университета. За период с 2023 по 2025 года кафедра журналистики, медиа и рекламы и медиакомьюнити «МедиаХаб» провели на базе АлтГУ 4 масштабных форума («В ритме жизни» (2024 г., 2025 г.), «Медиа на 360», «Сила Алтая»). Рассмотрим подробнее какие цели закладывались в проведении медиафорумов, какими методами добивались результатов и какие планируются в будущем мероприятия всероссийского и международного масштаба, призванные развить деловые коммуникации и обменяться опытом ВУЗам, школам и профессиональным медиаобществом. Российскую высшую школу на форуме представляли помимо вузов Алтайского края и Республики Алтай, Московский государственный институт международных отношений МИД РФ, Гуманитарный институт телевидения и радиовещания (ГИТР), Государственный институт русского языка имени А.С. Пушкина, Российский экономический университет им. Плеханова, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Казанский национальный исследовательский технологический университет и тд.

Начнем с крупномасштабного медиафорума «Медиа на 360». Это авторский проект студентов АлтГУ, получивший поддержку Федерального агентства по делам молодежи РФ (Росмолодежь) и Министерства науки и высшего образования РФ. Он объединил 200 молодых людей, заинтересованных активным развитием в креативных направлениях, из 27 регионов России. Основная цель данного медифорума была создать площадку для обмена опытом между начинающими и действующими специалистами медиаиндустрии (*...эта площадка объединит представителей студенческих СМИ Алтайского края и Сибирского федерального округа и предоставит начинающим журналистам и медийщикам массу возможностей для профессионального и творческого развития...*). Как отмечают организаторы важным элементом медиафорума было выступление спикеров на различные темы медиапотребления, а также создания медиаконтента (от журналистики и PR до SMM и видеопроизводства). Такой широкий круг изучаемых тематик позволил участникам полностью погрузиться в профессиональную среду и почувствовать свою причастность в создании актуального и инновационного контента. Как отмечается на одном из новостных ресурсов: *«...с участниками работали заместитель директора Департамента информационной политики и комплексной безопасности Министерства науки и высшего образования РФ Анна Гуреева, креативный продюсер Газпром Медиа-Холдинг, руководитель культурно образовательного проекта «Территория КИТ» Георгий Рюмин и др.»*.

По результатам форума была создана форма обратной связи, где участники делились впечатлениями, и в первую очередь отмечали высокую информативность лекций и мастер-классов (*«для меня здесь было много полезной информации, в частности, о том, как продвигать свой канал и как его сделать более интересным в дизайнерском плане. А еще один плюс форума «Медиа на 360» – много новых интересных знакомств»*). Некоторые участники отмечали важным положительным бонусом подобных медиафорумов новые знакомства, позволяющие расширить свой круг профессиональных интересов. Кроме положительных моментов организации участники отмечали некоторые технические задержки, однако относились к ним снисходительно в связи с высокой интенсивностью форума. Такая обратная связь помогла организаторам обратить больше внимание на тайм-менеджмент при организации следующего медиафорума.

Медиафорум «В ритме жизни», проводимый весной 2025 года, собрал на своей площадке школьников и педагогов Новогорьевского, Тальменского, Первомайского, Смоленского, Быстроистокского и других районов Алтайского края, ЗАТО «Сибирский», Заринска, Бийска, Новоалтайска, Ярового, Барнаула и Республики Алтай. Медиафорум посетили 240 активистов школьных медиацентров с 6 по 11 класс и 90 педагогов городских и районных школ Алтайского края. Его ключевым отличием от медифорума «Медиа на 360»

была более насыщенная программа, по причине того, что данное мероприятие было реализовано только в рамках одного дня.

Одной из отличительных особенностей прошедшего мероприятия стало то, что в его рамках впервые в истории Алтайского края был проведен открытый муниципальный конкурс учительских блогов «Прообраз», и в финале медиафорума были объявлены его победители. Конкурс проводился по трем номинациям, в каждой из которых было названо всего по два победителя. Эта особенность дала возможность расширить целевую аудиторию обучающихся медиакоммуникациям. Руководители школьных медиацентров прошли курсы повышения квалификации в области медиапроизводства, что повысило их профессиональные возможности в управлении школьными медиацентрами (*«для меня данный форум стал глотком свежего воздуха. Когда мне поручили руководство школьным медиацентром, я была в отчаянье и не знала с чего начать. Этот форум открыл для меня новые горизонты и, как сказали бы мои ученики, теперь «пилить» контент не так страшно...»*). Также педагоги отмечают высокую информативность проведенного мероприятия и подчеркивают важность дальнейшего проведения совместных медиафорумов (*«Мы работаем в радиоформате и поэтому для нас это актуальная тема. Всё, что я сегодня получила, для нас очень полезно. Очень многие вещи я подтвердила для себя; что-то знала, что-то делала по наитию. Я ведь тринадцать лет проработала в журналистике, только потом пришла в школу, поэтому журналистика со мной осталась навсегда»*).

Педагоги отмечали и результативность проведенного медиафорума. По результатам форм обратной связи было выявлено, что важным результатом подобных мероприятий становится настрой участников медиацентров создавать инновационные проекты и двигаться в указанной профессиональной траектории. (*«Ведь после форума ребята приезжают с таким зарядом положительной энергии, с таким желанием делать что-то новое и интересное! И это не просто обучающее мероприятие, это настоящий праздник с большим количеством людей со всего края. Это ведь еще и возможность познакомиться и обменяться контактами с ребятами из других районов и городов края, чтобы в дальнейшем сделать, возможно, какой-то совместный проект»*). Важно было услышать мнение и сторожил медиафорумов, которые принимают участие в мероприятии не первый год. Это уже высокий показатель, что руководители со своими медиацентрами возвращаются для получения новой информации (*«От медиафорума мы ожидали перезагрузки, новых идей, новых эмоций. Я уже третий год возжу детей на этот форум, и каждый раз мы получаем новые впечатления, прорыв в работе и значительное развитие. Дети всегда с удовольствием приезжают на этот форум, и мы каждый раз привозим новых детей, чтобы формировать у себя команду наставников, которые будут воспитывать новое поколение»*). Благодаря обмену опытом на площадке медиафорумов как наставники, так и сами участники школьных медиацентров получают новые идеи для контента. Некоторые наставники отмечали даже разработку новых концепций для своих проектов (*«Мы делаем газету «Школьный дворик» и приехали на медиафорум получить новые знания, новые идеи, чтобы потом применить всё это в нашей работе. Например, узнали о плюсах и минусах при работе с печатными изданиями, на что надо обязательно обращать внимание. Так, мы не публиковали у себя в газете развлекательные моменты для детей, и теперь думаем вводить это, чтобы привлекать к нашему изданию больше школьников»*).

Важно учитывать мнение и руководителей образовательных подразделений. Советник директора по воспитанию Елена Талдыкина уточнила, что в медиафоруме она участвовала уже не первый год, и каждый раз настраивается на получение новых знаний, новых идей, новых источников полезной информации (*«Так, у нас есть школьное радио, и во всех кабинетах есть радиоточки, поэтому нам было интересно выступление про подкасты, так как мы планируем это применить у себя. Также у нас работает школьная газета, выходящая раз в неделю, есть свой телеграм-канал, и мы работаем активно с различным медиаконтентом, и уже не раз побеждали во всевозможных конкурсах. Поэтому детям всегда интересно на таких медиафорумах получать новую информацию, свежие идеи»*).

Изучив обратную связь постоянных участников медиафорума было бы интересно узнать, что говорят медиацентры, которые впервые посетили форум. Важно, что раскрывать себя в профессиональной среде не боятся даже участники, приехавшие на подобные мероприятия впервые. Для них важна дружественная атмосфера и благоприятный эмоционально-психологический климат. (*«В нашей школе медиацентр открылся только в этом учебном году, поэтому на форум мы приехали почерпнуть полезную информацию, и, в частности, понять разницу между ведением госабликов и школьной социальной страницы во ВКонтакте. Наша школа стала лучшей в Республике Алтай по госабликам, но как организовать интересные для молодежи страницы – пока для нас это новое дело»*).

Одной из важнейших функций медиафорумов можно считать объединение усилий различных структур для достижения общественно значимого результата. Так, например, для организации медиафорума «В ритме жизни» были объединены усилия сразу нескольких структур: детско-юношеского центра Индустриального района города Барнаула, Алтайского государственного университета, комитета по образованию города Барнаула, регионального ресурсного центра Федерального проекта по патриотическому воспитанию граждан Российской Федерации «Навигаторы детства». Также для достижения максимально полезного образовательного эффекта было заключено соглашение между университетом и Союзом журналистов Алтайского края. Подобного рода союз позволит усовершенствовать структуру коммуникативного взаимодействия между различными структурными элементами медиаиндустрии края. Так, например, в своем интервью председатель Союза журналистов Алтайского края Андрей Абрамов отмечает высокую значимость подобных форм взаимодействия (*«Мы хотим объединить все медиацентры для того, чтобы была единая программа подготовки. Это гораздо удобнее, это более контролируемая история. И мы вместе со всеми: с профильной кафедрой Алтайского госуниверситета, с крупными медиахолдингами, с Союзом журналистов Алтайского края сможем составлять единую программу, по которой будем готовить всех специалистов»*).

Хочется отметить, что проводимые медиафорумы на базе Алтайского государственного университета тоже пережили некоторые трансформации за указанный период. Например, в 2025 году в рамках медиафорума «Сила Алтая» удалось запустить прямые трансляции с лекций и семинаров от спикеров через платформу VK. Так, участники, которые не смогли приехать из удаленных регионов, подключились к трансляциям и тоже смогли получить бесценный опыт менторов медиаиндустрии. Особенностью стал и сам формат проведения форума. Для детального изучения особенностей медиасреды участники не просто слушали лекции и принимали участие в мастер-классах, а разрабатывали авторский проект. Участникам были предложены реальные кейсы от организаторов, направленные на создание медиапродуктов. Тематическая направленность этих материалов была связана с культурным, историческим, социально-экономическим и туристическим потенциалом Алтая и Барнаула. Для того, чтобы участники были максимально погружены в реальный профессиональный ритм медиаспециалиста, организаторы поделили ребят на команды из разных медиацентров. Задумка была в том, чтобы не просто разделить участников в произвольном порядке. А именно сформировать команды, чтобы в каждой был начинающий специалист всех форм медиаиндустрии. Для этого при регистрации на мероприятие участники проходили небольшой опрос, где выбирали свою сильную сторону в области медиапроизводства.

Еще одним нововведением в 2025 году стала возможность принять участие в роли слушателя. Это нововведение было вызвано интересом со стороны пресс-служб отдельных органов государственной власти, а также сотрудников частных компаний, которым было интересно узнать об инструментах продвижения. Этот интерес тоже был не случайным. В связи с расширением формата медиафорума «Сила Алтая» в нем приняли участие спикеры из разных районов нашей страны. В их число вошел Роман Баканов, доцент кафедры национальных и глобальных медиа Высшей школы журналистики и медиакоммуникаций Казанского (Приволжского) федерального университета, и представители системного интегратора Paraweb: Максим Огородников, руководитель направления продакшн, Елизавета Пушкарева, контент и SMM-специалист, эксперт по стратегическому SMM, и Владислав Тунев, режиссер и креатор.

Подводя итог реализованных медиафорумов на базе Алтайского государственного университета, кафедры журналистики, медиа и рекламы, можно сделать вывод о том, что этот опыт позволил создать площадку для профессиональной интеграции школьников и студентов в профессиональную медиасреду. Работа со спикерами и участие в мастер-классах от действующих специалистов медиаиндустрии позволила участникам повысить свой уровень грамотности в создании и продвижении авторского контента. Безусловным успехом можно считать то, что участники выстроили коммуникативное взаимодействие не смотря уровень профессионализма и включенности в медиасреду. Важно, что подобные интенсивы становятся в первую очередь площадкой для обмена опытом, а не местом конкурентной борьбы.

Проведя анализ медиафорумов последних лет, организованных Алтайским государственным университетом, можем сформулировать некоторые рекомендации по дальнейшему развитию, и повышению эффективности медиафорумов как инструмента профессиональной интеграции.

В первую очередь необходимо развивать гибридные форматы, сочетая онлайн и офлайн взаимодействие для охвата большего числа участников. В рамках «Сила Алтая» были включены в программу онлайн-лекции, к которым могли присоединиться участники со всей страны, что позволило объединить участников со всех территориальных субъектов РФ. Комплексное использование модели О2О позволит повысить охваты аудитории, заинтересованной в участии в медиафорумах, а также повлияет на их лояльность. У слуша-

телей больше не будет возникать территориальных границ и географических сложностей присутствия на медиафорумах в очном формате.

В наше время остро стоит вопрос интеграции студенчества в профессиональное сообщество. В рамках таких крупных медиафорумов, как например «Сила Алтая», благоприятно способствовало бы развитию таких отношений. Бизнес-сфера заинтересована в получении специалистов, которые имеют не только теоретические знания, но и опыт работы под покровительством менторов бизнес-индустрии. Возможность стажировки по результатам такого сотрудничества на форумах, даст студентам преимущества в дальнейшем трудоустройстве, а представителям бизнеса, специалиста готового осуществлять проекты с этапа планирования и до полноценной реализации.

Также важно создать комьюнити для участников форумов всех лет. Нужна платформа для обмена идеями и анонса подобных мероприятий. Только слаженная форма дальнейшего коммуникативного взаимодействия позволит создать развитую и структурированную экосистему медиаобразования. Подобные сообщества могут стать источником формирования, например, повестки дня медиафорума. Участники могут предложить, что для них самих будет интересно в изучении на следующем форуме. На этой же площадке можно реализовывать прямые трансляции с менторами медиаиндустрии для привлечения новой заинтересованной аудитории. В свою очередь, создание подобной группы позволит сформировать некоторую преемственность поколений. Где ребята с большим опытом смогут стать наставниками для новичков. Таким образом, можно искоренить страхи новичков в профессиональных начинаниях.

Выводы

По результатам проведенного анализа можно сделать вывод о необходимости поддержки создания молодежных медиа-проектов, инициируемых на форумах, позволяющие получить те самые практические навыки настолько необходимые в профессиональном развитии специалистов медиаиндустрии. Только внедрение практики позволит привлечь больше молодежи в медиасреду. Учащимся важно чувствовать свою причастность к тому, что они делают, для них важно знать, что их проекты будут услышаны специалистами и могут быть в будущем реализованы.

Дальнейшее исследование данной проблемы будет направлено на изучение траектории профессионального развития участников подобных форумов. Необходимо оценить какую роль сыграло участие в подобных мероприятиях на ценностные ориентации и профессиональные навыки участников медиафорумов. Таким образом, всероссийские и международные медиафорумы играют ключевую роль в профессиональной интеграции школьников и студентов, создавая благоприятные условия для их обучения, развития и входа в медиаиндустрию. Активное внедрение и развитие этих платформ способствует формированию конкурентоспособных кадров и укреплению медиаэкосистемы на национальном и глобальном уровне.

Список источников

1. Баташова С.М., Петрухина О.А. Развитие медиакомпетентности обучающихся в условиях современной школы // Наука о человеке: гуманитарные исследования. 2017. № 3 (29). С. 95 – 97.
2. Болдырева Т.В., Борщева Н.Н., Кветкин П.Д., Щеголькова О.В. Медиакомпетенция в контексте теоретико-методологических проблем медиаобразования // Гуманитарный научный журнал. 2023. № 3-1. С. 3 – 9.
3. Бондаренко Е.А., Жулин А.А. Состояние медиаобразования в мире // Педагогика. 2002. № 3. С. 105 – 109.
4. Бушев А.Б. Медиаграмотность в системе новых медиа // Культура: теория и практика. 2019. № 4 (31). С. 6 – 10.
5. Ваккер П.А. Роль школьных медиацентров в профессиональной ориентации школьников (на примере Алтайского края) // Челябинский гуманитарий. 2025. № 3 (72). С. 48 – 56.
6. Валюлина Е.В. Роль медиаинтеграционной модели в цифровой трансформации информационного пространства (на примере Алтайского государственного университета) // Филология и человек. 2025. № 2. С. 150 – 168.
7. Видная О.Е., Меркушина Е.А. Параметры медиасоциализации молодежи: современный ракурс // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2021. № 4 (42). С. 94 – 103.
8. Гендина Н.И. Информационная культура и медиаграмотность в России // Знание. Понимание. Умение. 2013. № 4. С. 78 – 84.
9. Ефимова Р.Р. Медиафорумы как пространство для сетевого взаимодействия молодых журналистов // Медиаскоп. 2021. № 3. С. 12 – 15.

10. Иванова С.В., Петрова А.А. Медиафорумы как инструмент формирования профессиональных компетенций будущих журналистов // Вестник университета. 2022. № 4 (45). С. 78 – 85.
11. Котляр П.С. Рефлексия медийного: дискурсы медиаграмотности // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2018. Т. 18. № 3. С. 263 – 267.
12. Кузьмина А.А., Тихнова Е.В. Развитие медиакомпетенций студентов вуза в условиях цифровой трансформации образования: учебное пособие. Москва: Изд-во МГУ. 2023. 215 с.
13. Кузьмина О.Г. Медиакомпетентность в понимании студентов-гуманитариев // Челябинский гуманитарий. 2025. № 3 (72). С. 77 – 84.
14. Максимова Г. Технологии медиаобразования // Высшее образование в России. 2005. № 6. С. 133 – 135.
15. Микляев Д.А. Исследование уровня медиаграмотности старшеклассников // Молодой исследователь Дона. 2023. № 2 (41). С. 99 – 106.
16. Томюк О.Н., Дьячкова М.А., Кириллова Н.Б., Дудчик А.Ю. Цифровизация образовательной среды как фактор личностного и профессионального самоопределения обучающихся // Перспективы науки и образования. 2019. № 6 (42). С. 422 – 434.
17. Федоров А.В. Медиакомпетентность личности: от терминологии к показателям // Инновации в образовании. 2007. № 10. С. 75 – 108.
18. Фурсов А.Л. Проблемы наставничества в медиа-сфере // Профессиональная ориентация. 2015. № 2. С. 42 – 45.

References

1. Batashova S.M., Petrukhina O.A. Developing students' media competence in a modern school environment. Human Science: Research in the Humanities. 2017. No. 3 (29). P. 95 – 97.
2. Boldyreva T.V., Borshcheva N.N., Kvetkin P.D., Shchegolkova O.V. Media competence in the context of theoretical and methodological problems of media education. Humanitarian scientific journal. 2023. No. 3-1. P. 3 – 9.
3. Bondarenko E.A., Zhurin A.A. The state of media education in the world. Pedagogy. 2002. No. 3. P. 105 – 109.
4. Bushev A.B. Media literacy in the system of new media. Culture: Theory and Practice. 2019. No. 4 (31). P. 6 – 10.
5. Vakker P.A. The Role of School Media Centers in the Career Guidance of Schoolchildren (using the Altai Territory as an Example). Chelyabinsk Humanitarian. 2025. No. 3 (72). P. 48 – 56.
6. Valyulina E.V. The Role of the Media Integration Model in the Digital Transformation of the Information Space (using the Altai State University as an Example). Philology and Man. 2025. No. 2. P. 150 – 168.
7. Vidnaya O.E., Merkushina E.A. Parameters of Youth Media Socialization: A Modern Perspective. Znak: The Problem Field of Media Education. 2021. No. 4 (42). P. 94 – 103.
8. Gendina N.I. Information Culture and Media Literacy in Russia. Znanie. Understanding. Skill. 2013. No. 4. P. 78 – 84.
9. Efimova R.R. Media forums as a space for networking of young journalists. Mediascope. 2021. No. 3. P. 12 – 15.
10. Ivanova S.V., Petrova A.A. Media forums as a tool for developing professional competencies of future journalists. University Bulletin. 2022. No. 4 (45). P. 78 – 85.
11. Kotlyar P.S. Reflection of the media: discourses of media literacy. Bulletin of the Saratov University. New series. Series: Philosophy. Psychology. Pedagogy. 2018. Vol. 18. No. 3. P. 263 – 267.
12. Kuzmina A.A., Tikhnova E.V. Development of University Students' Media Competencies in the Context of the Digital Transformation of Education: A Tutorial. Moscow: Moscow State University Publishing House. 2023. 215 p.
13. Kuzmina O.G. Media Competence as Understood by Humanities Students. Chelyabinsk Humanitarian. 2025. No. 3 (72). P. 77 – 84.
14. Maksimova G. Media Education Technologies. Higher Education in Russia. 2005. No. 6. P. 133 – 135.
15. Miklyaev D.A. Study of the Level of Media Literacy of High School Students. Young Researcher of the Don. 2023. No. 2 (41). P. 99 – 106.
16. Tomyuk O.N., Dyachkova M.A., Kirillova N.B., Dudchik A.Yu. Digitalization of the Educational Environment as a Factor in Personal and Professional Self-Determination of Students. Prospects of Science and Education. 2019. No. 6 (42). P. 422 – 434.

17. Fedorov A.V. Media Competence of an Individual: From Terminology to Indicators. *Innovations in Education*. 2007. No. 10. P. 75 – 108.
18. Fursov A.L. Mentoring Issues in the Media Sphere. *Career Guidance*. 2015. No. 2. P. 42 – 45.

Информация об авторе

Ваккер П.А., аспирант, ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0004-3009-3022>, Алтайский государственный университет, вра@mc.asu.ru

© Ваккер П.А., 2026

Научно-исследовательский журнал «Филологический вестник / Philological Bulletin»

<https://fv-journal.ru>

2026, Том 5, № 4 / 2026, Vol. 5, Iss. 4 <https://fv-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки)

УДК 811.134.2

DOI: 10.66621/2949-4656-2026-5-4-138-144

Глаголы, репрезентирующие источник информации в новостном дискурсе (на материале испаноязычной онлайн-газеты *abc*)

¹ Дырыгина Н.Ю.,

¹ Казанский (Приволжский) федеральный университет

Аннотация: исследование посвящено рассмотрению глаголов, вводящих ссылки на источник информации, в испаноязычном медиадискурсе. Материалом исследования послужили публикации испаноязычного интернет-СМИ ABC, посвященные столкновению поездов в городе Адамус (Испания). Цель работы – выявление преференциальных глаголов, маркирующих источник информации в текстах газетно-публицистического стиля. В соответствии с поставленной целью решаются следующие задачи: отбор контекстов, содержащих ссылки на источник информации; выявление глаголов, вводящих данные ссылки; классификация источников информации. В результате исследования нами был выделен 51 глагол, маркирующий источник информации. Наиболее частотными являются глаголы *explicar*, *señalar*, *asegurar*, которые вводят анонимный источник информации. Источник информации, выраженной ссылкой на конкретный документ, репрезентируется глаголами *advertir*, *avisar*, *dictaminar*, *explicar*. Полученные данные исследования могут быть применены в курсе стилистики испанского языка, в курсе переводоведения, а также выявленный корпус глаголов может служить основой для сравнительных исследований атрибутивных стратегий в разных типах дискурса и языках.

Ключевые слова: источник информации, глагол, косвенная эвиденциальность, газетно-публицистический стиль, медиадискурс, испанский язык

Для цитирования: Дырыгина Н.Ю. Глаголы, репрезентирующие источник информации в новостном дискурсе (на материале испаноязычной онлайн-газеты *abc*) // Филологический вестник. 2026. Том 5. № 4. С. 138 – 144. DOI: 10.66621/2949-4656-2026-5-4-138-144

Поступила в редакцию: 8 июня 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 5 июля 2026 г.; Принята к публикации: 17 августа 2026 г.

Verbs representing the source of information in news discourse (based on the material of the Spanish-language online newspaper *abc*)

¹ Dyrygina N.Yu.,

¹ Kazan (Volga Region) Federal University

Abstract: the study is devoted to the consideration of verbs that introduce links to a source of information in the Spanish-language media discourse. The research material was published by the Spanish-language online media ABC, dedicated to the train collision in Adamus (Spain). The purpose of the work is to identify preferential verbs that mark the source of information in newspaper-journalistic style texts. In accordance with this goal, the following tasks are being solved: selection of contexts containing references to the source of information; identification of verbs introducing these references; classification of information sources. As a result of the research, we identified 51 verbs marking the source of information. The most frequent verbs are *explicar*, *señalar*, and *asegurar*, which introduce an anonymous source of information. The source of information expressed by reference to a specific document is represented by the verbs *advertir*, *avisar*, *dictaminar*, *explicar*. The obtained research data can be applied in the course of Spanish stylistics, in the course of translation studies, and the identified corpus of verbs can serve as a basis for comparative studies of attributive strategies in different types of discourse and languages.

Keywords: source of information, verb, indirect evidence, newspaper and journalistic style, media discourse, Spanish

For citation: Dyrygina N.Yu. Verbs representing the source of information in news discourse (based on the material of the Spanish-language online newspaper abc). Philological Bulletin. 2026. 5 (4). P. 138 – 144. DOI: 10.66621/2949-4656-2026-5-4-138-144

The article was submitted: June 8, 2026; Approved after reviewing: July 5, 2026; Accepted for publication: August 17, 2026.

Введение

Одним из актуальных и перспективных направлений в изучении медиадискурса является исследование того, как передаются и интерпретируются сведения в дискурсивном пространстве, а также каким образом это происходит [4, с. 32].

Указание источника информации представляет собой практически обязательный элемент новостного текста. Отсылка к источнику выполняет ряд важных прагматических функций: встраивает новостной текст в более широкую систему текстов, создавая интертекстуальные связи, а также служит своеобразным подтверждением достоверности передаваемых сведений [2, с. 61-62].

Указание на источник информации относится к категории эвиденциальности. Г. Хасслер в своем исследовании романских языков отмечает, что концептуальное поле эвиденциальности значительно шире, чем может показаться на первый взгляд. Оно охватывает не только указание на источник знания или свидетельство, но и более сложные аспекты – эпистемическую оценку говорящим достоверности передаваемой информации, а также то, насколько эта информация может быть принята слушающим, в зависимости от надежности источника и от того, каким образом сведения были получены [8, с. 1].

Мы рассматриваем косвенную эвиденциальность, а именно пересказывательность, поскольку информация была получена авторами новостных статей от других лиц. Условием реализации категории пересказывательности является диахронность ситуации информирования и сообщаемой информации [5, с.59]. Информация может быть выражена цитативом, когда есть ссылка на источник информации, который может быть выражен конкретной личностью, организацией, текстом документа, а также слухами, когда в тексте нет явного указания на источник информации.

Актуальность представленной работы обусловлена недостаточностью изученности глаголов, маркирующих источник информации в испаноязычном медиадискурсе. Тот факт, что испанский язык является одним из наиболее распространенных языков глобального медиaprостранства делает изучение его языковых особенностей востребованным как в теоретическом, так и прикладном отношении.

Материалы и методы исследований

Материалом исследования послужили статьи, посвященные столкновению поездов в городе Адамус (Испания), опубликованные испаноязычным интернет-СМИ ABC в период с 18 января по 16 марта 2026 года. Трагедия произошла 18 января возле города Адамус (Испания) с участием двух высокоскоростных поездов. Методом сплошной выборки по ключевому слову *Adamuz* были отобраны статьи, в которых было выявлено 160 примеров, содержащих указания на источник информации, вводимых посредством глаголов. В исследовании также применялись описательный и лингвостатистический методы.

Основу теоретико-методологической базы исследования составили научные труды различных отечественных и зарубежных ученых в области косвенной эвиденциальности А.Ю. Айхенвальд [6], Д.В. Козловского [3-4], О.А. Кобриной [9], Bert Cornillie [7].

Результаты и обсуждения

В отобранном корпусе нами был выявлен 51 глагол, маркирующий источник сведений. Были использованы словарные дефиниции из словаря Королевской академии испанского языка DRAE [11] или перевод на русский язык из Большого испанско-русского словаря под редакцией Б.П. Нарумова [1] для выявления значений глаголов, репрезентирующих источник информации.

Каждый глагол приводится в эвиденциальном высказывании, выделенном из отобранного нами корпуса. Вслед за Д.В. Козловским под эвиденциальным высказыванием понимаем дискурсивную единицу, в структуре которой есть модусная (профаза) и диктумная (эпифаза) части. Профаза содержит эвиденциальный показатель (оператор), выражающий квалификацию источника информации автором / субъектом коммуникации, а эпифаза уточняет, изменяет или результирует транслируемые сведения [3, с. 42].

1) *Plantear – proponer, suscitar o exponer un problema matemático, un tema, una dificultad o una duda* [11] / ставить, выдвигать математическую задачу, тему, сложность, сомнение. В отобранном нами корпусе находим 1 пример использования данного глагола в настоящем простом времени (*Presente de Indicativo*): *el Ministerio Público plantea que ADIF deba...* / Государственная прокуратура ставит вопрос о том, что ADIF должна... (здесь и далее перевод автора статьи. – Н.Д.).

2) *Señalar – означать, обозначать, быть признаком чего-либо* [1, с. 698] встречается в 17 примерах, в большинстве из которых в сложном прошедшем времени (*Pretérito Perfecto*): *En ese punto, España ha señalado expresamente...* / По этому пункту Испания явно обозначила....

3) *Afirmar – утверждать, подтверждать, удостоверить; прочно устанавливать, закреплять* [1, с. 37]. “*Ese es el país que están dejando*”, *ha afirmado la dirigente andaluza* / «Эта та страна, которую бросают», – твердо заявила андалузский лидер. В большинстве примеров использован в сложном прошедшем времени (*Pretérito Perfecto*).

4) *Considerar – учитывать, принимать во внимание; считать, полагать* [1, с. 217]. *Txema Rodríguez, editor gráfico de ABC, considera que “la reacción del lector es normal y habitual cuando se publican imágenes...”* / Тсема Родригес, графический редактор ABC, считает, что «реакция читателя нормальная и привычная, когда публикуются изображения...».

5) *Advertir – обращать чье-либо внимание на что-либо; извещать, уведомлять; принять во внимание, посчитаться* [1, с. 35]. *El segundo informe del Instituto Armado sobre el accidente ferroviario advierte a la juez de Montoro que se han solicitado datos de tensión...* / Во втором отчете Института Армадо о железнодорожном происшествии обращает внимание судьи Монторо, что были запрошены сведения о напряжении....

6) *Explicar – объяснять, изъяснять; излагать причины, мотивы* [1, с. 359]. “*...está lleno de incidencias que no salen en las estadísticas*”, *explica a ABC un maquinista joven...* / «...полон инцидентами, которые не входят в статистику», – объясняет ABC молодой машинист. В 9 примерах (в большинстве) использовано настоящее простое время (*Presente de Indicativo*), в 2 примерах сложное простое время (*Pretérito Perfecto*): *La consejera ha explicado además que ya se ha consultado con el gabinete jurídico.* / Советник также объяснила, что уже проконсультировалась с юридическим кабинетом.

7) *Detallar – детализировать, излагать обстоятельно; подробно описывать, уточнять* [1, с. 294]. *En este sentido, ha detallado que esta “ausencia de comunicación” tiene...* / В этом смысле он уточнил, что это «отсутствие связи» имеет.... С использованием данного глагола был обнаружен один пример, в котором нет источника информации, поскольку он был упомянут выше по тексту новостной статьи.

8) *Agregar – добавлять, прибавлять к сказанному, написанному* [1, с. 41]. “*...Lamentablemente, hasta hoy ese gesto no se ha producido*”, *ha agregado Samper.* / «К сожалению, до сегодняшнего дня такого жеста не было, – добавил Сампер.

9) *Concretar – конкретизировать, уточнять* [1, с. 211]. *El presidente ha concretado que entre dichas ayudas se contemplan algunas de “200 euros por autónomo durante diez meses”.* / Президент уточнил, что среди прочих мер поддержки, предусматриваются «200 евро на самозанятого в течение 10 месяцев».

10) *Precisar – уточнять* [1, с. 613]. *En concreto, Samper ha precisado que en los días y semanas posteriores al accidente...* / В частности, Сампер уточнил, что в последующие дни и недели после катастрофы...

11) *Añadir – прибавлять, добавлять* [1, с. 76]. *A ello añadió que el presidente regional «nunca ha luchado por mejorar...* / К этому он добавил, что региональный президент «никогда не боролся за улучшение...».

12) *Remarcar – снова отмечать, фиксировать, регистрировать* [1, с. 659]. *Moreno ha remarcado que dicho ‘tren de borrascas’ generó “daños importantes...”* / Морено снова отметил, что упомянутый «ураганный ветер» нанес «значительный ущерб...».

13) *Subrayar – подчеркивать, акцентировать (в речи)* [1, с.715]. *Así lo ha anunciado el presidente de la Junta, Juanma Moreno, este lunes durante su intervención en un foro económico organizado por ‘El Español’, en el que ha subrayado que dicha sucesión de temporales...* / Об этом заявил председатель правления Хуанма Морено в этот понедельник в выступлении на экономическом форуме, организованном Эль Испаньол, в котором он подчеркнул, что упомянутая череда ураганов...

14) *Anunciar – объявлять; извещать, уведомлять; предвещать, предсказывать.* [1, с. 76]. *El diputado autonómico de Vox Rafael Segovia ha anunciado este domingo que va a presentar...* / Региональный депутат Vox Рафаэль Сеговия объявил в это воскресенье, что собирается представить...

15) *Hacer hincapié – настаивать, не уступать делать упор на чем-либо (с пометкой разговорное)* [1, с.411]. *Fuentes ha hecho hincapié en que con este proyecto “se aborda la conectividad ...”* / Фуэнтес настаивали на том, что в рамках этого проекта «рассматривается возможность подключения...».

16) *Manifestar* – обнаруживать, выражать, проявлять, демонстрировать; выразить свое отношение к чему-либо [1, с.489]. *Así lo ha manifestado el presidente de la Diputación, Salvador Fuentes, quien se ha desplazado hoy a Pozoblanco...* / Об этом заявил председатель Совета, Сальвадор Фуэнтес, который сегодня посетил Пособланко... .

17) *Informar* – сообщать, информировать, уведомлять [1, с. 431]. ... *donde se procederá a la lectura de un manifiesto, según ha informado la propia asociación.* / ... где будет продолжено чтение манифеста, как сообщила сама ассоциация.

18) *Reseñar* – давать приметы, описывать; резюмировать, делать краткое изложение [1, с. 666]. *“El factor de seguridad es incluso negativo”, ha reseñado el presidente de Adif.* / «Фактор безопасности даже отрицательный», - резюмировал президент Adif.

19) *Decir* – говорить, сказать, полагать, высказывать мнение [1, с. 265]. *Paco Núñez lo ha dicho con claridad: Page defiende lo indefendible* / Пако Нуньес сказал это совершенно ясно – Пейдж защищает то, что не возможно защитить. В 5 примерах использовано сложное прошедшее время (*Pretérito Perfecto*), в 3 примерах – простое прошедшее время (*Pretérito Indefinido*): ... *según dijo el arzobispo en la carta de Ayuso, estaban invitados todos los madrileños.* / ... как сказал архиепископ в письме к Аюсо, были приглашены все жители Мадрида.

20) *Sostener* – отстаивать, утверждать, защищать идею, взгляд [1, с. 714]. *Fuentes del Ejecutivo comunitario sostienen que la independencia no es un fin en sí mismo...* / Источники исполнительной власти утверждают, что независимость является самоцелью... .

21) *Avisar* – сообщать, извещать, уведомлять, ставить в известность; предупреждать, предостерегать, советовать [1, с. 107]. *Este escrito avisa que el tramo de Adamuz sufrió una caída de la tensión el 17 de enero tras pasar por la zona.* / это письмо уведомляет, что 17 января на участке Адамус произошло падение напряжения.

22) *Cuestionar* – оспаривать, обсуждать (вопрос) [1, с. 244]. *El ministro de Transportes, Óscar Puente, ha cuestionado muchas de estas informaciones y las ha calificado de bulos o 'fakenews'.* / Министр транспорта Оскар Пуэнте оспорил множество сведений и назвал их ложными, фейковыми новостями.

23) *Reconocer* – признавать, сознаваться [1, с. 649]. *El propio Gobierno ha reconocido que no se sustituyeron elementos clave en el tramo siniestrado.* / Само правительство признало, что на пострадавшем участке не были заменены элементы.

24) *Acordar* – напоминать, вспоминать, припоминать [1, с. 27]. *De igual modo, el Gobierno andaluz acordó en la misma reunión del pasado miércoles instar a la Consejería de Sanidad...* / Аналогичным образом андалузское правительство напомнило на том же собрании в прошлую среду призвать Министерство Здравоохранения

25) *Negar* – отрицать, отвергать, не признавать чего-либо [1, с. 525]. *El Gobierno, sin embargo, ha negado cualquier posible relación...* / Правительство, однако, не признало никакой возможной взаимосвязи... .

26) *Recordar* – вспоминать, напоминать [1, с. 649]. *Todo ello es clave de cara a posibles recomendaciones porque juristas consultados por ABC han recordado que los ciudadanos europeos tienen derecho...* / Все это является ключом к возможным рекомендациям, потому что юристы, с которыми консультировалась ABC, напомнили, что европейские граждане имеют право... .

27) *Defender* – отстаивать мнение, идею [1, с. 266]. *Interior defiende que la nueva ley «tiene como objetivo ...»* / Министерство внутренних дел отстаивает мнение, что новый закон «имеет целью...».

28) *Apuntar* – указывать, обозначать; отмечать, записывать, брать на заметку [1, с. 84]. *La consejera ha explicado además que ya se ha consultado con el gabinete jurídico esta vía y ha apuntado que una de las opciones sería...* / Советник также объяснила, что она уже проконсультировалась с юридическим кабинетом об этом пути и обозначила, что одним из вариантов было бы... .

29) *Asegurar* – уверять, заверять, утверждать [1, с. 96]. *El Obispo de Huelva agradeció la presencia de sus Majestades y aseguró que “es necesario esclarecer la verdad ...”* / Епископ Уэльвы поблагодарил их высочества за присутствие и заверил, что «необходимо выяснить правду...».

30) *Opinar* – высказывать мнение, суждение; высказываться [1, с. 542]. *Y el mismo criterio vale para el resto de las rutas afectadas, opina la Mesa del Turismo.* / этот же критерий относится к остальным затронутым маршрутам, считает Туристический Совет.

31) *Denunciar* – заявлять, объявлять, извещать; предсказывать, предвещать; оглашать, обнародовать, опубликовывать [1, с. 270]. *“... además de información contradictoria y mentiras durante la emergencia”, denunció.* / «... помимо противоречивой информации и лжи во время чрезвычайной ситуации», - заявил он. Источник информации был указан выше по тексту новостной статьи.

32) *Preguntar* – спрашивать, расспрашивать [1, с. 614]. *El dirigente popular se ha preguntado reiteradamente por las razones de esa “defensa cerrada”* / народный лидер неоднократно задавался вопросом о причинах этой «закрытой защиты».

33) *Insistir* – настаивать на чем-либо [1, с. 436]. *Agudo ha insistido en que “gobernar es asumir responsabilidades...”* / Агудо настаивал на том, что «управлять это принимать ответственность ...».

34) *Expresar* – выражать, объясняться, изъясняться [1, с. 359]. *“Gracias a los que nos acompañáis por amor, compasión, empatía y a los que os hacéis por agenda”, expresó.* / «Спасибо тем, кто сопровождает нас из любви, сострадания, сочувствия и тем, кто делает это для галочки», – выразился он. Источник информации был указан выше по тексту новостной статьи.

35) *Concluir* – заключать, решать, постановлять; делать вывод [1, с. 211]. *El arzobispo ha concluido con un mensaje de esperanza, porque «la última palabra la tendrá siempre la vida.* / Архиепископ заключил свою речь посланием надежды, потому что «последнее слово всегда за жизнью».

36) *Dictaminar* – высказывать мнение, суждение; давать отзыв [1, с.297]. *La Ley de Régimen Electoral (Loreg) dictamina que los trabajadores de la empresa pública Correos tienen que verificar...* / Закон о режиме выборов (Loreg) предписывает работникам государственной почты проверять... .

37) *Aseverar* – утверждать, заверять, уверять [1, с. 96]. *“El problema es siempre de la infraestructura, que debe estar preparada para ello”, asevera José Luis Martínez Garrido, jefe del operativo de Bomberos que actuó en aquel siniestro.* / «Проблема всегда в инфраструктуре, которая должна быть готова к такому», – утверждает Хосе Луис Мартинес Гарридо, начальник пожарной службы, который работал во время того происшествия.

38) *Rematar* – кончать, заканчивать, завершать [1, с. 659]. *“Todavía lo están desdoblando, 47 años después”, remata.* / «Они все еще разворачивают его, 47 лет спустя», – завершил он.

39) *Destacar* – выделять, подчеркивать [1, с. 292]. *“... Andalucía ha dado ejemplo de cómo podemos afrontar las situaciones”, ha destacado Díaz en una declaración a los medios en Granada.* / «Андалусия дала пример того, как мы должны справляться с подобными ситуациями», – подчеркнул Диас в заявлении для СМИ в Гранаде.

40) *Declarar* – объявлять, заявлять [1, с. 265]. *... Feijóo ha declarado que es “sin control ni garantías...”* / Фейхо заявил, что это «без контроля и гарантий...».

41) *Apostillar* – снабжать примечаниями, комментариями [1, с. 82]. *“... respetar nuestra cultura y cumplir estrictamente nuestras leyes”, ha apostillado.* / «... уважать нашу культуру и строго соблюдать наши законы», – прокомментировал он. Источник информации был указан выше по тексту новостной статьи.

42) *Sentenciar* – высказывать суждение [1, с.697]. *“No podemos fallar a nuestro campo”, ha sentenciado.* / «Мы не можем подвести наших жителей», – высказал суждение он. Источник информации был указан выше по тексту новостной статьи.

43) *Indicar* – служить признаком, свидетельством; указывать, советовать, наставлять [1, с. 428]. *Ha indicado que ha logrado que el PPE se comprometa a que las salvaguardias sean “automáticas...”* / Он указал, что ему удалось убедить PPE, чтобы меры защиты были «автоматическими ...». Источник информации был указан выше по тексту новостной статьи.

44) *Criticar* – критиковать, подвергать критике [1, с. 235]. *Asimismo, ha criticado que este esté “más pendiente de insultar en ...”* / Он также раскритиковал, что последний «больше склонен оскорблять в ...».

45) *Lamentar* – жалеть, сожалеть [1, с. 457]. *“... por las chulerías que le hemos escuchado en los últimos días”, ha lamentado el dirigente ‘popular’, quien se ha preguntado ...* / «из-за грубостей, которые мы слушали в последние дни», – посетовал «народный» лидер, которого спросили... .

46) *Finalizar* – оканчивать, заканчивать, завершать [1, с. 370]. *“... especialmente en el Ministerio de Transportes, es corrupción económica, delictiva y moral”, ha finalizado.* / «... особенно в Министерстве транспорта, это экономическая, преступная и моральная коррупция», – заключил он.

47) *Argumentar* – делать вывод, заключение; доказывать, свидетельствовать [1, с.88]. *... pero María Jesús Montero argumentaba “el Gobierno está donde tiene que estar...”* / ... но Мария Хесус Монтеро доказывала, что «правительство находится там, где и должно быть ...».

48) *Continuar* – продолжать [1, с. 220]. *Esta noche, ha continuado en la homilía, “como Iglesia, junto a todos los que se incorporan a este gesto y a esta oración ...”* / Сегодня вечером он продолжил проповедь «как церковь, вместе со всеми, кто присоединяется к этому жесту и молитве...».

49) *Compartir* – разделять чувства, мнения [1, с. 207]. *Liliana, que es sanitaria, empatizó con ellos, y compartió que “yo sé lo que es volver a casa...”* / Лилиана, санитарка, поделила их чувства «я знаю какого это возвращаться домой...».

50) *Reclamar* – требовать, претендовать, предъявлять претензии [1, с. 648]. ... *y que ha reclamado que sus fallecidos no sean solo “los 45 del tren”*. / и которая заявила, что погибшие это не просто «45 человек из поезда».

51) *Exclamar* – восклицать [1, с. 357]. *También se acordó de los profesionales de la sanidad andaluza, del personal de Cruz Roja, siempre acompañando. “Tuvo que ser durísimo compañeros...”*, exclamó. / Она также вспомнила андалузских медицинских работников, сотрудников Красного Креста, которые всегда были рядом. Это должно быть было очень тяжело, товарищи...», – воскликнула.

Анонимные источники вводятся глаголами *explicar* – объяснять, изъяснять; излагать причины, мотивы [1, с. 359] (в 3 примерах): *los funcionarios explican* – объясняют чиновники, *explican fuentes* – объясняют источники, *explica a ABC un maquinista joven* – объясняет ABC молодой машинист; *señalar* – означать, обозначать, быть признаком чего-либо [1, с. 698] (в 2 примерах): *fuentes de la investigación han señalado* – источники расследования указали, *señalan fuentes parlamentarias* – указывают парламентские источники; *asegurar* – уверять, заверять, утверждать [1, с. 96] (в 2 примерах): *aseguran estas fuentes próximas a López* – уверяют источники близкие Лопесу, *según aseguran fuentes conocedoras* – как утверждают осведомленные источники. Также анонимные источники вводят глаголы (на каждый глагол по 1 примеру, приведены выше в статье) *recordar* – вспоминать, напоминать [1, с. 649], *sostener* – отстаивать, утверждать, защищать идею, взгляд [1, с. 714], *apuntar* – указывать, обозначать; отмечать, записывать, брать на заметку [84]. Разговорное выражение *hacer hincapié* – настаивать, не уступать делать упор на чем-либо [1, с. 411] вводит не анонимный источник, а конкретное лицо. Глаголы *advertir* – обращать чье-либо внимание на что-либо; извещать, уведомлять; принять во внимание, посчитаться [1, с. 35], *avisar* – сообщать, извещать, уведомлять, ставить в известность; предупреждать, предостерегать, советовать [1, с. 107], *dictaminar* – высказывать мнение, суждение; давать отзыв [1, с. 297], *explicar* – объяснять, изъяснять; излагать причины, мотивы [1, с. 359] вводят источник информации, выраженный ссылкой на документ (на каждый глагол приходится по 1 примеру, приведены выше в статье). Остальные глаголы вводят источник сведений, выраженный конкретной личностью, с указанием или без указания должности.

Выводы

В новостных материалах ABC, посвященных столкновению поездов в городе Адамус (Испания) был выявлен 51 глагол, выполняющий функцию маркера источника информации. Такое количественное многообразие свидетельствует о высокой значимости категории эвиденциальности для новостного медиадискурса, где точность сообщаемых сведений выступает одним из ключевых требований жанра. Установлено, что в анализируемых текстах источник информации может быть представлен анонимным источником, документом, конкретным источником с указанием имени и должности. Наиболее частотными являются глаголы *explicar*, *señalar*, *asegurar*, которые вводят анонимный источник информации. Источник информации, выраженной ссылкой на конкретный документ, репрезентируется глаголами *advertir*, *avisar*, *dictaminar*, *explicar*.

Список источников

1. Загорская Н.В., Курчаткина Н.Н., Нарумов Б.П. и др. Большой испанско-русский словарь. Более 150 000 слов, словосочетаний и выражений / под ред. Б.П. Нарумова. 3-е изд. М.: Рус. яз., 1999. 832 с.
2. Ковш М.И. Авторитетность в новостном медийном дискурсе: дис. ... канд. филол. наук. М., 2024. 198 с.
3. Козловский Д.В. Взаимодействие модусных категорий «эвиденциальность» и «модальность» в массмедийном дискурсе // Филология и человек. 2022. № 3. С. 32 – 45. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vzaimodeystvie-modusnyh-kategoriy-evidentsialnost-i-modalnost-v-massmediynom-diskurse> (дата обращения: 27.04.2026)
4. Козловский Д.В. Контекстуальная классификация показателей модусной категории эвиденциальности в англоязычном медиадискурсе // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. 2025. № 6. С. 40 – 51. DOI 10.5281/zenodo.18094132
5. Лутфуллина Г.Ф. Анализ функционирования глагола информирования для выражения категории пересказывательности в русском языке // Филология и человек. 2019. № 4. С. 58 – 69. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-funktsionirovaniya-glagola-informirovaniya-dlya-vyrazheniya-kategorii-pereskazyvatelnosti-v-russkom-yazyke> (дата обращения: 27.04.2026)
6. Aikhenvald A. Evidentiality. Oxford: Oxford University Press, 2004. 235 p.

7. González Ruiz R., Izquierdo Alegría D., Loureda Lamas Ó. eds.. Cornillie B. Las lecturas evidenciales de los verbos (semi)auxiliares en español // *Lingüística Iberoamericana*. Vol. 60. P. 227 – 249. La evidencialidad en español: teoría y descripción /– Iberoamericana ; Vervuert, 2016. 355 p.
8. Hassler G. Evidentiality in Romance Languages. Explanatory Potential of a Concept and Its Applications in Pragmatics // *Cadernos de Linguística*. 2021. Vol. 2. № 1. P. 1 – 32.
9. Kobrina O.A. Basic evidential means of expression in the modern English language // *Универсальное и культурно-специфичное в языках и литературах: сб. науч. тр., 18-19 апреля 2025 года*. Курган: Курганский государственный университет, 2025. С. 491 – 495.
10. ABC.es [Электронный ресурс]. URL: <https://www.abc.es/> (дата обращения: 27.04.2026)
11. Diccionario de la lengua española [Электронный ресурс] // Real Academia Española. URL: <https://dle.rae.es/dizque> (дата обращения: 16.05.2026)

References

1. Zagorskaya N.V., Kurchatkina N.N., Narumov B.P. et al. The Comprehensive Spanish-Russian Dictionary. More than 150,000 words, phrases, and expressions. Edited by B.P. Narumov. 3rd ed. Moscow: Rus. lang., 1999. 832 p.
2. Kovsh M.I. Authority in News Media Discourse: Diss. ... Cand. of Philological Sciences. Moscow, 2024. 198 p.
3. Kozlovsky D.V. Interaction of the modal categories "evidentiality" and "modality" in mass media discourse. *Philology and Man*. 2022. No. 3. P. 32 – 45. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vzaimodeystvie-modusnyh-kategoriy-evidentsialnost-i-modalnost-v-massmediynom-diskurse> (date of access: 27.04.2026)
4. Kozlovsky D.V. Contextual classification of indicators of the modus category of evidentiality in English-language media discourse. *Bulletin of Donetsk National University. Series D. Philology and Psychology*. 2025. No. 6. pp. 40–51. DOI 10.5281/zenodo.18094132
5. Lutfullina G.F. Analysis of the functioning of the verb of informing to express the category of retelling in the Russian language. *Philology and Man*. 2019. No. 4. P. 58 – 69. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-funktsionirovaniya-glagola-informirovaniya-dlya-vyrazheniya-kategorii-pereskazyvatelnosti-v-russkom-yazyke> (date of access: 27.04.2026)
6. Aikhenvald A. Evidentiality. Oxford: Oxford University Press, 2004. 235 p.
7. González Ruiz R., Izquierdo Alegría D., Loureda Lamas O. eds.. Cornillie B. Las lecturas evidenciales de los verbos (semi)auxiliares en español. *Lingüística Iberoamericana*. Vol. 60. P. 227 – 249. La evidencialidad en español: teoría y descripción. Iberoamericana; Vervuert, 2016. 355 p.
8. Hassler G. Evidentiality in Romance Languages. Explanatory Potential of a Concept and Its Applications in Pragmatics. *Cadernos de Linguística*. 2021. Vol. 2. No. 1. P. 1 – 32.
9. Kobrina O.A. Basic evidential means of expression in the modern English language. *Universal and culturally specific in languages and literatures: collection of scientific papers, April 18-19, 2025*. Kurgan: Kurgan State University, 2025. P. 491 – 495.
10. ABC.es [Electronic resource]. URL: <https://www.abc.es/> (date of access: 27.04.2026)
11. Diccionario de la lengua española [Electronic resource]. Real Academia Española. URL: <https://dle.rae.es/dizque> (date of access: 16.05.2026)

Информация об авторе

Дырыгина Н.Ю., старший преподаватель, Высшая школа иностранных языков и перевода, Институт международных отношений, истории и востоковедения, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Nadezhda.dyrygina@yandex.ru

© Дырыгина Н.Ю., 2026

Научно-исследовательский журнал «Филологический вестник / Philological Bulletin»

<https://fv-journal.ru>

2026, Том 5, № 4 / 2026, Vol. 5, Iss. 4 <https://fv-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки)

УДК 372.881.111.1

DOI: 10.66621/2949-4656-2026-5-4-145-150

Аббревиация как средство формирования лексической компетенции студентов в сфере цифровых технологий

¹ Солдатов Б.Г.,

¹ Донской государственный технический университет

Аннотация: научная статья посвящена лингвистическим особенностям аббревиатур в английском языке, которые открывают широкие возможности для организации системной работы над лексикой, когда усвоение одной аббревиатуры влечет за собой знакомство с целым семейством однокоренных слов, что значительно повышает эффективность пополнения словарного запаса студентов. Объект исследования – процесс формирования лексической компетенции студентов в сфере цифровых технологий. Предмет исследования – аббревиатуры в современном английском языке как средство формирования лексической компетенции студентов. Цель исследования – теоретически обосновать методику использования аббревиатур для формирования лексической компетенции студентов в сфере цифровых технологий. В статье описываются функциональные особенности использования аббревиатур в английском языке. Автором статьи систематизированы основные характеристики аббревиатур: понятие, виды в контексте формирования лексической компетенции студентов.

Ключевые слова: аббревиатура, компетенция, цифровая технология, акроним, полисемия, лексика, упражнение, интерференция

Для цитирования: Солдатов Б.Г. Аббревиация как средство формирования лексической компетенции студентов в сфере цифровых технологий // Филологический вестник. 2026. Том 5. № 4. С. 145 – 150. DOI: 10.66621/2949-4656-2026-5-4-145-150

Поступила в редакцию: 8 июня 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 5 июля 2026 г.; Принята к публикации: 17 августа 2026 г.

Abbreviation as a means of developing students' lexical competence in the field of digital technologies

¹ Soldatov B.G.,

¹ Don State Technical University

Abstract: this scientific article focuses on the linguistic features of abbreviations in English, which provide ample opportunities for organizing systematic work on vocabulary. By learning one abbreviation, students can gain knowledge of a whole family of related words, significantly enhancing their vocabulary acquisition. The object of the study is the process of forming students' lexical competence in the field of digital technologies. The subject of the study is abbreviations in modern English as a means of forming students' lexical competence. The purpose of the study is to theoretically substantiate the methodology of using abbreviations to form students' lexical competence in the field of digital technologies. The article describes the functional features of using abbreviations in English. The author systematizes the main characteristics of abbreviations: the concept, types, and their role in the formation of students' lexical competence.

Keywords: abbreviation, competence, digital technology, acronym, polysemy, vocabulary, exercise, interference

For citation: Soldatov B.G. Abbreviation as a means of developing students' lexical competence in the field of digital technologies. Philological Bulletin. 2026. 5 (4). P. 145 – 150. DOI: 10.66621/2949-4656-2026-5-4-145-150

The article was submitted: June 8, 2026; Approved after reviewing: July 5, 2026; Accepted for publication: August 17, 2026.

Введение

Для любого языка свойственно проходить определенные этапы развития. В результате таких процессов образуются совершенно новые лексемы, меняются грамматические структуры. Аббревиация представляет собой изменения, происходящие в лексической сфере. На сегодняшний день, можно смело утверждать, что процесс аббревиации стал повсеместным, достаточно часто используются сокращения лексических единиц. Количество международных сокращений, понятных для любых носителей языка, постоянно увеличивается. В современной языковой сфере достаточно сложно перечислить все существующие аббревиации.

Современный этап развития английского языка характеризуется интенсивными процессами цифровизации, что находит непосредственное отражение в лексической системе. Одним из наиболее продуктивных способов словообразования в сфере информационных технологий выступает аббревиация, порождающая множество акронимов и сокращений, которые становятся неотъемлемым компонентом профессиональной и учебной коммуникации. Акронимы типа API (Application Programming Interface), IoT (Internet of Things) и AI (Artificial Intelligence) составляют ядро специальной лексики, без владения которой невозможно полноценное понимание современных цифровых реалий и профессиональных текстов [1].

Особую значимость изучение аббревиатур приобретает в контексте формирования лексической компетенции студентов.

Материалы и методы исследований

В исследовании были использованы общенаучные методы теоретического и эмпирического познания: анализ теоретического материала, лингвистический анализ, необходимый для изучения способов аббревиации в английском языке; описательный метод, использованный при составлении характеристик сокращений; анализ и синтез. Теоретическая значимость исследования заключалась в попытке систематизировать основные характеристики аббревиатур: понятие, виды, особенности использования и образования в контексте формирования лексической компетенции; раскрыть и научно обосновать стилистические особенности использования аббревиатур в учебной коммуникации и лингвистические особенности аббревиации в английском языке, их значение для формирования лексической компетенции. Практическая значимость исследования заключается в предложенной в статье системе реализации методики формирования лексической компетенции в сфере цифровых технологий посредством описания серии упражнений и заданий, направленных на развитие различных видов речевой деятельности, расширение словарного запаса студентов, знакомство с профессиональной терминологией и формирование представления о цифровой сфере как о перспективной профессиональной области.

Результаты и обсуждения

Использование технической терминологии и стремительное появление новых лексических явлений в сфере цифровых технологий обусловили необходимость оптимизации языка, что реализуется преимущественно через процессы аббревиации. Аббревиация обладает уникальной способностью концентрировать в кратких выражениях, как план выражения, так и план содержания, благодаря чему наиболее полно реализуется её оптимизационная функция [2]. Данный лингвистический феномен не только сокращает материальное воплощение слова, но и существенно повышает скорость воспроизведения и восприятия информации, что особенно значимо в условиях интенсивного профессионального и учебного общения. Многообразие существующих аббревиатурных форм обусловлено не только профессиональной необходимостью номинировать новые явления, но и стремлением к экономии языковых средств в процессе коммуникации, что порождает сложности их системной классификации с точки зрения стилистики [3].

Несмотря на то, что аббревиатуры первоначально образуются в рамках конкретной профессиональной среды, они демонстрируют выраженную тенденцию к переходу в категорию общеупотребительной лексики. Однако такое разделение носит условный характер и зависит от частотности использования и степени интеграции в повседневную коммуникацию. Ярким примером служат наименования технических устройств и технологий: USB, RAM, CD, HDD, которые из узкопрофессиональной сферы перешли в активный словарь обычных пользователей цифровых технологий. В контексте формирования лексической компетенции этот процесс трансформации статуса аббревиатур имеет особое значение, поскольку требует умения различать степень специализации и сферу употребления той или иной сокращенной единицы.

Особое место в системе аббревиатур занимают акронимы. В современной лингвистике под акронимом (от греч. *ákros* – крайний + *ónyma* – имя) понимается вид инициальной аббревиатуры, который образован из начальных букв, звуков или слогов слов исходного словосочетания, но, в отличие от буквенных аббревиатур, функционирует как полноценное слово и фонетически читается по правилам языка, а не по названиям букв. Именно это фонетическое свойство – способность быть произнесенным как единое целое – является ключевым дифференциальным признаком акронима [4].

Классическими примерами акронимов в сфере цифровых технологий являются:

- RAM [ræm] (Random Access Memory) – произносится как единое слово, а не [a:r ei em].
- ROM [rɒm] (Read-Only Memory).
- LAN [læn] (Local Area Network).
- DOS [dɒs] (Disk Operating System).
- SIM [sim] (Subscriber Identity Module).

Акронимы часто теряют свою связь с исходным словосочетанием в сознании носителей языка и воспринимаются как самостоятельные лексические единицы, что способствует их активному вхождению в повседневную речь. Ярким примером является слово LASER ['leɪzə], изначально бывшее акронимом от Light Amplification by Stimulated Emission of Radiation, но сейчас осознаваемое большинством как самостоятельное слово. Так, в рамках инициального типа аббревиатур существует важное противопоставление: буквенные аббревиатуры (произносятся по названиям букв: CPU [si: pi: 'ju:], URL [ju: a:r 'el]) и акронимы (произносятся как цельные слова: RAM, LAN). Это различие имеет непосредственное значение для формирования лексической компетенции, так как требует от студентов усвоения не только графического облика и значения, но и правильного фонетического оформления единицы.

При формировании лексической компетенции, особенно в специальных областях, таких как сфера цифровых технологий, аббревиатуры представляют для студентов ряд специфических трудностей, учет которых является необходимым условием эффективного обучения. Сталкиваясь с аббревиатурой (например, API, SSH, IoT), студент лишен возможности применить стандартные стратегии семантического прогнозирования или морфологического анализа. Непрозрачная внутренняя форма и отсутствие очевидной связи с исходными словами (Application Programming Interface, Secure Shell, Internet of Things) требуют обязательного обращения к внешним источникам информации (словари, глоссарии, контекст) или запоминания как целостной лексической единицы [5].

Преподавателю следует обратить внимание студентов на проблему омонимии и полисемии. Одна и та же буквенная последовательность может соотноситься с различными понятиями в зависимости от предметной области. Например, GUI может означать Graphical User Interface (графический интерфейс пользователя) в информатике, но в неформальной речи использоваться как написание слова «гуу» (парень). Аббревиатура CAD расшифровывается как Computer-Aided Design (автоматизированное проектирование) в инженерии и как Coronary Artery Disease (ишемическая болезнь сердца) в медицине. Это создает высокий риск ложной идентификации и непонимания текста.

Отсутствие визуальной и морфологической опоры создает определённые трудности в процессе обучения лексике английского языка. В отличие от полных слов, которые часто содержат корни, аффиксы и другие морфемы, несущие смысловую нагрузку, аббревиатуры являются «неразложимыми» с точки зрения стандартного морфемного анализа. Это требует формирования отдельной когнитивной стратегии для запоминания лексики [6].

Сфера цифровых технологий характеризуется исключительно высокой скоростью появления новых понятий и, соответственно, их аббревиатурных обозначений (FinTech, EdTech, Big Data, IoT). Многие из этих неологизмов отсутствуют в актуальных словарях, что ставит перед студентами задачу развития навыков самостоятельного поиска, верификации информации и анализа контекста для определения значения новой единицы.

Фонетическая вариативность и сложность также требует отдельного рассмотрения. Не существует единого правила произношения аббревиатур. Одни читаются по названиям букв (буквенные аббревиатуры), как API [ei pi: ai], другие – как полноценные слова (акронимы), как SQL [si:kwəl]. Обучаемым приходится запоминать не только графический облик и значение, но и фонетическую форму каждой аббревиатуры, что увеличивает когнитивную нагрузку.

Таким образом, аббревиатуры представляют собой значительный вызов в процессе изучения, вызывая трудности, связанные с их декодированием, омонимией, динамичностью и фонетической неоднозначностью, что требует разработки специальных методических подходов для их успешного усвоения [7].

Лингвистические особенности аббревиатур определяются способом их образования и проявляются на различных уровнях языковой системы. С точки зрения формирования лексической компетенции аббревиатурные образования представляют особую сложность, поскольку требуют одновременного усвоения графической формы, фонетического оформления, семантики и условий употребления. Преодоление этих трудностей возможно через системную организацию учебного материала, учет словообразовательного потенциала аббревиатур и развитие стратегий контекстуального анализа.

Особого внимания заслуживает проблема преодоления интерференции при изучении аббревиатур и акронимов. Эффективным средством минимизации интерференции является сопоставительный анализ родного и изучаемого языка, а также выполнение специально разработанных упражнений на различение внешне схожих лексических единиц. Так, формирование лексической компетенции в сфере цифровых технологий требует реализации целостного системного подхода, учитывающего лингвистические особенности аббревиатур и акронимов. Комплексное использование различных методов и приемов работы, учет индивидуальных особенностей студентов и ориентация на практическое применение знаний в условиях, максимально приближенных к реальной профессиональной коммуникации, позволяют достичь устойчивых результатов в овладении специальной лексикой [8].

Практическая реализация методики формирования лексической компетенции в сфере цифровых технологий предполагает разработку системы упражнений, соответствующих современным образовательным стандартам. Эффективность усвоения лексики напрямую зависит от правильной организации учебного материала и последовательности выполнения заданий и упражнений.

На начальном этапе используются упражнения по семантизации аббревиатур. Студентам предлагается соотнести аббревиатуры с их полными формами и графическими изображениями; классифицировать сокращения по тематическим группам (аппаратное обеспечение, программное обеспечение, сети); составить глоссарий наиболее употребительных ИТ-аббревиатур.

Следующий этап включает упражнения на закрепление лексики в контексте: заполнение пропусков в предложениях соответствующими аббревиатурами; перевод предложений с использованием изученных сокращений; составление диалогов на профессиональные темы с применением акронимов. Для развития коммуникативных навыков используются: ролевые игры, моделирующие профессиональные ситуации; дискуссии на актуальные темы цифровой сферы презентации с использованием специализированной лексики. Особое внимание уделяется работе с аутентичными материалами. Преподаватель может предложить студентам проанализировать техническую документацию и руководства пользователя; статьи из профессиональных ИТ-изданий; видеоматериалы с конференций и вебинаров. Творческие задания включают: разработку собственного проекта с использованием ИТ-терминологии; создание образовательного контента по цифровым технологиям; подготовку тематических презентаций и докладов. Контроль сформированности лексической компетенции осуществляется преподавателем через следующие виды заданий: лексические диктанты и тесты; проектные работы и презентации; устные опросы и дискуссии [9].

Эффективное формирование лексической компетенции в сфере цифровых технологий требует реализации комплексного методического подхода, основанного на принципах постепенного усвоения учебного материала, дифференцированного обучения и коммуникативной направленности. Ключевыми условиями успешного усвоения аббревиатур и акронимов являются: использование аутентичных материалов, интеграция цифровых образовательных ресурсов и организация проектной деятельности. Особое значение приобретает поэтапная работа с лексическим материалом, обеспечивающая переход от рецептивного владения к продуктивному использованию специализированной лексики в профессионально-ориентированных ситуациях общения.

Комплекс упражнений, разработанный преподавателем, должен быть направлен на развитие различных видов речевой деятельности, расширение словарного запаса студентов, знакомство с профессиональной терминологией и формирование представления о цифровой сфере как о перспективной профессиональной области. Все упражнения должны быть структурированы по принципу возрастания сложности и подкреплены соответствующими теоретическими и практическими материалами [10].

Выводы

Автор статьи пришел к выводу, что аббревиация представляет собой сложный, многоаспектный лингвистический феномен, характеризующийся отсутствием единой терминологической базы. В основе процесса аббревиации принцип экономии языковых усилий, который в условиях информационного общества и цифровых технологий приобретает особую значимость. Аббревиатуры и акронимы сокращают материальную

оболочку слова и выполняют важные лингвистические функции, что обуславливает их потенциал в качестве эффективного средства обучения английскому языку.

Аббревиатуры и акронимы сферы цифровых технологий демонстрируют тенденцию к переходу из узко-профессионального регистра в общеупотребительную лексику, что делает их высокомотивированным материалом для включения в учебный процесс по английскому языку. Их стилистическая вариативность позволяет моделировать на учебных занятиях аутентичные коммуникативные ситуации, способствуя формированию практико-ориентированной лексической компетенции.

Систематическая работа с аббревиатурами способствует не только расширению словарного запаса студентов, но и формированию профессиональной лингвистической догадки. Обучаемые приобретают умение определять значение незнакомых акронимов по контексту и словообразовательным элементам, что особенно важно в условиях постоянного обновления терминологии цифровых технологий. Коммуникативно-деятельностный подход, реализованный в системе упражнений, позволяет моделировать реальные профессиональные ситуации, где употребление акронимов становится естественным и мотивированным.

Список источников

1. Арефьева С.А. Семантико-функциональные особенности использования языковых средств в публицистическом стиле. М.: Просвещение, 2022. 234 с.
2. Вишнякова Е.А. Место аббревиации в словообразовательной системе современного английского языка // Научные ведомости. 2021. №6 (21). С. 112 – 120.
3. Фомин Я.Е., Богатов А.Д., Романов А.В. Аббревиатура как лингвистическая особенность online общения на английском языке // Международный научный журнал «Вестник Науки». №4 (97). Т.3. Апрель 2026 г. С. 605 – 612.
4. Ефимов Д.К., Кропотина В.Д. Аббревиация в английском языке на примере молодежного сленга // Учёные записки Шадринского государственного педагогического института. 2024. № 2 (4). С. 155 – 160.
5. Горчеева А.И. Аббревиация в интернет-языке как социолингвистическое явление // Молодой ученый. 2018. № 2 (188). С. 241 – 245. URL: <https://moluch.ru/archive/188/47722>
6. Петрищева Н.С., Рыбалко Т.Г. Мобильные технологии как средство формирования лексической компетенции студентов в профессиональном лингвообразовании // Педагогика. Вопросы теории и практики. 2020. Т.5. Выпуск 1. С. 123 – 127.
7. Лопаткина И.А., Гриднева Е.А. Аббревиатуры и сокращения в английском языке // Актуальные исследования. 2023. № 48 (178). Ч. II. С. 6 – 8. URL: <https://apni.ru/article/7638-abbreviaturi-i-sokrashcheniya-v-anglijskom>
8. Шестакова Е.С., Гусева А.С. Применение цифровых технологий при обучении профессиональной лексике студентов неязыковых специальностей // Ярославский педагогический вестник. 2025. № 1 (142). С. 69–82. <http://dx.doi.org/10.20323/1813-145X-2025-1-142-69>. <https://elibrary.ru/IIHNT>
9. Каменева Н.А. Образование современных англоязычных аббревиатур в деловых и научных коммуникациях и их перевод на русский язык // Филология: научные исследования. 2024. № 2. DOI: 10.7256/24540749.2024.2.69888
10. Козьма М.П., Власова Е.А., Романова Л.Г. Сокращения как характерное явление языка в условиях цифровой коммуникации (на материале английского языка) // Modern Humanities Success. 2025. № 3. С. 14 – 19.

References

1. Arefieva S.A. Semantic and functional features of the use of linguistic means in the journalistic style. Moscow: Prosveshchenie, 2022. 234 p.
2. Vishnyakova E.A. The place of abbreviation in the word-formation system of the modern English language. Nauchnye Vedomosti. 2021. No. 6 (21). P. 112 – 120.
3. Fomin Ya.E., Bogatov A.D., Romanov A.V. Abbreviation as a linguistic feature of online communication in English. International scientific journal "Vestnik Nauki". No. 4 (97). Vol. 3. April 2026. P. 605 – 612.
4. Efimov D.K., Kropotina V.D. Abbreviation in the English Language: The Example of Youth Slang. Scientific Notes of the Shadrinsk State Pedagogical Institute. 2024. No. 2 (4). P. 155 – 160.
5. Gorcheeva A.I. Abbreviation in Internet Language as a Sociolinguistic Phenomenon. Young Scientist. 2018. No. 2 (188). P. 241 – 245. URL: <https://moluch.ru/archive/188/47722>

6. Petrishcheva N.S., Rybalko T.G. Mobile Technologies as a Means of Developing Students' Lexical Competence in Professional Linguistic Education. *Pedagogy. Theoretical and Practical Issues*. 2020. Vol. 5. Issue 1. P. 123 – 127.
7. Lopatkina I.A., Gridneva E.A. Abbreviations and Contractions in the English Language. *Current Research*. 2023. No. 48 (178). Part II.P. 6 – 8. URL: <https://apni.ru/article/7638-abbreviaturi-i-sokrashcheniya-v-anglijskom>
8. Shestakova E.S., Guseva A.S. Application of Digital Technologies in Teaching Professional Vocabulary to Students of Non-Linguistic Specialties. *Yaroslavl Pedagogical Bulletin*. 2025. No. 1 (142). P. 69 – 82. <http://dx.doi.org/10.20323/1813-145X-2025-1-142-69>. <https://elibrary.ru/IIHZZT>
9. Kameneva N.A. Formation of modern English-language abbreviations in business and scientific communications and their translation into Russian. *Philology: scientific research*. 2024. No. 2. DOI: 10.7256/2454-0749.2024.2.69888
10. Kozma M.P., Vlasova E.A., Romanova L.G. Abbreviations as a characteristic phenomenon of language in the context of digital communication (based on the English language). *Modern Humanities Success*. 2025. No. 3. P. 14 – 19.

Информация об авторе

Солдатов Б.Г., кандидат филологических наук, доцент, Донской государственный технический университет, bsoldatov@rambler.ru

© Солдатов Б.Г., 2026

Научно-исследовательский журнал «Филологический вестник / Philological Bulletin»

<https://fv-journal.ru>

2026, Том 5, № 4 / 2026, Vol. 5, Iss. 4 <https://fv-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки)

УДК 811.161.1'42

DOI: 10.66621/2949-4656-2026-5-4-151-156

Лингвокультурные коды, отраженные в тексте киносценария Н. Бурляева и В. Орлова «Пушкин»

¹ *Ступина Е.С.,*

¹ *Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова*

Аннотация: проведено исследование, касающееся лингвокультурных кодов, реализованных в жанре сценария о жизни А.С. Пушкина. На основе таких сценариев о частной жизни известных людей снимают фильмы – байопики. В работе рассматриваются вопросы жанровых особенностей киносценария, показатели культуры начала XIX века в языковой стихии текста, созданного в конце XX века. Выполнен обзор научных источников, обращающихся к проблеме осмысления лингвокультурных показателей, к особенностям трансляции биографических нарративов в сценарии. Отмечается, что в произведении фиксируются кризисные процессы, наблюдаемые в обществе после развала СССР, мировоззренческие установки авторов, стереотипные биографические фреймы в отношении известного поэта и писателя, образ которого является частью культурного кода России. Сценарий опубликовали в журнале «Роман-газета». Фильм был снят значительно позже. Подчеркивается, что в сценарии уделяется большое внимание религиозной тематике, что обусловлено изменением в государственной повестке. Поднимается вопрос о принципах организации быта дворянской семьи, о правилах обращения в высшем свете, о жизненных вехах (образование, служба, создание семьи). Автор приходит к выводу о том, что сценарная форма позволяет подсвечивать и укрупнять значимые позиции в жизни известного человека, расставлять идеологические акценты и таким образом влиять на общую оценку личности. Снятый по сценарию фильм может быть серьезным инструментом в формировании многих нравственных позиций общества. Данная формула представляется особо актуальной с точки зрения концентрированной, прицельной борьбы за аксиологические ориентиры.

Ключевые слова: сценарий, лингвокультурный код, Пушкин, православие, обращение, дворянство

Для цитирования: Ступина Е.С. Лингвокультурные коды, отраженные в тексте киносценария Н. Бурляева и В. Орлова «Пушкин» // Филологический вестник. 2026. Том 5. № 4. С. 151 – 156. DOI: 10.66621/2949-4656-2026-5-4-151-156

Поступила в редакцию: 8 июня 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 5 июля 2026 г.; Принята к публикации: 17 августа 2026 г.

Linguistic and cultural codes reflected in the text of the screenplay by N. Burlyaev and V. Orlov "Pushkin"

¹ *Stupina E.S.,*

¹ *Linguistics University of Nizhny Novgorod*

Abstract: a study has been conducted on linguistic and cultural codes implemented in the genre of a script about the life of Alexander Pushkin. Biopic films are made based on such scenarios about the private lives of famous people. The paper examines the issues of genre features of the screenplay, cultural indicators of the early 19th century in the linguistic element of the text created at the end of the twentieth century. A review of scientific sources addressing the problem of understanding linguistic and cultural indicators and the peculiarities of translating biographical narratives into scripts is performed. It is noted that the work captures the crisis processes observed in society after the collapse of the USSR, the ideological attitudes of the authors, stereotypical biographical frames regarding the famous poet and writer, whose image is part of the cultural code of Russia. The script was published in the Roman-Gazeta magazine. The film was shot much later. It is emphasized that the script pays great attention to religious themes, which is due to a change in the state agenda. The question is raised about the principles of organizing the life of a noble family, about the rules of treatment in high society, about life milestones (education, ser-

vice, starting a family). The author comes to the conclusion that the scenario form allows highlighting and enlarging significant positions in the life of a famous person, placing ideological accents and thus influencing the overall assessment of personality. A film shot according to a script can be a serious tool in shaping many moral positions of society. This formula seems to be particularly relevant from the point of view of a concentrated, targeted struggle for axiological guidelines.

Keywords: script, linguistic and cultural code, Pushkin, Orthodoxy, conversion, nobility

For citation: Stupina E.S. Linguistic and cultural codes reflected in the text of the screenplay by N. Burlyayev and V. Orlov "Pushkin". Philological Bulletin. 2026. 5 (4). P. 151 – 156. DOI: 10.66621/2949-4656-2026-5-4-151-156

The article was submitted: June 8, 2026; Approved after reviewing: July 5, 2026; Accepted for publication: August 17, 2026.

Введение

Имя Пушкина в отечественной картине мира всегда ассоциируется с национальным самосознанием, классической литературой, ярким поэтическим миром, русской культурой. В творчестве Пушкина отразились быт и нравы людей, живущих в разные исторические эпохи. Мы узнаем о порядках во времена князя Олега, об устройстве уклада при Борисе Годунове, о принципах становления страны при Петре I, Екатерине II. Особенно детально представляется эпоха начала XIX века, описанная в романе в стихах «Евгений Онегин». Познавательно культурологический потенциал произведения столь значителен, что В.Г. Белинский назвал его «энциклопедией русской жизни». Языковое воплощение реалий культурного пространства составляет лингвокультурный код. Справедливо считать культуру доминирующим объектом в изучении языка, поскольку язык выступает как проекция культуры. Как отмечал Ю.М. Лотман, «культура есть форма общения между людьми и возможна лишь в такой группе, в которой люди общаются», «всякая структура, обслуживающая сферу социального общения, есть язык. Это означает, что она образует определенную систему знаков, употребляемых в соответствии с известными членам данного коллектива правилами» [7, с. 5]. Язык – часть общего культурного кода, тех усвоенных с детства правил, систематизированные в сознании народа. Считается, что «лингвокультурный код включает в себя систему образов внутри культуры, получивших свое воплощение в естественном языке. Поведение людей строится согласно незримым предписаниям, заключенным в кодах; отклонения от предписаний сразу же замечаются окружающими людьми и вероятностно интерпретируются (осмысливаются) в том или ином коде» [11, с. 4356]. Анализ слов, словосочетаний, наделенных национально-культурной семантикой, определяет особенности лингвокультурного кода, заложенного в предложенной текстовой форме. Комментирование культурно маркированных единиц используется для артибуции существенных форм народной идентичности, обозначающих особенности обращений, приветствий, невербальной коммуникации, поведенческих алгоритмов. Мы не будем отдельно останавливаться на вопросе дефинирования термина «лингвокультурный код», поскольку это многоаспектная и объемная задача, исследованная многими учеными (см. работы [15, 8, 12, 3 и др.]). В работе мы покажем, как эти коды отражаются в литературном сценарии о жизни А.С. Пушкина.

Материалы и методы исследований

В настоящем исследовании мы обратимся к сценарию под названием «Пушкин», написанному Владимиром Орловым в соавторстве с народным артистом России Николаем Бурляевым в 1998 году. В основу сценария положена версия Орлова о дуэли между Пушкиным и Дантесом [13]. Любопытно отметить, что «сценарий «Пушкин» был впервые опубликован в журнале «Роман-газета», после чего журнал недолго еще продолжил издательскую деятельность [13].

При написании статьи использовался комплекс методов, как общелингвистических, так и специализированных. Прежде всего были реализованы описательный метод, метод стилистического анализа. Применялся метод дискурсивного анализа при обращении к биографии поэта. Историко-страноведческое изучение эпохи, лингво-концептуальный анализ позволили воспроизвести базовые мировоззренческие установки общества в начале XIX века и конца XX века.

Результаты и обсуждения

О тех годах, когда жил сам Александр Сергеевич, мы узнаем по его личным письмам, по заметкам в периодической печати, по воспоминаниям людей, составлявших близкий круг Пушкина. Современники зна-

комятся с его жизнью, как правило, когда смотрят фильмы о поэте. Это сегодня привычный способ для приобщения к культуре.

Сценаристы, режиссеры, изучая архивы, создают отдельные произведения, выступающие аналогом биографического текста. Такие произведения, выступающие частью биографического дискурса, реализуются в кинокартинах – байопиках. Термин «возник в результате соединения слов биография (biography) и картина (picture)» [1, с. 118]. Этот текст оказывается слепком эпохи и воплощением субъективного видения автором Пушкинского мира. М.М. Бахтин подчеркивал, что «биография – органический продукт органической эпохи» [2, с. 151]. Лингвокультурологические формулы в сценарии, реализованные в последующих фильмах, требуют комментирования, особенно для иностранцев, которые только знакомятся с русским миром, изучая русский язык, в том числе и по фильмам.

Лексикализация слов и выражений, воплощенных в тексте сценария об А.С. Пушкине, позволяет осмыслить традиции, интересы и нравы всего русского народа, понять значимость Пушкина как символа и феномена. Сценарий, который лег в основу фильма, отражает базовые фреймы биографии поэта, эмоционально «оживляя» привычный, обусловленный шаблонным восприятием, образ Пушкина.

Классическая школа советского киносценарного искусства постулировала идею о том, что сценарий должен быть «производственным и педагогическим образцом» [10, с. 30]. Фильмы снимались в концепции дидактической наставительности. Последователи этой школы сохранили пиетет перед идейностью и значимостью поэтики жанра литературного сценария. Сценарий, написанный Н. Бурляевым и В. Орловым, по архитектонике и по содержательным параметрам соответствует принципам приоритетности мысли и наставительности.

В произведении реализованы три основных направления для лингвокультурного осмысления. Во-первых, позиции, отражающие отношения человека с социумом. Это прежде всего обращение к аспектам семейных связей, к традициям воспитания в дворянских семьях, к особенностям получения образования в начале XIX века. Во-вторых, анализ текста показывает, что значимым блоком русской лингвокультуры выступает тема религии, взаимодействия человека с Богом. В-третьих, заметим, что существенным предметом изучения является вопрос взаимодействия человека и государства, поэта и государства.

Рассмотрим наиболее показательные примеры, иллюстрирующие данные направления.

Прежде всего обращают на себя внимание формулы речевого этикета, в которых закреплены социальные отношения определенной лингвокультуры и эпохи. Так, социокультурного комментария требует использование обращения «*мон шер ами*». Это транслитерированная форма «*Mon chère ami*». В тексте сценария используется подобная языковая формула: – *Ну и что ты тут насочинял, мон шер ами, – дядя Василий Львович протянул руку и приветливо улыбнулся, – не дашь ли мне посмотреть?* [13]. Известно, что в русской культуре XVIII-XIX веков знание французского языка считалось безусловным признаком дворянского сословия. Данная конструкция выступает маркером социальной принадлежности.

Важно понимать, что положение дворянина в России в то время предполагало не только определённые привилегии, но и требовало исполнение ряда обязанностей – получение образования, служба государю, следование законам морали и нравственности, поддержание чести и достоинства. Кроме того, необходимы были знания о ритуальных процедурах, заведенных в светском обществе. Особенно это касается дуэлей, которые были запрещены: – *Я дворянин, Ваше Величество. И для меня понятия чести святы. Что до самой дуэли, я готов понести наказание за участие в ней... Останусь жив – уйду в монастырь* [13]. Пушкин, следуя неписаным законам, вызывает Дантеса на поединок. «Как дворянин, человек сословия, которое одновременно было и социально господствующей корпорацией, и культурной элитой, он подчинялся законам чести. Психологическим стимулом подчинения здесь выступает стыд. Идеал, который создает себе дворянская культура, подразумевает полное изгнание страха и утверждение чести как основного законодателя поведения» [7, с. 80]. В данном сценарии не указываются детали вызова на дуэль, при этом упоминается принадлежавший Дантесу перстень с изображением Генриха V. Авторы преподносят историю с перстнем как одну из причин дуэли. Принято считать, что «сценарий – предметно-изобразительная и композиционная основа сценического представления или фильма в кратком суммирующем изложении либо в тщательной детализации», поэтому данный жанр не предполагает романного описания [5]. Возможно, отсутствие подробностей дуэли обусловлено выбранной авторами формой: с максимальной нарративностью обозначить ключевые события, создать мелодраматический момент во время ссоры из-за перстня. Данная деталь выступает отправной точкой и концентрирует насыщенность сюжетной линии, поскольку именно «беллетризованная суть истории и характер главного героя, а не историческая достоверность определяют поэтическую и тематическую значимость картины» (перевод наш – Е.С. [16, с. 2]). К слову сказать, многие биографы Пушкина обращают внимание на перстень, но вот предаваемые фактические особенности конфликта

противоречивы и, по мнению авторитетных исследователей, отражают, вероятно, специфику светского фольклора [7, с. 112]. Сценаристы стремились подробнее представить монологи, характеризующие личность героев для передачи эмоционального напряжения.

Мотив дворянской чести в сценарии является ведущим, поскольку смерть Пушкина, как центр всей истории, изложенной в тексте, как трагическое событие для всего русского мира, обусловлена этим мотивом.

Заметим, что организованное в 12 веке российское дворянство долго не имело особых предпочтений, ибо относилось к низшим уровням знатного населения. Ю.М. Лотман в «Беседах о русской культуре» указывает, что дворянство, какое уже предполагалось во времена Пушкина, приобретает свое высокое статусное состояние благодаря реформам Петра Великого [7, с. 16-17]. Культурное и государственное доминирование дворянина в обществе предопределило тот типаж поведенческих характеристик, что описываются в сценарии: – *Так ведь одни глупцы не меняются, – Пушкин вздохнул, – да ещё мои литературные недруги, кои меня, потомственного дворянина, обливают грязью и кои находятся на содержании Третьего отделения* (2). Противостояние поэта и политической полиции при Николае I показывают сложные отношения творческой личности и государственной системы, борющейся с инакомыслием.

В сценарии идея дворянской чести обозначена несколько пафосно и претенциозно, особенно это касается монологических высказываний Пушкина. Возможно, такой эффект возникает в силу концентрированного обращения к отдельным эпизодам жизни великого поэта: *Сердечно привязанный лично к императору Николаю, я тоже не в восхищенье от всего, что вижу вокруг себя; как писатель, я озлоблен; как человек с предрассудками, я обижен – но клянусь честью, ни за что на свете я не хотел бы ни переменить Отечество, ни иметь другую историю, чем история наших предков, такая, как нам Бог её дал...* Сегодня речевой оборот *клянусь честью* малоупотребителен носителями языка, стилистически высокий, книжный, что, безусловно, связано с теми историческими процессами, которые произошли в XX веке. Обратим также внимание, что в данной текстовой иллюстрации обозначены и другие направления лингвокультурологического интереса – это почитание императора, верность Отечеству, религиозность.

Вопрос верности своему Отечеству и сегодня является актуальным, но не менее актуальным он считался в конце XX века, поскольку многие стремились уехать из России, стоящей на изломе, в состоянии политического, экономического и духовного кризисов. Патриотическая повестка стояла очень остро, идея любви к своей стране волновала тех, кто понимал, что культурный код России зиждется на понимании единения нации, «любви к родному пепелищу, любви к отеческим гробам», что так тонко чувствовал А.С. Пушкин. Вероятно, по этой причине авторы апеллируют к установке верности Отчизне.

Во многих исследованиях, посвященных русскому национальному характеру, подчеркивается значимость религиозности (см. работы [6, 4, 9]). Согласно мировоззренческим установкам, обозначенным в литературе дореволюционной, быть православным христианином – значит свято чтить традиции, принимать нравственные ценности (*добро, совесть, справедливость*), религиозные (*вера, смирение, возмездие, спасение*), социальные (*брак, семья, дети*). Обращение к православным образам включено в сценарий: *А вот и он... старец Серафим в своей скромной, полутёмной, бревенчатой келье* [13]. Успешное освоение лексики данной тематики позволяет сформировать представление о русской языковой картине мира, сформированной при значительном влиянии православия. Исследуемая работа имеет резко выраженный религиозный контур, что, вероятно, указывает на изменившиеся в 90-е годы взгляды на религию. Авторы не просто демонстрировали открытое возвращение к религиозности, а формировали новое отношение к русскому миру у самих русских, оказавшихся на этапе смены государственного управления. В тексте подробно описываются привычные ритуалы, присущие традиционной, патриархальной семье, живущей по православным канонам: причастие, благословение детей родителями, чтение молитв, регулярное совершение крестного знамения и другое. Так, Пушкин приходит в святые места за утешением после провального восстания и последующих казней и ссылок его друзей: *Свет лампы отбрасывал на стены кельи таинственные тени, как будто сгорбленная спина старца была осенена крылами. Повинуясь его повелительному жесту, Пушкин опустился на колени перед иконой Спасителя и начал молиться...* [13]. Далее Пушкин принимает благословение и видит устремленный вверх поток света в келье старца, что соответствует идее Божественного Фаворского света, явленного Иисусом Христом. Согласно Священным Писаниям, такой свет способны видеть особо благочестивые люди во время молитвы. То есть образ Пушкина здесь оказывается ассоциирован с этой идеей святости.

По мнению исследователей, «православие определило ментальные черты русского национального характера, такие как сострадательность, самопожертвование, способность к раскаянию, смирение с судьбой, доверчивость, искание правды и справедливости, вера как главная опора характера» [14, с. 112]. В тексте, помимо соответствующей собственно религиозных речевых апелляций, демонстрируются эти качества.

Например, обратим также внимание на веру в Проведенье как Высший Божий промысел, фатализм, который также присущ русскому ментальному сознанию. В речи эта установка реализована с помощью конструкций *все в руках Божьих, это судьба такая, на все воля Божья: Нет, государь, поэтому-то, наверное, и спасло меня Провидение от участия в возмущении* [13]. Русскому человеку не свойственно быть самому ответственным за свою жизнь, за принятые решения, во много обнаруживается апеллирование к Высшим силам. Например, в России принято сопровождать различные действия фразой *с Божьей помощью*.

Выводы

Подводя итог нашим размышлениям, подчеркнем, что опубликованный сценарий оказался реакцией на время, на проблемы общества, но при этом он отразил те основы бытия, по которым всегда жили русские люди, в независимости от государственного устройства. И образ Пушкина здесь выступает связующим конструктом, обращение к творчеству которого, к его жизни – это обращение ко всему традиционному, национальному, русскому. Лингвокультурные коды – это языковые контуры, смысл которых постигается в результате анализа истории всей страны и биографии любимого многими поколениями поэта. Изучение кодов, заложенных в тексте сценария, позволяет дать объективную оценку культурных и языковых основ бытия русской нации.

Список источников

1. Автухович Т.Е. Жанр байопика в современной культуре как маркер нового стиля // Вопросы семантики и стилистики текста: лингвистический дискурс: коллективная монография / под редакцией Зои Куцей. Łódź: Wydawnictwo Uniwersytetu Łódzkiego, 2021. С. 117 – 127. ISBN 978-83-8220-520-6.
2. Бахтин М.М. Автор и герой в эстетической деятельности // Эстетика словесного творчества / сост. С.Г. Бочаров. 2-е изд. Москва: Искусство, 1986. С. 9 – 191.
3. Казенина А.А., Жукоцкая А.В. Развитие навыков межкультурного и межличностного взаимодействия в условиях образовательной среды (на примере реализации кросс-дисциплинарного курса «Культурные коды») // Диалог культур. Культура диалога: цифровые коммуникации: материалы III Международной научно-практической конференции (Москва, 29 февраля – 2 марта 2022 г.). Москва: Языки народов мира, 2022. С. 142 – 147.
4. Кофанова Е.Н., Мчедлова М.М. Религиозность россиян и европейцев // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2010. № 2 (96). С. 115 – 124. URL: cyberleninka.ru (дата обращения: 05.05.2026)
5. Литературный энциклопедический словарь / под общей ред. В.М. Кожевникова, П.А. Николаева. Москва: Советская энциклопедия, 1987. 752 с.
6. Лосский Н.О. Религиозность русского народа // Христианское чтение. 1990. № 2. С. 95 – 112. URL: cyberleninka.ru (дата обращения: 05.05.2026)
7. Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). Санкт-Петербург: Искусство-СПб, 1994. 399 с.
8. Маслова В.А., Пименова М.В. Коды лингвокультуры: учебное пособие. 3-е изд., стереотип. Москва: Флинта: Наука, 2016. 176 с. ISBN 978-5-9765-2511-5
9. Пронина Т.С. Религиозность современных россиян: смена форм или содержания? // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2012. № 9 (113). С. 232 – 239. URL: cyberleninka.ru (дата обращения: 05.05.2026)
10. Прохорова Е.В. Основные выразительные средства литературного сценария в российском кинематографе 1990-х годов // Человек и культура. 2023. № 5. С. 29 – 38. DOI: 10.25136/2409-8744.2023.5.44041
11. Савицкий В.М., Черкасова Е.В. Культурные и лингвокультурные коды: теоретический обзор // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2023. Т. 16ю № 12. С. 4351 – 4358.
12. Степанов Ю.С. В трехмерном пространстве языка: Семиотические проблемы лингвистики, философии, искусства. 3-е изд. Москва: Ленанд, 2021. 336 с. (Из лингвистического наследия Ю.С. Степанова). ISBN 978-5-9710-8636-9
13. Сценарий художественного фильма «Пушкин» // О Пушкине, но не только: Пушкинский сайт. URL: <https://pouchkin.com/about-pushkin-but-not-only/stsenariy-hudozhestvennogo-filma-pushkin> (дата обращения: 05.05.2026)
14. Сысоева Л.С., Аносов П.В. Идентификация русского менталитета в современной культуре // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2006. Вып. 7 (58). С. 111 – 116.

15. Телия В.Н. Первоочередные задачи и методологические проблемы исследования фразеологического состава языка в системе культуры // Фразеология в контексте культуры: сборник научных трудов / под ред. В.Н. Телия. Москва: Языки русской культуры, 1999. С. 13 – 24.

16. Hinterkörnner M. 'The Great Scene That Never Happened' – A Screenwriter's Techniques of Blending Fact and Fiction in Creating a Compelling Character Arc in Biopics // European Journal of Life Writing. 2021. Vol. 10. P. 119 – 137. DOI: 10.21827/ejlw.10.37921. URL: ejlw.eu (date of access: 05.05.2026)

References

1. Avtukhovich T.E. The Biopic Genre in Contemporary Culture as a Marker of a New Style. Questions of Semantics and Stylistics of the Text: Linguistic Discourse: A Collective Monograph. edited by Zoya Kutsya. Łódź: Wydawnictwo University of Łódzkiego, 2021. P. 117 – 127. ISBN 978-83-8220-520-6.

2. Bakhtin M.M. Author and Hero in Aesthetic Activity. Aesthetics of Verbal Creativity. compiled by S.G. Bocharov. 2nd ed. Moscow: Iskusstvo, 1986. P. 9 – 191.

3. Kazenina A.A., Zhukotskaya A.V. Developing Intercultural and Interpersonal Interaction Skills in the Educational Environment (Based on the Implementation of the Cross-Disciplinary Course "Cultural Codes"). Dialogue of Cultures. Culture of Dialogue: Digital Communications: Proceedings of the III International Scientific and Practical Conference (Moscow, February 29 – March 2, 2022). Moscow: Languages of the Peoples of the World, 2022. P. 142 – 147.

4. Kofanova E.N., Mchedlova M.M. Religiosity of Russians and Europeans. Monitoring Public Opinion: Economic and Social Changes. 2010. No. 2 (96). P. 115 – 124. URL: cyberleninka.ru (date of access: 05.05.2026)

5. Literary Encyclopedic Dictionary. Edited by V.M. Kozhevnikov, P.A. Nikolaeva. Moscow: Sovetskaya Encyclopedia, 1987. 752 p.

6. Lossky N.O. Religiosity of the Russian People. Christian Reading. 1990. No. 2. P. 95 – 112. URL: cyberleninka.ru (date of access: 05.05.2026)

7. Lotman Yu.M. Conversations about Russian Culture: Everyday Life and Traditions of the Russian Nobility (18th – Early 19th Centuries). St. Petersburg: Iskusstvo-SPB, 1994. 399 p.

8. Maslova V.A., Pimenova M.V. Codes of Linguistic Culture: A Study Guide. 3rd ed., Stereotype. Moscow: Flinta: Nauka, 2016. 176 p. ISBN 978-5-9765-2511-5

9. Pronina, T.S. Religiosity of Modern Russians: A Change in Form or Content? Bulletin of Tambov University. Series: Humanities. 2012. No. 9 (113). P. 232 – 239. URL: cyberleninka.ru (date of access: 05.05.2026)

10. Prokhorova E.V. The Main Expressive Means of the Literary Script in Russian Cinema of the 1990s. Man and Culture. 2023. No. 5. P. 29 – 38. DOI: 10.25136/2409-8744.2023.5.44041

11. Savitsky V.M., Cherkasova E.V. Cultural and Linguocultural Codes: A Theoretical Review. Philological Sciences. Theoretical and Practical Issues. 2023. Vol. 16. No. 12. P. 4351 – 4358.

12. Stepanov, Yu. S. In the Three-Dimensional Space of Language: Semiotic Problems of Linguistics, Philosophy, and Art. 3rd ed. Moscow: Lenand, 2021. 336 p. (From the linguistic heritage of Yu. S. Stepanov). ISBN 978-5-9710-8636-9

13. Screenplay for the feature film "Pushkin". About Pushkin, but Not Only: Pushkin Website. URL: <https://pouchkin.com/about-pushkin-but-not-only/stsenariy-hudozhestvennogo-filma-pushkin> (date of access: 05.05.2026)

14. Sysoeva L.S., Anosov P.V. Identification of the Russian mentality in modern culture. Bulletin of Tomsk State Pedagogical University. 2006. Issue 7 (58). P. 111 – 116.

15. Telia V.N. Priority tasks and methodological problems of studying the phraseological composition of language in the cultural system. Phraseology in the context of culture: a collection of scientific papers. Edited by V.N. Telia. Moscow: Languages of Russian Culture, 1999. P. 13 – 24.

16. Hinterkörnner M. 'The Great Scene That Never Happened' – A Screenwriter's Techniques of Blending Fact and Fiction in Creating a Compelling Character Arc in Biopics. European Journal of Life Writing. 2021. Vol. 10. P. 119 – 137. DOI: 10.21827/ejlw.10.37921. URL: ejlw.eu (date of access: 05.05.2026)

Информация об авторе

Ступина Е.С., кандидат филологических наук, Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова

© Ступина Е.С., 2026

Научно-исследовательский журнал «Филологический вестник / Philological Bulletin»

<https://fv-journal.ru>

2026, Том 5, № 4 / 2026, Vol. 5, Iss. 4 <https://fv-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки)

УДК 81'42:821.111(73)-32

DOI: 10.66621/2949-4656-2026-5-4-157-163

¹Кадачиева Х.М., ¹Гасангусейнова Ф.Р.,
¹Дагестанский государственный университет

Стилистические приемы создания эмотивности лингвистического текста в английском и русском языках

Аннотация: в статье рассматриваются стилистические средства создания эмотивности в англо- и русскоязычном научном лингвистическом дискурсе. На материале трудов Дж. Лакоффа, Ф. Унгерера, Х. Шмида, Ю.Б. Херрманн, Е.С. Кубряковой, Ю.Д. Апресяна и А. Вежбицкой проводится сопоставительный анализ трёх групп стилистических приёмов – метафор, эпитетов и сравнений. Выявляются общие закономерности и различия в функционировании данных средств в двух научных традициях. Устанавливается, что стилистические приёмы в научном тексте выполняют не только познавательную, но и эмоционально-оценочную функцию, обеспечивая рационализированную эмотивность.

Ключевые слова: эмотивность, научный дискурс, стилистические приёмы, метафора, эпитет, сравнение, оценочность, сопоставительный анализ, когнитивная лингвистика

Для цитирования: Кадачиева Х.М., Гасангусейнова Ф.Р. Стилистические приемы создания эмотивности лингвистического текста в английском и русском языках // Филологический вестник. 2026. Том 5. № 4. С. 157 – 163. DOI: 10.66621/2949-4656-2026-5-4-157-163

Поступила в редакцию: 8 июня 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 5 июля 2026 г.; Принята к публикации: 17 августа 2026 г.

¹Kadachieva H.M., ¹Gasanguseynova F.R.,
¹Dagestan State University

Stylistic techniques for creating emotivity of linguistic text in English and Russian

Abstract: the article examines stylistic devices of emotivity creation in English- and Russian-language academic linguistic discourse. Based on the works of G. Lakoff, F. Ungerer, H.-J. Schmid, J.B. Herrmann, E.S. Kubryakova, Yu.D. Apresyan, and A. Vezhbitskaya, a comparative analysis of three groups of stylistic devices – metaphors, epithets, and comparisons – is carried out. Common patterns and differences in the functioning of these devices in two academic traditions are identified. It is established that stylistic devices in academic text perform not only a cognitive but also an emotional-evaluative function, providing rationalized emotivity.

Keywords: emotivity, academic discourse, stylistic devices, metaphor, epithet, comparison, evaluation, comparative analysis, cognitive linguistics

For citation: Kadachieva H.M., Gasanguseynova F.R. Stylistic techniques for creating emotivity of linguistic text in English and Russian. Philological Bulletin. 2026. 5 (4). P. 157 – 163. DOI: 10.66621/2949-4656-2026-5-4-157-163

The article was submitted: June 8, 2026; Approved after reviewing: July 5, 2026; Accepted for publication: August 17, 2026.

Введение

Научный текст традиционно характеризуется как объективный, логичный и эмоционально нейтральный тип дискурса. В связи с этим может показаться, что эмотивность не характерна для научного текста. Однако современные исследования показывают, что научный дискурс не является полностью лишённым эмоционально-оценочного компонента. Эмотивность в нём проявляется как средство выражения авторской оценки, организации аргументации и воздействия на адресата. Для лингвистического научного текста характерны терминологическая насыщенность, логическая последовательность изложения, аргументированность выводов и стремление к объективной интерпретации языковых фактов [2]. Особое место в изучении эмотивности занимает концепция В.И. Шаховского. В его работах эмотивность рассматривается как семантическая характеристика языковых единиц. В.И. Шаховский связывает эмотивность с существованием в структуре значения особых эмотивных сем, которые участвуют в репрезентации эмоций в семантике слова [5]. Данный подход позволяет рассматривать эмотивность не как случайное свойство речи, а как значимый компонент языковой семантики.

В зарубежной лингвистике эмотивность рассматривается в тесной связи с категорией взаимодействия автора и читателя, поскольку даже научный текст содержит средства выражения авторской позиции и оценки [7].

Исследование средств создания эмотивности выявило, что они охватывают все языковые уровни – лексический, морфологический, синтаксический, стилистический и просодический. Особую роль в реализации эмотивного потенциала научного текста играют стилистические приёмы, которые, несмотря на свою «нетрадиционность» для научного стиля, активно используются авторами для повышения выразительности и убедительности изложения. Как отмечает К. Хайленд, научное письмо представляет собой форму академической коммуникации, в которой автор постоянно взаимодействует с адресатом и стремится управлять интерпретацией научной информации [7].

Стилистические средства в научном тексте используются не столько для придания речи выразительности, но в большей степени для более точного объяснения сложных теоретических положений, в отличие от художественного текста, где образность часто выполняет эстетическую функцию. Автор может использовать метафоры, эпитеты и сравнения для того, чтобы сделать абстрактное понятие более наглядным, подчеркнуть значимость исследуемого явления или обозначить проблемность определённого подхода.

Цель статьи – выявить и сопоставить способы реализации эмотивности посредством метафор, эпитетов и сравнений в англо- и русскоязычном лингвистическом научном тексте.

Материалы и методы исследований

В настоящей статье для сопоставительного анализа были взяты такие труды зарубежных лингвистов, как Lakoff G. «Women, Fire, and Dangerous Things: What Categories Reveal about the Mind», Ungerer F., Schmid H.-J. «An Introduction to Cognitive Linguistics», Herrmann B. «Identifying Metaphor in Academic Discourse», а также отечественных исследователей Е.С. Кубряковой «Язык и знание: На пути получения знаний о языке», Ю.Д. Апресяна «Идеи и методы современной лингвистики: Избранные статьи» и А. Вежицкой «Язык. Культура. Познание».

Результаты и обсуждения

Эмотивность как категория текста находит своё выражение посредством различных языковых средств, обеспечивающих передачу не только фактуальной информации, но и оценочного отношения автора к объекту речи. Особое значение в реализации эмотивного потенциала текста принадлежит стилистическим приёмам, которые способствуют актуализации эмоционально-оценочных смыслов и повышают выразительность высказывания. В английском и русском языках данные средства обладают широкими возможностями для репрезентации авторской позиции и формирования определённого эмоционального воздействия на адресата.

Автор может использовать метафоры, эпитеты и сравнения для того, чтобы сделать абстрактное понятие более наглядным, подчеркнуть значимость исследуемого явления или обозначить проблемность определённого подхода.

1. Метафора как средство эмотивной репрезентации научного знания

Метафора является одним из наиболее продуктивных средств выражения эмотивности в научном дискурсе. Она позволяет описывать абстрактные явления через более конкретные и наглядные образы, выполняя одновременно объяснительную, моделирующую и оценочную функции.

В англоязычном научном дискурсе метафоры широко используются для репрезентации авторской пози-

ции. Анализ материала позволяет выделить три типа эмотивности метафорических конструкций: нейтральную, положительную и отрицательную.

Нейтральная эмотивность характерна для метафор, выполняющих преимущественно объяснительную функцию:

1) *Metaphor interacts with word class on the micro-level of lexico-grammar* [6].

Глагол *interacts*, обычно используемый для описания взаимодействия людей или объектов, переносится на отношения между лингвистическими категориями, делая объяснение более наглядным без выражения оценки.

Положительная эмотивность заключается в том, чтобы выделить значимость, эффективность и будущие возможности исследуемых явлений:

2) *Conceptual metaphors can aid our thinking in two ways: as explanatory or constitutive metaphors* [9].

В данном примере положительная эмотивность создаётся посредством метафорического представления концептуальных метафор как своеобразных помощников человека. Метафора *aid* начинает восприниматься не как абстрактная конструкция, а как нечто полезное, облегчающее задачу.

3) *Comprehending experience via metaphor is one of the great imaginative triumphs of the human mind* [8].

В данном примере опыт осмысливается метафорически с помощью *imaginative triumph*. Лексема *triumph* окрашена положительно и пробуждает ассоциации с успехом, свершением и превосходством. Поэтому метафора приобретает позитивную эмоциональную тональность и передает восхищение автора творческим потенциалом человеческого разума.

Рассмотрим также пример с отрицательной эмотивностью:

4) *Deignan proposes that in being “reductions of a complex and abstract topic”, many conceptual metaphors are distortions of reality* [6].

Лексема *distortions* обладает ярко выраженной негативной семантикой, поскольку связана с нарушением точности и объективности восприятия. Эмоциональный эффект возникает благодаря ассоциациям с ошибкой, заблуждением и потерей достоверности.

Отечественные авторы прибегают к метафорам, эпитетам и сравнениям, чтобы выделить важность изучаемого объекта или показать недостатки какого-либо подхода. Метафора особенно эффективно передает эмоциональную окраску в научных текстах. Научный дискурс использует метафоры в основном для объяснения и моделирования, но их значение может меняться в зависимости от ситуации: они могут передавать как положительные, так и отрицательные оценки.

1) *Здесь я подчеркнула, что язык не только в известном смысле отражает действительность или же воздействует на это отражение, – он является “окном” в сознание человека* [6].

Предложение использует метафору *окно в сознание*, чтобы описать язык как инструмент, позволяющий заглянуть внутрь человеческих мыслей. Эти мысли недоступны для прямого наблюдения. Положительная оценка метафоры подчёркивает важность языка в исследовании, поскольку он рассматривается не только как набор символов, но и как ключ к пониманию глубоко личных переживаний и когнитивных процессов.

2) *В когнитивной науке лингвистике отвели центральную роль, поскольку она могла пролить свет не только на языковую компетенцию говорящего, но и на взаимосвязь языка с другими когнитивными способностями человека – с его памятью, восприятием, воображением и мышлением* [6].

В данном предложении используется метафора *пролить свет*. Научное объяснение представляется здесь как освещение трудного и не до конца ясного объекта. Положительная эмотивность связана с тем, что лингвистика получает высокую исследовательскую значимость, поскольку она способна не просто описывать язык, но и помогать в изучении человеческого сознания.

3) *Редукционизм сошел со сцены* [1].

Метафора *сошел со сцены* представляет научное направление как участника сценического действия, завершившего выступление. Отрицательная эмотивность связана с оценкой редукционизма как утратившего актуальность подхода.

4) *Вместе с тем вопрос о том, что же “отражает”, “отображает” или же, наконец, “вербализует” язык, не должен повисать в воздухе* [6].

В данном предложении используется метафора *повисать в воздухе*. Научный вопрос представлен как предмет, который может остаться без опоры. Отрицательная эмотивность связана с тем, что автор указывает на нежелательность оставления вопроса без ответа.

Таким образом, метафора выполняет не только объяснительную, но и оценочную функцию. Она помогает автору подчеркнуть проблемность ситуации, в которой важный теоретический вопрос не получает необходимого анализа.

2. Эпитет как средство непосредственной оценки

Эпитет является средством непосредственного выражения эмоционально-оценочного отношения автора. В отличие от метафоры, создающей образ посредством переноса значения, эпитет непосредственно характеризует предмет через эмоционально окрашенное определение.

В англоязычном научном дискурсе эпитеты с нейтральной эмотивностью выполняют преимущественно классифицирующую функцию:

1) *There is a completely general and neutral conceptual framework in terms of which all human knowledge can be represented* [8].

Для описания концептуальной системы автор использует определения *general* и *neutral*, исходя из того, что именно в её рамках можно выразить человеческое знание. При этом *general* подчёркивает универсальность данной модели. Слово *neutral*, напротив, указывает на объективный характер системы и на отсутствие какой либо оценочной или идеологической окраски. Подобные признаки не выражают эмоционального отношения автора. Они служат более точному научному обозначению рассматриваемого понятия.

Положительная эмотивность эпитетов характерна для выделения научной ценности и значимости:

2) *Like their more pleasant counterparts, the negative exploitations of metaphors merely strengthen the view that metaphors are very powerful and natural cognitive processes which help us to understand the complex issues in nature and society via simple and often concrete concepts* [9].

Положительная эмотивность данного высказывания создаётся с помощью эпитетов *powerful* и *natural*. Прилагательное *powerful* подчёркивает высокую эффективность метафоры как механизма познания, а *natural* указывает на её естественный характер и органичную связь с человеческим мышлением.

3) *Lakoff and Johnson's CMT and its refinements have yielded a most productive definition of metaphor in metaphor studies, whereas CMT is one of the major building blocks of Cognitive Linguistics* [6].

Эпитет *productive* подчёркивает научную значимость анализируемой концепции. Эмотивность возникает благодаря ассоциациям с результативностью, практической значимостью и возможностью успешного применения данной концепции в исследовательской деятельности.

Отрицательная эмотивность выражается через эпитеты, указывающие на недостатки или ограниченность:

4) *The metaphorical view may be misleading* [6].

Прилагательное *misleading* указывает на способность определённого подхода вводить в заблуждение. Эмоциональная окраска возникает благодаря ассоциациям с ошибкой, неверным толкованием и искажением действительности. В результате у читателя формируется настороженное отношение к описываемому феномену.

5) *The idea that there is only a binary choice, objectivism or total relativism, is ludicrous* [8].

Эпитет *ludicrous* содержит явную отрицательную оценку и выражает критическое отношение автора к рассматриваемой точке зрения. Благодаря своей экспрессивности он создаёт ярко выраженную отрицательную эмотивную окраску высказывания.

В русскоязычной научной традиции эпитеты также активно участвуют в создании эмотивности:

1) *Впрочем, самый существенный результат формального описания языка, которое и по сей день представляется мне исключительно плодотворным методом общей лингвистики, в полной мере удержан в принципе интегральности лингвистического описания и в идеях системной лексикографии* [1].

В данном предложении положительная эмотивность выражается через эпитеты *самый существенный* и *исключительно плодотворным*. Они подчёркивают высокую научную ценность формального описания языка. Словосочетание *исключительно плодотворным методом* выражает авторское одобрение и признание его продуктивности для лингвистики.

2) *Без второго – понять строение обыденного сознания, а, следовательно, отразить специфику чисто человеческого познания с его озарениями, интуицией, инсайтом и даже решением проблем на подсознательном уровне, а, главное, с его удивительным целостным восприятием, что и отличает вместе взятое мозг человека от работы самого совершенного компьютера* [6].

В данном предложении положительная эмотивность выражается через эпитеты *удивительным* и *целостным*, относящиеся к слову *восприятие*. Положительная эмотивность усиливается через сопоставление человеческого мозга с работой самого совершенного компьютера.

3) *Мы ставим перед собой гораздо более скромную цель – очертить типы семантической информации, без которых не может обойтись никакая формальная модель языка, если она претендует на то, чтобы быть адекватной своему объекту* [1].

В этом предложении используется эпитет *гораздо более скромную цель*. Он ха-

рактизует масштаб исследовательской задачи и показывает, что автор сознательно ограничивает предмет анализа. Эмотивность можно определить как нейтральную, поскольку эпитет не выражает ни явного одобрения, ни критики, но уточняет и помогает обозначить границы исследования.

4) *Но есть и другое, бесполезное и унижительное терпение* [3].

Эпитеты *бесполезное* и *унижительное* создают выраженную отрицательную оценку, переосмысляя традиционно положительную семантику слова *терпение*. Обычно лексема *терпение* может восприниматься как нейтральная или даже положительная, поскольку она связана с выдержкой, стойкостью, способностью переносить трудности. В данном контексте Вежибicka показывает иной тип терпения, который не имеет ценности и не приводит к положительному результату.

5) *Скорее здесь действует равнение на имеющийся в голове образец, довольно поверхностную за частую аналогию, уже сложившиеся языковые навыки* [6].

В данном предложении отрицательная эмотивность выражается через эпитет *поверхностную*. Автор показывает, что в процессе языковой категоризации может действовать не строгий рациональный анализ, а более приблизительный механизм соотнесения с уже имеющимся образцом. Эпитет *поверхностную* содержит критическую оценку, поскольку указывает на недостаточную глубину такого механизма.

3. Сравнение как средство оценочного сопоставления

Сравнение представляет собой стилистический приём, основанный на сопоставлении двух объектов или явлений по определённом признаку. В научном дискурсе сравнения используются преимущественно для пояснения сложных понятий и выявления сходств либо различий между исследуемыми объектами. Однако наряду с познавательной функцией сравнение способно выполнять и эмотивную функцию, поскольку выбор объекта сопоставления часто отражает авторскую оценку и влияет на восприятие информации читателем.

Нейтральные сравнения используются для научного сопоставления явлений:

1) *Compared with metaphor, the range of source and target concepts in metonymies is normally restricted to concrete concepts* [9].

Данное сравнение используется исключительно для научного сопоставления двух когнитивных механизмов. Автор выявляет различия между метафорой и метонимией без выражения личного отношения к ним. Основная цель заключается в уточнении особенностей каждого явления. Вследствие этого эмоциональная окраска практически отсутствует и остаётся нейтральной.

Положительная эмотивность сравнений связана с подчёркиванием преимуществ и перспектив:

2) *The prospects of conventionalization are much brighter* [9].

Прилагательное *brighter*, связанное с представлениями о свете и успехе, формирует положительное восприятие перспектив развития. Сравнение позволяет автору подчеркнуть преимущества рассматриваемого явления и сформировать у читателя позитивное восприятие дальнейших перспектив его развития.

3) *Both metonymies may play a part in the conceptualization of fear* [9].

Положительная эмотивность выражена косвенно через сопоставление двух способов концептуализации. Автор демонстрирует, что различные механизмы способны совместно участвовать в объяснении сложного эмоционального состояния. Такое сравнение создаёт впечатление полноты и эффективности научного анализа, что формирует благоприятную оценку описываемого подхода.

Отрицательная эмотивность реализуется через контрастные и критические сопоставления:

4) *The PC view of rigor leads to rigor mortis in the study of categorization* [8].

Игра слов, основанная на сопоставлении *rigor* (строгость) и *rigor mortis* (трупное окоченение), создаёт ярко выраженную отрицательную оценку чрезмерной приверженности формальным требованиям. Сравнение выполняет не только объяснительную, но и оценочную функцию, усиливая критику рассматриваемого подхода.

5) *It is as though human beings did not exist, and their language and its meanings existed without any beings at all* [8].

Конструкция *as though* подчёркивает абсурдность объективистского взгляда на язык, исключая роль человека. Через данное сравнение автор выражает критическое отношение к теории, исключая роль человека в формировании значения.

В русскоязычном научном дискурсе сравнения также обладают эмотивным потенциалом:

1) *Предлагая для частей речи термин когнитивно-дискурсивные категории, мы тоже хотим подчеркнуть, что они, как двуликий Янус, имеют две главных ипостаси* [6].

В данном предложении используется образное сравнение *как двуликий Янус*. С его помощью автор под-

чёркивает двойственную природу частей речи, которые рассматриваются одновременно с когнитивной и дискурсивной сторон. Эмотивность можно определить как положительную, поскольку сравнение делает научное положение более выразительным и подчёркивает сложность, многогранность и значимость рассматриваемого явления.

2) *Лингвистика становится чем-то бóльшим, чем самодостаточная ограниченная область изучения языка; она вносит свой вклад в открытие и объяснение общих аспектов человеческого познания* [6].

В данном предложении используется сравнительная конструкция *чем-то бóльшим, чем самодостаточная ограниченная область изучения языка*. Автор сопоставляет современное понимание лингвистики с более узким представлением о ней как о дисциплине, занимающейся только языком. Положительная эмотивность связана с тем, что лингвистика представлена как наука, выходящая за свои прежние границы.

3) *Культуры в ряде отношений подобны человеческим существам* [3].

Сравнение культур с человеческими существами представляет культуру как нечто целостное и живое. Эмотивность данного примера можно определить как нейтральную. Автор не выражает прямой эмоциональной оценки и не называет культуру «хорошей» или «плохой».

4) *Если уж прибегать к образу зеркала, стоит сказать, что язык подобен автопортрету художника, который он рисует, глядя на себя и изображая себя таким, каким он видит самого себя в зеркале* [6].

В данном предложении используется сравнение *язык подобен автопортрету художника*. Автор показывает, что язык не просто механически отражает действительность, а передаёт её через человеческое восприятие, воображение, оценки и потребности. Эмотивность данного примера можно определить как нейтральную оттенком, поскольку сравнение не содержит эмоциональной оценки.

5) *Реальное положение дел ограничивает во вполне определенном смысле способы его описания, точно так же, как ограничивает оно и человеческий опыт* [6].

В данном предложении используется сравнительная конструкция *точно так же, как*. Автор сопоставляет ограниченность способов описания мира с ограниченностью человеческого опыта. Отрицательная эмотивность связана с лексемой *ограничивает*, которая указывает на наличие предела и невозможности полной свободы в описании действительности. Сравнение усиливает эту мысль и показывает, что ограничения действуют как в языке, так и в человеческом познании.

Выводы

Полученные данные свидетельствуют о том, что стилистические средства – в частности, метафора, эпитет и сравнение – выполняют значимую функцию в репрезентации эмотивного компонента в научном дискурсе. Вопреки устоявшемуся представлению о научном тексте как о строго объективированном и лишённом субъективных элементов изложении, указанные приёмы оказываются востребованными для выражения авторской позиции, акцентуации значимости тех или иных аспектов изучаемого объекта и повышения суггестивного потенциала аргументации.

Сопоставительный анализ выявил, что при наличии общих закономерностей (рационализированный характер эмотивности, сходная направленность оценки) англо- и русскоязычные научные традиции существенно различаются по степени эксплицитности, частотности и характеру использования стилистических средств эмотивности. Англоязычная традиция ориентирована на сдержанность и косвенное выражение оценки, тогда как русскоязычная допускает более открытое использование стилистических средств с выраженной эмоционально-оценочной окраской.

Перспективы дальнейшего исследования связаны с расширением корпусной базы и привлечением материалов из других областей научного знания для проверки выявленных закономерностей.

Список источников

1. Апресян Ю.Д. Идеи и методы современной лингвистики: Избранные статьи. Москва: Языки русской культуры, 1995. 416 с.
2. Болотнова В.А. Филологический анализ текста: учебное пособие. М.: Академия, 2009. 544 с.
3. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. Москва: Русские словари, 1996. 416 с.
4. Кубрякова Е.С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. Москва: Языки славянской культуры, 2004. 488 с.
5. Шаховский В.И. Категории языка, связанные с выражением эмоций: Словарь. Москва: Либроком, 2008. 288 с.
6. Herrmann B. Identifying Metaphor in Academic Discourse. Berlin: Mouton de Gruyter, 2013. 284 p.
7. Hyland K. Metadiscourse: Exploring Interaction in Writing. London: Continuum, 2005. 230 p

8. Lakoff G. Women Fire, and Dangerous Things: What Categories Reveal about the Mind. Chicago: University of Chicago Press, 1987. 614 p.
9. Ungerer F., Schmid H.-J. An Introduction to Cognitive Linguistics. London: Longman, 1996. 304 p.

References

1. Apresyan Yu.D. Ideas and Methods of Modern Linguistics: Selected Articles. Moscow: Languages of Russian Culture, 1995. 416 p.
2. Bolotnova V.A. Philological Analysis of the Text: A Study Guide. Moscow: Academy, 2009. 544 p.
3. Vezhbitskaya A. Language. Culture. Cognition. Moscow: Russian Dictionaries, 1996. 416 p.
4. Kubryakova E.S. Language and Knowledge: On the Path to Gaining Knowledge about Language: Parts of Speech from a Cognitive Point of View. The Role of Language in Understanding the World. Moscow: Languages of Slavic Culture, 2004. 488 p.
5. Shakhovsky V.I. Categories of Language Associated with the Expression of Emotions: A Dictionary. Moscow: Librokom, 2008. 288 p.
6. Herrmann B. Identifying Metaphor in Academic Discourse. Berlin: Mouton de Gruyter, 2013. 284 p.
7. Hyland K. Metadiscourse: Exploring Interaction in Writing. London: Continuum, 2005. 230 p.
8. Lakoff G. Women, Fire, and Dangerous Things: What Categories Reveal about the Mind. Chicago: University of Chicago Press, 1987. 614 p.
9. Ungerer F., Schmid H.-J. An Introduction to Cognitive Linguistics. London: Longman, 1996. 304 p.

Информация об авторах

Кадачиева Х.М., кандидат филологических наук, доцент, Дагестанский государственный университет, haibat@mail.ru

Гасангусейнова Ф.Р., Дагестанский государственный университет, gghatima1485@gmail.com

© Кадачиева Х.М., Гасангусейнова Ф.Р., 2026

Научно-исследовательский журнал «Филологический вестник / Philological Bulletin»

<https://fv-journal.ru>

2026, Том 5, № 4 / 2026, Vol. 5, Iss. 4 <https://fv-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика (филологические науки)

УДК 32:070

DOI: 10.66621/2949-4656-2026-5-4-164-168

Генезис функциональной модели СМИ на иностранных языках в контексте растущего взаимовлияния политических и коммуникационных процессов

¹ Литвинов А.В.,

¹ Владивостокский государственный университет

Аннотация: в статье рассматривается генезис функциональной модели средств массовой информации на иностранных языках (иновещание) как инструмента внешнеполитической коммуникации. Актуальность исследования обусловлена трансформацией глобального информационного пространства, в котором инновещание превращается в ключевой элемент «мягкой силы» и стратегического нарративного влияния. Цель работы – выявление этапов эволюции функциональных моделей инновещания в контексте взаимовлияния политических и коммуникационных процессов. Методологическая основа включает историко-генетический анализ, системно-функциональный подход и сравнительно-типологический метод. В результате проведенного исследования выделены четыре последовательные функциональные модели: культурно-коммуникативная (1920-1930-е гг.), пропагандистская (1940-1980-е гг.), имиджево-коммуникативная (1990-2000-е гг.) и цифровая мультифункциональная (2010-е гг. – настоящее время). Доказано, что смена моделей обусловлена геополитическими изменениями и технологическими инновациями. Показано, что современное инновещание выступает институционализированным механизмом трансляции цивилизационной идентичности и инструментом информационного суверенитета. Делается вывод о необходимости переосмысления роли текстовых форматов в системе инновещания КНР как носителей стратегических смыслов.

Ключевые слова: инновещание, международное вещание, функциональная модель, медиасистема, «мягкая сила», внешнеполитическая коммуникация, цифровая дипломатия, информационный суверенитет, пропаганда, глобальное информационное пространство

Для цитирования: Литвинов А.В. Генезис функциональной модели СМИ на иностранных языках в контексте растущего взаимовлияния политических и коммуникационных процессов // Филологический вестник. 2026. Том 5. № 4. С. 164 – 168. DOI: 10.66621/2949-4656-2026-5-4-164-168

Поступила в редакцию: 9 июня 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 6 июля 2026 г.; Принята к публикации: 17 августа 2026 г.

The genesis of the functional model of foreign-language media in the context of the growing interinfluence of political and communication processes

¹ Litvinov A.V.,

¹ Vladivostok State University

Abstract: the article examines the genesis of the functional model of foreign-language media (international broadcasting) as an instrument of foreign policy communication. The relevance of the study is driven by the ongoing transformation of the global information space, in which international broadcasting is becoming a key element of "soft power" and strategic narrative influence. The aim of the work is to identify the stages in the evolution of functional models of international broadcasting against the backdrop of the interplay between political and communication processes. The methodological framework comprises historical-genetic analysis, a systemic-functional approach, and the comparative-typological method. As a result of the conducted research, four successive functional models are distinguished: the cultural-communicative model (1920s–1930s), the propaganda model (1940s–1980s), the image-communicative model (1990s–2000s), and the digital multifunctional model

(2010s – present). It is demonstrated that the transition from one model to another is determined by geopolitical shifts and technological innovations. It is shown that contemporary international broadcasting functions as an institutionalized mechanism for conveying civilizational identity and as a tool of information sovereignty. The conclusion is drawn that there is a need to reconsider the role of text-based formats within China's international broadcasting system as carriers of strategic meanings.

Keywords: international broadcasting, foreign-language broadcasting, functional model, media system, "soft power," foreign policy communication, digital diplomacy, information sovereignty, propaganda, global information space

For citation: Litvinov A.V. The genesis of the functional model of foreign-language media in the context of the growing interinfluence of political and communication processes. *Philological Bulletin*. 2026. 5 (4). P. 164 – 168. DOI: 10.66621/2949-4656-2026-5-4-164-168

The article was submitted: June 9, 2026; Approved after reviewing: July 6, 2026; Accepted for publication: August 17, 2026.

Введение

В условиях трансформации глобального информационного пространства средства массовой информации на иностранных языках, или иновещание, приобретают статус стратегического ресурса внешнеполитического влияния. В академическом дискурсе иновещание понимается как комплексная деятельность государства по производству и распространению информационного и культурного контента на иностранных языках для зарубежной аудитории. Как правило, подобные трансляции осуществляются с использованием широкого спектра технических средств – от радио до сети Интернет, что позволяет преодолевать национальные границы [10, с. 93].

В научной литературе термины «международное вещание», «зарубежное вещание на другие страны» и «иновещание» часто используются как синонимы [1, с. 7]. Однако это отражает сложность самого явления, которое может изучаться в контексте международных отношений, журналистики и культурной антропологии.

Цель данной работы – выявление этапов эволюции функциональных моделей иновещания в контексте растущего взаимовлияния политических и коммуникационных процессов.

Материалы и методы исследований

В основу исследовательской работы положен комплекс методологических подходов. Для реконструкции исторической траектории развития международного вещания задействован историко-генетический инструментарий. С целью выявления структурно-организационных свойств данного феномена применялся системно-функциональный анализ, трактующий иновещание как интегральную систему с набором специфических задач. Сопоставление разнородных моделей, характерных для разных хронологических срезов, осуществлялось с помощью сравнительно-типологического метода.

Теоретический каркас исследования опирается на труды А.А. Шереля и Ю.Е. Афанасьева, в которых детально рассматриваются вопросы генезиса и теоретического осмысления зарубежного вещания [1, с. 37-72; 5, с. 176-179]. Кроме того, задействованы наработки в области функциональных теорий журналистики, позволяющие анализировать целевые установки медиа.

Результаты и обсуждения

В академической литературе сложилось несколько концептуальных рамок для определения сущности иновещания. Согласно инструментально-политическому взгляду, оно трактуется как непосредственный рычаг реализации внешнеполитических задач и инструмент «гибкой силы» государства. Идеологическая оптика смещает акцент на контент, понимая под вещанием планомерное продвижение доктрин с целью воздействия на мировоззрение аудитории [7, с. 34-36]. Культурно-коммуникативное направление выдвигает на первый план функцию межкультурного посредничества и трансляции национального культурного наследия [6, с. 47-49]. Историко-эволюционный ракурс представляет иновещание как подвижный институт, видоизменяющий свои ориентиры вслед за технологическими переменами и геополитическими сдвигами.

Иновещание представляет собой неоднородный и многослойный конструкт. В системе внешнеполитической деятельности оно выходит за границы простой передачи сведений, превращаясь в продуманный организационный комплекс по конструированию положительного восприятия государства за пределами его границ.

Осмысление исторического пути иновещания невозможно без обращения к подготовительному периоду (XIX столетие), когда складывались предпосылки организационного и технического характера для будущей системы международной коммуникации. Отправной точкой здесь выступает учреждение первых новостных структур. В 1835 г. парижское «Бюро переводов» Шарля Гаваса было реорганизовано в агентство «Гавас», положившее начало новой эре распространения информации. В 1848 г. группа нью-йоркских газет образовала кооперативное объединение Associated Press. На европейском континенте в 1848-1851 гг. начали функционировать агентства Wolff и Reuters. К 1870 г. между указанными структурами были заключены картельные договоренности о разделе сфер влияния на мировом информационном рынке [1, с. 25-30].

Указанный хронологический отрезок сформировал среду, в которой иноязычный контент начал осознаваться в качестве стратегически значимого актива, а его дистрибуция — как направление, заслуживающее внимания со стороны государства.

В исследовательской практике принято выделять три стадии эволюции зарубежного вещания [5, с. 176-179]. Однако более дробное рассмотрение позволяет дифференцировать четыре функциональных типа.

Начальная фаза (1920-1930-е гг.) связана с запуском систематического вещания на иностранные аудитории. В этот период радиостанции Германии, Великобритании, СССР, Италии и других стран приступают к работе. Согласно мнению специалистов, тогда иновещание еще не было завязано на внешнеполитические интересы, выполняя преимущественно задачи культурного обмена и оказания поддержки соотечественникам за рубежом [2, с. 51]. Данные обстоятельства позволяют идентифицировать данный этап как культурно-коммуникативную модель, нацеленную на взаимодействие с диаспорами и трансляцию культурных смыслов.

Второй хронологический интервал (1940-1980-е гг.) детерминирован Второй мировой войной и последующим периодом биполярного противостояния. Здесь иновещание обретает статус одного из главных инструментов «психологической войны». А.А. Шерель подчеркивает, что масштабное ведение психологической борьбы с установками на дискредитацию стран-противников и утверждение собственной идеологии являлось характерной чертой тех лет [5, с. 177]. Суммарный суточный объем вещания США увеличился с 497 часов в 1950-м до 2001 часа к концу 1972 года [5, с. 178]. Этот этап знаменует складывание пропагандистской модели, где международное вещание закрепляется как оружие идеологической борьбы.

Третий этап (1990-2000-е гг.) наступает после дезинтеграции советского пространства. Острота идеологических размежеваний снижается, и на смену открытой агитации приходят задачи иного порядка: формирование привлекательного облика государства, отстаивание национальных приоритетов через инструменты «мягкой силы» [1, с. 165-176]. Это позволяет охарактеризовать данный период как становление имиджево-коммуникативной парадигмы, в которой иновещание интегрируется в системы публичной и культурной дипломатии.

Четвертая модель разворачивается в период с 2010-х годов по сегодняшний день и обозначается как цифровая мультифункциональная. Ее возникновение обусловлено стремительным развитием интернет-технологий и цифровых коммуникационных сред. Иновещание выходит за пределы традиционных радио и телевидения, интегрируясь в цифровую среду посредством потокового видео, социальных сетей и подкастов. Ключевыми характеристиками становятся интерактивность, персонализация контента и глобальный охват [2, с. 52-53].

В рамках современной цифровой модели особую значимость приобретают текстовые форматы. Как свидетельствуют исследования, «читабельность» является критической характеристикой новостных текстов, предназначенных для передачи информации общественности [9, с. 94-96]. Текст выступает наиболее гибким и нюансированным инструментом для реализации стратегий иновещания, позволяя тщательно выверять формулировки и адаптировать их к культурным особенностям целевой аудитории.

Проведённый анализ позволяет говорить о том, что генезис иновещания представляет собой процесс последовательной смены функциональных моделей. Как справедливо отмечает К.О. Губанов, «в XXI веке информационная борьба за интерпретацию социальной реальности и, как следствие, конструирование общественного мнения в мировом масштабе стали протекать в поле Интернета, где иновещание приобрело глобальный характер» [2, с. 50].

Особого внимания заслуживает роль Китайской Народной Республики в современной системе иновещания. Трансформация внешнеполитического курса КНР, ознаменовавшая переход от статуса регионального лидера к позиции одного из глобальных центров влияния, закономерно актуализирует вопрос о функциях печатного медиатекста. Сегодня он выходит за рамки простого информационного носителя, превращаясь в действенный механизм моделирования геополитических процессов. Для китайской стратегии характерна

ставка на глубину смыслового наполнения текстов, что требует повышенного внимания к идеологической составляющей при переводе и высокой точности формулировок [3, с. 115-118].

В качестве теоретической основы для анализа функциональных изменений в международном вещании продуктивно использовать концепцию С. Хантингтона о цивилизационном противостоянии. Применение данного подхода позволяет трактовать активность зарубежных СМИ не как банальное расширение информационного поля, а как фундаментальный цивилизационный сдвиг. В этом контексте иноязычный контент служит средством выстраивания обновленной модели мироустройства [4, с. 45-47].

Выводы

Проведенный анализ дает основания для следующих обобщений. Феномен иновещания многогранен и не поддается упрощенной интерпретации. В системе внешнеполитических инструментов он предстает как комплексная стратегия по целенаправленному позиционированию государства на международной арене, объединяющая политические, культурные и идеологические векторы.

Эволюция иновещания берет начало в XIX столетии (подготовительный период с доминантой информгентств) и включает четыре последовательных фазы. Каждая из них маркируется своей ведущей функцией: культурно-коммуникативная (20-30-е гг. XX в.), агитационно-пропагандистская (40–80-е гг.), имиджево-коммуникативная (90-2000-е гг.), а также современная цифровая полифункциональная модель, охватывающая период с 2010-х годов по настоящее время.

Трансформация данных моделей выступает реакцией на тектонические сдвиги в мировой политике (вооруженные конфликты, биполярное противостояние, его завершение) и внедрение технологических новшеств (радио, ТВ, интернет-платформы). Каждый этап отражает конкретные задачи, которые ставились перед вещанием на зарубежную аудиторию в соответствующий исторический период.

На современном этапе цифровизации иновещание преодолевает границы классических медиа, активно внедряясь в онлайн-пространство. Отличительными чертами текущего этапа являются вовлеченность аудитории (интерактивность), адаптация материалов под индивидуальные запросы и отсутствие географических ограничений.

Осмысление особенностей китайских газетных материалов на иностранных языках требует комплексного подхода, сочетающего анализ исторических предпосылок данного явления и векторов его функциональной динамики. Каждый переводной текст является не просто лингвистическим феноменом, но элементом цивилизационного позиционирования, в котором национальная идентичность, культурные ценности и политическая система представляются внешнему миру как целостная, непротиворечивая модель.

Перспективы дальнейшего исследования связаны с анализом конкретных механизмов реализации стратегических нарративов в переводах газетных публикаций КНР на русский и английский языки, а также с изучением восприятия этих текстов целевой аудиторией. Особый интерес представляет исследование того, как функциональная эволюция иновещания влияет на выбор переводческих стратегий и как текстовые форматы адаптируются к культурным и политическим особенностям различных языковых аудиторий.

Список источников

1. Афанасьев Ю.Е. Международное вещание: история, теория, практика. М.: Изд-во МГУ, 2005. 312 с.
2. Губанов К.О. Иновещание в цифровую эпоху // Медиаскоп. 2024. № 2. С. 50 – 56.
3. Подоляк Д.В. Мягкая сила Китая в глобальном информационном пространстве // Полития. 2018. № 3. С. 112 – 128.
4. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций и преобразование мирового порядка: пер. с англ. М.: АСТ, 2003. 603 с.
5. Шерель А.А. Международное радиовещание: история и современность. М.: Искусство, 2014. 320 с.
6. Шипова А.В. Китайское иновещание как инструмент «мягкой силы» // Вестник МГИМО. 2023. № 2. С. 45 – 62.
7. Эль-Ассаад М. Пропаганда как функция международного вещания // Вестник РУДН. Сер. Журналистика. 1993. № 1. С. 34 – 41.
8. Horodenko L., Dzholos O., Matsuka O., Shtelmakh P. The Ukrainian International Broadcasting Channel (UATV English) as a Tool of Promoting State Narratives // Scientific Notes of the Institute of Journalism. 2024. № 1 (84). P. 47 – 71.

9. Kang S.A Study of Translated News from the Perspective of Readability // Korean Journal of Journalism & Communication Studies. 2015. Vol. 59. No. 5. P. 93 – 115.

10. Wielopolska-Szymura M. International radio broadcasting – a case of Radio Poland – an external service of Polish public radio // Preferencje Polityczne. 2018. No 19. P. 91 – 103.

References

1. Afanasyev Yu.E. International Broadcasting: History, Theory, Practice. Moscow: Moscow State University Press, 2005. 312 p.

2. Gubanov K.O. Foreign Broadcasting in the Digital Age. Mediascope. 2024. No. 2. P. 50 – 56.

3. Podolyak D.V. China's Soft Power in the Global Information Space. Polity. 2018. No. 3. P. 112 – 128.

4. Huntington S. The Clash of Civilizations and the Transformation of World Order: trans. from English. Moscow: AST, 2003. 603 p.

5. Sherel A.A. International Broadcasting: History and Modernity. Moscow: Iskusstvo, 2014. 320 p.

6. Shipova A.V. Chinese Foreign Broadcasting as a Tool of Soft Power. MGIMO Bulletin. 2023. No. 2. P. 45 – 62.

7. El-Assaad M. Propaganda as a Function of International Broadcasting. RUDN Bulletin. Series: Journalism. 1993. No. 1. P. 34 – 41.

8. Horodenko L., Dzholos O., Matsuka O., Shtelmakh P. The Ukrainian International Broadcasting Channel (UATV English) as a Tool of Promoting State Narratives. Scientific Notes of the Institute of Journalism. 2024. No. 1 (84). P. 47 – 71.

9. Kang S.A. Study of Translated News from the Perspective of Readability. Korean Journal of Journalism & Communication Studies. 2015. Vol. 59. No. 5. P. 93 – 115.

10. Wielopolska-Szymura M. International radio broadcasting – a case of Radio Poland – an external service of Polish public radio. Preferencje Polityczne. 2018. No. 19. P. 91 – 103.

Информация об авторе

Литвинов А.В., Высшая школа кино и телевидения, Владивостокский государственный университет, г. Владивосток, ул. Гоголя, д. 41, lav.y4nd3x@yandex.ru

© Литвинов А.В., 2026

Научно-исследовательский журнал «Филологический вестник / Philological Bulletin»

<https://fv-journal.ru>

2026, Том 5, № 4 / 2026, Vol. 5, Iss. 4 <https://fv-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика (филологические науки)

УДК 81+070.1

DOI: 10.66621/2949-4656-2026-5-4-169-174

Комментарии читателей в интернет-СМИ: лингвистический и прагматический аспекты

¹ Луговская М.Ю., ¹ Цао Юйчен,
¹ Байкальский государственный университет

Аннотация: в статье определяются ключевые характеристики языка интернет-СМИ и выявляются языковые особенности жанра интернет-комментария. В исследовании подробно описаны лингвистические особенности комментариев читателей на всех языковых уровнях. Таким образом, объектом исследования являются комментарии читателей в интернет-СМИ, а предметом – лексические, грамматические, семантические, стилистические и графические средства в интернет-комментариях, а также их социально-прагматические функции в текстах интернет-комментариев. Среди них обмен мнениями, социальное взаимодействие, социальная самоидентификация, обозначение собственной позиции, выражение оценочного отношения к событию, демонстрация групповой принадлежности. Комментарии характеризуются диалогичностью, спонтанностью, эмоциональной насыщенностью, неформальностью, креолизированностью, нарушением языковых норм. Выявленные особенности создают теоретическую базу для анализа выразительных средств в комментаторских практиках.

Ключевые слова: интернет-лингвистика, интернет-дискурс, интернет-СМИ, интернет-комментарий, интернет-речь, интернет-коммуникация, функции комментариев, языковая выразительность, прагматика интернет-комментария

Для цитирования: Луговская М.Ю., Цао Юйчен Комментарии читателей в интернет-СМИ: лингвистический и прагматический аспекты // Филологический вестник. 2026. Том 5. № 4. С. 169 – 174. DOI: 10.66621/2949-4656-2026-5-4-169-174

Поступила в редакцию: 10 июня 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 7 июля 2026 г.; Принята к публикации: 17 августа 2026 г.

Readers' comments in online media: linguistic and pragmatic aspect

¹ Lugovskaya M.Yu., ¹ Cao Yucheng,
¹ Baikal State University

Abstract: the article defines the key characteristics of the Internet media language and identifies the linguistic features of the Internet commentary genre. The study describes in detail the linguistic features of readers' comments at all language levels. Thus, the object of the study is readers' comments in online media, and the subject is lexical, grammatical, semantic, stylistic and graphic tools in online comments, as well as their socio-pragmatic functions in the texts of online comments. Among them are the exchange of opinions, social interaction, social self-identification, the designation of one's own position, the expression of an evaluative attitude to an event, and the demonstration of group loyalty. Comments are characterized by dialogue, spontaneity, emotional intensity, informality, creolization, violation of linguistic norms. The identified features create a theoretical basis for the analysis of expressive means in commentary practices.

Keywords: Internet linguistics, Internet discourse, Internet media, Internet commentary, Internet speech, Internet communication, commentary functions, linguistic expressiveness, pragmatics of Internet commentary

For citation: Lugovskaya M.Yu., Cao Yucheng Readers' comments in online media: linguistic and pragmatic aspect. Philological Bulletin. 2026. 5 (4). P. 169 – 174. DOI: 10.66621/2949-4656-2026-5-4-169-174

The article was submitted: June 10, 2026; Approved after reviewing: July 7, 2026; Accepted for publication: August 17, 2026.

Введение

Современные интернет-СМИ формируют не только новые способы производства и распространения информации, но и новые формы речевого взаимодействия между автором, редакцией и аудиторией. Комментарии пользователей, размещаемые под публикациями, являются одной из интересных и активно исследуемых форм сетевой речи. Их язык представляет собой особую гибридную систему, соединяющую черты устной и письменной речи, официального и разговорного стиля, индивидуального и коллективного дискурса.

Материалы и методы исследований

Теоретическая часть исследования проводилась на материале работ отечественных исследователей последних лет (использованы общенаучные методы – анализ и синтез). Эмпирическая часть исследования опирается на материалы новостного городского портала Irk.ru. При помощи метода сплошной выборки были собраны комментарии читателей за один день – 30 января 2026 года (312 комментариев). Проведен комплексный анализ текстов комментариев, позволивший полностью подтвердить теоретические положения исследователей, а также внести уточнения.

Результаты и обсуждения

Как отмечает Л.В. Кудрина, «комментарий активно включается в структуру новостных текстов российских интернет-изданий» [1, с. 176]. Это наблюдение позволяет рассматривать комментарий как самостоятельный жанр интернет-дискурса. Его языковая природа определяется ситуацией публичной неформальной коммуникации, в которой сочетаются элементы разговорного языка, эмоционального выражения и медийной семиотики. Как справедливо отмечает Т.Н. Колокольцева, описывая специфику данного формата: «Уникальность данного малого жанра заключается в том, что он целиком ориентирован на категорию диалогичности, на выражение обратной связи между автором и читателем. Основное назначение текстов интернет-комментария – передать точку зрения адресата речи, его видение обсуждаемой проблемы, его оценочную позицию» [2, с. 171].

Комментарий в современной медиалингвистике рассматривается как гибрид устной и письменной речи. Многие исследователи подчеркивают, что интернет-комментарий занимает промежуточное положение между устной и письменной речью. В частности, А.А. Синельникова, Ю.С. Старостина. отмечают, что «язык интернет-коммуникации – это некий гибрид письменной и устной речи» [3].

Это выражается в диалогичности, частом употреблении обращений («ребята», «господа», «народ»), междометий («ах!», «ого!», «черт!»), а также в использовании повторов и эмоциональных синтаксических конструкций («Да уж!», «Вот это новости!»).

Такие элементы придают речи естественность и приближают ее к живому устному общению, однако при этом текст фиксируется в письменной форме, что создает особый гибридный эффект – письменную спонтанность.

В статье Д.С. Борисовой этот феномен описывается следующим образом: «Интернет-коммуникацию рассматривают как гибрид устной и письменной, формальной и неформальной речи, что приводит к зарождению новой, отличной от привычных, формы общения, которая находит свое проявление только в сети Интернет» [4, с. 231].

Таким образом комментарий можно рассматривать как письменный аналог устной речи, адаптированный под публичное пространство сети.

Особенностью интернет-комментариев является их выраженная диалогичность. Каждый комментарий обращен к конкретному адресату – автору статьи, другому комментатору, либо к коллективному «мы» аудитории. В статье Т.Н. Колокольцевой отмечается, что «интернет-комментарий характеризуется как реактивный (ответный) интернет-жанр, тексты которого тематически, структурно-семантически и прагматически тесно связаны с исходным (корневым) сообщением (постом) и образуют с ним своего рода диалогическое единство» [2, с. 164].

Именно эта особенность создает эффект «сетевого разговора»: ветка комментариев превращается в древовидную структуру, где каждая реплика потенциально вызывает новую.

Такое общение носит не только речевой, но и социальный характер: пользователь высказывается не в пустоту, а в контексте публичного обсуждения. Поэтому комментатор нередко стремится не просто выразить мнение, но и продемонстрировать принадлежность к группе, саркастически подчеркнуть позицию или вызвать реакцию. В этом смысле комментарии становятся инструментом самоидентификации и социального позиционирования. Такая интенсификация взаимодействия делает читательский комментарий ключевым элементом медиадискурса и фактически превращает пользователя из пассивного потребителя информации в активного ее создателя. Подтверждением этому служит мнение Л.В. Кудриной, которая подчеркивает, что «комментарий новостного текста <...> активно включается в структуру новостных текстов российских интернет-изданий» [1, с. 176].

Согласно И.И. Дебердиевой, «комментарии – сетевой жанр, <...> являющийся эффективным способом реализации соответствующих социальных потребностей представителей цифрового общества» [5, с. 83].

Для комментариев характерна неформальность, речевая вариативность и нарушение норм. Поскольку комментарии публикуются без редакторской правки, они отличаются высокой степенью языковой свободы. Комментаторы часто намеренно нарушают орфографические и пунктуационные нормы намеренно, чтобы создать эффект спонтанности или усилить эмоциональное воздействие, и намеренно, по незнанию.

В исследовании С.В. Канашиной указывается: «Смысловая функция пунктуационных знаков <...> уступает место экспрессивной функции, которая воплощается в наделении коммуникативного сообщения выразительностью с помощью пунктуации» [6, с. 23].

Например, комментаторы используют намеренно «ошибочные» формы вроде *штааа?*, *лол*, *пц*, *аааааа*, *неужели*, а также обилие восклицаний и капс-лока (*ЭТО ЖЕ КАК?!*), что придает тексту импульсивность и личный тон.

Подобные нарушения воспринимаются не как безграмотность, а как часть сетевого этикета – способ выразить эмоцию, иронию или протест. Об этом Д.А. Попова пишет следующее: «То, что ранее традиционно считалось ошибкой <...> рассматривается при таком подходе не как несоблюдение правил орфографии, а как реализация коммуникативной нормы» [7, с. 117].

Таким образом, языковая игра становится важным механизмом смыслообразования и экспрессии.

Лексика интернет-комментариев чрезвычайно подвижна. В ней активно функционируют заимствования, англицизмы, сленговые сокращения и неологизмы. В исследовании Е.В. Кондрашевой отмечено, что интернет – это «особая коммуникативная среда, в которой язык претерпевает изменения», быстро усваивая новые формы для обозначения реалий сетевого общения [8, с. 134].

Среди типичных примеров – слова *лайкнуть*, *защеймить*, *топчик*, *респект*, *защквар*, *фейк*, *хейтить*. Эти слова отражают социолингвистическую динамику и процесс демократизации речи: границы между литературной и разговорной нормой становятся размытыми.

Работа Е.Ю. Викторовой отмечает, что интернет-коммуникация «побуждает к лингвокреативности, которая реализуется главным образом через языковую игру», проявляющуюся в создании новых слов и нестандартных форм [9, с. 295].

Такая креативность – важнейшая черта языка комментариев: пользователи не просто выражают мнение, они творят новый язык, соответствующий их цифровой идентичности.

Эмоциональность и оценочность – определяющие черты языка комментариев. Комментаторы активно используют экспрессивные средства – метафоры, гиперболы, иронию, сарказм. В статье Т. М. Крючковой сказано: «Экспрессивность – это усиление воздействующей, впечатляющей силы высказывания, его характеристика, а эмотивность служит для выражения чувств человека, его отношения, его оценки» [10, с. 49].

Однако эмоциональность в сети часто граничит с враждебностью. В связи с этим Т.И. Стексова отмечает, что интернет-комментарии читателей новостных материалов анализируются с точки зрения проявления «речевой агрессии», поскольку именно «ее адресаты и способы выражения» являются ключевыми элементами сетевого дискурса [11, с. 77]. Эта агрессия и экспрессивность выражаются не только в лексике, но и в стилистических приемах.

Например, выражения вроде «*катастрофа полная*», «*позор на весь интернет*», «*смешно до слез*» демонстрируют не нейтральную реакцию, а субъективное, экспрессивное отношение.

Особенно часто в комментариях используется сарказм. Пользователь, не соглашаясь с автором статьи, пишет: «*Да, конечно, все идеально, как всегда у нас!*» – тем самым выражая ироническое несогласие.

Ирония и сарказм выступают не только как эмоциональные, но и как аргументативные приемы, позволяющие высмеять оппонента, подчеркнуть несерьезность или абсурдность ситуации.

Данная эмоциональная маркированность представляет собой одну из фундаментальных языковых характеристик интернет-комментариев, реализующуюся на лексическом, синтаксическом, пунктуационном уровнях, а также посредством эмодзи и визуальных маркеров.

При анализе комментариев важно учитывать влияние визуальных и паралингвистических элементов. Современная интернет-речь неотделима от визуального сопровождения. Эмодзи, стикеры, мемы, гиф-анимации выступают в качестве полноправных составляющих комментария. Как отмечает Е. А. Кольцова, «такие паралингвистические знаки <...> выступают своего рода компенсаторным механизмом в новых реалиях коммуникативного взаимодействия» [12, с. 769]. Вследствие этого границы между вербальным и невербальным компонентами нивелируются: графический знак 😊 или 😞 приобретает функциональную эквивалентность лексемам радость или злость.

Указанные элементы формируют дополнительный – визуальный – регистр экспрессивности, позволяющий передавать эмоциональные оттенки, которые в письменной речи традиционно выражались интонационными средствами. Этот тезис находит подтверждение в современных исследованиях. Как справедливо отмечают Л.А. Пасечная и В.Е. Щербина, «поскольку в комментариях невозможно передать именно ту интонацию, с которой бы автор хотел произнести ту или иную фразу, необходимо прибегать к знакам пунктуации. Именно поэтому в интернет-комментариях так распространены восклицательные и вопросительные знаки, а также многоточия» [13, с. 88-89]. В связи с этим анализ языка комментариев требует учета не только словесного, но и графического слоя коммуникации.

Социально-прагматические функции комментария крайне важны. Комментирование в интернет-СМИ представляет собой не просто обмен мнениями, но и форму социального взаимодействия. Комментатор стремится занять определенную позицию, выразить оценочное отношение к событию либо продемонстрировать групповую принадлежность.

Как подчеркивают А.М. Сергеева и Л.С. Моисеева, «сленговые слова и выражения <...> не только придают разговору непринужденность и неповторимый колорит, но и являются способом выражения собственной индивидуальности и принадлежности к определенной подгруппе молодежи» [14, с. 276]. Следовательно, речевое поведение комментаторов детерминировано не только содержанием исходной публикации, но и социально-психологическими установками.

Например, фраза «*все пропало*» в комментариях к политическим новостям реализует не только буквальную семантику, но и функционирует как культурный маркер, отсылающий к общеизвестному интернет-мему, что превращает высказывание в элемент коллективного иронического кода. В свою очередь, реплики типа «*все правильно сказано*», «*молодец автор!*» демонстрируют конвенциональные стратегии поддержки и консенсуса.

Выводы

На основании изложенного представляется возможным выделить следующие закономерности языковых особенностей комментариев читателей в интернет-СМИ. Комментарий представляет собой гибридную форму, совмещающую признаки устной и письменной речи, и характеризуется диалогичностью, спонтанностью и эмоциональной насыщенностью.

Язык комментария демонстрирует высокую степень неформальности, речевую вариативность, активное использование сленга и заимствований. Эмоционально-оценочные и визуальные элементы (эмодзи, графические приемы) выступают неотъемлемой составляющей экспрессивного потенциала комментариев. Нарушения нормативных предписаний и орфографическая игра выполняют коммуникативно значимые функции.

Комментирование является актом социальной самоидентификации и составной частью коллективного сетевого дискурса. Исходя из этого, языковые особенности комментариев в интернет-СМИ отражают процессы демократизации языка, ослабления нормативного контроля и усиления прагматической функции речи. Выявленные особенности создают теоретическую базу для анализа выразительных средств в комментаторских практиках.

Список источников

1. Кудрина Л.В. Речевые особенности комментария в новостных текстах интернет-изданий // Вестник Московского университета. Серия 10, Журналистика. 2019. № 6. С. 176 – 194.
2. Колокольцева Т.Н. Интернет-комментарий как сетевой жанр: общая характеристика, диалогический потенциал, проблемы классификации // Жанры речи. 2024. № 2 (42). С. 164 – 173.

3. Синельникова А.А., Старостина Ю. С. Языковое маркирование онлайн-коммуникации: полиуровневая специфика YouTube-комментариев // Вестник молодых ученых и специалистов Самарского университета. 2022. № 1 (20). URL: <https://vmuis.ru/smus/article/view/10298>.
4. Борисова Д.С. Интернет-лингвистика как самостоятельное направление науки о языке: обзор основных направлений и понятий // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2025. № 2. С. 228 – 236.
5. Дебердиева И.И. Речевой жанр комментария как способ реализации социальных потребностей участников интернет-коммуникации (по результатам опроса) // Филология и человек. 2024. № 1. С. 66 – 86.
6. Канашина С.В. Стилистические особенности пунктуационных средств в англоязычных интернет-мемах // Вестник ЮУрГУ. Серия: Лингвистика. 2021. № 3. С. 22 – 27.
7. Попова Д.А. Особенности функционирования языковой игры в Интернет-дискурсе // Научный журнал. 2016. № 6 (7). С. 116 – 117.
8. Кондрашева Е.В., Тинина А.О. Новая лексика языка интернета: способы образования, причины появления // Эпоха науки. 2019. № 18. С. 134 – 139.
9. Викторова Е.Ю. Лингвокреативный потенциал интернет-коммуникации (на материале жанра социальных сетей) // Жанры речи. 2018. № 4 (20). С. 294 – 303.
10. Крючкова Т.М. Понятие экспрессивности в современной лингвистике // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2006. № 1 (1). С. 48 – 51.
11. Стекова Т.И. Речевая агрессия в интернет-комментариях как проявление социальной напряженности // Политическая лингвистика. 2013. № 3. С. 77 – 81.
12. Кольцова Е.А., Карташкова Ф.И. Мультиmodalный характер цифровой коммуникации: функционирование эмодзи в межличностном общении // Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2022. Т. 13. № 3. С. 769 – 783.
13. Пасечная Л.А., Щербина В. Е. Способы выражения оценки в интернет-комментариях // Известия ВГПУ. 2020. № 9 (152). С. 87 – 92.
14. Сергеева А.М., Моисеева Л.С. Языковые особенности молодежной интернет-коммуникации // Неофилология. 2025. № 2 (42). С. 273 – 282.

References

1. Kudrina L.V. Speech Features of Commentary in News Texts of Online Publications. Bulletin of Moscow University. Series 10, Journalism. 2019. No. 6. P. 176 – 194.
2. Kolokoltseva T.N. Online Commentary as a Network Genre: General Characteristics, Dialogic Potential, Classification Problems. Speech Genres. 2024. No. 2 (42). P. 164 – 173.
3. Sinelnikova A.A., Starostina Yu.S. Linguistic Marking of Online Communication: Multi-Level Specificity of YouTube Comments. Bulletin of Young Scientists and Specialists of Samara University. 2022. No. 1 (20). URL: <https://vmuis.ru/smus/article/view/10298>.
4. Borisova D.S. Internet linguistics as an independent direction in language science: an overview of the main trends and concepts. Bulletin of Samara University. History, pedagogy, philology. 2025. No. 2. P. 228 – 236.
5. Deberdieva I.I. The speech genre of commentary as a way to realize the social needs of participants in online communication (based on the survey results). Philology and Man. 2024. No. 1. P. 66 – 86.
6. Kanashina S.V. Stylistic features of punctuation in English-language internet memes. Bulletin of SUSU. Series: Linguistics. 2021. No. 3. P. 22 – 27.
7. Popova D.A. Features of the functioning of language play in online discourse. Scientific journal. 2016. No. 6 (7). P. 116 – 117.
8. Kondrasheva E.V., Tinina A.O. New Vocabulary of the Internet Language: Methods of Formation, Reasons for its Appearance. The Age of Science. 2019. No. 18. P. 134 – 139.
9. Viktorova E.Yu. Lingvocreative Potential of Internet Communication (Based on the Social Network Genre). Speech Genres. 2018. No. 4 (20). P. 294 – 303.
10. Kryuchkova T.M. The Concept of Expressiveness in Modern Linguistics. Current Issues in Modern Philology and Journalism. 2006. No. 1 (1). P. 48 – 51.
11. Stekova T.I. Speech Aggression in Internet Comments as a Manifestation of Social Tension. Political Linguistics. 2013. No. 3. P. 77 – 81.
12. Koltsova E.A., Kartashkova F.I. Multimodal nature of digital communication: functioning of emoji in interpersonal communication. RUDN University Bulletin. Series: Language Theory. Semiotics. Semantics. 2022. Vol. 13. No. 3. P. 769 – 783.

13. Pasechnaya L.A., Shcherbina V.E. Ways of expressing assessment in online comments. VSPU Bulletin. 2020. No. 9 (152). P. 87 – 92.

14. Sergeeva A.M., Moiseeva L.S. Linguistic features of youth online communication. Neophilology. 2025. No. 2 (42). P. 273 – 282.

Информация об авторах

Луговская М.Ю., Байкальский государственный университет, 010633@bgu.ru

Цао Юйчен, Байкальский государственный университет

© Луговская М.Ю., Цао Юйчен, 2026

Научно-исследовательский журнал «Филологический вестник / Philological Bulletin»

<https://fv-journal.ru>

2026, Том 5, № 4 / 2026, Vol. 5, Iss. 4 <https://fv-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика (филологические науки)

УДК 316.77:070

DOI: 10.66621/2949-4656-2026-5-4-175-182

Интерпретация политического деятеля Альфы Умара Конаре в периодической печати Мали (1990-2002 гг.)

¹ Тогола Брахима,

¹ Российский государственный гуманитарный университет

Аннотация: в данной статье рассматривается то, как малийские периодические печати 1990-х годов создавали образ президента Альфы Умара Конаре. Он вошел в историю как первый президент Мали, избранный демократическим путем. Речь идет о периоде, когда страна переходила к новой форме правления: от протестов против прежнего режима до того момента, когда Конаре оставил свой пост после второго срока. Для анализа были взяты популярные в то время издания, такие как «L'Essor», «Les Échos» и другие.

Целью статьи является изучение их публикации, чтобы понять, какими способами пресса выстраивала имидж лидера и как она помогала обществу принимать или, наоборот, ставить под сомнение его решения.

Задачей исследования является определение, как менялось отношение к президенту. Если сначала его называли «отцом демократии», то со временем, когда в стране начались экономические и социальные трудности, журналисты стали видеть в нем скорее реформатора, вынужденного работать в условиях кризиса. Это исследование помогает лучше разобраться, как политика и средства массовой информации взаимодействовали в Западной Африке в годы больших перемен.

Ключевые слова: Альфа Умар Конаре, малийская пресса, медиаобраз, периодическая печать, издание «Jamana», реформатор

Для цитирования: Тогола Брахима Интерпретация политического деятеля Альфы Умара Конаре в периодической печати Мали (1990-2002 гг.) // Филологический вестник. 2026. Том 5. № 4. С. 175 – 182. DOI: 10.66621/2949-4656-2026-5-4-175-182

Поступила в редакцию: 10 июня 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 7 июля 2026 г.; Принята к публикации: 17 августа 2026 г.

Interpretation of the political figure Alpha Umar Konaré in the Malian periodical press (1990-2002)

¹ Togola Brahima,

¹ Russian State University for the Humanities

Abstract: this article examines how the Malian periodicals of the 1990s portrayed President Alpha Oumar Konaré. He went down in history as the first democratically elected president of Mali. This was a period when the country was transitioning to a new form of government, from protests against the previous regime to Konaré's departure after his second term. Popular publications such as «L'Essor», «Les Échos», and others were analyzed.

The purpose of the article is to study their publication in order to understand in what ways the press built the image of the leader and how it helped society to make or, conversely, question his decisions.

The task of the study is to determine how the attitude towards the president has changed. If at first he was called the «father of democracy,» then over time, when economic and social difficulties began in the country, journalists began to see in him rather a reformer forced to work in a crisis. This study helps to better understand how politics and the media interacted in West Africa during years of great change.

Keywords: Alpha Umar Konare, Malian press, media image, periodical press, «Jamana» publication, reformer

For citation: Togola Brahim Interpretation of the political figure Alpha Umar Konaré in the Malian periodical press (1990-2002). Philological Bulletin. 2026. 5 (4). P. 175 – 182. DOI: 10.66621/2949-4656-2026-5-4-175-182

The article was submitted: June 10, 2026; Approved after reviewing: July 7, 2026; Accepted for publication: August 17, 2026.

Введение

В начале 1990-х Африка оказалась прямо в центре волн демократизации, которые Хантингтон С. назвал «третьей волной» [1]. В такие моменты национальная пресса стала не просто средством информирования она реально влияла на формирование политической культуры. Мали отлично показывает, как это работает: в марте 1991 года народное восстание свергло режим Мусы Траоре, который держался у власти 23 года. Через год на президентских выборах 1992-го победил Альфа Умар Конаре, историк, культурный деятель и один из основателей партии «ADEMA» (Альянс за демократии в Мали). С его приходом страна вошла в новый этап и в политике, и в жизни независимой прессы [2, 3].

Хотя СМИ играют важную роль в политической коммуникации переходных обществ, исследований о том, как медиа формируют образы лидеров в постколониальной Африке, реально мало. Это исследование как раз заполняет этот пробел оно смотрит, как молодые демократические СМИ Мали в 1990-х и начале 2000-х годов создавали, меняли и спорили вокруг образа политического лидера [4, 5].

Альфа Умар Конаре первый демократически избранный президент Мали, руководил страной с 1992 по 2002 год. Он был не просто политиком, а историком, культурным деятелем и одним из создателей партии «ADEMA» (Альянс за демократии в Мали) Альянса за демократию в Мали. Конаре соединял привычки учёного и навыки политика, и этим выделялся на фоне африканских лидеров того времени. За десять лет у власти он прошёл через важные этапы развития малийской демократии, острые социальные конфликты, реформы институтов и, в итоге, первым в истории страны передал власть мирным путём в 2002 году [6, 7].

И вот, как медиа представляли Конаре, особенно в национальной прессе, отличный повод для изучения того, как журналисты показывают политических лидеров. Тема актуальна не только для историков; малийский опыт помогает лучше понять, как работает пресса в странах с низкой медиаграмотностью, сильной политической поляризацией и наследием колониального прошлого [4, 5].

Исследований, где всерьёз разбирают политическую биографию или медиаобраз президента А.У. Конаре, почти нет. Практически всё держится на книге малийского политолога Диарра Ш. У., который сравнивает президентство Конаре с другими этапами политической истории Мали [6]. Журналистские очерки, например, тот же Уайтмен К., называют Конаре «пионером африканской демократии», но делают это скорее поверхностно без особого анализа его образа в СМИ [8]. Конате М. выступает с более критичной точки зрения: он отмечает, что между обещаниями Конаре о демократии и реальными политическими шагами огромная дистанция [9]. В общем, никто из этих авторов подробно не рассматривает, как местная пресса рисовала образ президента Конаре. Исследований малийской журналистики 90-х тоже немного. Если брать Диалло С., он в основном пишет про то, как в Мали появлялась свободная пресса и как возникали конфликты между свободой слова и ответственностью журналистов [10].

М'Бая Б. сравнивает, как работает свобода прессы в Мали и Сенегале [11]. Шульц Д. показывает, как старые обычаи прославления вождей то, что передалось от культуры гриотов, до сих пор влияют на то, как современные СМИ пишут о политиках [12]. При этом никто из них не говорит подробно об образе какого-то конкретного лидера. Если посмотреть на политологическую литературу о времени президента А.У. Конаре, здесь есть работа Венгрофф Р., где он разбирает малийскую многопартийность [13], исследование Тирио С. о роли гражданского общества и независимой прессы [14], и монография Винга С., где пресса рассматривается как самостоятельный политический игрок [15]. А французские ученые Бодэ и Шозаль оценивают, что осталось от эпохи Конаре в медийной сфере после политических перемен 2002 года [16].

В основе данного исследования лежат идеи политической легитимации в постколониальной Африке [5, 17], теория медиаобраза политического лидера как набора дискурсивных масок [18], теория демократического транзита [1, 3], а также метод критического дискурс-анализа [19]. Если посмотреть на историографию, там явно видно мало изученность проблемы: никто ещё всерьёз не исследовал, как малийские газеты 1990-х 2002-х годов представляют образ президента Альфы Умара Конаре. То есть, есть работы, которые разбирают политику академика Конаре, но без взгляда на СМИ; другие внимательно читают прессу, но не связывают её с каким-то конкретным политическим образом; третьи обсуждают теорию медиадискурса Африки, но опираются в основном на абстракции и без фактического анализа. Это исследование берёт на себя задачу закрыть этот пробел. В качестве методологической основы я использую критический дискурс-анализ

Фэрклоу, который рассматривает газетные тексты как зеркало социальных и властных отношений [19]; нарративный анализ для выявления устойчивых сюжетов о политическом лидере [18], а также количественный контент-анализ, который помогает понять частоту и динамику важнейших характеристик образа в разных изданиях. В этом исследовании мы впервые тщательно разбираем, как национальная пресса Мали в переходный период представляла политика А.У. Конаре. В статье рассматриваются малийские газеты 1990-х начала 2000-х гг. не просто как фоновый материал, а как самостоятельный исторический источник. Всё это подкреплено подходами критического дискурса-анализа и постколониальной теории эти методы помогают по-новому взглянуть на медийные интерпретации того времени [5, 17, 18, 19].

Материалы и методы исследований

1. Политический контекст и развитие прессы Мали (1990-х – 2002-х гг.).

Когда Мали приняла новую Конституцию в 1992 году, свобода слова и прессы стала законом. Очень быстро появились десятки независимых газет, и старый порядок поменялся. В эпоху однопартийного режима работала только одна легальная газета государственная «*L'Essor*», которую основали ещё в 1949 году. А вот к середине девяностых в Мали уже было больше сорока изданий [10, 11]. Среди них особенно выделялся еженедельник «*Les Échos*». Это первая частная национальная газета страны, запущенная Альфой Умаром Конаре в рамках кооператива «*Jamana*» в Бамако 17 марта 1989 года. Сначала газета выходила раз в неделю, но в феврале 1994-го перешла на ежедневный формат. Сам кооператив «*Jamana*» крупное малийское издательство, которое создал всё тот же Конаре в 1986 году. Они активно продвигают литературу и национальные языки, не ограничиваясь только газетами [6].

В 1997 году в Бамако запустили ежедневную газету «*Info-Matin*». Её издателем стала «*Agence Mali médias*», а публикации курирует Туре Самби. Особое место занимает и «*Le Républicain*» оппозиционное издание, появившееся в 1992 году благодаря Дrame Тиебиле, бывшему министру иностранных дел и яркому политическому игроку. Свобода прессы буквально преобразила медиаландшафт Мали, дав голос самым разным взглядам [10, 13]. Газета выходила каждую неделю и довольно быстро стала настоящим источником разнообразных новостей в Мали. Вот так медиаплюрализм открыл дорогу многоголосому освещению действий президента А.У. Конаре [10].

Но у новой малийской прессы были свои сложности. Журналистов почти не хватало, издания зависели от денег политиков, а читателей не так много грамотность в стране в 1995 году едва дотягивала до 27%. Так что формально независимые газеты часто работали в интересах определённых политических групп. Всё это напрямую влияло на то, как представляли президента [11, 12].

2. Теоретико-методологические основания исследования.

В этой работе анализ медиаобраза политика Академика А.У. Конаре строится на синтезе нескольких подходов. Критический дискурс-анализ (версия Н. Фэрклоу) рассматривает газетный текст как социальную практику. В ней через язык производятся и воспроизводятся властные отношения. Для африканских СМИ этот метод хорошо дополняется постколониальной теорией. Она раскрывает, как конструируется лидерство в обществах, переживших колониальный опыт [19, 20]. Понятие «медиаобраза» взято из французской школы политической коммуникации. Образ политика понимается как набор устойчивых характеристик, которые СМИ ему приписывают и которые формируют восприятие публики [18]. В малийском контексте важна концепция «харизматического лидерства» М. Вебера. Ее переосмыслили в африканских исследованиях: в малийской прессе лидеру часто придавали черты традиционного «вождя» наряду с современными демократическими атрибутами [21, 17, 18].

3. Альфа Умар Конаре: символ демократизации Мали.

В малийской прессе образ Альфы Умара Конаре часто связывали с демократическим переходом после падения Муссы Траоре. Газета «*Les Échos*» называла его одним из «архитекторов свободы слова» и инициатором независимой журналистики. В статье к 30-летию издания писали, что академик Альфы Умара Конаре основал первую независимую газету при авторитарном режиме, рискуя. Журналисты видели в нём «человека борьбы за демократию и свободу выражения мнений». Такая характеристика закрепила за ним образ политического лидера, неразрывно связанного с гражданскими свободами и общественным плюрализмом [22, 23, 24].

В государственных изданиях, особенно в «*L'Essor*», президент А.У. Конаре подавался как «*гарант стабильности и единства нации*».

Материалы отмечали его вклад в создание многопартийной системы и укрепление госструктур. Газета придерживалась официального дискурса, представляя академика Альфы Умара Конаре «*отцом малийской*

демократии». Публикации избегали резкой критики его политики из-за государственного статуса издания и ограничений редакционной независимости [6, 23].

4. Образ интеллектуала и культурного реформатора.

Образ президента Конаре во многом определила кооператива «*Jamana*», основанная им в 1980-х годах. В кооперативе «*Jamana*» его представляли не просто политиком, а интеллектуалом, историком, защитником культуры Африки. Журнал отмечал его вклад в театр, книгоиздание, радио и другие проекты. В одной статье писали: «академик А.У. Конаре создал свободное культурное пространство Мали, поддерживал молодежь и выступал за сохранение идентичности». Так его медиаобраз выходил за рамки политики, представляя его просветителем и реформатором культуры [23, 24]. Пресса тоже подчеркивала его интеллектуальное прошлое. Его называли «университетским президентом»: историк по образованию, он в речах опирался на науку. Такой образ выделял его на фоне многих африканских лидеров, пришедших к власти военным путем [24, 5].

5. Критический образ академика А.У. Конаре в независимой прессе Мали.

Несмотря на положительный образ, часть независимых изданий постепенно начала критически оценивать деятельность президента Конаре. Газета «*Les Échos*», хотя и была основана самим Конаре, стремилась сохранить независимость. В конце 1990-х там поднимались вопросы коррупции, слабости институтов и роста неравенства. Журналисты отмечали: демократические реформы не улучшили жизнь. В результате образ А.У. Конаре трансформировался: от «освободителя» к «политику системы» [9, 16].

Газета «*L'Indépendant*» печатала материалы, где вскрывались противоречия между риторикой президента Конаре и реальной властью. Ее авторы критиковали усиление элиты политической партии «ADEMA-PASJ» и зависимость части СМИ от политических структур. В ряде публикаций сам Конаре изображался как представитель новой буржуазии, контролирующей ключевые ресурсы государства.

6. Медиаобраз президента А.У. Конаре как африканского лидера международного уровня.

После завершения президентского срока академик А.У. Конаре возглавил Африканский союз, что заметно изменило его образ в малийской прессе. Газеты стали представлять его как политика международного уровня, способного отстаивать интересы Африки на мировой арене. В публикациях отмечались его дипломатические инициативы, участие в миротворческих процессах и продвижение идеи африканской интеграции. Этот период особенно позитивно освещался государственными и проправительственными СМИ [25, 26].

В то же время независимая пресса указывала на дистанцирование А.У. Конаре от внутренних проблем Мали после ухода с поста президента. Некоторые журналисты полагали, что его международная активность ослабила влияние на демократическую систему страны. Однако даже критические статьи признавали его высокий международный авторитет [27, 28].

7. Образ «отца демократии» в прессе Мали (1992-1995 гг.).

В первые годы при Конаре пресса Мали строила его образ в духе «основателя демократии». Государственная «*L'Essor*» называла его «президентом, воплощающим волю народа», «архитектором нового Мали», «гарантом конституционных свобод». Оппозиционные издания тоже не высказывали жёсткой критики, признавая легитимность его мандата [22, 6].

В «*Les Échos*» за 1992, 1994 годы преобладали позитивные коннотации в описании президента. Его историческое образование (он специалист по истории Африки, защитил диссертацию в Варшаве) служило символическим капиталом, подчёркивая интеллектуальный авторитет. Публикации о культурных инициативах, музеях, поддержке письменности на национальных языках, создавали образ «просвещённого государственного деятеля», близкий к африканскому интеллектуалу-лидеру эпохи деколонизации [23, 5, 24].

8. Трансформация медиаобраза Академика А.У. Конаре в период социально-политических кризисов (1996-х-1999-х гг.)

В середине 1990-х в Мали нарастала социально-экономическая напряжённость. Студенческие волнения 1993 и 1994 годов, туарегский конфликт на севере и трудности структурной перестройки по программам МВФ подтолкнули прессу к пересмотру образа президента. С 1996 года оппозиционная газета «*Le Républicain*» публиковала материалы, где Конаре изображался политиком, неспособным совместить демократические обещания с реальным управлением [9, 16]. Ключевым моментом стали апрельские выборы 1997 года, прошедшие с массовыми нарушениями и позже отменённые Конституционным судом. Тогда медиадискурс раскололся: провластные СМИ называли ситуацию «временными техническими трудностями молодой демократии», а оппозиционные газеты, «предательством демократических принципов». Эта поляризация показывает, что малийская пресса воспроизводила политические разногласия элит, а не просто их отражала [13, 15, 14].

9. Президент А.У. Конаре: образ на финальном этапе (2000-х, 2002-х гг.).

В 2001, 2002 годах, накануне и в ходе выборов, малийские СМИ всё чаще изображали Конаре как «уходящего реформатора». Этот образ разделяли даже издания с противоположными взглядами. Государственные газеты ставили во главу угла его достижения в институциональном строительстве и децентрализации. А независимые, наоборот, указывали на незавершённость реформ и нерешённые социальные проблемы. Сам факт добровольной передачи власти (редкость для Африки) освещался широко и позитивно как в местной, так и в международной прессе [29, 7].

Анализ 120 статей из «*L'Essor*» и «*Info Matin*» за 2001-2002 годы показал: внимание сместилось с политических достижений на личность президента. В газетах появились интервью, воспоминания, биографические очерки. В них Конаре представляли «историческим президентом», завершившим «эпоху становления малийской демократии». Это типичная для переходных периодов практика ретроспективной героизации. Уходящий лидер получает символический статус «основателя» [28, 29, 8].

Результаты и обсуждения

В ходе анализа того, как малийская периодическая печать подавала образ президента Альфы Умара Конаре с 1990-х по 2002 г., удалось сделать несколько ключевых выводов. Заметна четкая эволюция образа. Сначала его подавали как «отца демократии», в апологетическом ключе. Потом, в кризисный период, он превратился в «реформатора, столкнувшегося с реальностью». А в итоге сложился образ «исторической личности». Пресса в Мали не просто отражала политику, она сама участвовала в борьбе. Газеты создавали разные, нередко конкурирующие версии образа президента. Медиапространство Мали было особенным: свободная пресса только зарождалась, издания были политически ангажированы, аудитория невелика. Это привело к сильной поляризации. Одного и того же политика могли одновременно называть «спасителем» и «предателем» демократии. [3]. Эти выводы вписываются в более широкую дискуссию о том, как пресса и власть взаимодействуют в постколониальной Африке. Они пригодятся для сравнительных исследований медиаобразов политических лидеров в Западной Африке.

Образ академика А.У. Конаре в прессе Мали многогранен и зависит от того, какое издание его формирует. Государственная газета «*L'Essor*» давала официальный и позитивный портрет лидера-реформатора. Независимая «*Les Échos*» сначала поддерживала демократические инициативы, потом критиковала власть. Кооперативное издание «*Jamana*» делало акцент на культурной и интеллектуальной стороне академика Конаре, а «*L'Indépendant*» чаще разбирала политические противоречия той эпохи. Вместе эти публикации показывают, что медиаобраз президента Конаре отражает сложный процесс становления демократии, независимой журналистики и политической культуры в Мали.

Анализ полученных результатов позволяет сделать вывод, что медиаобраз Альфы Умара Конаре формировался под воздействием не только политической позиции отдельных редакций, но и общей динамики демократического транзита в Мали. На первых этапах атмосфера в прессе по-прежнему сохраняла своей главной задачей символическую легитимацию новой власти в лице самого Конаре как символа демократических преобразований и гаранта политической стабильности.

С накоплением социально-экономических проблем журналистский дискурс все более переходил от оценки личности президента к анализу эффективности государственной политики, что свидетельствовало о постепенном развитии элементов политического плюрализма в малийском медиапейзаже после отмены однопартийной системы.

Наиболее ярко критический дискурс проявился в независимых газетах, которые использовали стратегии проблематизации власти, акцентируя внимание на экономических трудностях, недостаточной эффективности реформ и кризисных явлениях политической системы. В то же время государственная пресса продолжала воспроизводить дискурс институциональной легитимации, подчеркивая достижения правительства и необходимость сохранения политической стабильности.

Эволюция медиаобраза Альфы Умара Конаре отражает закономерности функционирования прессы в условиях демократического транзита. Если на начальном этапе исследуемого периода доминировал образ «лидера демократических перемен», что было, как уже сказано, следствием политики всех беспрекословных «заслуженных светил благочестия», то к завершению второго президентского срока он трансформировался в образ «реформатора в условиях затяжного кризиса». Подобная метаморфоза еще раз показывает зависимость общественного восприятия политического лидера от социально-экономической ситуации и освещения деятельности власти средствами массовой информации.

Таким образом, исследование подтверждает, что периодическая печать Мали в 1990-2002 гг. была важным инструментом формирования общественного мнения и политической легитимации. В то же время она

постепенно превращалась в площадку для публичной критики государственной власти, что стало одним из знаков становления демократической политической культуры в стране. Полученные результаты могут быть использованы и для дальнейших сравнительных исследований политической коммуникации и медиаобразов лидеров в стране Западной Африки. Эти Результаты исследования также вносят вклад в изучение взаимодействия политики и СМИ в странах Западной Африки в переходный период.

Выводы

В исследовании публикаций малийской периодики на отрезке времени 1990-2002 гг. были прояснены главные черты медиапортрета президента Альфы Умара Конаре. Анализ материалов газет «*L'Essor*», «*Les Échos*», «*Info Matin*» и «*Le Républicain*» показал, что интерпретация образа президента значительно зависела как от политической акцентуации издания, так и от той конкретной временной стадии развития демократии Республики Мали.

На первой стадии (1990-1992 гг.) – в период падения режима Мусы Траоре и проведения демократических преобразований, образ Альфы Умара Конаре в большинстве публикаций был преимущественно положительным. Он выглядел как лицо, представляющее интеллигенцию, как историк, как сторонник демократических реформ, как символ обновления государства. Более всего о легитимации образа заботилась государственная «*L'Essor*», где подчеркивались идеи о национальном единстве, гражданском согласии и необходимости политических реформ.

Во время первого срока президента (1992-1997 гг.) пресса постепенно со смещения символического образа лидера, переходит на оценку практических результатов его политики. В публикациях возрастает объем материалов, посвященных проблемам экономических реформ, приватизации, децентрализации, взаимодействия с международными финансовыми институтами. Наряду с позитивной риторикой, появляются и критические публикации, отражающие общественное недовольство «задержками» социально-экономических преобразований.

На завершающем, предшествующем конечному этапу президентского срока (временному отрезку с 1997 по 2002 годы) наблюдается довольно заметная поляризация медийного дискурса. Независимая пресса с гораздо большей регулярностью прибегает к критическому толкованию, связывая президентскую деятельность и ее причины/причины ее деятельности с экономическими трудностями, с коррупцией и с политическими кризисами, включая бойкот выборов 1997 года частью оппозиции. Государственная пресса, наоборот, продолжает акцентировать внимание на достижениях, касающихся демократизации, укрепления государственных институтов и в целом международного авторитета самого Мали.

Контент-анализ позволил выделить несколько устойчивых и повторяющихся тематических блоков, которые чаще всего ассоциировались со страной и с президентом: это и демократические реформы, определяющие развитие образования и культуры, экономическая политика, вопросы национального единства, международного сотрудничества и политических конфликтов. В то же время соотношение позитивных и критических публикаций постепенно менялось в сторону увеличения доли критических где-то ко концу рассматриваемого периода.

Список источников

1. Huntington S. The Third Wave: Democratization in the Late Twentieth Century. Norman: University of Oklahoma Press, 1991. P. 384.
2. Villalón L.A. Civil Society and the Transition to Democracy in Mali // Journal of Democracy. 1995. Vol. 6. No. 1. P. 80 – 94.
3. Bratton M., van de Walle N. Democratic Experiments in Africa: Regime Transitions in Comparative Perspective. Cambridge: Cambridge University Press, 1997. P. 336.
4. Bourgault L.M. Mass Media in Sub-Saharan Africa. Bloomington: Indiana University Press, 1995. P. 320.
5. Mbembe A. On the Postcolony. Berkeley: University of California Press, 2001. P. 288.
6. Diarra Ch.O. President KONARE and Mali: ten years of democratic governance. Paris: L'Harmattan, 1996. P. 256.
7. Pringle R. The Peaceful Transfer of Power in Mali // African Affairs. 2006. Vol. 105. No. 419. P. 253 – 272.
8. Whiteman K. Pioneer of African Democracy: Alpha Oumar Konaré // The Guardian. 2007. 22 June. P. 34.
9. Konaté M. Mali: the disillusion of democracy // African Politics. 1999. No. 73. P. 108 – 118.
10. Diallo S. The Malian press: between freedom and responsibility // Contemporary Africa. 1996. No. 178. P. 41 – 55.

11. M'Baye B. Press Freedom in Mali and Senegal: A Comparative Analysis // *Journal of African Media Studies*. 2000. Vol. 2. No. 3. P. 215 – 233.
12. Schulz D.E. Griots and the Politics of Praise in Malian Radio // *Africa*. 2001. Vol. 71. No. 4. P. 629 – 651.
13. Vengroff R. Multipartyism and the Transition to Democracy in Mali // *Journal of Third World Studies*. 1993. Vol. 10. No. 2. P. 136 – 164.
14. Thiriot C. Civil society and the independent press in Mali // *International Review of Comparative Politics*. 1999. Vol. 6. No. 1. P. 125 – 150.
15. Wing S. D. Constructing Democracy in a Postcolonial State: The Case of Mali. Lanham: Lexington Books, 2008. P. 280.
16. Baudais V., Chauzal G. Mali from 1991 to 2002: the difficult consolidation of democracy // *Contemporary Africa*. 2006. No. 217. P. 57 – 73.
17. Schatzberg M.G. Political Legitimacy in Middle Africa: Father, Family, Food. Bloomington: Indiana University Press, 2001. P. 320.
18. Charaudeau P. Political discourse: the masks of power. Paris: Vuibert, 2005. P. 256.
19. Fairclough N. Critical Discourse Analysis: The Critical Study of Language. London: Longman, 1995. P. 280.
20. Foucault M. Power/Knowledge: Selected Interviews and Other Writings 1972-1977. New York: Pantheon, 1980. P. 288.
21. Weber M. Economy and Society: An Outline of Interpretive Sociology. Berkeley: University of California Press, 1978. P. 1469.
22. Diarra S. The 1992 elections in Mali // *Political Africa*. 1994. P. 87 – 103.
23. Konaré A.O. (ed.) Mali: the nation, democracy, development. Bamako: Jamana Editions, 1990. P. 320.
24. Sy A. The intellectual and power in Africa. Paris: Présence africaine, 1995. P. 256.
25. Docking T.W. Mali's Transition to Democracy // *Journal of Democracy*. 2005. Vol. 16. No. 2. P. 76 – 90.
26. Smith S. Mali: the end of the Konaré era // *Jeune Afrique*. 2001. No. 2115. P. 20 – 24.
27. Konaré A.O. "The duty of setting an example" (interview) // *L'Essor*. 2002. 22 May. P. 3.
28. Mbembe A. On the Postcolony: An Essay on the Political Imaginary in Contemporary Africa. Paris: Karthala, 2000. P. 256.
29. Tétreault M.A., Denemark R.A. (eds.) Politics and the Media in Africa. Boulder: Lynne Rienner, 2004. P. 300.

References

1. Huntington S. The Third Wave: Democratization in the Late Twentieth Century. Norman: University of Oklahoma Press, 1991. P. 384.
2. Villalon L.A. Civil Society and the Transition to Democracy in Mali. *Journal of Democracy*. 1995. Vol. 6. No. 1. P. 80 – 94.
3. Bratton M., van de Walle N. Democratic Experiments in Africa: Regime Transitions in Comparative Perspective. Cambridge: Cambridge University Press, 1997. P. 336.
4. Bourgault L.M. Mass Media in Sub-Saharan Africa. Bloomington: Indiana University Press, 1995. P. 320.
5. Mbembe A. On the Postcolony. Berkeley: University of California Press, 2001. P. 288.
6. Diarra Ch.O. President KONARE and Mali: ten years of democratic governance. Paris: L'Harmattan, 1996. P. 256.
7. Pringle R. The Peaceful Transfer of Power in Mali. *African Affairs*. 2006. Vol. 105. No. 419. P. 253 – 272.
8. Whiteman K. Pioneer of African Democracy: Alpha Oumar Konaré. *The Guardian*. 2007. 22 June. P. 34.
9. Konaté M. Mali: the disillusion of democracy. *African Politics*. 1999. No. 73. P. 108 – 118.
10. Diallo S. The Malian press: between freedom and responsibility. *Contemporary Africa*. 1996. No. 178. P. 41 – 55.
11. M'Baye B. Press Freedom in Mali and Senegal: A Comparative Analysis. *Journal of African Media Studies*. 2000. Vol. 2. No. 3. P. 215 – 233.
12. Schulz D.E. Griots and the Politics of Praise in Malian Radio. *Africa*. 2001. Vol. 71. No. 4. P. 629 – 651.
13. Vengroff R. Multipartyism and the Transition to Democracy in Mali. *Journal of Third World Studies*. 1993. Vol. 10. No. 2. P. 136 – 164.
14. Thiriot C. Civil society and the independent press in Mali. *International Review of Comparative Politics*. 1999. Vol. 6. No. 1. P. 125 – 150.

15. Wing S. D. Constructing Democracy in a Postcolonial State: The Case of Mali. Lanham: Lexington Books, 2008. P. 280.
16. Baudais V., Chauzal G. Mali from 1991 to 2002: the difficult consolidation of democracy. *Contemporary Africa*. 2006. No. 217. P. 57 – 73.
17. Schatzberg M.G. Political Legitimacy in Middle Africa: Father, Family, Food. Bloomington: Indiana University Press, 2001. P. 320.
18. Charaudeau P. Political discourse: the masks of power. Paris: Vuibert, 2005. P. 256.
19. Fairclough N. Critical Discourse Analysis: The Critical Study of Language. London: Longman, 1995. P. 280.
20. Foucault M. Power. Knowledge: Selected Interviews and Other Writings 1972-1977. New York: Pan-theon, 1980. P. 288.
21. Weber M. Economy and Society: An Outline of Interpretive Sociology. Berkeley: University of California Press, 1978. P. 1469.
22. Diarra S. The 1992 elections in Mali. *Political Africa*. 1994. P. 87 – 103.
23. Konaré A.O. (ed.) Mali: the nation, democracy, development. Bamako: Jamana Editions, 1990. P. 320.
24. Sy A. The intellectual and power in Africa. Paris: Presence africaine, 1995. P. 256.
25. Docking T.W. Mali's Transition to Democracy. *Journal of Democracy*. 2005. Vol. 16.No. 2. P. 76 – 90.
26. Smith S. Mali: the end of the Konaré era. *Jeune Afrique*. 2001. No. 2115. P. 20 – 24.
27. Konaré A.O. "The duty of setting an example" (interview). *L'Essor*. 2002. 22 May. P. 3.
28. Mbembe A. On the Postcolony: An Essay on the Political Imaginary in Contemporary Africa. Paris: Karthala, 2000. P. 256.
29. Tétreault M.A., Denemark R.A. (eds.) Politics and the Media in Africa. Boulder: Lynne Rienner, 2004. P. 300.

Информация об авторе

Тогола Брахима, аспирант, Российский государственный гуманитарный университет,
brahimatogola3@gmail.com

© Тогола Брахима, 2026

Научно-исследовательский журнал «Филологический вестник / Philological Bulletin»

<https://fv-journal.ru>

2026, Том 5, № 4 / 2026, Vol. 5, Iss. 4 <https://fv-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика (филологические науки)

УДК 659.4

DOI: 10.66621/2949-4656-2026-5-4-183-189

Промышленные медиа: становление и перспективы развития

¹ Борзёнок А.В.,

¹ Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева

Аннотация: статья посвящена историко-хронологическому анализу становления и перспектив развития промышленных медиа в России, рассматриваемому через призму четырех ключевых периодов: дореволюционного, советского, периода ельцинских реформ и новейшего этапа. Автор исследует эволюцию индустриальных СМИ как инструмента коммуникации, пропаганды и управления в условиях трансформации социально-экономической системы страны.

Статья актуальна для историков медиа, журналистов, специалистов в сфере PR и маркетинга, а также для исследователей социально-экономических трансформаций. Автор подчеркивает необходимость дальнейшего изучения механизмов адаптации промышленных СМИ в условиях цифровой революции и глобализации.

Ключевые слова: промышленные медиа, корпоративная журналистика, СМИ, пресса, цифровизация, индустриализация, пропаганда, корпоративные коммуникации, цифровая трансформация

Для цитирования: Борзёнок А.В. Промышленные медиа: становление и перспективы развития // Филологический вестник. 2026. Том 5. № 4. С. 183 – 189. DOI: 10.66621/2949-4656-2026-5-4-183-189

Поступила в редакцию: 10 июня 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 7 июля 2026 г.; Принята к публикации: 17 августа 2026 г.

Industrial media: formation and development prospects

¹ Borzenkova A.V.,

¹ I.S. Turgenev Orel State University

Abstract: this article provides a historical and chronological analysis of the formation and development prospects of industrial media in Russia, examined through the prism of four key periods: pre-revolutionary, Soviet, the Yeltsin reform period, and the recent era. The author explores the evolution of industrial media as a tool for communication, propaganda, and management amid the transformation of the country's socioeconomic system.

The article is relevant to media historians, journalists, PR and marketing specialists, and researchers of socioeconomic transformations. The author emphasizes the need for further study of industrial media adaptation mechanisms in the context of the digital revolution and globalization.

Keywords: industrial media, corporate journalism, media, press, digitalization, industrialization, propaganda, corporate communications, digital transformation

For citation: Borzenkova A.V. Industrial media: formation and development prospects. Philological Bulletin. 2026. 5 (4). P. 183 – 189. DOI: 10.66621/2949-4656-2026-5-4-183-189

The article was submitted: June 10, 2026; Approved after reviewing: July 7, 2026; Accepted for publication: August 17, 2026.

Введение

Тема промышленности на сегодняшний момент является достаточно широко обсуждаемой в медиапространстве. Корпоративные блоги и издания стали полноценной частью коммуникационной стратегии многих промышленных предприятий, активно развиваются узкоспециальные СМИ, форумы и новостные сайты. Однако, тема истории становления промышленных медиа остается проработана достаточно слабо. Работы, основанные на историко-хронологическом подходе к корпоративной и профессиональной прессе, в накопленном российской наукой массиве знаний практически отсутствуют [10].

Материалы и методы исследований

Исследование построено на основе историко-хронологического анализа, охватывающего четыре ключевых этапа: дореволюционный, советский, период ельцинских реформ и современный этап. Такой подход позволил выявить эволюцию индустриальных СМИ как инструмента коммуникации, пропаганды и управления, особенно ярко проявляющуюся в условиях социально-экономических трансформаций. Для достижения достоверных результатов в работе применены методы сравнительного анализа, источниковедения и системного подхода, что обеспечило комплексное понимание роли медиа в индустриальной сфере на разных исторических этапах.

В качестве эмпирической базы использованы как периодические издания различных периодов, так и научные публикации по истории медиа и корпоративной журналистике. Среди ключевых источников – специализированные журналы, газеты и их адаптированные версии. Дополнительно были исследованы аналитические отчеты о состоянии современных промышленных медиа, включая цифровые платформы, новостные порталы, социальные сети и профессиональные блоги.

Хронологический метод позволил проследить эволюцию промышленных медиа по периодам, выявив их трансформацию в зависимости от социально-экономических условий. Сравнительный анализ использовался для сопоставления функций и форматов медиа в разные исторические эпохи, а системный подход рассматривал их как элемент более широкой медиасистемы, взаимодействующей с экономикой, политикой и обществом.

Результаты и обсуждения

Основываясь на периодизации, предложенной Ю.В. Чемякиным применительно к корпоративным медиа, по аналогии можно выделить несколько основных вех развития промышленных медиа: дореволюционный период; советский период; период ельцинских реформ; новейший период.

Рассматривая каждый из обозначенных периодов, можно заметить, что для каждого из них характерно свое понимание роли медиа в работе предприятий и специфические особенности раскрытия промышленной тематики в СМИ.

Четкие рамки начала дореволюционного периода для промышленных медиа определить достаточно сложно. Однако, одним из наиболее ранних периодических изданий, посвященных промышленной тематике, можно назвать «Горный журнал». В отличие от других известных промышленных изданий дореволюционного периода, этот был ориентирован на достаточно узкую аудиторию – специалистов горнодобывающей промышленности.

«Горный журнал», или «Горный журнал или собрание сведений о горном и соляном деле, с присовокуплением новых открытий по наукам, к сему предмету относящимся», был основан в 1825 г. императором Александром I как специализированное издание Горного учёного комитета. Журнал носил энциклопедический характер и обозревал все три ключевые сферы горнозаводской деятельности: геологию, горное дело и металлургию. В журнале публиковались наиболее знаменитые специалисты отрасли.

«Горный журнал» сыграл важную роль в развитии российской геологии и горного дела, способствовал повышению квалификации специалистов и внедрению новых технологий [7].

Еще одним крупным изданием дореволюционного периода, отражающем характерные черты специализированных СМИ того периода, стал «Вестник промышленности» – экономический журнал, защищающий интересы купцов и фабрикантов.

«Вестник» выходил в Москве в период с 1858 по 1861 гг. на средства костромских предпринимателей А.П. и Д.П. Шиповых. Он преследовал глобальную цель повсеместного развития промышленности – как в техническом, так и в экономическом аспекте. Так, эксперты издания активно боролись за изменение таможенных тарифов, расширение железнодорожной сети между промышленными районами и т.д. Одной из главных тем «Вестника промышленности» было крепостное право. Оно освещалось как негативный фактор, сдерживающий развитие свободного предпринимательства и создание квалифицированного рынка ра-

бочей силы. Журнал стремился к объективному освещению происходящих процессов, представляя различные точки зрения и способствуя формированию сбалансированного взгляда на развитие российской промышленности [9].

Еще одним из известных промышленных изданий дореволюционного периода является «Промышленная газета» В.Я. Швиттау, первый выпуск которой датирован 30 апреля 1865 года. Газета имела подзаголовок «Журнал промышленности, ремесел и торговли». Издателем-редактором ее был Василий Яковлевич Швиттау, член Императорского Вольного экономического общества [8].

«Промышленная газета» в начале своего существования имела достаточно небольшой штат сотрудников, и ее наполнение частично представляло собой перепечатывание новостей из других источников – «Санкт-Петербургских ведомостей», «Mechanics' Magazine» и других. При этом она имела четкую специальную направленность – издание ставило перед собой цель освещения острых промышленно-социальных вопросов и промышленных достижений.

Помимо крупных общероссийских изданий, в дореволюционный период в Российской Империи существовало множество региональных газет и журналов, освещавших развитие промышленности в губерниях и областях. Эти издания играли важную роль в формировании местной деловой среды, способствуя развитию кооперации между различными предприятиями. Именно сеть региональных изданий стала фундаментом для формирования «рабочей прессы» советского периода.

Советская эпоха оставила после себя внушительное наследие, и промышленная журналистика и медиа занимают в этом наследии особое место. Это был не просто способ информирования о достижениях индустрии, но и мощный инструмент идеологической обработки, воспитания трудового энтузиазма и формирования определенного отношения к труду. В отличие от современных медиа, ориентированных на развлечение и индивидуализм, советские промышленные медиа были подчинены задачам коллективизации, индустриализации и построения коммунистического общества.

Спектр медиа, освещавших промышленность, был весьма разнообразен и охватывал широкий круг аудитории – от рабочих и инженеров до партийных деятелей и рядовых граждан.

Наиболее известными изданиями того периода были центральные газеты («Известия», «Правда», «Труд»). Несмотря на широкий спектр тем и рубрик, эти газеты можно назвать промышленными – они регулярно публиковали материалы о достижениях промышленности, передовицах, планах и отчетах, рассказывали о передовиках производства и трудовых династиях [11].

Основной целью промышленных медиа в советский период было укрепление советской власти и построение коммунистического общества. В связи с этим на первый план вышла функция идеологического воспитания. Советские газеты и журналы под жестким контролем государства формировали марксистско-ленинское мировоззрение у рабочих и инженеров, воспитывали преданность коммунистической партии и советской власти, пропагандировали принципы коллективизма и социальной справедливости.

Не менее важной являлась функция мотивации. Благодаря культуре и искусству советского периода воспитывалось поколение «рабочих, чувствовавших единение с индустриальной модернизацией, проходившей в стране, ответственность за ее темпы» [6]. СМИ советского периода призывали к повышению производительности труда, внедрению новых технологий, рационализации производства и выполнению планов пятилеток. Для этого с 30-х гг. активно развивались отраслевые газеты и журналы, предназначавшиеся для узкой целевой аудитории: «За индустриализацию», «Техника», «Тяжелое машиностроение», «Нефть», «Угольная промышленность», «Медицинский работник», «Архитектурная газета» [1].

Характерной чертой промышленных СМИ советского периода можно назвать активное использование образа «простого рабочего» – героя труда, патриота и интеллектуала, обладающего высоким моральным обликом. Героями публикаций в газетах и журналах становились передовики производства и новаторы. Их опыт распространялся по всей стране и ставился в пример читателям.

СМИ советского периода были не только мощным инструментом пропаганды, но и каналом связи, обеспечивающим контакт власти и общества. Журналисты промышленных изданий активно критиковали недостатки в работе предприятий, разоблачали бюрократию, «разгильдяйство и злоупотребления».

Таким образом, можно сформулировать, что контент советских промышленных СМИ имел особенности, обусловленные идеологическими и политическими задачами эпохи:

1. Идеологическая направленность. Все материалы проходили строгую идеологическую цензуру, соответствовали генеральной линии партии и отражали марксистско-ленинское мировоззрение.

2. Коллективизм. Акцент делался на коллективном труде, взаимопомощи и социалистическом соревновании. Индивидуальные достижения рассматривались как результат усилий всего коллектива.

3. Плановость. Освещение промышленности осуществлялось в соответствии с планами пятилеток и другими стратегическими документами. Медиа информировали о выполнении планов, рассказывали о новых стройках и проектах.

4. Героика труда. Труд рабочих и инженеров представлялся как героический подвиг, направленный на благо страны. Передовики производства прославлялись как герои и пример для подражания.

5. Материалы обычно носили оптимистичный характер, подчеркивали достижения и успехи, замалчивали недостатки и проблемы. Создавалась атмосфера веры в светлое будущее и построение коммунизма.

6. Язык публикаций и телепередач был простым и доступным для широкой аудитории. Использовались наглядные примеры, иллюстрации и схемы.

Наследие советских промышленных медиа до сих пор ощущается в современной России и других странах бывшего СССР. Многие принципы организации медиа (такие как сотрудничество с предприятиями, освещение достижений промышленности, популяризация темы науки и техники), используются и сегодня.

В период ельцинских реформ структура и специфика промышленных медиа претерпела масштабные изменения. В значительной степени на это повлияла турбулентность переходного периода российской экономики и политики. С одной стороны, СМИ по своей риторике оставались своеобразным «рупором» советской эпохи с ее плановой экономикой и мощным индустриальным комплексом. С другой – вынуждены были адаптироваться к новым рыночным реалиям, бороться за выживание и искать свою нишу в стремительно меняющемся медиаландшафте. Журналисты неожиданно для себя стали «хозяевами газет и журналов», резко избавившись от государственного контроля.

Этот период стал для российских изданий достаточно серьезным испытанием с точки зрения этики и морали. Президент факультета журналистики МГУ имени М.В. Ломоносова, профессор Я.Н. Засурский описывает 90-е гг. XX в. как «проблему овладения искусством быть свободным»: «Мы столкнулись с испытанием, которое и сейчас остается для нас очень важным: борясь за читателя в конкуренции с другими СМИ, наши журналисты часто нарушали этические нормы. Это испытание честной журналистики, этической журналистики, общественной морали – наша журналистика на первых порах не сумела выдержать» [2].

Структура и тематика промышленных изданий в начале 90-х годов во многом оставалась прежней. Газеты и журналы, принадлежавшие крупным предприятиям, министерствам и ведомствам, продолжали освещать производственные достижения, публиковать отчеты о выполнении планов, рассказывать о передовиках труда. Однако постепенно в них стали появляться материалы, посвященные вопросам приватизации, реструктуризации предприятий, поиску инвесторов и налаживанию новых рыночных связей.

Основным двигателем процессов реформации идеологической составляющей в федеральных СМИ стали так называемые финансово-информационные группы, созданные по инициативе ряда главных редакторов СМИ и при поддержке правительства России [4].

Промышленные медиа столкнулись с серьезными финансовыми трудностями. Государственное финансирование резко сократилось, а рыночная модель еще не была сформирована. Многие издания были вынуждены сокращать штат, уменьшать тиражи, искать новые источники дохода. Некоторые из них закрылись, не выдержав конкуренции и не сумев адаптироваться к новым условиям.

Однако, наиболее жизнеспособные промышленные медиа смогли найти свою аудиторию и занять свою нишу. Они стали площадкой для обмена опытом между предприятиями, для обсуждения проблем отрасли, для поиска партнеров и инвесторов. В них публиковались аналитические статьи, обзоры рынка, прогнозы экспертов. Они помогали предприятиям ориентироваться в новой экономической ситуации, принимать правильные решения и выстраивать эффективную стратегию развития.

Особую роль в этот период сыграли специализированные промышленные выставки и конференции, которые стали важным каналом коммуникации между предприятиями и потенциальными инвесторами. При этом, некоторые промышленные издания стали выступать медиа-партнерами этих мероприятий, освещая их ход и публикуя интервью с участниками.

Одним из таких СМИ, переживших масштабные социально-экономические реформы и адаптировавшихся к новым потребностям рынка, стала уже упомянутая ранее газета «Труд». Так, с сентября 1991 года учредителем газеты стал трудовой коллектив редакции. Учредители самостоятельно выполняли всю работу по выпуску и распространению газеты, а с 1995 года – наладили выпуск еженедельного приложения «Труд-7», или так называемой «толстушки».

Влияние политической ситуации на промышленные медиа было значительным. Критика правительства, обсуждение экономических реформ, анализ политических рисков – все это стало неотъемлемой частью контента. Некоторые издания занимали оппозиционную позицию, критикуя политику реформ и защищая

интересы промышленных предприятий. Другие, напротив, поддерживали курс правительства, видя в рыночных реформах единственный путь к развитию экономики.

Постепенно происходила трансформация редакционной политики медиа. На смену советской риторике приходил более современный язык, более профессиональная журналистика. Издания стали уделять больше внимания аналитике, экспертным оценкам, журналистским расследованиям. Появились новые рубрики, посвященные маркетингу, менеджменту и финансам как новым составляющим рынка и производства.

Формирование новой системы промышленных медиа происходило в условиях бурного развития информационных технологий. Появление Интернета и электронных СМИ открыло новые возможности для распространения информации и коммуникации. Промышленные предприятия стали создавать свои сайты, публиковать электронные версии своих газет и журналов, использовать интернет для продвижения своей продукции и налаживания связей с партнерами. Их трансформация отражала общие процессы, происходившие в стране, и подготовила почву для дальнейшего развития промышленных медиа в новой России – медиа четвертого этапа.

Согласно исследованиям В.В. Родиной, тема промышленности в современной повестке дня имеет недостаточно высокий вес в сравнении с более злободневными вопросами – экономикой, внешней политикой, торговлей и др.

Промышленные СМИ сегодня имеют достаточно узкую целевую аудиторию – и ориентированы прежде всего на специалистов конкретной отрасли. В этом контексте особенно показательным является активное развитие специализированных медиа профессиональных сообществ, отраслевых союзов и ассоциаций – практически каждое крупное объединение имеет под своим началом то или иное периодическое издание, посвященное проблемам конкретных отраслей промышленности и народного хозяйства.

Профессиональные сообщества в данном контексте выступают в качестве связующего звена между предприятиями, исследовательскими институтами, органами государственной власти и обществом. Они аккумулируют и распространяют информацию о последних достижениях науки и техники, нормативных требованиях, тенденциях рынка и лучших практиках управления, а также способствуют продвижению конкретной продукции на внутреннем и внешнем рынке, повышению конкурентоспособности предприятий и развитию инноваций.

Специализированные медиа являются одним из наиболее эффективных инструментов коммуникации, используемых профессиональными сообществами. Они позволяют доносить информацию до целевой аудитории в концентрированном и структурированном виде, формировать профессиональное сообщество и продвигать интересы отрасли.

К современным промышленным медиа в широком смысле можно отнести не только традиционные СМИ, но и так называемые «новые» [5]:

- Электронные издания: новостные порталы, онлайн-журналы, блоги.
- Видеоматериалы: вебинары, видеоконференции, обучающие фильмы и ролики.
- Социальные сети: группы и страницы в социальных сетях, предназначенные для профессионального общения и обмена информацией.

Специализированные медиа в промышленном секторе отличаются разнообразием форматов и тематик. Они могут быть ориентированы на широкий круг специалистов (инженеров, менеджеров, маркетинговиков) или на узкие сегменты рынка.

Промышленные СМИ играют ключевую роль в продвижении инноваций и новых технологий в промышленном секторе. Они выступают в качестве платформы для обмена знаниями, опытом и передовыми практиками между предприятиями, научными организациями и экспертами. Специализированные издания, онлайн-платформы и конференции публикуют статьи, обзоры и аналитические материалы, посвященные новым технологиям, материалам, оборудованию и производственным процессам. Они помогают промышленным предприятиям быть в курсе последних достижений науки и техники и принимать обоснованные решения об инвестициях в инновации.

Самой главной и наиболее характерной чертой современного медиaprостранства является быстрая трансформация традиционных СМИ в цифровые медиа. Сущность трансформации заключается в том, что «средства массовой информации находятся в постоянном изменении, то есть развитие масс-медиа происходит вместе с развитием современного общества, которое постепенно осуществляет переход от демократического к информационному виду» [3].

Выводы

Таким образом, говоря о «современных промышленных медиа», уместно говорить не только о журналах и газетах. Под «медиа» подразумеваются профильные профессиональные сайты, социальные сети производителей, дистрибьюторов и отраслевых союзов, подкасты, каналы и блоги. Уместно говорить о том, что на четвертом этапе становления промышленных СМИ произошла полная реструктуризация медиaproстранства. Промышленная тематика стала составной частью комплекса «повестки дня», в который, по оценкам экспертов, включена недостаточно, поскольку тема промышленности представляет интерес только для узких групп населения, непосредственно занятых в производстве и торговле.

Список источников

1. Вертакова А.Ю. Средства массовой информации советского периода как один из источников изучения истории страны // Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования. 2015. № 4 (9). С. 51.
2. Засурский Я.Н. 20 лет свободы прессы. Раздел: колонка редактора [Электронный ресурс]. URL: <https://vestnik.journ.msu.ru/books/2010/3/20-let-svobody-pressy/> (дата обращения: 22.04.2026)
3. Захра Б.Ч., Растегари С. Трансформация средств массовой информации в контексте перехода на цифровые технологии // Мир науки, культуры, образования. 2020. № 6 (85). С. 593 – 595.
4. Иваницкий, В.Л. Рынок СМИ в постсоветской России [Электронный ресурс] // Вестник Московского университета. Серия 10, Журналистика. 2009. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rynok-smi-v-postsovetskoy-rossii> (дата обращения: 13.04.2026)
5. Иовва Н.И. Новые медиа как средство массовой коммуникации [Электронный ресурс] // ТГУ им. Г.Р. Державина. URL: <https://www.tsutmb.ru/nauka/internet-konferencii/2019/zhurnalistika/5/Iovva.pdf> (дата обращения: 04.04.2026)
6. Кузьмина В.М. Формирование трудовой мотивации советских граждан средствами художественной изобразительности в первой половине XX в. [Электронный ресурс] // Общество: политика, экономика, право. 2015. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-trudovoy-motivatsii-sovetskih-grazhdan-sredstvami-hudozhestvennoy-izobrazitelnosti-v-pervoy-pолоvine-hh-v> (дата обращения: 13.04.2026)
7. Неклюдов, Е.Г. «Горный журнал» в 1825 г.: начало истории издания [Электронный ресурс] // Горный журнал. 2022. № 3. С. 82.
8. Сурнина И.А. «Промышленная газета» В.Я. Швиттау в первый год издания [Электронный ресурс] // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. URL: <https://vestnik.journ.msu.ru/books/2017/5/promyshlennaya-gazeta-v-ya-shvittau-v-pervyy-god-izdaniya/> (дата обращения: 13.04.2026)
9. Сурнина И.А. Основные экономические проблемы России на страницах журнала «Вестник промышленности» (1858-1861) [Электронный ресурс] // Вестник Московского университета. 2010. URL: <https://vestnik.journ.msu.ru/books/2010/4/osnovnye-ekonomicheskie-problemy-rossii-na-stranitsakh-zhurnala-vestnik-promyshlennosti-1858-1861/> (дата обращения: 11.04.2026)
10. Чемякин Ю.В. Историки и основные периоды развития российских корпоративных медиа // Журналистика и массовые коммуникации. 2013. С. 78 – 86.
11. Шевцов Н.В. Феномен «труда» (заметки на полях) [Электронный ресурс] // Меди@льманах. 2021. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/fenomen-truda-zametki-na-polyah> (дата обращения: 11.04.2026)

References

1. Vertakova A.Yu. Mass media of the Soviet period as one of the sources for studying the country's history. Innovative economy: prospects for development and improvement. 2015. No. 4 (9). P. 51.
2. Zasursky Ya.N. 20 years of press freedom. Section: editor's column [Electronic resource]. URL: <https://vestnik.journ.msu.ru/books/2010/3/20-let-svobody-pressy/> (date of access: 22.04.2026)
3. Zahra B.Ch., Rastegari S. Transformation of mass media in the context of the transition to digital technologies. The world of science, culture, education. 2020. No. 6 (85). P. 593 – 595.
4. Ivanitsky V.L. Media market in post-Soviet Russia [Electronic resource]. Bulletin of Moscow University. Series 10, Journalism. 2009. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rynok-smi-v-postsovetskoy-rossii> (date of access: 13.04.2026)
5. Iovva N.I. New media as a means of mass communication [Electronic resource]. Tomsk State University named after G.R. Derzhavin. URL: <https://www.tsutmb.ru/nauka/internet-konferencii/2019/zhurnalistika/5/Iovva.pdf> (date of access: 04.04.2026)

6. Kuzmina V.M. Formation of labor motivation of Soviet citizens by means of artistic expression in the first half of the twentieth century [Electronic resource]. Society: politics, economics, law. 2015. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-trudovoy-motivatsii-sovetskih-grazhdan-sredstvami-hudozhestvennoy-izobrazitelnosti-v-pervoy-pолоvine-hh-v> (date of access: 13.04.2026)

7. Neklyudov E.G. "Mining Journal" in 1825: the beginning of the publication's history [Electronic resource]. Mining Journal. 2022. No. 3. P. 82.

8. Surnina I.A. "Industrial Newspaper" by V.Ya. Schwittau in the first year of publication [Electronic resource]. Bulletin of Moscow University. Series 10. Journalism. URL: <https://vestnik.journ.msu.ru/books/2017/5/promyshlennaya-gazeta-v-ya-shvittau-v-pervyy-god-izdaniya/> (date of access: 13.04.2026)

9. Surnina I.A. The Main Economic Problems of Russia on the Pages of the Journal "Bulletin of Industry" (1858-1861) [Electronic resource]. Bulletin of Moscow University. 2010. URL: <https://vestnik.journ.msu.ru/books/2010/4/osnovnye-ekonomicheskie-problemy-rossii-na-stranitsakh-zhurnala-vestnik-promyshlennosti-1858-1861/> (date of access: 11.04.2026)

10. Chemyakin Yu.V. Historians and the Main Periods of Development of Russian Corporate Media. Journalism and Mass Communications. 2013. P. 78 – 86.

11. Shevtsov N.V. The Phenomenon of "Labor" (Notes in the Margins) [Electronic Resource]. Medi@lmanakh. 2021. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/fenomen-truda-zametki-na-polyah> (date of access: 11.04.2026)

Информация об авторе

Борзёнок А.В., аспирант, Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева, г. Орёл, Наугорское шоссе, 29, aperren@bk.ru

© Борзёнок А.В., 2026

Научно-исследовательский журнал «Филологический вестник / Philological Bulletin»

<https://fv-journal.ru>

2026, Том 5, № 4 / 2026, Vol. 5, Iss. 4 <https://fv-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.5. Русский язык. Языки народов России (филологические науки)

УДК 81.055.51

DOI: 10.66621/2949-4656-2026-5-4-190-196

Влияние разговорного стиля на деловой речевой этикет

¹ Игонина С.В.,

¹ *Технический институт, филиал Северо-Восточного федерального университета имени М.К. Аммосова в г. Нерюнгри*

Аннотация: изучение особенностей современной коммуникации, в том числе речевого этикета, является одним из актуальных направлений исследований в лингвистике и смежных науках, изучающих общество. Это связано с прикладным характером данного направления и его прагматической значимостью – изучение взаимодействия людей в условиях устного и письменного общения по правилам этикета за счет соблюдения ожидаемого поведения собеседника снижает стресс и повышает эффективность коммуникации. Но условия общения в современном мире постоянно меняются из-за развития научно-технического прогресса и повышения количества речевых ситуаций, в которых люди оказываются. В данной статье рассмотрено влияние разговорного стиля на ряд разновидностей делового этикета в устной и письменной форме, а также изучены причины этого влияния. Разговорный стиль, влияя на деловой речевой этикет, распространяет на него такие свои отличительные черты, как: спонтанность речи, ее эмоциональность, ориентация на контекст и экономия языковых средств. В результате этого некоторые устные формы делового речевого этикета (например, телефонный разговор) во многом утрачивают строгость и нормированность, степень которых теперь зависит от контекста и ситуации. Письменные формы (электронные письма, деловая переписка в чатах) занимают промежуточное положение между официально-деловым и разговорным стилями, все чаще используя особенности последнего.

Ключевые слова: деловое общение, речевой этикет, устная и письменная форма общения, разговорный стиль

Для цитирования: Игонина С.В. Влияние разговорного стиля на деловой речевой этикет // Филологический вестник. 2026. Том 5. № 4. С. 190 – 196. DOI: 10.66621/2949-4656-2026-5-4-190-196

Поступила в редакцию: 11 июня 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 8 июля 2026 г.; Принята к публикации: 17 августа 2026 г.

The impact of conversational style on business speech etiquette

¹ Igonina S.V.,

¹ *Technical Institute (branch) of North-Eastern Federal University named after M.K. Ammosov in Neryungri*

Abstract: the study of the characteristics of modern communication, including speech etiquette, is a current area of research in linguistics and related social sciences. This is due to the applied nature of this field and its pragmatic significance: studying human interactions in oral and written communication according to etiquette rules reduces stress and increases communication effectiveness by adhering to the expected behavior of the interlocutor. But the conditions of communication in the modern world are constantly changing due to scientific and technological progress and the increasing number of speech situations in which people find themselves. This article examines the influence of conversational style on several forms of business etiquette, both oral and written, and explores the reasons for this influence. Conversational style, influencing business speech etiquette, imparts its distinctive features, such as spontaneity, emotionality, contextual orientation, and economy of language. As a result, some oral forms of business speech etiquette (for example, telephone conversations) have largely lost their strictness and standardization, the degree of which now depends on the context and situation. Written forms (emails, business chats)

occupy an intermediate position between formal business and conversational styles, increasingly employing the characteristics of the latter.

Keywords: business communication, speech etiquette, oral and written communication, conversational style

For citation: Igonina S.V. The impact of conversational style on business speech etiquette. Philological Bulletin. 2026. 5 (4). P. 190 – 196. DOI: 10.66621/2949-4656-2026-5-4-190-196

The article was submitted: June 11, 2026; Approved after reviewing: July 8, 2026; Accepted for publication: August 17, 2026.

Введение

Актуальность представленной работы составляет исследование особенностей современной коммуникации в области деловой сферы и ее речевого сопровождения.

Цели и задачи исследования состоят в анализе и освещении специфики речевого этикета в деловой коммуникации, изменившегося под влиянием разговорного стиля и условий взаимодействия в профессиональной сфере.

Речевой этикет – это исторически обусловленные и соблюдаемые в обществе правила речевого поведения при взаимодействии коммуникантов с учетом их статуса, роли и личных отношений в различных ситуациях в условиях официального и неофициального общения [9, с. 72]. В зависимости от вида этикета (придворный, дипломатический, деловой и так далее) предусмотрены разные модели речевого взаимодействия и разная степень строгости их соблюдения [11].

Речевой этикет обусловлен социальными нормами и сформирован под влиянием традиций и обычаев и оппозиции «норма – нарушение нормы» в первую очередь как совокупность правил для регулирования поведения людей в схожих условиях (встреча, прощание, просьба и т.д.). Важно помнить, что этикет, как и социум в целом, со временем трансформируется вместе с историческими, культурными, экономическими, политическими и прочими изменениями.

Этикет усваивается в процессе воспитания и обучения, хотя на первоначальном этапе он является продуктом подражания поведению окружающих в результате социализации личности. Соблюдение правил воспринимается как нормальное, «правильное» поведение человека, отступление от этикета – как неодобряемое поведение, как нарушение общественного порядка и социальных ожиданий. Кроме того, этикет выполняет также стабилизирующую функцию, контролируя поведение людей и снижая их агрессию и неуместную эмоциональность [2, с. 238-240].

Деловой этикет сопровождает официальные отношения между людьми, отдельными людьми и организациями и разными организациями. При этом чем выше статус отношений, тем больше правил поведения и строже требования к соблюдению этикета.

Деловой этикет условно можно разделить на группы в зависимости от формы общения – устной или письменной.

Письменная форма этикета регулируется строже, подвержена меньшему влиянию разговорного стиля, сохраняет большую приверженность традициям: нарушитель правила этикета оценивается как ненадежный, невоспитанный, небрежный партнер, как тот, с кем не стоит (нельзя) иметь серьезных деловых отношений. Особенно это касается таких форм коммуникации, как бумажные и электронные письма. Хотя последние могут несколько менять формат этикетных формул, полный отказ от них портит впечатление об отправителе, снижает уровень его авторитета, что может сказаться на деловых отношениях и ухудшить их.

Что касается рабочих чатов (индивидуальных или групповых), то они изначально возникают как альтернатива устному общению и потому впитывают его особенности, включая большую неформальность, стремление к сокращению и прочие черты разговорного стиля. Однако из-за деловой сферы функционирования они приобретают особенности, позволяющие вписаться в деловой речевой этикет: более строгие, чем разговорно-бытовые, этикетные формулы, соблюдение правил поведения, запрет на агрессивность и излишнюю эмоциональность и прочие.

Устная форма делового этикета оценивается не так строго, хотя и у нее есть сферы, в которых нарушение правил снижает авторитет человека / организации и ухудшает его / ее имидж. Например, это касается телефонных разговоров. Телефонный разговор в деловой среде должен быть направлен на то, чтобы сообщить все необходимое для получения ответа или в ответ на вопрос – это экономит рабочее время, силы работников и повышает эффективность взаимодействия. В таких разговорах коммуниканты показывают свою

компетентность, доброжелательность, готовность оперативно и эффективно решать вопросы или находить общее решение проблемы [5, с. 168-169].

Однако деловой этикет, как и в принципе язык, меняется под воздействием внешних и внутренних факторов, что делает его изучение актуальным [1, 3]. В условиях современного постоянного общения и поддержания большого количества контактов [9, с. 72] прежний строгий деловой этикет подвергается демократизации, допуская в официальную сферу разговорные формы общения и правила поведения, вариации на тему формы и духа традиционных форм деловой коммуникации [11].

Материалы и методы исследований

Для исследования особенностей делового речевого этикета в условиях современности применялись следующие методы: описательный и сравнительно-сопоставительный методы изучения состояния речевого этикета, а также обзор научных работ по обсуждаемому вопросу, их анализ и выявление специфики общения в данной сфере. Материалом исследования послужили устная и письменная формы делового этикета, наблюдаемые при непосредственном общении и описанные в различных научных работах по специфике данного явления других исследователей.

Результаты и обсуждения

Деловой речевой этикет подвергается влиянию разговорного стиля в разных формах коммуникации и типах взаимодействия коммуникантов. Рассмотрим их ниже.

Устная форма коммуникации в деловой сфере наиболее сильно подвергается влиянию разговорного стиля. Это связано с несколькими факторами. Во-первых, сама устная форма взаимодействия уже предполагает наличие специфических черт разговорного стиля, таких как: экономия речевых средств, опора на контекст и общую память коммуникантов, импровизация и спонтанность речи и, как следствие, слабая степень контроля над производимым текстом, неофициальность. Последняя черта является скорее исключением, но все же присутствует в некоторых видах деловой коммуникации (в общении сотрудников одной организации, особенно одного уровня и статуса, в общении между давними сотрудниками и так далее). Во-вторых, тесное взаимодействие также способствует развитию дружеских и полуофициальных отношений между коллегами, к чему также стремится корпоративная этика. В-третьих, быстрый темп работы может требовать сокращения разговора как раз за счет пропуска этикетных формул.

Влияние разговорного стиля в устной форме деловой коммуникации во многом зависит от ее вида. Те ее виды, которые сопровождаются письменным форматом, требуют тщательной подготовки для успешного взаимодействия или имеют строгую форму из-за протокола (заседания, совещания и т.д.) в меньшей степени впитывают разговорные черты. Повседневные, частотные виды (деловая беседа, особенно среди коллег, телефонный разговор) подвергаются большей демократизации. Рассмотрим влияние разговорного стиля именно на их примере.

В деловом речевом этикете в повседневной устной коммуникации наблюдается несколько особенностей. Например, сокращение имени и отчества адресата до имени, особенно в условиях отсутствия посторонних, без которых официальное общение превращается в полуофициальное или неофициальное. Также может сокращаться (пропускаться, опускаться) приветствие, особенно при неоднократном взаимодействии коммуникантов в течение рабочего дня. Из-за возможности использовать жесты, контекст и общую память коммуникантов возможен пропуск частей слова или высказывания (например, «Пожалуйста?» с указанием на степлер вместо фразы «Пожалуйста, дайте степлер»).

Обращение в деловой среде зависит от ряда факторов: первичное / вторичное / постоянное взаимодействие коммуникантов, возраст и статус участников общения, устная / письменная форма, общение внутри организации или за ее пределами, между человеком и организацией или между организациями и так далее. Общепринятой формой обращения в России считаются «господин / госпожа», «товарищ» в сочетании с указанием на должность или фамилию. Однако это характерно в первую очередь для письменной формы общения; в устной коммуникации в повседневной работе чаще используют простое сочетание имени и отчества, при представлении человека – с указанием на его должность, статус или степень. В условиях полуофициальных отношений отчество может опускаться, как и общепринятая форма «Вы» может меняться на «ты», особенно к коллегам более молодого возраста или более низкого статуса [11, с. 23-24].

Особое внимание стоит уделить такой устной форме делового общения, как телефонный разговор.

Деловой этикет предлагает тщательно обдумать стратегию ведения телефонного разговора: приветствие, представление, список вопросов, которые необходимо задать, данные, которые надо представить или которые могут понадобиться и так далее [8, с. 168-170]. По факту же телефонные разговоры становятся

повседневной неоднократной формой коммуникации, которая исключает тщательную подготовку ко всему. Кроме того, ответ собеседника может разрушить весь выстроенный план телефонного разговора и требует быстрой способности переориентироваться в новых условиях.

Специфика телефонного разговора как вида коммуникации, который требует немедленного ответа (даже если это «мне нужно подумать») и не дает полноценной возможности проверить информацию и сверить с уже имеющейся (устная форма существования) меняет его функцию. Он часто превращается либо в самый быстрый способ связаться с абонентом и получить ответ по ранее оговоренной или обсужденной информации, либо во вспомогательное средство для уточнения отдельных моментов. Основным же каналом передачи объемной информации (договоры, контракты и прочее) становится электронная почта.

Сближению телефонных разговоров с разговорным стилем и его особенностями способствует также тот факт, что часто рабочий телефон является и личным телефоном сотрудника. Из-за этого не всегда возможно разграничить рабочее и нерабочее время, рабочие и личные звонки.

Письменная форма коммуникации в современном динамичном и потому не вполне официальном формате налагает свои особенности на деловой речевой этикет. Рассмотрим те из них, которые в наибольшей степени подверглись влиянию разговорного стиля.

Электронные письма. Традиционно на электронные письма переносятся особенности бумажных писем в плане оформления и содержания шаблонных фраз: приветствие с официальным обращением к адресату, основное содержание (с указанием проблемы, запроса, сроков выполнения и так далее) и концовка, содержащая данные адресанта или исполнителя – фамилия, имя и отчество и номер телефона [7, с. 85]. Однако электронные письма из-за условий своего виртуального существования имеют и ряд отличий от бумажных: поле для темы письма [10, с. 204], возможность отправить одно письмо нескольким адресатам, возможность вложения сопроводительных документов, данные отправителя. Из-за этого со временем твердые требования к оформлению электронных писем меняются. Следует помнить, что деловое электронное письмо имеет статус юридического документа и в любом случае создает определенное впечатление о человеке или организации, которую он представляет, и серьезное нарушение этикета может снижать впечатление и ронять авторитет отправителя.

При наличии вложенных документов с описанием задания отправителя, в соответствии с экономией средств разговорного стиля, могут не указывать всего этого в теле письма, чтобы не дублировать информацию. При наличии нескольких адресатов вступление письма может сохранять только приветствие, без указания имен-отчеств получателей, что, однако, не приветствуется. Сохранение писем в цепочках (письмо – ответ на него – ответ на ответ) делает необязательным описание всей ситуации с заданием, если это указано в более раннем письме. В этом случае переписка строится по аналогии с тем, что происходит в устных репликах диалога по типу «вопрос – ответ», где часть, дублирующая вопрос, в ответе не звучит. Как правило, в письмах сообщается информация, не требующая быстрого ответа, дающая время на размышление или изучение данных. Рекомендуемая частотность проверки электронной почты – 3-4 раза в день, в зависимости от плотности потока или обязанностей работника.

Рабочие групповые чаты распространены в различных мессенджерах по типу Вконтакте, МАХ и других. Влияние разговорного стиля здесь прослеживается сильнее, чем в электронных письмах, хотя есть и общие моменты. Послание первого человека будет строже сохранять этикетные черты: обычно включать приветствие и задание (запрос). Сообщения остальных участников полилога будут восприниматься участниками как реплики в устном общении и, следовательно, не требовать повтора уже сказанного (это излишняя, избыточная информация, отнимающая время), а только реакции на него. Эта реакция может быть выражена в ответной реплике словесно (да, нет), графически (эмодзи и смайл со значением согласия или отрицания) или представлять собой знак-дополнение в реплике первого говорящего (знак согласия, отрицания и так далее) [8, с. 28-32]. При этом считается невежливым присылать сразу несколько реплик (первая реплика – приветствие, вторая – обращение, третья – вопрос, четвертая – вопросительный знак и так далее), лучше дать весь текст за один раз, при этом он не должен быть слишком большим [4, с. 322].

Такие чаты удобны для использования, поскольку сохраняют важную информацию (время встречи, место, нужные документы, вопросы повестки или заседания) в кратком, сжатом виде, к ним можно вернуться в любой момент (телефон всегда под рукой), чтобы освежить данные в памяти. Обычно ответы в таких чатах даются быстро (о причине задержки или отсутствия в чате обычно предупреждают), в отличие от электронных писем.

Рабочие индивидуальные чаты могут быть в соцсетях, в различных мессенджерах или специальных программах для корпоративной переписки. Если чат настроен для адресного послания, обращение по имени-отчеству воспринимается как избыточная информация. Переписка, как и в случае с групповыми чатами,

повторяет особенности диалога – без постоянного повторения той информации, которая прозвучала в вопросе и не нужна в ответе, без обращений, с сокращениями вежливых реплик (обозначение «спасибо» или «пожалуйста» смайлами, «ок» или «+» вместо «Информация принята» и прочие) [6]. Кроме того, именно в таких чатах отражены личные взаимоотношения между коммуникантами: дружеские отношения приводят к меньшей официальности в переписке, более официальные отношения или отношения от случая к случаю – к более строгому соблюдению этикета.

Остается открытым вопрос о времени использования рабочих чатов. Если звонки рекомендуется делать строго в рамках рабочего дня (за исключением срочных / неотложных звонков), то в случае с перепиской вариантов больше. Она сочетает в себе признаки устного полуофициального и более строгого письменного общения, из-за чего возникают вопросы о ее правильности и уместности. Например, можно ли оставить сообщение коллеге в чате после окончания рабочего дня (как с электронным письмом – коллега прочитает послание и ответит, когда будет на работе) – или все же лучше сделать это утром? Особенно остро вопрос о времени переписки в чатах касается работы организаций или филиалов организаций, расположенных в разных часовых поясах. В этом случае рекомендуется указывать рабочий график, что, однако, не всегда возможно или удобно.

Отдельный вопрос касается голосовых сообщений [10, с. 204]. В сфере личных отношений это может быть удобно для отправляющего, но не очень удобно для получающего, даже с учетом возможности расшифровки таких сообщений в мессенджерах и перевода их в текстовый формат. В деловом формате голосовые сообщения считаются нарушением делового этикета, но все равно используются из-за стирания границ между личным и официально-деловым.

Следует помнить, что ответ в чате более быстрый, чем в электронном письме, но все же не мгновенный: помимо просмотра чатов, у сотрудников есть и другие виды работы, которые требуют внимания.

Выводы

В предложенной статье мы рассмотрели влияние разговорного стиля на деловой речевой этикет. Постоянное взаимодействие людей в профессиональной среде приводит к увеличению деловых контактов, из-за чего ранее принятые формы и формулы этикета несколько трансформируются под влиянием расширяющей свою сферу влияния разговорного стиля, а также за счет развития новых форм коммуникаций (чаты), которые часто формируются по модели письменной формы разговорного стиля.

Деловой этикет в устной форме приобретает следующие особенности:

- сокращение приветствия (замена его на жест, пропуск при повторной встрече) под влиянием требований экономии речевых средств;
- использование неполных предложений из-за возможности использовать невербальные средства общения и опоры на контекст и общую память;
- использование неполных предложений из-за импровизации и спонтанности речи при большом количестве повседневных обычных речевых ситуаций, которые не требуют тщательной подготовки;
- сокращение обращения (по имени вместо имени и отчества) из-за полуофициальности или неофициальности общения между коллегами, особенно одного статуса и возраста.

Деловой этикет в письменной форме приобретает следующие особенности:

- в электронных письмах: изложение содержания письма в прикрепленном документе, а не в теле самого письма, особенно при большом количестве адресатов из-за возможности использовать контекст и общую память;
- в рабочих чатах: отсутствие имени адресата в индивидуальных чатах; сокращение / замена / пропуск приветствия (здоровается тот, кто начинает диалог, остальные могут пропустить данную формулу), замена положительного или отрицательного ответа на смайл или эмодзи; построение диалога по правилам устной формы (в ответе может содержаться только рема, без темы высказывания) и прочие сокращения под влиянием требований экономии речевых средств, использования предтекста и возможности цитирования собеседника.

Список источников

1. Агафонов Е.А. Речевая культура и речевой этикет в контексте неклассической методологии познания // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2023. Т. 12. № 12-1. С. 5 – 12.
2. Алибаев А.Н. Нормы речевого общения: речевой этикет // Вестник Ошского государственного университета. 2016. № 3-2. С. 238 – 241.

3. Диканева Е.А. Сущность речевого поведения и речевого этикета в современной лингвистике // Матрица научного познания. 2019. № 6. С. 228 – 232.
4. Занадворова А.В. Нормы речевого поведения в нерегулируемых сферах общения: речевой этикет в Живом журнале // Вопросы культуры речи. 2011. Т 10. С. 319 – 326.
5. Игезбаев Д.М. Этикет делового телефонного общения // Наука молодых – будущее России: Сборник научных статей 2-й Международной научной конференции перспективных разработок молодых ученых: в 5-ти т., Курск, 13-14 декабря 2017 года / Отв. ред. А.А. Горохов. Курск: Закрытое акционерное общество "Университетская книга", 2017. Т. 2. С. 168 – 171.
6. Литвякова Т.А. Мессенджеры в деловой коммуникации в аспекте цифрового этикета // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Филологические науки. 2023. Т. 9. № 3. С. 76 – 87.
7. Майдунова Ю.В. Национальные особенности речевого этикета в деловом письме (на материале русского и английского языков) // Вестник Алтайской государственной педагогической академии. 2009. № 1. С. 85 – 90.
8. Половкова В.А. Специфика форм речевого этикета в деловой мессенджер-коммуникации // Слово о Слове: исследования молодых ученых-филологов: Сборник научных статей (по материалам V Международной научно-практической конференции), Астрахань, 03 апреля 2025 года. Астрахань: Астраханский государственный университет им. В.Н. Татищева, 2025. С. 27 – 33.
9. Фомина Н.В. Место речевого этикета в современном обществе // Система ценностей современного общества. 2011. № 19. С. 71 – 74.
10. Шайбаков А.А., Шапко А.Р. Цифровой этикет и ошибки в деловом общении // Via Scientiarum – Дорога знаний. 2022. № 1. С. 203 – 207.
11. Шеламова Г.М. Этикет делового общения: учебное пособие. М.: Издательский центр «Академия», 2014. 192 с.

References

1. Agafonov E.A. Speech Culture and Speech Etiquette in the Context of Non-Classical Methodology of Cognition. Context and Reflection: Philosophy of the World and Man. 2023. Vol. 12. No. 12-1. P. 5 – 12.
2. Alibaev A.N. Norms of Speech Communication: Speech Etiquette. Bulletin of Osh State University. 2016. No. 3-2. P. 238 – 241.
3. Dikaneva E.A. The Essence of Speech Behavior and Speech Etiquette in Modern Linguistics. Matrix of Scientific Knowledge. 2019. No. 6. P. 228 – 232.
4. Zanaadvorova A.V. Norms of Speech Behavior in Unregulated Spheres of Communication: Speech Etiquette in LiveJournal. Questions of Speech Culture. 2011. Vol. 10. P. 319 – 326.
5. Igezbayev D.M. Business Telephone Etiquette. The Science of the Young – the Future of Russia: Collection of Scientific Articles of the 2nd International Scientific Conference of Promising Developments of Young Scientists: in 5 volumes, Kursk, December 13-14, 2017. Ed. A.A. Gorokhov. Kursk: Closed Joint-Stock Company "University Book", 2017. Vol. 2. P. 168 – 171.
6. Litvyakova T.A. Messengers in Business Communication in the Aspect of Digital Etiquette. Scientific Notes of the Crimean Federal University named after V.I. Vernadsky. Philological Sciences. 2023. Vol. 9. No. 3. P. 76 – 87.
7. Maidurova Yu.V. National Features of Speech Etiquette in Business Letters (Based on Russian and English Languages). Bulletin of the Altai State Pedagogical Academy. 2009. No. 1. P. 85 – 90.
8. Polovkova V.A. Specifics of Speech Etiquette Forms in Business Messenger Communication. A Word about the Word: Research by Young Philologists: Collection of Scientific Articles (Based on Materials of the V International Scientific and Practical Conference), Astrakhan, April 3, 2025. Astrakhan: Astrakhan State University named after V.N. Tatishchev, 2025. P. 27 – 33.
9. Fomina N.V. The Place of Speech Etiquette in Modern Society The Value System of Modern Society. 2011. No. 19. P. 71 – 74.
10. Shaibakov A.A., Shapko A.R. Digital Etiquette and Mistakes in Business Communication. Via Scientiarum – Road of Knowledge. 2022. No. 1. P. 203 – 207.
11. Shelamova G.M. Business Communication Etiquette: A Study Guide. Moscow: Publishing Center "Academy", 2014. 192 p.

Информация об авторе

Иголина С.В., старший преподаватель, Технический институт, филиал Северо-Восточного федерального университета имени М.К. Аммосова в г. Нерюнгри, 678960 респ. Саха (Якутия), г. Нерюнгри, ул. Кравченко, 16, svetiki1@mail.ru, igoninasv@svfu.ru

© Иголина С.В., 2026

Научно-исследовательский журнал «Филологический вестник / Philological Bulletin»

<https://fv-journal.ru>

2026, Том 5, № 4 / 2026, Vol. 5, Iss. 4 <https://fv-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.4. Фольклористика (филологические науки)

УДК 82-1/29

DOI: 10.66621/2949-4656-2026-5-4-197-202

Образ лотоса в лирике Су Ши

¹ Щептева В.Э., ¹ Крашенинников А.Е.,

¹ Северо-Восточный государственный университет

Аннотация: статья посвящена исследованию символического значения образа лотоса в поэзии китайского литератора эпохи Сун Су Ши. Лотос, являясь одним из наиболее почитаемых растений в китайской культуре, обладает богатой символикой, установившейся в период Чжаньго. В эпоху Сун наблюдается возросшее присутствие мотива лотоса в качестве декоративного элемента на керамических изделиях. Эта тенденция нашла своё отражение и в китайской поэзии, где образ лотоса трансформировался в инструмент символизации, посредством которого литераторы выражали сложные концепции, идеалы и личные чувства.

В настоящем исследовании проводится анализ поэтических текстов, где присутствует образ лотоса, с привлечением биографического метода, что позволяет более точно определить роль образа в произведениях и раскрыть его эмоциональную насыщенность. Работа демонстрирует, как Су Ши, опираясь на традиционные коннотации, придаёт образу новые, индивидуальные черты, делая его неотъемлемой частью своего уникального поэтического стиля. В результате исследования были определены основные функции, которые выполняет образ лотоса в поэтических текстах Су Ши (создание эмотивного фона или пейзажа-эмотемы, передача внутреннего состояния героя произведения или автора, функция фенологического маркера).

Ключевые слова: Су Ши, китайская поэзия, сунская поэзия, образ лотоса, цветочные мотивы, образность, символизм, поэтика

Для цитирования: Щептева В.Э., Крашенинников А.Е. Образ лотоса в лирике Су Ши // Филологический вестник. 2026. Том 5. № 4. С. 197 – 202. DOI: 10.66621/2949-4656-2026-5-4-197-202

Поступила в редакцию: 11 июня 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 9 июля 2026 г.; Принята к публикации: 17 августа 2026 г.

The image of the lotus in the lyrics of Su Shi

¹ Shchepeteva V.E., ¹ Krashennnikov A.E.,

¹ North-Eastern State University

Abstract: the article is devoted to the study of the symbolic meaning of the image of the lotus in the poetry of the Chinese writer of the Song era, Su Shi. The lotus, one of the most revered plants in Chinese culture, possesses a rich symbolism that emerged during the Zhanguo period. The Song dynasty saw an increased use of the lotus motif as a decorative element on ceramics. This trend was also reflected in Chinese poetry, where the lotus became a symbolic tool through which writers expressed complex concepts, ideals, and personal feelings.

This study analyzes poetic texts featuring the lotus using a biographical method, allowing for a more precise determination of the image's role in the works and the revelation of its emotional richness. The work demonstrates how Su Shi, drawing on traditional connotations, gives the image new, individual features, making it an integral part of his unique poetic style. As a result of the study, the main functions performed by the image of the lotus in Su Shi's poetic texts were determined (creation of an emotive background or landscape-emotheme, conveying the internal state of the hero of the work or the author, the function of a phenological marker).

Keywords: Su Shi, Chinese poetry, Song poetry, lotus image, floral motifs, imagery, symbolism, poetics

For citation: Shchepeteva V.E., Krashenninnikov A.E. The image of the lotus in the lyrics of Su Shi. Philological Bulletin. 2026. 5 (4). P. 197 – 202. DOI: 10.66621/2949-4656-2026-5-4-197-202

The article was submitted: June 11, 2026; Approved after reviewing: July 9, 2026; Accepted for publication: August 17, 2026.

Введение

Цветочную символику китайской культуры можно назвать системой знаков, своего рода «языком», где каждый цветок трансформируется в символ. В традиционной китайской поэзии выделяют «четыре благородных» растения (四君子), каждое является метафорой высоких нравственных качеств, которыми должен обладать «благородный муж» (君子) в конфуцианской этике: слива (梅花) – стойкость (несгибаемость духа) и чистота; орхидея (兰花) – изящество и скромность; бамбук (竹子) – прямота и честность; хризантема (菊花) – самодостаточность и стойкость перед лицом трудностей.

Особое место в цветочной символике Китая занимает лотос (莲花/荷花) – символ незапятнанной благородной чистоты и духовного совершенства, рыцарь чести [2, с. 46]. Символическое значение этого цветка начало складываться ещё в период Чжаньго (战国时期; 476/403–221 гг. до н. э.). В сборнике поэтических произведений «Чу цы» («楚辞») есть следующие строки, авторство которых приписывают Цюй Юаню (屈原): «制芰荷以为衣兮, 集芙蓉以为裳» (досл. «Нарежу листья лотоса для верхней нательной одежды, соберу цветы лотоса для поясной одежды») [здесь и далее перевод наш]. Здесь выражены благородный характер и честность поэта, его отказ идти на компромисс со своими принципами [7, с. 96].

Цветок довольно часто фигурирует в *чэньюях* (成语) с положительными коннотациями: 出淤泥而不染 – [лотос] выходит из грязи, не запачкавшись; 出水芙蓉 – только что поднявшийся из воды лотос; 莲开并蒂/花开并蒂 – два лотоса на одном стебле расцвели и др.

В эпоху Сун (大宋; 960-1279) мотив лотоса стал чаще появляться на керамических изделиях в качестве декоративного элемента, что было связано в том числе с расцветом ремёсел и торговли. Эта тенденция коснулась поэзии, где лотос стал инструментом для выражения идей, идеалов и чувств литераторов. Су Ши (苏轼; 1037-1101), один из величайших деятелей «серебряного века» китайской поэзии, нередко использовал этот образ, заимствуя суть традиционной китайской концепции и интегрируя в него субъективные размышления и переживания.

Поэтика Су Ши представляла и продолжает представлять большой интерес для отечественных исследователей традиционной китайской поэзии. Этой теме посвящены работы таких литературоведов и востоковедов, как И.А. Алимов [1], С.А. Торопцев [3], Е.И. Зейферт [4], к поэтике Су Ши обращался Н.Т. Федоренко [6], Е.А. Серебряков [5] и др. Настоящее исследование ставит своей целью внести вклад в изучение поэтики Су Ши через анализ репрезентации образа лотоса в поэтических произведениях литератора.

Материалы и методы исследований

Материалом исследования являются поэтические тексты Су Ши, толковый китайский словарь, а также труды отечественных и китайских исследователей, литературоведов и востоковедов. В работе применялись следующие методы: биографический метод, семиотический анализ, поэтологический анализ, культурно-исторический метод.

Результаты и обсуждения

Одна из функций образа лотоса в поэтике Су Ши – создание необходимого эмотивного фона или пейзажа-эмотемы. Тенденцию можно наблюдать в стихотворении «阮郎归·初夏» (1084; «Начало лета» на мелодию «Жуаньлангуй») [3, с. 120-121]. Пейзаж начала лета изображается довольно ярко без использования повествовательных элементов благодаря множеству природных образов: 绿槐 (зелёные софоры), 高柳 (высокие ивы), 咽新蝉 (пение цикад), 薰风 (мягкий ветер), 微雨 (моросящий дождь), 榴花 (цветы граната), 清泉 (чистый источник) и др. Для изображения родниковых капель автор использовал метафору «琼珠» (букв. нефритовые шарики), усилив образ кристально чистого источника.

Стихотворение состоит из двух строф, которые фокусируются на визуальных образах. В первой строфе представлена безмятежная сцена в будуаре девушки, полная тишина нарушается звуком шашек: «碧纱窗下

水沈烟, / 棋声惊昼眠» («Под изумрудным тюлем [вьётся] дымка благовоний из алойной древесины, / Звук шашек спугнул послеобеденный сон.»).

Во второй строфе картина более динамичная: девушка, проснувшись, спустилась к чистому роднику, чтобы насладиться приятной атмосферой. Героиня срывает листья лотоса и зачерпывает в них воду из родника. Представленная в строфе серия описательных фрагментов в полной мере отражает жизненную силу природы (моросающий дождь, огненно-красные цветы граната и др.). Здесь появляются два интересующих нас образа: «小荷» и «玉盆». Первая лексема переводится как «маленький лотос» и образует предикативную пару с глаголом «翻» (здесь: колыхаться). Вторая единица является метафорой листьев лотоса, буквальным перевод – нефритовая чаша. Оба образа наравне с вышеперечисленными природными элементами помогают автору изобразить живую, но умиротворяющую картину начала лета.

Аналогичную функцию образ лотоса выполняет в произведении «江城子·湖上与张先同赋时闻弹筝» («Когда мы с Чжан Сянем сочиняли стихи у озера, кто-то заиграл на чжэн» на мелодию «Цзянчэнцзы») [3, с. 82-83]. Оно было написано в период с 1072 по 1074 год во время пребывания Су Ши на посту помощника префекта (通判). Согласно «Мочжуан Манлу» (ок. XII в.; «Богатое собрание заметок. Том 1»; «墨庄漫录卷一») [9], древнекитайскому сборнику заметок в стиле *бицзи* (笔记), литератор вместе с двумя гостями, включая поэта Чжан Сяня (张先; 990-1078), посетил озеро Сиху (西湖), где увидел несколько женщин в расписной лодке посреди водоёма, среди которых одна отличалась изящной осанкой. Она играла на *чжэн* (китайская цитра), и гости с интересом за ней наблюдали, однако не успела мелодия закончиться, она «ловко» («翩然») исчезла. Тогда Су Ши с целью развлечься сочинил данное стихотворение.

В первой строфе содержится описание пейзажа озера: подножье горы Фэнхуан, прохладный ветер, закат, белые цапли и т.д. Образ лотоса появляется в четвёртой строке: «一朵芙蓉, / 开过尚盈盈.» («Цветок лотоса / Уже отцвёл, но всё ещё грациозен.»). Помимо выполнения функции создания прекрасного пейзажа, лотос выступает в качестве метафоры: он символизирует героиню, играющую на цитре. Согласно «Мочжуан Манлу» [9] женщине, которую увидели гости, было около тридцати лет. Это возраст, который поэты эпохи Сун неоднократно подвергали рефлексии: переживание утраты юности, осмысление её безвозвратности, вызванная этим печаль и в итоге принятие и наступление зрелости. Как было сказано выше, гости отметили изящную осанку игравшей на *чжэн* женщины.

Проведём аналогию с изображённым лотосом: цветок отцвёл, период «юности» закончился. Для его описания автор использовал лексему «盈盈» – «грациозный», «отличающийся достойной осанкой и лёгкостью (ловкостью)» [12]. Наше предположение подтверждают следующие далее строки: «何处飞来双白鹭, / 如有意, / 慕娉婷.» («Откуда-то прилетела пара белый цаплей, / Будто умышленно / Восхищаясь её грацией.»). Грацию, которой восхищаются цапли, принимая во внимание контекст, можно отнести как к лотосу, так и к женщине.

Вторая строфа посвящена печальным звукам *чжэн*, услышав которые лирический герой вознамерился задать вопрос исполнительнице, но как только мелодия закончилась, женщина исчезла. Сюжет стихотворения практически полностью повторяет нарратив из «Мочжуан Манлу».

В стихотворении «与王郎昆仲及儿子迈绕城观荷花登岷山亭晚入» (1079; «Из стихов, написанных после того, как вместе с Ван Ши, Кун Чжуном и старшим сыном Маем обошли городскую стену, любуясь цветами, затем поднялись на гору, к беседке, а вечером пришли в храм Опавших листьев») [10] образ лотоса не является одним из центральных, но вносит свой вклад в создание спокойного эмотивного фона: «蒲莲浩如海, / 时见舟一叶.» («Заросли камыша и лотоса простираются, словно море, / Изредка можно увидеть маленькую лодку»). В строке представлен водный пейзаж реки Тяоси (苕溪) в районе Цзяннань (江南). Безмятежную атмосферу дополняют такие образы, как чистая вода ручья, облака, горы, бескрайние просторы, чудесный звук трав и деревьев и др.

Стихотворение сочетает в себе описательные и повествовательные элементы, философские размышления. Например, в строке «清风定何物, 可爱不可名» («Что такое свежий ветерок? Он прекрасен, но его невозможно описать словами») отражены размышления автора о характере благородного человека (одно из значений лексической единицы «清风» – высокая нравственность, чистые нравы).

Обратимся к поэтическому тексту «永遇乐·彭城夜宿燕子楼梦盼盼因作此词» (1078; «Ночью в Ласточкином гнёздышке в городе Пэнчэн мне приснилась Паньпань, о чём я написал станс» на мелодию «Юньюйлэ») [3, с. 76-77], где функциональность образа лотоса аналогична: «明月如霜, / 好风如水, / 清景无限. / 曲港跳鱼, / 圆荷泻露, / 寂寞无人见.» («Свет яркой луны словно иней, / Приятный ветер подо-

бен воде, / Прекрасный пейзаж бескраен. / Из извилистого залива выпрыгивают рыбы, / С круглых листьев лотоса стекают капли росы, / Безлюдье, никто этого не увидит.»). В этом фрагменте изображён сон лирического героя, который вскоре рассеял барабанный бой. Образ лотоса гармонично дополняет тихую ночную сцену.

Вторая строфа посвящена мечтам лирического героя, в которых отражены его тоска по дому и усталость от жизни. Также наблюдается смысловая параллель с философией Чжуан-цзы (庄子; 369-286 гг. до н.э), где бытие интерпретируется как сон: «古今如梦, / 何曾梦觉, / 但有旧欢新怨» («Прошлое и настоящее подобны сну, / От которого не проснуться, / Но [остаются лишь] старые радости и новые печали.»). Таким образом переживания лирического героя переходят в своего рода «дзенское созерцание».

В стихотворении «鷓鴣天·林断山明竹隐墙» (1083; «Гора за лесом, тень бамбука на стене» на мелодию «Чжэгусянь») [3, с. 110-111] образ лотоса выступает в качестве фенологического маркера: «翻空白鸟时时见, / 照水红蕖细细香.» («Время от времени в небе парят белые птицы, / Отражённые в воде красные лотосы источают тонкий аромат.»). Красные лотосы и использованные в других строках описательные элементы (заросли бамбука, стрекотание цикад, прохлада после дождя) свидетельствуют о том, что изображённая в стихотворении сцена относится к периоду конца лета – начала осени.

Во время создания произведения поэт находился в ссылке в Хуанчжоу (黄州, в наст. время округ Хуанган провинции Хубэй) в связи с понижением в должности. Через изображение сельской местности литератор выражает своё безмятежное состояние, в котором он находился, пребывая в провинции, после принятия своих политических неудач.

Очевидно, что образ интересующего нас цветка присутствует в стихотворении «莲» («Лотос») [11]: «城中担上卖莲房, / 未抵西湖泛野航。 / 旋折荷花剥莲子, / 露为风味月为香。」 (1089-1091; «В городе в корзинах продают стручки лотоса, / Но это не сравнится с нашей прогулкой на шлюпке по озеру Сиху. / [Там мы] вмиг сорвали цветы лотоса, очистили их семена, / Роса – их вкус, лунный свет – аромат»). Источником вдохновения для создания данного текста послужили наблюдения поэта за цветением лотосов на озере Сиху в период его службы в Ханчжоу. Су Ши противопоставляет лotosовые стручки, продаваемые на рынке, лotosовым семенам, которые он лично собирал во время прогулки на лодке по озеру Сиху. Для описания последних поэт использовал синестезию, наделив семена лотоса волшебными, необычайными свойствами. Цветок становится воплощением природной красоты и спокойного состояния души, выражая стремления автора к размеренной жизни и обретению утешения в природе.

В стихотворении «浣溪沙·咏橘» («Величаю мандарин» на мелодию «Хуаньсиша», 1082) [3, с. 38-39] Су Ши использует образ лотоса в несколько необычном ключе: поэт занижает его качества, возвышая достоинства мандарина. Обратимся к тексту произведения: «菊暗荷枯一夜霜。 / 新苞绿叶照林光。 / 竹篱茅舍出青黄。」 («Хризантемы завяли, лотосы засохли: ночь была морозной. / Новые бутоны и зелёные листья [мандариновых деревьев] сияли. / Бамбуковые изгороди и соломенные крыши домов [вместе с ними] переливаются зелёными и жёлтыми цветами.»). Увядание таких ключевых для китайской культуры цветов как хризантема и лотос подчёркивает стойкость и жизненную силу мандаринового дерева. В следующих трёх строках Су Ши описывает вкус свежих мандаринов и их нежный стойкий аромат, который держится на протяжении трёх дней («吴姬三日手犹香.»).

Схожий приём можно увидеть в произведении «赠刘景文» (1090, «Подношу Лю Цзинвэню») [3, с. 132-133]: «荷尽已无擎雨盖, / 菊残犹有傲霜枝。 / 一年好景君须记, / 正是橙黄橘绿时。」 («Лотос завял, больше не в силах поднять свои листья-зонтики, / Хризантемы поблели, но ещё противостоят морозам. / Вы должны помнить, что лучший пейзаж года – / Именно осенний.»). Стихотворение адресовано хорошему знакомому автора чиновнику Лю Цзинвэню. На момент их знакомства Лю Цзинвэню было 58 лет, но он так и не сумел реализовать себя на государственной службе, т.к. испытывал трудности в продвижении. Желая помочь, Су Ши рекомендовал его ко двору, чем добился небольшого повышения своего знакомого. В стихотворении представлен пейзаж поздней осени – начала зимы. Несмотря на небольшой объём оно отличается высокой семиотической насыщенностью.

В первой строке для описания листьев лотоса использована метафора «雨盖» (букв. дождевой зонт) [13]. Из всех органов цветка листья были выбраны автором не случайно. Восхваляя лотос, китайские поэты неизменно включали в свои произведения описания именно листьев растения. Тенденцию можно наблюдать в поэтике Ду Фу (712-770; «绝句漫兴九首» («Девять четверостиший: стихотворные экспромты»)), Ли Шаньиня (813-858; «赠荷花» («Посвящаю лотосу»)) а также более поздних поэтов, например, Яна Ваньли

(1127-1206; «晓出净慈寺送林子方二首» («На рассвете выхожу из храма Цзинцзысы и провожаю Линь Цзыфаня: 2 стихотворения»). Изобразив опавшие листья лотоса, поэт усиливает образ растения, полностью утратившего жизненную силу.

С целью подчеркнуть стойкость хризантем, Су Ши выбрал лексическую единицу «傲霜枝» (досл. ветка, презирающая иней). Это образное выражение, обозначающее негибкое, принципиального человека. Оба цветка господствуют в определённое время года: лотос – летом, хризантема – осенью. В строках изображена довольно одинокая, безрадостная сцена, которой противопоставлен пейзаж, описанный далее.

Лексема «君» изначально являлась почтительным обращением к государям и монархам, со временем она стала вежливой формой обращения к мужчинам подобно «您» («Вы»). Синтаксическая единица «须记» выражает призыв к запоминанию, сохранению в памяти определённого факта: «лучший пейзаж года – именно осенний». Для его описания поэт использовал лексическую единицу «橙黄橘绿» (досл. жёлтые апельсины и зелёные мандарины), которая впоследствии обрела образное значение осеннего пейзажа и трансформировалась в *чэньюй*. В толковом китайском словаре [8] в качестве источника идиомы указано именно данное стихотворение Су Ши.

Через противопоставление ярких плодов (апельсинов и мандаринов) и увядших цветов (лотос и хризантема), произведение «赠刘景文» имплицитно выражает утешение и поддержку автора Лю Цзинвэню. Апельсины и мандарины символизируют возможности, которые поэт видит в жизни своего знакомого. Строки побуждают адресата не унывать из-за возраста, а сохранять оптимистичный и позитивный взгляд на мир. При этом стойкая хризантема отражает непоколебимость Лю Цзинвэня, следовавшего своим принципам несмотря на неудачные попытки карьерного роста.

Выводы

В рассмотренных нами поэтических текстах образ лотоса главным образом играет роль в создании эмоционального фона или пейзажа-эмотемы, в передаче внутреннего состояния лирического героя или автора и выполняет функцию фенологического маркера.

Помимо лотоса, в поэзии Су Ши присутствует множество других растительных образов: цветы граната, хризантема, камыш, мандариновое дерево, цветы сливы, пион и др. Их изучение позволит подвергнуть поэтику Су Ши более глубокому анализу, и в результате подобных исследований станет возможным собрать своего рода «гербарий», состоящий из цветочных и растительных образов поэта.

Список источников

1. Алимов И.А. Из сборника Су Ши «Дун-по чжи линь» (материалы к истории сунских бицзи, 6) // Письменные памятники востока. М: Наука. Восточная литература, 2006. №. 1 (4). С. 54 – 81.
2. Аникина Г.П., Воробьёва И.Ю. Китайская классическая литература: Учебно-методическое пособие. Хабаровск: Изд-во ДВГТУ, 2008. 153 с.
3. Горний чертог. Лирика Су Ши / Пер. с кит., сост. Торопцев С.А.; науч. Консультант проф. Гу Юй. М.: ООО Международная издательская компания «Шанс», 2024. 159 с.
4. Зейферт Е.И. Средневековое китайское стихотворение в рецепции новейшего времени (Су Ши (Дун По), Игорь Голубев, Константин Кинчев, Вень Д'ркин) // Вестник Удмуртского университета. Серия: История и филология. 2026. Т. 36, вып. 2. С. 469 – 475.
5. Серебряков Е.А. Китайская поэзия X-XI веков (жанры ши и цы). Ленинградский государственный университет им. А.А. Жданова. Ленинград: Изд-во Ленинградского ун-та, 1979. 245 с.
6. Федоренко Н.Т. Тема природы и человека в творчестве некоторых китайских поэтов // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. Т. XIX. Вып. 6. М.: АН СССР, 1960. С. 492-509.
7. Чжоу Яжу Имена цветов в китайской поэзии: семиотический подход // Русский язык и лингвокультура в сопоставительном аспекте: Тезисы докладов ежегодной международной конференции кафедры русского языка для иностранных учащихся Уральского федерального университета. Екатеринбург: ООО «Издательский дом "Ажур"», 2021. С. 95 – 97.
8. 橙黄橘绿 // 汉典. URL: <https://zdic.net/hans/橙黄橘绿> (дата обращения: 16.04.2026)
9. 墨莊漫錄.卷一// 中国哲学书电子化计划. URL: <https://ctext.org/wiki.pl?if=gb&chapter=86847&remap=gb> (дата обращения: 20.04.2026)

10. 苏轼. 与王郎昆仲及儿子迈绕城观荷花登岷山亭晚入 // Baidu 汉语. URL: https://hanyu.baidu.com/shici/detail?from=aladdin&pid=690ba49aedc1662dc1d6a908eae748ab&smp_names=termBrand2%2Cpoem1 (дата обращения: 22.04.2026)
11. 苏轼. 莲 // Baidu 汉语. URL: <https://hanyu.baidu.com/s?wd=莲苏轼&from=poem> (дата обращения: 14.04.2026)
12. 盈盈 // 汉典. URL: <https://zdic.net/hans/盈盈> (дата обращения: 21.04.2026)
13. 雨盖 // 汉典. URL: <https://zdic.net/hans/雨盖> (дата обращения: 16.04.2026)

References

1. Alimov I.A. From the collection of Su Shi "Dong-po zhi lin" (materials on the history of the Song biji, 6). Written monuments of the East. Moscow: Nauka. Eastern Literature, 2006. No. 1 (4). P. 54 – 81.
2. Anikina G.P., Vorobyova I.Yu. Chinese classical literature: Textbook-method manual. Khabarovsk: Publishing house of Far Eastern State University, 2008. 153 p.
3. The Upper Palace. Lyrics of Su Shi. Translated from Chinese, compiled by Toroptsev S.A.; scientific consultant prof. Gu Yu. Moscow: OOO International Publishing Company "Chance", 2024. 159 p.
4. Zeifert E.I. Medieval Chinese Poetry in Modern Reception (Su Shi (Dong Po), Igor Golubev, Konstantin Kinchev, Venya D'rkin). Bulletin of Udmurt University. Series: History and Philology. 2026. Vol. 36. Issue 2. P. 469 – 475.
5. Serebryakov E.A. Chinese Poetry of the 10th–11th Centuries (Shi and Ci Genres). Leningrad State University named after A.A. Zhdanov. Leningrad: Leningrad University Publishing House, 1979. 245 p.
6. Fedorenko N.T. The Theme of Nature and Man in the Works of Some Chinese Poets. Bulletin of the USSR Academy of Sciences. Department of Literature and Language. Vol. XIX. Issue 6. Moscow: USSR Academy of Sciences, 1960. P. 492 – 509.
7. Zhou Yazhu Names of Flowers in Chinese Poetry: A Semiotic Approach. Russian Language and Linguistic Culture in a Comparative Aspect: Abstracts of the Annual International Conference of the Russian Language Department for Foreign Students of the Ural Federal University. Ekaterinburg: Azhur Publishing House, 2021. P. 95 – 97.
8. Flower Names. Chinese. URL: <https://zdic.net/hans/flower-names-in-chinese-poetry> (date of access: 16.04.2026)
9. Flower Names. Chinese Poetry. URL: <https://ctext.org/wiki.pl?if=gb&chapter=86847&remap=gb> (date of access: 20.04.2026)
10. 苏轼. 与王郎昆仲及儿子迈绕城观荷花登岷山亭晚入. Baidu 汉语. URL: https://hanyu.baidu.com/shici/detail?from=aladdin&pid=690ba49aedc1662dc1d6a908eae748ab&smp_names=termBrandCpoem1 (date of access: 22.04.2026)
11. 苏轼. 莲. Baidu 汉语. URL: <https://hanyu.baidu.com/s?wd=莲苏轼&from=poem> (date of access: 14.04.2026)
12. 盈盈. 汉典. URL: <https://zdic.net/hans/盈盈> (date of access: 21.04.2026)
13. 雨盖. 汉典. URL: <https://zdic.net/hans/雨盖> (access date: 16.04.2026)

Информация об авторах

Щептева В.Э., Северо-Восточный государственный университет

Крашенинников А.Е., кандидат филологических наук, доцент, Северо-Восточный государственный университет

© Щептева В.Э., Крашенинников А.Е., 2026

Научно-исследовательский журнал «Филологический вестник / Philological Bulletin»

<https://fv-journal.ru>

2026, Том 5, № 4 / 2026, Vol. 5, Iss. 4 <https://fv-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки)

УДК 811.373.45

DOI: 10.66621/2949-4656-2026-5-4-203-211

Фонетическая вариативность и сдвиг гласных в постстандартном испанглийском идиоме мегаполисов и приграничных кластеров США

¹ Семенова М.Ю.,

¹ Донской государственный технический университет

Аннотация: цель настоящего исследования – проведение инструментального исследования фонетического строя постстандартного испанглийского идиома, который представляет собой устойчивую контактную разновидность испанско-английского билингвизма в США, существующую вне прескриптивных норм академического испанского и стандартного американского английского. На материале записей речи 137 билингвов из четырех кластеров (Нью-Йорк, Майами, Лос-Анджелес, а также трансграничные конурбации Эль-Пасо – Сьюдад-Хуарес и Сан-Диего – Тихуана) методами акустического анализа (форманты F1/F2, VOT, длительность) и линейных смешанных моделей установлено, что данный идиом характеризуется системным коллапсом вокалического пространства, централизацией безударных гласных, формированием гибридного времени начала озвончения смычных, переносом английского правила удлинения гласного и монофтонгизацией дифтонгов. Степень сдвига градуирована: минимальна в трансграничных зонах, максимальна в Лос-Анджелесе и у второго-третьего поколения жителей Нью-Йорка. Результаты свидетельствуют о сложении в контактной среде устойчивой произносительной нормы, не сводимой к индивидуальной интерференции. Предложенная модель единого фонетического пространства билингва и географической дифференциации может быть использована для анализа других миноритарных контактных идиомов.

Ключевые слова: испанглийский, постстандартный идиом, языковые контакты, фонетический сдвиг, вокализм, билингвизм, акустический анализ

Для цитирования: Семенова М.Ю. Фонетическая вариативность и сдвиг гласных в постстандартном испанглийском идиоме мегаполисов и приграничных кластеров США // Филологический вестник. 2026. Том 5. № 4. С. 203 – 211. DOI: 10.66621/2949-4656-2026-5-4-203-211

Поступила в редакцию: 12 июня 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 10 июля 2026 г.; Принята к публикации: 17 августа 2026 г.

Phonetic variation and vowel shift in the post-standard Spanglish idiom of US megacities and border clusters

¹ Semenova M. Yu.,

¹ Don State Technical University

Abstract: this paper presents an instrumental study of the phonetic structure of the post-standard Spanglish idiom – a spontaneous contact variety of Spanish-English bilingualism in the United States, which exists outside the prescriptive norms of academic Spanish and standard American English. Based on speech recordings of 137 bilinguals from four clusters (New York, Miami, Los Angeles, and the cross-border conurbations of El Paso–Ciudad Juárez and San Diego–Tijuana) and using acoustic analysis (F1/F2 formants, VOT, duration) and linear mixed models, it is established that the idiom is characterized by a systematic collapse of vowel space, centralization of unstressed vowels, the formation of a hybrid voice onset time for stops, transfer of the English vowel lengthening rule, and monophthongization of diphthongs. The degree of shift is graded: minimal in the transborder zones, maximal in Los Angeles and among second- and third-generation speakers in New York. The results

point to the emergence of a stable pronunciation norm within the contact environment, one that cannot be reduced to individual interference. The proposed model of a unified bilingual phonetic space and geographical differentiation can be applied to the analysis of other minority contact idioms.

Keywords: Spanglish, post-standard idiom, language contact, phonetic shift, vocalism, bilingualism, acoustic analysis

For citation: Semenova M.Yu. Phonetic variation and vowel shift in the post-standard Spanglish idiom of US megacities and border clusters. Philological Bulletin. 2026. 5 (4). P. 203 – 211. DOI: 10.66621/2949-4656-2026-5-4-203-211

The article was submitted: June 12, 2026; Approved after reviewing: July 10, 2026; Accepted for publication: August 17, 2026.

Введение

Испанглийский идиом давно перестал быть маргинальным феноменом и в настоящее время представляет собой устойчивую контактную разновидность, обслуживающую несколько поколений испаноязычных сообществ США. Несмотря на значительный объем исследований, посвященных лексическому кодовому переключению и грамматическому упрощению [6; 7; 15], фонетико-фонологический уровень данной контактной системы остается наименее изученным. Традиция рассматривать любые произносительные отклонения от монолингвальной нормы как интерференцию или неполное овладение приводит к игнорированию в академической среде того факта, что в условиях ослабления прескриптивного давления Королевской академии испанского языка и интенсивного испано-английского билингвизма складывается собственная орфоэпическая норма – постстандартный идиом, носители которого перестают ориентироваться на мексиканский карибский или пиренейский стандарты.

Контактная лингвистика последовательно показывает, что интенсивное взаимодействие двух языковых систем способно порождать новые, гетерогенные по происхождению, но структурно целостные варианты [12; 14]. Применительно к испанскому языку в США подобная логика реализована прежде всего в описании диалектной нивелировки и возникновения пан-латинского койне [7], однако фонетическая составляющая такого койне описана фрагментарно. Отдельные наблюдения касаются вариативности /s/ в карибских диалектах, ослабления аффрикатного /tʃ/ или веляризации конечных носовых [6], тогда как системные сдвиги в вокализме, просодии и фонации остаются на периферии внимания и лишь в последние годы стали восприниматься как самостоятельный объект исследования [2]. Между тем, типологический контраст между вокалическими системами английского и испанского – в первую очередь противопоставление развитой редукции безударных гласных и стабильного полного вокализма – создает предпосылки для глубокой фонетической перестройки в узусе билингвов.

Ряд исследователей фиксируют отдельные проявления вокального сдвига. К. Сильва-Корвалан [11] на материале речи жителей Лос-Анджелеса отметила тенденцию к централизации гласных у билингвов второго поколения и допустила, что это начало структурного изменения. В то же время Р. Отеги и А.С. Зентелла [7] при исследовании речи жителей Нью-Йорка приходят к выводу об относительной стабильности испанского вокализма, объясняя это ранней и устойчивой передачей языка в карибских сообществах. Таким образом, в академической литературе наметилась полемика: является ли фонетический сдвиг гласных системным свойством постстандартного испанглийского идиома или же локальным артефактом отдельного кластера и отдельного поколения. Отсутствуют инструментальные акустические данные, которые позволили бы сопоставить различные мегаполисы и трансграничные зоны, а также оценить единство фонетического пространства билингва, т.е. степень схождения английской и испанской подсистем в сознании одного говорящего (ср. модель общего фонетического пространства [1; 3; 4]).

Гипотеза настоящего исследования состоит в том, что в постстандартном испанглийском идиоме действует системный фонетический сдвиг, который носит характер устоявшейся контактной нормы и проявляется прежде всего в сокращении акустического расстояния между испанским и английским гласными, модификации длительности и спектральных характеристик монофтонгов, а также в формировании гибридных показателей времени начала озвончения смычных согласных. Ожидается, что степень сдвига будет градуальной и будет зависеть от географического кластера (плотности испаноязычного окружения, интенсивности трансграничных контактов), поколения иммиграции и доминирующего языка.

Цель работы – выявить и систематизировать фонетические корреляты постстандартного испанглийского идиома на сегментном (гласные, VOT) и супraseгментном (слоговой тайминг) уровнях в нескольких сопоставимых локациях: Нью-Йорк, Майами, Лос-Анджелес и трансграничных кластерах Эль-Пасо – Сьюдад-

Хуарес и Сан-Диего – Тихуана. В исследовании проверяется предположение, что вокалическая система испанской составляющей идиoma последовательно приспосабливается к таймингу и спектральным настройкам американского варианта английского языка, порождая гибридные орфоэпические правила, разделяемые сообществом.

Материалы и методы исследований

Материалом послужили записи речи 137 испанско-английских билингвов (69 женщин и 68 мужчин), постоянно проживающих в городских и трансграничных кластерах США: Нью-Йорк, Майами, Лос-Анджелес, Эль-Пасо – Сьюдад-Хуарес и Сан-Диего – Тихуана. Выборка формировалась методом «снежного кома» с опорой на местные общественные организации, приходы и профессиональные сети. Критериями включения были:

- 1) владение как испанским, так и английским языком на уровне не ниже продвинутого;
- 2) регулярное использование обоих языков в повседневном общении (в том числе кодового переключения);
- 3) отсутствие профессиональной лингвистической подготовки и работы переводчиком.

Возраст информантов варьировал от 20 до 70 лет ($M = 37,4$, $SD = 13,2$). Участники представляли весь спектр иммигрантских поколений: 1-е поколение ($n = 41$, прибыли во взрослом возрасте), 1.5 ($n = 26$, прибыли до 12 лет), 2-е ($n = 57$, родились в США), 3-е ($n = 11$) и 4-е ($n = 2$). Распределение по кластерам следующее:

Нью-Йорк ($n = 57$): преимущественно карибский испанский фон (пуэрто-риканский, доминиканский, кубинский, колумбийский варианты), высокая степень билингвальной плотности, выраженная вертикальная стратификация.

Майами ($n = 32$): доминирование кубинского испанского (также представлены никарагуанские, колумбийские, венесуэльские корни), публичная сфера с сильным испанским компонентом, относительно слабое давление английского в быту.

Лос-Анджелес ($n = 26$): мексиканский и центральноамериканский (сальвадорский, гватемальский) испанский, дисперсное расселение, высокая степень социальной ассимиляции и контакта с английским.

Трансграничный кластер ($n = 22$), объединяющий две конурбации: Эль-Пасо (США) – Сьюдад-Хуарес (Мексика) ($n = 12$) и Сан-Диего (США) – Тихуана (Мексика) ($n = 10$). Информанты проживают по обе стороны границы и практикуют регулярные (часто ежедневные) поездки, что обеспечивает постоянный контакт с монолингвальными вариантами испанского и разнородным английским.

Каждый информант принимал участие в одном сеансе продолжительностью 60-90 минут, проходившем у него дома или в ином удобном для него тихом помещении с использованием социолингвистического интервью.

Социолингвистическое интервью опиралось на принятый в исследованиях подобных идиомов протокол [5; 7; 15] и включало четыре модуля.

Сбор демографических данных: фиксировались поколение иммиграции, возраст, пол, уровень образования, профессия, языковая история (возраст начала усвоения английского, языки домашнего общения, языки обучения), частота использования испанского и английского в различных коммуникативных сферах.

Модуль спонтанной речи: участникам задавались эмоционально насыщенные вопросы, направленные на извлечение развернутых нарративов («Расскажите о самом опасном случае в вашей жизни», «Опишите первый день на новой работе»). Методика позволила отвлечь внимание говорящего от формы речи на содержание и тем самым минимизировать эффект «языкового мониторинга».

Модуль металингвистических установок: прямые и не прямые вопросы об отношении к испанго-английскому, его уместности и ассоциациях с идентичностью («Как вы назовете язык, на котором мы сейчас разговариваем?», «Считаете ли вы, что дети должны учиться говорить “чисто”?»). Данные этого модуля в настоящей статье привлекаются лишь для интерпретации вариативности.

Запись естественных диалогов: по завершении интервью информанту и присутствовавшим членам семьи или друзьям предлагалось продолжить общение на любую тему; именно в таких фрагментах получены наиболее непринужденные образцы постстандартного кодового переключения.

Сегментация и извлечение акустических параметров выполнялись в программе Praat. Для гласных в ударной позиции вручную размещались границы стационарных участков, после чего с помощью скрипта автоматически извлекались значения первой (F1) и второй (F2) формант в центральной трети длительности гласного, а также его абсолютная длительность. На основе F1 и F2 рассчитывались эллипсы рассеивания (95% доверительный интервал) отдельно для английской и испанской подсистем каждого говорящего и вы-

числялось Евклидово расстояние между центрами соответствующих категорий. Для оценки степени централизации безударных использовалась нормализованная разность формантных значений между ударным и безударным слогами.

Время начала озвончения (VOT) измерялось для глухих смычных /p, t, k/ в начальной позиции перед ударным гласным в изолированных словах на обоих языках. Дополнительно анализировались спектральные характеристики аппроксимант /b, d, g/ в интервокальной позиции для оценки сохранности либо ослабления смычной составляющей.

Статистическая обработка выполнялась для оценки степени влияния фиксированных факторов «Кластер» (Нью-Йорк, Майами, Лос-Анджелес, граница), «Поколение» (1, 1.5, 2, 3+), «Язык стимула» (английский / испанский) и их взаимодействий на формантные частоты и VOT [8].

Результаты и обсуждения

Ниже приводятся основные результаты инструментального акустического анализа, сгруппированные по трем ключевым фонетическим процессам, выделенным в ходе исследования. Для каждого процесса даются обобщающие статистические наблюдения, после чего приводятся характерные примеры из спонтанной речи билингвов с подробным лингвистическим комментарием. Все примеры транскрибированы в МФА и сопровождаются переводом на русский язык.

1. Коллапс вокалического пространства и централизация гласных.

Сравнение значений первой (F1) и второй (F2) формант в ударных аллофонах испанской и английской подсистем одного и того же говорящего выявило прогрессирующее схождение акустических образов гласных в зависимости от поколения и географического кластера. В качестве интегральной меры сдвига рассчитывалось Евклидово расстояние между центрами эллипсов испанского /a/ и английского /ʌ/, а также между испанским /i/ и английским /i/.

В группе информантов 1-го поколения из трансграничного кластера (Эль-Пасо – Сьюдад-Хуарес и Сан-Диего – Тихуана) среднее расстояние между исп. /a/ и англ. /ʌ/ составило 345 Гц (SD = 42), что значительно превышает показатели всех внутренних мегаполисов ($p < 0,001$, ANOVA с апостериорным тестом Тьюки).

Самая высокая степень коллапса зафиксирована в Лос-Анджелесе ($M = 188$ Гц, $SD = 56$) и среди билингвов 2-го и 3-го поколений Нью-Йорка ($M = 203$ Гц, $SD = 51$). Майами занимает промежуточное положение ($M = 276$ Гц, $SD = 63$), демонстрируя умеренный, но статистически значимый сдвиг по сравнению с границей ($p < 0,01$).

Централизация безударных гласных, измеренная как разность F1 и F2 между ударным и безударным слогом одного и того же сегмента, оказалась максимальной в кластере Лос-Анджелес (средняя нормализованная редукция 0,32 у.е.), минимальной – на границе (0,07 у.е.), что согласуется с представлением о переносе английской модели редукции, вызванной ритмическим ударением, на испанскую речь.

Пример 1. Лос-Анджелес, информант ЛА-09 (жен., 28 лет, 2-е поколение), спонтанный диалог.

Estoy bien tired [es 'tɔj 'bɪn 'tʰaɪ.əd] (рус. «Я очень устала»)

В стандартном мексиканском испанском ожидается реализация [es'tɔj 'βjen]. В примере 1 наблюдается замена закрытого [e] на более открытый и централизованный [ɪ] в лексеме *bien*, что типично для сдвига испанского /e/ в зону англ. /i/. Также заметна ядерная монофтонгизация дифтонга [ai] в *tired* до сжатого [aɪ] с последующей сильной ретрофлексной ротизацией, маркирующей полную ассимиляцию английского слога в испанскую структуру. Обращает на себя внимание отсутствие типичной для испанского паузы между *bien* и *tired*, что создает единый просодический контур.

Пример 2. Нью-Йорк (Южный Бронкс), информант НЙ-34 (муж., 24 года, 2-е поколение), пересказ фильма.

El manager me dijo que park el carro atrás [əl 'mæn.ɪ.dʒə mi 'di.ho ke 'pʰaɪk əl 'kʰa.ɪo a'tras] (рус. «Менеджер сказал мне припарковать машину сзади»).

Английское заимствование *manager* произносится с сильной централизацией безударного гласного во втором слоге до [ɪ] и полной редукцией конечного *-er* в ретрофлексный [ə]. Испанский определительный артикль *el* перед *manager* реализован с нетипичным для испанского нейтральным гласным [əl] (как в английском *the*). Глагол *park*, вставленный в испанское синтаксическое окружение, сохраняет английское придыхание [pʰ], однако рифмуется с испанским *carro*, где раскатистый [r] заменен на американский аппроксимант [ɹ], а краткий английский [ɑ] в *park* сливается с более долгим испанским [a] в *carro*, формируя зону неразличения гласных. Пример 2 иллюстрирует коллапс лексического и фонологического разделения: грань между английским и испанским словом стирается на уровне слогового ядра.

Пример 3. Майами, информант МА-15 (жен., 25 лет, 3-е поколение), спонтанный разговор с сестрой.

La cookie está bien soft, me gusta [la 'kʊ.ki ε—'ta 'βm 'soft me 'γus.ta] (рус. «Печенье очень мягкое, мне нравится»).

В заимствовании *cookie* испанский гласный /u/ стянут к ненапряженному английскому [ʊ] (акустический центр F2 ≈ 1200 Гц, тогда как типичный испанский /u/ в Майами – около 1000 Гц), что маркирует ослабление напряженности. В слове *soft* финальный /t/ переходит в глоттализацию [ʔ], характерную для афроамериканского и южноамериканского английского, однако предшествующий гласный [ɔ] остается нередуцированным, что характерно для кубинского испанского субстрата. Таким образом, наличествует гибридный слог: английская кода с испанским ядром.

2. Трансфер просодических паттернов: длительность гласных и монофтонгизация дифтонгов.

Анализ длительности выявил, что в испанской речи билингвов из внутренних кластеров (за исключением трансграничного) происходит перенос английского правила удлинения гласного перед звонкими согласными и, наоборот, сокращения перед глухими. В испанском языке длительность гласного не участвует в смысловом различии, поэтому такое изменение свидетельствует о глубинной перестройке слогового тайминга.

В Майами и Нью-Йорке длительность испанского /e/ в односложных словах перед звонким /d/ (например, *dedo* «палец») была в среднем на 42 мс больше, чем перед глухим /t/ (например, *teto* «крыша» в изолированном чтении). В Лос-Анджелесе разница достигала 51 мс, а на границе – лишь 8 мс (незначимо, $p = 0,31$ в смешанной модели).

Монофтонгизация испанских восходящих дифтонгов /je/, /we/ в нейтральные гласные зафиксирована как устойчивая черта речи 2-го и 3-го поколений в Нью-Йорке (35% предъявлений слов типа *fiesta* «праздник», *abuelo* «дедушка» реализованы соответственно ['fes.ta] и [a'βe.lo]) и Лос-Анджелеса (28%). В Майами явление распространено слабее (9%), на границе оно отсутствует.

Пример 4. Нью-Йорк, информант НЙ-03 (жен., 20 лет, 2-е поколение), разговор с подругой.

Vamos a hacer una fiesta en el backyard ['ba.mos a a'seɾ una 'fes.ta en el 'bæk'jaɪd] (рус. «Давай устроим праздник во дворе»).

Испанское *fiesta* утрачивает дифтонг и произносится с полностью открытым [ɛ], приближающимся к английскому [e] в слове *backyard*. Одновременно в *backyard* финальный слог [jaɪd] калькирует испанский дифтонг [ja], но с ретрофлексной кодой, что дает компромиссную артикуляцию. Обращает на себя внимание элизия интервокального /d/ в *hacer* [a'seɾ], что типично для карибского диалекта, но сочетается с централизацией [e] до [ɛ] под влиянием английского сдвига.

Пример 5. Майами, информант МА-10 (Лиза, 40 лет, 2-е поколение), интервью.

Mi abuelo trabaja en un downtown hotel [mi a'βe.lo tra'βa.xa en un 'daʊn.taʊn o'tel] (рус. «Мой дедушка работает в отеле в центре города»).

Испанское *abuelo* произносится с редуцированным дифтонгом [βe] вместо [βwe], гласный [ɛ] четко центрирован между испанским /e/ и английским /e/. В английском *downtown* дифтонг [aʊ] сохраняется, но испанский артикль *un* перед ним реализуется с четкой дентальной смычкой [n] и гласным [u] напряженного варианта, что отличает данную речь от монолингвального кубинского диалекта, где ожидалась бы веляризация [ŋ].

3. Суперсегментные изменения: время начала озвончения и акцентуация.

Измерение VOT для глухих смычных /p, t, k/ в начальной позиции перед ударным гласным показало, что во всех кластерах билингвы вырабатывают компромиссные значения, лежащие строго между типичным испанским (короткая звонкость, около 10-15 мс) и типичным американским английским (придыхание выше 35-50 мс).

Средний VOT для /p, t, k/ в испанской речи: на границе – 19 мс (SD = 8), в Майами – 24 мс (SD = 10), в Нью-Йорке – 28 мс (SD = 9), в Лос-Анджелесе – 31 мс (SD = 11). Различия между трансграничным кластером и Лос-Анджелесом значимы ($p < 0,001$).

В английской речи тех же информантов средний VOT в среднем на 15-20 мс ниже, чем у монолингвов, т.е. наблюдается обратный перенос испанского слабого придыхания на английский, приводящий к менее аспирированным смычным.

Сдвиг по интенсивности: замена испанского тонального ударения динамически-квантитативным (характерным для английского) фиксировалась у 68% информантов 2-го и 3-го поколений во внутренних кластерах против 11% в трансграничной группе.

Пример 6. Эль-Пасо, информант ЭП-07 (жен., 31 год, поколение 1.5), спонтанный разговор с членом семьи.

Toma el taco ['tʰoma el 'tʰako] (рус. «Возьми тако»).

В обоих случаях /t/ реализуется с четким придыханием, нетипичным для мексиканского испанского. Значение VOT составило 38 мс для *toma* и 41 мс для *taco*, что приближается к английскому порогу. Однако испанские гласные в обоих словах сохраняют полную периферийность (F1 и F2 соответствуют мексиканской норме). Такой контраст – испанский вокализм + английский консонантизм – является отличительной чертой трансграничного испанглийского.

Пример 7. Лос-Анджелес, информант ЛА-12 (муж., 45 лет, поколение 1.5), естественный диалог с сыном.

Pásame el control, está en la table ['pæ.sə.mi_1 kən'tɹɔl ε_ 'tæ ɛn lə 'tʰei.bəl] (рус. «Передай мне пульт, он на столе»).

В глагольной форме *pásame* испанский [a] сдвинут в сторону английского [æ], а финальная гласная редуцирована до нейтрального [ə] (акустически F1 ≈ 500 Гц, F2 ≈ 1500 Гц). В слове *control* начальный слог демонстрирует английскую редукцию до шва, тогда как ударный слог содержит испанский раскатистый [o], но уже без испанской долготы. Заключительное слово *table* произносится с типичным английским дифтонгом [ei] и вокализованным [əl], однако интонационный рисунок фразы – подъем на ударном слове *control* – остается испанским. Подобное смешение на супrasegmentном уровне подтверждает формирование особого акцентного стандарта идиома.

Таким образом, статистические и качественные данные подтверждают, что постстандартный испанглийский идиом характеризуется устойчивым набором гибридных фонетических черт, степень выраженности которых зависит от географической и поколенческой дистанции от монолингвальной нормы.

Полученные инструментальные данные подтверждают исходную гипотезу: в постстандартном испанглийском идиоме крупных городских и трансграничных кластеров США действует системный фонетический сдвиг, который невозможно свести к окказиональной интерференции. Зафиксированное сближение формантных полей испанских и английских гласных (коллапс вокалического пространства), становление гибридных значений времени начала озвончения и перенос просодических паттернов английского типа на испанский речевой поток образуют комплекс взаимосвязанных черт, совокупность которых отличает данную контактную разновидность как от любого монолингвального стандарта испанского, так и от местных вариантов американского английского. Представленные результаты согласуются с предсказаниями модели речевого обучения Дж.Э. Фледжа [3], согласно которой в сознании билингва формируется единое когнитивно-фонетическое пространство, где категории двух языков взаимодействуют и могут перестраиваться, особенно в условиях ослабленного контроля со стороны нормативных образцов. В том же ключе интерпретируется и наблюдаемое «компромиссное» VOT: билингвы производят гибридные артикуляции, занимающие промежуточное положение на непрерывной шкале, – это явление прямо соответствует модели перцептивной ассимиляции К. Бест [1] и последующим работам по межъязыковой фонетике [4].

Картографирование сдвига по кластерам позволяет уточнить социолингвистические условия, ускоряющие либо тормозящие наблюдаемый процесс [9; 16]. Максимальная степень централизации гласных и редукции безударных слогов зафиксирована в Лос-Анджелесе и среди носителей второго-третьего поколений Нью-Йорка, что совпадает с выводами К. Сильвы-Корвалана [11] о прогрессирующей конвергенции испанского к английским моделям у мексиканских билингвов Лос-Анджелеса. Полученные нами данные дополнительно показывают, что аналогичный вокалический сдвиг характерен и для карибских сообществ Нью-Йорка, которые Р. Отеги и А.С. Зентелла [7] описывали как относительно стабильные в отношении гласных. По-видимому, инструментальный замер позволяет уловить более тонкие спектральные сдвиги, не фиксируемые на слух при качественном анализе, и свидетельствует о том, что даже в сообществах с ранней передачей языка происходит постепенное перепрофилирование вокалической системы под влиянием английской просодии доминантного общества.

Умеренный, но статистически значимый сдвиг в Майами и практически полное отсутствие централизации в трансграничных кластерах Эль-Пасо – Сьюдад-Хуарес и Сан-Диего – Тихуана объясняются в первую очередь плотностью и характером контактов с монолингвальной испанской средой [10]. В Майами кубинский испанский сохраняет высокую публичную видимость и престиж [6], что замедляет, но не блокирует полностью проникновение английских спектральных признаков. В свою очередь, в трансграничных зонах челночная мобильность и ежедневный физический контакт с жителями мексиканских городов обеспечивают постоянное обновление традиционной нормы. Таким образом, граница является консервирующим фактором, а внутренние мегаполисы – «плавильным котлом» постстандартных инноваций.

Особого внимания заслуживает просодический трансфер: удлинение гласного перед звонкими согласными в испанских словах и монофтонгизация дифтонгов, которая, как показано выше, маркирует нью-

йоркский и лос-анджелесский региолекты испанглийского идиома. Это говорит о том, что в постстандартном испанглийском идиоме слоговой тайминг движется от изосиллабического (слогового) к изоакцентному (ударному) ритму. Иными словами, происходит фундаментальное типологическое изменение, отмечаемое в контактной лингвистике как один из ключевых векторов структурной перестройки [14]. Именно просодические признаки создают узнаваемый «акцент» нового идиома, который сами носители в металингвистических интервью часто идентифицируют как «неправильный испанский» или «уличный испанглийский», но при этом последовательно воспроизводят.

Проведенное исследование вносит вклад в ревизию жесткого разграничения «заимствование – интерференция» применительно к контактным разновидностям [13]. Как показывают наши данные, фонетические изменения в постстандартном испанглийском идиоме являются системными, воспроизводимыми в разных речевых регистрах и передающимися через поколения, что соответствует критериям «контактно-обусловленного языкового изменения» [12]. Концепция постстандартного идиома, оторванного от академической нормы Королевской академии испанского языка, получает таким образом наглядное фонетическое наполнение.

Новизна работы заключается также в сочетании инструментального акустического анализа с широким географическим охватом. Впервые на репрезентативном материале проведено сопоставление трансграничных и внутренних кластеров, что позволило выявить «трансграничную изоглоссу» – консервативный пояс, противостоящий сдвигу, в отличие от мегаполисов, где постстандартный идиом формирует новую, не привязанную к исходным национальным вариантам произносительную норму. Данная модель, основанная на идее общего фонетического пространства билингва и влиянии демографической плотности контактов, может быть применена для анализа других контактных идиомов испанского (например, испанского в Каталонии, Галисии) или других языков в диаспорах.

Необходимо указать на ряд ограничений, присущих исследованию. Во-первых, выборка, хотя и значительна по общему объему ($N = 137$), в ряде случаев оказалась несбалансированной: группы 3-го и 4-го поколений, а также центральноамериканские подгруппы в Лос-Анджелесе и Нью-Йорке представлены малым числом информантов, что ограничивает возможность статистического обобщения по этим срезам. Во-вторых, диалектальная неоднородность исходных вариантов (кубинский, пуэрто-риканский, мексиканский) неизбежно влияет на базовые акустические настройки, и, хотя в анализ вводился фактор кластера, детальный анализ по странам происхождения требует отдельного исследования. Наконец, синхронный срез не позволяет наблюдать изменение в реальном времени; выводы о поколенческом сдвиге опираются на метод «кажущегося времени». Будущие лонгитюдные или панельные исследования помогут верифицировать устойчивость выявленных тенденций.

Выводы

Настоящая работа представила систематическое инструментальное описание фонетических характеристик постстандартного испанглийского идиома в ключевых городских и трансграничных кластерах США. Установлено, что данный идиом демонстрирует устойчивый комплекс системных фонетических инноваций: коллапс вокалического пространства с централизацией безударных гласных, формирование гибридного времени начала озвончения смычных, перенос английского правила удлинения гласного и монофтонгизацию дифтонгов, а также частичную замену тонального ударения динамически-квантитативным. Все указанные сдвиги градуированы по шкале «трансграничная консервативность – внутренняя инновационность»: минимально выражены в кластерах Эль-Пасо – Сьюдад-Хуарес и Сан-Диего – Тихуана, максимально – в Лос-Анджелесе и в речи второго-третьего поколений нью-йоркских билингвов; Майами занимает промежуточное положение.

Полученные результаты заставляют пересмотреть традиционную трактовку испанглийского произношения как набора интерференционных ошибок и признать существование собственной орфоэпической нормы контактной разновидности, не ориентированной ни на национальные стандарты испанского, ни на стандартный американский английский. Такая норма формируется на основе механизмов межязыкового фонетического взаимодействия в едином когнитивном пространстве билингва и закрепляется через поколения, что делает постстандартный испанглийский идиом модельным объектом для теории контактных языков. Предложенная модель анализа вокалической и просодической перестройки может быть экстраполирована на другие миноритарные контактные идиомы, а ее практическая ценность заключается в создании акустических ориентиров для понимания языковой динамики в современных многоязычных городских сообществах.

Список источников

1. Best C.T. A direct realist view of cross-language speech perception. In: Speech perception and linguistic experience: Issues in cross-language research. Baltimore: York Press, 1995. P. 171 – 204.
2. Del Carpio L. La variación fonológica del español en contacto con el inglés en Estados Unidos // Enciclopedia concisa de los dialectos del español en el mundo. 2025. P. 448 – 458.
3. Flege J.E. Second language speech learning: Theory, findings, and problems. In: Speech perception and linguistic experience: Issues in cross-language research. Baltimore: York Press, 1995. P. 233 – 277.
4. Flege J.E., Bohn O.-S. The revised speech learning model (SLM-r). In: Second language speech learning: Theoretical and empirical progress. Cambridge: Cambridge University Press, 2021. P. 3 – 56.
5. Garcia R., Roeser J., Vargas J., Fathin S., Kidd E. Teasing apart the impact of different forms of overlap on cross-linguistic structural priming // Language, Cognition and Neuroscience. 2025. № 40 (10). P. 1 – 19.
6. Lipski J.M. Varieties of Spanish in the United States. Washington, D.C.: Georgetown University Press, 2008. 303 p.
7. Otheguy R., Zentella A. Spanish in New York: Language Contact, Dialectal Leveling, and Structural Continuity. New York: Oxford University Press, 2012. 320 p.
8. Pliatsikas C., Pontikas G., Cunnings I. Applying advanced quantitative methods in bi-/multilingualism // Linguistic Approaches to Bilingualism. 2025. № 15 (4). P. 425 – 428.
9. Purpuri S., Vasta N., Filippi R., Wei L., Mulatti C. Does language shape the way we think? A review of the foreign language effect across domains // International Journal of Bilingualism. 2025. № 29 (1). P. 269 – 291.
10. Ryskin R., Nieuwland M. Prediction during language comprehension: what is next? // Trends in Cognitive Sciences. 2023. № 27 (11). P. 1032 – 1052.
11. Silva-Corvalán C. Language contact and change: Spanish in Los Angeles. Oxford: Clarendon Press, 1994. 255 p.
12. Thomason S. G., Kaufman T. Language contact, creolization, and genetic linguistics. Berkeley; Los Angeles: University of California Press, 1988. 411 p.
13. Wei L., Phyak P., Lee J.W., García O. The handbook of translanguaging. Hoboken: Wiley-Blackwell, 2026. 592 p.
14. Winford D. An introduction to contact linguistics. Malden, MA: Blackwell Publishing, 2003. 416 p.
15. Zentella A.C. Growing Up Bilingual: Puerto Rican Children in New York. Malden: Blackwell, 1997. 323 p.
16. Zhu H., Li W. Translanguaging in performance or performance in translanguaging // Journal of Multilingual and Multicultural Development. 2026. № 47 (3). P. 1323 – 1336.

References

1. Best C.T. A direct realist view of cross-language speech perception. In: Speech perception and linguistic experience: Issues in cross-language research. Baltimore: York Press, 1995. P. 171 – 204.
2. Del Carpio L. La variación fonológica del español en contacto con el inglés en Estados Unidos. Enciclopedia concisa de los dialectos del español en el mundo. 2025. P. 448 – 458.
3. Flege J.E. Second language speech learning: Theory, findings, and problems. In: Speech perception and linguistic experience: Issues in cross-language research. Baltimore: York Press, 1995. P. 233 – 277.
4. Flege J.E., Bohn O.-S. The revised speech learning model (SLM-r). In: Second language speech learning: Theoretical and empirical progress. Cambridge: Cambridge University Press, 2021. P. 3 – 56.
5. Garcia R., Roeser J., Vargas J., Fathin S., Kidd E. Teasing apart the impact of different forms of overlap on cross-linguistic structural priming. Language, Cognition and Neuroscience. 2025. No. 40 (10). P. 1 – 19.
6. Lipski J.M. Varieties of Spanish in the United States. Washington, D.C.: Georgetown University Press, 2008. 303 p.
7. Otheguy R., Zentella A. Spanish in New York: Language Contact, Dialectal Leveling, and Structural Continuity. New York: Oxford University Press, 2012. 320 p.
8. Pliatsikas C., Pontikas G., Cunnings I. Applying advanced quantitative methods in bi-/multilingualism. Linguistic Approaches to Bilingualism. 2025. No. 15 (4). P. 425 – 428.
9. Purpuri S., Vasta N., Filippi R., Wei L., Mulatti C. Does language shape the way we think? A review of the foreign language effect across domains. International Journal of Bilingualism. 2025. No. 29 (1). P. 269 – 291.
10. Ryskin R., Nieuwland M. Prediction during language comprehension: what is next? Trends in Cognitive Sciences. 2023. No. 27 (11). P. 1032 – 1052.
11. Silva-Corvalán C. Language contact and change: Spanish in Los Angeles. Oxford: Clarendon Press, 1994. 255 p.

12. Thomason S.G., Kaufman T. Language contact, creolization, and genetic linguistics. Berkeley; Los Angeles: University of California Press, 1988. 411 p.
13. Wei L., Phyak P., Lee J.W., García O. The handbook of translanguaging. Hoboken: Wiley-Blackwell, 2026. 592 p.
14. Winford D. An introduction to contact linguistics. Malden, MA: Blackwell Publishing, 2003. 416 p.
15. Zentella A.C. Growing Up Bilingual: Puerto Rican Children in New York. Malden: Blackwell, 1997. 323 p.
16. Zhu H., Li W. Translanguaging in performance or performance in translanguaging. Journal of Multilingual and Multicultural Development. 2026. No. 47 (3). P. 1323 – 1336.

Информация об авторе

Семенова М.Ю., кандидат филологических наук, доцент, Донской государственный технический университет

© Семенова М.Ю., 2026

Научно-исследовательский журнал «Филологический вестник / Philological Bulletin»

<https://fv-journal.ru>

2026, Том 5, № 4 / 2026, Vol. 5, Iss. 4 <https://fv-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.5. Русский язык. Языки народов России (филологические науки)

УДК 811.161.1'342.41

DOI: 10.66621/2949-4656-2026-5-4-212-218

Функционально-фонологический потенциал слога как языковой единицы

¹ Амирасланова Т.А.,

¹ Сумгаитский государственный университет, Азербайджан

Аннотация: статья посвящена комплексному анализу слога как ключевой функционально-структурной единицы фонологического уровня языка. Рассматривается двойственная природа слога, сочетающая в себе акустико-артикуляционные свойства и системные фонологические функции. Автор исследует механизмы слогоделения и дистрибуции фонем сквозь призму их влияния на организацию звуковой системы. На материале литературного русского языка анализируется роль слоговой структуры в формировании ритмико-интонационного рисунка речи, в проявлении позиционных чередований и редукций, а также в деривационных процессах – выборе аффиксов, эвфоническом варьировании и образовании усечённых форм. Особое внимание уделяется синкопированным вариантам отчеств, слоговым акронимам и феномену трансонимизации. Исследование опирается на труды отечественных и зарубежных лингвистов, рассматривающих слог как ключевую промежуточную единицу между фонетикой и морфологией. В результате анализа обосновывается статус слога не просто как минимальной произносительной единицы, а как базового элемента, определяющего фонотактические закономерности и обеспечивающего целостность языковой системы.

Ключевые слова: фонология, русский язык, функции слога, деривация, морфонология, слоговая структура, прикладная лингвистика, интонация

Для цитирования: Амирасланова Т.А. Функционально-фонологический потенциал слога как языковой единицы // Филологический вестник. 2026. Том 5. № 4. С. 212 – 218. DOI: 10.66621/2949-4656-2026-5-4-212-218

Поступила в редакцию: 12 июня 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 10 июля 2026 г.; Принята к публикации: 17 августа 2026 г.

Functional and phonological potential of the syllable as a linguistic unit

¹ Amiraslanova T.A.,

¹ Sumgait State University, Azerbaijan

Abstract: the article is devoted to a comprehensive analysis of the syllable as a key functional and structural unit of the phonological level of language. The author considers the dual nature of the syllable, which combines acoustic-articulatory properties and systemic phonological functions. The study examines the mechanisms of syllabification and phoneme distribution through the prism of their influence on the organization of the sound system. Based on the material of literary Russian, the role of syllable structure is analyzed in the formation of the rhythmic and intonational pattern of speech, in the manifestation of positional alternations and reductions, as well as in derivational processes – the choice of affixes, euphonic variation, and the formation of truncated forms. Particular attention is paid to syncopated variants of patronymics, syllabic acronyms, and the phenomenon of transonimization. The research is based on the works of domestic and foreign linguists who consider the syllable as a crucial intermediate unit between phonetics and morphology. As a result of the analysis, the status of the syllable is substantiated not merely as a minimal articulatory unit, but as a basic element that determines phonotactic regularities and ensures the integrity of the linguistic system.

Keywords: phonology, the Russian language, syllable functions, derivation, morphonology, syllable structure, applied linguistics, intonation

For citation: Amiraslanova T.A. Functional and phonological potential of the syllable as a linguistic unit. Philological Bulletin. 2026. 5 (4). P. 212 – 218. DOI: 10.66621/2949-4656-2026-5-4-212-218

The article was submitted: June 12, 2026; Approved after reviewing: July 10, 2026; Accepted for publication: August 17, 2026.

Введение

Проблема слога как структурной и функциональной единицы языка имеет устойчивую традицию в отечественном и зарубежном языкознании. Классические труды И.А. Бодуэна де Куртенэ [3] и А.А. Реформатского [10] заложили основы представлений о слоге как об артикуляционно-акустической и фонематической единице, определяющей ритмико-интонационную структуру высказывания. Вопросы слогоделения, типологии фонемических и фонетических слогов активно развиваются в современных исследованиях, таких как работа А.А. Кретьева [7], где применяется прецедентный метод анализа слоговой структуры. Наряду с этим, исследования И. Лехисте [16] и Ф. Хенке [14] подчеркивают важность временной организации речи и артикуляторных моделей в понимании природы слога, особенно в устной и синтезированной речи.

Особое внимание в современной науке уделяется морфонологическим и деривационным аспектам слога. В трудах В.Б. Касевича [8], М. Барро [2] и М.А. Хасанова [11] анализируются акцентные чередования, редукции и морфонемные процессы, демонстрирующие, что слог – это не только фонетическая, но и морфонологически значимая единица. Исследования Н.В. Васильевой [5] и Т.Г. Борисовой [4] подчеркивают роль слоговой структуры в словообразовании, в частности, при формировании усечённых и экспрессивных форм, а также при трансонимизации и создании акронимов. Работы Л.А. Араевой [1] и М.Н. Шутовой [12] рассматривают словообразовательный тип как микросистему, где слог определяет как выбор формантов, так и стилистические характеристики производных единиц.

Зарубежные исследования расширяют представление о слоге за счёт привлечения структурной фонологии и анализа редукционных процессов в потоке речи. Эстетический и прагматический потенциал слоговой структуры получает развитие и в работах по стилистике и литературоведению, таких как исследование Т.И. Печерской [9], где «хороший слог» рассматривается как критерий художественной выразительности и вкуса в публицистике XIX века. Таким образом, исследование слога в лингвистике сегодня охватывает широкий спектр аспектов – от акустики и артикуляции до морфонологии, словообразования и стилистики, что делает его центральной единицей междисциплинарного анализа.

Материалы и методы исследований

Методология исследования опирается на системно-структурный, дистрибутивный, морфонологический и контекстуальный анализ для описания функционального потенциала слога.

Материалом исследования послужили данные Национального корпуса русского языка, академических грамматик, лексикографических источников, а также современный речевой материал, включающий синкопированные отчества, слоговые акронимы, усечённые и экспрессивные производные формы, отобранные методом сплошной выборки.

Результаты и обсуждения

Слог является носителем просодических характеристик – прежде всего, словесного ударения и компонентов интонации. Ударение в русском языке привязано к слогу: определённый слог многосложного слова выделяется ударением, в то время как остальные остаются безударными. Таким образом, слог служит единицей, на которую «накладывается» акцентная выделенность. «Сведение функций слога к просодической, т.е. трактовка его в качестве сферы реализации просодических явлений, не отрицает слога вообще, но лишает эту единицу статуса универсальной: не во всех языках есть ударение или тон, следовательно, слог как особая единица тоже имеется только в некоторых языках» [8, с. 286-287]. В поддержку этой точки зрения можно отметить, что в языках, где ударение не играет различительной роли, статус слога как самостоятельной единицы ослабевает. «В русском же ударение разноместное и подвижное» [12, с. 164], поэтому слог имеет важную просодическую нагрузку [13]: он является тем минимальным отрезком, который может быть выделен силой голоса и мелодией.

Кроме ударения, интонационные характеристики фразы также во многом описываются через слоги. Понятия тонического удара, ритмической группы, метрической стопы – опираются на последовательность слогов определённого типа (ударных/безударных). Например, ритмический рисунок русского высказывания можно представить как чередование ударных слогов (опорных точек тона) и групп примыкающих без-

ударных слогов. Таким образом, конститутивная функция слога в просодике состоит в том, что «*слоги являются строительным материалом для ритмико-интонационной структуры речи*» [8, с. 307]. В стихосложении эта функция проявляется особо явно: количество слогов определяет размер стиха (ср. силлабическое стихосложение, где строго фиксируется число слогов в строке, или силлабо-тоническое, где комбинация слогов и ударений образует метр). Например, ямбический стих русского классического размера – это чередование слабых и сильных слогов, и отклонения (пропуск слога, добавление лишнего) воспринимаются как нарушение метрической схемы. В поэтической речи слоговая структура может использоваться стилистически – например, перенос («энджамбеман» [15, с. 198]) разбивает слово на части между строками, акцентируя внимание на слоговой границе [6].

В русском языке множество позиционных чередований фонем связано со слоговой позицией – прежде всего, чередования гласных в ударной/безударной позициях и согласных в конце слога. Например, безударные гласные /o/, /a/ фонетически не различаются в результате редукции (нейтрализации) и реализуются как приблизительно [ə] во втором предударном или заударном слоге; таким образом, фонемы /o/ и /a/ противопоставлены только в сильной позиции (под ударением), а в слабой (безударной) позиции их различие снято. Это можно рассматривать как функцию слога по сигнализации слабых и сильных позиций фонем: слоговая структура (наличие/отсутствие ударения, положение относительно начала/конца слова) создает условия для нейтрализации фонемных противопоставлений.

Эти наблюдения согласуются с подходом М.А. Хасанова, который указывает, что «морфонологические явления оказываются релевантными как в плане выражения, так и в плане содержания», поскольку «любая смена ударения определённым образом сигнализирует о принадлежности слова к той или иной семантической группе и в то же время указывает и на его морфонологическую функцию» [11, с. 142].

Как отмечает М. Барро, концептуально данный подход восходит к идеям И.А. Бодуэна де Куртене, который первым ввел различие чередований звуков в зависимости от позиции и от морфологических условий: «фонетическая альтернатива целых морфем распадается на альтернативы отдельных фонем как фонетических компонентов этих морфем» [2, с. 13-14].

Ещё один пример – нейтрализация звонкости/глухости согласных в конце слога (особенно в конце слова). Все русские парные звонкие согласные перед паузой или перед глухим звуком произносятся как соответствующие глухие, т.е. различие по звонкости утрачивается. Слог, оканчивающийся на согласный, в конце слова является позицией нейтрализации для признака звонкости (ср. «сад» [сат] – «сада» [са-да], где /д/ реализуется как [т] в конце слова). Таким образом, слог выполняет дистрибутивную функцию – он определяет распределение аллофонов фонем: какие фонемы или их варианты могут встречаться в начале, середине, конце слога.

Московская фонологическая школа четко разграничивала фонетические и морфонологические чередования: «фонетические – это варианты одной фонемы, обусловленные позицией; морфонологические – это чередования разных фонем, морфемы получают разный фонемный состав» [2, с. 14].

Фонетические правила удобно описывать, опираясь на слог: например, «в конце слога звонкие шумные оглушаются»; «сонорные между гласными отходят к следующему слогу» и т.п. – эти правила являются по сути морфонологическими, так как часто оказываются задействованы при словоизменении. Например, при изменении слова «грот» – «гроды» происходит чередование [т] – [д] в корне в зависимости от того, находится согласный в конце слога (грот [грот] – оглушение) или в начале слога перед гласной (гро-ды [гро-ды] – звонкий [д] сохраняется).

Это подтверждает вывод М.А. Хасанова о том, что «структура суффикса определяет смещение ударения в производном слове по сравнению с исходным» [11, с. 141], а следовательно, морфонологические чередования тесно связаны со слоговой структурой и акцентуацией. Также подтверждается и более ранняя мысль А.А. Реформатского о том, что «некоторые звуковые чередования могут быть объяснены только с учётом морфонологических позиций, то есть характера морфемного стыка» [10].

Как подчёркивает А.А. Кретов, «при морфонологическом анализе структуры фонемического слога особенно важно учитывать соотношение между фонемной реализацией и слоговой позицией» [7, с. 140], что как раз и проявляется в подобных исторически закреплённых изменениях.

Морфонологическая функция слога проявляется и в чередованиях согласных на стыке морфем – например, чередование [з] ~ [с] в приставке раз-/рас- определяется следующим звуком и фактически тем, куда попадает граница слога: раз-бить (раз- – [раз], [з] в конце слога перед звонким [б]) но расшить (рас- – [рас], [с] перед глухим [ш]). Здесь слоговая граница проходит после [с], и оглушение связано с позицией в конце слога перед другим шумным. Как отмечает А.А. Кретов, «принадлежность фонем к определённым сло-

вым позициям объясняет характер и условия фонемной вариативности в конкретных языковых реализациях» [7, с. 141].

Таким образом, можно сказать, что слоговая структура «опосредует» фонетические процессы, связанные с морфемными границами: сочетания звуков на стыке префикса и корня часто приводятся в соответствие с общеслоговыми фонетическими правилами. В этом плане слог выполняет интегративную функцию при словоизменении и словообразовании: он обеспечивает фонетическую слитность морфем, сглаживая переход звуков (вставка соединительных гласных, упрощение групп согласных и т.д.). Это подтверждает мысль о том, что «слог следует рассматривать не только как акустико-артикуляционную, но и как морфонологически значимую единицу» [7, с. 144].

Как подчёркивает М. А. Хасанов, «морфонологические явления оказываются релевантными как в плане выражения, так и в плане содержания», что особенно очевидно при анализе акцентных чередований в производных словах [11, с. 142]. Он указывает, что перемещение ударения в производной основе может выполнять роль грамматического и семантического маркера, а «любая смена ударения определённым образом сигнализирует о принадлежности слова к той или иной семантической группе» [11, с. 142].

Слог в этом контексте выступает не просто как элемент артикуляционной структуры, но как показатель значимых различий, обусловленных морфонологическими процессами. Ударение, перераспределяясь между слогами исходной и производной форм, может «конструировать» новую просодическую организацию слова, что подчёркивает значимость слога в динамике словообразования.

Слоговая структура в русском языке выполняет не только фонетическую, но и деривационную функцию, влияя на способы словообразования и структурирование новых лексических единиц. Одним из ключевых аспектов является эвфонический принцип: при присоединении аффиксов русский язык стремится избегать труднопроизносимых согласных сочетаний, вставляя дополнительную гласную для облегчения произношения, что в свою очередь влияет на слоговую организацию слова. Например, предлоги и приставки *в-*, *с-*, *к-* перед скоплением согласных трансформируются за счёт добавления гласной «о»: *в связи* → *во связи*, *к мне* → *ко мне*, *с школы* → *со школы*. Эта вставка фактически меняет слоговую структуру: вместо начального кластера (*всв-зи*) формируется дополнительный открытый слог (*во-св-зи*), обеспечивая плавность произношения и слоговую адаптацию.

Слоговая структура также влияет на выбор морфем в суффиксальной деривации. Примером могут служить уменьшительно-ласкательные суффиксы *-очк-* и *-ечк-*, форма которых зависит от фонетического и слогового окружения основы. В слове *угол* → *уголочек* добавляется суффикс *-очк-*, формируя новый слог *очка*, тогда как в слове *песня* → *песенка* выбор падает на суффикс *-енк-*, дающий слог *енка*. Это подтверждает, что «слоговая модель конечной части слова определяет выбор гласного в суффиксе», обеспечивая гармоничную стыковку морфем и целостность слова на фонетико-морфологическом уровне.

Ещё одной важной функцией слога является его участие в образовании усечённых слов и аббревиатур. В русском языке распространены так называемые слоговые акронимы, где новые лексемы формируются из начальных слогов компонентов сложных наименований. Примеры: *ЗАГС* (Запись актов гражданского состояния), *Колхозназор* (от *колхозный надзор*), *магнитофон* (магнит + фон). Такие формы служат компактным средством номинации и подчёркивают структурную значимость слога как деривационной единицы. Как отмечает Н.В.Васильева, «слог как структурный элемент способен выполнять номинативную функцию при образовании новых единиц языка» [5, с. 14].

При этом деривационный потенциал подобных сокращённых форм согласуется с более широкими теоретическими наблюдениями о словообразовательных типах как микросистемах. Как подчёркивает Т.Г.Борисова, «словообразовательный тип является двусторонней единицей, имеющей план выражения и план содержания», а его функционирование связано с организацией «горизонтальных и вертикальных микрополей» [4, с. 191]. Это подтверждает мысль о том, что даже единичные производные формы (в том числе и сокращения) могут обладать устойчивой структурной моделью в рамках более крупной словообразовательной системы [6].

Интересен также тот факт, что внутрислоговая организация влияет на экспрессивный потенциал слова, особенно в случаях образования синкопированных форм. Так, в статье Н.В.Васильевой подчёркивается, что синкопа (выпадение слога) в отчествах (*Михална*, *Лексеич*) создаёт новые стилистически окрашенные формы, функционально отличающиеся от полного варианта (*Михайловна*, *Алексеевич*). Эти формы широко используются в разговорной и художественной речи, «легко вовлекаются в языковую игру» и «выполняют прагматически маркированную функцию» [5, с. 13-14].

Кроме того, слоговые модели активно используются в процессе трансонимизации – перехода слова из одной ономастической категории в другую. Примером может служить патроним *Петрович*, сохраняющий

свою слоговую структуру при переходе в категорию эргонимов: *клуб-ресторан Петрович, строительный рынок Петрович*. Как подчёркивает Н.В.Васильева, «патроним Петрович в настоящее время обладает большим (транс)ономастическим потенциалом, обусловленным социопрагматикой данной единицы» [5, с. 15].

Таким образом, слоговая структура не только обеспечивает звуковую организацию слова, но и участвует в сложных словообразовательных процессах, включая выбор морфем, образование новых лексических единиц и экспрессивных форм. Как подчёркивает Л.А. Араева, «словообразовательный тип оказывается той функционирующей микросистемой, через которую выявляются связи словообразования с морфологией, ономастикой, синтаксисом и лексикой» [1, с. 192]. В языке слог выполняет адаптивную, эвфоническую и номинативную функции, внося вклад в динамику и креативность русской деривационной системы.

Наконец, отметим, что слоговая структура иногда используется для различения омонимичных форм (это частично пересекается с морфонологической функцией). Например, форма «*моют*» (3 л. мн.ч.) и гипотетическая форма «*моют*» (повелительное наклонение мн.ч. от «мыть» – «мойте») различаются именно слоговой структурой и ударением: *моют* [мо-ют] (2 слога) vs *мойте* [мой-те] (2 слога, но другое ударение). Хотя письменно это отражено разницей букв, устно различие в слогах (дифтонгоид *ой* в «*мойте*» против последовательности отдельных звуков *о* и *ю* в «*моют*»). В целом же, деривационные функции слога проявляются опосредованно, через удобство произношения и понимания производных слов.

Резюмируя, слог в фонологической системе русского языка выполняет триединую функцию: он является носителем и организатором просодических признаков (ритма, ударения, интонации), выступает единицей, через которую реализуются или нейтрализуются фонемные противопоставления в разных морфологических формах (морфонологические чередования), и способствует словообразовательным процессам, обеспечивая благозвучие и структурную ясность новых слов.

Выводы

Данное научное исследование показывает, что слог представляет собой не просто механическую единицу деления речевого потока, но выполняет комплексные функции в фонологической системе русского языка. Слог выступает носителем просодических характеристик, таких как ударение и интонация, и определяет ритмико-интонационную структуру речи. Его роль особенно значима в поэтической и ораторской речи, где количество и структура слогов формируют метр, ритм и экспрессию высказывания. Слог также выполняет делимитативную функцию, помогая слушателю воспринимать речь как упорядоченный поток.

Деривационные функции слога демонстрируют его значимость в словообразовательной системе русского языка. Слог влияет на выбор аффиксов, формирование эвфоничных конструкций, а также активно участвует в создании новых лексических единиц – акронимов, усечённых и стилистически маркированных форм. Таким образом, слог – это не только фонетическая единица, но и важный элемент морфологической и коммуникативной структуры языка, обеспечивающий его динамичность, выразительность и функциональную гибкость.

Список источников

1. Араева Л.А. Словообразовательный тип как семантическая микросистема. Суффиксальные субстантивы. Кемерово: Кузбассвуиздат, 1994. 223 с.
2. Барро М. Истоки морфонологии (морфонология в трудах ученых Московской фонологической школы) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2012. № 4. С. 13 – 18.
3. Бодуэн де Куртене И. А. Избранные труды по общему языкознанию. Т. 1. Москва: Изд-во АН СССР, 1963. 384 с.
4. Борисова Т.Г. Словообразовательный тип как микросистема // Гуманитарные и юридические исследования. 2016. № 4. С. 191 – 194.
5. Васильева Н.В. Коммуникативно-прагматический потенциал русского отчества // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Проблемы языкознания и педагогики. 2023. № 4. С. 8 – 21. DOI: 10.15593/2224-9389/2023.4.1
6. Габимова К. Функциональность в стемминге: обработка сложных форм глаголов с учетом гармонии гласных (на основе азербайджанского языка) // Круглый стол «Национальный корпус казахского языка – лингвистическая база для обучения большой языковой модели (LLM)» в рамках регулярной научно-языковой площадки «Аскар Жубановские чтения-4». 2025. С. 274 – 279. <https://doi.org/10.5281/ZENODO.18161701>

7. Кретов А.А. Прецедентный метод слогаделения и типы фонетических и фонемических слогов в современном русском литературном языке // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2021. № 4. С. 135 – 145. DOI: 10.17308/lic.2021.4/3821
8. Касевич В. Б. Фонологические проблемы общего и восточного языкознания. Москва: Наука, 1983. 295 с.
9. Печерская Т.И. «Хороший слог» и «новая художественность» в журнальной полемике 1860-1870-х годов // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2024. Т. 17. № 8. С. 2881 – 2887. DOI: 10.30853/phil20240410
10. Реформатский А.А. Введение в языковедение. Москва: Аспект Пресс, 2000.
11. Хасанов М.А. Акцентные морфонологические альтернаты в современном английском языке // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 37 (252). С. 140 – 142.
12. Шутова М.Н., Хромов С.С. Ударение в русских глаголах: методические приемы обучения иностранных учащихся // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Проблемы языкознания и педагогики. 2024. № 2. С. 163 – 172. DOI: 10.15593/2224-9389/2024.2.14
13. Habibova K. Speech effect function of presupposition // Linguistic Researches. 2024. № 1. P. 91 – 97.
14. Henke W. Preliminaries to Speech Synthesis Based upon an Articulatory Model // Proceedings of the IEEE Conference on Speech Communication Process. Cambridge, 1967. P. 170 – 182.
15. Heydarov R.A., Jafarov A.G., Habibova K.A. Software for experimental methods in phonetic research // 1st International Scientific Conference "Modern Management Trends and the Digital Economy: from Regional Development to Global Economic Growth" (MTDE 2019). Atlantis Press, 2019. P. 795 – 800.
16. Lehiste I. Temporal Relations within Speech Units. Summary of Moderator's Introduction // Proceedings of the 9-th International Congress of Phonetic Sciences. Copenhagen, 1979. Vol. 2. P. 241 – 244.

References

1. Arayeva L.A. Word-formation type as a semantic microsystem. Suffixal substantives. Kemerovo: Kuzbassvuzdat, 1994. 223 p.
2. Barro M. The origins of morphophonology (morphophonology in the works of scientists of the Moscow phonological school). Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series: Theory of language. Semiotics. Semantics. 2012. No. 4. P. 13 – 18.
3. Baudouin de Courtenay I.A. Selected works on general linguistics. Vol. 1. Moscow: Publishing house of the USSR Academy of Sciences, 1963. 384 p.
4. Borisova T.G. Word-formation type as a microsystem. Humanitarian and legal studies. 2016. No. 4. P. 191 – 194.
5. Vasilyeva N.V. Communicative and Pragmatic Potential of Russian Patronymics. Bulletin of Perm National Research Polytechnic University. Problems of Linguistics and Pedagogy. 2023. No. 4. P. 8 – 21. DOI: 10.15593/2224-9389/2023.4.1
6. Gabibova K. Functionality in Stemming: Processing Complex Verb Forms Taking into Account Vowel Harmony (Based on the Azerbaijani Language). Round Table "The National Corpus of the Kazakh Language – a Linguistic Base for Teaching the Large Language Model (LLM)" within the Framework of the Regular Scientific and Language Platform "Askar Zhubanovsky Readings-4". 2025. P. 274 – 279. <https://doi.org/10.5281/ZENODO.18161701>
7. Kretov A.A. Precedent method of syllabification and types of phonetic and phonemic syllables in the modern Russian literary language. Bulletin of Voronezh State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication. 2021. No. 4. P. 135 – 145. DOI: 10.17308/lic.2021.4/3821
8. Kasevich V.B. Phonological problems of general and oriental linguistics. Moscow: Nauka, 1983. 295 p.
9. Pecherskaya T.I. "Good style" and "new artistry" in the journal polemics of the 1860s–1870s. Philological sciences. Theoretical and Practical Issues. 2024. Vol. 17. No. 8. P. 2881 – 2887. DOI: 10.30853/phil20240410
10. Reformatsky A.A. Introduction to Linguistics. Moscow: Aspekt Press, 2000.
11. Khasanov M.A. Accentual Morphological Alternations in Modern English. Bulletin of Chelyabinsk State University. 2011. No. 37 (252). P. 140 – 142.
12. Shutova M.N., Khromov S.S. Stress in Russian Verbs: Methodological Techniques for Teaching Foreign Students. Bulletin of Perm National Research Polytechnic University. Problems of Linguistics and Pedagogy. 2024. No. 2. P. 163 – 172. DOI: 10.15593/2224-9389/2024.2.14
13. Habibova K. Speech effect function of presupposition. Linguistic Researches. 2024. No. 1. P. 91 – 97.

14. Henke W. Preliminaries to Speech Synthesis Based upon an Articulatory Model. Proceedings of the IEEE Conference on Speech Communication Process. Cambridge, 1967. P. 170 – 182.
15. Heydarov R.A., Jafarov A.G., Habibova K.A. Software for experimental methods in phonetic re-search. 1st International Scientific Conference "Modern Management Trends and the Digital Economy: from Regional Development to Global Economic Growth" (MTDE 2019). Atlantis Press, 2019. P. 795 – 800.
16. Lehiste I. Temporal Relations within Speech Units. Summary of Moderator's Introduction. Proceedings of the 9th International Congress of Phonetic Sciences. Copenhagen, 1979. Vol. 2. P. 241 – 244.

Информация об авторе

Амирасланова Т.А., соискатель ученой степени кандидата филологических наук, Сумгаитский государственный университет, Азербайджан, tunzale.emiraslanova@sdu.edu.az

© Амирасланова Т.А., 2026

Научно-исследовательский журнал «Филологический вестник / Philological Bulletin»

<https://fv-journal.ru>

2026, Том 5, № 4 / 2026, Vol. 5, Iss. 4 <https://fv-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (с указанием конкретного языка или группы языков) (филологические науки)

УДК 81.133.1

DOI: 10.66621/2949-4656-2026-5-4-219-225

«Опыт о происхождении и развитии французского языка» К.-Б. Петито как пример формирования новой лингвистической традиции

¹ Пастернак Е.Л.,

¹ *Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова*

Аннотация: статья представляет собой анализ обширного теоретического материала, содержащегося в сочинении французского филолога и переводчика К. Б. Петито. Цель данной работы состоит в определении особенностей метода Петито и его научных достоинств в сопоставлении с предшествующими умозрительными теориями языка его современников. Материалом является текст исследуемого сочинения, который опубликован в виде предисловия к очередному изданию «Грамматики...» А. Арно и К. Лансло, или «Грамматики Пор-Рояля». При работе были использованы следующие методы: аналитический, позволяющий выделить основные теоретические идеи автора; сопоставительный, что необходимо для выявления основных черт эволюционирования лингвистической мысли к началу XIX века. В работе показано, что на рубеже веков существенно меняются принципы и методы решения вопросов языка, а рациональный анализ основных языковых регистров – от фонетики и морфологии до стилистики отвергает прежние умозрительные рассуждения, основанные на ощущениях и интуиции авторов устаревающих теорий. Особенный исследовательский интерес представляет критика Петито теории языка Ж.-Ж. Руссо, в особенности, его взглядов на происхождения языка. В результате данного исследования сделаны выводы о том, что главенствующие идеи французских теоретиков языка о происхождении языка и его ранних формах подверглись существенным видоизменениям в начале XIX века. Исследование может найти практическое применение в дальнейших работах по истории языкознания.

Ключевые слова: методология лингвистики, теория языка, рациональная грамматика, лингвистическая реконструкция, первые языки, развитие языка

Для цитирования: Пастернак Е.Л. «Опыт о происхождении и развитии французского языка» К.-Б. Петито как пример формирования новой лингвистической традиции // Филологический вестник. 2026. Том 5. № 4. С. 219 – 225. DOI: 10.66621/2949-4656-2026-5-4-219-225

Поступила в редакцию: 12 июня 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 10 июля 2026 г.; Принята к публикации: 17 августа 2026 г.

Essay of the origin and progress of French language of C.B. Petitot as an example of formation of a new linguistic tradition

¹ Pasternak E.L.,

¹ *Lomonosov Moscow State University*

Abstract: the article presents an analysis of comprehensive theoretical material forming the content of the French philologist's C.B. Petitot essay. The purpose of this article is to define the main principles of the Petitot's method and to highlight its scientific merits in comparison with predecessors and their speculative theories of the origin of language. The material of this study consists of the text of the Petitot's essay, which was published in the form of an extensive preface to the famous General and Rational Grammar of Port-Royal. The following methods were utilized in this study is the author's approach analysis which allows identifying the key Petitot's linguistic theoretical ideas; comparative, which is necessary to identify the main features of evolution of French linguistic thought by the beginning of the 19-th century. The study demonstrates that at the turn of the century the principles and methods of analysis of the basic elements of language change significantly: from phonetics and morphology to stylistic. This approach rejects some outdated linguistic concepts, based on the intuition of previous theo-

rists. The way of criticism of the J.-J. Rousseau's theory of the origin of language by Petitot. As a result of the study, it is concluded that some fundamental French linguistic theories have experienced substantial transformations in the beginning of the formation of the new method of language research. The results of this study can be included in further works on the history of linguistics.

Keywords: methodology of linguistics, language theory, rational grammar, linguistic reconstruction, first languages, language development

For citation: Pasternak E.L. Essay of the origin and progress of French language of C.B. Petitot as an example of formation of a new linguistic tradition. Philological Bulletin. 2026. 5 (4). P. 219 – 225. DOI: 10.66621/2949-4656-2026-5-4-219-225

The article was submitted: June 12, 2026; Approved after reviewing: July 10, 2026; Accepted for publication: August 17, 2026.

Введение

Начало XIX столетия во французской научной мысли – время преобразования взглядов на язык, что может объясняться очевидным воздействием нового формирующегося сравнительно- исторического метода, который в уже первые годы века демонстрирует создание инструментов и доказательных приемов, и, соответственно, отказ от умозрительных рассуждений о языке. Уже к началу второго десятилетия на основе нового опыта создаются первые основополагающие концепты анализа языка, а к его середине -- публикуются работы Ф. Боппа, Р. Раска, Я. Гримма. Цель данной работы состоит в выявлении новаторских черт осмысления основных вопросов языка, проявившихся в указанный период, и дальнейшем анализе их воздействия на развитие французской лингвистической мысли. Французские теории языка, достаточно подробно разработанные в работах философов и грамматистов (Н. Бозе, С. Дю Марсе, Э.-Б. де Кондильяк, Ж.-Ж. Руссо) преобразуются под воздействием немецкой лингвистической мысли, обладавшей более развитым аналитическим потенциалом и научной доказательностью. Выраженная во французской интеллектуальной жизни тенденция к пересмотру наиболее существенных идей и научной полемике может быть прочитана как в отдельных сочинениях упомянутых авторов, так и в предуведомлениях, или научных предисловиях к переизданиям ранее популярных сочинений по теории языка.

В этой связи особенный интерес сегодня может вызвать практически не известное в наши дни сочинение К.-Б. Петито (1772-1825) «Опыт о происхождении и прогрессе французского языка» («Essai sur l'Origine et les Progrès de la Langue Française») [1, с. 1-220]. Научная новизна данной работы состоит в исследовании наиболее содержательной части этого сочинения и определение его места в корпусе французских теорий языка.

Материалы и методы исследований

Методологическую основу данного исследования составил анализ лингвистических теорий К. Б. Петито, изложенных им в издании 1810 года: «Grammaire générale et raisonnée de Port Royal par Arnauld et Lancelot précédée d' un Essai sur l'origine et progrès de la langue française, par M. Petitot». Это позволило определить ценные для современной лингвистики идеи и реформаторские взгляды Петито на основные вопросы языка. Кроме того, был использован сопоставительный метод, проясняющие основные черты рассуждений о языке предшествующего периода, которые пересматриваются или отвергаются Петито, а также те приемы, которые считаются им заслуживающими внимания и использования при построении будущих теорий языка.

Результаты и обсуждения

Прежде всего, «Опыт...» Петито привлекает внимание с чисто формальной точки зрения: ее более чем внушительный объем, многозадачность и соответствующая композиция явно должны были свидетельствовать в пользу жанра научной монографии, однако она вышла в виде предисловия к переизданию уже знаменитой к тому времени «Грамматике...» Пор-Рояля А. Арно и К. Лансло. Нужно признать, что «Грамматика...» не впервые стала материалом, к которому добавляется обширное критическое исследование, составляя с ним единое смысловое целое. Так было, например, с комментариями А. Дюкло [1, с. 388-470], также содержащими отражения преобразования и прогресса основных идей анализа языка, которые и были изложены Пор-Рояльскими авторами. Такое совпадение вызывает особенный исследовательский интерес, демонстрируя очевидное постоянство специфического статуса именно Пор-Рояльской «Грамматики...» как определенной точки отсчета для общих рассуждений об основных теоретических вопросах языка. Скорее

всего, в самом характере подобных научных изданий, снабженных слишком обширными предисловиями или послесловиями, следует видеть отголосок полемического характера научной литературы, который был в достаточной степени выражен в течение длительного периода (от формы «вопрос-ответ» в «Грамматиках» XVII-XVIII веков до комментариев во внутренне диалогической форме в уже упоминавшемся издании «Грамматики...» Пор-Рояля). В некотором роде, отголосок этой традиции, в особенности выраженной именно в отношении именно этой грамматики может быть прочитан и в «Картезианской лингвистике» Н. Хомского [13, с. 130-146]. Очевидно, что в разные периоды развития лингвистической мысли именно идеи А. Арно и К. Лансло провоцировали авторов разных эпох и воззрений на переосмысление, расширение и разнообразные добавления и дополнительные толкования их основных тезисов. В случае с анализируемым здесь текстом Петито речь идет скорее о сочинении о происхождении, развитии и основных характеристиках французского языка, в котором содержится обновленный взгляд на эти основополагающие вопросы, существенно отличающийся от метода решения этих вопросов исследователями французского Просвещения.

Комментарии аббата Дюкло нередко цитировались в работах по истории и методологии французской лингвистики разных периодов. Нередко они переиздавались в том же виде – как приложение к основному корпусу «Грамматики». Обильное цитирование основных положений теории Дюкло содержится в «Опыте о происхождении языков» Ж.-Ж. Руссо. В современной научной литературе его комментариям посвящен ряд исследований [14, с.48-59; 15, с.198-206; 16, с. 204-210, 218-229, 304-320]. Таким образом, мы можем говорить о формировании некоторой традиции: «Грамматика» Пор-Рояля вскоре после опубликования была признана выдающимся сочинением в области теории языка, по основным научным вопросам и методам их решения, превосходящим любые современные аналоги. Этот статус провоцировал в течение длительного времени споры и разнообразные дополнения и интерпретации, основными из которых следует считать прежде всего комментарии Дюкло, критику Хомского и наименее известное сочинение-предисловие Петито, о котором идет речь в данной работе. Если сопоставить эти сопроводительные сочинения с точки зрения их формального строения и научной значимости, то комментарии Дюкло на первый взгляд выглядят как ясное и значимое отражение именно прогресса научных идей, номенклатура которых взята им непосредственно у Пор-Рояльцев.

Таким образом, если Дюкло ведет научный диалог с А. Арно и К. Лансло, а его комментарии выглядят как логическое продолжение общего корпуса их идей, то сочинение Петито на первый взгляд выглядит как диссонирующее с ними. Само его заглавие: «Опыт о происхождении и развитии французского языка» свидетельствует о задуманном автором сближении его работы с широко известным «Опытом о происхождении языков» Ж.-Ж. Руссо [12, с. 221-267], однако именно этот замысел выглядит странным, поскольку спор с Руссо не может выглядеть как продолжение, или развитие идей общей и рациональной грамматики XVII века.

Именно это естественное удивление, вызванное видимым несоответствием, заставляет прочесть сочинение Петито со всей внимательностью, поскольку следующим соображением в пользу актуальности его изучения является дата его издания. Начало XIX века – это не просто формирование определенных начальных принципов нового метода трактовки вопросов языка, но и зарождение нового языка и стиля рассуждений, определение обновленного научного репертуара.

Авторы работ о языке отвергают умозрительные и недоказуемые суждения, интуитивные реконструкции образа жизни и способа мышления первых людей, создавших для себя первый язык. Теперь этот период развития человечества может быть реконструирован только с использованием памятников и артефактов, извлеченных и исследованных с помощью археологических методов, соответственно, принципы, разработанные учеными предшествующей эпохи, больше не могут рассматриваться как основополагающие.

В этом отношении знаменитая «Грамматика» Пор-Рояля выглядит идеальным материалом для исследователя начала XIX века. Как известно, элементы и функции языка объясняются ее авторами исключительно с позиций разума с привлечением метода сопоставления данных разных языков (близкородственных и неродственных). Петито признает ее высокий научный статус и скорее всего поэтому использует ее переиздание как удачную основу для демонстрации критического обзора и пересмотра некоторых данных предшествующей науки о языке.

О Петито написано крайне мало во французской и европейской исследовательской традиции, современники упоминали о нем в театральные критических материалах и статьях, поскольку в молодости он написал несколько пьес. Цитируемое в данной работе сочинение не рассматривается в работах по истории французской лингвистики. Этот статус выглядит существенным упущением для составления полной картины развития французской лингвистики, так как, на наш взгляд, в некоторых его рассуждениях содержится

четкий образ состояния французской мысли о языке начала XIX века, то есть того периода, когда лингвистическая наука отделялась от философии, ложного историзма, умозрительных рассуждений и принципиальной дескриптивности.

Важным обстоятельством, определившим категоричность критических высказываний Петито, следует считать его профессиональный статус: он был не только драматургом и переводчиком, но филологом, критиком, директором департамента общественного образования, но и генеральным инспектором Императорского университета. Это свидетельствует не столько в пользу его исследовательских достоинств, но прежде всего о его профессиональном интересе к оценке и переоценке научного и дидактического наследия XVII и XVIII веков, причем как в области теоретических вопросов языка, так и в области определения основных характеристик современного ему французского языка и стиля ведущих авторов. Таким образом, внимательное прочтение всего текста Петито может обнаружить и следование научным воззрениям Ж. Дю Белле и К.-Ф. де Вожла, которые оценивали и выделяли образцы художественного стиля современных им французских авторов, которые должны быть включены в узус говорящей нации, то есть Петито видит реальные признаки эволюции французского языка на примерах текстов лучших писателей.

Однако нас интересует именно та часть работы Петито, которая содержит критику научных идей Ж.-Ж. Руссо и близких ему ученых, в том числе, Кондорсе и Кондильяка, касающихся теоретических вопросов языка: его происхождения, стадийности развития и участия человека в эволюционных процессах. Именно этот раздел выглядит как сформулированный итог существенных научных рассуждений о языке XVIII столетия, поскольку, как уже было отмечено выше, само время написания и издания его труда совпадает с началом нового века. Помимо очевидной значимости перехода в новый век, важным фактором переосмысления стала общая трансформация системы мысли и знания о языке и языках [6, с. 167-170; 9, с. 43-46; 10, с. 60-63].

Уже в самом начале сочинения Петито говорится о некоем соответствии между состоянием языка и «вкусах» общества, на этом языке говорящего, «Развитие и упадок языка неотделимы от развития и упадка вкусов» [1, с. 1]. Определенные речевые предпочтения социума сформированы разнообразными коллективными конвенциями, которые в разные годы становятся более выраженными, чем в предшествующие периоды. Это, с точки зрения Петито, существенно воздействует на узус, отчетливо видимый и определяемый при анализе устной и письменной речи нации. В этом утверждении можно увидеть явные предвестники идеи о коллективной стилистике, впоследствии четко выраженной учеными Женевской лингвистической школы, в частности, [2, с. 38-40].

Дальнейший важный тезис Петито, интересный в особенности тем, что он полностью противоречил основным учениям Руссо, Кондильяка, Ламетри, Кондорсе и других теоретиков языка предшествующих периодов, звучит так: «Человек рождается наделенным даром речи. Человек говорил всегда» [1, с. 18]. Тем самым он отрицает все попытки ранних теоретиков выстроить системное объяснение стадий развития языка, соответствующих стадиям развития общества. При этом он признает реконструкцию устройства первого общества и языка, созданную Руссо, идеальной структурно изложенной концепцией [1, с. 3]. Оставляя без критики его логический метод в объяснении генезиса и динамики начальных элементов первого языка, он отвергает релевантность самих основополагающих психологических категорий, реконструированных Руссо, а именно, страсти и потребности, желание поделиться чувством или эмоцией, или необходимость в помощи, которая подлежит спонтанной вербализации. Петито довольно радикально отрицает правдоподобие таких идей Руссо.

О рассуждении Руссо о том, что речь обязана своим существованием только лишь развитым эмоциям, или страстям, а базовые сообщения могут передаваться и невербальным языком, подобно тому, как общаются глухонемые, Петито пишет: «Для того, чтобы доказать, что люди могут жестами передать все, что они чувствуют, держаться вместе и действовать сообща, Руссо приводит пример с глухонемыми, обучавшимися в Париже. Но как же он не замечает, что эти глухонемые обязаны этими способностями своим учителям, которые строят свой метод на существующем сформированном языке?» [1, с. 5]. Концепция Руссо признается им несостоятельной, поскольку она не может быть доказана ни одним научным методом и, кроме того, противоречит естественным эмоциональным статусам человека, которые Петито считает неизменными для любого исторического периода [1, с. 18]. Для него в этих рассуждениях основополагающим доказательным материалом является определенный набор стереотипических состояний, которые порождают речевой процесс, а он, как мы помним, не должен ни создаваться, ни постепенно осваиваться первыми людьми, поскольку они изначально наделены речевыми способностями. Иными словами, человек испытывает потребность в коммуникации, находясь в разнообразных, но уже стандартизованных социально-психологических ситуациях, набор которых ограничен и понятен.

Таким образом, Петито отрицает «предъязыковой» период, который, как весьма обобщенно писали теоретики языка XVIII века «тянулся довольно долго», или был «весьма продолжительным» [7, с. 46; 1, с. 16-17]. Этот умозрительно реконструированный период представлял для них существенный научный интерес, поскольку сосредоточенность на нем могла привести к обнаружению новых ответов на вопросы, связанные с языком, такие как типологические различия, морфологические характеристики [1, с. 18], элементы звукового строя языка, формирование грамматических законов, развитие и фиксация словарного запаса первых зарождающихся языков. Для Кондильяка и Руссо, как и для некоторых исследователей современности прогресс первого языка человечества выглядел как совершенно четкая система, элементы которой эволюционируют по мере развития раннего социума и его потребностей [7, с. 43-46; 10, с. 60-63; 11, с. 220-227; 12, с. 220-229]. Петито же настаивает на том, что рассуждать о любом языке возможно только в случае его фиксирования в виде уже развитой и формально закрепленной системы [1, с. 7-8].

Собственно рассуждения о теории языка составляют малую часть сочинении Петито, однако, и в них содержится сумма идей, которые могли ускользнуть от внимания исследователей и теоретиков языка. Идеи эти выглядят заслоненными его пространными рассуждениями об эволюции французского языка. Однако, на наш взгляд, именно анти-руссоистские рассуждения должны выйти на передний план всего корпуса исследованных и переосмысленных им предметов и тем.

Однако, в трактовке материала «Опыта...» Руссо Петито приводит лишь первую часть его рассуждений о том, что артикулированный язык появился исключительно из эмоций, или страстей: «Потребности скорее разъединяют, нежели сближают людей, но страсти объединяют их» [1, с. 11], далее он приводит известное высказывание Руссо о том, что было бы абсурдно полагать, что ненависть, ярость и зависть могут привести человека к желанию сближения с другим и соответственно выразить это вербально. Именно это рассуждение Петито и называет недопустимым [1, там же]. Тем не менее, в разделе, посвященном языкам Севера, Руссо говорит именно о потребностях, поскольку основным инстинктом для северян был инстинкт выживания, поэтому их язык должен был первоначально состоять из элементов, называющих базовые потребности выживающего в суровых условиях человека. Из этого противопоставления выведена не менее знаменитая формула Руссо: *полюби меня / помоги мне* [12, с. 249].

Выводы

В абсолютной убежденности Петито, заявляющего, что человек говорил всегда, помимо очевидного мировоззренческого неприятия метафизических концепций Руссо (и это касается не только его «Опыта...»), видится еще одна существенная составляющая, требующая внимательного прочтения: Петито не принимает никаких предположений о предъязыковом состоянии раннего общества и об обстоятельствах, которые «спровоцировали» рождение языка. Это выдает определенное сходство его идеи с концепцией авторов Пор-Рояля, также воспринимавших язык как готовую систему, исторически видоизменяемую, но первоначально датируемую тем же периодом, что и существование разумного человека. Тем самым, вопрос о происхождении языка и его многочисленные трактовки в категорически воспринимаются как корпус антинаучных умозрительных рассуждений.

Кроме того, по убеждению Петито, за языком следует наблюдать, он должен исследоваться как система, а вся система рассуждений о языке должна быть освобождена от недоказуемых положений и гипотез. Учитывая время написания работы Петито, и то обстоятельство, что она в качестве предварения к знаменитой «Грамматике...» Арно и Лансло переиздавалась и скорее всего была прочитана лингвистами, следует отметить ее значимость для формирования французской лингвистической мысли.

Список источников

1. Grammaire générale et raisonnée de Port-Royal par Arnauld et Lancelot, précédée d'un Essai sur l'origine et progrès de la langue française, par M. Petitot et suivie du commentaire de M. Duclos. Paris, Bossange et Masson, 1810. 481 с.
2. Балли Ш. Язык и жизнь. М., URSS, 2018. 230 с.
3. Бойко Н.Д. «Об общественном договоре Жан-Жака Руссо: краткий анализ» // Право и государство: теория и практика. 2023. № 1 (217). С. 9 – 11.
4. Бутылов Н.В., Пилюева К.М. Сравнительно-исторический метод в лингвистике// Сб. Актуальные проблемы общей теории языка, перевода, межкультурной коммуникации и методики преподавания. 2023. № 6. С. 120 – 126.

5. Волошина Т.Г., Вафа С.Н., Бочарова Э.А. Сравнительно-сопоставительный анализ морфологических систем неблизкородственных языков // Вопросы журналистики, педагогики, языкознания. 2024. Т. 43. № 2. С. 206 – 213.
6. Горюнова Т.Н. Глоттогонический процесс как научная проблема // Наука. Искусство. Культура. 2023. № 2 (38). С. 166 – 174.
7. Кондильяк Э.Б. О языке и методе. М., URSS, 2006. 184 с.
8. Корниенко М.А. О вызове к ведущей лингвофилософской теории. XX века: горизонт критического дискурса // Вестник Бурятского университета. Философия. 2022. № 4. С. 74 – 83.
9. Крысова Е.В. Природа научной дискуссии и полемики в свете философии науки // Общество: философия, история, культура. 2022. № 1. С. 43 – 46.
10. Перцева Н.К. Принцип историзма в языке и культуре // Вестник государственного гуманитарно-технического университета. 2022. № 2. С. 58 – 63.
11. Розов Н.С. Обновление социальных порядков в антропогенезе – ключ к происхождению языка // Журнал социологии и социальной антропологии. 2025. № 4 (28). С. 216 – 235.
12. Руссо Ж.-Ж. Опыт о происхождении языков // Руссо. Сочинения: в 3-х т. Т. II. М., ГИХЛ, 1961. С. 221 – 267.
13. Хомский Н. Картезианская лингвистика. М.: URSS, 2005. 228 с.
14. Chevalier J.-C. Les débuts de la grammaire générale // Histoire de la grammaire française. Paris, PUF, 2009. P. 48 – 61.
15. Donzé R. la grammaire générale et raisonnée de Port-Royal: contribution à l'histoire des idées grammaticales en France. Berne: Francke, 1967. 266 p.
16. Pariente J.-C. L'analyse du langage à Port-Royal. Paris, Editions de Minuit, 1985. 388 p.

References

1. General and raisonnée d'Port-Royal by Arnauld et Lancelot, prepared essay on the origin and progress of the French language by M. Petitot and commentary by M. Duclos. Paris, Bossange et Masson, 1810. 481 p.
2. Bally Sh. Language and Life. Moscow, URSS, 2018. 230 p.
3. Boyko N.D. "On the Social Contract of Jean-Jacques Rousseau: A Brief Analysis". Law and State: Theory and Practice. 2023. No. 1 (217). P. 9 – 11.
4. Butylov N.V., Pilieva K.M. Comparative-historical method in linguistics. Collection of Current issues of general theory of language, translation, intercultural communication and teaching methods. 2023. No. 6. P. 120 – 126.
5. Voloshina T.G., Vafa S.N., Bocharova E.A. Comparative-contrastive analysis of morphological systems of non-closely related languages. Issues of journalism, pedagogy, linguistics. 2024. Vol. 43. No. 2. P. 206 – 213.
6. Goryunova T.N. Glottogonic process as a scientific problem. Science. Art. Culture. 2023. No. 2 (38). P. 166 – 174.
7. Condillac E.B. On language and method. M., URSS, 2006. 184 p.
8. Kornienko M.A. On the Challenge to a Leading Linguistic-Philosophical Theory. 20th Century: The Horizon of Critical Discourse. Bulletin of the Buryat University. Philosophy. 2022. No. 4. P. 74 – 83.
9. Krysova E.V. The Nature of Scientific Discussion and Polemics in Light of the Philosophy of Science. Society: Philosophy, History, Culture. 2022. No. 1. P. 43 – 46.
10. Pertseva N.K. The Principle of Historicism in Language and Culture. Bulletin of the State Humanitarian and Technical University. 2022. No. 2. P. 58 – 63.
11. Rozov N.S. Renewal of Social Orders in Anthropogenesis – the Key to the Origin of Language. Journal of Sociology and Social Anthropology. 2025. No. 4 (28). P. 216 – 235.
12. Rousseau J.-J. An Essay on the Origin of Languages. Rousseau. Works: in 3 volumes. Vol. II. Moscow, GIHL, 1961. P. 221 – 267.
13. Chomsky N. Cartesian Linguistics. Moscow: URSS, 2005. 228 p.
14. Chevalier J.-C. Les debuts of the grammaire general. Histoire de la grammaire française. Paris, PUF, 2009. P. 48 – 61.
15. Donzé R. la grammaire générale et raisonnée de Port-Royal: contribution à l'histoire des idees grammaticales en France. Berne: Francke, 1967. 266 p.
16. Pariente J.-C. L'analyse du langage à Port-Royal. Paris, Editions de Minuit, 1985. 388 p.

Информация об авторе

Пастернак Е.Л., доктор филологических наук, профессор, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, г. Москва, 119991, Ленинские горы, д. 1, rights.pasternak@gmail.com

© Пастернак Е.Л., 2026

Научно-исследовательский журнал «Филологический вестник / Philological Bulletin»

<https://fv-journal.ru>

2026, Том 5, № 4 / 2026, Vol. 5, Iss. 4 <https://fv-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.2. Литературы народов мира (филологические науки)

УДК 821.112.2

DOI: 10.66621/2949-4656-2026-5-4-226-232

Своеобразие китайского травелога Рихарда Вильгельма

¹ Шастина Е.М., ¹ Казакова Ю.К.,

¹ Казанский (Приволжский) федеральный университет

Аннотация: материалом статьи является книга немецкого автора Рихарда Вильгельма «Душа Китая» (1925). Произведение, написанное в жанре травелога, позволяет выделить своеобразие организации текстового пространства на нескольких уровнях: как отражение дихотомии «старое» и «новое» на фоне значимых исторических событий, происходящих в Китае; как путешествие в пространстве и времени; как акт погружения в инокультурный контекст. Цель исследования – выявить жанровое своеобразие анализируемого произведения, сочетающего в себе элементы автобиографического и документального. К исследованию привлекается понятие нарративной стратегии, позволяющей сделать акцент на образе рассказчика, выступающего, с одной стороны, в роли хрониста, документирующего события, и, с другой стороны, писателя-художника, создающего неповторимый образ Китая. Научная новизна заключена в том, что до сих пор творчество Р. Вильгельма не являлась объектом изучения в отечественном литературоведении. В результате исследования установлено своеобразие нарративной природы китайского травелога Вильгельма.

Ключевые слова: травелог, Рихард Вильгельм, «Душа Китая», нарративные стратегии

Для цитирования: Шастина Е.М., Казакова Ю.К. Своеобразие китайского травелога Рихарда Вильгельма // Филологический вестник. 2026. Том 5. № 4. С. 226 – 232. DOI: 10.66621/2949-4656-2026-5-4-226-232

Поступила в редакцию: 13 июня 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 11 июля 2026 г.; Принята к публикации: 17 августа 2026 г.

The originality of Richard Wilhelm's Chinese travelogue

¹ Shastina E.M., ¹ Kazakova Yu.K.,

¹ Kazan (Volga Region) Federal University

Abstract: the material of the article is a book by the German author Richard Wilhelm “The Soul of China” (1925). The work, written in the travelogue genre, allows us to highlight the uniqueness of the organization of the text space on several levels: as a reflection of the dichotomy of “old” and “new” against the background of significant historical events taking place in China; as a journey through space and time; as an act of immersion in a foreign cultural context. The purpose of the study is to identify the genre originality of the analyzed work, combining elements of autobiographical and documentary. The concept of narrative strategy is used in the study, which makes it possible to focus on the image of the narrator, who acts, on the one hand, as a chronicler documenting events, and, on the other hand, as a writer-artist creating a unique image of China. The scientific novelty lies in the fact that until now the work of R. Wilhelm has not been the object of study in Russian literary criticism. As a result of the research, the peculiarity of the narrative nature of William’s Chinese travelogue has been established.

Keywords: travelogue, Richard Wilhelm, “The Soul of China”, narrative strategies

For citation: Shastina E.M., Kazakova Yu.K. The originality of Richard Wilhelm's Chinese travelogue. Philological Bulletin. 2026. 5 (4). P. 226 – 232. DOI: 10.66621/2949-4656-2026-5-4-226-232

The article was submitted: June 13, 2026; Approved after reviewing: July 11, 2026; Accepted for publication: August 17, 2026.

Введение

Априори, что термин «травелог», который в настоящее время достаточно активно употребляется для обозначения различных литературных текстов, связанных с путешествием, нуждается в уточнении, поскольку объединяет самые разные виды повествования – от традиционных путевых заметок и дневников до контента блогеров. Этим обусловлена «размытость» границ травелога как жанровой разновидности «литературы путешествий». Не случайно, что в исследованиях травелога, как правило, присутствует такие характеристики, как «современный литературный жанр», «сложный жанр, которому пока трудно дать какое-то конкретное определение» (А.А. Майга) [3], «гибридное/сложное коммуникативное образование» (А.А. Плавина) [4], «специфический литературный жанр» (В.А. Шачкова) [8] и другие дефиниции, которые подчеркивают проблемный характер вопроса, указывающего на специфику жанровой принадлежности текстов, где «путешествие» выступает основой сюжетно-фабульной организации травелога.

В нашем понимании, травелог – это литературный жанр, включающий разные виды повествования (в зависимости от цели автора акцент может быть сделан на исторический и/или политический контекст, этнографический и/или географический материал и т.д.). В любом случае, травелог представляет собой литературный текст, который отражает образ повествователя, для которого путешествие выступает «событием рассказа», а выбранная стратегия повествования – «событие рассказывания» (М.М. Бахтин) [1, с. 403-404] – допускает определенную «жанровую свободу» – от автобиографических моментов, документальных заметок и очерков до романа-путешествия, сохраняя при этом главную жанрообразующую характеристику – «стремление к достоверному изображению «чужого» мира, пропущенного через восприятие путешественника» [3, с. 258].

В настоящей статье речь идет о «немецком китайце» [9, р. 137], Рихарде Вильгельме (Richard Wilhelm, 1873-1930), который, будучи миссионером и педагогом, приобрел известность у себя на родине не только как переводчик, познакомивший европейцев с трудами китайских философов, но и как крупный ученый-синолог, чья деятельность была высоко оценена современниками, например, Г. Гессе, который благодаря переводам Вильгельма воспринимал Китай как «страну мудрости и гармонии» (Land der Weisheit und der Lebensharmonie) [9, р. 145].

«Антиориенталистская» позиция Вильгельма сложилась за долгие годы жизни в Китае, он относился с пиететом к культуре страны и ее народу, не признавал «отсталость Востока», и, следовательно, не разделял постколониальную концепцию, о которой говорится в исследовании Э.В. Саида «Ориентализм» [6]. Вернувшись после двадцатипятилетнего пребывания в Китае на родину, Вильгельм продолжил свою деятельность в университете Франкфурта-на-Майне. При его непосредственном участии в течение ряда лет выходил «Китайско-немецкий альманах» („Chinesisch-deutscher Almanach“, 1927-1935), на страницах которого создавался непредвзятый образ Китая [10, р. 7]. При жизни ученого увидел свет его главный труд в восьми томах «Религия и философия Китая» („Religion und Philosophie Chinas“, 1927).

Актуальность данной работы продиктована, с одной стороны, необходимостью осмысления истоков культурного трансфера между Европой и Китаем в начале XX века, с другой стороны, необходимостью обращения к наследию выдающегося сиолога, внесшего неоценимый вклад в развитие диалога между Востоком и Западом. Китай в восприятии европейцев воспринимался в большей степени как метафора (China als Metapher) [14], а не как конкретный топоним на карте мира.

Цель настоящей статьи – выявить своеобразие нарратива китайского травелога Рихарда Вильгельма.

Для достижения поставленной цели авторы статьи руководствовались следующими задачами:

- 1) выявить композиционное своеобразие травелога, включающего в себя элементы других жанров;
- 2) обозначить роль автора-нарратора, исходя из его мировоззренческих установок и индивидуального стиля повествования;
- 3) определить основные нарративные стратегии, допускающие синтез документального и вымышленного, объективного материала и субъективной авторской интерпретации в восприятии «своего» и «чужого».

Материалы и методы исследований

Материалом для исследования послужила книга Рихарда Вильгельма (Richard Wilhelm, 1873-1930) «Душа Китая» („Die Seele Chinas“, 1925), читатель вслед за автором отправляется в длительное «путешествие» по Китаю, «переживает» вместе с автором важнейшие исторические события, в корне изменившие жизнь в

Поднебесной. Книга Вильгельма предлагает погружение в духовные основы Китая – глубины философской мысли, приглашает к осмыслению переломных моментов в судьбе страны. Стиль повествования сближает это произведение с травелогом, в котором присутствуют различные виды дискурсов (исторический, этнографический, политический, лингвистический), в то же время, это художественное произведение, в структуре которого реализуются определенные нарративные стратегии. При анализе китайского травелога Вильгельма учитывается ряд «нарративных параметров», которые объединяют «события рассказа» и «события рассказывания» в единое высказывание [2, с. 16].

Методологической основой являются труды отечественных и зарубежных ученых, касающихся жанровых особенностей травелога [2; 4; 8] и природы нарративной стратегии [2], а также научные труды, посвященные немецкому синологу Рихарду Вильгельму [10; 11; 13; 15; 16; 18].

В настоящем исследовании используются биографический и культурно-исторический методы, сочетающиеся с нарративным анализом текста.

Результаты и обсуждения

Рихард Вильгельм родился в 10 мая 1873 года в г. Штутгарт (Германия). После окончания в 1895 году богословского университета в Тюбингене, поступил в духовную семинарию, спустя пять лет в составе миссии отправился в Китай, где успешно сочетал миссионерскую деятельность с педагогической. Овладев китайским языком, Вильгельм стал переводить классическую и философскую литературу с китайского языка на немецкий. Переводческая деятельность Вильгельма выходит за рамки данного исследования, поскольку заслуживает отдельного разговора [7].

Помимо этого, он занимался дипломатической работой, после возвращения в Германию продолжил укрепление китайско-немецких отношений, заслужив титул «посла двух миров» (Botschafter zweier Welten), став «одним из важнейших посредников между Востоком и Западом» (als einer der wichtigsten Kulturvermittler zwischen Ost und West) [9, p. 136].

Рихард Вильгельм умер 2 марта 1930 года. Всей своей жизнью Рихард Вильгельм стремился разрушить бытующие в Европе XIX века представления о Китае как об отсталой стране, неспособной на какой-либо прогресс, пытался повлиять на распространенные среди европейцев клише и стереотипы.

В настоящее время наследие Вильгельма – синолога и переводчика – становится объектом изучения, подтверждением является, например, монографическое исследование под редакцией Х. Вальравенса (2008), в котором речь идет о вкладе Вильгельма в формирование образа Китая у европейцев, в становление западноевропейского китаеведения [16]. Д. Випперман, автор опубликованной в 2020 году биографии Вильгельма [18], выделяет важнейшие этапы жизни и деятельности Вильгельма, приводит также критические мнения отдельных ученых относительно переводов Вильгельма, которые нуждаются в анализе не только на лингвистическом уровне, но и требуют уточнения, исходя из геополитической ситуации времени их создания и с учетом мировоззренческих установок автора. Д. Випперман «демифологизирует» великого синолога, обращая внимание на ряд противоречивых моментов в его наследии (Ambivalenzen, Widersprüche und Probleme), которые, однако, ни в коей мере не могут перевесить значимость личности Вильгельма и его достижений [18, p. 19]. Еще в годы Веймарской республики деятельность Вильгельма подвергалась критике за ее «ненаучность», ему ставилось в вину не критическое отношение к Китаю, субъективизм в оценке китайской культуры [15], не случайно Вильгельм был назван «немецким либеральным империалистом и другом Китая» (deutscher liberaler Imperialist und Freund Chinas) [11].

Композиционные особенности книги «Душа Китая»

Название книги «Душа Китая» задает характер рецепции этого произведения которую Вильгельм сформулировал следующим образом: «И в старом, и в новом есть нечто родственное, что их объединяет и, надеюсь, не будет утрачено – это душа Китая, которая развивается, но не теряет присущего ей величия и спокойствия. Если какая-то часть этой души откроется читателю, то это означает, что книга достигла своей цели» [17, p. 7]. Вильгельм мифологизирует Китай, наделяет его «душой», и вместе с тем говорит о собственной миссии, которая состоит в том, чтобы помочь читателю открыть для себя духовный мир страны и ее народа.

В предисловии автор обращается к потенциальному читателю, опровергая точку зрения, что Китай находится в спячке, что «счет идет на века», напротив, «жизнь в Китае лихорадочно спешит», каждый день приносит новые события, которые несут «зарождение нового мира», это «колесо возрождения уносит старое, отжившее в преисподнюю забвения и возносит из небытия новое, невиданное ранее», которое не возникает внезапно, на пустом месте, напротив, его истоки лежат в прошлом, а прошлое, в свою очередь,

может быть использовано для построения нового мира» [17] (перевод здесь и далее выполнен Е.М. Шастиной).

Ретроспективный взгляд на жизнь в Китае представлен в двадцати главах книги [17]: главы 1-8 – «Душа Китая»: «Мое прибытие на Восток», «Родовые муки нового времени», «Китайские реформы», «Революция», «Войны диадохов», «Новый Китай», «Путешествие к могиле Конфуция и свадьба его внука», «Со святой горы» сочетают в себе элементы автобиографии, когда автор отдается воспоминаниям о личных переживаниях и впечатлениях от увиденного и услышанного, от первого контакта с Другим: «Шум Шанхая был первым впечатлением от Китая» [17], однако, в большей степени, эти главы посвящены историческим событиям, имевшим место в это переломное время, которые привели к «рожденному в муках Новому Китаю», о чем «просвещенные» европейцы мало, что знают, лишь то, что Китай, на протяжении тысячелетий был отделен от всего мирового прогресса Китайской стеной. Вильгельм уверен, что «это недалековидное суждение происходит от незнания условий внутри Китая и от поверхностности наблюдения» [17].

Глава, в которой описана поездка к могиле Конфуция, начинается словами: «С несколькими китайскими школьниками я отправился в путь, чтобы познакомиться с прошлым Китая» [17], Вильгельм подробно описывает, на чем и как они добирались, какую визитную карточку он подготовил для этого случая, чтобы избежать недоразумений при выборе китайского имени, тем самым автор приближает текст к классическим путевым заметкам, в которых документируются и комментируются происходящие события. Тонкий юмор и самоирония – отличительная черта тех глав, в которых повествование ведется от первого лица, не менее интересны рассуждения «о временах и нравах»: «Есть что-то ужасное в нашем времени. Все почтенное и прочно устоявшееся, выдержавшее тысячелетия, начинает поддаваться и разрушаться. Возникают новые вопросы и проблемы, для решения которых средства прошлого недостаточны» [17].

Глава 9 «Пещерный храм в Юньгане» включает в себя дневниковые записи, в которых по дням (с 2 по 7 сентября) описано путешествие от Юньганя до Пекина. Глава 10 «В сельской местности» заканчивается словами: «Эту старую патриархальную семейную форму, в которой благочестиво почитаемые предки образовывали большую общину с ныне живущими потомками, все еще можно встретить в сельской местности Китая, и она будет встречаться еще долгое время, потому что Китай – это в основном земледельческий народ, для которого важны устоявшиеся обычаи» [17]. Вильгельм верит в то, что патриархальные основы китайского общества являются залогом его процветания.

Главы 11-14 под названием «Старцы в Циндао», «О нищих, ворах и разбойниках», «Миссионеры в Китае» отражают детали жизни разных слоев общества – от почитаемых старцев до миссионеров и маргиналов. «Я не часто сталкивался с нищими, ворами и грабителями, все мои впечатления были относительно приятными. В Китае очень высоко ценится вежливость по отношению к гостям и незнакомцам» [17]. Глава 15 «В волшебных садах Китая» включает в себя путевые заметки-зарисовки, в которых запечатлены мгновения – «Весна на Западном озере», «На Западном озере вблизи Ханчжоу» (в июле), «Сучжоу» (май). Глава 16 «Пекин» представляет столицу – город, который объединяет различные эпохи (Peking ist eine Stadt von mehreren Zeiten) [17].

Главы 17-20 – «Оккультизм и религиозные течения», «Полотно жизни», «Общественная суета», «Восток и Запад» посвящены рассуждениям о религии и государстве, общественной жизни – динамичной и одновременно архаичной. Последняя глава начинается с риторических вопросов, обращенных к читателю: «Прогулка по Китаю позади нас. Мы заглянули в старые времена, выяснив, в какой мере они повлияли на наш век, мы наблюдали за процессом превращения и получили представление о силах, которые задействованы для его осуществления. Теперь мы спрашиваем себя, каковы самые глубокие, высшие силы, на которых основаны Китай и Восток? Какие важные идеи может нам дать Восток? Какой свет это проливает на Запад и его развитие? Далее мы спрашиваем, какие изменения происходят в древней культуре Китая и какие последствия можно ожидать, исходя из нынешнего состояния? Может ли Запад помочь в этом?» [17].

Характер наррации в травелоге Вильгельма

Наррация Вильгельма характеризуется не только традиционным ретроспективным изложением событий, которые сложились в Китае в конце XIX – начале XX века, что позволяет читателю погрузиться в исторический контекст, но и «включением» в текст не только автобиографических элементов, но также мемуарного нарратива, тяготеющего к документальному отображению событий, свидетелем и участником которых он оказался волею судеб. Описывая причины зарождения народного недовольства по отношению к нахлынувшим в Китай европейцам, вылившееся в последствие в Ихэтуаньское (Боксерское) восстание, Вильгельм с пониманием относится к восставшим, он также против иностранной интервенции, однако, «свои» интересы им также учтены: Вильгельм подчеркивает, что немцы, наряду с представителями других наций, вели себя храбро, но именно немцам приписывалось стремление к гегемонии, с чем Вильгельм категориче-

ски не согласен: «Такая бестактность нанесла Германии огромный ущерб и в значительной степени способствовала всеобщей ненависти, которая, к нашему удивлению, была направлена против нас со всех сторон во время мировой войны» [17].

Излюбленным авторским приемом являются риторические вопросы, рассказчик задает их себе и читателю: «Разве залив Киаучоу не был отнят совсем недавно, якобы из-за того, что несколько миссионеров были убиты грабителями? И разве другие европейские державы, вместо того чтобы предотвратить грабеж, не последовали этому примеру? Разве не было постоянных разговоров о желании разделить Китай, как дыню?» [17]. Автор сокращает дистанцию с потенциальным читателем, в вопросах заключена его личная позиция к происходящим событиям.

Несмотря на то, что отношение Вильгельма к Китаю отличало его от многих западных интеллектуалов, видевших в китайцах «желтую опасность», он, тем не менее, являлся представителем западной цивилизации, эту мысль подтверждает его трактовка происходившего в Китае в начале XX века. В задачи миссионера входило просвещение китайцев и обращение их в свою веру. Однако, непосредственное участие в событиях, знание не понаслышке сопутствующих протестным движениям проблем простых китайцев и нестабильность политической власти в стране, разногласия в оккупационных войсках и т.д., заставили Вильгельма «отдать предпочтение совершенно новому миссионерскому подходу к Китаю», потому что в такой стране, как Китай, «европеец вряд ли сможет в полной мере понять моральные принципы христианина» [17]. Вильгельм убежден, что религия в цивилизованной стране, а именно такой страной был для него Китай, не может находиться под руководством иностранцев, зачастую недостаточно образованных и, как следствие, бестактных, он считал «более правильным ограничить себя простой жизнью по христианским принципам», работать в школах и больницах, жить вместе с людьми и сближаться с ними внутренне, «поэтому я никого не крестил в Китае и, возможно, именно так я стал еще ближе к сути китайского народа» [17].

«Западный» взгляд на Китай находит отражение в тексте Вильгельма, так масштабы природной катастрофы он сравнивает с топонимами его родной страны: «Это революция, как если бы Эльба затопила всю северогерманскую низменность от точки, где она входит в Германию из Богемии, а затем влилась бы в Куршский залив через русло Мемеля. Казалось, правящий дом подошел к концу [17]. Следует отметить, что Вильгельм прибегает к подобным аналогиям довольно часто: тайпинские повстанцы, запертые в Нанкине, сравниваются с судьбой анабаптистов в Мюнстере.

Вильгельм отходит от четкой хронологической последовательности при описании событий, его комментарии порой «забегают вперед», рассказчик допускает временные отклонения, которые дополняют его рассуждения, поскольку борьба «нового» со «старым» протекала в Китае неравномерно в силу объективных причин – географических и политических – отдельные провинции Китая «замирали в развитии», другие, напротив, развивались стремительно.

Книга «Душа Китая» была написана в 1925 году, «контуры Нового Китая» начали отчетливо вырисовываться конце XIX – начале XX века, когда история милитаризма, импортированного из Европы, и история китайской культуры, находящейся в постоянном развитии, становятся основой «двойной истории» [17].

Можно сделать вывод, что автор-нарратор использует в повествовании такие нарративные стратегии, которые присущи травелогу в «классическом» понимании этого литературного жанра: ретроспективный анализ событий, представленный в художественно-беллетризованной форме, объясняющий отступления от хронологической последовательности, когда на первый план выступает рефлексия автора, окрашенная поведенческими тонами.

Выводы

Проведенное исследование позволяет заключить, что наррация Рихарда Вильгельма характеризуется не только традиционным ретроспективным изложением событий, которые сложились в Китае в конце XIX – начале XX века, что позволяет читателю погрузиться в исторический контекст, но и «включением» в текст автобиографических элементов и мемуарного нарратива, тяготеющего к документальному отображению событий, свидетелем и участником которых он оказался волею судеб. Вильгельм старается оставаться объективным в главном. Следуя ходу истории, он декларирует свою точку зрения, что без взгляда назад нет пути вперед. Исторический контекст в книге «Душа Китая» представлен в единстве времени и пространства, действующих персоналий и событий. Автобиографический фон, с одной стороны, усиливает достоверность фактов, с другой стороны, допускает, лирические отступления, аллюзии на события, разворачивающиеся в Европе, включает субъективную оценку событий, предлагая читателю, как бы, взгляд изнутри.

Список источников

1. Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. Москва: Художественная литература, 1975. 504 с.
2. Жиличева Г.А. Нарративные стратегии в жанровой структуре романа (на материале русской прозы 1920-1950 гг.: автореф. дис. ... докт. филолог. наук. РГГУ, Москва, 2015. 50 с.
3. Майга А.А. Литературный травелог: специфика жанра // Филология и культура. 2014. № 3. С. 254 – 259.
4. Плавина А.А. Жанровые характеристики травелога в англоязычном дискурсе: динамический аспект // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. Т. 12. Вып. 3. С. 72 – 78.
5. Русакова О.Ф., Русаков В.М. Травелог: теоретико-методологический анализ. Екатеринбург: Издательский Дом «Дискурс-Пи», 2021. 266 с.
6. Саид Э.В. Ориентализм. Западные концепции Востока: пер. с англ. А.В. Говорунова. Санкт-Петербург: Русский Мир, 2006. 639 с.
7. Шастина Е.М. Рихард Вильгельм – «посредник двух миров» // Переводческий дискурс: междисциплинарный подход: материалы IX международной конференции. Симферополь, 24-26 апреля 2025 года / гл. ред. М.В. Норец. Симферополь: ИТ "АРИАЛ", 2025. С. 262 – 267.
8. Шачкова В.А. «Путешествие» как жанр художественной литературы: вопросы теории // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2008. № 3. С. 277 – 281.
9. Chen Z. Richard Wilhelm als Kulturvermittler und sein Einfluss auf Hermann Hesse // Achim Aurnhammer (Hrsg.): Deutsch-chinesische Helden und Anti-Helden: Strategien der Heroisierung und Deheroisierung in interkultureller Perspektive. Baden-Baden: Ergon, 2020. P. 133 – 148.
10. Jung C.G. Nachruf für Richard Wilhelm // Chinesisch-deutscher Almanach. Frankfurt am Main, 1931. P. 7 – 14.
11. Gründer H. Richard Wilhelm – Deutscher liberaler Imperialist und Freund Chinas // Jahrbuch für europäische Überseegeschichte. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag. 2009. Heft 9. P. 183 – 198.
12. Hsia A. Chinabilder in der europäischen Literatur. Würzburg: Verlag Königshausen & Neumann, 2010. 180 S.
13. Klöter H. Zwischen China, Sinologie und deutschem Lesepublikum: Vergleichende Notizen zu Richard Wilhelm und Franz Kuhn. Andreas F. Kelletat and Aleksey Tashinskiy // Übersetzer als Entdecker: Ihr Leben und Werk als Gegenstand translationswissenschaftlicher und literaturgeschichtlicher Forschung. Berlin: Frank & Timme, 2014. P. 241 – 252.
14. Lange Th. China als Metapher. Versuch über das Chinabild des deutschen Romans im 20. Jahrhundert // Zeitschrift für Kulturaustausch. 1986. Heft 3. P. 341 – 349.
15. Mechthild L. Kontroversen in der Sinologie: Richard Wilhelms kulturalistische und wissenschaftliche Positionen in der Weimarer Republik // Klaus Hirsch (Hrsg.): Richard Wilhelm, Botschafter zweier Welten: Sinologe und Missionar zwischen China und Europa. Frankfurt am Main, 2003. P. 131 – 148.
16. Walravens H. (Hrsg.). Richard Wilhelm (1873-1930): Missionar in China und Vermittler chinesischen Geistesguts. Sankt Augustin: Institut Monumenta Serica, 2008. 237 p.
17. Wilhelm R. Die Seele Chinas. Verlag Projekt Gutenberg – DE (14 Jan. 2016). 310 S. URL: <https://www.projektgutenberg.org/wilhelm/seelchin/chap002.html> (дата обращения: 06.11.2025)
18. Wippermann D. Richard Wilhelm. Der Sinologe und seine Kulturmission in China und Frankfurt. Frankfurt am Main: Societäts-Verlag, 2020. 283 p.

References

1. Bakhtin M.M. (2008). Questions of Literature and Esthetics. Research from Different Years. Moscow: Khudozhestvennaya Literatura, 1975. 504 p.
2. Zhilicheva, G.A. Narrative Strategies in the Genre Structure of the Novel (Based on Russian Prose of the 1920s–1950s: Abstract of a Doctor of Philology (Philology) Dissertation. Russian State University for the Humanities, Moscow, 2015. 50 p.
3. Maiga A.A. Literary Travelogue: Genre Specifics. Philology and Culture. 2014. No. 3. P. 254 – 259.
4. Plavina A.A. Genre Characteristics of Travelogues in English-Language Discourse: A Dynamic Aspect. Philological Sciences. Theoretical and Practical Issues. 2019. Vol. 12. Issue 3. P. 72 – 78.
5. Rusakova O.F., Rusakov V.M. Travelogue: A Theoretical and Methodological Analysis. Yekaterinburg: Discourse-Pi Publishing House, 2021. 266 p.

6. Said E.V. Orientalism. Western Concepts of the East: trans. from English by A.V. Govorunov. St. Petersburg: Russkiy Mir, 2006. 639 p.
7. Shastina E.M. Richard Wilhelm – “Mediator of Two Worlds”. Translation Discourse: An Interdisciplinary Approach: Proceedings of the IX International Conference. Simferopol, April 24-26, 2025. Ed.-in-Chief M.V. No-rets. Simferopol: IT "ARIAL", 2025. P. 262 – 267.
8. Shachkova V.A. “Travel” as a Genre of Fiction: Theoretical Issues. Bulletin of the Lobachevsky University of Nizhny Novgorod. 2008. No. 3. P. 277 – 281.
9. Chen Z. Richard Wilhelm als Kulturvermittler und sein Einfluss auf Hermann Hesse. Achim Aurnhammer (Hrsg.): Deutsch-chinesische Helden und Anti-Helden: Strategien der Heroisierung und Deheroisierung in interkultureller Perspektive. Baden-Baden: Ergon, 2020. P. 133 – 148.
10. Jung C.G. Nachruf für Richard Wilhelm. Chinesisch-deutscher Almanach. Frankfurt am Main, 1931. P. 7 – 14.
11. Gründer H. Richard Wilhelm – Deutscher liberaler Imperialist und Freund Chinas. Jahrbuch für europäische Überseegeschichte. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag. 2009. Heft 9. P. 183 – 198.
12. Hsia A. Chinabilder in der europäischen Literatur. Würzburg: Verlag Königshausen & Neumann, 2010. 180 S.
13. Klöter H. Zwischen China, Sinologie und deutschem Lesepublikum: Vergleichende Notizen zu Richard Wilhelm und Franz Kuhn. Andreas F. Kelletat and Aleksey Tashinskiy. Übersetzer als Entdecker: Ihr Leben und Werk als Gegenstand translationswissenschaftlicher und literaturgeschichtlicher Forschung. Berlin: Frank & Timme, 2014. pp. 241 – 252.
14. Lange Th. China als Metapher. Versuch über das Chinabild des deutschen Romans im 20. Jahrhundert. Zeitschrift für Kulturaustausch. 1986. Heft 3. P. 341 – 349.
15. Mechthild L. Kontroversen in der Sinologie: Richard Wilhelms kulturalistische und wissenschaftliche Positionen in der Weimarer Republik. Klaus Hirsch (Hrsg.): Richard Wilhelm, Botschafter zweier Welten: Sinologe und Missionar zwischen China und Europa. Frankfurt am Main, 2003. P. 131 – 148.
16. Walravens H. (Hrsg.). Richard Wilhelm (1873-1930): Missionar in China und Vermittler chinesischen Geistesguts. Sankt Augustin: Institut Monumenta Serica, 2008. 237 p.
17. Wilhelm R. Die Seele Chinas. Verlag Projekt Gutenberg – DE (14 Jan. 2016). 310 S. URL: <https://www.projektgutenberg.org/wilhelm/seelchin/chap002.html> (date of access: 06.11.2025)
18. Wippermann D. Richard Wilhelm. Der Sinologe und seine Kulturmission in China und Frankfurt. Frankfurt am Main: Societäts-Verlag, 2020. 283 p.

Информация об авторах

Шастина Е.М., доктор филологических наук, профессор, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-9551-5469>, Елабужский институт, филиал Казанского (Приволжского) федерального университета, shastina@rambler.ru

Казакова Ю.К., кандидат филологических наук, доцент, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-1406-9899>, Елабужский институт, филиал Казанского (Приволжского) федерального университета, kazakova696@gmail.com

© Шастина Е.М., Казакова Ю.К., 2026

Научно-исследовательский журнал «Филологический вестник / Philological Bulletin»

<https://fv-journal.ru>

2026, Том 5, № 4 / 2026, Vol. 5, Iss. 4 <https://fv-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки)

УДК 811.411.21'373.4

DOI: 10.66621/2949-4656-2026-5-4-233-237

Способы перевода русских этнографических реалий на арабский язык на материале произведений Л.Н. Толстого

¹ Алиева С.А., ¹ Ибрагимова А.А.,
¹ Дагестанский государственный университет

Аннотация: статья посвящена исследованию способов передачи русских этнографических реалий на арабский язык на материале романов Л.Н. Толстого «Война и мир» и «Анна Каренина». Основное внимание уделяется номинациям одежды как одному из наиболее значимых компонентов материальной культуры России XIX века, отражающим особенности быта, социальной структуры, национальных традиций и культурно-исторической специфики эпохи. Актуальность исследования обусловлена возрастающим интересом к проблемам художественного перевода и межкультурной коммуникации, а также необходимостью сохранения национально-культурной информации при переводе произведений русской классической литературы на арабский язык. Цель исследования заключается в характеристике способов перевода номинаций одежды в романах Льва Николаевича Толстого «الحرب والسلام» и «أنا كارينينا». С помощью сравнительно-сопоставительного и контекстуального методов анализа было установлено, что выбор той или иной лексемы зависит от особенностей конкретной реалии.

Ключевые слова: художественный перевод, этнографические реалии, арабский язык, Л.Н. Толстой, номинации одежды, культурно маркированная лексика, переводческие трансформации

Для цитирования: Алиева С.А., Ибрагимова А.А. Способы перевода русских этнографических реалий на арабский язык на материале произведений Л.Н. Толстого // Филологический вестник. 2026. Том 5. № 4. С. 233 – 237. DOI: 10.66621/2949-4656-2026-5-4-233-237

Поступила в редакцию: 14 июня 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 12 июля 2026 г.; Принята к публикации: 17 августа 2026 г.

Methods of translating Russian ethnographic realities into Arabic based on the works of L.N. Tolstoy

¹ Alieva S.A., ¹ Ibragimova A.A.,
¹ Dagestan State University

Abstract: this article examines the methods used to render Russian ethnographic *realia* into Arabic, drawing on the novels «War and Peace» and «Anna Karenina» by Leo Tolstoy. Particular attention is paid to terms denoting clothing—a key component of 19th-century Russian material culture—which reflect the lifestyle, social structure, national traditions, and cultural-historical specifics of the era. The study is timely given the growing interest in literary translation and intercultural communication, as well as the need to preserve national-cultural information when translating Russian classics into Arabic. The research aims to identify the most effective methods for rendering ethnographic realia and to assess the extent to which their cultural-semantic content is preserved in the Arabic translations of «الحرب والسلام» and «أنا كارينينا». The study utilizes the original texts of Tolstoy's works alongside their Arabic translations, employing comparative, lexico-semantic, and contextual analysis methods. The findings reveal the most common translation techniques used for Russian ethnographic realia, including functional equivalents, generalization, concretization, descriptive translation, and transliteration. The study establishes that the choice of translation strategy is determined by both the nature of the specific realia.

Keywords: literary translation, ethnographic realia, Arabic language, L.N. Tolstoy, clothing terms, culturally marked vocabulary, translation transformations

For citation: Alieva S.A., Ibragimova A.A. Methods of translating Russian ethnographic realities into Arabic based on the works of L.N. Tolstoy. Philological Bulletin. 2026. 5 (4). P. 233 – 237. DOI: 10.66621/2949-4656-2026-5-4-233-237

The article was submitted: June 14, 2026; Approved after reviewing: July 12, 2026; Accepted for publication: August 17, 2026.

Введение

Перевод позволяет передать содержание оригинального текста на другой язык с сохранением полноты, точности и ясности. Перевести значит «выразить верно и полно средствами одного языка то, что уже выражено средствами другого языка» [9]. К числу этнографических реалий относятся номинации одежды, которые позволяют описать не только предметные значения, но и выявить культурные и исторические особенности данной эпохи. Поэтому номинации одежды выполняют функцию основного компонента, несущего важную лингвострановедческую информацию [6].

Среди произведений русской классической литературы особое место занимают романы Л.Н. Толстого «Война и мир» и «Анна Каренина», так как именно в них глубоко рассматривается материальный мир 19-го века. В настоящее время практически нет работ, в которых наименования одежды выступали бы самостоятельным объектом исследования в аспектах лингвокультурологии и лингвострановедения.

Цель исследования заключается в изучении особенностей перевода наименований одежды в произведениях Льва Николаевича Толстого и их дальнейшее использование в обучении арабскому языку.

Для достижения поставленной цели были определены следующие задачи:

- рассмотреть функции номинаций одежды в художественной системе произведений Л.Н. Толстого;
- выявить наиболее употребительные тематические группы лексики одежды в исследуемых романах;
- проанализировать способы передачи данных единиц в арабских переводах;
- определить их лингвострановедческий потенциал;
- обосновать возможности использования исследуемого материала при формировании лингвострановедческой и переводческой компетенций студентов-арабистов.

Научная новизна исследования состоит в комплексном анализе номинаций одежды на материале арабских переводов двух крупнейших романов Л.Н. Толстого с позиций лингвострановедения, переводоведения и методики преподавания арабского языка. В отличие от большинства существующих исследований, в работе рассматриваются не отдельные примеры перевода, а совокупность лексических единиц, выявленных методом сплошной выборки, что позволяет установить основные закономерности передачи культурно маркированной лексики в арабском переводе.

Практическая значимость исследования заключается в возможности использования полученных результатов при преподавании арабского языка, курсов лингвострановедения, художественного перевода, практики межкультурной коммуникации, а также при создании учебно-методических материалов для студентов востоковедческих направлений подготовки.

Материалы и методы исследований

Методы исследования – описательный, сравнительно-сопоставительный, контекстуальный и лингвокультурологический. Кроме того, для анализа переводческих решений применялся переводоведческий анализ, позволяющий определить способы передачи безэквивалентной и культурно маркированной лексики.

Теоретической базой исследования послужили труды отечественных ученых в области лингвострановедения, лингвокультурологии и теории художественного перевода.

Результаты и обсуждения

Одной из характерных особенностей художественного мира Л.Н. Толстого является исключительная детализация описания внешности персонажей. Особое место в системе художественных средств занимают номинации одежды, которые выполняют не только номинативную функцию, но и служат важным способом характеристики героев, отражают их социальное положение, возраст, род занятий, психологическое состояние и принадлежность к определённому сословию. Исследователи творчества Л.Н. Толстого неоднократно отмечали, что бытовая деталь в его произведениях является важнейшим элементом художественной характеристики персонажей и раскрытия авторского замысла [1, 10].

Следует отметить, что в романах «Война и мир» и «Анна Каренина» наиболее широко представлены номинации женской одежды, военной формы, верхней одежды, обуви, головных уборов и аксессуаров. Та-

кое разнообразие связано с художественной задачей автора – максимально достоверно передать особенности русского общества XIX века, в котором одежда являлась одним из важнейших показателей общественного положения человека.

Тематическая группа «одежда» в романе Л.Н. Толстого выступает как важная деталь, с помощью которой писатель старается передать как внутреннее состояние персонажа, так и цельный образ в развитии. Наименования одежды помогают создавать исторический фон романов. По мнению К. Н. Забуновой, элементы одежды в художественном тексте перестают быть простыми предметами быта и становятся важными средствами создания образа героя и исторического колорита, что особенно важно учитывать при переводе этнографических реалий [3].

Наиболее многочисленную группу составляют обозначения платьев. В арабских переводах русские лексемы «платье», «наряд» и «одежда» чаще всего передаются словами *فستان* и *ثوب*. Так, в одном из эпизодов романа встречается описание:

[8] كانت هي وناتاشا ترتديان ثياباً زرقاء فاتحة اللون جديدة كل الجدة ومتشابهة كل الشبه.

«Она и Наташа были в совершенно новых, одинаковых светло-голубых платьях»

Данная единица не только называет предмет одежды, но и участвует в создании художественного образа героинь, подчеркивая их молодость, праздничное настроение и принадлежность к дворянской среде. Особое место занимают номинации верхней одежды. Например:

[8] خلع فروته ودخل على أطراف قدميه إلى القاعة الكبرى المظلمة.

«Он снял шубу и на цыпочках вошёл в большую тёмную залу.»

Так как в арабском языке нет полного соответствия данной русской реалии, используется метод функционального аналога, в котором передается предметное значение, но некоторые культурные особенности утрачиваются. В своей работе С. Влахова и С. Флорина утверждают, что при переводе такого рода реалий сохранение культурных и национальных особенностей практически невозможно [2].

Также в романе Льва Николаевича Толстого встречается и номинация военной одежды, которая помогает отразить военный быт 19-го века. Лексема *ستر* при передаче русского слова «мундир» особенно часто используется в арабском переводе:

[8] لا تنس بصورة خاصة سترتي الهنغارية الجديدة التي يجب عليك إخراجها من الحقيبة فوراً.

При переводе в данном случае используется способ генерализации, поскольку автор заменяет лексему на слово с более широким значением, но исторический компонент сужается.

В переводе используется общеупотребительное слово куртка, но особенности исторического описания русского военного костюма частично не отражаются. Данная картина наблюдается и в арабском переводе романа «Анна Каренина». Например, описание главной героини передаётся следующим образом: كانت ترتدي [7] فستاناً أسود بسيطاً. В данном случае также используется общеупотребительное слово платье, сохраняя оригинальность предметного значения. Большинство подобных единиц переводятся эквивалентной общеупотребительной лексикой, однако отдельные реалии русского быта требуют адаптации, поскольку в арабской культуре отсутствуют прямые исторические соответствия.

Выводы

Проведенный анализ показывает, что наиболее распространёнными способами передачи номинаций одежды являются использование функционального аналога, подбор общеупотребительного эквивалента и лексическая конкретизация. Значительно реже переводчики прибегают к описательному переводу. Данный подход соответствует положениям современной теории художественного перевода, согласно которым приоритетным является достижение функциональной эквивалентности текста перевода [4].

При переводе русских этнографических реалий переводчики используют различные переводческие трансформации, выбор которых определяется степенью культурной маркированности исходной единицы. Наиболее распространёнными, как было отмечено выше, являются функциональный аналог, генерализация, конкретизация, описательный перевод и лексическая замена, что соответствует положениям современной теории художественного перевода [2; 4]. Работа с подобными текстами способствует развитию переводче-

ской компетенции, навыков анализа художественного произведения и формированию межкультурной коммуникативной компетенции обучающихся [5].

Было установлено, что номинации одежды в романах Л.Н. Толстого являются неотъемлемой частью художественной системы произведений и выполняют широкий спектр функций.

Анализ подтвердил, что использованные способы перевода в произведениях Льва Николаевича Толстого на арабский язык помогают сохранить оригинальность значения, но в отдельных случаях культурно-историческая особенность утрачивается.

Список источников

1. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура. М.: Индрик, 2005. С. 37 – 45.
2. Влахов С., Флорин С. Непереводимое в переводе. М.: Международные отношения, 1980. С. 83 – 98.
3. Забунова К.Н. Описание одежды как характеристика персонажа художественного произведения // Филология и лингвистика в современном обществе: материалы IV Междунар. науч. конф. (Москва, июнь 2016 г.). М.: Буки-Веди, 2016. С. 73 – 75.
4. Комиссаров В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты). М.: Высшая школа, 1990. С. 148 – 158.
5. Маслова В.А. Лингвокультурология. М.: Академия, 2001. С. 79 – 91.
6. Полякова Г.М. Лексико-семантическое поле «Одежда» в аспекте сопоставительной лингвокультурологии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2012. № 4. С. 37 – 44.
7. Толстой Л.Н. Анна Каренина. Арабский перевод: أنا كارينينا. Бейрут: Dar Al-Ilm Lil-Malayeen, 2009. С. 104 – 120.
8. Толстой Л.Н. Война и мир. Арабский перевод: الحرب والسلام. Hindawi, 2020. С. 18 – 34.
9. Федоров А.В. Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы). 5-е изд. СПб.: Филологический факультет СПбГУ; М.: Филология Три, 2002. С. 15 – 17.
10. Эйхенбаум Б.М. Лев Толстой. Семидесятые годы. Л.: Художественная литература, 1974. С. 154 – 170.

References

1. Vereshchagin E.M., Kostomarov V.G. Language and Culture. Moscow: Indrik, 2005. P. 37 – 45.
2. Vlahov S., Florin S. The Untranslatable in Translation. Moscow: International Relations, 1980. P. 83 – 98.
3. Zabunova K.N. Description of Clothing as a Characteristic of a Character in a Work of Art. Philology and Linguistics in Modern Society: Proc. of the IV International Scientific Conf. (Moscow, June 2016). Moscow: Buki-Vedi, 2016. P. 73 – 75.
4. Komissarov V.N. Translation Theory (Linguistic Aspects). Moscow: Vysshaya Shkola, 1990. P. 148 – 158.
5. Maslova V.A. Lingvoculturology. Moscow: Academy, 2001. P. 79 – 91.
6. Polyakova G. M. The lexical-semantic field “Clothing” in the aspect of comparative linguacultural science. Bulletin of Peoples’ Friendship University of Russia. Series: Language Theory. Semiotics. Semantics. 2012. No. 4. P. 37 – 44.
7. Tolstoy L.N. Anna Karenina. Arabic translation: أنا كارينينا. Beirut: Dar Al-Ilm Lil-Malayeen, 2009. P. 104 – 120.
8. Tolstoy L.N. War and Peace. Arabic translation: الحرب والسلام. Hindawi, 2020. P. 18 – 34.
9. Fedorov A.V. Fundamentals of the General Theory of Translation (Linguistic Problems). 5th ed. St. Petersburg: Faculty of Philology, St. Petersburg State University; Moscow: Philology Tri, 2002. P. 15 – 17.
10. Eikhbaum B.M. Leo Tolstoy: The Seventies. Leningrad: Khudozhestvennaya Literatura, 1974. P. 154 – 170.

Информация об авторах

Алиева С.А., кандидат филологических наук, доцент, Дагестанский государственный университет, [sama-ya.alieva.00@mail.ru](mailto:samaya.alieva.00@mail.ru)

Ибрагимова А.А., Дагестанский государственный университет, ibragimovaalina2004@gmail.com

© Алиева С.А., Ибрагимова А.А., 2026

Научно-исследовательский журнал «Филологический вестник / Philological Bulletin»

<https://fv-journal.ru>

2026, Том 5, № 4 / 2026, Vol. 5, Iss. 4 <https://fv-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика (филологические науки)

УДК 791.229.2:316.77

DOI: 10.66621/2949-4656-2026-5-4-238-243

Экранные стратегии конструирования образа героя в современной портретной документалистике

¹ Семенова К.Ю.,

¹ *Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы*

Аннотация: цель исследования – теоретически обосновать и систематизировать экранные стратегии, посредством которых в современной портретной документалистике конструируется многомерный образ героя, а также определить возможности их применения в авторском неигровом проекте. Материал исследования составили труды по теории кино, нарратологии и экранной документалистике, а также комплекс исходных и смонтированных материалов авторского фильма о двукратной чемпионке мира по кикбоксингу Алине Шапронас. Исследование выполнено в качественной логике с применением историко-компаративного, структурно-семиотического, драматургического и искусствоведческого анализа, метода включённого наблюдения и case-study. В результате предложена пятиэтапная аналитическая модель эволюции кинонарратива, выделены три уровня организации точки зрения – диегетический, экстрадиегетический и рецептивный – и систематизированы четыре стратегии конструирования экранного портрета: длительное наблюдение, глубинное интервью, звукозрительный контрапункт и работа с личным архивом. Показано, что их сочетание позволяет сместить акцент с перечисления биографических фактов на выявление внутренних конфликтов, динамики самоидентификации и психологической трансформации героя. Полученные результаты могут использоваться при разработке авторских документальных проектов и при анализе портретных медиатекстов.

Ключевые слова: кинонарратив, документальное кино, нарратор, портретный очерк, неигровой экран, точка зрения, медиаобраз, киноязык, монтаж

Для цитирования: Семенова К.Ю. Экранные стратегии конструирования образа героя в современной портретной документалистике // Филологический вестник. 2026. Том 5. № 4. С. 238 – 243. DOI: 10.66621/2949-4656-2026-5-4-238-243

Поступила в редакцию: 15 июня 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 13 июля 2026 г.; Принята к публикации: 17 августа 2026 г.

Screen strategies for constructing the image of a hero in modern portrait documentaries

¹ Semenova K.Yu.,

¹ *Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia*

Abstract: the purpose of the study is to theoretically substantiate and systematize screen strategies, through which a multi-dimensional image of a hero is constructed in modern portrait documentaries, as well as to determine the possibilities of their application in an author's non-fiction project. The research material consists of works on the theory of cinema, narratology and screen documentaries, as well as a set of source and edited materials of the author's film about two-time world champion in kickboxing Alina Shapronas. The research was carried out in qualitative logic using historical-comparative, structural-semiotic, dramatic and art historical analysis, the method of included observation and case study. As a result, a five-stage analytical model of the evolution of the cinematic narrative is proposed, three levels of point of view organization are identified – diegetic, extradiegetic and receptive – and four strategies for constructing a screen portrait are systematized: long-term observation, in-depth interview, visual counterpoint and work with a personal archive. It is shown that their combination makes it possible to shift the focus from listing biographical facts to identifying internal conflicts, dynamics of self-identification and psy-

chological transformation of the hero. The results obtained can be used in the development of author's documentary projects and in the analysis of portrait media texts.

Keywords: cinematic narrative, documentary, narrative, portrait sketch, non-game screen, point of view, media image, film language, editing

For citation: Semenova K.Yu. Screen strategies for constructing the image of a hero in modern portrait documentaries. Philological Bulletin. 2026. 5 (4). P. 238 – 243. DOI: 10.66621/2949-4656-2026-5-4-238-243

The article was submitted: June 15, 2026; Approved after reviewing: July 13, 2026; Accepted for publication: August 17, 2026.

Введение

Цифровая трансформация медиасреды и конвергенция каналов коммуникации изменили не только способы производства и распространения неигрового экранного контента, но и саму логику репрезентации личности [3, 4]. Современная документалистика всё реже ограничивается хроникальной фиксацией события или биографическим перечислением фактов. Экранный портрет становится формой авторской интерпретации, в которой фактический материал организуется посредством выбранной точки зрения, драматургии, монтажа, звука и режима взаимодействия с героем [8].

Особенно отчётливо данная проблема проявляется при создании фильмов о медийно активных персонажах, в том числе о профессиональных спортсменах. Их публичный образ заранее структурирован языком новостей, спортивной рекламы и индустрии шоу: герою приписываются устойчивые роли победителя, «железного человека», носителя силы и дисциплины. Подобная схема облегчает узнавание персонажа, но одновременно редуцирует его индивидуальность и затрудняет показ уязвимости, сомнений, кризисов и неоднозначности жизненного опыта.

В исследованиях по теории кино, нарратологии и документальному экрану подробно описаны природа монтажа, функции нарратора, соотношение факта и авторской интерпретации, а также категория точки зрения [1, 2, 6-11]. Однако эти положения часто рассматриваются раздельно: историческая эволюция киноязыка, нарратологическая модель и практическая режиссёрская работа не сводятся в единую операциональную схему, пригодную для анализа конкретного портретного проекта. В результате возникает методологический разрыв между общетеоретическим описанием документального образа и конкретными средствами его экранного конструирования.

Цель исследования – теоретически обосновать и классифицировать основные нарративные и аудиовизуальные стратегии передачи уникальности героя в современной портретной документалистике и раскрыть механизм их применения на материале авторского фильма. Для достижения цели решались три задачи: 1) систематизировать исторические изменения кинонарратива, значимые для портретной документалистики; 2) определить уровни организации точки зрения в неигровом фильме; 3) выявить и описать практические стратегии, использованные при создании экранного образа героини. Научная новизна работы состоит в объединении историко-теоретического анализа и рефлексивного case-study авторского проекта в единую модель экранного конструирования личности.

Материалы и методы исследований

Исследование имело качественный, поисково-аналитический характер и включало два взаимосвязанных блока. Теоретический блок был основан на корпусе из 12 работ по теории киноязыка, монтажу, нарратологии, телевидению и документальному экрану [1-12]. Практический блок представлял собой case-study авторского неигрового фильма, посвящённого Алине Шапронас. В качестве материала рассматривались съёмочные наблюдения, интервью, материалы личного архива героини, эпизоды тренировочного и соревновательного процесса, а также окончательная монтажно-звуковая структура фильма.

Единицами анализа выступали: позиция нарратора; способ организации точки зрения; характер временной и причинно-следственной связи между эпизодами; тип интервью; соотношение наблюдения и постановочного воздействия; функция архивного материала; монтажная связь изображения и звука; способ представления внутреннего конфликта героя. Такая система единиц позволяла сопоставить общетеоретические положения с конкретными режиссёрскими решениями.

Историко-компаративный метод применялся для реконструкции перехода от автономного демонстрационного кадра раннего кино к классическому причинному повествованию, монтажным моделям, постклас-

сическим и цифровым формам. Сопоставлялись способы организации времени, пространства, фигуры героя и авторской позиции на разных этапах развития кинонарратива [9, 10].

Структурно-семиотический анализ использовался для выделения уровней точки зрения и функций нарратора. При анализе учитывались диегетическая позиция героя, экстрадиегетическая организация материала режиссёром и рецептивная работа зрителя по синтезу образа [1, 6].

Драматургический и искусствоведческий анализ был направлен на определение функции конфликта, композиционной арки, крупного плана, монтажной метафоры, ритма и звукозрительного контрапункта [7, 9, 11, 12]. Метод включённого наблюдения применялся в ходе съёмки повседневной и тренировочной деятельности героини. Рефлексивный case-study позволил описать связь между исходной режиссёрской задачей, выбранными приёмами и полученной структурой экранного образа.

Исследование не предполагало статистической обработки, поскольку его предметом являлись качественные характеристики нарративной и аудиовизуальной организации фильма. Выводы формулировались на основе сопоставления теоретических положений с повторяющимися функциями конкретных экранных приёмов. При этом оценка воздействия фильма на аудиторию не проводилась, поэтому результаты характеризуют прежде всего устройство медиатекста, а не доказанный зрительский эффект.

Аналитическая процедура включала четыре последовательных этапа: 1) выделение исторических моделей кинонарратива; 2) построение типологии точки зрения; 3) идентификацию экранных стратегий в авторском фильме; 4) интерпретацию их совокупной функции в конструировании образа героини. На заключительном этапе отдельно фиксировались ограничения исследования и границы применимости полученных выводов.

Результаты и обсуждения

Историко-компаративный анализ позволил представить развитие кинонарратива как последовательное усложнение способов организации фактического и художественного материала. Для задач портретной документалистики значимы не столько отдельные хронологические периоды, сколько сформированные ими принципы работы с образом человека представлены в табл. 1.

Таблица 1

Эволюционная модель кинонарратива и её значение для конструирования экранного портрета.

Table 1

The evolutionary model of film narrative and its significance for constructing an on-screen portrait.

Этап	Доминирующий принцип	Роль автора	Значение для экранного портрета
Раннее кино и «кинематограф аттракционов»	Автономность кадра, демонстрация видимого события	Авторская организация минимально скрыта; событие предъясняется как зрелище	Формируется доверие к индексальной природе изображения и ценность наблюдаемого жеста [9, 10]
Классическое повествование	Причинно-следственная связь кадров, непрерывность пространства и времени	Автор направляет внимание зрителя через монтаж, крупный план и композицию	Возникает возможность психологизации героя и построения драматической арки [7, 9]
Советская монтажная школа и «Кино-глаз»	Смысл создаётся соположением кадров; факт переорганизуется монтажом	Авторская позиция становится открытым механизмом производства значения	Документальный материал трактуется как основа концептуального высказывания [2, 11]
Постклассические формы	Фрагментарность, нарушение линейности, ослабление единой фабулы	Автор допускает неоднозначность и видимость процесса конструирования	Образ героя может строиться как противоречивая, незавершённая система [9]
Цифровая и интерактивная среда	Вариативность маршрута, трансмедийность, участие пользователя	Часть функций отбора и последовательности передаётся зрителю	Портрет становится распределённым между платформами и способами навигации [3, 4]

Представленная модель показывает, что документальный экран не переходит от «объективности» к «субъективности» линейно. На каждом этапе сохраняется индексальная связь с реальностью, но расширяется набор способов её отбора, соединения и интерпретации. Поэтому экранный образ героя следует рассматривать не как простое отражение личности, а как результат взаимодействия фактического материала, режиссёрской позиции и зрительской интерпретации.

Структурно-семиотический анализ позволил выделить три взаимосвязанных уровня точки зрения. Первый, диегетический, связан с тем, как мир представлен изнутри жизненного пространства героя. Он реализуется через субъективную камеру, длительное наблюдение, фиксацию спонтанных реакций, телесных состояний и повседневных действий. На этом уровне герой получает возможность проявляться не только в речи, но и в поведении, паузах, интонациях и выборе действия.

Второй уровень – экстрадиегетический, или авторский. Он формируется за пределами непосредственного действия и проявляется в отборе материала, композиции, монтажном ритме, сопоставлении архива и современности, постановке вопросов, включении или исключении закадрового комментария. Именно здесь режиссёр определяет, какие связи будут предложены зрителю и какая проблематика станет центральной [5, 8].

Третий уровень – рецептивный. Зритель не получает личность героя в готовом виде, а реконструирует её из фрагментов: поступков, свидетельств, архивных изображений, несоответствий между словами и поведением, повторяющихся визуальных и звуковых мотивов. Чем меньше фильм подменяет эту работу однозначной оценкой, тем выше возможность сформировать сложный, амбивалентный портрет.

Следовательно, точка зрения в документальном фильме не сводится к расположению камеры. Она представляет собой многоуровневую систему распределения знания, эмоциональной дистанции и интерпретационной инициативы между героем, автором и зрителем.

Исходной задачей авторского фильма было преодоление плакатного медиаобраза профессиональной спортсменки и раскрытие личности за пределами публичной роли победителя. Анализ готовой структуры фильма позволил выделить четыре стратегии, каждая из которых решала самостоятельную задачу, но наиболее выраженный эффект создавался их сочетанием.

Стратегия длительного наблюдения строилась на отказе от исключительной фиксации соревнований и церемоний победы. В кадр включались монотонные элементы тренировочного процесса, физическое истощение, периоды ожидания и восстановления представлены в табл. 2.

Таблица 2

Экранные стратегии конструирования образа героя в авторском документальном проекте.

Table 2

On-screen strategies for constructing the hero's image in an author's documentary project.

Стратегия	Экранная реализация	Функция	Результат для образа героя
Длительное включённое наблюдение	Тренировки, усталость, ожидание, восстановление, повседневные действия	Снижение постановочности и фиксация телесной цены спортивного результата	Деконструкция образа «неуязвимого победителя»
Глубинное интервью	Вопросы о страхе неостребоованности, выгорании, завершении карьеры и гендерной самоидентификации	Выведение внутреннего конфликта из скрытого уровня в речевой	Переход от биографической справки к психологическому самоописанию
Звукозрительный контрапункт	Несовпадение эмоциональной тональности изображения и звука; тишина в кульминационном эпизоде боя	Перенос акцента с внешнего действия на внутреннее состояние	Метафоризация спортивного столкновения как личностного преодоления
Личный архив	Домашние видеозаписи и семейные материалы, сопоставленные с современными кадрами	Создание временной перспективы и выявление изменений	Показ дуализма уязвимости и профессиональной жёсткости

Эти эпизоды не выполняли функцию фоновой иллюстрации: они становились самостоятельными свидетельствами усилия, дисциплины и уязвимости. В результате спортивное достижение показывалось не как мгновенный триумф, а как следствие повторяющейся и психологически затратной работы.

Интервью организовывалось не по хронологически-фактологической схеме, а вокруг проблемных зон биографии и самоощущения. Вопросы были направлены на обсуждение страха завершения карьеры, про-

фессионального выгорания, зависимости самооценки от результата и положения женщины в традиционно маскулинном виде спорта. Такая структура позволила использовать интервью как пространство рефлексии, а не как источник справочной информации.

Звукозрительный контрапункт применялся для разведения внешнего действия и внутренней оценки. В кульминационном эпизоде боя агрессивная динамика изображения сочеталась с редуцированным звуковым пространством и последующим переходом к лирической музыкальной теме. Приём не сообщал зрителю готовую формулу переживания, но изменял семантический статус сцены: физическое столкновение начинало читаться как метафора преодоления внутреннего кризиса [11, 12].

Личный архив вводил в фильм временную глубину. Сопоставление домашних записей, на которых героиня предстаёт ребёнком, с современными кадрами профессионального спорта формировало не линейную иллюстрацию биографии, а напряжение между различными состояниями личности. Архив в данном случае функционировал как средство проверки и усложнения публичного образа, поскольку показывал черты, не совпадающие с привычной медийной ролью.

Совокупность четырёх стратегий позволила сформировать модель портрета, в которой уникальность героя возникает не из экзотичности биографических обстоятельств, а из системы противоречий: сила соотносится с уязвимостью, публичный успех – со страхом утраты статуса, дисциплина – с эмоциональным истощением, профессиональная идентичность – с необходимостью её пересмотра.

Полученные результаты согласуются с положением нарратологии о том, что смысл повествования определяется не только последовательностью событий, но и распределением повествовательной информации, дистанции и точки зрения [1, 6]. Применительно к документальному кино это означает, что фактическая достоверность материала сама по себе не гарантирует психологической глубины портрета. Многомерность образа возникает в процессе отбора, сопоставления и композиционной организации наблюдений.

Выделенная роль монтажа продолжает линию, сформированную работами Л.В. Кулешова и С.М. Эйзенштейна: значение кадра зависит от контекста, а столкновение визуальных и звуковых элементов способно производить смысл, отсутствующий в каждом элементе отдельно [7, 11, 12]. Вместе с тем в портретной документалистике данный принцип требует этического ограничения. Монтаж не должен превращать героя в иллюстрацию заранее заданной идеи или приписывать ему состояния, не подтверждённые материалом.

Практическое значение предложенной модели состоит в том, что она связывает три уровня анализа. Исторический уровень объясняет происхождение выразительных средств; нарратологический – распределение авторской, геройной и зрительской перспектив; производственный – конкретные решения съёмки, интервью, монтажа и работы со звуком. Такая связка позволяет использовать модель не только для интерпретации готовых фильмов, но и на этапе разработки режиссёрской концепции.

Следует, однако, разграничивать анализ устройства фильма и доказательство его воздействия. В рамках настоящей работы не проводились зрительские опросы, экспериментальное тестирование восприятия или независимое кодирование материала. Поэтому case-study демонстрирует применимость выделенных стратегий и их функцию внутри медиатекста, но не позволяет утверждать, что каждый зритель однозначно воспринимает героиню именно так, как предполагал автор.

К ограничениям исследования относятся анализ одного авторского проекта, рефлексивная включённость исследователя в производство фильма и отсутствие сопоставительной выборки портретных документальных работ. Перспективным направлением является сравнительное исследование нескольких спортивных портретов, проведение рецептивного анализа с участием зрителей, а также применение смешанного дизайна, сочетающего качественное кодирование экранных приёмов с оценкой изменений зрительского восприятия героя.

Выводы

В результате исследования установлено, что развитие кинонарратива связано с расширением способов авторской организации реальности: от автономной фиксации видимого события к сложным монтажным, звуковым, фрагментарным и интерактивным формам. Для портретной документалистики это означает переход от биографического описания к моделированию системы отношений между фактом, авторской интерпретацией и зрительской реконструкцией.

Категория точки зрения имеет трёхуровневую структуру. Диегетический уровень раскрывает опыт героя изнутри его жизненного пространства; экстрадиегетический отражает режиссёрский отбор и композиционную организацию материала; рецептивный связан с самостоятельным синтезом образа зрителем.

На материале авторского фильма выделены четыре взаимодополняющие стратегии конструирования экранного портрета: длительное включённое наблюдение, глубинное интервью, звукозрительный контра-

пункт и работа с личным архивом. Их сочетание позволяет показать личность через внутренние противоречия и динамику трансформации, не сводя героя к публичному стереотипу.

Предложенная модель может применяться в анализе и производстве портретных документальных фильмов. Для дальнейшей эмпирической проверки её эффективности необходимы сравнительный анализ нескольких проектов и исследование зрительской рецепции.

Список источников

1. Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика: пер. с фр.; сост., общ. ред. и вступ. ст. Г.К. Косикова. Москва: Прогресс, 1989. 616 с.
2. Вертов Д. Статьи. Дневники. Замыслы. Москва: Искусство, 1966. 320 с.
3. Вартанова Е.Л. Меняющаяся архитектура медиа и цифровые платформы // Меди@льманах. 2022. № 1 (108). С. 8 – 13. DOI: 10.30547/mediaalmanah.1.2022.813
4. Волкова И.И. Экранные коммуникации в контексте цифровой трансформации // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2022. Т. 27. № 3. С. 512 – 520.
5. Егоров В.В. Телевидение: теория и практика. Москва: МНЭПУ, 1993. 312 с.
6. Женетт Ж. Фигуры. Работы по поэтике. Т. 2. Москва: Издательство им. Сабашниковых, 1998. 472 с.
7. Кулешов Л.В. Азбука кинорежиссуры. Москва: Искусство, 1969. 132 с.
8. Прожико Г.С. Концепция реальности в экранном документе. Москва: ВГИК, 2004. 224 с.
9. Разлогов К.Э. Планета кино: история искусства экрана. Москва: Эксмо, 2015. 408 с.
10. Ганнинг Т. Кинематограф аттракционов: раннее кино, его зритель и авангард: пер. с англ. // Киноведческие записки. 2010. № 94. С. 41 – 53.
11. Эйзенштейн С.М. Избранные произведения : в 6 т. Москва: Искусство, 1964. Т. 2. 566 с.
12. Eisenstein S., Pudovkin V., Alexandrov G. A Statement on Sound // Close Up. 1928. Vol. 3. No. 4. P. 10 – 13.

References

1. Bart R. Selected Works: Semiotics. Poetics: trans. from French; compiled, edited and introduced by G.K. Kosikova. Moscow: Progress, 1989. 616 p.
2. Vertov D. Articles. Diaries. Intentions. Moscow: Iskusstvo, 1966. 320 p.
3. Vartanova E.L. Changing Media Architecture and Digital Platforms. Medi@lmanah. 2022. No. 1 (108). P. 8 – 13. DOI: 10.30547/mediaalmanah.1.2022.813
4. Volkova I.I. Screen Communications in the Context of Digital Transformation. Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Literary Criticism. Journalism. 2022. Vol. 27. No. 3. P. 512 – 520.
5. Egorov V.V. Television: Theory and Practice. Moscow: MNEPU, 1993. 312 p.
6. Genette J. Figures. Works on Poetics. Vol. 2. Moscow: Sabashnikov Publishing House, 1998. 472 p.
7. Kuleshov L.V. ABC of Film Directing. Moscow: Iskusstvo, 1969. 132 p.
8. Prozhiko G.S. The Concept of Reality in the Screen Document. Moscow: VGIK, 2004. 224 p.
9. Razlogov K.E. Planet of Cinema: History of Screen Art. Moscow: Eksmo, 2015. 408 p.
10. Gunning T. Cinema of Attractions: Early Cinema, Its Spectators, and the Avant-Garde: trans. from English. Film-Vedic Notes. 2010. No. 94. P. 41 – 53.
11. Eisenstein S.M. Selected Works: in 6 volumes. Moscow: Iskusstvo, 1964. Vol. 2. 566 p.
12. Eisenstein S., Pudovkin V., Alexandrov G. A Statement on Sound. Close Up. 1928. Vol. 3. No. 4. P. 10 – 13.

Информация об авторе

Семенова К.Ю., Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы

© Семенова К.Ю., 2026

Научно-исследовательский журнал «Филологический вестник / Philological Bulletin»

<https://fv-journal.ru>

2026, Том 5, № 4 / 2026, Vol. 5, Iss. 4 <https://fv-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (с указанием конкретного языка или группы языков) (филологические науки)

УДК 81-119

DOI: 10.66621/2949-4656-2026-5-4-244-249

Когнитивно-ориентированное исследование перцептивных событий (на материале английского языка)

¹ Холдеева Е.Ю.,

¹ Иркутский национальный исследовательский технический университет

Аннотация: статья посвящена когнитивно-семантическому анализу многозначного английского глагола *emerge* с использованием метакатегорий Наблюдатель и Наблюдаемое в качестве аналитического инструментария. Актуальность исследования обусловлена выраженной многозначностью глаголов, категоризирующих перцептивные события в английском языке, и неоднозначностью их словарных дефиниций. Цель работы – выделить и описать лексико-семантические варианты глагола *emerge*, дифференцируя их на основании роли фигуры Наблюдателя и характеристик Наблюдаемого. Эмпирической базой исследования послужили текстовые фрагменты из корпуса iWeb и словарные статьи толковых словарей. В статье применялся когнитивно-семантический анализ ситуаций, описываемых глаголом *emerge*, а также использовались приёмы контекстуального и дефиниционного анализа. В ходе исследования автор выделил и охарактеризовал три основных лексико-семантических варианта глагола *emerge*, каждый из которых отражает различный тип перцептивных событий. Доказано, что по мере перехода от одного лексико-семантического варианта к другому расширяется аналитическая функция Наблюдателя: от зрительной фиксации события к его когнитивно-аффективной оценке и аналитической интерпретации. Проведённый анализ демонстрирует, что глагол *emerge* категоризирует перцептивные события, в которых ранее скрытое Наблюдаемое становится доступным для восприятия синтаксически невыразимым Наблюдателем. Интерпретация таких событий обусловлена когнитивно-перцептивным взаимодействием субъекта перцепции и объекта восприятия, что предопределяет семантико-синтаксические различия высказываний. Полученные результаты доказывают, что использование метакатегорий Наблюдатель и Наблюдаемое в качестве аналитического инструментария значительно увеличивает возможности исследований различных явлений языка.

Ключевые слова: перцептивное событие, предикат, лексико-семантический вариант, Наблюдатель, Наблюдаемое, восприятие, когниция

Для цитирования: Холдеева Е.Ю. Когнитивно-ориентированное исследование перцептивных событий (на материале английского языка) // Филологический вестник. 2026. Том 5. № 4. С. 244 – 249. DOI: 10.66621/2949-4656-2026-5-4-244-249

Поступила в редакцию: 15 июня 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 13 июля 2026 г.; Принята к публикации: 17 августа 2026 г.

A cognitively oriented study of perceptual events (based on the English language)

¹ Kholdeyeva E.Yu.,

¹ Irkutsk National Research Technical University

Abstract: this article is devoted to a cognitive-semantic analysis of the polysemantic English verb *emerge*, using such metacategories as the Observer and the Observed as analytical tools. The study is relevant due to polysemy of verbs categorizing perceptual events in the English language and the ambiguity of their dictionary definitions. The aim of this work is to identify and describe the lexical-semantic variants of the verb *emerge*, differentiating them based on the role of the Observer and the characteristics of the Observed. Text fragments from the iWeb corpus and dictionaries entries served as the empirical basis for the study. In the article a cognitive-semantic analysis of situations described by the verb *emerge*, as well as contextual and def-

initional analysis techniques were applied. In the course of the study the author identified and characterized three main lexical-semantic variants of the verb *emerge*, each of which reflects a different type of perceptual events. It was demonstrated that as lexical-semantic variants are identified, the analytical function of the Observer expands from visual fixation of an event to its cognitive-affective evaluation and analytical interpretation. The conducted analysis demonstrates that the verb *emerge* categorizes perceptual events in which the previously hidden Observed becomes accessible to perception of the syntactically inexpressible Observer. The interpretation of such events is determined by the cognitive-perceptual interaction between the subject of perception and the object of perception, which predetermines the semantic-syntactic differences in constructions. The obtained results prove that the use of the metacategories of the Observer and the Observed as an analytical tool significantly increases the possibilities for studying various linguistic phenomena.

Keywords: perceptual event, predicate, lexical-semantic variant, the Observer, the Observed, perception, cognition

For citation: Kholdeyeva E.Yu. A cognitively oriented study of perceptual events (based on the English language). Philological Bulletin. 2026. 5 (4). P. 244 – 249. DOI: 10.66621/2949-4656-2026-5-4-244-249

The article was submitted: June 15, 2026; Approved after reviewing: July 13, 2026; Accepted for publication: August 17, 2026.

Введение

При рассмотрении каждого значения многозначного глагола необходимо учитывать наблюдаемые факты наличия различных лексико-семантических вариантов (ЛСВ) в различных контекстах и, соответственно, их регистрацию в словарных статьях [3, с. 78]. При этом реализации ЛСВ в различных (иногда весьма существенно) лексико-грамматических контекстах характеризуются как предикаты. Нас интересуют предикаты перцептивных событий в английском языке, а именно глагол *emerge*, который имеет в своей семантике перцептивную составляющую – «to begin to be known or **noticed**» [18]. Данный глагол может быть отнесен к лексикографическому типу «быть видным наблюдателю» [1], поскольку он в разных аспектах передает содержание единой внеязыковой ситуации – восприятие возникающих в поле зрения субъекта перцепции объектов и их когнитивную обработку. Следует отметить, что для глаголов, описывающих перцептивные события в английском языке, характерна ярко выраженная многозначность. Однако, при сопоставлении словарных дефиниций обнаруживаются несовпадения в интерпретации одних и тех же лексем.

Материалы и методы исследований

В качестве аналитического инструментария для изучения перцептивных аспектов глагольной семантики мы используем одно из центральных понятий когнитивно-семантических исследований – метакатегорию «наблюдатель» [5]. Известно, что у целых семантических классов слов выявляется чувствительность к этой фигуре при рассмотрении самых различных контекстов их употребления. Таким образом, Наблюдатель является универсальным понятием, с помощью которого объясняется широкий спектр вопросов, затрагивающих морфологический и морфосинтаксический (Langacker [17]; Kravchenko [16]; Верхотурова [7]), лексический (Fillmore [14]; Апресян [2]; Падучева [10]) и текстовый уровни лингвистических исследований (Падучева [10]).

Традиционно считается, что фигура Наблюдателя имплицитно присутствует в семантике отдельных слов, групп слов и даже целых классов слов. Так, синтаксически невыразимый Наблюдатель характеризуется как фиктивный актант в терминологии Ю.Д. Апресяна и «наблюдатель За кадром» в терминологии Г.И. Кустовой и Е.В. Падучевой (см. напр.: [8; 9]). Тем не менее, и в таком «фиктивном» варианте лингвистического осмысления категория Наблюдатель существенно влияет на интерпретацию высказываний и на их построение.

Очевидно, что в структуру когнитивной модели наблюдения входят два взаимосвязанных элемента – Наблюдатель и Наблюдаемое. При этом перцептивно-когнитивное взаимодействие Наблюдателя и Наблюдаемого ведет к постоянному рекурсивному изменению и того, и другого. Такая каузальная взаимозависимость обуславливает необходимость их различного понятийного осмысления: Наблюдатель должен выступать в разных перцептивно-когнитивных ипостасях в зависимости от свойств Наблюдаемого, а Наблюдаемое, со своей стороны, получает различные оценочные характеристики [6].

На основе текстовых фрагментов, взятых из Корпуса iWeb, а также статей толковых словарей мы рассмотрим различные типы перцептивных событий, описываемых глаголом *emerge*, и разделим их на подгруппы, используя инструментарий когнитивного анализа – фигуру Наблюдателя и категорию Наблюдаемого.

Результаты и обсуждения

Проанализируем первую группу примеров, организованных *emerge*:

- (1) *After a few minutes, the young man **emerged** out of the back room* [15].
- (2) *Fix **emerged** from his cabin and went on deck* [15].
- (3) *The postman **emerged** from his van soaked to the skin* [12].
- (4) *She **emerged** from the sea, blue with cold* [11].
- (5) *The swimmer **emerged** from the lake* [19].

В подобных высказываниях описываются перцептивные события появления одушевленного субъекта передвижения в поле зрения синтаксически невыразимого Наблюдателя (Наблюдателей) после преодоления им границ какого-либо замкнутого пространства (ср., напр., *emerge* – «to move out of or away from something and **become possible to see**» [19]). Субъект передвижения появляется в перцептивном пространстве субъекта восприятия из места, которое раньше скрывало его от взора Наблюдателя. На такое место чаще всего указывают предлоги *from* (*from his van*) или *out of* (*out of the back room*). Таким образом, локатив в подобных высказываниях тесно связан с объектом восприятия и представляет собой фоновую часть Наблюдаемого.

Анализ данных Корпусов английского языка выявил, что в большинстве случаев в конструкциях с рассматриваемым предикатом объект восприятия появляется в поле зрения субъекта восприятия из какого-либо ограниченного помещения (примеры (1), (2)) или транспортного средства (пример (3)) (ср., напр., *emerge* – «to come out from an enclosed or dark space such as a room or a vehicle, or from a position where you could not be seen» [12]). Так же было обнаружено множество примеров, в которых объект восприятия появляется в поле зрения Наблюдателя, выплывая на поверхность воды, до этого его скрывавшей (примеры (4), (5)) (ср., напр., *emerge* – «to come up to the surface of or **rise from water or other liquid**» [13]).

Синтаксическое отсутствие Наблюдателя в подобных конструкциях обозначает возможность восприятия перцептивного события любым человеком, оказавшимся в том месте. Такие предложения носят описательный характер, и Наблюдаемое представляет собой ключевой элемент описываемой сцены [4, с. 23]. При этом Наблюдателя можно определить как субъекта исключительно зрительного восприятия, поскольку он лишь визуально фиксирует перемещение наблюдаемого объекта из какого-либо замкнутого пространства/среды.

В терминах когнитивной лингвистики выделенное значение являются «лучшим представителем» системной семантики глагола *emerge*. Его можно назвать «ближайшим лексическим прототипом» слова, так как именно оно первым приходит на ум при предъявлении соответствующей формы. Данное значение можно считать отправным пунктом деривации всех остальных ЛСВ исследуемого глагола.

Рассмотрим семантику следующих высказываний, организованных еще одним ЛСВ глагола *emerge*:

- (6) *In a matter of minutes a large group of at least 50 people suddenly **emerged** from a hidden place in the nearby forest* [15].
- (7) *Raiders **emerged** from hidden places in the hills to strike both military and civilian targets* [15].
- (8) *The enemy slowly **emerged** from the shadow of the tree* [15].
- (9) *The pair was walking under a viaduct when a man **emerged** from the shadows and attacked them with a baseball bat* [15].
- (10) *The victim, an intern at Ardent, told investigators he was getting into his SUV when a man **emerged** from a dark corner of the parking lot* [15].

В подобных ситуациях Наблюдаемым является прячущийся/таящийся человек, который целенаправленно появляется в поле зрения Наблюдателя из тайного или темного места (ср., напр.: *emerge* – «to come into view, as from concealment or obscurity» [20]). В намерения субъекта передвижения входит напугать Наблюдателя своим неожиданным появлением из своего укрытия, а иногда даже атаковать его. Думается, что в таких ситуациях конкретный субъект восприятия не выходит на «поверхность» высказывания, так как подобные действия часто не направлены на определенного человека, а на любого, случайно проходившего мимо субъекта восприятия.

Предикат *emerge* в выделенном ЛСВ несет существенную дополнительную информацию об отношении субъекта перцепции к Наблюдаемому. В подобных ситуациях Наблюдатель является субъектом когниции, который не просто воспринимает информацию, а подвергает воспринимаемое когнитивно-аффективной, оценочной интерпретации. Таким образом, Наблюдатель имеет роль субъекта эмоционального переживания – он воспринимает события появления субъекта передвижения как неожиданные, вызывающие чувства опасения, тревоги или страха. Так, в предложении (6) наречие образа действия: *suddenly* акцентирует внезапность появления движущегося Наблюдаемого. Кроме того, в примере прилагательное *hidden* характери-

зует место укрытия наблюдаемого объекта как скрытое от взора Наблюдателя (ср., напр., *hidden* – «kept out of sight; concealed» [19]). В высказывании (7), наверняка, налетчики, которые появились из своих тайных укрытий, напугали всех находившихся рядом людей и вызвали их отрицательную реакцию.

В подобных ситуациях в условиях недостаточной видимости зачастую Наблюдатель нечётко различает, что происходит вокруг него. Так, в предложении (8) наблюдаемым объектом является враг, появившийся из тени дерева. Контекст примеров (9) и (10) помогает восстановить субъекта восприятия. В примере (9) возникший из темноты человек не просто напугал проходивших мимо места его укрытия людей, но напал на них. Существительное *victim* в высказывании (10) помогает понять, что субъект восприятия пострадал от действий появившегося из темного угла парковки человека.

В качестве Наблюдаемого в конструкциях с *emerge* может выступать не только одушевленный субъект. Сравним следующую группу примеров:

(11) *Detail by detail, tooth by tooth, inch by inch, the facts emerged* [15].

(12) *During the investigation, some additional ugly facts emerged* [15].

(13) *Along the way, the awful truth emerged* [15].

В рамках таких событий Наблюдатель проявляет более высокие когнитивные уровни восприятия – он формирует сложные мыслительные суждения, основанные на наблюдениях. Объективированный характер суждений не позволяет вывести конкретного субъекта восприятия на «поверхность» подобных конструкций. Под Наблюдаемым при этом подразумевается совокупность фактов, которые являются основой для серьезных умозаключений. При этом Наблюдателю необходимо провести продолжительное исследование (обсуждение), чтобы проанализировать полученную информацию (ср., напр.: «if a fact or result emerges from a period of thought, discussion, or investigation, it becomes known as a result of it» [12]). Так, в предложениях (11) и (12) подчеркивается, что факты стали известны Наблюдателю в результате длительного процесса исследования. Анализ данных Корпусов показал, что в подобных ситуациях в качестве Наблюдаемого зачастую выступают неприятные факты, которые хотели скрыть от Наблюдателя (ср., напр., *emerge* – «if facts emerge, they become known after being hidden or secret» [18]). Так, в примерах (12) и (13) прилагательные *ugly* и *awful* характеризуют полученную Наблюдателем информацию как негативную, неприятную, тяжелую для восприятия.

Предикат в выделенном значении часто организует конструкции с *it emerged that*:

(14) *Later it emerged that the judge had been employing an illegal immigrant* [18].

(15) *Yesterday it emerged that he was to come under investigation for insider dealing* [11].

(16) *Security was called and it emerged that both cheques were fake and that the Belfry pub had not in fact reopened* [15].

Примеры сближаются с конструкциями, организованными речевыми предикатами или предикатами мыслительной деятельности, поскольку результат интерпретации полученных субъектом когниции сведений выражается придаточным. В подобных высказываниях обобщенный Наблюдатель, основываясь на полученных данных, делает выводы о незаконных действиях наблюдаемых объектов, таких как неправомерные действия судьи (пример (14)), распространение конфиденциальных сведений (пример (15)), подделка документов (пример (16)). Наверняка, такие факты вызывают осуждение большинства людей, в связи с чем возникает потребность в сохранении конфиденциальности подобной информации.

Выводы

Итак, глагол *emerge* категоризует перцептивные события, в которых ранее скрытое Наблюдаемое становится доступным для восприятия синтаксически невыразимым Наблюдателем. Вместе с тем, изучение лексикографических данных выявило его обязательное присутствие при категоризации подобных событий. Представленный в статье анализ продемонстрировал наличие некоторых ЛСВ у глагола *emerge*, реализующихся в высказываниях с весьма различной семантикой, зависящей от специфики фигуры Наблюдателя и свойств Наблюдаемого. В первом выделенном ЛСВ предикат *emerge* описывает ситуации, в которых одушевленный субъект передвижения появляется в поле зрения обобщенного Наблюдателя из замкнутого пространства/среды (помещение, транспортное средство, вода и др.), которое ранее скрывало его от взора людей. Акцент при этом делается на чисто зрительном восприятии Наблюдателя увиденной сцены. Данный ЛСВ является отправной точкой деривации всех остальных значений глагола *emerge*. Во втором рассмотренном ЛСВ предикат описывает ситуации, в которых таящийся/прячущийся субъект намеренно появляется из укрытия, с целью напугать и/или атаковать субъекта восприятия. Наблюдатель в таких ситуациях интерпретируется как субъект эмоционального переживания (страха, тревоги). В третьем ЛСВ *emerge* организует высказывания, в которых Наблюдатель предстаёт как обобщённое анализирующее лицо, а в качестве

Наблюдаемого выступает информация, на основании которой субъект когнитивности приходит к определенным выводам. В подобных ситуациях эти выводы зачастую носят отрицательный характер, поскольку в подобных ситуациях Наблюдателя становятся известны сведения, которые намеренно скрывались от широкой публики. Предикат *emerge* в данном ЛСВ выражают дальнейшую, более высокую степень аналитического восприятия.

Таким образом, обозначенные в работе возможности изучения глагольной семантики с применением метакатегорий Наблюдатель и Наблюдаемое подтверждают целесообразность их использования для дальнейшего рассмотрения метаязыка когнитивных исследований в области лексической категоризации.

Список источников

1. Апресян В.Ю. Лексикографический тип «быть видным наблюдателю» в жизни и в словаре // Грани Естественного Языка и Кинесики : Сборник статей к 75-летию Г.Е. Крейдлина, 2023. С. 23 – 42.
2. Апресян Ю.Д. Лексическая семантика (синонимические средства языка). М.: Изд-во «Наука», 1974. 367 с.
3. Архипов И.К. Коммуникативный цейтнот и прототипическая семантика // Известия РГПУ им. А.И. Герцена, 2004. № 7. С. 75 – 85.
4. Верхотурова Т.Л. Наблюдаемость в языке (на материале русских и английских перцептивных глаголов) // Вопросы когнитивной лингвистики. Тамбов, 2004. №2/3. С. 14 – 26.
5. Верхотурова Т.Л. Фактор наблюдателя в языке науки: монография. Иркутск: ИГЛУ, 2008. 289 с.
6. Верхотурова Т.Л. Аналитический комплекс «Наблюдатель + Наблюдаемое» в лексической семантике // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация, 2008. Т. 6. Вып. 2. С. 33 – 41.
7. Верхотурова Т.Л. Когнитивные аспекты взаимодействия категориально-лексического и категориально-грамматического значений глагола // Лингвистика и лингводидактика в свете современных научных парадигм. Сборник научных трудов. Иркутск, 2025. С. 11 – 17.
8. Кустова Г.И. Перцептивные события: участники, наблюдатели, локусы // Логический анализ языка. Образ человека в культуре и языке. М.: Индрик, 1999. С. 229 – 243.
9. Падучева Е.В. Наблюдатель как Эксперимент «За кадром» // Слово в тексте и словаре. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 185 – 201.
10. Падучева Е.В. Динамические модели в семантике лексики. М.: Языки славянской культуры, 2004. 608 с.
11. Cambridge Dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org/> (дата обращения: 11.07.2026)
12. Collins Online Dictionary. URL: <https://www.collinsdictionary.com/> (дата обращения: 11.05.2026)
13. Dictionary.com. URL: <https://www.dictionary.com/> (дата обращения: 11.05.2026)
14. Fillmore Ch. Lexical entries for verbs // Foundations of language. 1968. Vol. 4. № 4. P. 373 – 393.
15. iWeb: The 14 Billion Word Web Corpus. URL: <https://www.english-corpora.org/iweb/> (дата обращения: 12.05.2026)
16. Kravchenko A.V. A Cognitive Account of Tense and Aspect: Resurrecting «Dead» Metaphors // Anglophonia. 2002. № 12. С. 199 – 212.
17. Langacker R.W. Concept, image, and symbol: The cognitive basis of grammar. Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 1991. 540 p.
18. Longman Dictionary of Contemporary English. Harlow: Longman, 2000. 1668 p.
19. Oxford Learner's Dictionaries. URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/> (дата обращения: 11.05.2026)
20. TheFreeDictionary by Farlex. URL: <https://www.thefreedictionary.com/> (дата обращения: 11.05.2026)

References

1. Apresyan V.Yu. The lexicographic type "to be visible to an observer" in life and in the dictionary. Facets of Natural Language and Kinesics: A collection of articles for the 75th anniversary of G.E. Kreidlin, 2023. P. 23 – 42.
2. Apresyan Yu.D. Lexical semantics (synonymous means of language). Moscow: Nauka Publishing House, 1974. 367 p.
3. Arkhipov I.K. Communicative time pressure and prototypical semantics. Bulletin of the Herzen State Pedagogical University of Russia, 2004. No. 7. P. 75 – 85.
4. Verkhoturova T.L. Observability in language (based on Russian and English perceptual verbs). Issues of cognitive linguistics. Tambov, 2004. No. 2/3. P. 14 – 26.

5. Verkhoturova T.L. The Observer Factor in the Language of Science: Monograph. Irkutsk: Irkutsk State Linguistic University, 2008. 289 p.
6. Verkhoturova T.L. The Analytical Complex "Observer + Observed" in Lexical Semantics. NSU Bulletin. Series: Linguistics and Intercultural Communication, 2008. Vol. 6. Issue 2. P. 33 – 41.
7. Verkhoturova T.L. Cognitive Aspects of the Interaction of Categorical-Lexical and Categorical-Grammatical Meanings of the Verb. Linguistics and Lingvodidactics in Light of Modern Scientific Paradigms. Collection of Scientific Papers. Irkutsk, 2025. P. 11 – 17.
8. Kustova G.I. Perceptual Events: Participants, Observers, Loci. Logical Analysis of Language. The Image of Man in Culture and Language. Moscow: Indrik, 1999. P. 229 – 243.
9. Paducheva E.V. The Observer as an Experimenter "Behind the Scenes". The Word in Text and Dictionary. Moscow: Languages of Russian Culture, 2000. P. 185 – 201.
10. Paducheva E.V. Dynamic Models in the Semantics of Lexicon. Moscow: Languages of Slavic Culture, 2004. 608 p.
11. Cambridge Dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org/> (date of access: 11.05.2026)
12. Collins Online Dictionary. URL: <https://www.collinsdictionary.com/> (date of access: 11.05.2026)
13. Dictionary.com. URL: <https://www.dictionary.com/> (date of access: 11.05.2026)
14. Fillmore Ch. Lexical entries for verbs. Foundations of language. 1968. Vol. 4. No. 4. P. 373 – 393.
15. iWeb: The 14 Billion Word Web Corpus. URL: <https://www.english-corpora.org/iweb/> (date of access: 12.05.2026)
16. Kravchenko A.V. A Cognitive Account of Tense and Aspect: Resurrecting "Dead" Metaphors. Anglo-ponia. 2002. No. 12. P. 199 – 212.
17. Langacker R.W. Concept, image, and symbol: The cognitive basis of grammar. Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 1991. 540 p.
18. Longman Dictionary of Contemporary English. Harlow: Longman, 2000. 1668 p.
19. Oxford Learner's Dictionaries. URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/> (date of access: 11.05.2026)
20. TheFreeDictionary by Farlex. URL: <https://www.thefreedictionary.com/> (date of access: 11.05.2026)

Информация об авторе

Холдеева Е.Ю., кандидат филологических наук, доцент, Институт лингвистики и межкультурной коммуникации, Иркутский национальный исследовательский технический университет

© Холдеева Е.Ю., 2026

Научно-исследовательский журнал «Филологический вестник / Philological Bulletin»

<https://fv-journal.ru>

2026, Том 5, № 4 / 2026, Vol. 5, Iss. 4 <https://fv-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации (филологические науки)

УДК 821.161.1

DOI: 10.66621/2949-4656-2026-5-4-250-257

Нарративная медицина в интерпретации романа Л.Е. Улицкой «Казус Кукоцкого»

¹ Чжан Цзясинь, ² Лю Синь,

¹ Военно-морской инженерный университет НОАК, Китай,

² Университет международного бизнеса и экономики, Китай

Аннотация: роман современной российской писательницы Людмилы Улицкой «Казус Кукоцкого» сосредоточен на судьбе врача-гинеколога Павла Кукоцкого. Через изображение семейной жизни, профессиональной деятельности героя и исторической судьбы страны в произведении осмысляются сложные проблемы советского общества 20 века, связанные с системой здравоохранения, репродуктивной политикой и этикой жизни. В статье роман рассматривается с позиций нарративной медицины. Врачебный нарратив и нарратив пациента раскрывают многомерность ключевого образа «казуса». Рациональный дискурс Кукоцкого воплощает авторитет научного знания, однако не позволяет охватить человеческую жизнь во всей ее полноте. Записки и сновидения Елены, этические сомнения Тани и религиозный дискурс Василисы расширяют смысловое поле «казуса», придавая ему гуманитарное измерение. В дальнейшем образ «казуса» перерастает в метафору диагноза общества и позволяет осмыслить противоречия между репродуктивной политикой, научной этикой и свободой личности в условиях советской системы. Литература выполняет здесь функции общественной диагностики и осмысления исторической травмы: она свидетельствует об индивидуальном опыте человека и одновременно сохраняет память о травмах истории и голосе человечности.

Ключевые слова: Л.Е. Улицкая, «Казус Кукоцкого», нарративная медицина, врачебный нарратив, нарратив пациента

Для цитирования: Чжан Цзясинь, Лю Синь Нарративная медицина в интерпретации романа Л.Е. Улицкой «Казус Кукоцкого» // Филологический вестник. 2026. Том 5. № 4. С. 250 – 257. DOI: 10.66621/2949-4656-2026-5-4-250-257

Поступила в редакцию: 16 июня 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 14 июля 2026 г.; Принята к публикации: 17 августа 2026 г.

Narrative medicine in the interpretation of L.E. Ulitskaya's novel The Kukotsky Enigma

¹ Zhang Jiaxin, ² Liu Xinyi,

¹ Naval University of Engineering, China,

² University of International Business and Economics, China

Abstract: the novel The Kukotsky Enigma by contemporary Russian writer Lyudmila Ulitskaya centers on the life of the gynecologist Pavel Kukotsky. Through its portrayal of family life, the protagonist's professional career, and the historical fate of the country, the novel examines complex issues in twentieth-century Soviet society concerning the healthcare system, reproductive policy, and the ethics of life. This article interprets the novel from the perspective of narrative medicine. The physician's narrative and the patient's narrative reveal the multidimensional nature of the key image of the "enigma". Kukotsky's rational discourse embodies the authority of scientific knowledge, yet it is unable to encompass human life in its entirety. Elena's notes and dreams, Tanya's ethical dilemmas, and Vasilisa's religious discourse broaden the semantic field of the "enigma" and endow it with a humanistic dimension. The image of the "enigma" subsequently develops into a metaphor for the diagnosis of society, making it possible to examine the tensions among reproductive policy, scientific ethics, and individual freedom under the Soviet system. Literature here performs the functions of social diagnosis and the interpretation of historical

trauma: it bears witness to individual lived experience while preserving the memory of historical wounds and the voice of humanity.

Keywords: L.E. Ulitskaya, The Kukotsky Enigma, narrative medicine, physician's narrative, patient's narrative

For citation: Zhang Jiaxin, Liu Xinyi Narrative medicine in the interpretation of L.E. Ulitskaya's novel The Kukotsky Enigma. Philological Bulletin. 2026. 5 (4). P. 250 – 257. DOI: 10.66621/2949-4656-2026-5-4-250-257

The article was submitted: June 16, 2026; Approved after reviewing: July 14, 2026; Accepted for publication: August 17, 2026.

Введение

Людмила Евгеньевна Улицкая – одна из наиболее влиятельных на международной литературной сцене современных российских писательниц. Ее роман «Казус Кукоцкого», удостоенный премии «Русский Букер» за 2001 год, привлек широкое внимание и считается важной вехой в творческой биографии писательницы. В отличие от традиционных произведений о советской эпохе, в которых центральное место занимает политическое или историческое повествование, в романе «Казус Кукоцкого» медицинский дискурс становится способом обращения к широкому кругу общественных проблем и формирует особое повествовательное пространство между личным и коллективным, жизнью и системой. Благодаря обращению к медицинскому дискурсу роман становится не только повествованием о враче и его профессиональном опыте, но и метафорическим «казусом» жизни и истории.

В романе «казус» не сводится к единому медицинскому дискурсу, а формируется как многоголосое повествование, создаваемое врачом, пациентом, семьей и обществом. По своему содержанию такой подход созвучен исследованиям в области медицинской гуманитаристики (Medical Humanities), получающим в последние годы все большее внимание. Одним из наиболее значимых направлений в этой области является теория нарративной медицины (Narrative Medicine), предложенная американской исследовательницей Ритой Шарон (Rita Charon). Под ней понимается «медицина, осуществляемая посредством нарративной компетентности», тогда как сама нарративная компетентность определяется как «способность распознавать, усваивать и интерпретировать истории болезни, а также эмоционально откликаться на них» [8, с. V]. Нарративная медицина исходит из того, что медицина не должна ограничиваться диагностикой на основе биологических показателей, но должна также вслушиваться в жизненные истории пациентов и стремиться к более целостному пониманию личности. В этом смысле она представляет собой «медицинскую практику, обращенную к человеку в условиях техноцентризма, рационализма и позитивизма современной медицины» [6, с. 22]. При таком подходе отношения между врачом и пациентом перестают строиться исключительно по модели одностороннего авторитета и подчинения и приобретают характер взаимодействия, основанного на слушании, эмпатии и свидетельствовании. Значение нарративной медицины состоит в том, что, возвращая пациенту право на собственный рассказ, она позволяет преодолеть чрезмерную зависимость медицинской практики от научного дискурса и недостаточное внимание к индивидуальному опыту. Эта теория открывает и новые возможности для литературоведческого анализа. Литература как искусство повествования сама по себе представляет пространство пересечения множества голосов. Она способна воспроизводить и расширять способы повествования о казусе, вводя в диалог историю пациента, врачебный диагноз, свидетельство семьи и институциональный дискурс общества. В настоящей статье с позиций нарративной медицины рассматривается взаимодействие врачебного нарратива и нарратива пациента в романе, а также анализируется, каким образом образ казуса расширяется в литературе и становится метафорой, охватывающей семью и государство. Такой подход позволяет осмыслить взаимосвязь медицины, литературы и истории в творчестве Улицкой и понять, какие новые возможности литература предлагает для интерпретации человеческого жизненного опыта и исторической травмы.

Материалы и методы исследований

Материалом исследования является роман Л.Е. Улицкой «Казус Кукоцкого». В статье произведение рассматривается с позиций нарративной медицины, разработанной Ритой Харон, которая акцентирует внимание на значении индивидуального опыта пациента в медицинской практике. На основе методов нарратологического и историко-культурного анализа исследуются особенности врачебного и пациентского нарративов, а также их взаимодействие в структуре романа. Автор статьи стремится показать, каким образом Улицкая расширяет значение казуса, превращая его из медицинского повествования в форму осмысления семейных конфликтов, социальных противоречий и исторического опыта советской эпохи.

Результаты и обсуждения

В романе Кукоцкий наделен почти мистической способностью к «внутреннему зрению», позволяющей ему распознавать патологические изменения в организме без помощи каких-либо приборов. В тексте говорится: «осматривая на поликлиническом приеме женщину с регулярными выкидышами на четвертом-пятом месяцах беременности, он обнаружил, что видит опухоль желудка с метастазами – один очень заметный в печень, второй, слабенький, в область средостения» [2, с. 10]. Хотя этот художественный прием имеет явно вымышленный характер, он символизирует силу научной рациональности и медицинского дискурса. Посредством истории болезни, обследования и диагноза врач формирует авторитетное знание о человеческой жизни, а внутреннее зрение Кукоцкого представляет собой гиперболизированное выражение этого процесса: он способен не только «видеть» тело, но и проникать в его скрытые механизмы, вследствие чего получает почти исключительное право на его интерпретацию. Как отмечает Мишель Фуко в книге «Рождение клиники» (*Naissance de la clinique*), клинический опыт «представлялся как простое, не опосредованное понятием столкновение взгляда с лицом или беглого осмотра с безмолвным телом; как контакт, предшествующий всякому дискурсу и свободный от бремени языка, благодаря которому два живых человека оказываются в привычной, но неравноправной ситуации» [10, с. 7]. Однако роман не изображает эту способность как безошибочную. Напротив, мотив внутреннего зрения позволяет показать двойственную природу научной рациональности. С одной стороны, оно обеспечивает врачу диагностический авторитет и дает возможность быстро приходить к выводам в тех случаях, когда другие не способны понять происходящее. С другой стороны, возникает опасность сведения жизненного опыта к объекту, который можно описать и классифицировать средствами медицинского языка. Такое прочтение тела оставляет за пределами внимания субъективно переживаемые пациентом боль, тревогу и личный смысл болезни. Несмотря на выдающееся врачебное мастерство, Кукоцкому присущи аскетические установки и мизогинные взгляды: «Даже слишком плотный завтрак ослаблял внутривидение <...> Что же касалось физической связи с женщинами, то она на время исключала какую бы то ни было прозрачность в наблюдаемых больных» [2, с. 11]. В его представлении личные чувства и научная рациональность несовместимы, что противоречит установке нарративной медицины на «внимание к психологическому и эмоциональному состоянию пациента посредством слушания» [6, с. 40]. Внутреннее зрение позволяет Кукоцкому увидеть истину больного тела, но не дает доступа к внутреннему миру человека. Поэтому возможности врачебного нарратива изначально ограничены: его точность и объективность нередко достигаются за счет вытеснения голоса пациента.

Если внутреннее зрение символизирует ограничения, присущие самой научной рациональности, то государственная политика еще отчетливее показывает зависимость медицинского дискурса от системы власти. В начале 1920-х годов Советский Союз переживал экономический кризис, длительные потрясения, войны и революции, поэтому многие женщины, не имевшие возможности содержать ребенка, прибегали к аборту. В мае 1936 года, в связи с опасениями по поводу сокращения населения и медицинских рисков аборта, Центральный исполнительный комитет СССР запретил искусственное прерывание беременности, подчинив женскую репродуктивность задачам государственной демографической политики. В условиях высокоцентрализованной политической системы медицина была полностью включена в сферу идеологического и административного контроля. Врачебный дискурс должен был служить политическим целям государства и превращался в инструмент регулирования жизни и контроля над телом. Хотя Кукоцкий последовательно отстаивал репродуктивные права женщин и выступал против тяжелых последствий подпольных аборт, на уровне государственных институтов его позиция не имела реального влияния. Ему казалось, что беседа с высшими партийными руководителями по вопросу легализации аборт прошла весьма успешно, однако «дело, несмотря на удачный, как ему казалось, визит к высокому начальству, не двигалось, комиссия все не работала» [2, с. 38]. Медицинский нарратив вынужден уступить государственному дискурсу, а этическая позиция врача оказывается бессильной перед логикой государственной политики.

Ограниченность врачебного нарратива проявляется не только в институциональном контексте, но и в сфере семейных отношений. Семья является одной из центральных тем практически всего творчества Улицкой; по словам исследователей, она служит для писательницы «средством осмысления личности и рода, чувств и ответственности, истории и традиции, а также главным пространством для развертывания эстетических, социологических и философских размышлений» [3, с. 144]. Следует отметить, что казус в романе не ограничивается клиническим документом или врачебным диагнозом, а включает в себя различные формы кризиса – телесные, духовные, этические и семейные. Именно в этом смысле внутренние переживания членов семьи Кукоцкого – непонимание Еленой своего мужа и возникающие у нее в особом состоянии видения, растерянность Тани перед лицом научных исследований, а также религиозная вера Василисы в эпоху государственного атеизма – могут рассматриваться как части казуса, с которым сталкивается врач

Кукоцкий. Таким образом, семья становится еще одним пространством диагностики, где возможности медицинской рациональности оказываются ограниченными. Однако как муж и отец Кукоцкий не способен полностью отказаться от врачебного взгляда и по-прежнему склонен воспринимать близких через призму научного мышления. Так, в первой части романа между Кукоцким и Еленой возникает конфликт из-за ее работы, и семейный казус начинает постепенно проявляться. Кукоцкий считает работу с чертежами исключительно механической и лишённой тайны, утверждая, что «в одном человеческом пальце больше загадок, чем во всех ваших чертежах» [2, с. 58]. Это высказывание отражает его медицинский способ восприятия мира. Он не способен понять внутренние переживания жены, тогда как Елена оказывается в состоянии подавленности и невозможности выразить себя. Их разговор показывает, что медицинский нарратив не способен исчерпать всю полноту человеческого опыта, а рациональный подход оказывается бессильным перед сферой семейных чувств. Когда между супругами возникает спор об абортах, происходит первый за десять лет брака серьезный конфликт. В этот момент Кукоцкий произносит: «У тебя нет права голоса. У тебя нет этого органа. Ты не женщина. Раз ты не можешь забеременеть, не смеешь судить» [2, с. 78]. После этих слов семейное счастье Кукоцких оказывается разрушенным. Под влиянием медицинской рациональности Кукоцкий фактически лишает жену права на собственный голос. Именно через изображение семейного конфликта Улицкая показывает ограниченность медицинского разума в понимании целостности человеческой жизни.

Врачебный нарратив является неотъемлемой частью казуса, поскольку он предлагает рациональный способ осмысления человеческой жизни. Однако если ограничиться только этим типом повествования, казус неизбежно приобретает односторонний и неполный характер. Образ Кукоцкого позволяет Улицкой поставить важную проблему: медицинский дискурс способен приблизиться к целостному пониманию жизни лишь тогда, когда вступает в диалог с голосом самого пациента.

Понятие «пациента» в романе не ограничивается человеком, страдающим телесным недугом. К нему относятся и те, кто в определенных исторических обстоятельствах переживает душевную травму, нравственный кризис или невозможность быть услышанным. Их опыт не укладывается в рамки врачебного диагноза, однако без него невозможно понять положение героинь.

Улицкая вводит в роман несколько относительно самостоятельных фрагментов – две записные книжки Елены и главы о ее сновидениях во второй части, – чтобы дать героине возможность говорить от собственного имени. В записных книжках отражены повседневные мелочи и внутренние переживания Елены; здесь она рассказывает о своей жизни вне рамок медицинских суждений мужа. Сама Елена называет эти записи «записками сумасшедшего». Их обрывочная, сбивчивая речь напоминает слово безумия в понимании Фуко. Там, где право на объяснение принадлежит разуму и медицине, подобный голос обычно признается болезненным и лишается самостоятельного значения; в романе он, напротив, сохраняется. Во второй части переживания Елены постепенно выходят за рамки реалистического повествования. Она становится для автора «ключом к открытию другого времени и пространства, причем построение этого нового повествовательного мира также основывается на фантазиях и сновидениях Елены» [12, с. 116]. В этих главах заметны приемы постмодернистской поэтики и стремление «найти несколько точек понимания за пределами реальной жизни» [7, с. 223]. Такое повествование о последних днях героини невозможно зафиксировать в форме медицинской истории болезни. Сны, видения и измененное восприятие пространства, возникающие при угасании тела, не имеют для врача диагностической ценности, но составляют важную часть того, как Елена понимает собственную жизнь.

Наряду с предсмертным повествованием Елены в романе звучит и другой голос – голос Тани. Обнаружив, что в лаборатории проводят опыты над человеческими эмбрионами, она испытывает отвращение к научной работе, которой прежде была увлечена. Таня не может принять отношение к человеческой жизни как к материалу для эксперимента и начинает сомневаться в нравственных границах советской науки. Наука была для нее «предметом страстной любви», однако после случившегося она решает окончательно с ней расстаться. После ухода из лаборатории Таня пытается обсудить с образованным отцом конфликт между наукой и этикой, надеясь найти ответ на собственный духовный кризис. Однако Кукоцкий выступает как представитель научной рациональности и убежден, что медицина обладает собственной системой нравственных норм. Он отвечает дочери: «В нашем деле, Таня, профессионал тот, кто берет на себя ответственность, выбирает из имеющихся возможностей наиболее приемлемую, иногда это выбор жизни или смерти <...> Когда надо выбирать между жизнью ребенка и жизнью матери, обычно выбирают жизнь женщины» [2, с. 194]. Кукоцкий сохраняет собственную систему ценностей, однако не способен понять, что именно тревожит его дочь. Для Тани наука постепенно разрушает ее базовое этическое чувство, заставляя ощутить, что она теряет «какие-то основные понятия, разницу между человеческой и крысиной жизнью потеряла» [2,

с. 195]. Отец говорит о профессиональной ответственности и медицинской этике, тогда как дочь отказывается принимать сведение жизни к объекту эксперимента и выражает протест через отказ от научной деятельности. В конце концов Таня говорит отцу: «И даже ты, как все... Ничего не понимаешь» [2, с. 196]. После этого Таня разрывает связь с прежней собой и становится отступницей по отношению к привычным нормам. Покинув сферу науки, она постепенно погружается в городскую маргинальную культуру и свободную художественную среду, пытаясь таким образом ответить на собственный этический кризис и дистанцироваться от установленного порядка. История Тани становится еще одним развитием казуса Кукоцкого. Конфликт между отцом и дочерью демонстрирует глубокое напряжение между врачебным нарративом и нарративом пациента: голос Тани ставит под сомнение монополию медицинского и научного авторитета и привносит в казус этическое и гуманитарное измерение.

Персонаж Василисы направляет размышления романа к проблеме положения религиозной традиции в советскую эпоху. В произведении Василиса представляет верующего человека, принадлежащего к русской православной традиции. На протяжении веков православие оказывало глубокое влияние на духовный облик русского народа. Русская культура воспринимает страдание как сакральный опыт, поскольку «страдание является внутренней духовной потребностью и священной возможностью спасения души» [9, с. 146]. Василиса привыкла обращаться к религиозным установлениям для разрешения духовных сомнений и неизменно объясняет болезни и смерть через призму веры. Она убеждена, что жизнь принадлежит Богу, и человек будет жить с помощью Бога. Такая позиция вступает в очевидное противоречие с медицинской рациональностью Кукоцкого. «У нее оказалась нелепая, с точки зрения доктора, тупая и бесчеловечная, но по своему нравственная позиция.» [2, с. 180]. С точки зрения нарративной медицины голос Василисы обладает особой значимостью. Он показывает, что в процессе повествования о жизненном опыте пациента существует не только медицинский язык. Медицинское и религиозное объяснение следуют разным логикам, однако в человеческом опыте они могут сосуществовать. Для некоторых людей религия способна дать утешение и смысл, которые медицина не всегда может предложить. Включая голос Василисы в роман, Улицкая расширяет пространство казуса, позволяя ему вместить различные способы понимания человеческой жизни. Религиозный язык Василисы также сохраняет культурную и историческую память. В условиях советского официального атеизма религиозный дискурс долгое время находился на периферии общественной жизни, однако Улицкая возвращает его в художественное пространство через этот образ. Таким образом, нарратив пациента становится не только выражением личного опыта, но и способом сохранения духовной традиции, продолжавшей существовать в конкретных исторических условиях.

Роман «Казус Кукоцкого» начинается с медицинской проблематики, однако круг поставленных в романе вопросов не ограничивается врачом, пациентом и болезнью. Улицкая помещает семейную жизнь героев в контекст советского общества и истории 20 века, благодаря чему понятие казуса постепенно приобретает социальный смысл. Подобно многим российским писательницам, она обращается к темам семьи, любви и женской судьбы, но ее творчество отличает также «обращенность к истории и культуре всей России 20 века» [4, с. 91]. Поэтому к казусу относятся и распад семейных связей, и стоящие за ним политические, этические и ценностные конфликты.

В семье Кукоцких сталкиваются несколько трудно совместимых позиций. Кукоцкий доверяет медицине и науке, Елена больше полагается на личный опыт, Таня ставит под сомнение нравственные границы научных исследований, а Василиса осмысливает жизнь через религиозную веру. Семейные споры оказываются связаны с репродуктивной политикой, представлениями о науке и системой ценностей советского общества. Наиболее отчетливо это проявляется в конфликте вокруг аборт. Как клинический врач, Кукоцкий хорошо знает, что запрет на аборты ведет к подпольным операциям, инфекциям и смертям, поэтому выступает за их легализацию. Его позиция основана на профессиональном опыте и внимании к положению женщин. Однако при господстве государственной демографической политики мнение врача почти не влияет на принимаемые решения. Елена и Василиса, напротив, придают большее значение материнству и самой ценности жизни. Через распад семейных связей роман показывает, как запретительная политика сказывается на жизни обычных людей.

История Тани выводит на другую общественную проблему. Пережитое потрясение постепенно приводит Таню к отрицанию прежней системы ценностей и побуждает ее «выработать целую систему отрицания мира и жить по собственным законам» [13, с. 109]. Уход Тани из сферы научной деятельности обусловлен как ее личным этическим выбором, так и разочарованием в институционализированной науке. Под воздействием государственных целей и практических потребностей научные исследования могут утрачивать внимание к отдельной человеческой жизни и нравственной ответственности. Поэтому конфликт между Таней и ее отцом выходит за рамки обычного противостояния поколений и затрагивает более широкий вопрос о

том, каким образом научное развитие должно соотноситься с этикой жизни. Через историю Тани Улицкая связывает индивидуальный духовный кризис с особенностями научной среды того времени, придавая критическому осмыслению научного авторитета более широкое общественное значение.

В условиях официального советского атеизма религиозный нарратив долгое время находился на периферии общественной жизни. Василиса стремится осмыслить мир через религиозную веру, однако такой взгляд практически не имел легитимности в атеистическом идеологическом пространстве. Ее высказывания кажутся чуждыми внутри семьи, но именно эта «несвоевременная мысль» указывает на другую сторону социальной патологии: когда многообразие культурных традиций и верований подвергается подавлению, общественная жизнь утрачивает духовную полноту. Василиса является не просто верующей служанкой; ее повествование связано с проблемой идеологической однородности советского общества. Подобная однородность сама по себе становится признаком духовного неблагополучия. Положение Василисы выходит за рамки семейных разногласий по вопросам веры и указывает на характерную для советского общества 20 века проблему идентичности: «Кризис идентичности русского человека советского периода связан с глубоким расхождением между духовными ценностями советского человека, провозглашавшими разрыв со всеми традиционными представлениями, и общечеловеческими духовными ценностями, передававшимися в русской культуре из поколения в поколение. Жить ли в соответствии с официальной идеологией или следовать духовным ценностям русского народа и человечества?» [11, с. 104] Вера, которой придерживается Василиса, может рассматриваться как один из ответов романа на эту дилемму. Сама Улицкая не является глубоко религиозным православным человеком: она признает духовное и нравственное значение религии, но выступает против ее догматизации и институционализации. Писательницу интересует прежде всего духовное измерение человеческого существования. В ее произведениях присутствуют религиозные мотивы, однако, по ее мнению, «для поддержки человеческого духа важнее иметь собственные нравственные принципы и собственную веру; при этом такая вера не обязательно должна быть религиозной, главное — сохранять серьезное и последовательное отношение к жизни» [5, с. 25]. В образе Василисы воплощено духовное измерение, выходящее за пределы рационального мира и позволяющее человеку сохранять нравственную опору и веру даже в условиях нарушенного порядка. Ее вера не является богословской системой, а представляет собой этическое убеждение, связанное с поиском смысла человеческой жизни.

Расширение понятия казуса проявляется и в повествовательной форме романа. Произведение построено как многоголосный текст: в создании казуса участвуют персонажи с разным жизненным опытом и социальным положением. Врачебное суждение перестает быть единственным способом объяснения пациента, а сосуществование и столкновение разных голосов связывает семейную жизнь героев с проблемами советского общества. Особенно заметны различия между четырьмя частями романа. Первая часть выдержана преимущественно в реалистической манере, во второй повествование неожиданно переходит к сновидениям Елены, а сравнительно сдержанное медицинское описание сменяется языком символов и метафор. Третья и четвертая части вновь возвращают читателя к реальности. Такое построение показывает, что медицинский язык способен описывать тело, но с трудом передает опыт сна, смерти и последних мгновений жизни. В этом отношении роман имеет сходство с «параллельной историей болезни» в нарративной медицине: наряду с наблюдениями врача здесь фиксируется опыт пациента. Параллельная история болезни «посредством двойного клинического письма согласует гуманитарное и техническое начала, врачебные решения и восприятие пациента, реализуя цель гуманизации медицинской практики» [6, с. 59].

Выводы

Улицкая постоянно обращается к поиску правильного способа человеческого существования. В романе «Казус Кукоцкого» этот вопрос приобретает конкретный смысл: когда медицина и общественные институты пытаются определить значение человеческой жизни за самого человека, у него все же остается возможность рассказать о собственном опыте. Об этом же свидетельствует оценка творчества Улицкой, данная Т. В. Казариной: «Из бытового закутка проще всего осуществлять “выход в астрал”, что на поверку крайне тонкой оказывается перегородка между коммунальной кухней и самыми глубокими метафизическими безднами» [1].

Данная литературная практика Улицкой также имеет важное значение для развития нарративной медицины. Традиционно нарративная медицина акцентирует внимание на слушании и эмпатии в клинической практике, однако этот методологический подход может быть распространен и на более широкий культурно-исторический контекст. Литературный нарратив не только дополняет медицинское знание, но и расширяет границы нарративной медицины, показывая, что казус может выступать в качестве метафорического текста для осмысления общества и истории. В этом смысле литература и медицина находят точки соприкосновения в сфере гуманистического отношения к человеку.

Список источников

1. Казарина Т.В. Рецензия на сборник Л. Улицкой [Электронный ресурс]. 1996. URL: http://www.a-z.ru/women_cd1/html/preobrazh_4_1996_e.htm. (дата обращения: 20.04. 2026)
2. Улицкой Л.Е. Казус Кукоцкого. М.: Издательство АСТ, 2001. 494 с.
3. 陈方. 乌利茨卡娅长篇小说的“家庭中心论” // 外国文学研究, 2018. № 3. С. 143 – 152.
4. 陈方. 乌利茨卡娅和她的创作 // 世界文学, 2021. № 3. С. 85 – 95.
5. 高爱英. 对生命与爱的歌唱—浅析柳·乌利茨卡娅的创作特色. 东北师范大学, 2009. 35 с.
6. 郭莉萍主编. 叙事医学. 北京: 人民卫生出版社, 2020. 152 с.
7. 侯玮红. 当代俄罗斯小说研究. 北京: 中国社会科学出版社, 2013. 233 с.
8. 丽塔·卡伦. 叙事医学: 尊重疾病的故事. 郭莉萍等译. 北京: 北京大学医学出版社, 2015. 352 с.
9. 刘锟. 东正教精神与俄罗斯文学. 北京: 人民文学出版社, 2009. 226 с.
10. 米歇尔·福柯. 临床医学的诞生. 刘北成译. 南京: 译林出版社, 2011. 222 с.
11. 薛冉冉. 苏联解体后俄罗斯小说中的苏联形象研究. 杭州: 浙江大学出版社, 2017. 173 с.
12. 闫吉青、宋亚强. 思考的直接展示—《库科茨基医生的病案》的两重时空 // 名作欣赏, 2017. № 12. С. 115 – 121.
13. 张嵘. 论时空体对小说世界构建的作用: 以小说《库科茨基医生的病案》为例 // 当代外国文学, 2023. № 3. С. 106 – 112.

References

1. Kazarina T.V. Review of L. Ulitskaya's collection [Electronic resource]. 1996. URL: http://www.a-z.ru/women_cd1/html/preobrazh_4_1996_e.htm (date of access: 20.04. 2026)
2. Ulitskaya L.E. Kukotsky's Case. Moscow: AST Publishing House, 2001. 494 p.
3. Kukotsky. 乌利茨卡娅长篇小说的“家庭中心论”. 外国文学研究, 2018. No. 3. P. 143 – 152.
4. 陈方. 乌利茨卡娅和她的创作. 世界文学, 2021. No. 3. P. 85 – 95.
5. 高爱英. 对生命与爱的歌唱—浅析柳·乌利茨卡娅的创作特色. 东北师范大学, 2009. 35 p.
6. 郭莉萍主编. 叙事医学. 北京: 人民卫生出版社, 2020. 152 p.
7. 侯玮红. 当代俄罗斯小说研究. 北京: 中国社会科学出版社, 2013. 233 p.
8. 丽塔·卡伦. 叙事医学: 尊重疾病的故事. 郭莉萍等译. 北京: 北京大学医学出版社, 2015. 352 p.
9. 刘锟. 东正教精神与俄罗斯文学. 北京: 人民文学出版社, 2009. 226 p.
10. 米歇尔·福柯. 临床医学的诞生. 刘北成译. 南京: 译林出版社, 2011. 222 p.
11. 薛冉冉. 苏联解体后俄罗斯小说中的苏联形象研究. 杭州: 浙江大学出版社, 2017. 173 p.
12. 闫吉青、宋亚强. 思考的直接展示—《库科茨基医生的病案》的两重时空. 名作欣赏, 2017. No. 12. P. 115 – 121.
13. 张嵘. 论时空体对小说世界构建的作用: 以小说《库科茨基医生的病案》为例. 2023. No. 3. P. 106 – 112.

Информация об авторах

Чжан Цзясинь, доктор филологических наук, преподаватель, Военно-морской инженерный университет НОАК, г. Ухань, Китай, 747014966@qq.com

Лю Синь, доктор филологических наук, преподаватель, Институт иностранных языков, Университет международного бизнеса и экономики, г. Пекин, Китай, chloris_325@163.com

© Чжан Цзясинь, Лю Синь, 2026

Научно-исследовательский журнал «Филологический вестник / Philological Bulletin»

<https://fv-journal.ru>

2026, Том 5, № 4 / 2026, Vol. 5, Iss. 4 <https://fv-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика (филологические науки)

УДК 004.8

DOI: 10.66621/2949-4656-2026-5-4-258-263

Использование инструментов искусственного интеллекта в медиакоммуникациях

¹ Земских Г.А.,

¹ *Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации*

Аннотация: целью статьи является изучение и анализ возможностей искусственного интеллекта в медиакommunikациях для привлечения аудитории, налаживания взаимодействия и доверия общества при передаче информации от СМИ. Особое внимание уделяется инструментам и средствам, которые уже применяются в изучаемой отрасли. Задачи работы основаны на теоретическом обзоре научных подходов авторов к сущности термина «медиакоммуникация», анализируется статистика использования в СМИ таких технологий. В работе приведена классификация примеров применения данных инструментов искусственного интеллекта в медиасфере. Методы исследования включают обзор, синтез, сравнение, а также метод анализа, дедукции и обобщения полученных результатов. Научная новизна состоит в том, что обновлены и уточнены знания по возможностям новых технологий в сфере медиа. Предложена новая группировка по виду и наименованию инструментов, которая классифицирована по функционалу применения именно для медиакоммуникаций. Результаты данной работы описывают текущие проблемные моменты в изучаемом вопросе. На основании этого предлагаются некоторые направления и пути их решения. Обосновывается роль искусственного интеллекта для проведения качественного сбора, анализа, синтеза информации и передачи ее населению.

Ключевые слова: медиакоммуникации, искусственный интеллект, средства цифровизации, технологии, медиасфера, маркетинг, потребители, население

Для цитирования: Земских Г.А. Использование инструментов искусственного интеллекта в медиакоммуникациях // Филологический вестник. 2026. Том 5. № 4. С. 258 – 263. DOI: 10.66621/2949-4656-2026-5-4-258-263

Поступила в редакцию: 16 июня 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 14 июля 2026 г.; Принята к публикации: 17 августа 2026 г.

Using artificial intelligence tools in media communications

¹ Zemskikh G.A.,

¹ *Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration*

Abstract: the purpose of the article is to study and analyze the possibilities of artificial intelligence in media communications to attract an audience, establish interaction and public trust in the transmission of information from the media. Special attention is paid to the tools and methods that are already used in the industry under study. The objectives of the work are based on a theoretical review of the authors' scientific approaches to the essence of the term "media communication", and statistics on the use of such technologies in the media are analyzed. The paper provides a classification of examples of the use of these artificial intelligence tools in the media sphere. Research methods include review, synthesis, comparison, as well as the method of analysis, deduction and generalization of the results. The scientific novelty lies in the fact that knowledge about the possibilities of new technologies in the field of media has been updated and clarified. A new grouping is proposed by type and name of tools, which is classified according to the functionality of application specifically for media communications. The results of this work describe the current problematic issues in the issue under study. Based on this, some directions and solutions are proposed. The role of artificial intelligence for high-quality collection, analysis, synthesis of information and its transmission to the public is substantiated.

Keywords: media communications, artificial intelligence, digitalization tools, technologies, media sphere, marketing, consumers, population

For citation: Zemskikh G.A. Using artificial intelligence tools in media communications. Philological Bulletin. 2026. 5 (4). P. 258 – 263. DOI: 10.66621/2949-4656-2026-5-4-258-263

The article was submitted: June 16, 2026; Approved after reviewing: July 14, 2026; Accepted for publication: August 17, 2026.

Введение

Актуальность темы сводится к тому, что цифровизация экономики диктует новые требования к коммуникационной среде. Если ранее использовались традиционные средства в виде СМИ, газет, журналов, то сейчас активно происходит распространение контента через социальные сети и иные медиаресурсы. В этом контексте большой интерес вызывают технологии и инструменты искусственного интеллекта (далее ИИ). Эксперты подчеркивают, что алгоритмы машинного обучения, нейросети используются практически во всех редакционных процессах. Пользователи и сами специалисты медиа создают системы рекомендаций, анализируют потребности и интересы своей аудитории, меняя тем самым укоренившиеся представления о работе журналистов и PR-специалистов.

Цель настоящей статьи состоит в подробном изучении и анализе имеющихся подходов авторов к применению ИИ в медиакommunikациях. На основании этого выделяются главные инструменты взаимодействия с аудиторией, выделены направления развития интересующих вопросов, а также определены проблемы и пути их решения.

Методология данной работы основана на изучении научных работ и публикаций зарубежных авторов, а также отечественных исследователей. На основе статистических данных проанализирована динамика внедрения ИИ в медиасферу. С точки зрения практического применения результатов статья может быть использована в образовательном курсе программ обучения будущих журналистов, маркетологов, PR-менеджеров.

В теоретическом аспекте понимание междисциплинарного понятия «коммуникация» можно найти как в отечественных общенаучных или справочных работах, так и в теоретических исследованиях журналистики и массовых коммуникаций.

Исследователи Гавра Д.П. и Науменко К.А. предложили новые подходы к пониманию сущности термина «медиа-система». Они интерпретировали его с точки зрения складывающегося информационно-сетевого общества. Авторы обозначили круг методологических проблем в использовании этого термина. С опорой на выделенный функционально-содержательный дуализм в применении концепта медиа-систем, они предложили его интерпретацию в двух содержательных измерениях: субстанциональном и социальном [5, с. 8].

Другой исследователь Вартаков С.А. считает, что медиакommunikации – это сложная социально-экономическая система. По мнению автора, она призвана объединять технические средства представления, передачи, хранения и обработки цифровой информации. При этом все субъекты взаимодействуют с помощью таких средств [1, с. 29].

В контексте цифровизации Виноградова К.Е. рассматривает медиакommunikации как основу создания контента, который формируется с помощью генерации, а именно посредством использования ИИ [2, с. 10].

Зарубежные исследователи Br. Sancanin и Al. Penjisevic считают, что ИИ является мощным катализатором, который позволяет медиа-организациям оптимизировать и совершенствовать свою деятельность. Авторы уделяют основное внимание ответственному и этически приемлемому использованию ИИ [10, с. 5].

Авторы Ильинова Е.Ю. и Кочетова Л.А. предположили, что сейчас практика работы СМИ в стране поощряет дальнейший мониторинг влияния социальных, культурных и политических условий на представление концепции искусственного интеллекта с целью поддержки сбалансированного взаимодействия общест-венности с данными технологиями [8, с. 110].

В целом, все исследователи подчёркивают значение современных инструментов в сфере медиа.

Материалы и методы исследований

Материалами исследования послужили труды зарубежных и отечественных ученых, а также изучены статистические отчеты и справочники по теме работы. Методы, которые были применены в ходе работы, основаны на обзоре, синтезе информации, а также использованы методы анализа и сравнения, дедукции и обобщения.

Результаты и обсуждения

В текущих реалиях классические навыки журналистов в ходе работы с аудиторией и населением в целом становятся малоэффективными. Медийный интеллект современного специалиста в изучаемой отрасли должен включать следующие элементы:

- цифровая грамотность, то есть умение эффективно использовать цифровые инструменты для поиска, верификации и создания контента;
- творческие способности. В данном случае имеется ввиду креативность в разработке новых форматов и подходов к подаче информации, позволяющих выделиться в насыщенной медиасреде [7, с. 629];
- критическое мышление – это способность анализировать информацию, выявлять манипуляции, фейки и скрытые смыслы;
- рефлексия и мотивация, предполагающая понимание своей социальной ответственности и постоянное стремление к саморазвитию и освоению новых технологий [6, с. 361].

Как известно, ИИ сейчас активно применяется на всех этапах медиапроизводства, а именно на этапе сбора информации, обработки данных, создании контента. Нейросети помогают специалистам создавать уникальные тексты и даже визуальные материалы [9, с. 79].

Обращаясь к статистическим данным, можно определить долю ИИ-трафика на ресурсы СМИ (рис. 1).

Данные рисунка показывают увеличение доли ИИ-трафика на ресурсах СМИ за период 2025-2026 годы. Это говорит о том, что алгоритмы активнее внедряются в повседневные информационные потоки.

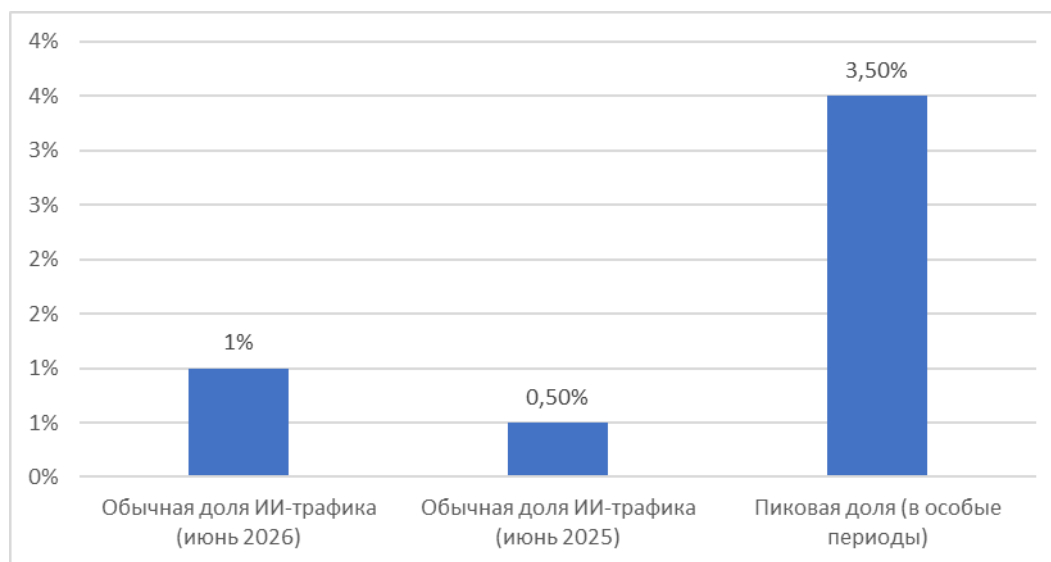

Рис. 1. Доля ИИ трафика в СМИ, % [4].

Fig. 1. Share of AI traffic in the media, % [4].

Как видно из рис. 1, обычные показатели (1 %) и пиковые значения (3,5 %) различаются по масштабу. Это говорит о том, что наблюдается высокая чувствительность ботов ИИ к внешним событиям. То есть, нейросети не просто сканируют контент равномерно, а активируются в большей мере в моменты информационных всплесков [3].

Говоря о самих инструментах и средствах ИИ в медиасфере, стоит отметить, что их существует немало количество. Они отличаются друг от друга функционалом и возможностями (табл. 1).

Таблица 1

Примеры инструментов ИИ в медиакommunikациях.

Table 1

Examples of AI tools in media communications.

Наименование	Специальные возможности	Примеры СМИ
ChatGPT	Генерация текстов, заголовков, рерайт, помощь в разработке тем	Associated Press (США), The Guardian (Великобритания), Rusbase (Россия)

Продолжение таблицы 1
Continuation of Table 1

YandexGPT	Автоматическое создание пресс-релизов, кратких новостей, заметок	Auto.ru (Россия)
Whisper (OpenAI)	Распознавание речи с высокой точностью, транскрибация интервью	BBC News (Великобритания), телеканал «78» (Санкт-Петербург)
Midjourney / DALL-E / Кандинский	Генерация иллюстраций по текстовому описанию	The Washington Post (США), Orda.kz (Казахстан)
Trint / Otter.ai	Автоматическая расшифровка аудио- и видеозаписей	Bloomberg (США), The New York Times (США)
Reuters Tracer / Dataminr	Автоматическое выявление новостных событий, формирование новостной ленты в реальном времени	Reuters (Великобритания), Associated Press (США)
Rolli (Information Tracer + Rolliapp)	Фактчекинг, выявление скоординированных кампаний, поиск экспертов для комментариев	AFP Fact Check (Франция)
Semafor Signals	Мультиязычный поиск и агрегирование глобальных новостных трендов	Semafor (США), Politico (США), The Financial Times (Великобритания)
Системы компьютерного зрения (Reuters)	Распознавание персон и ключевых моментов в архивных видеозаписях, ускорение поиска фрагментов	Reuters
Рекомендательные алгоритмы (next-story)	Персонализированный подбор материалов на основе истории чтения, глубины прокрутки и действий пользователя	The New York Times
Модели модерации комментариев (на основе attention-механизмов)	Распознавание токсичности, языка вражды, спама; автоматическая блокировка до публикации	Используются в ряде изданий (без конкретных названий в статье)
Голосовые синтезаторы (Siri, Алиса, Маруся) и нейросетевые вокодеры	Озвучивание статей, создание ежедневных аудиодайджестов без участия дикторов	Крупные онлайн-издания (как общая практика)
Собственные разработки российских СМИ	Генерация справочных блоков и иллюстраций (РБК), подбор видео к текстам (Gazeta.Ru), аватары ведущих (ОТВ, «Свое ТВ»), полная генерация номера газеты («Краснодарские известия»)	РБК, Gazeta.Ru , ОТВ (Свердловская область), «Свое ТВ» (Ставрополь), «Краснодарские известия»

Как видно из сводной табл. 1, ИИ активно используется в медиасфере, но на разном уровне. Если за рубежом происходит полная автоматизация цикла с этическим контролем, то в России пока еще эти технологии находятся на стадии точечных внедрений. При этом в обоих случаях человек остаётся главным ответственным лицом за конечный продукт.

Выводы

Таким образом, можно обозначить, что цифровизация и внедрение инструментов ИИ в медиа сферу – это нормальный и повседневный процесс, включающий сбор информации, генерацию текстов, изображений. Алгоритмы машинного обучения стали полноправными участниками информационного обмена, а не просто вспомогательным инструментом. На основе примеров использования ИИ в медиакommunikациях видно, что сегодня уже нет ни одного этапа медиапроизводства, где бы не нашлось своего решения. Вместе с этим одной из главных проблем пока еще является этическая и правовая неопределённость. В России ведется разработка отдельных инициатив и законопроектов в этой сфере. Поэтому целесообразным было бы выработать отраслевой кодекс, который бы фиксировал минимальные требования к использованию ИИ в медиасфере. Несмотря на автоматизацию, основная роль принадлежит человеку, а инструменты ИИ выступают в качестве ассистента, который берёт на себя ответственность за выполнение рутинных операций.

Итак, в целом, ИИ в медиакommunikациях выполняет задачи, направление повышение лояльности аудитории, качество обратной связи, доверие к СМИ. Такие факторы, как скорость, персонализация, этический контроль, профессиональная переподготовка главным образом влияют на то, насколько успешно медиа смогут интегрировать технологии в работу.

Список источников

1. Вартанов С.А. Медиакommunikационная индустрия: к теоретическому обоснованию категории // Вестник Московского университета. Серия 10, Журналистика. 2023. № 6. С. 3 – 36.
2. Виноградова К.Е. Искусственный интеллект как профессиональный инструмент генерации контента в медиакommunikациях: баланс инноваций и нормативно-деонтологических ограничений // Российская школа связей с общественностью. 2025. № 39. 24 с.
3. В России зафиксировали рост доли ИИ-трафика на сайтах СМИ и электронной коммерции. URL: <https://habr.com/ru/news/1061368/?ysclid=mrw2mbzqh4708238517> (дата обращения 20.05.2026)
4. Доля ИИ-трафика в СМИ и e-com выросла вдвое. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/8829880?ysclid=mrup7yh1sv206068906> (дата обращения 20.05.2026)
5. Гавра Д.П., Науменко К.А. Концепт «медиа-система» в современной теории массовых коммуникаций // Медиа-скоп. 2020. № 1. Режим доступа: <http://www.mediascope.ru/2611> (дата обращения: 19.05.2026)
6. Гаврилов В.В. Цифровой интеллект как основа профессионального развития журналиста // Цифровая журналистика: технологии, смыслы и особенности творческой деятельности: сборник материалов Международной научно-практической конференции. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2024. С. 361 – 363.
7. Гаврилов В.В., Зорина В.А. «Цифровой интеллект журналиста»: к содержанию понятия // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2024. Т. 29. № 3. С. 626 – 641.
8. Ильинова Е.Ю., Кочетова Л.А. Медиатизация концепта «искусственный интеллект» в русскоязычных СМИ: корпусный подход // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. 2024. Т. 23. № 5. С. 108 – 123.
9. Шафир Т.В., Токарский Д.Е. Интеграция искусственного интеллекта в процессы создания медиаконтента // Вопросы медиабизнеса. 2025. Т. 4. № 2. С. 71 – 81.
10. Sancanin B., Penjisevic A. Use of artificial intelligence for the generation of media content // Social informatics journal. 2022. № 1 (1). P. 1 – 7.

References

1. Vartanov S.A. "Mediacommunications Industry: Toward a Theoretical Substantiation of the Category". Moscow University Bulletin. Series 10, Journalism. 2023. No. 6. P. 3 – 36.
2. Vinogradova K.E. "Artificial Intelligence as a Professional Tool for Content Generation in Media Communications: Balancing Innovations and Normative-Deontological Restrictions". Russian School of Public Relations. 2025. No. 39. 24 p.
3. "Russia Has Seen an Increase in the Share of AI Traffic on Media and E-Commerce Websites." URL: <https://habr.com/ru/news/1061368/?ysclid=mrw2mbzqh4708238517> (date of accessed: 20.05.2026)
4. The Share of AI Traffic in Media and E-Commerce Has Doubled. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/8829880?ysclid=mrup7yh1sv206068906> (date of accessed: 20.05.2026)
5. Gavra D.P., Naumenko K.A. The concept of "media system" in the modern theory of mass communications. Mediascope. 2020. No. 1. Access mode: <http://www.mediascope.ru/2611> (date of accessed: 19.05.2026)
6. Gavrilov V.V. Digital intelligence as the basis for the professional development of a journalist. Digital journalism: technologies, meanings, and features of creative activity: collection of materials from the International scientific and practical conference. Ekaterinburg: Publishing house of the Ural. University, 2024. P. 361 – 363.
7. Gavrilov V.V., Zorina V.A. "Digital Intelligence of a Journalist": On the Contents of the Concept. Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series: Literary Criticism. Journalism. 2024. Vol. 29. No. 3. P. 626 – 641.
8. Ilyinova E.Yu., Kochetova L.A. Mediatization of the Concept of "Artificial Intelligence" in Russian-Language Media: A Corpus-Based Approach. Bulletin of Volgograd State University. Series 2, Linguistics. 2024. Vol. 23. No. 5. P. 108 – 123.
9. Shafir T. V., Tokarsky D. E. Integration of Artificial Intelligence into Media Content Creation Processes. Issues of Media Business. 2025. T. 4. No. 2. P. 71 – 81.
10. Sancanin B., Penjisevic A. Use of artificial intelligence for the generation of media content. Social informatics journal. 2022. No. 1 (1). P. 1 – 7.

Информация об авторе

Земских Г.А., Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

© Земских Г.А., 2026

Научно-исследовательский журнал «Филологический вестник / Philological Bulletin»

<https://fv-journal.ru>

2026, Том 5, № 4 / 2026, Vol. 5, Iss. 4 <https://fv-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика (филологические науки)

УДК 316.77:004.738.5

DOI: 10.66621/2949-4656-2026-5-4-264-268

Соотношение визуальной и лингвистической составляющих в продвижении медиасообщества (на примере сообщества газеты «Аргументы и факты»)

¹ Ильин-Адаев М.А.,

¹ Московский финансово-промышленный университет Синергия

Аннотация: в статье рассматриваются особенности взаимодействия визуальных и лингвистических средств в продвижении медиасообщества газеты «Аргументы и факты» в социальной сети «ВКонтакте». Исследование основано на анализе публикаций сообщества за период с января по март 2026 года. Выявляются основные характеристики визуального контента, особенности речевого оформления публикаций, а также степень их соответствия друг другу. Установлено, что визуальная и текстовая составляющие сообщества функционируют как единая коммуникативная система, направленная на повышение вовлеченности аудитории и поддержание узнаваемого образа издания.

Ключевые слова: SMM, медиасообщество, визуальная коммуникация, визуальная лингвистика, социальные сети, медиапродвижение, мультимодальность, «Аргументы и факты»

Для цитирования: Ильин-Адаев М.А. Соотношение визуальной и лингвистической составляющих в продвижении медиасообщества (на примере сообщества газеты «Аргументы и факты») // Филологический вестник. 2026. Том 5. № 4. С. 264 – 268. DOI: 10.66621/2949-4656-2026-5-4-264-268

Поступила в редакцию: 17 июня 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 14 июля 2026 г.; Принята к публикации: 17 августа 2026 г.

The relationship between visual and linguistic components in media community promotion (the case of Argumenty i Fakty)

¹ Ilyin-Adaev M.A.,

¹ Moscow Financial and Industrial University Synergy

Abstract: the article examines the interaction between visual and linguistic means in promoting the media community of the newspaper Argumenty i Fakty on the social networking platform VKontakte. The study is based on an analysis of the community's publications from January to March 2026. It identifies the main characteristics of the visual content, the linguistic features of the publications, and the degree of correspondence between visual and textual components. The findings demonstrate that the visual and textual elements of the community function as an integrated communication system aimed at increasing audience engagement and maintaining the recognizable image of the media outlet.

Keywords: SMM, media community, visual communication, visual linguistics, social networks, media promotion, multimodality, Argumenty i Fakty

For citation: Ilyin-Adaev M.A. The relationship between visual and linguistic components in media community promotion (the case of Argumenty i Fakty). Philological Bulletin. 2026. 5 (4). P. 264 – 268. DOI: 10.66621/2949-4656-2026-5-4-264-268

The article was submitted: June 17, 2026; Approved after reviewing: July 14, 2026; Accepted for publication: August 17, 2026.

Введение

Социальные сети стали одним из ключевых каналов распространения медиаконтента. Традиционные средства массовой информации активно используют цифровые платформы для привлечения аудитории, увеличения охватов и формирования устойчивого информационного присутствия. В этих условиях особое значение приобретают SMM технологии, обеспечивающие продвижение медиапроектов в условиях высокой конкуренции за внимание пользователей [10, 11].

Современное медиасообщество представляет собой сложную мультимодальную систему, в которой текстовые и визуальные элементы образуют единое смысловое пространство [1, 13]. Пользователь социальной сети воспринимает публикацию комплексно, поэтому эффективность коммуникации во многом зависит от согласованности изображения и текста.

Цель исследования заключается в выявлении особенностей соотношения визуальной и лингвистической составляющих в продвижении медиасообщества газеты «Аргументы и факты» во «ВКонтакте».

Материалы и методы исследований

Материалом исследования выступили публикации сообщества «Аргументы и факты» [6] за период январь-март 2026 года. Анализ включает изучение визуального ряда публикаций, речевых особенностей текстов и характера их взаимодействия.

Под SMM (Social Media Marketing) понимается комплекс технологий продвижения бренда, организации или медиапроекта посредством социальных сетей. Основная задача SMM заключается в формировании устойчивой коммуникации с аудиторией, повышении узнаваемости бренда и стимулировании пользовательской активности.

Продвижение медиасообщества представляет собой систему действий, направленных на увеличение охвата публикаций, рост вовлеченности подписчиков и укрепление позиций медиаресурса в цифровом пространстве. В отличие от коммерческих сообществ, медиаплощадки ориентированы прежде всего на распространение информационного контента и поддержание регулярного взаимодействия с аудиторией.

Важным теоретическим основанием исследования выступает концепция мультимодальности [7]. Согласно данному подходу, смысл формируется посредством взаимодействия нескольких знаковых систем. В интернет-коммуникации основными модусами становятся текст и изображение. Их сочетание позволяет усилить воздействие на аудиторию и повысить эффективность передачи информации [12].

Для анализа визуальной составляющей были выделены следующие критерии:

- тип изображения;
- цветовое оформление публикаций;
- композиционная организация визуального материала;
- наличие инфографики;
- использование фотографий людей;
- степень эмоциональной выразительности изображения.

Для анализа лингвистической составляющей использовались следующие критерии:

- особенности заголовков;
- лексический состав публикаций;
- уровень экспрессивности текста;
- использование оценочной лексики;
- способы привлечения внимания аудитории;
- соотношение информационной и эмоциональной составляющих.

Выбранные критерии позволяют комплексно оценить особенности коммуникационной стратегии медиасообщества.

Результаты и обсуждения

Сообщество газеты «Аргументы и факты» во «ВКонтакте» представляет собой один из крупнейших российских новостных медиаресурсов [5, 9]. Контент сообщества ориентирован на широкий круг пользователей и охватывает общественно-политические, социальные, экономические, культурные и развлекательные темы.

Анализ публикаций за январь-март 2026 года показывает высокую регулярность размещения материалов. В течение суток публикуется значительное количество новостных сообщений, что соответствует требованиям оперативной журналистики и принципам SMM продвижения медиапроектов. Визуальный ряд сообщества отличается единообразием и узнаваемостью. Основу публикаций составляют фотографии, свя-

занные с содержанием новости. Наиболее распространёнными являются изображения общественных деятелей, политиков, экспертов, участников событий, а также фотографии мест происшествий и общественно значимых объектов. Заметную роль играет использование фирменных элементов оформления. На многих изображениях присутствует логотип издания, что способствует укреплению визуальной идентичности бренда. Благодаря этому пользователь может быстро идентифицировать источник информации даже при беглом просмотре новостной ленты.

Цветовая палитра публикаций в большинстве случаев сдержанная. Преобладают красные, белые и тёмные оттенки, традиционно ассоциирующиеся с визуальным стилем издания. Красный цвет используется для акцентирования внимания на ключевых элементах изображения или текстовых вставках.

Композиция изображений строится по принципу информационной лаконичности. В центре внимания обычно располагается главный объект новости. Фоновые элементы сведены к минимуму, что позволяет сконцентрировать внимание пользователя на основном содержании публикации. Отдельную группу составляют публикации с инфографикой [8]. Подобные материалы используются для представления статистических данных, результатов исследований или разъяснения сложных общественных процессов. Инфографика способствует упрощению восприятия информации и делает публикацию более заметной среди других материалов новостной ленты.

Анализ текстового сопровождения показывает преобладание информационного стиля. Большая часть постов укладывается в формат короткой новости: заголовок сразу называет суть события, чтобы пользователь понял повод за секунду. В заголовках часто встречаются стандартные журналистские формулы: «Стало известно», «Эксперт объяснил», «В Госдуме предложили», «Названа причина». Эти конструкции работают как сигнал «здесь новость», и пользователь понимает, о чём пойдёт речь, даже не открывая публикацию [2].

Язык в основном нейтральный: при разборе значимых общественных тем редакция придерживается фактов и не даёт собственных оценок. Но кое-где встречаются оценочные слова, которые должны подогреть интерес читателя, и чаще всего это касается тем здоровья, быта, денег и социальных вопросов [3]. Тексты заметно адаптированы под формат соцсети: полноценная статья ужимается до пары предложений с самой сутью события, ровно так, как пользователь привык читать ленту в телефоне. Часто в постах встречаются вопросы. Они затягивают читателя и подталкивают перейти по ссылке, чтобы узнать, например, почему это произошло, что будет дальше или как решить проблему.

Если сравнивать картинку и текст, в большинстве постов они работают слаженно: изображение прямо отражает суть новости и дополняет написанное [14]. Новости о политике почти всегда сопровождают фото тех, кто в них участвует. Социальную тематику иллюстрируют снимками людей, городских пространств, объектов инфраструктуры. В материалах о здоровье на фото обычно больницы, врачи или пациенты. За счёт этого пользователь улавливает смысл публикации ещё до того, как прочтает хоть слово. Но бывает и расхождение между текстом и картинкой, обычно в постах, которые делают специально ради вовлечённости. Заголовок задаёт интригующий вопрос или давит на проблему, а фото при этом несёт куда больше эмоций, чем сам текст. Скажем, новость про финансовые трудности населения почти наверняка получит фото человека с встревоженным лицом. В материалах о социальных переменах фотографии нередко цепляются именно за эмоции участников события. Такое изображение усиливает эффект от текста и поднимает шанс, что пользователь отреагирует на пост, а это именно то, что нужно алгоритмам соцсети для продвижения контента [4]. Эмоциональные публикации обычно собирают больше лайков, комментариев и репостов, а значит, расходятся на большую аудиторию. То есть несовпадение между холодным текстом и эмоциональной картинкой не случайность, а расчёт: так редакция привлекает внимание и продвигает материал.

Выводы

Анализ показывает, что визуальная и текстовая части сообщества «Аргументы и факты» во «ВКонтакте» образуют единую систему медиакommunikации.

Картинки в сообществе оформлены единообразно: документальные фото, логотип издания, иногда инфографика. Текст строится по законам информационной журналистики и подогнан под формат соцсети. В большинстве постов изображение и текст совпадают по смыслу, и это помогает аудитории быстрее воспринимать новость. Иногда фото бывает заметно эмоциональнее текста: это осознанный приём, нужный, чтобы привлечь внимание, повысить вовлечённость и расширить охват. Получается, что расхождения между текстом и картинкой не случайны, а связаны с задачами SMM продвижения.

Результаты подтверждают: чтобы продвигать медиасообщество в соцсетях, нужно согласованно использовать визуальные и речевые средства. Именно их совместная работа формирует устойчивый образ издания и удерживает интерес аудитории к контенту.

Список источников

1. Белоедова А.В., Кожемякин Е.А.. Мультимодальная коммуникация в фокусе исследовательской рефлексии: проблемно-ориентированный подход // Критика и семиотика. 2022. № 2. С. 54 – 70.
2. Зелянская Н.Л., Белоусов К.И., Сычев О.А., Галинская Т.Н. Семантическая организация кликбейт-заголовков и показатели активности интернет-пользователей // Медиалингвистика. 2023. Т. 10. № 1. С. 66 – 86.
3. Кулагина А.К. Язык вражды в заголовках интернет-версий российских изданий «Комсомольская правда», «Аргументы и факты» и «Московский комсомолец» // Гуманитарный акцент. 2022. № 3. С. 60 – 69.
4. Мартыанов Д.С., Лукьянова Г.В. Эмоциональная публичная сфера: поляризация паралингвистического интернет-дискурса // Вестник Московского университета. Серия 10, Журналистика. 2021. № 2. С. 25 – 48.
5. Новиков Р.Ю. Отечественные еженедельные издания: особенности аудиторных предпочтений (на примере газеты «Аргументы и факты») // Меди@льманах. 2021. № 6 (107). С. 98 – 106.
6. Официальное сообщество газеты «Аргументы и факты»: группа в социальной сети «ВКонтакте» [Электронный ресурс]. URL: https://vk.com/aif_ru (дата обращения: 07.06.2026)
7. Пстыга А. Мультимодальность медиатекста в новом коммуникативном пространстве (наблюдения и замечания) // Вопросы журналистики, педагогики, языкознания. 2021. Т. 40. № 4. С. 442 – 450.
8. Симакова С.И. Инфографика еженедельника «Аргументы и факты»: медиаэстетический потенциал // Вопросы журналистики, педагогики, языкознания. 2020. Т. 39. № 3. С. 367 – 377.
9. Суслов И.В., Тихонова С.В., Балаш В.А. Конструирование образа СССР в традиционных печатных медиа (на примере «Аргументов и фактов»): опыт статистического и качественного анализа коммуникационных стратегий // Медиалингвистика. 2024. Т. 11. № 2. С. 224 – 236.
10. Couldry Nick, Andreas Hepp The Mediated Construction of Reality. Cambridge: Polity Press, 2017. 290 p.
11. Jenkins, Henry. Convergence Culture: Where Old and New Media Collide. New York: New York University Press, 2006. 308 p.
12. Kress Gunther Theo van Leeuwen Reading Images: The Grammar of Visual Design. 3-е изд. London: Routledge, 2021. 310 p.
13. Manovich Lev The Language of New Media. Cambridge, Massachusetts: MIT Press, 2001. 354 p.
14. Stöckl Hartmut Fresh Perspectives on Multimodal Argument Reconstruction // Frontiers in Communication. 2024. Vol. 9. Art. 1366182. P. 1 – 6.

References

1. Beloedova A.V., Kozhemyakin E.A. Multimodal Communication in the Focus of Research Reflection: A Problem-Oriented Approach. Critique and Semiotics. 2022. No. 2. P. 54 – 70.
2. Zelyanskaya N.L., Belousov K.I., Sychev O.A., Galinskaya T.N. Semantic Organization of Click-Bait Headlines and Internet User Activity Indicators. Medialinguistics. 2023. Vol. 10. No. 1. P. 66 – 86.
3. Kulagina A.K. Hate Speech in the Headlines of the Online Versions of the Russian Publications Komso-molskaya Pravda, Argumenty i Fakty, and Moskovsky Komsomolets. Humanitarian Accent. 2022. No. 3. P. 60 – 69.
4. Martyanov D.S., Lukyanova G.V. Emotional Public Sphere: Polarization of Paralinguistic Internet Discourse. Bulletin of Moscow University. Series 10, Journalism. 2021. No. 2. P. 25 – 48.
5. Novikov R.Yu. Domestic Weekly Publications: Features of Audience Preferences (using the Argumenty i Fakty Newspaper as an Example). Medi@lmanakh. 2021. No. 6 (107). P. 98 – 106.
6. Official Community of the Argumenty i Fakty Newspaper: Group on the VKontakte Social Network [Electronic Resource]. URL: https://vk.com/aif_ru (date of access: 07.06.2026)
7. Pstyga A. Multimodality of media text in the new communicative space (observations and comments). Issues of journalism, pedagogy, linguistics. 2021. Vol. 40. No. 4. P. 442 – 450.
8. Simakova S.I. Infographics of the weekly "Arguments and Facts": media aesthetic potential. Issues of journalism, pedagogy, linguistics. 2020. Vol. 39. No. 3. P. 367 – 377.

9. Suslov I.V., Tikhonova S.V., Balash V.A. Constructing the Image of the USSR in Traditional Print Media (Based on Arguments and Facts): An Experiment in Statistical and Qualitative Analysis of Communication Strategies. *Medialinguistics*. 2024. Vol. 11. No. 2. P. 224 – 236.
10. Couldry, Nick, Andreas Hepp. *The Mediated Construction of Reality*. Cambridge: Polity Press, 2017. 290 p.
11. Jenkins, Henry. *Convergence Culture: Where Old and New Media Collide*. New York: New York University Press, 2006. 308 p.
12. Kress, Gunther, Theo van Leeuwen. *Reading Images: The Grammar of Visual Design*. 3rd ed. London: Routledge, 2021. 310 p.
13. Manovich, Lev. *The Language of New Media*. Cambridge, Massachusetts: MIT Press, 2001. 354 p.
14. Stöckl Hartmut Fresh Perspectives on Multimodal Argument Reconstruction. *Frontiers in Communication*. 2024. Vol. 9. Art. 1366182. P. 1 – 6.

Информация об авторе

Ильин-Адаев М.А., аспирант, Московский финансово-промышленный университет Синергия, ilinadaev@mail.ru

© Ильин-Адаев М.А., 2026

Научно-исследовательский журнал «Филологический вестник / Philological Bulletin»

<https://fv-journal.ru>

2026, Том 5, № 4 / 2026, Vol. 5, Iss. 4 <https://fv-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки)

УДК 811.373.45

DOI: 10.66621/2949-4656-2026-5-4-269-277

Модели кодового переключения в устной и письменной речи носителей постстандартного испанглийского идиома в США

¹ Семенова М.Ю.,

¹ Донской государственный технический университет

Аннотация: в статье представлены результаты сопоставительного анализа моделей переключения кодов в устной и письменной речи носителей постстандартного испанглийского идиома в США. На материале смешанного корпуса, включающего анкетные данные 501 билингва, 137 глубинных интервью и образцы письменной цифровой коммуникации, охватывающих пять ключевых ареалов (Нью-Йорк, Майами, Лос-Анджелес, Эль-Пасо – Сьюдад-Хуарес, Сан-Диего – Тихуана), установлена значимая модальностная асимметрия. В устной речи преобладают интрасентенциальные переключения (68%) с глубокой морфосинтаксической интеграцией, в письменной – интерсентенциальные переходы (51%) и изолированные лексические вкрапления. Выявлен геопространственный паттерн: в Майами модальностный разрыв минимален, тогда как приграничные кластеры демонстрируют резкую поляризацию устной гибридности и письменного пуризма («индекс границы»). Показана функциональная специализация модальностей: устный испанглийский выполняет преимущественно фатическую и экспрессивную функции, письменный – референциальную и поэтическую. Многоуровневый регрессионный анализ подтверждает значимость кластерного и поколенческого факторов, а качественная интерпретация метаязыковых комментариев раскрывает установки говорящих. Результаты подтверждают статус постстандартного испанглийского идиома как модальностно-чувствительной автономной контактной системы, что необходимо учитывать в социолингвистических описаниях и образовательных практиках.

Ключевые слова: испанглийский идиом, кодовое переключение, устная и письменная речь, билингвизм, языковой контакт, социолингвистика, модальностная асимметрия, постстандартный язык

Для цитирования: Семенова М.Ю. Модели кодового переключения в устной и письменной речи носителей постстандартного испанглийского идиома в США // Филологический вестник. 2026. Том 5. № 4. С. 269 – 277. DOI: 10.66621/2949-4656-2026-5-4-269-277

Поступила в редакцию: 18 июня 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 15 июля 2026 г.; Принята к публикации: 17 августа 2026 г.

Code-switching models in oral and written speech of speakers of the post-standard Spanglish idiom in the USA

¹ Semenova M.Yu.,

¹ Don State Technical University

Abstract: the article presents the results of a comparative analysis of code-switching models in the oral and written speech of speakers of the post standard Spanglish idiom in the United States. Drawing on a mixed corpus that includes questionnaire data from 501 bilinguals, 137 in-depth interviews, and written digital communication across five key areas (New York, Miami, Los Angeles, El Paso – Ciudad Juárez, San Diego – Tijuana), a significant modality asymmetry has been established. Oral speech is dominated by intrasentential switches (68%) with deep morphosyntactic integration, whereas written speech features intersentential switches (51%) and isolated lexical insertions. A geospatial pattern has been identified: the modality gap is minimal in Miami, while border clusters exhibit sharp polarization between oral hybridity and written purism (“border index”). The functional specialization of modalities is demonstrated: oral Spanglish primarily performs phatic and expressive functions,

while written Spanglish fulfills referential and poetic functions. Multilevel regression and cluster specific chi square tests confirm the significance of geographical and generational variables; moreover, qualitative content analysis of metalinguistic reflections reveals speakers' normative attitudes and identity strategies. The results confirm the status of post standard Spanglish as a modality sensitive autonomous contact system, a fact that must be taken into account in sociolinguistic descriptions and educational practices.

Keywords: Spanglish idiom, code-switching, oral and written speech, bilingualism, language contact, sociolinguistics, modality asymmetry, post-standard language

For citation: Semenova M.Yu. Code-switching models in oral and written speech of speakers of the post-standard Spanglish idiom in the USA. Philological Bulletin. 2026. 5 (4). P. 269 – 277. DOI: 10.66621/2949-4656-2026-5-4-269-277

The article was submitted: June 18, 2026; Approved after reviewing: July 15, 2026; Accepted for publication: August 17, 2026.

Введение

Феномен испанглийского традиционно рассматривался в социолингвистике как маргинальная или переходная форма речевого поведения, однако за последние полвека накоплен значительный корпус данных, свидетельствующих о его стабилизации как контактного идиома в испаноязычных сообществах США. Уже работы А.С. Зентеллы [16] на материале пуэрториканского сообщества Нью-Йорка и К. Сильва-Корвалан [14] на примере мексикано-американцев Лос-Анджелеса продемонстрировали, что стигматизированное ранее смешение представляет собой высокосистемный языковой феномен, имеющий внутреннюю грамматику и прагматику. В дальнейшем концепция испанглийского была переосмыслена в русле постстандартной парадигмы [8], согласно которой контактные разновидности испанского и английского формируют собственные устойчивые паттерны, воспроизводимые в рамках конкретного речевого сообщества. Дж. Липски [6] подчеркнул, что испанглийский нельзя сводить к простому набору заимствований и кодовых переключений, поскольку он функционирует как маркер идентичности билингвов второго и последующих поколений, приобретая черты автономного узуса.

Структурно-функциональные исследования кодового переключения опираются на классические модели, в первую очередь на матрично-островную модель К. Майерс-Скоттон [7], теорию ограничений Ш. Поплак [10] с разграничением интрасентенциального, интерсентенциального и экстрасентенциального переключения, а также на диалогический подход П. Ауэра [1], интерпретирующий переходы между кодами как контекстуализационные сигналы. В применении к испанско-английскому билингвизму указанные модели позволили выявить как регулярные морфосинтаксические стратегии (например, интеграцию английских глагольных основ в испанскую морфологию), так и прагматические функции, включая фатическую, референциальную и экспрессивную [2]. В то же время остается открытым вопрос о том, в какой мере модели, разработанные на материале устной речи, применимы к письменным формам коммуникации.

На фоне растущего интереса к языковым контактам в цифровой среде все более заметной становится асимметрия между устной и письменной реализацией испанглийского. Если устное переключение кодов рассматривается как автоматизированный, когнитивно немониторимый процесс [5], то письменная компьютерно-опосредованная коммуникация, даже в неформальных жанрах (чаты, мессенджеры, социальные сети), подразумевает большую степень метаязыкового контроля и подвержена влиянию нормативных установок [13]. Исследования [2] фиксируют, что в письменных текстах билингвов количество кодовых переходов снижается, а их структурная сложность уменьшается по сравнению с устной речью. Однако систематическое сопоставление устной и письменной реализаций испанглийского с учетом географической вариативности и поколенческого фактора до сих пор не проводилось.

Настоящее исследование ставит целью выявить и сопоставить структурные и функциональные модели кодового переключения в устной и письменной речи носителей постстандартного испанглийского идиома, проживающих в пяти ключевых ареалах США: Нью-Йорк, Майами, Лос-Анджелес, а также в приграничных кластерах Эль-Пасо – Сьюдад-Хуарес и Сан-Диего – Тихуана. Проверяются три гипотезы:

1. В устной речи преобладают интрасентенциальные переключения с глубокой морфосинтаксической интеграцией, тогда как в письменной речи доминируют интерсентенциальные переходы и изолированные лексические вставки.
2. Письменная речь отличается более высоким уровнем метаязыкового контроля, что ведет к снижению частотности грамматически сложных гибридных форм.

3. Профили кодового переключения варьируют в зависимости от близости испаноязычной границы: в приграничных кластерах (Эль-Пасо-Сьюдад-Хуарес, Сан-Диего-Тихуана) поляризация между устной и письменной модальностями выражена резче, чем во внутренних мегаполисах.

Материалы и методы исследований

В основу исследования положен смешанный метод, объединяющий количественный корпусно-ориентированный анализ данных анкетирования и интервью с качественной интерпретацией метаязыковых комментариев [4; 9; 12].

Анкетный корпус составили 501 билингва, проживающих в целевых ареалах. Для проведения глубинных интервью была сформирована выборка из 137 информантов, поровну представляющих пять исследовательских кластеров: Нью-Йорк (n=57), Майами (n=32), Лос-Анджелес (n=26), Эль-Пасо – Сьюдад-Хуарес (n=12, из них 7 из Эль-Пасо и 5 из мексиканской части агломерации), Сан-Диего–Тихуана (n=10, из них 5 из Сан-Диего и 5 из Тихуаны). Возраст респондентов варьировал от 20 до 70 лет (M=37,8, SD=12,5); представлены три иммиграционных поколения (1-е, 1,5, 2-е и последующие), а также сбалансированное гендерное распределение. Критерии включения: самоопределение в качестве носителя испанглийского, использование идиома в неформальной коммуникации не реже трех раз в день и проживание в одном из целевых кластеров не менее 10 лет.

Анкетирование проводилось онлайн через испанглийские сообщества в социальных сетях. Анкета включала социо-демографический блок, шкалу самооценки языковой компетенции в испанском и английском по четырем навыкам (понимание, говорение, чтение, письмо по 5-балльной шкале), серию вопросов о сферах использования языков, метаязыковые установки. В анкете также фиксировались примеры спонтанного испанглийского идиома, samozаписанные респондентами.

Глубинные интервью продолжительностью 60-90 минут проводились очно с помощью научных волонтеров-билингвов в доме информанта или ином удобном для него месте и включали: а) сбор демографических и языковых биографий; б) модуль на проявление естественной речи с помощью вопросов, направленных на вызов эмоционально окрашенного нарратива («Расскажите о самом опасном случае в вашей жизни», «Опишите первый день на новой работе»); в) модуль на металингвистические установки, содержащий прямые и косвенные вопросы об отношении к испанглийскому, его уместности и связи с идентичностью; г) запись естественного диалога между информантом и членами его семьи / друзьями после формальной части интервью. Все интервью записывались на цифровой диктофон и транскрибировались.

Письменный корпус формировался путем добровольной выгрузки логов неформального общения из мессенджеров и личных сообщений в социальных сетях за месяц, предшествовавший интервью.

Транскрибированные устные тексты и письменные сообщения были токенизированы и аннотированы с указанием типа переключения (интрасентенциальное, интерсентенциальное, экстрасентенциальное / островное), направления перехода, длины сегмента и морфосинтаксического контекста. Функциональная классификация осуществлялась на основе расширенной модели (референциальная, фатическая, экспрессивная, поэтическая, металингвистическая функции). Статистическая обработка включала: описательные статистики плотности и распределения типов переключений; критерий хи-квадрат для сопоставления частот по модальностям в каждом кластере; многофакторный дисперсионный анализ с фиксированными факторами «модальность» (устная / письменная), «кластер» (пять ареалов) и случайным фактором «респондент». Дополнительно оценивалась вероятность интрасентенциального переключения в зависимости от модальности и географического кластера при контроле возраста и поколения. Метаязыковые комментарии из интервью подвергались тематическому контент-анализу с выведением ключевых мотивировочных категорий («двойной стандарт» устной и письменной нормы, «индекс границы», языковая лояльность и стигма).

Результаты и обсуждения

Средняя плотность кодовых переключений (число переходов на 100 слов) оказалась значимо выше в устном субкорпусе (M = 14,2; SD = 3,8) по сравнению с письменным (M = 7,1; SD = 2,4; $t(499) = 18,4$, $p < 0,001$). Эта разница сохраняется во всех пяти исследовательских кластерах, однако ее величина неравномерна: минимальный контраст зафиксирован в Майами (устн. M = 15,9, письм. M = 9,3; $d = 0,82$), максимальный – в приграничном кластере Эль-Пасо – Сьюдад-Хуарес (устн. M = 14,0, письм. M = 5,1; $d = 1,21$). Данный результат подтверждает первую гипотезу о модальностной асимметрии: письменная компьютерно-опосредованная коммуникация, даже в наиболее неформальных жанрах (чаты, мессенджеры), значимо беднее переключениями, чем устная спонтанная речь.

Анализ 7.854 аннотированных переключений в устном субкорпусе и 3.210 переключений в письменном субкорпусе выявил существенные различия в распределении структурных типов. В устной речи интрасентенциальные переключения составили 68% всех переходов, интерсентенциальные – 21%, экстрасентенциальные (теги, вставки, заполнители) – 11%. Письменная речь продемонстрировала почти зеркальную картину: интерсентенциальные переходы достигли 51%, изолированные лексические вкрапления – 24%, интрасентенциальные – 18%, теги – 7%. Таким образом, письменная модальность не только снижает общую частоту переключений, но и меняет их структурный профиль в пользу «безопасных» стратегий – межфразовых переходов и отдельных лексических заимствований, минимально затрагивающих синтаксис матричного языка.

Приведем примеры из устного подкорпуса.

(1) *Vamos al mall*. («Пойдем в торговый центр») – интрасентенциальное переключение: английское существительное *mall* вставлено в испанскую предложную группу *al mall*. Существительное сохраняет английскую фонетику [mɔ:l], получает мужской род (сокращение от *el centro comercial*) и управляется испанским предлогом *a* с артиклем *el*, образуя стандартную конструкцию направления. В примере (1) представлен один из наиболее частотных паттернов: одиночное имя в объектной позиции, не нарушающее грамматику матричного языка.

(2) *Estoy ready*. («Я готов») – интрасентенциальное переключение: английское прилагательное *ready* занимает позицию предикатива после глагола-связки *estar*. Прилагательное не согласуется по роду и числу (не *ready-a*), что типично для нефлексивных английских прилагательных в испанском. Морфосинтаксическая рамка полностью испанская (*estar* + прилагательное), вставка семантически прозрачна.

(3) *Te llamo pa'trás*. («Я тебе перезвоню») – калька с английского *I'll call you back*. Лексически все компоненты испанские, однако синтаксическая конструкция и идиоматическое значение заимствованы из английского: исп. *pa'trás* (сокращение от *para atrás*) калькирует англ. *back*. Данная структура регулярно воспроизводится в устной речи и стала маркером постстандартного испанского во всех исследуемых регионах; ее частотность в устном корпусе составила 3,8 на 100 переключений.

(4) *Necesito la troca*. («Мне нужен грузовик») – интрасентенциальное переключение: английское слово *truck* адаптировано как *troca* с испанской финалью *-a*, указывающей на женский род, по аналогии с испанским *camioneta*. Лексема полностью интегрирована в морфологию: получает артикль *la*, может принимать форму множественного числа *las trocas*. Фонетическая адаптация: /trʌk/ → /'tro.ka/, с эпентезой конечного гласного, что соответствует испанской фонотактике.

(5) *Hice overtime*. («Я работал сверхурочно») – интрасентенциальное переключение: английское существительное *overtime* функционирует как прямое дополнение. Оно вставлено без артикля, как это часто бывает с неисчисляемыми понятиями в разговорной речи, но может получать артикль *el* в других контекстах (*hice el overtime*). Глагол *hice* полностью испанский, управляет английским существительным, что типично для «островных» вставок.

(6) *Pásame el drill*. («Передай мне дрель») – аналогичная структура: английское существительное *drill* интегрировано с артиклем мужского рода *el*. Отсутствие финального гласного (*el drill*, а не *el drillo*) характерно для недавних заимствований: лексема сохраняет свою фонетическую форму, но подчиняется испанскому синтаксису.

(7) *Estoy full de trabajo*. («Я завален работой») – английское прилагательное *full* используется как предикатив, аналогично примеру (2), но с последующим предложным дополнением *de trabajo*. *Full* функционирует как синоним испанского *lleno/a*, но не изменяется по роду и числу. Синтаксис испанский, вставка лексическая.

(8) *Voy a parquear el troca*. («Я собираюсь припарковать грузовик») – двойное интрасентенциальное переключение: глагол *parquear* (от англ. *to park* + исп. инфинитивное окончание *-ear*) и существительное *troca* (от *truck*). Глагол полностью интегрирован в испанскую морфологию и спрягается по правилам первого спряжения (*parqueo, parqueas, parquea*). Существительное женского рода получает артикль *el* (из-за начального ударного /a/ – *el agua*), спереди стоит артикль *el*, как того требует испанское правило перед ударным *a*. Этот пример демонстрирует глубокую морфосинтаксическую интеграцию, характерную для устной речи.

Обратимся к примерам из письменного подкорпуса (чаты мессенджеров, соцсети):

(9) *No tengo tiempo para el drama hoy*. («У меня нет времени на драму сегодня») – интерсентенциальное: предложение целиком на испанском, предшествующее или следующее за английским предложением. Переключение происходит на границе предложений; структура каждого предложения монологична. В письменной речи этот тип доминирует.

(10) *Voy a la library a estudiar para el midterm*. («Я иду в библиотеку готовиться к промежуточному экзамену») – лексическая вставка: английские существительные *library* и *midterm* вставлены в испанское предложение. *Library* получает артикль женского рода *la* (по ассоциации с *la biblioteca*), *midterm* сохраняет нулевой артикль как неисчисляемое событие. Характерно для письменной речи: обе лексемы не адаптированы морфологически (нет суффиксов), в отличие от устной, где *midterm* мог бы получить артикль *el* или даже плеонастическое объяснение.

(11) *Hay un 'sense' de desesperanza entre los jóvenes*. («Есть чувство безнадежности среди молодежи») – письменная интрасентенциальная вставка с метаграфическим выделением кавычками. Английское *sense* семантически дублирует испанское *sentido*, но используется для стилистического эффекта, что является метаязыковой игрой. Кавычки сигнализируют о чужеродности элемента. Подобное маркирование («осторожное переключение») встречается в письменном корпусе в 3,2 раза чаще, чем в устном.

(12) *Estoy so done con la tarea de math*. («Я так заколебалась с домашкой по математике») – смешанная модель, редкая в письменной речи: английская конструкция *so done* вставлена в испанскую матрицу. Прилагательное *done* управляется испанским глаголом *estoy*, а наречие *so* сохраняет английскую позицию перед прилагательным. Перед нами пример того, как письменная форма может допускать интрасентенциальное переключение при высокой степени эмоциональности и разговорного регистра; однако такие случаи составили лишь 5,6% всех письменных интрасентенциальных переходов.

Многоуровневая логистическая регрессия подтвердила значимый эффект фактора «кластер» ($p < 0,001$). В Майами интрасентенциальные переключения в устной речи достигают 75% (самый высокий показатель), а в письменной – 24% (также наивысший). В приграничных кластерах (Эль-Пасо – Сьюдад-Хуарес и Сан-Диего – Тихуана) устная интрасентенциальность сопоставима с Майами (73% и 71%), но в письменной речи этот тип резко снижается до 12% и 14% соответственно, уступая интерсентенциальным переходам (до 59%) и изолированным вставкам.

Приведем примеры регионально маркированных лексем в устной речи:

(13) *Vamos a lonchar*. («Пойдем обедать») – глагол *lonchar* образован от английского *lunch* + *-ar*, что по правилам испанского дает первый тип спряжения. Фонетическая адаптация: /lɒntʃ/ → /lon.tʃar/, где аффриката /tʃ/ исконно существует в испанском (например, *mucho*). Региональная специфика: *lonchar* фиксируется преимущественно в техасском и новомексиканском испанглийском, тогда как в Нью-Йорке та же идея часто выражается глаголом *almorzar* или интерсентенциальным переходом.

(14) *Wachale!* («Осторожно!») – императив от глагола *wachar* (англ. *to watch* + *-ar*), используемый как дискурсивная частица. Полная морфологическая интеграция: *wachar* спрягается (*wacho*, *wachas*, *wacha*), повелительная форма *wachale* содержит местоименный энклитик *-le* (этический датив), что типично для мексиканского испанского. Фонетически /w/ реализуется как [w] или [gw]. Данный глагол является надежным маркером приграничного испанглийского идиома.

(15) *Voy a troquear el carro*. («Я собираюсь обменять машину») – глагол *troquear* от *to trade* + *-ear*, с испанским спряжением. Существительное *carro* – исконно испанское, но в мексиканском варианте означает «автомобиль». Пример показывает, что в одном предложении могут сосуществовать старые заимствования (*carro*) и новые интеграции (*troquear*), создавая многослойную контактную лексику.

В Майами, напротив, наблюдаются более тесные связи с кубинским испанским и высокая толерантность к смешению. Так, пример (2) *Estoy ready* и (3) *Te llamo pa'trás* одинаково частотны во всех кластерах, но в Майами особенно распространены гибридные глаголы типа *parquear* («припарковаться»), *textear* («писать сообщение»), *chequear* («проверять»), которые в приграничных письменных чатах заменяются испанскими синонимами (*estacionar*, *enviar un mensaje*, *revisar*) или целыми английскими фразами.

Функциональный анализ (на основе расширенной классификации) выявил, что в устном подкорпусе доминируют фатическая (35%) и экспрессивная (29%) функции, тогда как в письменном – референциальная (44%) и поэтическая (18%), которая включает случаи осознанной языковой игры и стилизации.

Обратимся к устным примерам реализации фатической функции:

(16) *Dame un break, brother*. («Дай передохнуть, брат») – экстрасентенциальное переключение: английский фразеологизм *gimme a break* с добавлением вокатива *brother*. Функция – снижение напряжения, маркер внутригрупповой солидарности. Синтаксически *dame* – испанский императив, управляющий английским дополнением *un break*, а *brother* служит обращением, типичным для пуэрториканско-доминиканского испанглийского в Нью-Йорке.

(17) *Ay, nena, don't worry about it!* («Ой, девочка, не волнуйся об этом!») – интерсентенциальный переход с испанским дискурсивным маркером *ay, nena*, после чего следует целое английское предложение. Функция

фатическая: междометие и ласковое обращение задают эмоциональный тон, а основное сообщение передается на английском как на доминирующем языке эмпатии для этого поколения.

Приведем ниже письменные примеры реализации референциальной и поэтической функций:

(18) *El deadline del proyecto es el viernes*. («Крайний срок сдачи проекта – пятница») – одиночное заимствование *deadline* в испанском предложении, выполняющее референциальную функцию: понятие устоялось в корпоративном английском, и информант не прибегает к кальке *fecha límite*, используя привычную лексику в письменной форме. Артикль *el* и род мужской, что характерно для профессионального испанского.

(19) *My abuela's consejos are my moral compass*. («Советы моей бабушки – мой моральный компас») – интрасентенциальное переключение, поэтическая функция. Английское предложение включает испанские лексемы *abuela* и *consejos*, причем *abuela* снабжено английским притяжательным суффиксом *'s*, а *consejos* сохраняет испанскую форму множественного числа. Перед нами намеренное переключение создает стилистический эффект «двойного наследия», типичный для метаязыковой игры в социальных сетях.

(20) *Eso fue un blunder*. («Это была грубая ошибка») – английское *blunder* («грубая ошибка») вставлено в испанскую структуру с артиклем *un*. Функция референциальная с оттенком поэтической: лексема *blunder* не имеет точного однословного эквивалента в разговорном испанском, и ее использование маркирует принадлежность к билингвальному сообществу.

Таким образом, устный испанглийский функционирует как средство спонтанного, аффективно насыщенного внутригруппового общения с высокой степенью морфосинтаксической интеграции, в то время как письменный испанглийский выполняет преимущественно информационные и стилистические задачи, демонстрируя более осторожное обращение с границами кодов и склонность к метаязыковой рефлексии.

Полученные результаты подтверждают выдвинутую гипотезу о глубокой структурной и количественной асимметрии между устной и письменной реализацией постстандартного испанглийского идиома. Выявленное преобладание интрасентенциальных переключений в устной речи (68%) при параллельном доминировании интерсентенциальных переходов и лексических вставок в письменном модусе (51% и 24% соответственно) согласуется с наблюдениями [2], которые фиксировали снижение сложности кодовых переходов в письменных нарративах билингвов. Однако наше исследование впервые демонстрирует, что подобная асимметрия характерна именно для постстандартной стадии развития идиома, когда интрасентенциальное смешение превращается в немаркированную, фоновую практику устного повседневного общения.

Объяснение наблюдаемого феномена, по-видимому, лежит в области когнитивной нагрузки и нормативного давления. Спонтанная устная речь, протекающая в условиях ограниченного времени и низкого уровня мониторинга [5], допускает глубокую морфосинтаксическую интеграцию, примером которой служат такие формы, как *parquear* (от англ. *to park* + *-ear*), *troca* (англ. *truck* с адаптацией *-a*), *wachale* (*to watch* + *-a* + *-le*). Подобные гибридные элементы полностью натурализованы в грамматической системе матричного испанского, что подтверждает давние выводы Ш. Поплак [10] о существовании строгих ограничений на интрасентенциальное переключение даже в условиях, внешне кажущихся хаотичными.

Письменная цифровая среда, даже в наиболее неформальных жанрах (чаты мессенджеров, посты в социальных сетях), снимает часть когнитивного давления, но одновременно активирует метаязыковой контроль и нормативные установки, связанные с орфографической фиксацией речи. Тенденция к использованию «безопасных» стратегий – межфразовых переходов и изолированных лексем, не нарушающих синтаксис базового языка (например, *El deadline es mañana*), – говорит о том, что письменная модальность поддерживает более консервативную билингвальную модель «одно предложение – один язык». Данный результат перекликается с концепцией о том, что письменная фиксация языка, даже компьютерно-опосредованная, неизбежно активирует представления о «правильности» и языковых границах [13].

Характерно, что в письменном корпусе зафиксировано метаграфическое выделение вкраплений (кавычки, капитализация), что в 3,2 раза превышает аналогичную практику в устной речи (по косвенным признакам, таким как просодическое выделение). Например, написание *Hay un 'sense' de desesperanza* с кавычками маркирует чужеродность элемента, превращая переключение из автоматизированного акта в осознанный стилистический прием.

Выявленная региональная вариативность открывает новое измерение в типологии постстандартного испанглийского. Если во внутренних мегаполисах – Нью-Йорке, Лос-Анджелесе и особенно Майами – устная гибридность активно проникает в письменную сферу, формируя стабильный диаспорный вариант со своими региональными маркерами (кубинское *parquear* – центральноамериканское *wachar*), то в приграничных кластерах Эль-Пасо–Сьюдад-Хуарес и Сан-Диего–Тихуана наблюдается резкая поляризация.

Данный феномен, который мы предлагаем обозначить термином «индекс границы», проявляется в экстремально высокой интрасентенциальной гибридности устной речи при почти пуристическом избегании смешения в письменной коммуникации. Подобная диглоссная ситуация объясняется, на наш взгляд, спецификой приграничного транснационального существования: ежедневное пересечение границы, контакт с сильными нормативными узусами как мексиканского, так и американского стандарта, поддерживают у билингвов представление о двух «чистых» языковых системах, которые в устной речи могут сливаться, но в письменной должны оставаться разделенными. Здесь уместна параллель с исследованиями языковой идеологии на границе США и Мексики [3], демонстрирующими, что трансграничная мобильность часто обостряет метаязыковую чувствительность.

Напротив, Майами, представляющий собой уникальный социолингвистический пузырь с доминирующим кубинским испанским, демонстрирует наименьший разрыв между устной и письменной гибридностью. Здесь интрасентенциальные переходы в письменной речи достигают 24% (против 12-14% в приграничье), а такие формы, как *parquear*, *textear*, *chequear*, регулярно встречаются в чатах и постах, подтверждая наблюдения Дж. Липски [6] о том, что в Майами испанглийский функционирует как фактически основной язык повседневного общения, все более проникая в письменный узус.

Обнаруженная нами дифференциация функций кодового переключения по модальностям уточняет классические модели [2], показывая, что модальность выступает значимым предиктором функционального профиля. Устный испанглийский выполняет прежде всего фатическую и экспрессивную функции, конструируя внутригрупповую солидарность в режиме реального времени. Фразы типа *Dame un break, brother* или *Ay, nena, don't worry about it!* являются маркерами «своей» среды, что особенно важно для 2-3 поколений иммигрантов, балансирующих между наследуемой и доминирующей культурами.

Письменная среда, напротив, перераспределяет функциональную нагрузку в сторону референциальной и поэтической функций. Использование испанглийского в чатах и постах часто мотивировано либо необходимостью точно передать концепт, закрепившийся в английском (*deadline*, *customs form*, *lab meeting*), либо осознанной языковой игрой, что превращает письменный испанглийский из спонтанного речевого потока в инструмент стилизации и метаязыковой рефлексии. Примеры, подобные *My abuela's consejos are my moral compass*, демонстрируют продуманный коллаж, где языковые элементы становятся эстетическим и идентичностным заявлением [15]. Данная тенденция, по-видимому, отражает общий тренд цифровой коммуникации, где мультилингвальные практики все чаще используются для создания публичного образа и аффилиации с определенными сообществами [11; 17].

Выводы

Проведенное исследование является попыткой масштабного сопоставления устных и письменных паттернов кодового переключения в постстандартном испанглийском идиоме на материале пяти ключевых ареалов проживания испаноязычных билингвов в США. Полученные результаты позволяют сформулировать несколько принципиальных выводов.

Во-первых, постстандартный испанглийский функционирует в режиме модальностно-чувствительного континуума: устная речь демонстрирует глубокую структурную интеграцию английских элементов в испанскую матрицу, подтверждая статус идиома как автономной контактной системы, в то время как письменная цифровая коммуникация, даже неформальная, тяготеет к более консервативной билингвальной модели с преобладанием межфразовых переходов и изолированных вставок.

Во-вторых, географический фактор играет критическую роль в формировании локальных профилей переключения. Если Майами представляет собой «остров гибридности» со слабо выраженной модальностной асимметрией, то приграничные кластеры Эль-Пасо – Сьюдад-Хуарес и Сан-Диего – Тихуана демонстрируют максимальный контраст между устной гибридностью и письменным пуризмом, что порождает феномен «индекса границы». Такие различия отражают разную степень нормативного давления и уникальную конфигурацию языковых идеологий в каждом из сообществ.

В-третьих, модальность определяет частоту и структуру переключений, и их функциональную специализацию: устный испанглийский обслуживает сферу спонтанного аффективного внутригруппового общения, тогда как письменный испанглийский становится инструментом точной референции и метаязыковой игры.

Таким образом, исследование вносит вклад в понимание того, как контактные идиомы адаптируются к разным коммуникативным модальностям, и подчеркивает необходимость учета фактора модальности в будущих социолингвистических и грамматических описаниях испанглийского и других постстандартных языковых образований. Полученные данные могут служить основой для более детальных лонгитюдных и экспериментальных работ, а также для разработки образовательных и культурных стратегий, учитывающих реальную языковую практику двуязычных сообществ США.

Список источников

1. Auer P. Code-switching in conversation: Language, interaction and identity. London: Routledge, 1998. 355 p.
2. Callahan L. Spanish/English codeswitching in a written corpus. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 2004. 183 p.
3. Christoffersen K. Linguistic terrorism in the Borderlands: Language ideologies in the narratives of young adults in the Rio Grande Valley // International Multilingual Research Journal. 2019. P. 137 – 151.
4. Garcia R., Roeser J., Vargas J., Fathin S., Kidd E. Teasing apart the impact of different forms of overlap on cross-linguistic structural priming // Language, Cognition and Neuroscience. 2025. № 40 (10). P. 1 – 19.
5. Green D.W., Abutalebi J. Language control in bilinguals: The adaptive control hypothesis // Journal of Cognitive Psychology. 2013. № 25 (5). P. 515 – 530.
6. Lipski J.M. Varieties of Spanish in the United States. Washington, D.C.: Georgetown University Press, 2008. 303 p.
7. Myers-Scotton C. Duelling languages: Grammatical structure in codeswitching. Oxford: Clarendon Press, 1993. 296 p.
8. Otheguy R., Stern N. On so-called Spanglish // International Journal of Bilingualism. 2010. № 15. P. 85 – 100.
9. Pliatsikas C., Pontikas G., Cunnings I. Applying advanced quantitative methods in bi-/multilingualism // Linguistic Approaches to Bilingualism. 2025. № 15 (4). P. 425 – 428.
10. Poplack S. Sometimes I'll start a sentence in Spanish y termino en español: Toward a typology of code-switching // Linguistics. 1980. № 18 (7/8). P. 581 – 618.
11. Purpuri S., Vasta N., Filippi R., Wei L., Mulatti C. Does language shape the way we think? A review of the foreign language effect across domains // International Journal of Bilingualism. 2025. № 29 (1). P. 269 – 291.
12. Ryskin R., Nieuwland M. Prediction during language comprehension: what is next? // Trends in Cognitive Sciences. 2023. № 27 (11). P. 1032 – 1052.
13. Sebba M. Spelling and society: The culture and politics of orthography around the world. Cambridge: Cambridge University Press, 2012. 189 p.
14. Silva-Corvalán C. Language contact and change: Spanish in Los Angeles. Oxford: Clarendon Press, 1994. 255 p.
15. Wei L., Phyak P., Lee J.W., García O. The handbook of translanguaging. Hoboken: Wiley-Blackwell, 2026. 592 p.
16. Zentella A.C. Growing Up Bilingual: Puerto Rican Children in New York. Malden: Blackwell, 1997. 323 p.
17. Zhu H., Li W. Translanguaging in performance or performance in translanguaging // Journal of Multilingual and Multicultural Development. 2026. № 47 (3). P. 1323 – 1336.

References

1. Auer P. Code-switching in conversation: Language, interaction and identity. London: Routledge, 1998. 355 p.
2. Callahan L. Spanish/English codeswitching in a written corpus. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 2004. 183 p.
3. Christoffersen K. Linguistic terrorism in the Borderlands: Language ideologies in the narratives of young adults in the Rio Grande Valley. International Multilingual Research Journal. 2019. P. 137 – 151.
4. Garcia R., Roeser J., Vargas J., Fathin S., Kidd E. Teasing apart the impact of different forms of overlap on cross-linguistic structural priming. Language, Cognition and Neuroscience. 2025. No. 40 (10). P. 1 – 19.
5. Green D.W., Abutalebi J. Language control in bilinguals: The adaptive control hypothesis. Journal of Cognitive Psychology. 2013. No. 25 (5). P. 515 – 530.
6. Lipski J.M. Varieties of Spanish in the United States. Washington, D.C.: Georgetown University Press, 2008. 303 p.
7. Myers-Scotton C. Duelling languages: Grammatical structure in codeswitching. Oxford: Clarendon Press, 1993. 296 p.

8. Otheguy R., Stern N. On so-called Spanglish. *International Journal of Bilingualism*. 2010. No. 15. P. 85 – 100.
9. Pliatsikas C., Pontikas G., Cunnings I. Applying advanced quantitative methods in bi-/multilingualism. *Linguistic Approaches to Bilingualism*. 2025. No. 15 (4). P. 425 – 428.
10. Poplack S. Sometimes I'll start a sentence in Spanish y termino en español: Toward a typology of code-switching. *Linguistics*. 1980. No. 18 (7/8). P. 581 – 618.
11. Purpuri S., Vasta N., Filippi R., Wei L., Mulatti C. Does language shape the way we think? A review of the foreign language effect across domains. *International Journal of Bilingualism*. 2025. No. 29 (1). P. 269 – 291.
12. Ryskin R., Nieuwland M. Prediction during language comprehension: what is next? *Trends in Cognitive Sciences*. 2023. No. 27 (11). P. 1032 – 1052.
13. Sebba M. *Spelling and society: The culture and politics of orthography around the world*. Cambridge: Cambridge University Press, 2012. 189 p.
14. Silva-Corvalán C. *Language contact and change: Spanish in Los Angeles*. Oxford: Clarendon Press, 1994. 255 p.
15. Wei L., Phyak P., Lee J.W., García O. *The handbook of translanguaging*. Hoboken: Wiley-Blackwell, 2026. 592 p.
16. Zentella A.C. *Growing Up Bilingual: Puerto Rican Children in New York*. Malden: Blackwell, 1997. 323 p.
17. Zhu H., Li W. Translanguaging in performance or performance in translanguaging *Journal of Multilingual and Multicultural Development*. 2026. No. 47 (3). P. 1323 – 1336.

Информация об авторе

Семенова М.Ю., кандидат филологических наук, доцент, Донской государственный технический университет

© Семенова М.Ю., 2026